

Четырнадцатые Бабаевские чтения

Оптимизация правового регулирования (теория, практика, техника)

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Нижегородская академия

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЕ БАБАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА

Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 26–27 мая 2023 года)

Под общей редакцией
доктора юридических наук, профессора В. А. Толстика

Нижний Новгород
НА МВД России
2023

УДК 34
ББК 67
О60

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор *Л. В. Карнаушенко*
(Краснодарский университет МВД России);
кандидат юридических наук, доцент *К. А. Орлов*
(Уральский юридический институт МВД России)

О60 **Оптимизация** правового регулирования: теория, практика, техника : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 26–27 мая 2023 года) / под общ. ред. В. А. Толстика. — Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2023. — 610 с.

В сборник включены статьи участников Международной научно-практической конференции «Оптимизация правового регулирования: теория, практика, техника», состоявшейся в Нижнем Новгороде 26–27 мая 2023 года на базе Нижегородской академии МВД России.

Публикуемые материалы предназначены для научных работников, преподавателей, аспирантов (адъюнктов), студентов юридических вузов, а также сотрудников правоохранительных органов, органов государственной власти и местного самоуправления.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Нижегородской академии МВД России

ISBN 978-5-88840-194-1

© Нижегородская академия МВД России, 2023

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АПК РФ — Арбитражный процессуальный кодекс

БВС РФ — Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации

ВСНД РФ и ВС РФ — Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации

ГК РФ — Гражданский кодекс Российской Федерации

ГПК РФ — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

ЖК РФ — Жилищный кодекс Российской Федерации

КАС РФ — Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации

КоАП РФ — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях

КС РФ — Конституционный Суд Российской Федерации

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

НК РФ — Налоговый кодекс Российской Федерации

НПА — нормативный правовой акт

ОВД РФ — органы внутренних дел Российской Федерации

ОРД — оперативно-розыскная деятельность

ОРМ — оперативно-розыскные мероприятия

СК РФ — Семейный кодекс Российской Федерации

ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФАС России — Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации

ФКЗ — Федеральный конституционный закон

ФСИН России — Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово заместителя начальника Нижегородской академии МВД России (по научной работе) **Олега Леонидовича Морозова** 10

ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ

Баранов В. М. «Мертвые» юридические нормы в фокусе оптимизации правового регулирования 12

Аликперов Х. Д. К вопросу об оптимизации юридической терминологии в современном уголовном законодательстве России 41

Трунцевский Ю. В. «Уведомительное декларирование» доходов, имущества и обязательств имущественного характера как процедура оптимизации правового регулирования 51

Дробышевский С. А. К вопросу об оптимизации применения права..... 58

Карташов В. Н. Повышение качества нормативных правовых актов — приоритетное направление оптимизации правового регулирования общественных отношений..... 68

Шафиров В. М. Человеческое измерение и оптимизация правового регулирования..... 73

Тимченко В. А. Правовое регулирование использования искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности..... 83

Толстик В. А. Методологические аспекты оптимизации правового регулирования..... 95

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА КРУГЛОМ СТОЛЕ

Агеев А. Н., Пишина С. Г. Проблемы оптимизации правового регулирования модели правосудия в уголовном судопроизводстве 106

Ахметшин А. С. Технико-юридические средства оптимизации уголовно-правового противодействия преступлениям с

признаками экстремистской деятельности, посягающим на основы конституционного строя и безопасность государства 111
Балалаева М. В. Оптимизация правового регулирования расследования ятрогенных преступлений 116
Барахоева А. Р. Современные тенденции развития института административной ответственности юридических лиц 122
Басова О. О. Процессуальный статус помощника судьи в уголовном судопроизводстве: современное состояние и возможные направления развития 131
Безруков А. В. Конституционные преобразования как средство оптимиции конституционно-правового регулирования 140
Варенцова Л. Ю. Оптимизация правового регулирования в дворцовых землях Российского государства на примерах деятельности приказа Тайных дел в 1654–1676 годах 146
Васильев В. В., Лабутин В. В. Оптимизация правового регулирования управленческой деятельности сотрудников организационно-аналитических подразделений территориальных органов МВД России на районном уровне 156
Васильев П. В. О применимости понятия «оптимизация» к возможным вариантам употребления термина «правовое регулирование» 164
Волк-Леонович С. О. Правовое положение отдельных категорий населения в архаических государствах 175
Волков Ю. В. Алгоритмическая юриспруденция 189
Гаврилова Ю. А., Гаврилов Д. А. Оптимизация смысла правового текста как средство противодействия избыточному упрощению юридического языка в эпоху цифровизации 195
Головкин Р. Б., Третьякова О. Д. Проактивность и омниканальность как способы оптимизации правового регулирования 202
Грубов В. И. Российские социалисты и борьба вокруг Учредительного собрания (октябрь 1917 года — январь 1918 года) 209
Давидов Д. С. Метамодерн правосудной системы Израиля: исторические предпосылки баланса правовой системы 222
Давыдова М. Л. Оптимальное регулирование и умное регулирование: к вопросу о соотношении 229
Ерохина Ю. В. Рациональное и иррациональное в церковном праве 236

Ефимова В. В. Оптимизация правового регулирования расследования налоговых преступлений 246

Завгородняя А. А. Значение механизма уравновешивания публичных и частных интересов для оптимизации гражданского судопроизводства 252

Зацепина О. Е. Технико-юридические средства оптимизации правового регулирования 262

Иванов П. И. Оптимизация правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в условиях цифровой трансформации 268

Ивашевский С. Л. Операционализация признаков как средство оптимизации правового регулирования противодействия экстремистским идеологиям 276

Калинина Е. В. Оптимизация правового регулирования безопасности прогрессивного коммуникативного пространства 281

Клепикова О. Г., Цема Н. М. Цифровой вектор развития судопроизводства. Перспективное основание 289

Ковтун Н. Н. Федеральный закон от 30 декабря 2021 года № 500-ФЗ: акт решения сложной нормативной коллизии или стандарт дефектности в правовом регулировании 295

Корабельникова Ю. Л. Безопасность человека в условиях городской среды: проблемы обеспечения и направления совершенствования 304

Кочнева А. А. Экспериментальные правовые режимы как средство оптимизации правового регулирования 312

Красовская О. Ю., Кипурова Ю. В. Некоторые проблемы амнистии в условиях оптимизации правового регулирования 318

Ламтева А. В. Конвергентный тип уголовного процесса: состязательность или оптимизация? 325

Лушин А. Н. Оптимизация полицейской службы на основе Высочайшей резолюции от 23 апреля 1733 года «Об учреждении полиции в городах» (на примере города Нижнего Новгорода) 337

Макарейко Н. В. Оптимизация нормативного правового регулирования юридической ответственности 342

Мамай Е. А. Оптимизация правового регулирования использования искусственного интеллекта 352

Маринин С. А., Ханин С. В. Оптимизация государственной молодежной политики Российской Федерации в современных условиях 360
Назаренко Г. В. Оптимизация правового регулирования принудительных мер медицинского характера 367
Нартымов Д. М. Некоторые предложения к вопросу оптимизации правового регулирования в части применения оружия сотрудниками правоохранительных органов 376
Нематов А. Р. Оптимизация правоприменительной деятельности в Республике Таджикистан 384
Орлов Д. В. Социальная эффективность правового регулирования: значение и влияние на определение его стоимости 395
Орлов К. А. Интеграционные факторы в праве как средства оптимизации правового регулирования 402
Осипов М. Ю. К вопросу о технологиях оптимизации правового регулирования 412
Павлов В. И. Редакция Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» в 2023 году: инновации и решения в контексте оптимизации нормотворческой деятельности 421
Парфенов А. В. Правовой компромисс как инновационное средство оптимизации сферы правового регулирования 428
Петрянин А. В. Оптимизация курса уголовной политики в области противодействия экстремизму 438
Петрянина О. А. Проблемы оптимизации уголовно-правового противодействия преступлениям, сопряженным с занятием проституцией 443
Плетников В. С. Немного о специфике юридико-технического регулирования в условиях реформирования российской государственности 447
Пожарский Д. В. Соотношение дефектности и дисфункциональности в контексте оптимизации функций государства и правового регулирования 455
Поляков С. Б. Есть ли функция у понятия «оптимизация правового регулирования»? (на примере новелл регулирования адвокатской деятельности) 459
Савельева М. В. Причинность и дополнительность в оптимизации фактических составов правоотношений 471

Санинский Р. А. Оптимизация уголовно-правового противодействия теневой экономике в современных условиях: проблемы и перспективы 475

Свинин Е. В. Формализация правопорядка как проявление логики оптимизации правового регулирования 480

Серкова Т. В. Основные тенденции изменения законодательства, направленные на развитие института приобретения гражданства Российской Федерации 487

Смирницкий А. Е. Опыт оптимизации российского законодательства, регулирующего деятельность политических партий в XX — начале XXI века 493

Соборнов П. Е. Конституция РСФСР 1918 года как пример оптимизации правового регулирования 503

Соколов Д. В. Высокоавтоматизированные транспортные средства как новые участники правоотношений в области дорожного движения 508

Солдаткина О. Л. Сквозные цифровые технологии как средство оптимизации правового регулирования 514

Фирсова А. М. Этико-правовые проблемы современного образования в цифровую эпоху 520

Хрущев С. В. Церковное право в правовом регулировании в России: исторические контексты 525

Хужин А. М., Карпычев М. В. Проблемы межотраслевой оптимизации правового регулирования 534

Хужина О. Н. О месте традиционных российских духовно-нравственных ценностей в оптимизации правового регулирования 539

Шаров В. И. Об оптимизации процедуры изъятия компьютерной информации в оперативно-розыскной деятельности 545

Шаханов В. В. Метатеоретические средства оптимизации юридической терминологии 552

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Амочкина Е. П., Прынова В. И. К вопросу об искусственном интеллекте как оптимизации правоотношений гражданско-правового характера 561

Афанасьев Е. С., Пальчикова С. И. Анализ правомочности использования в отечественном гражданском праве доказательств в форме электронных документов 565
Балалаева Ю. С. Цифровая оптимизация правотворчества: анализ зарубежного опыта 572
Кирасирова А. О. Проблема оптимизации уголовного процесса в Российской Федерации 579
Манохин В. С. Комплаенс оптимизации законодательства 589
Сидорук А. Ю. Правовые средства ограничения публичной власти: вопросы оптимизации 594
Смирнова Г. А. Взаимодействие следователя и оперативно-розыскных подразделений при расследовании хищений, совершенных в сфере энергоресурсов 599
Сошников В. В. Оптимизация избирательного процесса 605

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

заместителя начальника
Нижегородской академии МВД России
(по научной работе)
Олега Леонидовича Морозова

Уважаемые участники научного форума!

От имени руководства и всего коллектива Нижегородской академии МВД России позвольте приветствовать участников Международной научно-практической конференции XIV Бабаевские чтения «Оптимизация правового регулирования: теория, практика, техника», которая в очередной раз проводится в стенах нашей академии. История данного научно-представительского мероприятия насчитывает без малого 15 лет. Вместе с тем ему удалось получить широкое признание как со стороны отечественных ученых-правоведов, так и представителей научной юридической мысли дальнего и ближнего зарубежья. Лучшее доказательство тому — география сегодняшних участников. Она охватывает территорию практически всей России. В работе научно-практической конференции примут участие представители различных научных юридических школ Москвы, Петербурга, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Омска и многих других городов России. Отрадно, что проблемы оптимизации правового регулирования, являющиеся лейтмотивом нашего мероприятия, не оставили в стороне и зарубежных исследователей. Собственное их видение посчитали целесообразным обозначить известные в научном мире специалисты из таких стран, как Азербайджан, Республика Беларусь, Таджикистан и Узбекистан. Подобные встречи, несомненно, будут способствовать как выработке новых теоретических идей и подходов, так и дальнейшему расширению и укреплению международного научного сотрудничества.

Как известно, критерием истинности научного знания является практика. В этой связи вполне закономерно присутствие на научно-практической конференции не только представителей научных и учебных организаций, но и всего спектра государ-

ственных, прежде всего, правоохранительных органов. Юристы-практики, как никто другой, осведомлены о реальных проблемах в области правового регулирования. Они обладают собственным специфическим взглядом на систему мер, направленных на его оптимизацию. Сотрудничество теоретиков и практиков должно дать свой положительный результат. Итогом такого рода сотрудничества способны стать научно обоснованные выводы и предложения, которые могут внести весомый вклад в современную юридическую науку и, с высокой долей вероятности, оказаться востребованными правотворческими и правоприменительными органами.

Убежден, что сегодняшние публичные выступления и дискуссии, критическое осмысление и анализ представленных на научно-практической конференции материалов будут способствовать неуклонному росту качества проводимых отечественной наукой изысканий в области поиска наиболее совершенных и эффективных критериев и механизмов оптимизации правового регулирования.

Желаю всем участникам конференции продуктивной работы и выработки новых ориентиров развития права и законодательства! Уверен, вместе мы добьемся значимых и достойных результатов!

ДОКЛАДЫ НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ

УДК 340.13

Баранов В. М.,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, Президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника»

«Мертвые» юридические нормы в фокусе оптимизации правового регулирования

Норма. Ну где же ты, Превратная?
Форма Надежды Парадная…

Сергей Белорусец
(«Независимая газета». 2023. 11 мая)

Оптимизация правового регулирования предполагает рассуждения об *улучшении, прогрессивном совершенствовании* качества его содержания и форм, надежности технико-юридических средств, механизмов, состояний, процессов. Каждый из названных и других элементов правового регулирования в данный отрезок времени находится в определенной *степени* своего развития. Главный вопрос здесь — к какой именно степени развития, совершенствования все участвующие в юридической регламентации субъекты могут и должны стремиться.

Прежде чем перейти к феномену «мертвых» юридических норм и их *якобы* стопорящей, негативной роли в развитии зако-

© Баранов В. М., 2023

нодательства, считаю необходимым сделать некоторые методологического рода оговорки.

В этом ракурсе считаю важным подчеркнуть: оптимизацию правового регулирования нельзя отождествлять, ставить в один ряд, размещать на одной линии с понятием «оптимум» в законодательной регламентации.

Предпочтительнее оперировать понятием *«результативность»*, а не *«эффективность»* и тем более не *«оптимальность»* правового регулирования.

В юридической литературе нередко не проводится различие между понятиями «оптимальность» и «эффективность» правового регулирования, что с методологической, организационно-управленческой точек зрения неверно. Так, Н. В. Варламова отмечает: «Эффективным правовое регулирование может быть признано, если оно обеспечивает **максимальные** (выделено мною. — **В. Б.**) гарантии прав и свобод при **минимальном** (выделено мною. — **В. Б.**) их ограничении. При этом мера свободы выступает синтезированным показателем, через который выражаются и цели, и результаты правового регулирования, и ресурсы, за счет которых они достигаются»[1].

Оптимальность — *самый рациональный* из всех возможных способов достижения намеченных правовым регулированием (законом, нормой или институтом права) целей. Оптимальность представляет собой *наилучшую* количественную и качественную характеристику пригодности правовой регламентации вызвать достижение запрограммированных целей[2]. Это наивысший коэффициент полезного действия юридической регламентации, ее своего рода «потолок» либо даже идеал.

---

[1] *Варламова Н. В.* Обеспечение прав человека как критерий эффективности правового регулирования // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости: сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 2–4 июня 2016 год) / под ред. В. В. Денисенко. Воронеж, 2016. С. 47.

[2] См.: *Баранов В. М.* Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов, 1989. С. 287–288; *Его же*. Кодификация правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации: сущность, необходимость, перспектива // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 1 (61). С. 12–27.

В содержательном плане понятие «оптимальность» тождественно понятию «идеальность». Именно по этому основанию вряд ли корректно, как полагает Р. Г. Асланян, проверять представления «об идеальной **или** (выделено мною. — **В. Б.**) оптимальной системе уголовного права»[1]. В приведенном суждении союз «или» не вполне уместен — для большей точности одно из понятий следует заключить в скобки.

Кстати, Конституционный Суд Российской Федерации трактует оптимальность правового регулирования в предлагаемом мною ключе. Например, постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2023 года № 10-П по делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 1370 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта 3 Правил выплаты вознаграждения за служебные изобретения, служебные полезные модели, служебные промышленные образцы в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Гидробур-Сервис» гласит: «Для выполнения конституционного требования об установлении баланса интересов лиц, вовлеченных в соответствующие отношения, включая необходимость обеспечения юридического равенства при взаимодействии работодателя и работника (автора служебного объекта патентных прав), предполагается нормативная регламентация, **оптимизирующая** (выделено мною. — **В. Б**.) процесс выбора той модели поведения, которая **наилучшим образом** (выделено мною. — **В. Б**.) учитывает разнообразие фактических имущественных и иных отношений между работодателем и работником»[2].

Иными словами, оптимум правового регулирования — предел количественных изменений при неизменном качестве, что, естественно, бывает очень редко. Оптимизировать правовое регулирование, конечно, можно и нужно, но ставить в качестве реальной цели достижение его оптимума есть ненужная идеализация существующего положения и теоретическая гипербола.

Исхожу из того, что оптимизация правового регулирования, конечно, может и должна быть предметом общенаучного, транс-

---

[1] *Асланян Р. Г.* Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 3.

[2] Российская газета. 2023. 5 апреля.

дисциплинарного анализа, а вот об *оптимальности (оптимуме)* законодательной регламентации вести речь вряд ли целесообразно. Оптимальность правовой нормы, оптимальность правового регулирования — *идеализация* существующего в юриспруденции и правотворчестве положения дел.

В философии и психологии выдвигаются интересные трактовки *«оптимизации совместной деятельности»*. Правовое регулирование есть особая разновидность *групповой* деятельности.

Поставив вопрос «Кто и как определяет оптимальные нормы совместной деятельности?», авторы советско-чехословацкой монографии по социальной психологии предлагают такой любопытный ответ: «На практике вполне достаточно определить совместную деятельность группы как «оптимальную» при условии сбалансированности двух сторон эффективности — продуктивности деятельности и удовлетворительности работников»[1].

Надо ли таким образом оценивать совместную творческую деятельность законодателя? Можно бесконечно повышать степень удовлетворенности правотворческой деятельностью, но как это реально отразится на качестве принимаемых актов и отразится ли вообще? Считаю, это условие оптимальности правового регулирования можно принимать в расчет лишь в качестве вспомогательного психологического фактора, элемента мотивации законодателей.

Оценю (конечно, это мое субъективное утверждение) имеющееся положение острее и точнее — *оптимальность правового регулирования фактически недостижима и ставить такую цель (либо задачу) нет необходимости.*

Вторая методологическая предпосылка последующих рассуждений о «мертвых» нормах заключается в моей доктринальной позиции, состоящей в том, что «эффективность законодательства», «эффективность правового регулирования» изжило себя не только из-за множества уже опубликованных работ, но по «бедности» своего содержания и реальных выходов на юридическую практику.

---

[1] Обобщение и оптимизация совместной деятельности / под ред. Г. М. Андреевой, Я. Яноушека. Москва, 1987. С. 18.

Приведу всего одну иллюстрацию, наглядно свидетельствующую об отсутствии какого-либо прироста научных знаний в публикациях об эффективности права. В статье М. Д. Горбунова с примечательным названием «Теоретические основы понимания эффективности права в отечественном позитивизме»[1] отсутствует авторская трактовка понятия «эффективность права». Исследователь, по всей видимости, не представляет огромного массива публикаций (как в теории государства и права, так и в отраслевых юридических науках) по этой проблеме. Он почему-то, не определив непосредственный предмет статьи, выдвинул странные тезисы — «эффективность права не входит в ядро позитивистской догмы», «позитивная догма права вообще выносит за скобки, отказываясь воспринимать эффективность государственно-правовой системы как критерий ее нормативной силы и действительности», а затем автор попытался «привязать» предельно конкретную проблему к типам правопонимания, что выступает грубым нарушением методологических принципов и уровней политико-правового анализа[2]. Автор не посчитал нужным упомянуть и оценить, хотя бы схематичным образом, итоги многочисленных крупных (по охвату респондентов) социологических опросов, проведенных в отраслевых юридических науках при анализе эффективности институтов законодательства и отдельных правовых норм. Наверное, это сделано по той причине, что конкретно социологические исследования эффективности права выполнены в позитивистском ракурсе. М. Д. Горбунов не увидел решение проблемы эффективности права на платформе междисциплинарности. В силу этого статья носит описательный характер, и почерпнуть из нее что-то новое невозможно.

Гораздо «богаче» и плодотворнее категория «результативность».

---

[1] *Горбунов М. Д.* Теоретические основы понимания эффективности права в отечественном позитивизме // Теория государства и права. 2023. № 1 (30). С. 48–57.

[2] Автору следует обратиться к фундаментальной монографии В. М. Сырых, где эти принципы и иные требования излагаются в строго научно-методологическом ключе. См.: *Сырых В. М.* Основы материалистической теории права. В 4 т. Т. II: Технология теоретико-правовых исследований: монография. Москва, 2023.

«Любое социальное регулирование, — пишет А. В. Поляков, — это, прежде всего, целесообразная/целеположенная деятельность, эффективность которой определяется результатом — достигнутой или недостигнутой целью»[1]. Остается установить — какой именно должен быть результат, чтобы эта правовая норма считалась эффективной.

Результативность правотворчества предполагает «включение» системы фундаментальных (глобальных) и частных (формальных) показателей (свидетельств). Результативно то правотворчество, которое соответствует ценностям и традициям определенного типа общества и государства, находится в «русле» законодательного процесса.

Результативность тесно и глубоко сопрягается с рациональностью. Рационализация — наиболее содержательное понятие, охватывающее фактически все общие и частные, постоянные и временные, крупные и незначительные процессы, а значит, и результаты совершенствования юридически значимой деятельности, включая оптимизацию. Универсальные социальные ценности (права человека, верховенство права, суверенитет государства, политический плюрализм, конституционный строй, патриотизм, память предков) меняются и потому их защита не может быть статичной: необходимо последовательно применять разные динамичные технико-юридические средства.

В литературе по экономике, финансам принят такой речевой оборот — «оптимизация *и* трансформация»[2], но разве может быть оптимизация без трансформации? Можно ли считать эти процессы разновеликими в юридической деятельности? Полагаю, что на эти вопросы может быть только отрицательный ответ. Модели и методы оптимизации права не мыслимы без трансформации.

---

[1] *Поляков А. В.* О понятии эффективности правового регулирования // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости: сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 2–4 июня 2016 года) / под ред. В. В. Денисенко, М. А. Беляев. Воронеж, 2016. С. 19.

[2] См.: *Егорова М. В.* Теоретико-методологические основы оптимизации и трансформации бюджетного процесса: автореф. дис…. д-ра эконом. наук. Донецк, 2022.

В юридической литературе верно подчеркивается, что «правовое мышление есть правосознание в динамике, а более конкретно — процесс рационального выражения права»[1].

Правовое мышление законодателя в силу разных причин нередко отстает от динамики социальной жизни, неверно отражает закономерности ее развития и выражает их нерациональным образом. «Мертвые» нормы права — один из вариантов нерационального правового мышления законодателя, неоптимальной организации правотворческого процесса.

В доктринальном юридическом пространстве понятие «“мертвая” норма права» применяется часто, но попытки предложить определение этого феномена крайне редки, и они скорее носят публицистический либо бытовой характер.

Активнее и успешнее всего проблема «мертвых» норм права исследуется специалистами уголовного права и криминологии[2].

На мой взгляд, это обусловливается следующими обстоятельствами:

— особой чувствительностью граждан к неприменению именно уголовно-правовых запретов;

— наглядностью судебной статистики, где достоверно отражается отсутствие приговоров по некоторым статьям УК РФ;

— более пристальным вниманием СМИ к сфере уголовно-правового воздействия на общество, к спорным фактам криминализации/декриминализации деятельности;

---

[1] Типология права и правосознания. Концептуальное единство и многообразие: монография / под общ. ред. В. П. Малахова, Н. Д. Эриашвили. Москва, 2023. С. 5.

[2] *Бабаев М., Пудовочкин Ю.* «Мертвые» нормы в Уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. 2010. № 6. С. 4–10; *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Проблемы российской уголовной политики. Москва, 2014. С. 157–169; *Кузнецова Н. И.* «Мертвые» нормы главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации «Экологические преступления» // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2. С. 28–30; *Упоров И. В.* «Мертвые нормы» в истории уголовного и уголовно-исполнительного права России // Новое слово в науке: перспективы развития. 2016. № 1-1. С. 100–102; *Караваева Ю. С.* «Мертвые» специальные нормы уголовного закона как критерий избыточной (неоправданной) его специализации // Правоведение. 2022. Т. 66. № 1. С. 69–79.

— необходимостью государственной власти реагировать, «откликаться» на те или иные внутренние и внешние вызовы и угрозы общественной жизни, потребностью демонстрации усилий власти по противодействию преступности.

В публицистическом и бытовом ракурсе под «мертвой» понимается такая норма права, которая не реализуется гражданами и не применяется должностными лицами, органами государственной власти и местного самоуправления.

По сути, речь идет о недействующих юридических установлениях. Иногда их представляют в качестве фиктивных стандартов. Характеризуют их и в качестве недейственных, невыполнимых.

Столь разноплановые характеристики «мертвых» норм права свидетельствуют об отсутствии надлежащей доктринальной разработки проблемы, а проблемы, без сомнения, есть. Где «банк» этого вида норм права?

Почему отсутствует системный анализ причин появления и «живучести» «мертвых» норм права?

Если миссия правовой доктрины — готовить «питательную среду» для законодателя, вырабатывать понятия и категории, которые необходимо «внедрить» в законодательство, то никто из сторонников существования «мертвых» норм права не предложил развернутую дефиницию этого явления для использования в законотворческом процессе.

По мнению С. А. Дробышевского и С. В. Орловой, «“мертвая” юридическая норма есть изложенное в формальном источнике права правило, которое не реализуется либо в силу оплошности, либо вследствие умысла суверенной власти»[1]. Конкретизируя эту дефиницию, авторы неоднократно подчеркивают, что «мертвыми» являются те юридические нормы, которые «не реализуются **большинством** (выделено мною. — **В. Б.**) их адресатов». На с. 116 исследователи констатируют: «если установлено, какие правовые нормы нужны для обеспечения самосохранения и наибольшего прогресса политически организованного общества, то следующим шагом при правовом регулировании должно быть

[1] *Дробышевский С. А., Орлова С. В.* О «мертвых» юридических правилах // Евразийский юридический журнал. 2015. № 5 (84). С. 114.

исследование, желает ли **большинство** (выделено мною. — **В. Б.)** живущих здесь людей, чтобы упомянутые правила действовали».

Вряд ли указание на «большинство» является существенным признаком при определении «мертвых» норм права. Ныне нет такого прибора и средства, которые могли бы достоверно установить количество людей, не поддерживающих ту или иную юридическую норму, не желающих принять ее существования и реализации.

Когда субъект (будь то физическое либо юридическое лицо) нормативно обладает субъективным правом, но не считает нужным пользоваться им, то норма права, фиксирующая субъективное право, не является «мертвой». И на это не влияет *количество* субъектов, избегающих (в силу разных причин) ее реализации.

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 марта 2023 года № 7 по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М. В. Григорьевой отмечается: «Правоспособность, приобретенная в момент рождения, продолжает существовать в качестве общей возможности иметь любые права и нести любые обязанности в рамках системы действующего права, означая лишь потенциальную возможность лица иметь субъективные юридические права и нести юридические обязанности, в том числе в рамках отношений по поводу защиты нематериальных благ (компенсация морального вреда, защита чести, достоинства и деловой репутации, охрана изображения гражданина, охрана частной жизни и др.)»[1]. Очень часто лица не обращаются в суд за защитой своего достоинства и компенсацией морального вреда, но это совсем не повод и не основание считать соответствующие нормы гражданского права «мертвыми».

В. В. Николюк к «мертвым» нормам уголовно-процессуального законодательства относит «нормативные предписания законов (прежде всего УПК РФ), входящих в систему источников уголовно-процессуального права, которые по разным причинам не применяются на практике»[2]. Исследователь неприменение

[1] Российская газета. 2023. 10 марта.

[2] *Николюк В. В.* Феномен «мертвых» норм в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 2 (77). С. 20.

уголовно-процессуальных норм либо чрезвычайно редкое обращение к ним связывает с существованием *декларативных* процессуальных предписаний.

Автор на с. 21 подчеркивает: «Использование в УПК РФ норм-деклараций, не имеющих перспективы реального применения внутри закона, в который они помещены, — негативное, крайне нежелательное явление в законописании».

На следующей (с. 22) странице этот тезис развивается так: «Для того чтобы реанимировать, заставить работать помещенные в уголовно-процессуальное законодательство нормы-декларации, отражающие идеалы российского уголовного судопроизводства, в первую очередь необходимо дополнительное регулирование. В противном случае нормы-декларации, не опирающиеся на систему более частных норм, играющих роль гарантий надлежащего их применения, превратятся в «нормативный спам».

В. В. Николюк не раскрывает природу декларативных норм, а предпочитает проанализировать их на примере института возмещения вреда гражданам и юридическим лицам, причиненного им незаконным применением мер процессуального принуждения.

Считаю, что декларативные и дефинитивные нормы права, допускающие их необязательную непосредственную их реализацию, уместны при фиксации законодателем целей и задач юридической ответственности в некоторых сферах. Если обратиться к уголовно-правовой сфере, то вполне достаточно ограничиться достижением не декларативных, а истинных ориентированных на практику целей уголовного наказания[1].

Нельзя согласиться с теми исследователями, которые без доказательной аргументации относят к «мертвым» нормам права законодательные дефиниции. Такая доктринальная позиция не только глубоко ошибочна, но и вредна с теоретической, практической, дидактической точек зрения. Законодательные дефиниции еще в сентябре 2006 года в рамках форума «Юртехнетика» выступили предметом широкого обсуждения на

[1] См.: *Маслов В. А.* Декларируемые и истинные цели уголовного наказания // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 12 (193). С. 52–62.

международном «круглом столе» в Черновцах, материалы которого были опубликованы в сборнике статей объемом 1 456 страниц[1].

Во многих статьях было доказательно продемонстрировано практическое значение законодательных определений.

Не стану дублировать эти до сих пор не потерявшие своей актуальности материалы. Добавлю лишь, что те, кто причисляет законодательные дефиниции к «мертвым» нормам права, не учитывают их глубочайший смысл как основы и содержания коммуникативного правового общения.

Следует продолжить поиск и анализ особенностей реализации законодательной дефиниции в системе правовой регламентации. Законодатель формирует самые разные дефиниции и каждая из них имеет свою область функционирования, то есть вряд ли она окажется «мертвой»: скорее всего, исследователи и правоприменители не сумели обнаружить формат реализации законодательной дефиниции.

Порой в законодательстве появляются весьма своеобразные (не всегда сугубо юридические) дефиниции и это, естественно, затрудняет решение поставленной проблемы.

Например, Федеральный закон Российской Федерации от 28 февраля 2023 года № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации” содержит следующую неординарную дефиницию: «Под нормами современного русского литературного языка понимаются правила использования языковых средств, зафиксированные в нормативных словарях, справочниках и грамматиках»[2]. Порядок формирования списка таких словарей, справочников и грамматик утверждается Правительством России. Уже сейчас понятно — какие трудности возникают при реализации рассматриваемой дефиниции.

---

[1] См.: Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. проф. В. М. Баранова, проф. П. С. Пацуркивского, к.ю.н. Г. О. Матюшкина. Нижний Новгород, 2007.

[2] Российская газета. 2023. 2 марта.

Некоторые исследователи применяют иную терминологию и называют «мертвые» нормы права «спящими», «дремлющими», «фиктивными», «впавшими в состояние летаргии».

Е. В. Виноградова, С. И. Захарцев, В. П. Сальников активно продвигают понятие *«дормантские законопроекты»*[1] и утверждают, что оно уже получило признание в России и за рубежом. Правда, каких-либо доказательств этого признания, видимо из-за научной скромности, авторы не приводят.

«Существование таких законопроектов, — подчеркивают Е. В. Виноградова и С. И. Захарцев на с. 62 монографии «Актуальные мысли о праве», — подрывает системность законодательства, создает дополнительные точки напряжения, предопределяет необходимость системного анализа всех внесенных и не отклоненных законопроектов при необходимости правового регулирования вопроса, полностью или частично совпадающего с предметом «спящего» законопроекта». «Дормантские законопроекты, — по убеждению исследователей, — это официально внесенные в парламент проекты законов, процедура принятия которых приостановлена на длительный срок, превышающий два электоральных цикла парламента»[2]. На с. 77 они предлагают юристам термин «дормантские законы» применять к законам, «которые официально существуют, но никогда не применялись и не применяются».

Я не могу отнести себя к сторонникам этой позиции. Системы убедительных аргументов относительно сущности и форм проявления «дормантских законов» авторами не представлено. Сам термин заимствован из французского языка и не исключено, что в других иностранных языках можно обнаружить еще более красивое, звонкое понятие, но содержание его от этого не обогатится.

По сути, «мертвые» нормы права преимущественно имеются в виду и тогда, когда в юридической литературе ставится и реша-

---

[1] См.: *Захарцев С. И., Виноградова Е. В., Сальников В. П.* Дормантские законопроекты Летаргия законодательных инициатив // Право и государство: теория и практика. 2022. № 7. С. 20–24; *Их же.* Дормантские законопроекты. Законы, которые не появляются // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 7. С. 183–194; *Виноградова Е. В., Захарцев С. И.* Актуальные мысли о праве: монография. Москва, 2023. С. 62–77.

[2] *Виноградова Е. В., Захарцев С. И.* Актуальные мысли о праве: монография. Москва, 2023. С. 64.

ется проблема неприменимости и неприменяемости, неисполняемых и неисполнимых юридических установлений. А. И. Рарог исходит из того, что «неисполняемые нормы не оказывают прямого негативного воздействия на правоприменительную практику, а неисполнимые нормы свидетельствуют о недостаточно высоком качестве уголовного закона и необходимости его корректировки»[1]. Подчеркну, анализируя серию неисполняемых (ст. 279 УК РФ, ст. 353 УК РФ, ст. 54 УК РФ) и неисполнимых (ч. 4 ст. 86 УК РФ, ст. 202 УК РФ, ч. 2 ст. 205 УК РФ, ч. 1 ст. 227 УК РФ, ч. 4 ст.309 УК РФ) автор ни разу не именует их «мертвыми».

Длительное неприменение юридической нормы напрямую зависит от ее вида, запрограммированных целей и является лишь одним (далеко не всегда доминирующим) показателем (свидетельством) ее жизнеспособности и ценности.

В 1988 году Н. Г. Иванов привел в качестве примеров «мертвых» норм Уголовного кодекса того времени статья 71 (пропаганда войны), статья 161 (нарушение правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений). Его оценка этих и подобных юридических норм следующая: «в уголовном законодательстве необходимо существование определенного числа неприменяемых норм, таких, которые стоят на страже общественных интересов от возможного причинения им существенного вреда, то есть норм, которые фактом своего существования в определенной мере блокируют возможность причинения обществу тяжких последствий в результате посягательства на отношения, в литературе справедливо относимые к абсолютным ценностям»[2].

Михаил Рутман в старейшей газете России «Санкт-Петербургские ведомости» 13 ноября 2018 года опубликовал статью «УК РФ: самые «мертвые» статьи кодекса». Он, кроме статьи 54 УК РФ, критикует как «абсолютно мертвые» статьи 145 УК РФ (необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей

---

[1] *Рарог А. И.* О неисполняемых и неисполнимых уголовно-правовых нормах // Научный портал МВД России. 2022. № 1 (57). С. 71.

[2] *Иванов Н. Г.* Нужны ли «мертвые» нормы в уголовном праве? // Советское государство и право. 1988. № 9. С. 90.

в возрасте до трех лет), 144[1] (необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение лица, достигшего предпенсионного возраста). Он, сомневаясь в превентивном характере этих юридических норм, предлагает свою версию их появления — «они принимаются исключительно для того, чтобы не отставать от «цивилизованного мира». Ирония, с которой автор бичует вышеприведенные правовые установления, вряд ли уместна. Сам по себе факт редкого обращения граждан по таким поводам в суд свидетельством о их бесполезности и ненужности не является. Имеется немало досудебных процедур защиты прав беременных женщин и граждан предпенсионного возраста. К тому же стремление законодательства России к более высокому мировому уровню гарантирования прав и свобод граждан вполне оправдано и, конечно, не предосудительно.

Предлагаемая мною аргументация вполне может быть отнесена к радикальной позиции О. М. Калининой, которая полагает, что нормы, предусмотренные статьями 248 и 259 УК РФ, являются излишними, а их существование не вызывается необходимостью в связи с отсутствием фактов их нарушения либо их единичностью. Ее предложение — эти юридические нормы следует отменить[1].

Думается, декриминализация деяний, посягающих на экологическую безопасность в современных условиях нецелесообразна. Кроме уже приведенных выше доводов о природе так называемых «мертвых» норм права, нельзя упускать из виду высокую латентность экологических преступлений, сложность их доказывания, трудность установления размера причиненного вреда.

Более взвешенным является подход А. В. Курсаева, который отмечает: «Оценка статей Особенной части УК РФ только с позиции распространенности случаев их применения не может сама по себе являться достаточным основанием для их декриминализации, так как в этом случае исчезнут многие действительно необходимые составы преступлений. В связи с этим массовость применения уголовного запрета не может являться единственным

[1] *Калинина О. М.* «Мертвые» нормы главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 1. С. 45–48.

критерием для разрешения вопроса о криминализации/декриминализации конкретного деяния»[1].

Если перевести обсуждаемую проблему на более абстрактный межотраслевой уровень, то результативность юридической нормы (закона, института законодательства) должна определяться через *систему* разноплановых показателей, включающих в себя как содержательные, так и формальные факторы (свидетельства) самого юридического акта и вызываемых им последствий, включая тяжесть прогнозируемых рисков. Речь идет об учете при мониторинге результативности нормативного правового акта всего «древа» целей: регулятивных, профилактических, экологических, демографических, политических, культурно-воспитательных, морально-психологических и т. п.

Разделяя в целом пафос статьи А. А. Давлетова о принципах уголовно-процессуальной деятельности, о необходимости их содержательного и текстового отличия от общеправовых и конституционных принципов, не могу согласиться с автором в том, что тезисы об «уважении чести и достоинства личности» (ст. 9 УПК РФ), «охране прав и свобод человека и гражданина» (ст. 11 УПК РФ) являются декларациями[2].

Это не декларации, а высокоабстрактные (возможно, рамочные) государственные установления, стандарты, которые реально способны регламентировать деятельность правоприменителей. И другое дело, что приведенные словосочетания можно и нужно надлежащим образом конкретизировать в отраслевом законодательстве.

При таком подходе к разряду «мертвых» можно отнести многие дефинитивные нормы, которые зачастую содержат декларативные, но нужные для правовой регламентации суждения. В этой связи представляют интерес следующие рассуждения Г. М. Лановой и Н. Д. Эриашвили: «Декларирование в качестве элемента адаптирующего механизма представляет собой провозглашение подвластным собственного интереса, не находящего реализации в контексте сло-

---

[1] *Курсаев А. В.* Причины наличия «мертвых норм» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Право: история и современность. 2021. № 1 (14). С. 40.

[2] *Давлетов А. А.* Принципы уголовно-процессуальной деятельности // Правоведение. 2008. № 2. С. 95.

жившихся отношений власти-подчинения, готовности к борьбе за осуществление этого интереса и намерений относительно способов и средств его реализации. Декларирование является одним из ключевых элементов механизма действия права рассматриваемого типа, так как обозначает саму актуальность вопроса о необходимости адаптации функционирования властного субъекта. Декларирование позволяет понять, насколько значимым является интерес, не находящий своей реализации, и насколько активные усилия его носители намерены принять для его реализации. Кроме того, характер декларирования также позволяет обозначить первоначальные притязания подвластных субъектов как ту «точку отсчета», которая определит в конечном итоге объем и содержание правовых ограничений, которые будут наложены на властную деятельность адаптируемого субъекта, его функционирование в качестве субъекта власти»[1].

Отсутствие четкого представления о сущности «мертвых» юридических норм ведет к тому, что некоторые исследователи выдвигают малопонятные и необоснованные доктринальные суждения. Так, в заключении (в целом интересной и глубокой) коллективной монографии об иерархии и координации источников права отмечается: «Недооценивается роль правового обычая в качестве общественного источника права, который может фактически господствовать в тех или иных областях жизни, подменяя слабые и **мертвые законы (теневое право)** (выделено мною. — **В. Б.)**»[2].

Во-первых, странно и нежизненно выглядит отмеченная взаимосвязь правового обычая и «мертвого» законодательного установления: обычай не может заменить («подменить») юридическую норму независимо от ее качества.

Во-вторых, отождествление «мертвого» закона с теневым правом некорректно. Автор заключения (А. А. Васильев) поместил «теневое право» в скобках после «мертвого» закона, но не раскрыл суть теневого права и не пояснил оправданность общно-

---

[1] *Лановая Г. М., Эриашвили Н. Д.* Типы современного права (теоретико-юридический аспект) // Типология права и правосознания. Концептуальное единство и многообразие: монография / под общ. ред. В. П. Малахова, Н. Д. Эриашвили. Москва, 2023. С. 171.

[2] Иерархия и координация источников права: теоретические и сравнительные аспекты / под ред. А. А. Васильева. Барнаул, 2023. С. 379.

сти его природы с «мертвыми» законами. Теневое право в определенном смысле — антипод «мертвых» норм права, поскольку фактически «подминает» под себя законодательство, действует вместо него или параллельно с ним[1].

В-третьих, проблема ложных (а значит и «мертвых») норм права не может быть решена (это обстоятельство нередко упускается из виду исследователями) без предварительного полномасштабного анализа феномена *латентности* функционирования законодательства и действия теневого права. Надо признать: зачастую выводы о «мертвости» юридических норм делаются без знания данных о латентности, на основе нескольких примеров, которые не могут быть достаточной познавательной базой.

Имеются объективные факты, которые позволяют достоверно спрогнозировать появление так называемых «мертвых» норм права, и законодателю требуется именно под этим углом зрения взглянуть на них.

28 февраля 2023 года спикер Госдумы Вячеслав Володин огласил справку, подготовленную думским аппаратом, о числе законопроектов, которые по разным причинам «зависли», остались без движения в комитетах. Всего в комитетах «застряли» 402 законопроекта[2]. Не знаю — это много или мало. Проблема, применительно к теме статьи, в другом. Уже на этом этапе законотворческой деятельности можно утверждать, что определенное количество «забытых» юридических актов окажется в ряду нереализуемых. Если столько лет никто не посчитал нужным пролоббировать их принятие, проинформировать о затяжке, то значит, не столь была велика потребность в их подготовке и принятии.

«Мертвая» норма права — яркая и потому обладающая убедительностью *метафора*[3], которая относится к разряду бытовых, но когда-либо войти в понятийные ряды юридической науки (как

---

[1] Подробнее см.: *Баранов В. М.* Теневое право: монография. Нижний Новгород, 2002.

[2] *Макутина М.* Депутаты поборются с зависанием. В Думе обсудили проблему «застрявших» законопроектов // Коммерсантъ. 2023. 1 марта.

[3] О сущности и возможностях применения метафор в науке и законодательстве см.: *Баранов В. М., Власенко Н. А.* Метафоры в праве: методологическая опасность и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45). С. 11–19.

теории государства и права, так и отраслевых правовых дисциплин) у нее шансов нет.

Латинский (италийский) язык традиционно называется «мертвым» поскольку ныне на нем никто не говорит, но в медицинской рецептуре его понятия до сих пор используются и потому это тоже метафора. Кстати, недавнее заявление В. В. Володина о «мертвости» английского языка, думаю, надо трактовать не как констатацию факта, а в качестве метафоры, отражающей оправданное стремление российской государственной власти противостоять грубому экономическому, политическому и военному давлению на наше государство многих англоязычных стран.

Аксиома физиологии, биологии, медицины — «мертвого нельзя вернуть к жизни». Почему в юридической доктрине и практике должно быть по-другому?

В российском законодательстве определение понятия «мертвая норма права» никогда не закреплялось и вряд ли когда-либо появится в нем — оно не обладает надлежащим понятийным статусом и искусственно придать ему такой статус затруднительно и даже социально вредно[1].

«Мертвая» норма права означает «смерть» юридического пульса. И в этом ключе она («смерть») выступает альтернативной противоположностью жизни. Мне уже приходилось высказываться относительно искусственности, надуманности и ненужности оперирования понятием «правовая жизнь»[2]. Ответная критика в мой адрес относительно существа и роли понятия «правовая жизнь» со стороны А. В. Малько меня не убедила. Им приведены доводы сугубо терминологического свойства, далеко стоящие от междисциплинарности, связей с естественными науками[3]. Из-

[1] См.: *Никонов В. А.* Социальная вредность «мертвых» правовых норм и их ревизия в процессе мониторинга нормативных правовых актов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2 (15). С. 145–149.

[2] *Баранов В. М.* «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника: монография. Москва, 2022.

[3] См.: *Малько А. В.* Правовая жизнь общества, аномия и проблемы единства правового пространства в современной России // Государство и право. 2023. С. 7–18.

вестный биолог Е. Кунин, на которого я не ссылался в монографии о «позитивной юридической ответственности», считает: «Мы никогда не поймем, как возникла жизнь»[1]. Это утверждает представитель хорошо развитой естественной науки. Мы никогда не проникнем в сущность «правовой жизни» и «юридической смерти» по той простой причине, что их нет: эти феномены находятся при любых оговорках вне правового пространства. Надо отказаться в научных текстах от использования такого рода метафор или применять их, подчеркивая публицистичность, иллюстративность, бытовизм.

Одно дело, когда законодательство оперирует понятием «смерть» как юридическим фактом, и совсем другое дело, когда «мертвечина» окрашивает действующую правовую норму.

Общеизвестно: существующие юридические нормы, даже не реализуясь, прямо либо косвенно, слабо или мощно, позитивно либо негативно *воздействуют* на правосознание участников правоотношений. И только по одной этой реально фиксируемой и легко доказываемой причине их нельзя «квалифицировать» мертвыми. В определенном фокусе такое воздействие вечно живой фактор юридической регуляции как на личностном, групповом, так и общественном уровне.

Я склоняюсь к выводу: понятийно-терминологическая сфера, лексико-семантическое поле «мертвых» норм права достоверно, доказательно установить даже с применением междисциплинарных и трансдисциплинарных методов, средств межкультурной философии и формально-юридических приемов, вряд ли возможно.

Известно, что одной из важных характеристик категориальности выступает *биполярность*. Речь идет о том, что понятие «мертвая» норма права может быть раскрыта через свое иное, через свою диалектическую противоположность. Такой противоположностью, гносеологическим антиподом должно выступить понятие «жизнь» (применительно к юридической норме — «жизнеспособная», «жизнедеятельностная», «жизнеустойчивая» и т. п.). Эти понятия «режут» глаз и слух.

---

[1] См.: *Кунин Е.* Логика случая. О природе и происхождении биологической эволюции. Москва, 2018.

Считаю, что методологически правильнее в рассматриваемых ситуациях оперировать категорией «ложность».

Объем понятия «мертвая» норма права включает в себя целый массив правовых норм, характеризующихся рядом негативных, отрицательных свойств и слабой результативностью, но все эти нормы права — последствия иного их свойства — *ложности*.

Провести отличие ложной правовой нормы от «мертвого» государственного установления весьма сложно. Ложной в моем понимании является правовая норма, которая в силу объективных и субъективных причин (волюнтаризм, устарелость, неполнота, несоответствие новым условиям, неосновательное опережение существующей действительности) реально сдерживает развитие прогрессивно-положительной регламентируемой деятельности[1]. Ложность и «мертвость» правовой нормы — тесно связанные, взаимопроникающие, но отнюдь не совпадающие, не тождественные ее свойства. Эти разнонаправленные и разнокачественные свойства, свидетельствующие о первом приближении к сущности «мертвых» норм права.

Ложность юридической нормы как противоположность ее истинности статутно значительно выше всех иных негативных характеристик — фиктивности, ошибочности, неосмотрительности и т. п.

Ложность юридической нормы находится в тренде многих иных отраслевых и межотраслевых правовых процессов: это позволяет под эгидой этого философско-теоретического феномена объединить (в большей или меньшей степени) другие отрицательные факторы, характеризующие сущность, содержание и форму юридической нормы. Например, статья 207^3 УК РФ предусматривает ответственность именно за ложную информацию о российской армии.

Категория «ложность юридической нормы» включает в свой объем и те государственные установления, которые фактически утратили свою силу, но по разным причинам не отменены. Ин-

[1] О феномене ложности юридической нормы см.: *Баранов В. М.* Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов, 1989. С. 243–262.

ститут утраты нормой права (либо законом) силы[1] отнюдь не всегда означает их «мертворожденность»: просто они исчерпали свой регулятивный, познавательно-культурный, морально-психологический ресурс и потому подлежат отмене в новых условиях. Многие из такого рода правовых норм действовали эффективно и сполна «выполнили» возложенные на них государством задачи, достигли либо даже превзошли установленные цели. Именовать их после отставания по объективным причинам от реальных экономических, социально-политических условий «мертвыми», неверное, несправедливо, неперспективно, малоплодотворно. Столь отрицательная их оценка, по сути, есть «разрыв» преемственности правового регулирования.

И еще в этой связи один нюанс. Встречаются факты ошибочной (чаще всего по конъюнктурным политическим соображениям) отмены тех или иных юридических норм (правовых институтов), в силу чего они прекращают свое действие, утрачивают силу. По истечении определенного отрезка времени (иногда очень короткого) юридическая норма вновь принимается или институт законодательства снова восстанавливается (например, конфискация имущества). Такого рода «законодательные метания» весьма болезненно влияют не только на стабильность правопорядка, но и на проблему ложности/истинности юридических норм, их жизнеспособность либо «спячку».

Ложные нормы права появляются и тогда, когда законодатель действует с *неосновательным опережением*, возлагает на субъектов *непосильные* юридические (а порой и нравственные) обязанности. Благие намерения законодателя в данных ситуациях приводят к тому, что принятые юридические нормы остаются без реализации.

Предлагая заменить словосочетание «мертвые нормы права» на категорию «ложность юридических норм», я совсем не исключаю, что и оно может оказаться недостаточным, неточным, неудачным. Языковая замещающая инновация нужна лишь для того, чтобы привлечь внимание юридической общественности к

[1] Подробнее см.: *Шухарева А. В.* Утраты силы юридического акта (теория, практика, техника): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2013.

необходимости поиска обобщающей категории без оперирования публицистическим словосочетанием «мертвая норма права».

Многообразные, разноплановые требования и упреки, выдвигаемые ныне государственной властью к науке вообще и юридической в частности относительно представления значимых результатов не позволяют мириться с юридизацией подобных феноменов.

Констатировать уверенный оптимизм относительно того, что ложные юридические нормы (а значит, и их подвид «мертвые») можно резко сократить либо свести к минимуму нельзя.

Мнение граждан о поддержке того или иного закона, конкретной социально значимой юридической нормы надо выявлять на стадии ранней диагностики, на этапе обсуждения идеи закона или концепции законопроекта.

Именно на начальных стадиях законотворческой деятельности возможно выявление потенциальных «мертвых» норм права и исключения в ближайшем будущем протестных акций. Яркая иллюстрация — власти Грузии отозвали законопроект об иноагентах[1]. Другое дело — насколько часто и под каким (разумным или узкокорыстным внутренним или внешним) общественным давлением государственная власть может останавливать законодательный процесс.

Нецелесообразно относить к разряду «мертвых» малоэффективные юридические нормы, поскольку они, имея недостаточную результативность, играют значительную профилактическую роль. В этом плане критике подвергается законодательство о тишине, курении в общественных местах, содержании домашних животных.

Как показывает мировой опыт, у этих норм права есть перспектива и с ростом культуры граждан их результативность будет постепенно расти.

---

[1] См.: *Двали Г., Тарасенко П.* «Грузинская мечта» отказалась от иноагентов. Власти Грузии отозвали скандальную инициативу под давлением улицы // Коммерсантъ. 2023. 10 марта; *Рокс Ю.* «Грузинская мечта» получила оплеуху от молодежи. Правящая партия не планирует отказываться от намерения утвердить закон об иноагентах позже // Независимая газета. 2023. 10 марта; *Шестаков Е.* Майдан заказывали? Как «Грузинская мечта» проиграла мечте американской // Российская газета. 2023. 10 марта.

Проблема «мертвых» норм права порой излишне политизируется и, пожалуй, искусственно обостряется. С. А. Дробышевский полагает, что иногда суверенная власть сознательно идет на формулирование правила, зная, что оно не может быть реализовано[1]. Возможно, я ошибаюсь, но не могу согласиться с необычным подходом С. А. Дробышевского и приведенным им в ноябрьском номере 2015 года газеты «Сибирский Форум. Интеллектуальный диалог» (издание Сибирского федерального университета) историческим примером. Он обращается к постановлению Государственного комитета обороны (далее — ГКО) от 16 августа 1941 года и пишет: «Во время Великой Отечественной войны в ноябре 1941 года было ясно, что миллионы советских солдат сдались в плен, но появилось постановление ГКО о том, что не только солдаты, красноармейцы и офицеры, сдавшиеся в плен, будут потом наказаны, но и членов их семей отправят в специальные лагеря. И это в то время, когда сын самого СТАЛИНА сдался в плен! Зачем эта норма была введена? Для того чтобы люди все-таки не сдавались. Проверить, что у немцев уже миллионы пленных, боец не мог, но вместе с тем такая норма ориентировала его на то, что если он сдастся, пострадают и его близкие. Ясно, что государство не могло наказывать родственников военнопленного, и члены государственного комитета обороны давали себе в этом отчет, но тем не менее они пошли на такой шаг». Обосновывая эти суждения, С. А. Дробышевский констатировал: «Юридическая норма должна способствовать самосохранению государства, а тогда это самосохранение требовало принятия такой нормы».

С таким толкованием согласиться трудно — много граждан было репрессировано именно по этому основанию. Оправдать такую бесчеловечность нельзя никакими доктринальными соображениями.

---

[1] См. об этом: *Дробышевский С. А.; Орлова С. В.* О «мертвых» юридических правилах // Евразийский юридический журнал. 2015. № 5. С. 114–115; *Дробышевский С. А.; Тихонравов Е. Ю.* Ограничительное толкование правовых норм и создание умышленно «мертвых» юридических правил как способы неприменения действующего права // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 6. С. 30–33.

Автор имел в виду приказ Ставки Верховного Главного Командования Красной армии от 16 августа 1941 года № 270 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия»[1]. В этом приказе было установлено: «Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров». Далее в документе фиксируется: «семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишить государственного пособия и помощи».

С. А. Дробышевский не учел и то обстоятельство, что в развитие этого приказа было принято несколько документов, регламентирующих порядок обращения с семьями дезертиров. Нельзя забывать, что еще до войны — 7 декабря 1940 года было принято строго секретное постановление политбюро ЦК ВКП(б) «О привлечении к ответственности изменников родине и членов их семей». Было закреплено: «В целях укрепления охраны государственной границы Союза ССР и усиления пограничного режима, в дополнение к действующему закону (статья 58-1а Уголовного Кодекса РСФСР), предусматривающему меру уголовного наказания в отношении граждан СССР, самовольно уходящих из СССР в другие государства, установить, что члены семей изменников родине, совершивших побег или перелет за границу, подлежат ссылке в отдаленные северные районы Союза ССР на срок от 3 до 5 лет, с конфискацией всех принадлежащих им построек, сельскохозяйственного инвентаря и домашнего скота, если они не совершили преступлений, за которые по закону подлежат более тяжкому наказанию.

Привлечению к ответственности подлежат члены семей изменников родине, совместно с ними проживавшие или находившиеся на их иждивении к моменту совершения преступления.

…Поручить НКВД СССР внести на утверждение СНК СССР инструкцию, определяющую порядок ссылки членов семей изменников родине и конфискацию принадлежащего им имущества, предусмотрев минимум необходимых личных вещей и предметов обихода, которые ссылаемые могут взять с собой».

[1] См.: Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 26–28.

Так или иначе, прежде чем делать вывод о малом или большом числе репрессированных семей, надо обладать достоверными сведениями по каждому основанию наказания.

Юридические нормы, которые отдельные исследователи «квалифицируют» в качестве «мертвых», на самом деле представляют собой необходимые государственные установления, стабилизирующие правовой порядок. Нормы-стабилизаторы в ряде сфер государственной и общественной деятельности и принимаются с расчетом их фактического неприменения. Подчеркиваю — речь идет о такой форме реализации норм права, где требуются *активные действия* заинтересованных субъектов. Когда же перед нами иные формы реализации — соблюдение или исполнение — функционирует *пассивная деятельность*. Например, когда советские конституции устанавливали право республик на выход из федерации, то никто не имел в виду, что это право когда-нибудь и кем-нибудь будет реализовано. Эту конституционную норму ни политически, ни юридически считать «мертвой» ни тогда, ни сейчас нельзя.

Обратимся к истории конституционного развития России и соответствующим юридическим нормам о праве выхода республик из состава Федерации.

1	***Конституция РСФСР, 10.07.1918***	**2.** Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как Федерация Советских национальных республик. **11.** Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединиться в автономные областные союзы, во главе которых, как и во главе всяких могущих быть образованными областных объединений вообще, стоят областные съезды Советов и их исполнительные органы. Эти автономные областные союзы входят на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику.

2	***Конституция СССР, 31.01.1924***	**3.** Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в настоящей Конституции, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза. Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно; Союз ССР охраняет суверенные права союзных республик. **4.** За каждой из союзных республик сохраняется *право свободного выхода из Союза*.
3	***Конституция РСФСР, 11.05.1925***	**2.** Российская Республика есть социалистическое государство рабочих и крестьян, строющееся на основе федерации национальных советских республик.
4	***Конституция СССР, 05.12.1936***	**Статья 15.** Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в статье 14 Конституции СССР. Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет государственную власть самостоятельно. СССР охраняет суверенные права союзных республик. **Статья 17.** За каждой советской республикой сохраняется *право свободного выхода из СССР*. **Статья 18.** Территория союзных республик не может быть изменяема без их согласия.
5	***Конституция РСФСР, 21.01.1937***	**Статья 15.** Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика сохраняет за собой *право выхода из Союза Советских Социалистических Республик*.
6	***Конституция СССР, 07.10.1977***	**Статья 72.** За каждой союзной республикой сохраняется *право свободного выхода из СССР*. **Статья 76.** Союзная республика — суверенное советское социалистическое государство, которое объединилось с други-

		ми советскими республиками в Союз Советских Социалистических Республик. **Статья 84.** Территория автономной республики не может быть изменена без ее согласия.
7	***Конституция РСФСР, 12.04.1978***	**Статья 69.** РСФСР сохраняет за собой *право свободного выхода из СССР*. **Статья 70.** Территория РСФСР не может быть изменена без ее согласия. Границы между РСФСР и другими союзными республиками могут изменяться по взаимному соглашению с соответствующими республиками, которое подлежит утверждению Союзом ССР.
8	***Конституция Российской Федерации, 12.12.1993***	**Статья 4** 1. Суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию. 3. Российская Федерация обеспечивает *целостность и неприкосновенность своей территории*. **Статья 5** 3. Федеративное устройство Российской Федерации основано на *ее государственной целостности*, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации. **Статья 67** 2.1. Российская Федерация обеспечивает защиту своего *суверенитета и территориальной целостности*. Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Рос-

		сийской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям *не допускаются*.

Право выхода союзных республик из состава СССР не было оговорено никакими условиями. Для реализации указанного права не требовалось согласия ни других союзных республик, ни федерального центра. В этом видится и проблема сецессии: отсутствие правового механизма реализации этого права рассматривается как некая фиктивность соответствующего права, поскольку советские лидеры не собирались никому позволить воспользоваться этим. За все время существования СССР право выхода ни разу не было реализовано.

Теперь важно вспомнить некоторые статьи закона СССР от 3 апреля 1990 года № 1409-1 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР».

Статья 2 документа гласит: «Решение о выходе союзной республики из СССР принимается свободным волеизъявлением народов союзной республики путем референдума (народного голосования). Решение о проведении референдума принимается Верховным Советом союзной республики по собственной инициативе или по требованию, подписанному одной десятой частью граждан СССР, постоянно проживающих на территории республики и имеющих право голоса согласно законодательству Союза ССР».

В статье 3 акта фиксируется: «В союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области и автономные округа, референдум проводится отдельно по каждой автономии. За народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в Союзе ССР или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе.

В союзной республике, на территории которой имеются места компактного проживания национальных групп, составляющих большинство населения данной местности, при определении

итогов референдума результаты голосования по этим местностям учитываются отдельно».

Статья 6 закона устанавливает: «Решение о выходе союзной республики из СССР считается принятым посредством референдума, если за него проголосовало не менее двух третей граждан СССР, постоянно проживающих на территории республики к моменту постановки вопроса о ее выходе из СССР и имеющих право голоса согласно законодательству Союза ССР».

На практике все произошло вопреки приведенным законодательным нормам. Все Прибалтийские республики, РСФСР, Украина и Белоруссия вышли из состава СССР с нарушением данного Закона и своих конституций. Например, 24 августа 1991 года Верховный Совет Украинской ССР принял постановление о провозглашении независимости Украины. Референдума не было.

Нормы-стабилизаторы — остов, ядро прочного правопорядка, хотя порой они не поддерживаются некоторыми или даже большинством граждан государства.

Государство вынуждено при определенных обстоятельствах принимать не просто непопулярные, а даже травматичные законы[1]. И обращаться в таких ситуациях к количественному фактору поддержки либо несогласия с обременяющим законом нельзя.

Проблема «мертвых» норм права резко обостряется в зависимости от сущности и фактической демократичности политического режима государства. Авторитарная власть, обладающая мощным аппаратом принуждения, в состоянии долго поддерживать нужные им юридические нормы. И это тоже не зависит от числа фактов их реализации. В Иране, по общему признанию, закон о богохульстве применяется редко, но за его нарушение обычно назначается и реализуется смертная казнь. Каждый такой факт вызывает широкий общественный резонанс (резко отрицательный —

[1] Подробнее см.: *Баранов В. М.* Изменение законодательства как социальная травма // Юридическая техника. 2023. № 17: Материалы XXIV Международного научно-практического форума «Юртехнетика» на тему «Изменения в законодательстве (доктрина, практика, техника)» (Нижний Новгород, 21–24 сентября 2022 года) / гл. ред. проф. В. М. Баранов. Нижний Новгород, 2023. С. 40–58; *Левин П. А.* Травма и память. Влияние травмирующих воспоминаний на тело и мозг / пер. с англ. Е. Цветковой. Москва, 2023.

в Европе), но власти Ирана жестко всеми имеющимися в их распоряжении средствами отстаивают необходимость его существования и продолжают наказывать за вероотступничество.

Юридические нормы, на основе которых функционирует, например, Международный уголовный суд (МУС), и соответственно принимаемые им решения (выдача ордера на арест президента В. Путина и уполномоченной по правам ребенка в Российской Федерации М. Львовой-Беловой)[1] нельзя считать «мертвыми» не потому, что они никогда не будут реально применены, а по той причине, что они ложны, фиктивны, политизированы.

УДК 340.113

Аликперов Х. Д.,
доктор юридических наук, профессор, директор Центра правовых исследований (г. Баку, Азербайджанская Республика)

К вопросу об оптимизации юридической терминологии в современном уголовном законодательстве России

С развитием уголовно-правовой и криминологической мысли в последние годы все отчетливее проявляются контуры неизведанных горизонтов уголовного права и криминологии, которые являются предметом всестороннего исследования преступностиведов и представителей других смежных наук. Благодаря этому уголовное право и криминология за последние 30–40 лет обогатились многими генеративными трудами, в которых выдвинуты принципиально новые доктрины, а многочисленные фундаментальные вопросы преступления и наказания, причин преступности, механизма формирования преступной мотивации и т. д. в них кардинально пересмотрены. В частности, в этих исследова-

[1] См.: *Веретенникова К.* Этот МУС для меня вне закона. Госдума ответила Гааге законопроектом на ордер // Коммерсантъ. 2023. 14 апреля.

© Аликперов Х. Д., 2023

ниях[1] поставлены под обоснованное сомнение многие господствующие в уголовном праве и криминологии парадигмы, а некоторые из них мотивированно опровергнуты в силу их ошибочности или несостоятельности.

Одновременно с этим в них даны заслуживающие внимания убедительные ответы на ряд сложных теоретических вопросов, которые либо были поставлены ранее, но не решены до конца (к примеру патогенез феномена наказания), либо вообще не рассматривались до последнего времени (например бинарная сингулярность причин преступности).

Этот научный прорыв в преступностиведении, продолжающийся по сей день[2], повлек за собой существенные сдвиги как в осмыслении этиологии преступности и онтологии наказания, так и в углублении учения о механизме формирования преступной мотивации и т. д.[3]

---

[1] См., например: *Аликперов Х. Д.* Новый взгляд на преступление и наказание. Санкт-Петербург, 2022; *Гилинский Я. И.* Криминология постмодерна: Неокриминология. Санкт-Петербург, 2021; *Рагимов И. М.* Религия и наказание. Санкт-Петербург, 2020; *Шестаков Д. А.* Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: учебник. Санкт-Петербург, 2006; и др.

[2] Как писал А. Эйнштейн, «творения интеллекта переживают шумную суету поколений и на протяжении веков озаряют мир светом и теплом». См.: *Эйнштейн А.* Собрание научных трудов: в 4 т. Т. 4. Москва, 1967. С. 78.

[3] Вместе с тем надо отметить, что за анализируемый период уголовное право и криминология обогатились не только прогрессивными идеями и принципиально новыми доктринами. Наряду с этим тогда же в преступностиведение были привнесены и крайне реакционные институты, которые противоречат не только общепризнанным фундаментальным правам и свободам человека, но и здравому смыслу. В качестве примера можно сослаться на теорию опасного состояния личности в рамках социологической школы уголовного права, на основе которой сегодня в Германии, Канаде, США и ряде других стран под стражу на неопределенный срок («превентивный арест») заключают людей, которые не совершали преступления, но, по мнению законодателя, представляют общественную опасность. При этом, как справедливо отмечают А. В. Бриллиантов и А. Д. Щербаков, «к такой категории относят не только лиц, которые имели объективную опасность для общества (к примеру рецидивисты и профессиональные преступники), но и лиц, которые обладали известной долей девиации в отношениях с другими

Вместе с тем надо отметить, что специалисты в области уголовного права и криминологии в своих фундаментальных исследованиях крайне мало внимания уделяют тезаурусу уголовного закона, в том числе этимологическим и семантико-лингвистическим особенностям понятий и словосочетаний, используемых законодателями в тех или иных нормах УК РФ. Как результат сегодня уголовное законодательство России (впрочем, как и законодательство других стран постсоветского пространства) изобилует некорректными терминами, спорными понятиями, а порой, мягко говоря, и нелепыми словосочетаниями.

Начнем с понятия «преступление» и его признаков. Так, в УК РФ, как и в УК других постсоветских стран, указано, что «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» (к примеру ст. 14 УК РФ).

Но так ли это на самом деле?

Проведенное автором междисциплинарное исследование данной проблемы показывает, что такие традиционные для теории уголовного права социально-правовые признаки преступления, как общественная опасность, виновность, противоправность и наказуемость порой не охватывают всех юридически значимых аспектов объективной стороны отдельных видов преступлений, предусмотренных в УК РФ. К примеру, Особенная часть УК РФ содержит несколько десятков составов преступлений, совершаемых не посредством действия или бездействия (*деяния*), а принципиально иным способом — *словом,* то есть речевым средством публичного выражения какой-либо мысли, мнения и т. д. (*мыслеформа*[1]), запрещенных уголовным законом под угрозой наказания.

представителями общества (к примеру алкоголики, наркозависимые, секс-работницы). И если усиление уголовной репрессии в отношении первых было хотя бы как-то обосновано с позиции необходимости предупреждения тяжких преступлений, то введение мер предупреждения в отношении второй группы лиц порождало исключительно их стигматизацию в глазах общества». См.: *Бриллиантов А. В., Щербаков А. Д.* Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2020. № 10. С. 90.

[1] Буквально — мысль, облеченная в форму, то есть *ментальная* суть мысли и ее форма.

Речь, в частности, идет о преступлениях, предусмотренных, например, статьей 297 («Неуважение к суду»), статьей 319 («Оскорбление представителя власти») и другими, которые совершаются не посредством действий или бездействия, а путем публичного выражения индивидуумом той или иной мысли, утверждения, выражения и т. д., запрещенных уголовным законом под страхом наказания.

Между тем, согласно канонам лингвистики, вербальное выражение нельзя рассматривать как деяние (*от глагола «делать»*), поскольку с позиции этимологии, морфологии разбора и номинативной семантики этот собирательный термин означает такие внешние акты поведения человека, как действие, поступок и т. д., которые воплощаются в материальный мир[1], воздействуют на материю и подвергаются ее воздействиям. В то же время публично озвученное человеком *(мысль, выражение и т. д.)* никогда не влечет за собой каких-либо изменений в материальном мире, так как оно, в отличие от деяния, не обладает физическим телом (*массой, формой, объемом и т. д.*), не воздействует на материю и не подвергается ее воздействиям, в силу чего неизмеримо и непознаваемо опытом.

Иными словами, «деяние» и «вербальное выражение» — это принципиально разные лексические единицы, поэтому они качественно отличаются друг от друга, причем как по содержанию и форме реализации, так и по механизму отражения в материальном[2] (физическом) либо идеальном (нематериаль-

[1] Все вещественное, имеющее массу, протяженность и локализацию в пространстве.

[2] Как пишет А. А. Кузьмичева, «со времен античной философии известна традиция, согласно которой материальное трактуется как плотное, «вещественно-телесное» начало мира, «космос», а идеальное — как деятельно-смысловая, логическая сторона, мир значений, область духовного, завершающаяся той или иной формой высшего духа (абсолютный разум). Грань между ними проходит такая же, как между физиологическим пространством нашего тела (материальным) и психическим пространством нашего сознания (виртуальным). При этом идеальное пространство, само по себе, неизмеримо и непознаваемо опытом. Оно не воздействует на материю и не подвергается ее воздействиям». См.: *Кузьмичева А. А.* Материальное и идеальное пространство // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 4 (75). С. 261–266.

ном) пространстве, поэтому мыслеформу, публично высказанную лицом в устной форме в адрес конкретного физического или юридического лица, нельзя считать деянием, под которым, как известно, законодатель подразумевает акт осознанно-волевого поведения в форме действия или бездействия, имеющих внешнее выражение.

Исключением из сказанного являются мыслеформы, выраженные в печатной форме, посредством аудио- или видеозаписи и т. д., которые следует рассматривать как деяние, совершенное при помощи применения активных физических действий (*к примеру с использованием ручки, печатной машинки, аудио- или видеоаппаратуры и т. д.*), в силу чего оно становится измеримым и познаваемым опытом.

Сказанное в полной мере распространяется и на мыслеформы, публично выраженные языком жестов глухонемыми, слабослышащими.

С учетом вышеизложенного считаю, что запрещенные в УК РФ под угрозой наказания общественно опасные *(с точки зрения законодателя)* мыслеформы, публично высказанные в устной форме в адрес конкретного физического или юридического лица, являются самостоятельным *(пятым)* признаком преступления.

Полагаю, что для адаптации уголовного закона к канонам когнитивистики и современным достижениям уголовно-правовой науки целесообразно часть 1 статьи 14 УК РФ и соответствующие нормы УК других стран постсоветского пространства изложить в следующей примерной редакции:

«Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние или публично высказанная мыслеформа, запрещенные настоящим Кодексом под угрозой наказания».

В противном случае все составы преступлений, включенные в УК РФ, которые совершаются вербальным способом, следует декриминализировать, так как правовая оболочка их диспозиций вступает в грубое противоречие с такими общепризнанными принципами уголовного права, как законность, вина и основание уголовной ответственности (ст. 3, 5, 8 УК РФ), равно как и с законодательным определением понятия «преступление» (ст. 14 УК РФ).

Теперь несколько слов об отдельных терминах и выражениях, использованных законодателем в словесной конструкции той или иной нормы УК РФ, противоречащих не только канонам лингвистики и номинативной семантики, но и элементарной логике.

Начнем с весьма, мягко говоря, нелепого словосочетания «изоляция осужденного от общества». Так, согласно части 1 статьи 56 УК РФ «лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем…»

В этой небольшой дефиниции законодатель допустил несколько крайне опрометчивых ошибок социально-правового характера. Дело в том, что водворение осужденного в пенитенциарную обсервацию не означает его изоляции от общества, так как:

— *под обществом* подразумевается совокупность наделенных волей и сознанием двух и более людей, вступающих в определенные общественные отношения в той или иной социальной среде;

— в социуме невозможно изолировать дееспособного человека от общества, за исключением двух случаев: а) смерть (естественная или насильственная); б) помещение человека на необитаемый остров (если, конечно, там он не встретит Пятницу).

Поэтому исправительные колонии, как и другие пенитенциарные учреждения, являются таким же социальным обществом (хотя и с негативным оттенком), что и социум, функционирующий за стенами пенитенциарного учреждения. Учитывая это, осужденные, отбывающие наказание в исправительных колониях, продолжают оставаться членами общества.

Как видим, здесь вопрос не только и не столько в редакционных погрешностях законодателя. Необходимость исключения из части 1 статьи 56 УК РФ приведенного выше несообразного утверждения, к тому же несущего в себе однозначно негативный оттенок, продиктована тем, что это же общество изначально насаждает в сознание осужденного мысль о том, что он изгой, ему нет места в социуме (по крайней мере, на период отбывания наказания) и т. д., что, естественно, еще больше ожесточает его и без того озлобленную душу. А эти чувства, постепенно укореняющиеся в его подсознании в период отбывания наказания,

вкупе с существующими в исправительных колониях негативными издержками (накопленное раздражение, недовольство, в том числе по отношению к условиям, в которых отбывается наказание, диктат «паханов», «смотрящих» и т. д.) со временем крайне отрицательно влияют на все этапы процесса ресоциализации заключенного[1].

Определившись со словосочетанием «изоляция от общества», необходимо определиться и с самим понятием «лишение свободы», выяснить, в чем заключается лексико-семантическое значение этого словосочетания, раскрыть механизм и технологию такой депривации. Так, если заглянуть в словари русского языка и учебники по социологии, философии и т. д., то мы убедимся, что термин «свобода» достаточно многоплановое родовое понятие, а главное — с богатым и разнообразным внутренним содержанием.

Уязвимость словосочетания «лишение свободы», широко используемого в законодательстве, правоприменительной практике и правовой науке, видится и в том, что ни органы уголовного преследования, ни суд, ни преступники (к примеру при похищении человека) и т. д. ни при каких условиях не могут полностью лишить человека его свободы. Во всех этих случаях можно лишь ограничить его волю, решения, действия и т. д., но запрещать человеку, к примеру, дышать, мыслить, иметь собственное мнение и т. п., что является составной частью понятия «свобода», не подвластно никому, за исключением смерти.

Таким образом, становится очевидным, что свобода человека:

во-первых, неотчуждаема как нечто абсолютное, раз и навсегда данное *Homo sapiens* с момента рождения, является непреходящим признаком его генетической природы и имманентным свойством повседневного бытия, поэтому человека

[1] Как справедливо отмечается в криминологической литературе, «это означает, что если человек совершил запрещенное законом деяние и официально признан преступником, то общество как бы навешивает на него ярлык, стигму — клеймо чужого или «клеймо аутсайдера». Эта «запятнанность» довлеет над преступником, и он не может вернуться в «стан правоверных». См.: *Лунеев В. В.* Криминология. Москва, 2016. С. 50.

можно лишить свободы только в результате физической смерти. Словом, «человек осужден быть свободным» (Сартр), в силу чего даже пленника или раба невозможно полностью лишить свободы;

во-вторых, означает возможность проявления индивидуумом в социуме своей воли и осознанных действий (например свобода воли, свобода слова, свобода передвижения, свобода вероисповедания и т. д.);

в-третьих, не сводится лишь к физическому перемещению индивида во времени и пространстве по своему усмотрению, а является лишь одной из многочисленных форм проявления им своей свободы;

в-четвертых, суд может сузить волю человека, ограничить его определенные свободы в пространственно-временной бесконечности, но не может, по определению, отчуждать у человека свободу в целом;

в-пятых, если чисто гипотетически допустить, что законодатель под лишением свободы подразумевает физическое лишение осужденного свободно передвигаться в определенном пространстве в течение определенного периода времени, выбирать место проживания (пребывания), общаться с определенной категорией людей и т. д., то и в этом случае он полностью не лишается свободы.

Этот краткий комплексный анализ понятия «свобода» показывает, что суд (судья), приговаривая подсудимого к лишению свободы, тем самым лишь временно (за исключением пожизненного лишения свободы) ограничивает сложившийся у него повседневный уклад жизни в ее привычных и волатильных проявлениях, в том числе сужает пространство и условия физического перемещения осужденного, выбора им места пребывания, жительства, круга общения и т. д. Причем, параметры этих ограничений жестко коррелируются с тяжестью совершенного им преступления, мерой уголовного наказания и режимом его отбывания, определенных обвинительным приговором суда.

С учетом изложенного полагаю, что настала пора отказаться от применения в нормативных правовых актах стран постсоветского пространства абсурдного понятия «лишение

свободы» и заменить его более корректным термином «ограничение свободы», а такой вид наказания, как «ограничение свободы», предусмотренный статьей 53 УК РФ и соответствующими статьями УК других стран, обозначить термином «сужение свободы».

Если это предложение окажется для законодателя обременительным, то можно статью 56 УК РФ дополнить примечанием в следующей примерной редакции:

«Под лишением свободы в настоящем Кодексе подразумевается временное или пожизненное ограничение отдельных свобод осужденного, закрытый перечень которых указан в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации».

Говоря о понятийном аппарате уголовного законодательства России и других стран постсоветского пространства, нельзя оставить без внимания и гулаговский архаичный термин «колония», следующий за нормативным прилагательным «исправительная» и выходящий за пределы логического поля юриспруденции, являясь чем-то внешним для уголовного права, так как несет в себе не только крайне негативный социально-психологический оттенок для восприятия, но и оскорбляет чувство человеческого достоинства в демократическом обществе. В частности, законодатель не принял во внимание, что в сознании социума «колония» обычно ассоциируется либо с местом массового обитания семейства птиц (к примеру, императорских пингвинов, гренландских тюленей и т. д.), либо с зависимой территорией, находящейся под властью оккупанта (метрополией), управляемой на основе особого режима с целью эксплуатации природных и человеческих ресурсов, проведения опасных экспериментов, испытаний технологий и т. д. В таких резервациях, как правило, господствует непримиримый антагонизм между колонизаторами и коренным населением метрополии.

Этот далеко не полный перечень аргументов показывает, что используемые законодателем, правоприменителем и исследователями словосочетания «лишение свободы», «изоляция от общества», «исправительная колония» и т. д. являются досадным промахом законодателя. И здесь вопрос вовсе не в споре о терминах. Высказанные выше логико-семантические замечания по поводу тех или иных законодательных дефиниций не явля-

ются продуктом релятивизма, так как они затрагивают не просто редакционные погрешности законодателя и его юридическую инженерию, но и корневые просчеты отдельных институтов уголовного закона. Нельзя забывать, что та или иная уголовно-правовая дефиниция есть одновременно и краткая логико-лингвистическая операция, раскрывающая содержание, смысл и особенности того или иного понятия, так как «правильное обращение с терминами есть непременное условие для взаимопонимания и разрешения конфликтных ситуаций, а также коллизий внутри права»[1]. Более того, в некоторых случаях неясность и неточность понятий способны приводить к ошибочным заключениям, поэтому «замена неточных понятий точными не только предохраняет нас от ошибок в рассуждениях, но и служит средством более глубокого проникновения в содержание эксплицируемых понятий, позволяет отделить существенное от второстепенного»[2].

Завершая краткий анализ некоторых терминов и словосочетаний, использованных законодателем в нормах УК РФ, отметим, что высказанные выше по их содержанию замечания не продиктованы стремлением автора абсолютизировать относительность и условность словесной конструкции того или иного понятия, так как он не ставит языковую форму выражения права выше его аксиологического содержания и гносеологической сущности, но при этом автор считает, что дух уголовного закона должен быть четко выражен в дефинициях его норм, посредством которых отображается онтологическая сущность уголовного права и раскрывается его ценностный императив.

---

[1] *Марков С. М.* Статус «должностного лица» в постсоветской бюрократической реальности: логический и юридический анализ концепта // Современная парадигма государственных интересов: концепт и постсоветская реальность: материалы Всероссийской онлайн-конференции с международным участием. Ростов-на-Дону; Таганрог, 2021. С. 39.

[2] Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. Москва, 2004.

УДК 34

Трунцевский Ю. В.,
доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела методологии противодействия коррупции Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Югорского государственного университета

«Уведомительное декларирование» доходов, имущества и обязательств имущественного характера как процедура оптимизации правового регулирования

Декларирование активов государственными и муниципальными служащими является одним из важнейших инструментов противодействия коррупции. В декларации об активах содержится ценная информация, которая помогает раскрыть неправомерные действия, а также гарантирует, что руководители понесут ответственность, если приобретение активов происходит в результате коррупции. Прозрачность данных направлена на предотвращение использования своей должности в личных целях, а также на выявление других нарушений со стороны должностных лиц, таких как незаконное обогащение. Важно, чтобы система декларирования активов постоянно совершенствовалась, в том числе за счет внедрения более эффективных современных технологий.

Большое число стран мира разработали и активно применяют системы декларирования доходов, расходов, имущества и обязательств имущественного характера в целях предотвращения коррупции. В отдельных случаях декларирование является требованием международной организации (например для членов ЕС)[1].

[1] См.: *Трунцевский Ю. В.* Совершенствование института декларирования сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. № 2. С. 344–359.

© Трунцевский Ю. В., 2023

Форма заполнения декларации о доходах для всех государственных служащих (независимо от того, кем они были избраны, назначены, приняты на работу, заключены контракты и т. д.) в Нигерии, например, является приложением к Конституции Федеративной Республики Нигерия (1999). В инструкции по ее заполнению указано, что после заполнения формы, прежде чем подавать ее в Бюро Кодекса поведения, декларант должен лично пойти и принести присягу в соответствии с декларацией перед судьей Высокого суда, ближайшим к его рабочему месту[1].

В России требования декларирования закреплены в целом ряде федеральных законов и подзаконных актов[2], законах субъектов Российской Федерации[3].

По различным оценкам сведения о доходах предоставляют в нашей стране 1,5 млн должностных лиц, на которых возложены ограничения и запреты, требования о предотвращении или урегулировании конфликта интересов, обязанности, установленные законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции. Если сюда прибавить данные, представляемые в таких справках на их супруга и несовершеннолетних детей, — это как минимум 4,5 млн человек, подлежащих финансовому контролю со стороны государства.

Сам процесс представления сведений (декларирования) имеет строго установленный порядок: заполнение — консультирование — проверка — внесение дополнений — представление — проверка и пр.

---

[1] URL: https://ccb.gov.ng/?page_id=325 (дата обращения: 11.05.2023).

[2] О противодействии коррупции: федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6228; О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31, ст. 3215; Об утверждении формы справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 23 июня 2014 года № 460 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26, ч. II, ст. 3520; и др.

[3] См., например: О государственной гражданской службе города Москвы: закон г. Москвы от 26 января 2005 года № 3 // Ведомости Московской городской Думы. 2005. № 3.

Так, в процессе заполнения участвует не только сам декларант, собирающий соответствующие сведения, но и подразделения по профилактике коррупционных и иных правонарушений той организации (органа), где работает (проходит службу) декларант.

О сложности данного процесса говорит тот факт, что Минтруд России, являясь федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по разработке и организации внедрения и консультативно-методическому обеспечению мер, направленных на предупреждение коррупции в организациях, по контролю за выполнением этих мер[1], ежегодно разрабатывает соответствующие рекомендации с целью разъяснения отдельных ситуаций, возникающих при заполнении Справки БК[2]. Минтрудом России определен порядок использования государственной информационной системы в области противодействия коррупции «Посейдон» и перечня должностных лиц, уполномоченных на работу с ней[3].

Большинство поправок в процедуру декларирования были направлены на смягчение санкций для декларантов посредством введения понятия незначительного нарушения, отменяющего требования к точности ряда различных данных, представленных в справке. Нельзя при этом не заметить, что публикации методических рекомендаций по заполнению Справки БК способствует снижению числа нарушений, но вместе с тем практика составления и проверок таких справок указывает на необходимость упрощения и улучшения процесса раскрытия активов.

---

[1] Об утверждении Положения о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 19 июня 2012 года № 610 (п. 1) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 26, ст. 3528.

[2] См., например: Методические рекомендации по вопросам представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и заполнения соответствующей формы справки в 2023 году (за отчетный 2022 год): утв. Минтрудом России. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2023).

[3] Об определении порядка использования государственной информационной системы в области противодействия коррупции «Посейдон» и перечня должностных лиц, уполномоченных на работу с ней: приказ Минтруда России от 10 марта 2023 года № 133. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2023).

Так, подготовка к сбору данных, подлежащих включению в справку БК, а также сам процесс составления такого документа занимает большое количество нормо-часов и осуществляется в служебное время. На это служащий тратит как минимум три дня. Для руководителя органа, организации или подразделения — это еще и загрузка его подчиненных, которые осуществляют помощь в заполнении справки начальнику в рабочее время.

С точки зрения анализа дисциплинарной практики соответствующие ошибки в поведении работника становятся обычным явлением, в частности, при ежегодном заполнении документов декларирования[1]. Предоставление заведомо недостоверных или неполных сведений справки о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера является основанием увольнения за утрату доверия[2].

Приведем пример результатов мониторинга декларирования активов в Грузии (см. таблицу 1)[3], который свидетельствует, что абсолютное большинство нарушений связано с точностью и полнотой данных, представленных в декларациях.

Не будем рассматривать эффективность финансового контроля за доходами, расходами, имуществом и обязательствах имущественного характера в целях противодействия коррупции. Отметим лишь, что введение такого антикоррупционного стандарта обеспечило «организованность» соответствующих лиц в сфере контроля за личными и семейными финансами и имуществом. Вместе с тем, сам процесс декларирования, с учетом усложнения процесса заполнения справки и подключения специ-

---

[1] См.: *Голоманчук Э. В., Яготинцева Т. Ю., Астафурова О. А.* Некоторые проблемы предоставления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера государственными гражданскими служащими и пути их решения // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 3 (48). С. 249.

[2] См.: Утрата доверия по законодательству Российской Федерации: научно-практическое пособие / Ю. В. Трунцевский, А. М. Цирин [и др.]; отв. ред. И. И. Кучеров. Москва, 2022; Противодействие коррупции. Информационно-аналитический бюллетень (2022) / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва, 2023.

[3] URL: https://transparency.ge/en/blog/georgian-asset-declaration-system-need-update (дата обращения: 11.05.2023).

ализированной системы проверки данных, становится все более «обременительным» как для самого декларанта, так и для всей системы государственного, муниципального или корпоративного антикоррупционного контроля.

Таблица 1

Частота видов нарушений, выявленных в результате мониторинга деклараций активов (2019)

Неполное или неточное декларирование доходов и вознаграждений	68,4%
Неполное или неточное декларирование банковских счетов	57%
Неполное или неточное декларирование недвижимости	46,5%
Неполное или неточное декларирование контрактов	28,9%
Неполное или неточное декларирование предпринимательской деятельности	26,3%
Непредставление документации, требуемой Бюро государственной службы	6,1%
Неполное или неточное декларирование движимого имущества	0,4%

Цифровая трансформация, включая внедрение искусственного интеллекта, стала одним из самых высоких приоритетов[1]. Государства все чаще пытаются оцифровать свои услуги с помощью технологий из-за растущих ожиданий общества.

В этой связи можно предположить целесообразность создания единой централизованной системы мониторинга декларирования доходов и расходов госслужащих и иных лиц, цифрового профиля каждого декларанта и проверки достоверности предоставляемых им сведений путем сравнения с информацией, полу-

[1] См.: *Хабриева Т. Я.* Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 12; *Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102; *Хабриева Т. Я.* Право в условиях цифровой реальности. Избранные лекции Университета. Вып. 189. Санкт-Петербург, 2019. С. 18; и др.

чаемой из интегрированных баз данных Федеральной налоговой службы, Росреестра и др.[1]

Подобные предложения были предметом обсуждения на совещании Комитета Совета Федерации по Регламенту и организации парламентской деятельности 4 июля 2023 года, где рассматривался опыт муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа — Югры по нормативно-правовому регулированию современных практик профилактики и предупреждения коррупционных нарушений[2]. Авторы законопроекта предлагали изменения в федеральные законы от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе», предусмотрев законодательную возможность представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих, супруги (супруга) и несовершеннолетних детей в электронной форме в формате XSB, посредством получения таких сведений через Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций) и направления результатов проверки в АИС «Посейдон».

Интересен в этой связи зарубежный опыт. Так, в Бразилии Указом № 10.571 от 9 декабря 2020 года[3] была изменена процедура представления информации об активах и конфликтах интересов. С этой даты декларации подаются и обрабатываются только в цифровом формате через систему, управляемую Генеральным контролером Бразилии. В то же время должностным лицам может быть разрешено не представлять декларации об активах. Вместо этого они могут предоставлять электронную авторизацию для доступа к своим годовым налоговым декларациям о доходах и индивидуальным налоговым декларациям, что, однако, не

[1] См.: Утрата доверия по законодательству Российской Федерации: научно-практическое пособие / Ю. В. Трунцевский, А. М. Цирин [и др.]; отв. ред. И. И. Кучеров. Москва, 2022. С. 354.

[2] URL: https://izak.ru/institute/events/soveshchanie-sovershenstvovanie-normativno-pravovogo-regulirovaniya-ispolzovaniya-tekhnicheskikh-sre/ (дата обращения: 11.05.2023).

[3] URL: https://legislacao.presidencia.gov.br/ficha?/legisla/legislacao.nsf/Viw_Identificacao/DEC%2010.571-2020&OpenDocument (дата обращения: 11.05.2023).

освобождает декларантов от обязанности уточнять конкретные данные о своих активах, если соответствующая информация не представлена в налоговых документах. Заявления должны подаваться на ежегодной основе, а также при вступлении в должность или избрании, возвращении в должность после отстранения от должности и увольнения.

Контроль за представлением деклараций осуществляется Генеральным контролером и Комиссией по общественной этике; обязанности по управлению базой данных деклараций, их анализу и возбуждению дел в случае появления доказательств незаконного обогащения возложены на Генерального контролера. Если должностное лицо не подает декларацию или предоставляет заведомо ложную информацию, такое лицо может быть подвергнуто административному и, при необходимости, этическому разбирательству. Положения Указа применяются ко всем государственным служащим прямого и косвенного федерального государственного управления, а также к служащим, менеджерам и советникам государственных предприятий.

Автор статьи предлагает в сфере финансового контроля о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера в целях противодействия коррупции бремя декларирования (отчетности) перенести с проверяемого и передать эти функции на электронные системы государственного централизованного финансового мониторинга (контроля). Составление декларации (справки) целесообразно в таком случае осуществлять за счет ресурсов государственных услуг таким образом, чтобы декларанту не пришлось вносить соответствующие данные в справку, а оставалось бы задекларировать только одно — право пользования, в частности, объекты недвижимого имущества, которые непосредственно находятся в пользовании служащего (работника) и (или) его супруги (супруга), несовершеннолетнего ребенка на основании заключенных договоров (аренда, безвозмездное пользование и т. д.) или в результате фактического предоставления в пользование.

Для того, чтобы получить доступ к данным и лучше использовать их для анализа и принятия решений в отношении каждого декларанта должен быть сформирован их цифровой профиль, а для формирования справки лицо должно будет предоставить электронную авторизацию для доступа и хранения всех своих данных о

доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, данных на супруга и несовершеннолетних детей. Декларируемые данные и конфиденциальные сведения должны оставаться в тайне и не подлежат разглашению иначе как в интересах самих декларантов, а также антикоррупционного контроля.

Ресурсы цифрового профиля лица можно распространить на процедуры декларирования личной заинтересованности служащего — конфликт интересов.

Использование консолидированного подхода к формированию деклараций о финансовом положении и личной заинтересованности позволит сконцентрироваться на проверке деклараций, выявлении и предотвращении конфликта интересов и правонарушений, связанных с коррупцией, на эффективности санкций за необоснованное обогащение.

УДК 340.132.2

Дробышевский С. А.,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

К вопросу об оптимизации применения права

Чтобы усовершенствовать правоприменительную деятельность, нужно оценить выдвинутые относительно нее противоречивые теоретические позиции с точки зрения их соответствия действительности и отвергнуть некорректные представления, сосредоточившись на проведении в жизнь корректных идей. Эта оценка и вытекающие из нее выводы следуют дальше.

Начать целесообразно с понимания сути применения права, исходя из которой будут оценены упомянутые теоретические позиции. Эта суть сводится к следующему. Применение права «есть деятельность суверенной власти, представляющая собой вмешательство в дела подчиненных последней лиц и организаций при

© Дробышевский С. А., 2023

реализации ими правовых норм для претворения на практике этих правил в неизменном виде. Такая деятельность осуществляется в ситуациях, когда юридические запреты и предписания положительных действий нарушаются, а также в случаях невозможности для людей использовать предоставленные им правом возможности поведения в их интересах»[1].

Применение права есть феномен, который не включает соблюдение, исполнение и использование права, однако эта идея оспаривается в юридической литературе.

Скажем, опубликовано следующее суждение. «Применение одних норм одновременно требует соблюдения, исполнения и использования других, отсюда правоприменение — комплексная правореализующая деятельность»[2]. Это напечатано в работе, вышедшей в свет двадцать один год назад, однако та же самая цитата содержится и в опубликованном сочинении восьмилетней давности[3].

Если исходить из верности только что приведенного суждения, то понятием правоприменения охватываются иные формы реализации права, а именно его исполнение, соблюдение и использование, однако едва ли это так. Причина проста. И о последней написал сам автор только что приведенной цитаты в ней самой. Применяются одни нормы права, а соблюдаются, исполняются и используются другие. Отсюда никак не вытекает, что применение права есть комплексная правореализующая деятельность.

В юридической литературе отмечено, что акты применения права способны «либо обогатить право, либо деформировать его»[4]. Едва ли это так. Причина очевидна. Такие вещи способно сделать правотворчество как модификация права. Применение же права в силу того, что оно по своей природе есть только форма реализации права, этого осуществить не в состоянии.

---

[1] *Дробышевский С. А.* Введение в теорию и историю политически организованного общества и права: критика юридической антропологии Э. А. Хобеля. Москва, 2022. С. 93.

[2] Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. Москва, 2002. С. 424.

[3] См.: Теория государства и права / под общ. ред. О. В. Мартышина. Москва, 2016. С. 311.

[4] *Алексеев С. С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. Москва, 2002. С. 266.

Если вести речь о теоретическом осмыслении случаев, когда суды занимаются применением права, то оставляет желать лучшего и еще одно присутствующее в юридических изданиях суждение. Его подметила А. А. Туменова. Она обратила внимание на то, что «многие»[1] из «научных работников»[2] называют «конкретизацию права»[3] результатом судебной правоприменительной деятельности и при рассмотрении последней «выделяют одним из видов судебных решений правоконкретизирующие акты»[4].

Для А. А. Туменовой «такой вывод представляется теоретически спорным, поскольку конкретизация права относится к деятельности правотворческих органов, в результате которой на основе неопределенного и абстрактного права вырабатывается более определенное и конкретное право»[5], однако правильнее будет сформулировать иное суждение. Теоретическая позиция, что судебное правоприменение приводит к конкретизации права, является некорректной, ибо в ходе правоприменения не могут создаваться новые юридические нормы.

Опубликована и еще одна идея о специфике применения права, которая оставляет желать лучшего. Имеется в виду то, что в государстве как государственно-организованном обществе правоприменительную деятельность осуществляют, выступая ее субъектами, не только государственные органы. Эту точку зрения разделяет немало отечественных исследователей конца XX — начала XXI века[6]. Едва ли она верна.

---

[1] *Туменова А. А.* Позиции судов России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2022. С. 15.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] См.: Теория государства и права / под ред. В. М. Курицына, З. Д. Ивановой. Москва, 1986. С. 268; Общая теория государства и права. Академический курс: в 2 т. / под ред. М. Н. Марченко. Т. 2. Теория права. Москва, 2000. С. 315–316; *Венгеров А. Б.* Теория государства и права. Москва, 2000. С. 432–433; Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Москва, 2000. С. 455; *Спиридонов Л. И.* Теория государства и права. Москва, 2001. С. 228; *Малько А. В.* Теория правовой политики. Москва, 2012. С. 189–190.

Для доказательства этого начнем с того, что правовое регулирование, включающее применение права, есть специфический вид нормативного регулирования, свойственный любой социальной организации.

Как известно, последняя представляет собой совместную деятельность, объединенную общей целью. Такое устремление достигается с помощью органов управления организации. Предпринимаемое ими внутриорганизационное управление выступает как нормативное регулирование и включает, в частности, нормоприменение по отношению к системе норм организации. Осуществителями или субъектами отмеченного вида управленческой деятельности выступают только органы управления организации. Это ясно потому, что всякий субъект, этим занятый, в силу самого факта такого его занятия является органом управления организации.

Государство как государственно-организованное общество есть вид всякой социальной организации. И если в любой организации нормоприменением занимаются исключительно ее органы управления, то и в государстве применение права осуществляют только государственные органы как органы управления всем государственно-организованным обществом.

В самом деле, государство в рассматриваемом понимании есть организация организаций. В ее пределах функционируют многочисленные организации. Каждая из них управляется ее органами управления посредством нормативного регулирования, включающего нормоприменительную деятельность. Это нормативное регулирование в государстве дополняется подобного рода упорядочивающими усилиями органов управления государственно-организованным обществом целиком, то есть государственных органов. Осуществляемое ими и только ими нормативное регулирование есть правовое регулирование. Оно включает применение права.

Отсюда логически бесспорен такой вывод. В государственно-организованном обществе субъектами применения права могут быть лишь государственные органы.

Другое дело, что последние — это не только профессиональные структуры, располагающиеся над включенными в государственно-организованное общество отдельными организациями.

Государственные органы существуют и в пределах таких объединений как действующие здесь правоприменители. Государственным органом в некоторых ситуациях оказывается и отдельный человек в рамках организаций, специально создаваемых для выполнения им такой функции (контингенты избирателей) безотносительно к его членству в иных конкретных внутригосударственных организациях. Именно так устроено государственно-организованное общество.

Скажем, если в рамках любой из внутригосударственных организаций свойственные ей органы управления осуществляют функции по правоприменению, то при реализации последних эти органы управления выступают государственными органами. И они утрачивают качество государственных органов, когда прекращают заниматься правоприменением.

Точно так же обстоят дела и с отдельными людьми в рамках организаций, специально создаваемых для выполнения ими такой функции безотносительно к членству этих лиц в иных конкретных внутригосударственных организациях. Если эти лица осуществляют функции по управлению государственно-организованным обществом целиком, то есть, в частности, правоприменение, когда, например, в составе контингента избирателей голосуют на выборах главы государства, то они являются государственными органами. Выполнив же такие функции, эти лица государственными органами уже не являются.

Обоснование только что изложенной идеи об отдельных гражданах как о государственных органах и субъектах применения права таково: «К правоприменительной деятельности относится “назначение на должность” в системе органов государства. Указанное назначение может осуществляться коллективом, имеющим субъективное юридическое право так поступать. Причем контингент избирателей на выборах органов государства как раз и есть подобного рода коллектив.

Ясно, что такой контингент состоит из отдельных граждан. Поскольку каждый из них вместе с остальными участвует в упомянутых выборах как правоприменительной деятельности в качестве лица, осуществляющего назначение на должность приемлемого для него кандидата, то всякий избиратель является субъектом отмеченной деятельности. Притом в этой роли избиратель

осуществляет функцию органа государства. Иными словами, он выступает таким органом»[1].

Разумеется, представленной логике противоречат убеждения многих современных российских юристов и действующие юридические нормы отечественного государства. В частности, в последних закреплено иное, чем этого требует логика, понимание государственных органов и субъектов применения права.

Что касается указанных убеждений, то для изменения их предназначена только что изложенная авторская аргументация. Относительно же закрепленного в современных отечественных юридических нормах понимания государственных органов и субъектов применения права возможно два варианта действий. Первый — отказаться от изложенной логики в пиетете перед действующим правом. Второй — выступить за коррекцию существующих юридических норм по вопросам о том, что такое государственные органы и как следует определять субъектов применения права.

Для выбора верного варианта из этих двух целесообразно обратиться к наработкам методологии юридической науки. Один из таких результатов сформулировал Г. Еллинек. Как он указал, «“научная критика не должна подчиняться тексту” формальных источников права, излагающих юридические нормы»[2]. Отсюда ясно, что, в частности, формулировки действующих отечественных правовых норм о том, что такое государственные органы и каков перечень субъектов применения права, не только могут, но

---

[1] *Дробышевский С. А.* Введение в теорию и историю политически организованного общества и права: критика юридической антропологии Э. А. Хобеля. Москва, 2022. С. 105. Автор ссылается на работы: *Венгеров А. Б.* Теория государства и права. Москва, 2000. С. 432; *Бахрах Д. Н.* Административное право. Москва, 1999. URL: http://www.pravo.vuzlib.org/book_z805_page49.html (дата обращения: 22.04.2014); *Дробышевский С. А., Рушалюк С. И., Савенков О. В.* Пути достижения политической власти // Проблемы теории и истории государства и права / под ред. С. А. Дробышевского и Т. В. Протопоповой. Красноярск, 2015. С. 78.

[2] *Дробышевский С. А.* История политических и правовых учений: основные классические идеи. Москва, 2018. С. 359; *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. Санкт-Петербург, 1908. С. 406.

и должны быть подвергнуты научной критике, если искажают реальное положение дел.

Приведенное суждение Г. Еллинека является правильным, ибо недвусмысленно вытекает из элементарной аргументации. Она такова. Действующие юридические нормы сформулированы в итоге размышлений их творцов, но последние могут ошибиться. В случае выявления этого рода ошибки ее требуется исправить путем изменения некорректных правовых норм. Нельзя оставить их в неизменном виде только потому, что они входят в право.

Вот почему есть смысл прислушаться к изложенной идее Г. Еллинека при решении вопроса о том, что делать с правовыми нормами, закрепляющими некорректное представление о государственных органах и о субъектах применения права. Ведь только таким образом можно добиться отражения в действующем отечественном праве реального положения дел в современном российском государственно-организованном обществе относительно указанных предметов. Причем этот отказ от иллюзий, как и всякий другой, позволит более эффективно решать актуальные проблемы обеспечения сохранения и прогресса отечественного государства наших дней.

В юридической литературе о требованиях к правильному применению права сформулировано следующее суждение: «Принцип обоснованности правоприменительной деятельности означает полное выявление, тщательное изучение и использование всех относящихся к делу материалов, принятие решения только на основе достоверных, хорошо проверенных и не подлежащих сомнению фактов. Данный принцип лежит в основе других принципов»[1].

С последним суждением из приведенной цитаты согласиться нельзя. Главный из рассматриваемых принципов — законность. Лишь при его реализации воля суверенной власти, выраженная в нормах права, проводится в жизнь и выступает назначением правоприменительной деятельности.

Отсюда при кажущейся правоприменителю обоснованности деятельности, противоречащей имеющимся юридическим прави-

[1] *Марченко М. Н., Дерябина Е. М.* Теория государства и права. Москва, 2013. С. 267.

лам, он не только не должен, но и не может последнюю осуществлять. Задача правоприменителя в этом случае — доведение указанного факта до сведения правотворческих структур. Лишь в условиях соблюдения законности встает вопрос о действии иных принципов правильного применения права.

Разумеется, не совсем так обстоят дела в ходе правотворчества. В этом процессе обеспечение обоснованности принимаемых юридических норм — приоритетная задача, но и при правотворчестве те регулирующие его нормы права, которые суверенная власть установила и считает нужным сохранять, должны реализовываться.

Сформулированная логика, предполагающая разное значение принципа обоснованности при правотворчестве и при применении права, объясняется просто. Формулировать обоснованную политику должны творцы юридических норм. Правоприменителям же следует проводить эту политику в жизнь, а не ставить палки в колеса политической линии правотворцев, реализуя иное, чем у создателей права, понимание обоснованности действий в ситуациях, на которые рассчитаны юридические нормы.

Между прочим, именно такая разница в трактовке принципа обоснованности при правотворчестве и при правоприменении вытекает из более общего рассуждения о политике, автором которого является М. Вебер. Как известно, он писал следующее: «Лица, служащие в аппарате политика, должны ему “слепо повиноваться, … без помех, вызываемых тщеславием уважаемых людей, или претензий как следствий собственных взглядов”. Ведь “подлинной профессией настоящего чиновника” как члена подобного аппарата “не должна быть политика”. Он призван управлять “прежде всего беспристрастно… В случае если, несмотря на его представления, вышестоящее учреждение настаивает на кажущемся ему ошибочном приказе, дело чести чиновника — выполнить приказ под ответственность приказывающего, выполнить добросовестно и точно, так, будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям. Без такой в высшем смысле нравственной дисциплины и самоотверженности развалился бы весь аппарат. Напротив, честь политического вождя, то есть руководящего государственного деятеля, есть прямо-таки исключительная личная ответственность за то, что он делает, ответственность,

отклонить которую или сбросить ее с себя он не может и не имеет права". Эта ответственность состоит в расплате "за предвидимые последствия своих действий"»[1].

По мнению М. В. Залоило, «конкретизация юридических норм представляет… процесс, заключающийся… в переводе абстрактных юридических норм в более определенные правила, развитии посредством уточнения, детализации, дополнения; в индивидуализации юридических норм применительно к конкретным субъектам правоотношения, их правам и обязанностям… Конкретизация юридических норм»[2] осуществляется, в частности, «в сфере правоприменения»[3].

М. В. Залоило в качестве примеров, по его мнению, правоприменительной конкретизации права приводит восполнение пробелов в праве путем аналогии закона и аналогии права. Этот исследователь пишет так: «В сфере правоприменения» выделяется «конкретизация юридической нормы, регулирующей аналогичные отношения, при наличии пробелов в праве… Применяя сходные предписания по аналогии закона при наличии пробелов в праве, правоприменитель конкретизирует юридическую норму, регулирующую аналогичные отношения. Юридическая норма, применяемая по аналогии закона, предназначена для регулирования других, родственных отношений; она не регулирует прямо рассматриваемые отношения. Правоприменитель должен уточнить ее действие не применительно к регулируемым ею отношениям, а относительно рассматриваемого отношения, неурегулированного "собственной" юридической нормой. В данном случае осуществляется конкретизация сферы действия юридической нормы, применяемой по аналогии, а закрепленные ею права и обязанности подвергаются уточнению, переносятся на участников рассматриваемого дела.

Правоприменитель, разрешая дело по аналогии права, конкретизирует общие правовые категории, отражающие общие

---

[1] *Дробышевский С. А.* История политических и правовых учений: основные классические идеи. Москва, 2018. С. 319.

[2] *Залоило М. В.* Понятие и формы конкретизации юридических норм: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2011. С. 8.

[3] Там же. С. 9.

начала и смысл законодательства, требования добросовестности, разумности, справедливости, гуманности»[1].

Относительно приведенных выше суждений М. В. Залоило уместно такое замечание. Восполнение пробелов в праве не является ни правотворчеством, ни правоприменением. Это ясно из результата восполнения пробела в праве. Таким результатом выступает и не претворение в жизнь правовой нормы в неизменном виде, что характерно для применения права, и не создание новой нормы права, что свойственно для правотворчества. Рассматриваемый результат есть создание при восполнении пробела в праве нового правила и реализация его лишь применительно к юридическому делу, относительно которого пробел в праве выявлен. Это новое правило не является нормой права, так как не присутствует в формальном источнике права[2].

Скорее всего, приведенная критика при ее учете может способствовать оптимизации применения права и, в частности, совершенствованию лиц, которых правоприменение затрагивает. Необходимость же такого совершенствования для надлежащего применения права очевидна.

В самом деле, применение права — часть политики. Качество же ее оценивается, как известно, «через призму “неотразимого и бессмертного вопроса Платона: а сделала ли эта политика граждан из худших лучшими?”»[3]. И высококачественное применение права предполагает только утвердительный ответ на этот вопрос.

---

[1] *Залоило М. В.* Понятие и формы конкретизации юридических норм: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2011. С. 9.

[2] См.: *Дробышевский С. А., Тихонравов Е. Ю.* Способы восполнения пробелов в праве. Москва, 2018. С. 152–162.

[3] См.: *Дробышевский С. А.* История политических и правовых учений: основные классические идеи. Москва, 2018. С. 416.

УДК 34

Карташов В. Н.,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой теории и истории государства Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова

Повышение качества нормативных правовых актов — приоритетное направление оптимизации правового регулирования общественных отношений

Res est misera ubi jus est vagum et incertum[1]

Проблеме качества нормативных правовых актов и правотворчеству в целом в отечественной и зарубежной литературе посвящена масса монографий, научных статей и тезисов докладов, учебных и учебно-методических пособий, кандидатских и докторских диссертаций[2]. Отдельными учеными и депутатами, их коллективами, научными и учебными организациями было подготовлено несколько десятков проектов только федеральных законов «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», в которых, естественно, затрагивались вопросы качества нормативных актов. К сожалению, ни один из проектов не стал законом. Юридическая доктрина не была воплощена в правотворческую практику; количество идей, концепций и проектов не переросло в качество. Причин тому несколько.

[1] Плохо дело, когда закон неясен и неопределен (лат.).

[2] См., например: *Игнатенко В. В.* Правовое качество законов об административных правонарушениях: дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 1999; *Карташов В. Н.* Качественный нормативный правовой акт как компонент правотворческой технологии // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 211–214; *Его же.* Правотворческая технология: учебно-методическое пособие. Ярославль, 2023; *Поленина С. В.* Качество закона и эффективность законодательства. Москва, 1993; *Сырых Е. В.* Общие критерии качества закона: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2001.

© Карташов В. Н., 2023

Во-первых, юридическое содержание права и нормативных правовых актов подавляющее большинство авторов сводят к нормам права. В. Ю. Самородов в автореферате о культуре правотворчества пишет: «Под правотворческим результатом мы понимаем итоговую часть правотворческой деятельности, выражающуюся в фактах создания норм права (их системы), внесения поправок в законодательство, принятия решения об отмене законов»[1].

Содержание права составляет вся совокупность элементов и свойств. В праве соединены различные субстанции: нравственная и юридическая, философская и социологическая, психологическая и другие. Юридическое содержание права и нормативного правового акта составляют нормативно-правовые предписания. Это понятие позволяет охватить все элементы содержания права, весьма удачно соединить логический и языковой, правовой и иные его аспекты.

Нормативно-правовые предписания — первичный элемент, клеточка юридического содержания права. Это логически завершенное и цельное, формально-определенное и общеобязательное веление (распоряжение, правило и пр.), которое регулирует поведение людей, их коллективов и организаций.

Среди нормативно-правовых предписаний особое место занимают нормы права. Они выступают общим масштабом (моделью) поведения, поэтому вряд ли правы отечественные (Л. И. Петражицкий, А. В. Поляков) и зарубежные (Г. Кельзен, Э. Паттаро) авторы, которые считают нормами права индивидуальные предписания. Особо хотелось бы подчеркнуть, что нормы права издаются и обеспечиваются не только государственными, но и негосударственными органами, поэтому прав был О. Эрлих полагая, что только официальное право может обеспечиваться государственным принуждением[2]. Некоторые авторы (С. Н. Касаткин и Э. Паттаро) считают нормы права даже «самообязывающей силой».

---

[1] *Самородов В. Ю.* Культура правотворчества в современной России: проблемы теории и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2023. С. 11–14.

[2] См.: *Ehrlich O.* Grundlegung der Soziologie des Rechts. München, 1913. P. 61–62.

Нормы права имеют предоставительно-обязывающий характер. Они устанавливают юридическую меру возможного и должного деяния, являются типичными образцами и стандартами коммуникативной и социально-преобразующей деятельности, выступают специфическими регуляторами поведения, закрепляя права и обязанности сторон, условия их действия, методы реагирования в случае нарушения. Можно также выделить полиструктурность и полифункциональность норм права.

Кроме этого, в литературе выделяют «нетипичные нормативные предписания» (В. М. Горшенев), «нормы всеобщего содержания» (А. В. Мицкевич), «суждения нарративного типа» (И. Н. Грязин), «когнитивные правила законодательства» (А. В. Поляков). Более грамотным является употребление словосочетания «нестандартные нормативно-правовые предписания». Многие из них (принципы права, легальные дефиниции, предписания-сроки) существуют с древнейших времен. Появление новых разновидностей (легальных схем, формул, нормативных рисунков) — это закономерный процесс развития общества.

Для нетипичных нормативно-правовых предписаний характерны нетрадиционные логические, грамматические, графические, математические, юридические и иные способы изложения правового материала (нормативные рисунки выражены с помощью пятен, графических и иных способов, юридические формулы цифрами и иными математическими средствами). Не случайно Л. Эннекцерус называл их «незавершенными правовыми нормами»[1].

Безусловно, что все отмеченные элементы юридического содержания права и их качественные характеристики должны учитываться при подготовке, издании (изменении и пр.) разнообразных нормативных правовых актов.

Следует также согласиться с В. К. Бабаевым, что «нормативность — явление не сугубо правовое. Оно коренится в природе человека и присуще любому социальному организму. <…> Фиксируя сгустки человеческих знаний и деятельности в опреде-

[1] *Карташов В. Н.* Нормы права, нормативные предложения и предписания: некоторые уточнения позитивной концепции права // Как возможна логика в праве?: коллективная монография / под ред. М. В. Антонова [и др.]. Санкт-Петербург, 2021. С. 393–412.

ленных правилах (нормативах), человечество закрепляет достигнутые знания и опыт, постоянно наращивая их, вводит социальную жизнь в нормальные рамки»[1].

Во-вторых, качественные нормативные правовые акты не могут разрабатываться только в рамках правотворческой (законодательной) техники. Последняя представляет собой инструментальную часть, совокупность общесоциальных, технических, юридических и иных средств правотворческой технологии. Если из последней мы исключаем правотворческую тактику (приемы, способы, методы и правила использования средств), стратегию (принципы, долгосрочные планы и прогнозы), процессуальные формы (стадии, производства и режимы), ресурсообеспеченность (финансовые, трудовые и иные затраты), соответствующие виды мониторинга и другие элементы технологии, то тем самым трудно гарантировать издание качественных и эффективных нормативных правовых актов. Нарушается «принцип цельной картины», суть которого заключается в следующем: «ученые-исследователи настолько поглощены своими попытками добиться чего-то в узкой области, что не в состоянии получить цельного представления ни о чем — в том числе и о собственных исследованиях»[2].

В-третьих, в литературе принято выделять логические, языковые, содержательные, формальные, структурные, реквизитные и иные требования, предъявляемые к нормативным правовым актам и их качеству[3]. В теоретическом плане такой подход не вызывает возражений. Однако судьям, следователям, прокурорам и другим практикующим юристам указанные и иные «тонкости» не всегда удобны в их деятельности. Выход из данной ситуации, на наш взгляд, заключается в том, что необходимо составить понятный для понимания перечень важнейших, необходимых свойств нормативных правовых актов, который обеспечивает определенность и оптимальность правового регулирования поведения людей, их коллективов и организаций.

---

[1] *Бабаев В. К.* Понятие права // Теория государства и права: учебник для бакалавров / под ред. В. К. Бабаева. Москва, 2013. С. 247.

[2] Полное собрание законов Мерфи / пер. с анг. Минск, 2005. С. 345.

[3] См., например: *Кашанина Т. В*. Юридическая техника: учебник. Москва, 2022. С. 145–245.

В этом плане предлагаются различные варианты существенных свойств (требований), которые характеризуют качество любого нормативного правового акта. Так, Е. В. Сырых полагает, что «общими критериями юридического, языкового и социального аспектов качества законов являются нормативность, системность, конкретность, полнота, юридическая правильность ненормативных элементов закона, простота, краткость, ясность, точность, социальная обусловленность и адекватность способов правового регулирования социальной действительности[1].

Коллектив Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации в своем проекте в 2013 году сформулировал следующие требования к качеству нормативных правовых актов: нормативность, полнота, конкретность, системность, точность, ясность, простота, краткость, социально-экономическая обоснованность и эффективность[2].

По нашему мнению, к параметрам качества нормативных правовых актов относятся следующие:

а) адекватное отражение реальной действительности;

б) безупречно, то есть ясно, точно и доступно излагать соответствующие нормативно-правовые предписания;

в) оперативное и полное отражение назревших потребностей и интересов людей, их коллективов и организаций, государства и общества в целом;

г) наличие открытой и достоверной юридической и иной информации;

д) соответствие фундаментальным нравственным началам;

е) научная обоснованность, стабильность и динамичность;

ж) отсутствие ошибок, пробелов, коллизий и иных погрешностей;

з) содействие повышению правосознания и правовой культуры физических и должностных лиц.

---

[1] См.: *Сырых Е. В.* Общие критерии качества закона: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2001. С. 13–14.

[2] См.: Проект Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (инициативный законопроект). Москва, 2013. С. 34–35.

Таким образом, указанные и иные параметры качества нормативных правовых актов будут способствовать оптимизации правового регулирования поведения людей в различных сферах жизнедеятельности общества.

УДК 34

Шафиров В. М.,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Человеческое измерение и оптимизация правового регулирования

Правовое регулирование — один из важнейших видов социального регулирования. Принято считать, что это наиболее жесткий вариант воздействия (по сравнению, например, с моральным) на общественные отношения. Оно исходит от государства, опирается на возможность применения государственного принуждения. Неслучайно известная аксиома гласит: «Закон суров, но это закон». Преимущество в нем отдается внешнему воздействию на поведение субъектов, вследствие чего всегда стоят проблемы избыточности, пределов правового воздействия. С правовым регулированием преимущественно связываются институциональные ценности (государство, его органы, законы, подзаконные акты). Главное регулятивное средство воздействия на поведение людей — общеобязательное юридическое предписание (норма права). Среди других средств регулирования выделяются: индивидуальные властные

© Шафиров В. М., 2023

акты, меры физического, психического, организационного принуждения и др. Такой взгляд на правовое регулирование вполне оправдан в рамках теории юридического позитивизма.

Вместе с тем он не учитывает, что в Конституции Российской Федерации получила нормативное закрепление идея человекоцентризма или человеческого измерения: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2). На данной методологической основе произошла смена парадигмы правопонимания. При построении теоретической и нормативной модели конституции были использованы не только положения юридического позитивизма. «Отличительной чертой российской конституции, — подчеркивает В. Д. Зорькин, — является то обстоятельство, что в ней достаточно четко сформулированы ее концептуальные основы, базирующиеся на естественно-правовом подходе к пониманию права»[1]. Конституционная концепция правопонимания имеет четко выраженный интегративный (естественно-позитивный) характер. В конституции изменен подход к содержанию права: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими; они определяют смысл, содержание… законов,..» (ст. 18). Следовательно, не юридические нормы, а закрепленные в них права, свободы и обязанности являются элементами содержания права. В данной связи совершенно очевидно, что оптимизация правового регулирования и, прежде всего, правотворчества требуют новых подходов.

Права и свободы коррелируют с дозволительным правовым регулированием, но в рамках доминирующей сегодня позитивной теории права, как уже отмечалось, главное средство правового регулирования — общеобязательное юридическое предписание. Норма, содержащая права, тоже обязательное предписание. Такой угол зрения дает искаженное представление о правовом регулировании, построенном на правах и свободах. Это, несомненно, сказывается на эффективности правового регулирования в целом, настраивает на понимание права как жесткого, только внешнего, обязательно-принудительного нормативного регулятора. Задача современной юридической науки — выделить наиболее выгод-

[1] *Зорькин В. Д.* Конституционно-правовое развитие России. Москва, 2011. С. 53.

ные стороны правового регулирования, его ориентированность на человека, учет его прав и интересов. Будут рассмотрены следующие основные направления оптимизации дозволительного правового регулирования.

1. *Развитие конституционного положения о непосредственном действии прав и свобод*. Основные права и свободы — это не идеи общественного сознания, как принято считать в классической теории естественного права, а права и свободы, выраженные в юридических правилах поведения или нормативных правовых обобщениях (в первую очередь в принципах права) и нормах права и закрепленные в Конституции Российской Федерации. Определенность данной конституционной формулы состоит, во-первых, в том, что названы носители прав и свобод — любой человек и гражданин; во-вторых, указаны те, кто обязан содействовать и обеспечивать непосредственное действие прав и свобод — органы законодательной, исполнительной власти, местного самоуправления и органы, осуществляющие правосудие; в-третьих, охрана, защита прав и свобод должна проводиться независимо от того, конкретизированы содержащие их принципы и нормы Конституции Российской Федерации в отраслевом законодательстве или нет. Однако неопределенностей, пожалуй, больше. Они связаны с отсутствием легальных дефиниций, с особенностями непосредственного действия отдельных видов прав с процедурными моментами и др. Многим же должностным лицам привычнее применять детализированные нормы права, и всякая нешаблонность, новизна для них равносильны хождению «по минному полю», поэтому пока в повседневной юридической практике с реализацией формулы о непосредственном действии прав и свобод большие трудности. Реально она применяется в работе КС РФ, Верховного Суда Российской Федерации. Улучшить ситуацию можно, внося дополнения и изменения в правовое регулирование. Тем более, что в рассматриваемой конституционной новелле заложено развитие законодательства.

Здесь допустимо выделить два направления: 1) конкретизация положения о непосредственном действии прав и свобод в отраслевых кодексах Российской Федерации (Гражданском, Семейном, Трудовом и т. д.); 2) принятие отдельного закона о непосредственном действии прав и свобод. В таком законе могут быть

определены основные понятия, особенности непосредственного действия различных прав (личных, политических, экономических, культурных), процедурные вопросы и т. д.

2. *Легализовать, закрепив расширенный состав нормативных регулятивных средств (правил поведения).* В теории юридического позитивизма (особенно узконормативном варианте) единственным правилом поведения, первичным элементом системы (внутренней формы) права признается норма права. Так, принципы права относят тоже к нормам, но наиболее общим, специальным, нетипичным, но в отличие от собственно норм они не являются правилами поведения, непосредственно не регулируют его, поскольку сами не закрепляют прав и обязанностей. Видимо, по этой причине принципы права не признаются в качестве самостоятельного нормативно-регулятивного средства. Это устоявшаяся, но не конструктивная позиция. Правда, исключение делается для аналогии права. «При невозможности использования аналогии закона, права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства…» (ч. 2 ст. 6 ГК РФ). Статьи об аналогии права есть и в других кодексах (ч. 3 ст. 11 ГПК РФ, ч. 2, ст. 7 ЖК РФ, ст. 5 СК РФ). Использование термина «аналогия» для установления смысла законодательства, представляется, формальным, дезориентирующим. О каком сходстве и с чем может идти речь, в частности, в отношении общеправового принципа верховенства права, ибо он по своей сути уникален и неповторим. Не понятно — какое сходство и с чем можно найти, руководствуясь смыслом законодательства. Смысл, в общепринятом понимании — это содержание, значение чего-нибудь. Определение смысла права при отсутствии норм предполагает обращение к другим общим правилам поведения.

Конечно, возникает вопрос: «Что понимать под общим правилом?» Общее правило поведения — это общая модель возможного и должного поведения. Сложилось два вида общих правил: нормы права и нормативные обобщения. Конкретное, структурно организованное правило — это норма права. Нормативные обобщения — правила поведения, которые в сжатом, концентрированном виде выражают содержание права. Нормативные обобщения так же, как и нормы являются первичными элементами системы (внутренней формы) права. К ним относятся: правовые

принципы, цели, задачи, дефиниции и т. п. Следовательно, правовое регулирование не должно сводиться к нормам или к их системе. Это комплексное правовое воздействие на общественные отношения посредством нормативных правовых обобщений и норм права. В законодательстве вместо неработающей фикции «аналогия права» в отдельной статье следует установить, что применение нормативных обобщений должно проводиться во всех ситуациях: как урегулированных конкретными нормами (включая и сходными), так и неурегулированных ими. В данной статье должен быть дан перечень нормативных обобщений. Это особенно важно для последовательного внедрения в жизнь новелл о прямом действии Конституции России, непосредственном действии прав и свобод.

3. *Изменить взгляд на управомочивающую норму как предписание о должном.* Согласно такой точке зрения одинаково должным (общеобязательным) является поведение, установленное посредством прав и обязанностей. Еще, Н. М. Коркунов писал: «…Юридические нормы, как и все вообще нормы, суть правило должного и в этом смысле веления. Будучи правилом должного, они не могут дозволять, определять, описывать, а всегда повелевают, всегда указывают, что и как должно быть сделано для разграничения сталкивающихся интересов»[1]. Увы, до сих пор данная позиция не преодолена. С этим согласиться нельзя. Только юридические нормы, закрепляющие обязанности, могут быть названы предписаниями. В управомочивающих нормах содержатся лишь права и свободы. Им не свойственны следующие признаки: властное предписание, общеобязательность, представительно-обязывающий характер, принудительность исполнения. Признаки управомочивающей нормы качественно иные:

— правило-предложение. Оно не предписывает каких-либо действий (бездействия), не ограничивает их, а содержит

[1] Цит. по кн.: *Хропанюк В. Н.* Теория государства и права: хрестоматия: учебное пособие. Москва, 1998. С. 520. Аналогичную точку зрения можно найти у Г. Ф. Шершеневича. По его мнению, требование норм исчерпывается приказами и запретами, а поэтому «дозволительная форма не совместима с повелительным содержанием закона». См.: *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. Вып. 2. Москва, 1911. С. 393.

выверенные ориентиры желательного, выгодного для субъекта поведения;

— побуждает субъектов к правомерному поведению посредством достаточно мягких формулировок «вправе», «может»;

— реализация правила предложения непосредственно зависит от свободного волеизъявления субъекта, от его признания и принятия им;

— обеспечивается обществом, государством с помощью позитивных средств воздействия. Применение мер правового принуждения за неиспользование прав недопустимо.

Поэтому в процессе правового регулирования на различных его стадиях надо учитывать особенности (признаки, содержание, структуру, меры обеспечения) управомочивающих норм (устанавливающих права) и норм-предписаний (устанавливающих обязанности). Недоучет отличительных особенностей норм приводит к ошибкам в правотворчестве и правоприменении (умалению прав, отождествлению прав и обязанностей, неправильному выбору способа правового регулирования и т. д.). В частности, вызывает недоумение предложенная законодателем модель выбора способа управления многоквартирным домом (или иначе способа правового регулирования). В части 2 статьи 161 ЖК РФ установлено: «Собственники помещений в многоквартирном доме **обязаны** (выделено мной. — **В. Ш.**) выбрать один из способов управления многоквартирным домом:

1) непосредственное управление собственниками помещений в многоквартирном доме, количество квартир в котором составляет не более чем тридцать;

2) управление товариществом собственников жилья либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом;

3) управление управляющей организацией».

Почему именно позитивное обязывание увязывается с правом выбирать? Выбор, прежде всего и главным образом, связан с правами, то есть дозволением. Выбор человека является свободным, когда за пределами запрещенного он ничем не ограничен, кроме его собственной воли. Отказ управомоченного от выбора поведения правомерен, а значит, не наказуем. Допущенная ошибка в выборе способа правового регулирования очередной раз до-

казывает «живучесть» восприятия всякой правовой нормы в качестве обязательного предписания.

4. *Усилить роль психологического компонента в механизме дозволительного правового регулирования*. Устоялось мнение об индифферентности правового воздействия *при* использовании прав. Л. Ш. Берекашвили пишет: «Следует отметить, что реакция государства на отклонения от исполнения тех или иных норм неодинакова. Так, при неиспользовании гражданином своих прав оно остается безучастным, в то время как в случаях нарушения им обязывающих или запрещающих норм к нарушителям применяются принудительные меры[1]». Изложенный подход к субъективной стороне правомерного поведения по использованию прав противоречит конституционной (естественно-позитивной) концепции понимания права. Дозволительное правовое регулирование требует не только свободного от подчинения и принуждения пространства (территории), особой системы нормативно-регулятивных средств, но и иного (по сравнению с обязательным правовым регулированием) механизма психического побуждения. Главная отличительная черта такого механизма — ориентированность на субъективную сторону поведения. Для того чтобы цели, заложенные в праве, были достигнуты, определения лишь внешних границ дозволенных действий явно недостаточно. Важно, чтобы человек, которому адресованы права и свободы, обратил на них внимание, осмыслил их, увидел в них именно то самое недостающее, открывающее путь к желанной цели, проявил готовность воспользоваться ими. Одно внешнее, формальное осуществление прав и свобод без развитого правового внутреннего настроя не даст необходимого результата ни личности, ни обществу.

Итак, отличительная особенность воздействия дозволительного правового регулирования в том, что оно является не ограничивающим или принуждающим, а позитивно побуждающим. Это и должен учитывать законодатель в процессе подготовки проектов законов. В частности, применять позитивные средства обеспечения (правовое стимулирование, содействие правомерному поведению т. д.), воздействие которых призвано реально гаран-

[1] *Берекашвили Л. Ш.* Обеспечение прав человека и законности в деятельности правоохранительных органов: учебное пособие. Москва, 2000. С. 15.

тировать расширение свободы выбора и действия управомоченного, открыть дополнительные преимущества от активного поведения. В этом заключается одно из основных условий того, что право способно пользоваться не только внешним, но и внутренним авторитетом, быть явлением далеко не безразличным человеку. В данной связи обоснованно иначе подойти к проблеме пределов правового регулирования. Воздействие, построенное на правах и свободах, благоприятно для личности. Чем больше прав, тем больше простора для ее самореализации. В дозволительном правовом регулировании более актуален вопрос о гарантиях прав, нежели о его пределах. Другое дело, что, осуществляя права и свободы, человек не должен нарушать права и свободы других лиц (ст. 17 Конституции Российской Федерации).

5. *Устранить несбалансированность гарантий прав субъектов в отраслевом законодательстве.* Конституция Российской Федерации дает четкие ориентиры в решении данной проблемы: «Каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами…, предусмотренные Конституцией Российской Федерации» (ч. 2 ст. 6); «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от.., а также других факторов» (ч. 2 ст. 19). Задача отраслевых законов — обеспечить уравновешенность гарантий прав и свобод субъектов, в соответствии с требованиями Основного правового документа страны. Это удается не всегда. Возьмем в качестве примера уголовное законодательство (материальное и процессуальное). Человек и гражданин выступают в уголовно-правовых отношениях (материальных и процессуальных) в двух основных правовых ролях: лицо, совершившее преступление, и лицо, пострадавшее от преступления. Отсюда нужно было одновременно юридически уравновесить элементы правовых статусов потерпевшего и правонарушителя, включая гарантии прав[1]. Даже самый общий анализ статей общей части УК РФ (задачи — ст. 2, принципы: справедливости — ст. 6, гуманизма — ст. 7, цели — ст. 43) показывает, что все направлено на гарантирование прав правонарушителя. Что касается потерпевшего, то к обеспечению

[1] См.: *Шафиров В. М.* Человеческое измерение и уголовное законодательство // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 43–45.

его прав обнаруживается присущий юридическому позитивизму формальный подход. О потерпевшем в процитированных статьях даже не упоминается.

В УПК РФ в статьях о назначении уголовного судопроизводства (ст. 6); о принципах: уважение чести и достоинства личности (ст. 9); охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11); состязательности сторон (ст. 15) определенный баланс гарантий прав в отношении потерпевшего и правонарушителя соблюдается. Однако в ключевом вопросе такой баланс нарушен. В УПК РФ содержится статья 16 «Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту». В тексте данной статьи о потерпевшем нет ни слова. Отсутствует и отдельная сходная статья для потерпевшего. Это противоречит части 1 статьи 48 Конституции Российской Федерации. В ней закреплено: «**Каждому** (выделено мной. — **В. Ш**.) гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно».

Не только в уголовном законодательстве существует проблема неравновесия в гарантиях прав субъектов. Подобная проблема есть и в других отраслях права, законодательства.

6. Сближение правового и нравственного регулирования. В правоведении все еще не утратили актуальность суждения о праве, правовом регулировании как «минимуме нравственности», сфере только внешней свободы, средстве ограничения свободы, принуждения. Считается, что субъекты правореализации лишены возможности выбирать, саморегулировать свое поведение, их задача поступать однозначно: «только так, а не иначе». Делается также вывод, что решать по-человечески — предназначение морали, а не права. Это устаревшие, не отражающие современную правовую действительность, утверждения, неверно ориентирующие юридическую практику (правотворческую, правореализующую). В них не принимается во внимание, что Конституция Российской Федерации, выделяя личностную природу права, провозглашая человека, его права высшей ценностью, создает нормативные и теоретические основы для сближения (но не устранения различия) правового и морального регулирования, выстраивает условия для углубления их взаимодополнительности. Под углом зрения человеческого измерения право

и мораль выступают как однонаправленные, имеющие общие цели — регуляторы поведения. Данное обстоятельство позволяет констатировать факт, что Конституция Российской Федерации не только юридический, но и нравственный (в той мере, в какой затрагиваются права, свободы и обязанности людей) документ. Защита нравственности отнесена к числу основных приоритетов главного правового документа государства (ч. 3 ст. 55). Существенные изменения во взаимодействии двух мегарегуляторов (права и морали), произошедшие под влиянием Конституции Российской Федерации, были бы невозможны при сохранении действия формулы «право — минимум нравственности».

Возрастает роль и значение в механизме правового регулирования профессиональных кодексов этики (Кодекс судейской этики, Кодекс этики прокурорских работников и др.). Они — руководство к действию, а не просто нужная формальность. Сближению права и морали как регуляторов поведения способствует сформированный на основе Конституции Российской Федерации новый образ современного отечественного права, которое предстает как гуманное, выражающее свободу и справедливость, разумное, ориентированное на внутреннее и внешнее поведение, определенное, обеспеченное государством и обществом социальное явление. Все это позволяет утверждать, что подходить по-человечески, справедливо, разумно, проявляя уважение к достоинству личности, неравнодушие к ее физическому и (или) нравственному страданию, нужно не только в процессе нравственного, но и правового регулирования (в частности, при подготовке проектов нормативных актов, принятии индивидуальных актов).

Таким образом, человеческое измерение позволяет с новых методологических, концептуальных позиций подойти к раскрытию правового регулирования. И самое существенное — выдвинуть на первые позиции дозволительный вид правового регулирования, находившийся длительное время в тени обязательного правового регулирования. Это искажало представление о правовом регулировании, построенном на правах и свободах. В современных условиях особенно актуально максимизировать в полной мере все возможности дозволительного правового воздействия, что, несомненно, скажется на повышении значения в обществе правового регулирования в целом.

УДК 34

Тимченко В. А.,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной экспертизы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Правовое регулирование использования искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности

При определении термина «искусственный интеллект» (далее — ИИ), следует исходить из понятия интеллекта как такового. Естественно, существует множество определений понятия «интеллект». Например, Д. В. Степанов считает, что: «Интеллект — общая способность к познанию новых явлений объективной реальности. Данная способность к познанию включает в себя совокупность таких свойств психики, как ощущение, восприятие, память, представление, мышление и воображение»[1].

Отталкиваясь от понятия интеллекта, можно сформулировать определение искусственного интеллекта. В настоящее время в специальной литературе встречаются различные определения термина «искусственный интеллект». Так, по мнению И. А. Филиповой: «Искусственный интеллект — это способность искусственных интеллектуальных систем проявлять когнитивные функции: обучаться, в том числе на собственном опыте, подстраиваться под заданные параметры и выполнять задачи, которые ранее были доступны только человеку (или высшим животным)»[2]. В целом с данным определением можно согласиться, однако, по нашему мнению, в научном исследовании лучше исходить из официальных определений тех или иных терминов, если таковые существуют.

---

[1] *Степанов Д. В.* Интеллект, искусственный интеллект и право // Власть закона. 2020. № 1 (41). С. 99.

[2] *Филипова И. А.* Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. 2-е изд., обновл. и доп. Нижний Новгород, 2022. С. 8.

© Тимченко В. А., 2023

Определение термина «искусственный интеллект» в Российской Федерации имеется в нормативных правовых актах. В частности, в Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»[1] искусственный интеллект определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений». В дальнейшем исследовании мы исходим именно из этого определения термина «искусственный интеллект».

Следует отметить, что в вышеназванном документе введены также понятия сильного и слабого искусственного интеллекта. В частности, к слабому искусственному интеллекту отнесены технологические решения на основе метода машинного обучения, способные выполнять только узкоспециализированные задачи. Сильный искусственный интеллект, как отмечается в данном Указе Президента Российской Федерации, может мыслить, взаимодействовать и адаптироваться к изменяющимся условиям. Сильный искусственный интеллект считается сложной научно-технической проблемой.

Возможности использования искусственного интеллекта многообразны. Однако в целом, по мнению Я. Л. Менекер, направления искусственного интеллекта можно разделить на следующие категории: «анализ данных в целях выявления нетипичной деятельности или повторов; интерпретация данных, основанная на структурированной или неструктурированной информации; прогнозирование в целях оценки развития той или иной ситуации; взаимодействие с людьми — чат-боты или инструменты, которые имеют возможность реагировать на голос или действия

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41, ст. 5700.

своих пользователей; физическое взаимодействие с окружающей средой путем обработки информации от различных датчиков передачи данных; взаимодействие между алгоритмическими системами»[1].

Соглашаясь с автором, сделаем попытку определить основные направления использования искусственного интеллекта для решения задач судебно-экономической экспертизы.

1. Определение достаточности и достоверности объектов исследования.

Полагаем возможным с использованием систем машинного обучения научить искусственный интеллект правильно определять достаточность и достоверность объектов исследования. Достаточность объектов исследования определяется исходя из вопросов, вынесенных на разрешение судебной экспертизы. Под определением достоверности сведений, содержащихся в объектах экспертного исследования, понимается их проверка на наличие интеллектуальных подлогов, которые в отличие от материальных подлогов невозможно определить с помощью технико-криминалистической или почерковедческой экспертизы.

Для выявления интеллектуальных подлогов искусственный интеллект необходимо научить таким приемам работы с документами, как формальная, нормативная, логическая, встречная проверки, взаимного контроля, хронологического анализа и другим. Полагаем, что при наличии репрезентативной базы объектов исследования вполне возможно посредством машинного обучения научить искусственный интеллект таким приемам документальной проверки. Также необходимо обучить искусственный интеллект приемам выявления подлогов в учетных записях, материалах инвентаризации и отчетности. Причем выявление интеллектуальных подлогов с помощью искусственного интеллекта необходимо обеспечить как в объектах исследования, представленных на традиционных бумажных носителях, так и в объектах исследования, представленных в цифровой форме (файлы, базы данных и др.).

---

[1] *Менекер Я. Л.* Искусственный интеллект: от этики к правовому регулированию, основанному на принципе защиты прав человека // Право и цифровая экономика. 2021. № 2 (12). С. 4.

2. Формирование списка источников нормативно-справочной информации. Определение конкретных положений из источника нормативно-справочной информации, необходимых при производстве экспертизы.

Полагаем, что посредством машинного обучения с использованием репрезентативной базы нормативных актов и задач экспертного исследования, которые, как известно, вытекают из вопросов, поставленных на разрешение судебной экспертизы, можно научить искусственный интеллект определять перечень необходимых для производств судебной экспертизы нормативных актов. Также этим путем можно научить искусственный интеллект определять конкретные положения из нормативных актов, применение которых необходимо при производстве конкретной судебной экспертизы.

3. Выбор типовой методики исследования при ее наличии. Разработка частной методики судебно-экспертного исследования исходя из вопросов, поставленных на разрешение экспертизы.

В настоящее время типовые методики в классе судебно-экономических экспертиз практически отсутствуют. Это объясняется рядом причин, поэтому создание таких методик — дело будущего. Однако, если они будут созданы, то необходимо научить искусственный интеллект делать выбор одной типовой методики из нескольких. Причем типовую методику необходимо адаптировать для решения задач конкретной экспертизы, то есть, по сути, создавать на основе типовой методики конкретную методику.

До тех пор, пока типовые методики не разработаны, необходимо учить искусственный интеллект создавать конкретные методики, исходя из задач судебной экспертизы, объектов и методических приемов исследования, нормативно-справочной информации.

4. Выполнение экспертного исследования.

Возможность самостоятельного производства искусственным интеллектом судебной экспертизы является дискуссионным вопросом. Теоретически, данную деятельность искусственный интеллект осуществлять может, однако алгоритм судебно-экспертного исследования, выполненного искусственным интеллектом, неизвестен. Это обстоятельство делает невозможным признание результатов судебно-экспертного исследования, вы-

полненного искусственным интеллектом, в качестве доказательства в суде, поэтому полагаем, что в целом ответственность за достоверность выводов, полученных в результате судебно-экспертного исследования, должен нести человек, а не искусственный интеллект. Вместе с тем искусственному интеллекту можно поручать выполнение отдельных операций, из которых складывается судебно-экспертное исследование, причем алгоритм выполнения таких операций искусственным интеллектом должен быть понятен человеку.

Таким образом, искусственный интеллект должен выполнять не все судебно-экспертное исследование, даже если он может это делать, а только лишь те операции, алгоритм которых известен.

Однако, с целью выявления ошибок как искусственного интеллекта, так и судебного эксперта — человека, можно поручать производство судебной экспертизы искусственному интеллекту параллельно с выполнением этой работы человеком. Возможно, это в дальнейшем сделает понятным алгоритм действий искусственного интеллекта по производству судебной экспертизы.

5. Подготовка заключения по результатам судебной экспертизы.

Подготовка судебным экспертом заключения является конечным этапом экспертного исследования. Может ли эту работу выполнять искусственный интеллект? Полагаем, что может. Однако лишь на основе результатов отдельных этапов производства судебной экспертизы, выполненных человеком, а также выполненных искусственным интеллектом, но в дальнейшем проверенным судебным экспертом человеком. В таком случае подготовка экспертного заключения искусственным интеллектом является лишь технической работой, алгоритм выполнения которой понятен человеку, и имеется возможность перепроверить человеком правильность составления экспертного заключения.

Обобщая основные направления использования искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности, можно сделать вывод, что полностью заменить судебного эксперта — человека искусственным интеллектом невозможно.

Использование искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности в настоящее время нормативными актами не регулируется. Этот вопрос должен быть решен, так как в

противном случае, использовать искусственный интеллект небезопасно.

Обеспечение безопасности человека, общества и государства — это основная цель правового регулирования искусственного интеллекта в целом.

Мы разделяем точку зрения С. Ю. Кашкина и А. В. Алтухова, которые верно отмечают, что: «Все прежние экономические, промышленные, политические и технические революции не пытались вторгаться в святая святых — в интеллект, принадлежащий человеку в силу его природы, в интеллект суверенной и свободной личности. А нынешняя социально-цифровая революция в качестве своей главной конечной цели видит создание искусственного интеллекта, который готов вторгаться в интеллект естественный, в личность самого человека. Поэтому такая революция может иметь самый непредсказуемый для судеб человечества эффект»[1]. Таким образом, создание и использование технологий искусственного интеллекта, в том числе и в сфере судебно-экспертной деятельности, влечет за собой весьма опасные риски. Однако из этого не следует, что необходимо отказаться от таких технологий. Как справедливо отмечает О. А. Степанов: «...остановить дальнейшее развитие высоких технологий невозможно, но обеспечить такое развитие в направлении, приемлемом для существования человека, пока еще вполне реально. <…> Результатом действия норм права должно являться развитие социальных процессов в направлениях, приемлемых для дальнейшего существования человека как биологического вида»[2].

Полагаем, что и правовое регулирование использования искусственного интеллекта в сфере судебно-экспертной деятельности также должно ставить главной целью обеспечение безопасности человека, общества и государства.

Для достижения главной цели, правовое регулирование отношений в сфере технологий искусственного интеллекта должно

---

[1] *Кашкин С. Ю., Алтухов А. В.* В поисках концепции правового регулирования искусственного интеллекта: платформенные правовые модели // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 4 (68). С. 34.

[2] *Степанов О. А.* Правовое регулирование отношений в сфере безопасного функционирования и развития систем искусственного интеллекта: доктринальные аспекты // Правовая информатика. 2019. № 1. С. 61.

осуществляться на определенных принципах. В нашей стране эти принципы изложены в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 года № 2129-р. Среди них названы: стимулирование развития технологий искусственного интеллекта и робототехники регуляторными средствами; регуляторное воздействие, основанное на риск-ориентированном, междисциплинарном подходе и предусматривающее принятие ограничительных норм в случае, если применение технологий искусственного интеллекта и робототехники несет объективно высокий риск причинения вреда участникам общественных отношений, правам человека и интересам общества и государства; оценка при разработке нормативных правовых актов и иных документов в сфере искусственного интеллекта и робототехники социально-экономических последствий и рисков в условиях постоянного развития технологий, учет как положительного, так и отрицательного международного опыта регулирования; обязательность обоснованной оценки рисков причинения при применении искусственного интеллекта и робототехники вреда жизни и здоровью человека, реализации угроз обороне страны и безопасности государства и принятие мер, направленных на минимизацию таких рисков и угроз. Названы и некоторые другие принципы. Полагаем, что соблюдение этих принципов является обязательным и при разработке нормативно-правового регулирования создания и использования систем искусственного интеллекта в сфере судебно-экспертной деятельности. Причем система нормативно-правового регулирования использования искусственного интеллекта в данной области должна быть комплексной.

Мы разделяем мнение С. В. Никитенко, который справедливо отмечает, что: «регулирование в области ИИ должно быть комплексным и охватывать ряд смежных технологий, таких как «большие данные», облачные вычисления, машинное обучение и само роботостроение как техническую и программную базу для ИИ»[1].

[1] *Никитенко С. В.* Международно-правовое регулирование искусственного интеллекта: анализ текущего состояния и перспективы развития // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2021. № 2 (98). С. 154.

В сфере судебно-экспертной деятельности, по нашему мнению, необходимы нормы, которые бы конкретизировали использование «больших данных», «облачных» вычислений, машинного обучения исходя из целей и задач судебной экспертизы.

В настоящее время не урегулированы и вопросы правового статуса искусственного интеллекта. Нет ясности, что такое искусственный интеллект в системе гражданско-правовых отношений — вещь, программа, источник повышенной опасности или что-то иное? До тех пор, пока эта проблема не найдет решения, использование искусственного интеллекта в судебной экспертизе в целом и в судебно-экономической экспертизе в частности является невозможным, так как не понятно, кто несет ответственность за последствия неправильных выводов по результатам судебной экспертизы и каковы пределы этой ответственности. В этой связи мы поддерживаем мнение З. И. Хисамовой о том, что необходима разработка специального законодательства, касающегося создания, эксплуатации, оборота роботов и систем с ИИ, а также основных принципов, методов и пределов правового регулирования[1].

В научной литературе отмечаются и другие проблемы правового регулирования искусственного интеллекта. В частности, И. В. Петров и Е. В. Макаров отмечают, что: «в отечественном законодательстве отсутствует категория «обезличенные данные», под которую должны попадать «большие данные». Данная категория нетождественна категории «обезличенные персональные данные», так как отражает информацию о всем окружающем нас мире и протекающих в нем процессах и явлениях, а не информацию об определенном лице и его частной жизни»[2]. Полагаем, что правовое определение понятия «большие данные» необходимо дать и применительно к сфере судебной экспертизы, так как с использованием «больших

[1] *Хисамова З. И.* Правовое регулирование искусственного интеллекта // Baikal research journal. 2019. № 2. С. 19.

[2] *Петров И. В., Макаров Е. В.* Некоторые вопросы правового регулирования технологий «искусственного интеллекта» и «интернета вещей» в области обеспечения безопасности // Военное право. 2020. № 2 (60). С. 12.

данных» может осуществляться машинное обучение систем искусственного интеллекта, предназначенных для выполнения судебных экспертиз.

Изложенное позволяет сделать вывод, что общего универсального законодательства, регулирующего вопросы создания и использования искусственного интеллекта, недостаточно. Каждая сфера человеческой деятельности, в которой может использоваться искусственный интеллект, имеет существенную специфику. Не является исключением и судебно-экспертная деятельность, поэтому наряду с общим законодательством, регулирующим вопросы искусственного интеллекта, необходимы и нормы права, регулирующие использование искусственного интеллекта в конкретной сфере человеческой деятельности.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением О. М. Куницкой, которая справедливо полагает, что: «Формировать законодательное обеспечение использования и развития ИИ необходимо последовательно с учетом специфики конкретных сфер его применения. Оптимальным решением для Республики Беларусь могут стать создание государственной рамочной концепции развития правового регулирования использования систем ИИ, содержащей проблемы, общие подходы и направления регулирования, включающие в первую очередь разработку терминов и определений в сфере ИИ для целей установления предмета регулирования; возможность (невозможность) наделения определенным правовым статусом систем ИИ с разной степенью автономности; особенности применения ответственности за причинение вреда с использованием систем ИИ»[1].

Полагаем, такой подход к правовому регулированию искусственного интеллекта целесообразно использовать и в Российской Федерации. Причем разработка терминов и определений необходима не только для общего универсального законодательства, но и для нормативных правовых актов, регулирующих создание и использование искусственного интеллекта в конкретных

[1] *Куницкая О. М.* Правосубъектность систем искусственного интеллекта и формирование правового регулирования использования их технологий на этапе цифровизации экономики // Право.by 2021. № 2 (70). С. 91.

сферах деятельности. Общее законодательство не может предусмотреть специфики каждой отдельной отрасли.

Например, сфера судебно-экспертной деятельности весьма специфична по сравнению с другими сферами общественных отношений.

По нашему мнению, в сфере судебно-экспертной деятельности как минимум должны регулироваться вопросы использования искусственного интеллекта при осуществлении отношений, связанных с назначением судебных экспертиз; получением объектов исследования, их хранением и использованием; созданием типовых и конкретных методик экспертных исследований и непосредственным проведением судебно-экспертного исследования; подготовкой заключения эксперта; контроля судебно-экспертной деятельности; ответственности за результаты экспертной и организационно-управленческой деятельности.

При использовании искусственного интеллекта в сфере судебно-экспертной деятельности особо важное значение приобретает контроль решений искусственного интеллекта. Вопросы такого контроля должны найти отражение в нормативных правовых актах, регламентирующих использование искусственного интеллекта в конкретной сфере деятельности. Мы разделяем мнение К. М. Иванова, что: «Необходимо на законодательном уровне закрепить механизмы контроля решений ИИ. Должен быть разработан механизм тестирования технологий ИИ для их внедрения»[1]. Применительно к сфере судебно-экспертной деятельности особое значение приобретает понимание того, как искусственный интеллект делает экспертные выводы.

Отдельного внимания заслуживает проблема признания искусственного интеллекта субъектом права, в том числе в судебно-экспертной деятельности.

Так, по мнению Н. В. Остроумова: «В отсутствие четкого понимания сути отношений с участием носителя ИИ в качестве

[1] *Иванов К. М.* Современное состояние правового регулирования использования искусственного интеллекта // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2021. № 2 (51). С. 8.

субъекта отсутствует необходимость их правовой регламентации, а следовательно, наделения носителя ИИ правосубъектностью, даже в какой-либо определенной части»[1]. Полагаем, что ИИ не может быть признан субъектом права не потому, что нет четкого понимания сути отношений с его участием, а по причине невозможности наделить носителя ИИ правами и обязанностями, а также ответственностью. Как может программно-аппаратный комплекс, например, нести ответственность?

В этой связи необходимо решить проблему ответственности за вред, причиненный решениями ИИ, в том числе и в судебно-экспертной деятельности. Как справедливо отмечает А. И. Халиулин: «Приоритетом при использовании технологий искусственного интеллекта выступает обеспечение благополучия человека, подконтрольность человеку систем искусственного интеллекта, установление ответственности за причинение вреда, в том числе запрет на скрытую манипуляцию человеческим сознанием»[2]. Действительно, по замыслу создателей искусственный интеллект не должен причинять вред, однако полностью исключить такую ситуацию невозможно.

Например, при проведении судебной экспертизы ИИ может применить неправильную методику, в связи с чем выводы в заключении по результатам судебной экспертизы окажутся недостоверными, а при определенных обстоятельствах это может повлечь неправомерное решение суда. Тем самым будет причинен вред одной из сторон процесса.

Поэтому нельзя не согласиться с мнением Т. В. Твердовой, которая правильно подмечает, что: «Нельзя исключать того, что созданный человеком искусственный интеллект может действовать вопреки замыслу автора. Такая опасность усиливается при передаче автором прав на его использование третьим лицам. Если в связи с этим причинен вред кому бы и чему бы то ни бы-

---

[1] *Остроумов Н. В.* Искусственный интеллект в праве: обзор существующих концепций правового регулирования отношений с участием носителей искусственного интеллекта // Законность и правопорядок. 2021. № 3 (31). С. 63.

[2] *Халиулин А. И.* Особенности правового регулирования и внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность государственных органов // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 77.

ло, то неизбежна проблема определения лица, обязанного его возместить»[1].

По нашему мнению, наделить ИИ обязанностью возмещать причиненный вред невозможно, поэтому такая обязанность должна лежать либо на создателях программно-аппаратного комплекса, который, по сути, и является ИИ, либо на лицах, осуществляющих его использование, — в зависимости от конкретных условий и причин, в результате которых был причинен вред. Возможно и страхование ответственности за вред, причиненный ИИ.

Как отмечает С. В. Пушкарев: «...необходимо уже на ранних этапах разработки основ правового регулирования ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, задуматься о механизмах защиты прав потерпевших, например, сделать обязательным условием его использования страхование ответственности эксплуатанта (владельца) данной технологии или соответствующего робота»[2].

Однако, полагаем, что в сфере судебно-экспертной деятельности страхование ответственности за вред, причиненный использованием ИИ, не может применяться. Здесь возможно возложение ответственности только на конкретных лиц, не исключивших всех потенциальных возможностей причинения вреда при создании или эксплуатации систем ИИ.

Обобщая изложенное, полагаем, что мнение автора, высказанное в данной статье, будет полезным при решении проблем правового регулирования использования ИИ в судебно-экспертной деятельности.

---

[1] *Твердова Т. В.* О некоторых аспектах правового регулирования отношений, возникающих по поводу искусственного интеллекта // Теория государства и права. 2021. № 1 (21). С. 124.

[2] *Пушкарев С. В.* Проблемы правового регулирования ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом // Марийский юридический вестник. 2022. № 1 (37). С. 47.

УДК 340

Толстик В. А.,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Методологические аспекты оптимизации правового регулирования

Оптимизация правового регулирования общественных отношений в силу целого ряда объективных и субъективных причин всегда была, есть и будет актуальной проблемой юридической науки и практики. При этом она носит комплексный, многоплановый, многоаспектный характер, затрагивает различные стороны государственно-правовой реальности. В их числе содержание и права, и различные виды юридической деятельности (правотворческая, правосистематизирующая, правоинтерпретационная, правореализационная, в том числе правоприменительная, договорная), и многие другие.

Однако, несмотря на столь высокую теоретическую и практическую значимость, данная проблема должной доктринальной проработки в юридической науке до настоящего времени не получила, что неизбежно сказывается на адекватности понимания данного явления, соотношении с другими понятиями и технологиями осуществления.

Не случайно в этой связи и то, что при попытке проанализировать какой-либо частный вопрос оптимизации правового регулирования все более очевидной становится необходимость прояснения целого ряда аспектов, имеющих методологическое значение.

Корректный доктринальный анализ проблемы оптимизации правового регулирования, прежде всего, предполагает необходимость определиться с объемом и содержанием понятия «оптими-

© Толстик В. А., 2023

зация». Решение данной исследовательской задачи необходимо не только для адекватного понимания сути анализируемого явления, но и его сопоставления с иными близкими по смыслу понятиями, которые сегодня значительно более активно используются в юридической науке (эффективность правового регулирования, совершенствование правового регулирования).

О размытости представлений ученых (как маститых, так и молодых) свидетельствует не только анализ научной литературы по данной теме, но даже беглое ознакомление с программой нашей конференции, в которую заявлена тематика, имеющая как непосредственное отношение к различным проблемам оптимизации правового регулирования, так и весьма опосредованное, и более того — выходящая за ее пределы. По этой причине на этапе формирования программы ряд заявок, тематика которых существенно диссонировала с проблематикой конференции, пришлось отклонить или предоставить авторам возможность внести необходимые коррективы.

Далее обратимся к некоторым имеющимся в юридической науке доктринальным (диссертационным) разработкам анализируемого понятия. Так, по мнению Е. М. Терехова, «оптимизация правоинтерпретационной деятельности — процесс ее усовершенствования, реализуемый с целью повышения эффективности правоприменения»[1]. Не трудно заметить, что при таком понимании оптимизация в значительной степени отождествляется с понятием «совершенствование». Полагаем, что подобное отождествление не обоснованно и не верно по сути.

В. В. Шпак, исследовавший проблему оптимизации гражданского судопроизводства, пришел к выводу, что она составляет функцию законодательной власти, содержанием которой выступает внесение изменений в действующие нормативные правовые акты, принятие новых нормативных правовых актов в сфере гражданского судопроизводства, отмена устаревших нормативных правовых актов, содержащих гражданские процессуальные нормы, а также систематизация действующего

[1] *Терехов Е. М.* Оптимизация правоинтерпретационной деятельности в современной России: проблемы теории и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 10.

гражданского процессуального законодательства, проводимые для решения задач и достижения целей гражданского судопроизводства, а также функцию судебной власти, содержанием которой выступает разъяснение действующего гражданского процессуального законодательства на основе данных судебной практики в целях преодоления имеющихся коллизий и пробелов гражданского процессуального законодательства для решения задач и достижения целей гражданского судопроизводства[1]. В данном случае также имеет место, как представляется, чрезмерно широкий подход к пониманию оптимизации, в рамках которого никоим образом не акцентируется внимание на сути данного явления.

Между тем очевидно, что научные понятия только в том случае будут полноценно выполнять свою основную функцию, если они адекватно отражают соответствующие явления.

Что же следует понимать под оптимизацией?

Данное понятие производно от латинского слова *optimus* и означает «наилучший». Заметим, не просто лучший, а именно наилучший, что означает «самый лучший, самый предпочтительный, представляющий преимущества сравнительно с другими»[2].

В толковых словарях слово «оптимизация» определяется поразному.

В Большой советской энциклопедии оптимизация (от лат. *optimum* — «наилучшее») дефинируется как процесс нахождения экстремума (глобального максимума или минимума) определенной функции или выбора наилучшего (оптимального) варианта из множества возможных»[3].

В свободной энциклопедии оптимизация характеризуется как процесс максимизации выгодных характеристик, соотношений (например, оптимизация производственных процессов и производства) и минимизации расходов[4].

---

[1] *Шпак В. В.* Оптимизация гражданского судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. С. 9.

[2] Толковый словарь Д. Н. Ушакова. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/115734 (дата обращения: 14.05.2023).

[3] Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Москва, 1975. Т. 19.

[4] См.: Оптимизация. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Оптимизация (дата обращения: 11.05.2023).

В Большом энциклопедическом словаре оптимизация это — процесс, имеющий целью направить развитие какого-либо объекта или метода к наиболее лучшему состоянию[1].

В советском энциклопедическом словаре оптимизация понимается двояко (в узком и широком смысле): 1) процесс выбора наилучшего варианта из возможных; 2) процесс приведения системы в наилучшее состояние[2].

В приведенных выше определениях обратим внимание на следующее.

Во-первых, оптимизация определяется как процесс. А процесс — это течение, ход, продвижение. В теории организации процесс — это повторяемая последовательность действий, направленная на достижение поставленной цели[3]. В юриспруденции под процессом понимается порядок осуществления юридической деятельности? но оптимизация — это не природный и не биологический процесс. С этой точки зрения можно поставить под сомнение философское определение анализируемого понятия, дефинирующее его как закономерное, последовательное изменение явления, его переход в другое явление[4]. Вполне очевидно, что далеко не каждый процесс является закономерным и последовательным. Он может быть и не закономерным, и не последовательным. Оптимизация — это процесс, который осуществляется либо какими-то субъектами, либо посредством автоматизации, использование которой также является опосредованной человеком, поэтому оптимизацию, тем более в контексте правового регулирования, точнее определять через категорию деятельность.

Во-вторых, в приведенных выше словарных определениях есть указание на способы оптимизации. Это важнейший признак анализируемого понятия. Там, где нет проблемы выбора — там нет и оптимизации. Между тем некоторые авторы, как было по-

---

[1] См.: Большой Энциклопедический словарь. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/221030 (дата обращения:11.05.2023).

[2] См.: Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. Москва, 1983. С. 929.

[3] См.: Процесс. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Процесс_(теория_организации) (дата обращения: 11.05.2023).

[4] Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд. Москва, 2001. С. 474.

казано выше, игнорируют этот признак, не придают ему должного значения и тем самым необоснованно ведут речь об оптимизации в тех случаях, где имеет место иная форма совершенствования.

Технологически (содержательно) можно выделить два способа оптимизации:

1) максимизация плюсов, выгоды, достоинств и минимизация минусов (убытков), недостатков;

2) выбор из двух или более вариантов лучшего.

В этом суть оптимизации как процесса. Именно это — признак позволяет достаточно четко соотнести ее с понятием «совершенствование». Эти понятия находятся в родо-видовых отношениях. Совершенствование шире оптимизации. Не любое совершенствование есть оптимизация. Так, устранение грамматических ошибок в тексте нормативного правового или иного правового акта, равно как и устранение коллизий и пробелов, вряд ли обоснованно номинировать оптимизацией. Если коллизия иерархическая, то она должна быть отменена нижестоящими нормами права. Здесь нет и не может быть никакого выбора, а, следовательно, ни о какой оптимизации в таких случаях речь идти не должна. Если коллизия горизонтальная, возможны как оптимизационные, так и не оптимизационные варианты ее разрешения. В каждом отдельном случае это будет зависеть от специфики ситуации. По общему правилу, пробелы в праве должны восполняться. Это тоже не оптимизация. Особый случай может быть связан с так называемым квалифицированным молчанием законодателя.

В конечном счете, суть оптимизации в выборе из двух или более потенциально возможных вариантов лучшего (наилучшего). Даже тогда, когда оптимизация состоит в максимизации плюсов и (или) минимизации минусов, фактически имеет место выбор в той или иной альтернативе.

В-третьих, в словарных дефинициях явно или имплицитно присутствует указание на цель (результат) оптимизации, к которому должна привести соответствующая деятельность — приведение системы в оптимальное состояние.

Здесь пытливый ум сразу обратит внимание на тавтологию. Следовательно, требуется конкретизация. Один из интересных и

в целом пригодных вариантов таковой предложил итальянский инженер, экономист и социолог Вильфредо Парето. Он сформулировал определение понятия эффективности[1], предполагающее такое состояние системы, при котором ни один показатель системы не может быть улучшен без ухудшения какого-либо другого показателя.

В-четвертых, и это, наверное, самый проблемный аспект в дефинировании анализируемого понятия — включение в его содержание в качестве одного из ключевых признаков оценочных понятий «наилучший», «наилучшее состояние».

Но какой вариант регулирования является наилучшим?

Наилучший нельзя понимать абсолютно в том смысле, что существует некий идеальный вариант, который таковым может признаваться вне какого-либо контекста, вне каких-либо условий, вне каких-либо критериев.

На этапе рассылки информационного письма (приглашения к участию в конференции) я получил ответное письмо от российского аналитика в области промышленности, главного редактора газеты «Промышленные ведомости», члена экспертного совета комитета Государственной Думы по промышленности Моисея Мееровича Гельмана следующего содержания: «Когда говорят “оптимизация чего угодно”, необходимо указывать ее критерии, без чего “оптимизация” является надуманной».

Моисей Меерович, безусловно, прав в том, что для оптимизации нужны критерии. Без критериев говорить об оптимизации некорректно, поскольку без них невозможно определить, чем и почему один вариант лучше другого (альтернативного).

Здесь уместно отметить, что критериям в праве были посвящены девятые Бабаевские чтения и издан соответствующий сборник[2]. Краткий обзор материалов данной научно-практичес-

[1] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Эффективность_по_Парето#:~:text=Эффекти́вность%20по%20Паре́то%20-%20такое,их%20собственной%20оценке)%2C%20является%20улучшением (дата обращения: 11.05.2023).

[2] См.: Критерии в праве: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Новгород, 24–25 мая 2018 г.) / под общ. ред. В. А. Толстика, П. В. Васильева. Нижний Новгород, 2018.

кой конференции опубликован в журнале «Актуальные проблемы экономики и права»[1].

Любая оптимизация предполагает наличие как минимум двух существенных условий. Во-первых, должно быть не менее двух вариантов потенциально приемлемых решений, между которыми предполагается сделать выбор. Во-вторых, должен быть выделен хотя бы один критерий.

В литературе обоснованно отмечается, что оптимальное решение — это не просто наилучшее решение, это решение, которое по тем или иным признакам предпочтительнее других[2]. Следовательно, должно быть правило предпочтения, которое в науке называют критерием оптимальности.

Однако задача определения критерия оптимальности не так проста, как может показаться на первый взгляд.

Во-первых, любое правило предпочтения должно быть так или иначе обосновано. При этом очевидно, что в основу обоснования выбора критерия в свою очередь тоже должны быть положены какие-то критерии. Однако, если пойти по этому пути, мы неизбежно попадем в методологический тупик. Здесь есть опасность, с которой столкнулся Ганс Кельзен, когда разрабатывал свою чистую теорию права.

Вот логика его рассуждений. Чем обосновать действенность нормы права… только действенностью вышестоящей нормы… Но это не может продолжаться бесконечно… и он пришел к необходимости сделать допущение о существовании некой основной нормы. В частности, Г. Кельзен писал: «поиск основания действительности нормы не может продолжаться бесконечно, в отличие от поиска причины в цепи причин и следствий. Он должен закончиться нормой, которая — как последняя и наивысшая — постулируется. Будучи наивысшей нормой, она должна постулироваться, так как не может быть установлена властной

[1] См.: *Толстик В. А., Васильев П. В.* Обзор всероссийской научно-практической конференции «Критерии в праве: теория, практика, техника (IX Бабаевские чтения)» (г. Нижний Новгород, 24–25 мая 2018 года) // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12. № 3. С. 626–639.

[2] См.: *Богданова Е. Л., Соловейчик К. А., Аркина К. Г.* Оптимизация в проектном менеджменте: линейное программирование: учебное пособие. Санкт-Петербург, 2017. С. 6.

инстанцией: ведь в противном случае компетенция этой инстанции должна была бы основываться на какой-то еще более высокой норме. Действительность наивысшей нормы не может выводиться из какой-то более высокой нормы, и уже больше не может возникать вопроса об основании ее действительности. Такая норма, постулируемая в качестве наивысшей, называется здесь основной нормой»[1].

При этом в концепции цитируемого автора такая норма должна быть непосредственно очевидной и Г. Кельзен как добросовестный ученый вынужденно приходит к следующему выводу: «Установление же норм есть акт воли. Поэтому не может быть никаких непосредственно очевидных норм»[2].

Аналогичная ситуация возникает и в иных сферах юридической действительности, например, в сфере правосудия. Нельзя бесконечно обжаловать судебные решения. Какой-то суд должен быть наделен правом выносить решения, которые будут считаться окончательными и не подлежащими обжалованию, независимо от того, что кому-то такое решение может показаться недостаточно обоснованным, недостаточно справедливым и т. д., но ценность окончательного решения в отдельных случаях становится важнее иных ценностей. Это обстоятельство следует иметь в виду и при выборе критерия оптимальности.

Во-вторых, оптимизация может быть простой (однокритериальной) и сложной (многокритериальной).

В простых жизненных ситуациях, когда выбор наилучшего варианта осуществляется на основании одного единственного критерия, особых проблем не возникает. Однако в большинстве случаев для оптимального выбора необходимо принимать во внимание два и более критерия оптимальности.

Наглядный пример можно найти в русской классической литературе. Н. В. Гоголь в пьесе «Женитьба» в уста невесты Агафьи Тихоновны вложил следующие слова: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколь-

[1] Чистое учение о праве Ганса Кельзена: сборник переводов. Вып. 1 / отв. ред.: В. Н. Кудрявцев, Н. Н. Разумович; пер.: С. В. Лезов, Ю. С. Пивоваров. Москва, 1987.

[2] Там же.

нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича — я бы тогда тотчас же решилась. А теперь — поди подумай»![1]

Критерии, которыми определяется выбор оптимального решения, могут находиться в различных соотношениях и быть индифферентны, безразличны друг другу, действовать в одном направлении, но могут и противоречить. При этом в литературе обоснованно отмечается, что «трудность выбора решения в условиях многоцелевой оптимизации определяется не столько количеством критериев оптимизации и, тем более, вариантов решения, сколько их противоречивостью»[2].

В той сфере общественных отношений, которая относится к предмету правового регулирования, все еще более сложно.

Дело в том, что общество представляет собой сложно стратифицированное и, в силу прежде всего объективных причин, в высшей степени противоречивое образование в нем всегда имеет место конкуренция интересов, столкновение ценностей и т. п.

Приведу очевидные и наглядные примеры. Возьмем работника и работодателя. В чем базовый интерес работника? Меньше работать и больше получать, а интерес работодателя в том, чтобы работник больше и лучше работал и ему за эту работу можно было меньше платить. В отношениях «государство — налогоплательщик» интерес первого в том, чтобы больше собрать налогов, для осуществления своих функций, а интерес налогоплательщика в том, чтобы меньше платить налогов. Одна из значимых проблем, которую пытается решить любой налогоплательщик — оптимизировать свое налогообложение. В этой связи весьма показательна правовая позиция КС РФ, который с одной стороны признал право налоплательщика на правомерную оптимизацию налогов, а с другой — указал на недопустимость использования недобросовестными налогоплательщиками в гражданско-правовых отношениях инструментов, позволяющих уклоняться от

[1] *Гоголь Н. В.* Женитьба. URL: https://ilibrary.ru/text/1234/p.1/index.html (дата обращения: 11.05.2023).

[2] *Мазаев А. Г.* Методы и критерии оптимизации в современной теории расселения // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2015. № 2. С. 32.

уплаты налогов, создавать схемы незаконного обогащения за счет бюджетных средств[1]. Иллюстрацией последнего является нашумевшая в последнее время история с блогером-миллиардером Е. О. Блиновской, которая использовала незаконные схемы оптимизации, то есть, по сути, уклонялась от уплаты налогов[2].

В условиях противоречивости критериев выбираемое решение по одному критерию может быть оптимальным, а по другому — нет. Как быть в такой ситуации? Очевидно, что элементарного решения здесь нет и быть не может. Полагаю, что в таких сложных внутренне противоречивых ситуациях, когда возникает дилемма правового регулирования, единственно возможным способом ее решения является обращение к методу компромисса. На наш взгляд, в настоящее время перед юридической наукой стоит задача основательной общетеоретической разработки инструментария (технологий) применения метода правового компромисса в различных сферах юридической деятельности. Определенный вклад в решение данной задачи был внесен пятыми Бабаевскими чтениями, которые были посвящены различным проблемным аспектам теории, практики и техники правового компромисса[3].

Удачным примером конструктивного использования метода правового компромисса может служить научная статья А. В. Парфенова «Правовой компромисс как средство решения транспортных проблем современных мегаполисов (на примере организации парковочного пространства)»[4].

---

[1] См.: *Зорькин В. Д.* Налоговое право и практика Конституционного Суда Российской Федерации: доклад на международной научно-практической конференции 14 апреля 2006 г. URL: https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=17 (дата обращения: 11.05.2023).

[2] См.: Фея и мечтательница. Кто такая Елена Блиновская, которая должна ₽1 млрд. URL: https://www.rbc.ru/life/news/644a39b89a7947ee88e1f019 (дата обращения: 11.05.2023).

[3] См.: Компромисс в праве: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (г. Н. Новгород, 29–30 мая 2014 года): в 2 т. / под общ. ред. В. А. Толстика, В. М. Баранова, А. В. Парфенова. Нижний Новгород, 2014.

[4] См.: *Парфенов А. В.* Правовой компромисс как средство решения транспортных проблем современных мегаполисов (на примере организации парковочного пространства) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 35–43.

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что в ситуациях сложного, многокритериального выбора оптимальным (наилучшим) вариантом правового регулирования общественных отношений должен признаваться тот, в котором субъектам правотворчества, правоинтерпретации, правореализации (правоприменения), автономного регулирования и иным удалось посредством использования метода правового компромисса наиболее рациональным образом согласовать противоречивые интересы различных субъектов права и/или достигнуть баланса ценностей, доминирующих на данном этапе развития конкретного социума.

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА КРУГЛОМ СТОЛЕ

УДК 343.1

Агеев А. Н.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия (Нижний Новгород);
Пишина С. Г.,
кандидат юридических наук, доцент, консультант отдела инвестиционной политики и земельных отношений Министерства сельского хозяйства и продовольственных ресурсов Нижегородской области

Проблемы оптимизации правового регулирования модели правосудия в уголовном судопроизводстве

Характерное для настоящего времени обсуждение проблем осуществления правосудия в рамках уголовного судопроизводства в нашей стране ставит вопросы направления оптимизации правового регулирования модели правосудия.

С точки зрения формы участия народа в судопроизводстве различаются суд с участием народных заседателей и суд с участием присяжных заседателей[1].

Историческая ретроспектива института суда с участием присяжных заседателей, так называемых судей факта, свидетельствует о том, что со времени создания по настоящее время его деятельность сопровождается массой вопросов. Справедливо отметить, что суд с участием представителей общественности в настоящее время, являясь частью российской судебной системы,

[1] См.: *Гаврилова А. В.* Феномен народного участия в советской модели правосудия и его преемственность на постсоветском пространстве // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 106–119.

© Агеев А. Н., Пишина С. Г., 2023

продолжает оставаться нетипичным, особенным институтом, который не может окончательно укрепиться в правовом поле государства. Присяжные заседатели принимают непосредственное участие в отправлении правосудия, однако сами его не осуществляют, поскольку последнее слово в вынесении оправдательного или обвинительного вердикта остается за судьями.

Противоречив сам статус присяжных: они вместе с судьями участвуют в уголовном судопроизводстве, но обязаны быть непрофессиональными участниками судебного процесса. Имеет место неопределенность в применении термина «присяжный заседатель», так как законодатель лишь упоминает присяжных заседателей в УПК РФ[1].

И. В. Маслов отмечает, что «данная форма отправления правосудия не соответствует» и «регламентации досудебного производства»[2].

Деятельность суда присяжных заседателей регулируется УПК РФ, устанавливающим особенности судебного заседания с участием присяжных заседателей. Нормы, регулирующие участие присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве, интерпретированы постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 года № 23 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей»[3].

Согласно статье 5 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» присяжные заседатели, участвующие в осуществлении правосудия, независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и закону[4].

Однако стоит отметить, что практика рассмотрения и разрешения, определенной категории уголовных дел свидетельствует о

---

[1] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. I, ст. 4921.

[2] *Маслов И. В.* Нужен ли суд присяжных России? // Мировой судья. 2019. № 11. С. 18–22.

[3] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 1.

[4] Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1, ст. 1.

том, что присяжные заседатели руководствуются исключительно присущими гражданам эмоциями, чувствами, но не положениями законодательства.

Участие присяжного заседателя в практике рассмотрения и разрешения уголовных дел не дает ему статус судьи.

В силу пунктов 1, 3 статьи 1 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», наделенные в конституционном порядке полномочиями и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе судьи противопоставлены осуществляющим правосудие представителям народа[1]. По статье 8 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» участие присяжных заседателей в осуществлении правосудия является гражданским долгом. Присяжные заседатели рассматривают только вопросы факта, рассмотрение вопросов права остается за профессиональными судьями.

Постановление обоснованного, справедливого вердикта присяжными заседателями является наиболее важной процессуальной стадией рассмотрения и разрешения уголовных дел и не может вступать в противоречие с нормативной законодательной базой, регламентирующей основные принципы назначения уголовного наказания. Особую значимость имеет проблема назначения справедливого, обоснованного наказания судом присяжных заседателей в условиях проявления чувства снисхождения к лицу, привлеченному в качестве подсудимого. Процесс вынесения справедливого, обоснованного, мотивированного вердикта присяжными заседателями регламентируется путем установления порядка разрешения вопросов, ответ на которые становится основанием для вынесения оправдательного или обвинительного решения.

По пункту 8 статьи 335 УПК РФ данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется; установлен запрет исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеж-

[1] Российская газета. 1992. 29 июля.

дение присяжных в отношении подсудимого[1]. Характеристика личности подсудимого изучается присяжными заседателями только в том случае, если это необходимо для установления факультативных признаков составов преступлений[2].

Однако, если присяжные заседатели не в полной мере исследуют личность подсудимого, реализовать проявление снисхождения к лицу, привлеченному в качестве подсудимого, не представляется возможным. Вопросы ознакомления с личностной характеристикой лица, привлеченного в качестве подсудимого, представляют собой процесс формирования внутреннего убеждения в проявлении снисхождения к обвиняемому, что не может быть исключением для формирования позиции присяжных заседателей. Безусловно, лишение присяжных данного процессуального права негативно сказывается на качестве решений, принимаемых судом с участием присяжных заседателей.

Кроме того, неинформированность присяжных заседателей относительно сущностных характеристик личности подсудимого выступает противовесом общих начал назначения справедливого уголовного наказания[3], вследствие чего мнение судей факта не учитывается в части квалифицирующих признаков совершенного уголовно-наказуемого деяния, показывающих степень общественной опасности деяния.

При назначении наказания нецелесообразно не учитывать признаки, отягчающие уголовное наказание, так как это вступает в противоречие с индивидуализацией уголовной ответственности лица как основополагающим принципом наказания.

Положения части 2 статьи 105, статьи 205 УК РФ, предусматривающие особо тяжкие уголовно-наказуемые деяния, до-

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. I, ст. 4921.

[2] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции (г. Саратов) от 10 декабря 2020 года № 77-2496/2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.05.2023).

[3] О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.

пускают размер санкции в виде лишения свободы на 20 лет. Усмотрение в применении меры ответственности в данном случае выражается путем вынесения окончательного вердикта присяжных заседателей о снисхождении в уголовном наказании до 13 лет. Законодательно установлен минимальный размер уголовного наказания в виде лишения свободы на 12 лет, тем самым для отправителей правосудия оставлена возможность индивидуализации наказания с 12 до 13 лет[1].

Все это свидетельствует о наличии юридической коллизии в правовом регулировании индивидуализации уголовного наказания.

Сущность отправления правосудия заключается в вынесении такого судебного решения, в законности, справедливости, обоснованности, мотивированности которого не возникает сомнений, подрывающих доверие общества к судебной системе в целом. Лишь при вынесении такого судебного решения можно утверждать, что правосудие состоялось. Однако вердикт присяжных заседателей зачастую не соответствует критериям мотивированности, справедливости, поскольку может быть основан на внешних обстоятельствах, настроении, восприятии судебного процесса и отношении к обвиняемому. Проблемы правового регулирования деятельности суда присяжных не решаются на протяжении всего времени существования указанного института, поэтому, полагаем, что назрела необходимость отказа от модели правосудия с участием суда присяжных в уголовном судопроизводстве.

Предложения, высказываемые в русле оптимизации концепции судопроизводства, отчасти ориентируют на опыт советского суда с участием народных заседателей как модель, «адекватную правовой традиции нашей страны»[2].

Действующее отечественное уголовно-процессуальное законодательство содержит альтернативу суду присяжных — колле-

---

[1] Обзор практики рассмотрения городскими и районными судами, апелляционной инстанцией Красноярского краевого суда уголовных дел с участием присяжных заседателей за 2018–2019 годы: информационное письмо прокуратуры Красноярского края от 13 марта 2020 года № 12-09-2020. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.02.2023).

[2] *Очередько В. П.* Развитие форм участия граждан в отправлении правосудия в России // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 3. С. 243–251.

гиальное рассмотрение и разрешение уголовного дела тремя профессиональными судьями.

Думается, что модель правосудия в уголовном судопроизводстве с участием исключительно профессиональных судей права, а не судей факта, вполне достойна стать новой парадигмой развития современного российского уголовного процесса.

УДК 343

Ахметшин А. С.,
руководитель Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области

Технико-юридические средства оптимизации уголовно-правового противодействия преступлениям с признаками экстремистской деятельности, посягающим на основы конституционного строя и безопасность государства

Оптимизация уголовно-правового противодействия преступности, в первую очередь, строится на идее приведения действующего уголовного законодательства к потребностям личности, общества и государства в области охраны наиболее значимых благ и ценностей, с учетом активно видоизменяющихся внутренних и внешних угроз. УК РФ, принятый 24 мая 1996 года, стоит на пороге своего тридцатилетия, что дает основание для подведения определенных промежуточных итогов, а также определения наличия потенциала, в том числе и в области охраны конституционного строя и безопасности государства и его оптимизации. За время действия современного уголовного законодательства прошло множество экономических и политических событий, существенно трансформировавших как содержание, так и направления уголовной политики. На новый уровень вышла и преступность, в том числе обремененная экстремистской мотивацией. Особое внимание этим фактам было уделено Президентом Российской Федера-

© Ахметшин А. С., 2023

ции в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в 2023 году, в рамках которого была подчеркнута преступно-ненавистническое поведение в адрес России со стороны киевского режима, основанное на идеях нацизма[1]. И все это время мы наблюдаем перманентный процесс значительного внесения изменений в Главу 29 УК РФ, порождающих массу вопросов к содержанию и эффективности технико-юридических средств уголовно-правового противодействия преступлениям с признаками экстремистской деятельности, посягающих на основы конституционного строя и безопасности государства.

Анализ Главы 29 УК РФ через призму положений статьи 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»[2] позволяет предложить следующую классификацию преступлений с признаками экстремистской деятельности:

— статья 277 УК РФ (Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля);

— статья 278 УК РФ (Насильственный захват власти или насильственное удержание власти);

— статья 279 УК РФ (Вооруженный мятеж);

— статья 280 УК РФ (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности);

— статья 280^1 УК РФ (Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации);

— статья 280^2 УК РФ (Нарушение территориальной целостности Российской Федерации);

— статья 280^4 УК РФ (Публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства);

— статья 282 УК РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства);

— статья 282^1 УК РФ (Организация экстремистского сообщества);

---

[1] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 года. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440178/ (дата обращения: 10.05.2023).

[2] О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3031.

— статья 282^2 УК РФ (Организация деятельности экстремистской организации);

— статья 282^3 УК РФ (Финансирование экстремистской деятельности);

— статья 282^4 УК РФ (Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами).

Представленный перечень статей, включающий уголовно-правовые нормы, имеющие связующее их ядро, актуализирует развитие научного направления по разработке их общеобъединяющего понятия, однако при попытке решить поставленную задачу мы сразу же сталкиваемся с межсистемной коллизией, выражающейся в несоответствии понятийного инструментария при определении круга преступлений, нашедших свое отражение в статье 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и УК РФ. В частности, в примечании 2 статьи 282^1 УК РФ содержится понятие преступлений экстремистской направленности. Буквальное его толкование дает основание утверждать, что оно не охватывает всю предложенную выше классификацию, так как обязательным условием отнесения деяния к экстремистскому необходимо установление мотива политической, идеологической, расовой, религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Эта проблема очень активно обсуждается как среди ученых, так и практиков, и ставится вопрос о необходимости пересмотра содержания такой юридико-технической конструкции[1]. Учитывая, что методологический базис развития уго-

[1] См.: *Петрянин А. В.* Современные законодательные решения в области уголовно-правового противодействия экстремизму // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции (Москва, 29–30 января 2015 года) / Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Москва, 2015. С. 430–433; *Магнутов Ю. С.* Уголовно-правовое противодействие специальным организованным формам экстремистской деятельности: законодательно-интерпретационные аспекты // Вестник Югорского государственного университета. 2022. № 2 (65). С. 155–164; и др.

ловного законодательства в области противодействия экстремизму заложен в одноименном профильном федеральном законе, считаем, что перспективным технико-юридическим средством оптимизации уголовно-правового противодействия преступлениям с признаками экстремистской деятельности должно стать, во-первых, использование единообразного терминологического инструментария, во вторых, наравне с понятием «преступления экстремистской направленности», должна быть закреплена и дефиниция «преступления с признаками экстремистской деятельности», что будет свидетельствовать о правильной юридико-технической корреляции двух неразрывно связанных между собой актов федерального уровня.

В разрезе проводимого исследования нельзя обойти вниманием, в том числе возможные перспективные технико-юридические средства оптимизации уголовно-правового противодействия преступлениям с признаками экстремистской деятельности, посягающим на основы конституционного строя и безопасность государства.

С учетом того, что экстремистская и террористическая деятельности являются взаимообусловливающими и неразрывными деструктивными явлениями, что подтверждают проводимые доктринальные исследования, но и сам законодатель[1], рассматривая терроризм как наиболее радикальную форму экстремизма, полагаем, что и уголовно-правовая реакция на них должна быть идентичной.

В частности, назрела необходимость установления ответственности за обучение и прохождение обучения в целях осуществления экстремистской деятельности. Все это сегодня чаще всего проходит в виртуальном пространстве и фактически остается за рамками необходимого правового реагирования. Примером может стать запрещенная в Российской Федерации международная экстремистская организация «АУЕ»[2], коммуникация и

[1] О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3031.

[2] Решение Верховного Суда РФ от 17 августа 2020 года по делу № АКПИ20-514С. URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/cases/10730656 (дата обращения: 29.06.2023).

обучение членов которой, как и представителей других деструктивных молодежных движений, осуществляется с использованием телекоммуникационной сети «Интернет»[1].

Не менее востребованной также видится необходимость в установлении императивного запрета на изменение категории преступления на менее тяжкую при совершении преступлений с признаками экстремистской деятельности, посягающих на основы конституционного строя и безопасности государства. В этой связи целесообразно в части 6 статьи 15 УК РФ внести соответствующие изменения. Например, путем включения в нее следующего указания: «…за исключением преступлений, закрепленных в статьях 277, 278, 279, 280, 280^1, 280^2, 280^4, 282, 282^1, 282^2, 282^3, 282^4 УК РФ».

Завершая исследование, посвященное технико-юридическим средствам оптимизации уголовно-правового противодействия преступлениям с признаками экстремистской деятельности, посягающим на основы конституционного строя и безопасность государства, отметим следующее:

— во-первых, потенциал уголовного законодательства в противодействии экстремизму не исчерпан;

— во-вторых, внесение в УК РФ точечных изменений свидетельствует не о неэффективности отраслевого законодательства, а наоборот, об оперативном и симметричном реагировании на видоизменяющиеся внутренние и внешние угрозы;

— в-третьих, видится целесообразность дальнейшего совершенствования механизма уголовно-правовой охраны конституционного строя и безопасности государства путем криминализации прохождения обучения в целях осуществления экстремистской деятельности и ограничительного применения положений части 6 статьи 15 УК РФ к лицам, совершившим преступления с признаками экстремистской деятельности, закрепленных в Главе 29 УК РФ.

---

[1] См.: *Петрянин А. В., Неганов Д. А.* Современное состояние и потенциал уголовного законодательства в области противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 2. С. 98–104.

УДК 343.3

Балалаева М. В.,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС

Оптимизация правового регулирования расследования ятрогенных преступлений

Процесс развития общества неизбежно влечет появление новых общественных отношений, требующих уголовно-правовой охраны. В настоящее время как в теории уголовного права, так и в правоприменительной деятельности актуальным вопросом становится повышение эффективности расследования ятрогенных преступлений, то есть умышленных или неосторожных общественно опасных деяний, совершаемых медицинскими работниками при оказании медицинской помощи.

Одним из средств противодействия ятрогенным преступлениям является привлечение виновных лиц к уголовной ответственности, однако, к сожалению, отдельные пробелы законодательства в сфере правового регулирования расследования данных видов преступлений не позволяют в полной мере следователю собрать информационно значимые сведения для решения вопроса о виновности или невиновности отдельно взятого медицинского работника. Актуальность обозначенной проблемы подтверждается и проведением научно-практических конференций различного уровня по вопросам медицинского права, где существенное внимание уделяется проблемным аспектам привлечения медицинских работников к уголовной ответственности за совершение ими преступлений в сфере здравоохранения. Так, например, на прошедшей 6 апреля 2023 года на площадке Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС конференции «Актуальные проблемы медицинского права», где среди прочих вопросов особое место занимали вопросы, связанные как с перспективами установления публично-правовой от-

© Балалаева М. В., 2023

ветственности медицинских работников, так и вопросы, связанные с проблемными аспектами правового регулирования расследования ятрогенных преступлений.

Решить некоторые проблемные вопросы привлечения медицинских работников к уголовной ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи и повысить эффективность расследования по таким уголовным делам может оптимизация правового регулирования расследования данных видов преступления. Оптимизация правового регулирования — это процесс улучшений и совершенствования правовой системы с целью достижения максимальной эффективности и результативности в регулировании расследования ятрогенных преступлений. Вместе с тем этот процесс включает в себя анализ существующих правовых норм, их корректировку или изменение, а также разработку новых правовых актов, которые будут более соответствовать современным требованиям и вызовам времени. Оптимизация правового регулирования может включать в себя различные меры, такие как упрощение процедуры расследования, снижение административных барьеров, например, при получении медицинской документации из соответствующего лечебного заведения, усиление защиты прав и свобод граждан в сфере здравоохранения, а также другие меры, направленные на улучшение качества правового регулирования и повышение его эффективности в сфере расследования ятрогенных преступлений.

Особо значимым в расследовании ятрогенных преступлений является этап проверки сообщений о совершенном преступлении медицинским работником в сфере оказания медицинской помощи, поскольку многие уголовно-процессуальные механизмы еще не запущены, а необходимость в получении криминалистически значимой информации достаточно велика. Именно на этапе доследственной проверки возникает необходимость в сборе доказательственной информации, по итогам оценки которой следователь принимает решение о наличии признаков преступного деяния.

Различные преступления, подпадающие под понятие «ятрогения», обусловливают необходимость в дифференцированном подходе к нормативно-правовому регулированию деятельности следователя при проверке сообщения о преступлении, поскольку в качестве повода к возбуждению уголовного дела может выступать любой из перечисленных законодателем в части 1 статьи 140

УПК РФ. Как показывает следственная практика, поводом к возбуждению уголовного дела по анализируемым преступлениям, как правило, выступает заявление либо самого потерпевшего, которому была оказана некачественная медицинская помощь, либо родственников потерпевшего, который скончался вследствие неправильного лечения. Наличие повода к возбуждению уголовного дела по ятрогенным преступлениям обусловливает следователя в процессе проверки сообщения о совершенном деянии устанавливать наличие или отсутствие основания для его возбуждения.

Совокупность криминалистически значимой информации, имеющейся в распоряжении следователя, а также источник сведений о проверяемом криминальном событии определяют алгоритм действий следователя на этапе проверки сообщения о совершенном преступлении медицинским работником.

Самым важным процессуальным действием следователя при проверке сообщения о преступлении в сфере здравоохранения является изъятие медицинской документации, которая позволит установить круг лиц, причастных к оказанию медицинской помощи, однако до настоящего времени уголовно-процессуальный закон не отвечает на вопрос о том, в рамках какого следственного действия должно проходить такое изъятие. В научной литературе и в правоприменительной деятельности существует достаточно устоявшаяся точка зрения, что такое изъятие должно производиться в рамках осмотра места происшествия, но в таком случае не совсем корректным является указание законодателя в части 1 статьи 144 УПК РФ на то, что следователь при проверке сообщения о преступлении может производить как осмотр места происшествия, так и изъятие предметов и документов в качестве самостоятельного процессуального действия. Некорректность такой формулировки порождает на практике различные трактовки данного положения, что нередко приводит к нарушению норм уголовно-процессуального закона и последующему обжалованию. Кроме того, поскольку в законодательстве отсутствует разъяснение понятия «медицинская документация», а вся информация, содержащаяся в медицинской документации в соответствии с законодательством в сфере здравоохранения, является врачебной тайной, остается нерешенным вопрос о процедуре изъятия таких

документов, которые предоставляются только по запросу органов дознания или следствия в связи с проведением расследования, то есть уже после возбуждения уголовного дела и при наличии соответствующего судебного решения.

Еще в 2014 году КС РФ изложил официальную позицию по данному вопросу, в которой достаточно четко обозначил границы производства данного процессуального действия, а именно, указал на то, что «изъятие обнаруженных в ходе осмотра места происшествия следов преступления, предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, осмотр которых на месте затруднен или требует продолжительного времени, не может подменять собой процессуальные, в том числе следственные, действия, для которых уголовно-процессуальным законом установлены специальная процедура и другие основания и условия проведения (обыск, выемка, наложение ареста на имущество и т. д.)»[1].

Однако, в некоторых случаях, следственная и судебная практика идут по пути признания законными действия следователя по производству выемки документов на стадии проверки сообщения о преступлении. Неоднократное обжалование в судебных инстанциях действий следователя свидетельствует о том, что суд в некоторых случаях встает на сторону следователя и признает изъятие документов в рамках производства выемки до возбуждения уголовного дела соответствующим нормам уголовно-процессуального законодательства[2].

Некорректное формулирование диспозиции части 1 статьи 144 УПК РФ приводит в правоприменительной практике к неоднозначному пониманию и толкованию законодательного положения относительно возможности изъятия медицинской документации на стадии возбуждения уголовного дела по ятрогенным преступлениям, а также к допустимости обжалования заинтересованными лицами действий следователя и признанию изъятых медицинских документов и содержащейся в ней криминалистически значимой информации недопустимыми доказательствами.

---

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2014 года № 518-О. Документ опубликован не был.

[2] Апелляционное постановление № 22-301/2018 22К-301/2018 от 12 июля 2018 года по делу № 22-301/2018. Документ опубликован не был.

Поскольку специфика осуществления проверки сообщений о преступлении и расследования ятрогенных преступлений обусловливает необходимость изучения и исследования необходимой медицинской документации путем назначения и производства судебно-медицинской экспертизы, представляется необходимым дополнить перечень следственных и процессуальных действий, перечисленных законодателем в части 1 статьи 144 УПК РФ таким следственным действием, как выемка, что будет способствовать оптимизации деятельности органов предварительного расследования по проверке сообщений о совершении ятрогенного преступления, а также способствовать получению доказательственной информации в рамках производства иных следственных действий, в основе которого лежит анализ медицинской документации. Изменение части 1 статьи 144 УПК РФ потребует законодательной коррекции и других нормативных установлений в части правовой процедуры проведения выемки, а также порядка оформления результатов производства данного следственного действия.

Еще одним из самых важных следственных действий по уголовным делам рассматриваемой категории является назначение и производство судебно-медицинской экспертизы, призванной дать ответ на вопросы, связанные с оказанием ненадлежащей медицинской помощи. Уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность назначения и проведения судебно-медицинской экспертизы как на стадии возбуждения уголовного дела, так и на стадии предварительного расследования. Как показал анализ судебно-следственной практики, судебно-медицинская экспертиза по ятрогенным преступлениям назначается, как правило, уже после возбуждения уголовного дела, так как, во-первых, требует изъятых на момент назначения экспертизы медицинских документов; во-вторых, длительного времени на ее производство, что в рамках доследственной проверки осуществить не представляется возможным.

Следователь, назначая судебно-медицинскую экспертизу, ограничивается общими (типовыми) вопросами, содержащимися в нормах уголовно-процессуального законодательства, а также нередко представляет неполный комплект процессуальных документов, из которых эксперту достаточно трудно понять сущность совершенно-

го ятрогенного преступления. Нередко также следователь, получив медицинские документы из соответствующего лечебного учреждения, направляет на исследование эксперту лишь те документы, которые заполняются медицинскими работниками, чьи действия как раз и составляют предмет исследования. В данном случае представляется необходимым разработка соответствующего приказа Следственного комитета Российской Федерации, где целесообразно сформулировать обязательные и дополнительные вопросы для постановки следователем при назначении судебно-медицинской экспертизы при расследовании ятрогенных преступлений, а также обозначить критерии отбора процессуальной и медицинской документации в качестве предмета исследования эксперта.

Специфика допроса подозреваемого (медицинского работника) обусловливает необходимость привлечения специалиста (в качестве которого, как правило, также привлекается медицинский работник) как для подготовки к допросу, так и непосредственно при его производстве. Неким психологическим барьером помощи следователю в постановке уточняющих вопросов в процессе допроса может стать так называемая корпоративная этика, что сведет к минимуму эффективность одного из тактических приемов допроса — «осведомленность следователя». Кроме того, поскольку корпоративная этика в медицинской сфере подразумевает соблюдение ряда правил и норм поведения, которые способствуют соблюдению здоровья и благополучия пациентов, а также поддержанию профессиональной репутации медицинского персонала, следователь может не получить от допрашиваемого криминалистически значимой информации об иных лицах, так или иначе участвующих в процессе оказания ненадлежащей медицинской помощи. Это потребует от следователя проведения дополнительных следственных и процессуальных действий, направленных на установление всех обстоятельств преступного события. Решение данной проблемы вызывает необходимость в оптимизации правового регулирования привлечения медицинских работников в качестве специалистов для оказания помощи следователю при проведении следственных действий, связанных с получением показаний подозреваемых (обвиняемых) и свидетелей.

Оптимизация деятельности по расследованию ятрогенных преступлений также требует и унификации понятийного аппарата,

который для следователя является нетрадиционным и вызывает определенные трудности как при назначении судебно-медицинской экспертизы, так и при производстве иных следственных действий, что, в свою очередь, затрудняет формирование доказательственной базы, а значит, и привлечение медицинских работников к уголовной ответственности. Данное обстоятельство также требует либо внесения изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство в части уточнения некоторых определений и понятий, связанных с изъятием медицинской документации и назначением судебно-медицинской экспертизы, либо принятие нового нормативного правового акта, регламентирующего правовую процедуру расследования ятрогенных преступлений.

Результатом оптимизации правового регулирования расследования ятрогенных преступлений должно стать совершенствование норм как уголовного, так и уголовно-процессуального законодательства, способствующего, с одной стороны, более эффективному привлечению медицинских работников, совершивших ятрогенные преступления, к уголовной ответственности и с другой — выработке действенного механизма защиты их прав и интересов от необоснованного и незаконного привлечения их к ответственности за совершение деяний в профессиональной медицинской сфере.

УДК 342.97

Барахоева А. Р.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова

Современные тенденции развития института административной ответственности юридических лиц

Актуальность данного исследования обусловлена имеющимися в административном законодательстве недостатками и про-

© Барахоева А. Р., 2023

белами в вопросах привлечения к административной ответственности юридических лиц. Неоднозначность подходов законодателя, ученых и правоприменителей к административной ответственности юридических лиц можно отметить практически по любому вопросу, касается ли он круга юридических лиц, признаваемых субъектами административной ответственности, вопросов определения вины юридического лица или особенностей санкционной политики и др. Несомненной актуальности исследованию добавляет то, что в последнее время в КоАП РФ был внесен ряд поправок по вопросам привлечения юридических лиц к административной ответственности. Также в проекте КоАП РФ (далее — Проект) содержатся некоторые принципиальные изменения к подходам определения вины юридических лиц.

В качестве субъектов административной ответственности КоАП РФ называет российских и иностранных юридических лиц. Дефиниция юридического лица заимствуется из гражданского законодательства. В соответствии с пунктом 1 статьи 48 ГК РФ им признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Филиалы и представительства в соответствии с пунктом 3 статьи 55 ГК РФ юридическими лицами не являются и не обладают самостоятельной гражданской правосубъектностью. В пункте 1 статьи 2.1 Проекта говорится о том, что за совершение административных правонарушений филиалами, представительствами и обособленными подразделениями несут ответственность юридические лица, однако в целях привлечения к административной ответственности к юридическим лицам могут приравниваться и не являющиеся таковыми. Например, за некоторые налоговые правонарушения к административной ответственности могут быть привлечены филиалы юридического лица[1].

Привлечение к административной ответственности государственных и муниципальных органов в качестве юридических лиц вызывает споры среди ученых. Гражданское законодательство ор-

[1] См.: *Минашкин А. В.* Проблемы административной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 1998. № 7. С. 47.

ганы государственной власти и органы местного самоуправления к юридическим лицам не относит. Административно-правовой статус органов исполнительной власти и органов местного самоуправления кардинально отличается от статуса «организаций, предприятий и учреждений» — «невластных коллективных субъектов» административного права. Несогласованность понятий, разработанных в двух разных отраслях права, приводит к тому, что органы государственной власти и органы местного самоуправления привлекаются к административной ответственности, что бесполезно по причине того, что происходит обратное поступление в бюджет штрафов, налагаемых на такие учреждения, и умаляет авторитет государственной власти[1]. В новом Проекте (п. 2 ст. 2.11) законодатель выводит из круга субъектов, подлежащих административной ответственности, наделенные статусом юридического лица органы государственной власти, органы местного самоуправления, органы управления государственных внебюджетных фондов, Центральный банк Российской Федерации, казенные учреждения, за исключением случаев, если речь идет об ответственности собственников транспортных средств, однако такой вывод из-под действия КоАП РФ некоторых органов, наделенных статусом юридического лица, по мнению некоторых ученых, ставит под сомнение единую природу правового регулирования[2].

В соответствии со статьей 1.5 КоАП РФ для привлечения юридического лица к административной ответственности необходимо установить его вину. Вместе с тем полноценного понятия вины юридического лица в КоАП РФ нет. Признание юридического лица виновным в совершении административного правонарушения в силу статьи 2.1 КоАП РФ связывается с установлением факта, что оно имело возможность для соблюдения правил и норм, но не приняло все зависящие от него меры по их соблюдению. Расплывчатость данной формулировки ведет к проблемам в

[1] См.: *Андреев В. А.* Привлечение к административной ответственности органов местного самоуправления: сохранить или отменить. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/privlechenie-k-administrativnoy-otvetstvennosti-organov-mestnogo-samoupravleniya-sohranit-ili-otmenit (дата обращения: 11.05.2023).

[2] См.: *Майоров В. И., Новичкова Е. Е.* Ответственность юридического лица в свете нового Кодекса РФ об административных правонарушениях // Вестник Восточно-Сибирского Института МВД России. 2020. № 2 (93). С. 215.

правоприменительной практике при установлении наличия возможности соблюдения правил и норм юридическим лицом. По сути, доказывается не вина юридического лица, а сам акт совершения правонарушения[1]. Такой подход законодателя к определению вины позволяет в реальной правоприменительной практике без усилий признавать юридическое лицо виновным в совершении административного правонарушения[2].

Обращает на себя внимание и то, что законодатель не указывает разумных границ тех мер, которые юридическое лицо должно принять для соблюдения правовых норм. Правоприменительные органы для подтверждения вины юридического лица ограничиваются доказательством того факта, что организация не приняла необходимых мер для исполнения обязанностей, которые можно было принять[3].

Сложность вопросов определения вины юридического лица обусловлена и тем, что ее классическое понимание как психического отношения лица к совершаемому им противоправному деянию, имеющему интеллектуальный и волевые моменты, к юридическому лицу неприменимо.

Вместе с тем использование поведенческой концепции вины юридического лица в административном законодательстве не решает вопросы, связанные с установлением вины. Например, согласно данной концепции у юридического лица не может быть форм вины, однако в КоАП РФ содержится ряд составов правонарушений, указывающих на умышленную и неосторожную формы вины, и субъектами по ним являются, в том числе и юридические лица. Например, статья 11.5.1 КоАП РФ, где в части 1 речь идет о правонарушении, совершенном по неосторожности, а в части 3 — в форме умысла. Это означает, что привлечь юридическое лицо по данным составам невозможно, однако КС РФ решил иначе, указав, что юридиче-

---

[1] См.: *Кондратенко А. С., Иерусалимская Е. А.* Специфика вины юридического лица при привлечении к административной ответственности // Молодой ученый. 2022. № 38 (433). С. 134–136.

[2] См.: *Россинский Б. В.* Вновь о вине юридического лица // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 6. С. 141.

[3] См.: *Чукреев А. А.* Проблема установления вины юридического лица или индивидуального предпринимателя в неприменении контрольно-кассовой техники // Финансовое право. 2005. № 12. С. 25–28.

ское лицо подлежит ответственности за умышленное правонарушение, если установлен умышленный характер действия его работников или должностных лиц. Это противоречит положениям КоАП РФ, регулирующим вопросы вины организаций.

КС РФ тем не менее в своем постановлении от 14 апреля 2020 года № 17-П фактически подтвердил, что вина юридического лица может быть умышленной и неосторожной. При этом он указал законодателю на возможность применения объективного вменения при привлечении юридического лица к административной ответственности. В особом мнении к этому постановлению судья С. Князев отмечает, что наличие вины — это общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права. При определении вины административное законодательство использует поведенческий алгоритм определения вины и никаким образом дифференциацию вины юридических лиц на умышленную и неосторожную не проводит[1].

Вышеуказанное постановление входит в некоторое противоречие и с другими актами КС РФ. Например, в постановлении КС РФ от 25 января 2001 года № 1-П указано: «Наличие вины — общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно…»[2].

---

[1] «О транспортной безопасности», подпунктов 36, 37, 39, 45 пункта 5 и подпунктов 1, 2, 8 пункта 7 требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств морского и речного транспорта, в связи с жалобой акционерного общества «Пассажирский порт Санкт-Петербург “Морской фасад”»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2020 года № 17-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.1, части 1 статьи 2.2, части 3 статьи 11.15.1 и пункта 5 части 1 статьи 29.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 12.2 Федерального закона». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2023).

[2] По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гр-н И. В. Богданова, А. Б. Зернова, С. И. Кальянова, Н. В. Труханова: постановление КС РФ от 25 января 2001 года № 1-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 7, ст. 700.

Многие ученые говорят о том, что объективное вменение при привлечении юридического лица к ответственности — это уже действительность[1]. На данный момент решение этой проблемы, по их мнению, имеет два варианта: 1) признать объективное вменение и изменить формулировку части 1 статьи 2.1 КоАП РФ на следующую: административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или противоправное действие (бездействие) юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность[2]; 2) отрицать объективное вменение и «задрапировать» его применение различными неуклюжими формулировками законодательства[3].

Из анализа положений КоАП РФ становится ясно, что законодатель пытается ввести категоричный запрет на объективное вменение при привлечении юридического лица к административной ответственности. Причина того, что привлечение юридического лица к административной ответственности происходит путем объективного вменения, кроется в неполноте и неточности формулировок административного законодательства в части определения вины юридического лица.

Остается много неясностей в связи с повсеместно встречающейся и описанной в части 3 статьи 2.1 КоАП РФ ситуацией одновременного привлечения к ответственности юридического лица и его должностного лица (работника).

Согласно новой редакции части 3 статьи 2.1 КоАП РФ назначение административного наказания юридическому лицу не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное физическое лицо, равно как и привлечение к административной или уголовной ответственности физи-

---

[1] См.: *Сорокин В. Д.* Комментарий избранных мест Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Юридическая мысль. 2002. № 4 (10). С. 26.

[2] См.: *Россинский Б. В.* Вновь о вине юридического лица // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 6. С. 141.

[3] См.: *Сорокин В. Д.* Комментарий избранных мест Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Юридическая мысль. 2002. № 4 (10). С. 46, 47.

ческого лица не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение юридическое лицо, за исключением случаев, предусмотренных частями 4 и 5 этой же статьи.

В соответствии с частью 4 юридическое лицо не подлежит административной ответственности за совершение административного правонарушения, за которое должностное лицо или иной работник данного юридического лица привлечены к административной ответственности либо его единоличный исполнительный орган, имеющий статус юридического лица, привлечен к административной ответственности, если таким юридическим лицом были приняты все предусмотренные законодательством Российской Федерации меры для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, за исключением случаев, предусмотренных частью 5 настоящей статьи.

Согласно части 5 при назначении юридическому лицу административного наказания в виде административного штрафа, который устанавливается в соответствии с пунктом 3 или 5 части 1 статьи 3.5 КоАП РФ, должностное лицо или иной работник данного юридического лица либо его единоличный исполнительный орган, имеющий статус юридического лица, не подлежат административной ответственности. Это положение касается случаев назначения штрафа в сумме выручки от реализации товара (работы, услуги) либо расходов на его приобретение за календарный год, предшествующий году, в котором было выявлено административное правонарушение, а также исходя из начальной (максимальной цены) гражданско-правового договора, предметом которого является поставка товара, выполнение работы или оказание услуги для государственных нужд.

Еще одной новеллой в привлечении юридического лица к административной ответственности стала часть 5 статьи 4.4. КоАП РФ (о назначении административных наказаний за совершение нескольких административных правонарушений). В соответствии с ней, если при проведении одного контрольного (надзорного) мероприятия в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля выявлены два и более административных правонарушения, ответственность за которые предусмотрена одной и той же статьей (частью статьи)

раздела II КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, совершившему их лицу назначается административное наказание как за совершение одного административного правонарушения.

Есть и исключения из этого правила, например статья 18.15 КоАП РФ (незаконное привлечение к трудовой деятельности в России иностранных граждан). В примечании к данной статье говорится, что в случае незаконного привлечения к трудовой деятельности двух и более иностранных граждан административная ответственность наступает в отношении каждого из них в отдельности.

Определенные изменения коснулись и санкционной политики действующего административного законодательства. Возможность назначения юридическим лицам штрафа ниже низшего предела, в действующем административном законодательстве появилась благодаря КС РФ, который обязал правоприменителей в установленных случаях снижать до двух раз размер назначаемого штрафа ниже предусмотренного регионального минимума, если он равен или выше 100 000 рублей. Такие же коррективы КС РФ обязал внести в КоАП РФ[1]. В Проекте штрафные санкции, налагаемые на юридических лиц, значительно снижены.

Можно также отметить тенденции на смягчение санкции для юридических лиц. Так, например, раньше можно было заменить штраф предупреждением. Это было правом судьи. Теперь часть 3 статьи 3.4 КоАП РФ устанавливает, что наказание «подлежит замене... на предупреждение», то есть предупреждение станет единственно возможным наказанием в случаях, когда субъект малого или среднего предпринимательства привлекается к ответственности впервые и правонарушение не связано с причинением вреда или возникновением угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, объектам животного и растительного мира, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам

[1] По делу о проверке конституционности частей 3.2 и 3.3 статьи 4.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой акционерного общества «РСК»: постановление КС РФ от 7 апреля 2020 года № 15-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2023).

истории и культуры) народов Российской Федерации, безопасности государства, угрозы чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также отсутствует имущественный ущерб.

Однако предупреждение не может быть вынесено в случае возникновения угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей. Такая формулировка без пояснений, вероятно, тоже вызовет проблемы в практике, так как такую угрозу можно усмотреть при совершении практически любого административного правонарушения.

Часть 1 статьи 4.1.2. КоАП РФ устанавливает, что малому и среднему бизнесу должны назначаться штрафы, как индивидуальным предпринимателям. Если же конкретная статья КоАП РФ не предусматривает штраф для индивидуального предпринимателя, берется за основу тот, что назначается по этой статье юридическому лицу. Только размер его для малого и среднего бизнеса будет не более ½ максимального и не менее ½ минимального размера штрафа, указанного в санкции статьи. Если в статье дается фиксированный размер штрафа, субъекту малого или среднего предпринимательства нужно будет уплатить только его половину.

Можно также отметить тенденцию ужесточения ответственности за правонарушения, направленные на противодействие криминализации в экономической сфере. Так, статьей 15.27 КоАП РФ предусматривается ответственность за совершение сделок или финансовых операций с денежными средствами или иным имуществом, заведомо полученными преступным путем. Привлекаться за данное правонарушение будут юридические лица, физические лица за данное нарушение будут привлекаться к уголовной ответственности. Дополнительно к основному виду наказания может быть назначена конфискация предмета правонарушения — незаконно полученных денежных средств или иного имущества.

Таким образом, институт административной ответственности юридических лиц нуждается в существенной доработке. Необходимо ввести понятие юридического лица в административное законодательство. Следует определять вину организаций через вину их должностных лиц и работников. Это позволит определять формы вины у юридического лица и даст возможность уйти от объективного вменения. Среди тенденций развития института административной ответственности можно указать на смягчение

санкций для юридического лица. В перспективе законодатель будет ужесточать ответственность юридических лиц за осуществление теневой экономической деятельности.

УДК 343.16

Басова О. О.,
кандидат юридических наук, помощник председателя Устиновского районного суда г. Ижевска (Удмуртская Республика)

Процессуальный статус помощника судьи в уголовном судопроизводстве: современное состояние и возможные направления развития

С конца 90-х годов в российской судебной системе успешно функционирует институт помощников судей, созданный с целью обеспечения процессуальной и иной профессиональной деятельности судей. Помощники по поручению судей выполняют огромный пласт работы, в том числе процессуального характера, однако на протяжении практически двух десятилетий законодатель не уделял внимания вопросу правовой регламентации данного института. УПК РФ содержал лишь отдельные нормы, регламентирующие деятельность помощника судьи.

Процессуальный статус помощника судьи был закреплен в УПК РФ с принятием Федерального закона от 29 июля 2018 года № 228-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[1], которым введена статья 244.1 УПК РФ, посвященная помощнику судьи, а также ряд норм, связанных с осуществлением им процессуальной деятельности (ст. 68, п. 3 ч. 3 ст. 259, ст. 266, п. 3 ст. 304, ч. 2 ст. 389.13, ч. 10 ст. 401.13, ч. 9 ст. 412.10 УПК РФ).

Процессуальный статус помощника судьи получил закрепление также в ГПК РФ и КАС РФ (ст. 47.1 ГПК РФ, ст. 52 КАС РФ).

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 31, ст. 4817.

© Басова О. О., 2023

Безусловно, принятые меры по унификации законодательства в части процессуального статуса помощника судьи и расширения его процессуальной компетенции являются позитивным шагом на пути оптимизации судебного процесса и улучшения качества правосудия.

Вместе с тем анализ нововведений в процессуальное законодательство позволяет выделить ряд спорных моментов в регламентации правового положения помощника судьи.

Так, норма, посвященная помощнику судьи, размещена законодателем в главе 35 «Общие условия судебного разбирательства», в результате чего статус помощника судьи как участника уголовного судопроизводства остался неопределенным, поскольку помощник судьи не вошел в перечень участников уголовного судопроизводства, содержащийся в Разделе II УПК РФ.

Одновременно с этим положения о помощнике судьи закреплены в ГПК РФ и КАС РФ в соответствующих разделах, посвященных лицам, участвующим в деле, и другим участникам процесса, по аналогии с арбитражным законодательством. Таким образом, в гражданском и административном судопроизводстве помощник судьи наделен статусом участника процесса — лица, содействующего осуществлению правосудия.

Учитывая, что помощник судьи при осуществлении процессуальной деятельности по обеспечению деятельности судьи становится участником уголовно-процессуальных правоотношений, полагаем, что его процессуальный статус целесообразно закрепить в разделе II УПК РФ, в котором содержатся нормы, регламентирующие права и обязанности участников уголовного судопроизводства.

При этом мы не разделяем позицию авторов, полагающих необходимым закрепление процессуального статуса помощника судьи в главе 8 УПК РФ, наряду с иными участниками уголовного судопроизводства, на том основании, что функция помощника судьи — вспомогательная[1].

[1] См.: *Даровских С. М.* Помощник судьи как участник уголовного судопроизводства // Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия Великой Судебной Реформы. Курск, 2019. С. 114.

Бесспорно, функция помощника судьи по своей сути носит вспомогательный характер, заключающийся в оказании содействия суду в подготовке и организации судебного разбирательства. Вместе с тем правовая природа данной функции помощника судьи существенным образом отличается от функции иных участников уголовного судопроизводства, что обусловлено целями, задачами, характером его деятельности, особенностями правоотношений с судом и другими участниками уголовного судопроизводства, объемом прав и обязанностей.

Во-первых, в рамках уголовно-процессуальных правоотношений помощник судьи имеет цель, отличную от целей иных участников уголовного судопроизводства. Он оказывает содействие в организации судебного разбирательства, обеспечивает процессуальную деятельность судьи, тогда как цель привлечения к участию в деле свидетеля, эксперта, лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, — оказание содействия суду в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу, а специалиста и переводчика — в оказании помощи суду в решении вопросов уголовного судопроизводства, входящих в их профессиональную компетенцию.

Во-вторых, процессуальная функция помощника судьи вытекает из его служебных обязанностей, которые он осуществляет на основании поручений судьи. Его участие в уголовном процессе не зависит от волеизъявления сторон. Иные же лица привлекаются к участию в деле на основании решения государственных органов и должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело, в том числе могут привлекаться по ходатайству сторон.

В-третьих, в силу специфики правоотношений между помощником судьи и судом на помощника судьи не распространяется ряд положений, касающихся иных участников процесса (о вызовах в суд и последствиях неявки, о разъяснении прав и обязанностей, о возмещении расходов и вознаграждении).

В-четвертых, помощник судьи помимо процессуальных полномочий выполняет и иные организационные полномочия, направленные на обеспечение деятельности судьи, в то время как права и обязанности иных лиц, участвующих в деле, предусмотрены процессуальным законом и не могут выходить за рамки су-

дебного разбирательства. Внепроцессуальное общение судьи с участниками процесса является недопустимым, тогда как взаимодействие судьи с помощником судьи вне судебного заседания охватывается служебными правоотношениями и является неотъемлемой частью их деятельности.

При указанных обстоятельствах полагаем неверным относить помощника судьи в одну группу лиц с иными участниками уголовного судопроизводства.

При этом, на наш взгляд, включение помощника судьи в одну группу лиц с судом, как предлагается исследователями в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства, недопустимо[1]. Хотя процессуальный интерес помощника судьи и обусловлен основной функцией суда, цели, задачи процессуальной деятельности помощника судьи, а также характер взаимоотношений с другими лицами, участвующими в деле, не позволяют относить его к суду, занимающему главенствующее положение в системе субъектов уголовно-процессуальной деятельности, наделенному особым правовым статусом и исключительными полномочиями.

По нашему мнению, права и обязанности помощника судьи следует закрепить в отдельной главе, посвященной служащим аппарата суда, размещенной в разделе II УПК РФ, куда включить также положения о секретаре судебного заседания. Подобная правовая конструкция позволит устранить существующую на данный момент в науке уголовного процесса неопределенность статуса помощника судьи.

С целью унификации законодательства аналогичным образом процессуальный статус помощника судьи должен быть определен в рамках гражданского, административного и арбитражного судопроизводств.

Кроме того, представляется не совсем верной позиция законодателя относительно полномочий помощника судьи и его роли в уголовном судопроизводстве. Статья 244.1 УПК РФ определяет функцию помощника судьи — оказание помощи судье в подготовке и организации судебного разбирательства, а также в подготовке проектов судебных решений. К числу полномочий помощника судьи отнесено

[1] См.: *Сорокопуд А. В.* Правовое положение помощника судьи в гражданском и арбитражном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2021. С. 102.

ведение протокола судебного заседания, обеспечение контроля за фиксированием хода судебного заседания техническими средствами, проверка явки в суд лиц, которые должны участвовать в судебном заседании. Данные полномочия могут быть возложены на помощника судьи по поручению председательствующего.

Таким образом, законодатель фактически придал правовую форму сложившимся между судьей и помощником судьи правоотношениям, однако принятые нормы не устранили существующие проблемы, связанные с процессуальной деятельностью помощника судьи, и не раскрыли в полной мере потенциал данного института.

Так, законодатель закрепил за помощником судьи часть полномочий, которые законом отнесены к полномочиям секретаря судебного заседания, что вызывает вопросы как с научной точки зрения относительно статуса данных участников процесса, так и с точки зрения разграничения их полномочий в практической деятельности судей и сотрудников суда.

Полагаем, что предусмотренные статьей 244.1 УПК РФ полномочия должны относиться к компетенции секретаря судебного заседания. Возложение указанных полномочий на помощника судьи возможно только в исключительных случаях, связанных с невозможностью обеспечения участия в уголовном процессе секретаря судебного заседания, что должно быть прямо предусмотрено законом. Подобное дублирование одних и тех же полномочий между разными служащими суда, на наш взгляд, является необоснованным и нецелесообразным. Деятельность помощника судьи согласно Типовому должностному регламенту помощника председателя суда (судьи) районного суда и гарнизонного военного суда[1]

[1] Об утверждении типовых должностных регламентов помощника председателя суда, заместителя председателя суда, судьи кассационного суда общей юрисдикции, кассационного военного суда, помощника председателя суда, заместителя председателя суда, судьи апелляционного суда общей юрисдикции, апелляционного военного суда, помощника председателя суда (судьи) верховного суда республики, краевого и областного судов, суда города федерального значения, судов автономной области и автономного округа, окружного (флотского) военного суда, районного суда и гарнизонного военного суда: приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27августа 2019 года № 193 // Бюллетень актов по судебной системе. 2020. № 3.

направлена на организационно-правовое, информационное, документационное и иное обеспечение деятельности судьи, а также обеспечение его процессуальной деятельности. Роль помощника судьи заключается в оказании содействия судье в реализации его полномочий, что предполагает проведение аналитической, мыслительной работы и применение законодательства. От профессионализма, добросовестности, быстрого и своевременного исполнения поручений помощником судьи зависит эффективность и качество работы судьи. Именно поэтому к данной категории служащих суда предъявляются наиболее высокие требования, касающиеся их знаний и профессиональных навыков. В свою очередь, предусмотренные статьей 244.1 УПК РФ полномочия носят скорее «технический» характер и могут быть выполнены служащими суда с меньшими требованиями к уровню квалификации.

Также спорным моментом является указание в УПК РФ на подготовку помощником судьи проектов судебных решений. Ни в УПК РФ, ни в Типовом должностном регламенте не конкретизированы пределы исполнения помощником судьи данной обязанности, в результате чего зачастую помощник изготавливает по поручению судьи итоговое судебное решение в полном объеме, что в конечном счете может повлиять на мнение судьи при принятии им решения по делу.

Как справедливо отмечают Р. А. Александров, Д. А. Гусаров: «Подготавливая проект судебного решения, помощник судьи предлагает свой вариант оценки доказательств, основанный на своем внутреннем убеждении, давая, таким образом, свой совет относительно будущего судебного решения, неизбежно вторгается в деятельность суда по осуществлению правосудия»[1].

По нашему мнению, полномочия помощника судьи по изготовлению проекта итогового судебного решения не должны выходить за пределы составления вводной и описательной частей процессуального документа, поскольку помощник судьи не участвует в непосредственном исследовании доказательств и не может давать им оценку. Это, с одной стороны, позволит мини-

[1] *Александров Р. А., Гусаров Д. А.* К вопросу о помощнике судьи как о полноправном участнике уголовного судопроизводства и его процессуальных функциях // Российский судья. 2019. № 4.

мизировать возможность влияния помощником судьи на принимаемое судом решение, с другой стороны — сократит временные затраты судьи на выполнение по большей части механической работы. Таким образом, нормы УПК РФ в указанной части требуют доработки и конкретизации.

Стоит отметить, что законодателем внесены и позитивные изменения в закон в части регламентации процессуальной деятельности помощника судьи. Так, Федеральный закон от 29 декабря 2022 года № 610-ФЗ УПК РФ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[1] дополнен статьей 241.1, предусматривающей возможность удостоверения личности лица, участвующего в судебном заседании посредством систем видео-конференц-связи, по поручению судьи помощником судьи. О целесообразности возложения на помощника судьи данной обязанности нами говорилось еще несколько лет назад[2].

Как отмечено X Всероссийским съездом судей, снижение судебной нагрузки по-прежнему остается одной из главных целей реформирования судебной системы[3].

Представляется, что разрешение проблемы снижения судебной нагрузки, оптимизации работы судебной системы и повышения эффективности осуществления правосудия возможно путем правового регулирования процессуальной деятельности помощников судей, а именно — расширения их процессуальных полномочий при условии передачи им части обязанностей, не относящихся к исключительной компетенции судьи, с одновременным исключением обязанностей, которые могут быть исполнены секретарем судебного заседания. В рамках диссертационного исследования нами рассматривался вопрос о возможно-

---

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1, ч. I, ст. 4817.

[2] См.: *Басова О. О.* К вопросу о наделении помощника судьи обязанностями по совершению процессуальных действий с использованием систем видео-конференц-связи // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2017. № 1. С. 101–104.

[3] О развитии судебной системы Российской Федерации: постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 года № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2023).

сти расширения процессуальной деятельности помощника судьи в уголовном судопроизводстве и предложен ряд полномочий, которые могут быть закреплены за помощником судьи[1]. Однако с изменением законодательства, регламентирующего процессуальный статус помощника судьи, данный вопрос требует дальнейшего исследования.

В условиях возрастающей нагрузки на судей и тенденции к усложнению поступающих в суд уголовных дел, вопрос о передаче помощнику части процессуальных полномочий судьи становится все более актуальным.

Опыт зарубежных стран, в частности Германии, где помощник судьи наделен полномочиями по разрешению ряда вопросов, связанных с исполнением решения суда, свидетельствует о возможности более рационального подхода к определению процессуальных полномочий помощника судьи.

Полагаем, что помощник судьи мог бы по поручению судьи рассматривать ряд вопросов, связанных с разъяснением сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора. Примерный перечень таких вопросов содержится в пункте 22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора»[2]. Разрешение данных вопросов требует временных затрат, поскольку в силу закона осуществляется в судебном заседании с обязательным извещением участников процесса, а также лиц, учреждений и органов, обратившихся с заявлением. При этом данные вопросы не представляют особой правовой сложности, не касаются существа приговора, не связаны с оценкой обстоятельств дела и личности осужденного, что делает их рассмотрение возможным помощником судьи с учетом уровня его квалификации. Поручение помощнику судьи рассмотрения подобного рода вопросов полностью соответствует выполняемой им обеспечительной функции и не выходит за рамки исключительной компетенции суда.

---

[1] См.: *Басова О. О.* Участие помощника судьи в уголовном судопроизводстве: концептуальный подход: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. С. 90–179.

[2] Российская газета. 2011. 30 декабря.

Возможность дальнейшего расширения полномочий помощника судьи обусловлена также тенденциями развития судебной системы, предусматривающими поэтапное внедрение в деятельность судов современных информационных технологий, включая искусственный интеллект, которые призваны минимизировать механическую работу сотрудников суда и позволить им сосредоточиться на выполнении основных задач в рамках служебной деятельности.

Вместе с тем законодатель установил запрет на выполнение помощником судьи функции по осуществлению правосудия. Несмотря на продолжительную дискуссию в науке уголовного процесса общепринятое понятие «правосудия» до сих пор не разработано, его определение в законе также отсутствует.

С точки зрения распространенного в науке уголовного процесса широкого понимания правосудия как любой процессуальной деятельности суда на любой стадии процесса, включая судебный контроль и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, наделение помощника судьи дополнительными процессуальными полномочиями, в том числе связанными с разрешением ряда вопросов на стадии исполнения судебного решения, исключается. Указанные полномочия охватываются при таком подходе понятием правосудия и относятся к исключительной компетенции суда.

Мы же являемся сторонниками иного подхода к понятию правосудия, согласно которому правосудие следует рассматривать как одну из функций суда, наряду с осуществлением судебного контроля и разрешением вопросов, связанных с исполнением судебных актов. При таком подходе становится возможным осуществление помощником судьи полномочий по рассмотрению вопросов на стадии исполнения судебного решения, поскольку данные полномочия не охватываются понятием правосудия.

Именно институт помощников судей, состоящий из наиболее профессиональных сотрудников аппарата суда, призванных оказывать судье содействие в осуществлении его полномочий, на наш взгляд, является основным ресурсом для оптимизации судебной нагрузки и повышения эффективности судебной защиты прав граждан и организаций. В настоящее время судья не в силах самостоятельно осуществлять весь комплекс мероприятий, необ-

ходимых для правильного рассмотрения и разрешения дела. Дальнейшее развитие общественных отношений и судебной системы логически диктует необходимость передачи части полномочий судьи служащим суда, главным образом, помощнику судьи.

Ключевым вопросом в реализации потенциала института помощника судьи в рамках оптимизации процессуальной деятельности суда является определение пределов осуществления правосудия на законодательном уровне. Правосудие очерчивает границы компетенции помощников судей, тем самым законодательное закрепление понятия «правосудие» позволит определить круг тех полномочий, которыми могут быть наделены помощники судей с целью содействия осуществлению функции суда по рассмотрению и разрешению дела, и станет толчком для разработки нового подхода к правовому регулированию процессуальной деятельности суда и помощника судьи, отвечающего современным реалиям судебной системы.

УДК 342

Безруков А. В.,
доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического института Сибирского федерального университета, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск)

Конституционные преобразования как средство оптимизации конституционно-правового регулирования

Конституционные преобразования, проводимые в современном государстве, всегда имеют различные предпосылки и социально-политические причины. Они не всегда учитывают сло-

© Безруков А. В., 2023

жившуюся политико-правовую обстановку, но в любом случае отражаются на качественном состоянии конституционно-правового регулирования.

Конституционные реформы обусловливают процесс конституционализации, который сегодня предполагает дорогу с двухсторонним движением, а именно не только проникновение и развитие конституционных положений в отраслевом национальном законодательстве, но и возведение на уровень текста Конституции Российской Федерации тех отраслевых положений, которые подлежат конституционному регулирования в силу их особой значимости (например положения ст. 67.1, 75 Конституции Российской Федерации, вбирающие в себя нормы семейного, трудового права, права социального обеспечения). И здесь важно понимать и учитывать, что даже ключевые положения каждой отрасли национального права не «уместятся» в Конституции Российской Федерации, ее текст должен быть слитным, лаконичным и не может бесконечно прирастать, поэтому с учетом верховенства Конституции Российской Федерации и ее высшей юридической силы акцент должен делаться на развитии и конкретизации конституционных положений в отраслевом национальном законодательстве.

Причем в последнее время стираются грани между предметом конституционно-правового и отраслевого регулирования, что в определенной мере может рассматриваться позитивно с учетом прямого действия Конституции Российской Федерации и периодической необходимости проникновения конституционных положений в отраслевые нормы.

Поскольку Конституция Российской Федерации — уникальный правовой документ, комплексно регулирующий основополагающие отношения и обладающий особыми чертами (стабильность, реальность и т. д.) и юридическими свойствами (юридическим верховенством, высшей юридической силой и др.), то видится, что такие качества Конституции Российской Федерации не просто должны ориентировать конституционного законодателя на осторожность и аккуратность в ее текстуальной корректировке, но и на комплексный, обоснованный и сбалансированный подход в реализации таких преобразований. Очевидна взаимосвязь конституционной стабильности, реальности Конституции с ее юридическим верховенством, высшей юридической силой,

прямым действием (ст. 4, 15 Конституции Российской Федерации). Когда система общественных отношений пронизана смыслом и духом Конституции, реальной конституционностью, тогда можно утверждать как о реальности Конституции, так и о признании ее достаточно устойчивой общественно-правовой ценностью. И когда грани устойчивости становятся подвижны, закономерно возникают вопросы и сомнения в обоснованности и необходимости таких перемен.

Конституция Российской Федерации в 2023 году преодолевает 30-летний рубеж, продолжая действовать уже несколько десятков лет, лишь только в 2020 году была подвержена серьезной содержательной модернизации, сконцентрированной в основном на изменении конфигурации публичной власти в России, основных направлений социально-экономической и политической модернизации, перераспределении и расширении властных полномочий федеральных органов государственной власти[1].

В любом случае такие преобразования качественно изменили предмет конституционного права, проникли в различные конституционно-правовые институты и модернизировали конституционно-правовые отношения.

Таким образом, конституционные преобразования неизбежно предопределяют содержание и качественное содержание механизма конституционно-правового регулирования. Причем здесь важно как содержание и процедура проводимых преобразований, так и их результат.

---

[1] Первые оценки таких реформ авторитетными учеными уже появились в периодической печати. См., например: *Авакьян С. А.* Проект законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 31–43; *Безруков А. В.* Конституционная реформа: основные направления и пути совершенствования конфигурации публичной власти в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 3–9; *Кокотов А. Н.* Конституционный Суд России и макроправовое регулирование // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 3–7; *Румянцев О. Г.* Конституционная реформа–2020 в Российской Федерации: пристрастная оценка // Конституционный вестник. 2020. № 5 (23). С. 6–32; *Бабурин С. Н.* О корректировке Конституции Российской Федерации в 2020 году // Конституционный вестник. 2020. № 5 (23). С. 119–121.

Проводимые конституционные реформы могут позитивно и негативно наполнять содержание конституционной доктрины, законодательства и практики. Например, конституционная реформа 2020 года показала особую значимость Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации, усложнила процедуру его принятия и вступления в силу, дополнив ее участием КС РФ и вынесением поправок на общероссийское голосование.

Законодатель не стал изменять общий порядок принятия поправок к Конституции Российской Федерации и прописал этот усложненный алгоритм в конкретном Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»[1]. С одной стороны мы получили более легитимную процедуру принятия и одобрения поправочного закона, обогатили конституционную практику и создали почву для осмысления доктрине. С другой стороны в конституционном законодательстве остались дефектные, противоречащие друг другу конституционно-правовые нормы, поэтому и оценка таких преобразований не может быть однозначной.

Аналогичную ситуацию мы наблюдали в 2014 году при принятии в состав Российской Федерации Республики Крым, когда законодатель соединил две разные процедуры — принятие и образование нового субъекта Российской Федерации. Принятие Крыма в состав России и одновременное образование города федерального значения Севастополь. Положения ФКЗ от 17 декабря 2001 года № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»[2] не предусматривают такой возможности и до сих пор не скорректированы. Это еще один пример развития конституционной практики вразрез с общим установленным конституционным порядком. Как оценивать такие конституционные преобразования? Налицо формальная недоработка законодателя, которую давно пора устранить и предусмотреть в указанном ФКЗ такую возможность.

[1] Российская газета. 2020. 16 марта.

[2] Там же. 2021. 20 декабря.

Содержание и концепция конституционных преобразований должны быть всегда ориентированы на совершенствование и укрепление важнейших конституционно-правовых институтов, эффективное обеспечение прав человека и гражданина, оптимизацию функционирования и взаимодействия органов публичной власти, укрепление конституционного правопорядка и как следствие — совершенствование конституционно-правового регулирования.

Конституционные реформы должны качественно укреплять единство системы конституционного права и механизм конституционно-правового регулирования. Новые конституционные нормы должны цементировать соответственно конституционно-правовые институты и последовательно развивать конституционно-правовые отношения. Именно работа в рамках этого треугольника «норма — институт — отношение» должна проводиться при конституционном реформировании. Уже на старте конституционных преобразований следует понимать, как предлагаемые нормы гармонично впишутся в тот или иной конституционно-правовой институт и систему конституционного права в целом, насколько полно и эффективно будут реализованы соответствующие конституционно-правовые отношения.

Только аккуратное, качественное и последовательное проведение конституционных преобразований — залог успешного конституционного развития и оптимизации, а именно как Конституции Российской Федерации, так и механизма конституционно-правового регулирования.

И если мы проводим конституционные преобразования и идем на изменение текста Конституции Российской Федерации, то в таком случае необходимо, во-первых, продумать концептуальную основу таких реформ, привлечь компетентных ученых и практиков в работе над конституционным проектом; во-вторых, проработать вопрос исправления имеющихся дефектов и учета современных достижений конституционной доктрины и практики в новом тексте Конституции Российской Федерации; в-третьих, сформулировать прогноз относительно последствий и убедиться в своевременности проводимых преобразований.

С учетом изложенного необходимо выделить критерии допустимости и потребности проведения конституционных преобразований, в их числе можно предложить такие как:

1) своевременность и последовательность проведения конституционных реформ. Предлагаемые преобразования должны учитывать социально-политическую и общественно-правовую ситуацию в стране, должны последовательно решать намеченные цели и задачи такой реформы, быть логически выстроены и осмыслены;

2) обоснованность и необходимость преобразований заключается в том, что инициаторы таких поправок должны довести до юридической общественности и граждан необходимые аргументы и доводы, свидетельствующие о реальной потребности предлагаемых реформ и в высокой степени вероятностном прогнозе наступления определенных неблагоприятных последствий в случае их непроведения;

3) качественная проработка концепции и содержания инициируемых конституционных преобразований. Концептуальная основа конституционной реформы должна иметь четкую структуру и содержание, соотноситься с действующими нормативными правовыми актами, понимание необходимости, содержания и возможности осуществления соответствующих изменений законодательства, учитывать политическую обстановку и минимизировать/исключать конституционные риски массового общественного несогласия. Для этого необходимо привлекать институты общественности к разработке конституционных поправок и учета их мнения;

4) просчет и прогноз социально-политических и общественно-правовых последствий проводимой реформы. Инициаторы и реформаторы должны четко понимать и довести до общественности, к каким последствиям приведут или смогут привести проводимые преобразования конституционного законодательства.

Таким образом, проведение конституционных реформ может рассматриваться как средство оптимизации механизма конституционно-правового регулирования, однако при их проведении всегда следует исходить из их необходимости и обоснованности, ориентироваться на предложенные критерии их допустимости и всегда учитывать, насколько такие преобразования социально полезны, каким образом они качественно отразятся на содержании конституционной доктрины, законодательства и практики и в целом насколько эффективно оптимизируют механизм конституционно-правового регулирования.

УДК 94 (41/99)

Варенцова Л. Ю.,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Оптимизация правового регулирования в дворцовых землях Российского государства на примерах деятельности приказа Тайных дел в 1654–1676 годах

Под термином «оптимизация» следует понимать выбор наилучшего варианта из возможных, приведение системы в оптимальное состояние[1]. Правовое регулирование означает процесс воздействия государства на общественные отношения с помощью юридических норм[2].

В XVII веке в Российском государстве активно происходил процесс формирования дворцовых земель. Почти в половине уездов Российского государства находились царские вотчины. Представителями царской династии Романовых велась политика расширения географических рамок государевых вотчин, в результате которой во второй половине XVII века численность дворцового населения увеличилась более чем в два раза, по сравнению с первой половиной XVII столетия. Дворцовые земли выступали как инструмент государственной политики, что позволяло укреплять армию, государственный аппарат, православную церковь.

Сакральный авторитет царя-вотчинника, единство властных структур на всех уровнях, начиная от власти монарха — до управления на местах, жесткий контроль за выполнением распоряжений, установленная система санкций, неотвратимость наказаний для всех, не выполнивших распоряжения монарха, были

[1] См.: Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. / гл. ред. А. М. Прохоров. Москва, 2001. С. 1102.

[2] См.: Российская юридическая энциклопедия / гл. ред. А. Я. Сухарев. Москва, 1999. С. 2257.

© Варенцова Л. Ю., 2023

гарантами эффективности и результативности власти в пределах дворцовых земель[1].

Оптимизацией правового регулирования на территории царского домена следует считать учреждение царем Алексеем Михайловичем приказа Тайных дел в 1654 году, функционировавшего до его смерти в 1676 году. С момента возникновения данный приказ стал важнейшим ведомством в системе управления дворцовыми землями в России XVII века.

Из всех существовавших дворцовых приказов он выделялся своей значимостью, многофункциональностью. Материалы данного центрального учреждения свидетельствуют, что он ведал самыми разнообразными делами. Тайный приказ представлял административное учреждение, находившееся под непосредственным руководством монарха. По мнению Г. К. Котошихина, учреждение этого приказа было вызвано стремлением к большей централизации верховной власти, желанием царя Алексея Михайловича действовать без участия Боярской думы[2].

Существуют две основные точки зрения в историографии по поводу сущности этого приказа. Согласно первой — приказ Тайных дел был органом борьбы с государственными преступлениями, представлял собой начало тайной полиции в России (Н. И. Костомаров[3], И. Я. Гурлянд[4]). Согласно второй точке зрения в историографии, приказ Алексея Михайловича Романова представлял собой частную царскую канцелярию (С. М. Соловьев[5], В. О. Ключевский[6], С. Б. Веселовский[7]).

---

[1] См.: *Варенцова Л. Ю.* Дворцовые земли в России в XVII в.: управление, хозяйство, правовое положение населения: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2022. С. 42.

[2] См.: *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. Москва, 2000. С. 107.

[3] См.: *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 4 т. Москва, 1998. Т. 2. С. 360.

[4] См.: *Гурлянд И.Я.* Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902.

[5] См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен: в 15 кн. Москва, 1961–1962. Т. 11–12. Кн. 6.

[6] См.: *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. Курс русской истории. Москва, 1988. Т. 3.

[7] См.: *Веселовский С. Б.* Приказной строй управления Московского государства. Киев, 1912.

Во второй половине XVII века сложились обстоятельства объективного и субъективного характера для учреждения этого приказа. К числу объективных факторов следует отнести соответствующие исторические условия, когда создавался Тайный приказ, в том числе народные бунты 1648–1650-х годов, реализация церковной реформы патриархом Никоном и зарождение церковного раскола. Субъективным фактором стали такие психологические особенности личности царя Алексея Михайловича, как скрытность, нерешительность в поступках, желание действовать с помощью приказа, а не принимать самостоятельные решения[1].

Царь Алексей Михайлович руководил приказом, составлял бумаги, издавал распоряжения, интересовался ситуацией в дворцовых землях[2]. Его главным помощником считался «дьяк тайных дел», он же назывался «тайным дьяком»[3]. Он получал земли в поместье, солидный денежный оклад — 330 рублей в год, денежные премии, вознаграждения в виде продовольствия к великим церковным праздникам[4]. Основную работу в приказе вели подьячие[5], в разные годы в приказе Тайных дел трудились от 6 до 15 подьячих. Каждый подьячий ежегодно получал высокое денежное (15–35 рублей) и хлебное жалование (20–22 чети ржи, 20–22 чети овса)[6]. Жалованье надо было «выслужить», а это значит, что следовало выполнять важные и сложные дела, быть верным государю и закону. Для всех служителей Тайного приказа полагалось пожалование царя Алексея Михайловича — с Сытного дворца — две чарки вина, с Кормового дворца — ежедневный обед[7].

---

[1] См.: *Варенцова Л. Ю.* Дворцовое землевладение в России в XVII веке: система управления и хозяйства: монография. Нижний Новгород, 2017. С. 68.

[2] См.: *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. Москва, 2000. С. 107.

[3] См.: *Гурлянд И. Я.* Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902. С. 117.

[4] См. там же. С. 129.

[5] См.: Российский государственный архив древних актов (г. Москва) (далее — РГАДА). Ф. 27. Оп. 1. Т. 1399–1715. Д. 43. Л. 1.

[6] См.: Расходные столбцы приказа Тайных дел // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией (далее — РИБ). Санкт-Петербург, 1904. Т. 23. Кн. 3. С. 99–123.

[7] См. там же.

С Хлебного дворца каждому подьячему отпускалось еще и по 3 чети пшеничной муки в год. «Царской милостью» назывались целевые денежные премии на покупку собольей шапки, песцового испода, сапог, нового седла, узды или ценные подарки в виде вишневого или зеленого сукна, серебряных пуговиц, столовых запасов к Рождеству Христову или Пасхе в виде мясных туш, гусей[1]. Трудиться в приказе Тайных дел было престижно, выгодно, труд чиновников оплачивался выше, чем в других центральных органах управления Российского государства.

Территория, находившаяся в подчинении приказа, формировалась в 1664–1675 годах. В ведение приказа переводились наиболее перспективные для хозяйственного развития регионы. В составе приказа находились города Гороховец, Скопин, Романов, Богородицкий, подмосковные царские села и другие объекты дворцового хозяйства. В большей степени земли изымались из подчинения приказа Большого дворца. Владения данного приказа были обширны, располагались в 20 уездах России[2].

Тайный приказ управлял дворцовым хозяйством, занимался посольскими и военными делами, царской соколиной и кречетиной охотой, ведал государевой благотворительностью. Он осуществлял контакты с иностранными специалистами, приглашая европейских специалистов по военному делу, промышленности, торговле.

Согласно материалам «Дел Тайного приказа» для нужд царского хозяйства в Россию вызывались следующие специалисты: саксонец — рудознатец Х. Фалентинов; «подкопщики серебряной руды» из Риги; рудознатец из Греции А. Листов; мастер бумажного дела из Турции Ф. Аносов; рудознатец серебряной руды К. Дробыш; ткачи немецких полотен А. Гофман, И. Рыхтар; селитренный мастер Л. Ман; итальянские стеклоделы Л. Моет, Я. Арципухар, П. Балтус, И. Лерин[3] и др. Приказом Тайных дел всем иностранцам, желавшим «послужить великому государю»,

[1] См.: *Гурлянд И. Я.* Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902. С. 131.

[2] См. там же. С. 74.

[3] См.: Дела Тайного приказа // РИБ. Санкт-Петербург, 1904. Т. 23. Кн. 3. С. 1337.

выделялись «подъемные деньги», вознаграждения разного рода[1]. В таких специалистах нуждалось дворцовое хозяйство и, главным образом, Российское государство.

Под влиянием приказа Тайных дел дворцовые вотчины в России в XVII веке были не только важнейшими центрами развития экономики, но и культуры. В них привлекались лучшие зарубежные и отечественные специалисты. До сих пор царские усадьбы представляют собой великолепные памятники русской истории и культуры. В государевых вотчинах трудились знаменитые российские зодчие XVII века: А. Константинов, Б. Огурцов, Т. Шарутин, Л. Ушаков. Изограф С. Ушаков выполнял не только индивидуальные задания от царя Алексея Михайловича, но и трудился совместно с другими мастерами (И. Филатовым, И. Леонтьевым, С. Васильевым, А. Ильиным). Переплетчики книг А. Федоров, Я. Колесников, мастер А. Черный выполняли переплетные работы по заказам приказа Тайных дел, переплетали книги в сафьяны и украшали их золотом.

Дворцовые ремесленники Москвы пополнялись за счет вызывавшихся в столицу посадских ремесленников — искусных мастеров из с. Павлова, дворцового г. Балахны и других мест. В Оружейную палату вызывались оружейники, серебряники, иконописцы. Изографом Оружейной палаты был нижегородский мастер Никита Ерофеев сын Павловец, родом из Павлова-на-Оке, — автор знаменитых икон «Троица», «Богородица — вертоград заключенный», «Георгий Победоносец».

На царских мануфактурах создавались произведения прикладного искусства: в Московском и Ярославском уезде — полотенца и скатерти, на стекольных заводах — уникальная посуда в венецианских традициях.

Хозяйство приказа Тайных дел современным языком можно назвать огромным мегахолдингом, куда входили сельскохозяйственные комплексы, мануфактурные производства, промыслы и ремесла. Хозяйство имело многоотраслевой характер. Приказ Тайных дел осуществлял руководство имениями царя и хозяйством, осуществлял обеспечение хозяйственных объектов рабо-

[1] РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 12. Л. 138.

чей силой, для этого производил массовые и индивидуальные переселения дворцового населения.

Приказ Тайных дел имел крупные денежные обороты. В него поступали доходы от царских вотчин, доходы от продажи продукции дворцового хозяйства, в том числе соли, вина, льна, рыбы, икры, сафьянов, денежные взыскания с работников, не выполнивших перед приказом своих обязательств. Существенным источником пополнения казны приказа были поступления денежных средств из других дворцовых приказов, например, из Хлебного, Новгородского приказов, Большого дворца.

Приказ Тайных дел держал под контролем другие государственные учреждения[1], а это значит, что по указам царя Алексея Михайловича Тайный приказ мог пользоваться наличностью других приказов (Большой казны, Новгородской чети, Поместного, Разбойного, Монастырского, Печатного, Сибирского). В приказе имелся денежный запас в валюте того времени — ефимках.

Приказ занимался царской благотворительностью, оказывал помощь нищим, обитателям богаделен и тюрем. Выделялись деньги школам на покупку дров[2].

Особой статьей трат приказа Тайных дел являлись международные дела Российского государства. Много средств из Тайного приказа потребовали события Русско-польской войны 1654–1667 годов: на жалование русским князьям, оказавшимся «на Смоленской службе»[3], на изготовление оружия, закупку табунных лошадей, выкуп русских людей из плена, покупку гробов, саванов для погибших участников войны. В приказе Тайных дел получали вознаграждение отличившиеся в боях солдаты[4]. Много денег потребовалось для расплаты с иностранными наемниками, находившимися на русской военной службе. Среди них были военные, медики, гранатные и огнестрельные мастера. Все они получали жалование за службу, деньги на дворовое строение, на про-

[1] См.: *Рогожин Н. М.* Эволюция государственной идеологии России XVII в. // Смутное время в современной отечественной историографии: сборник статей. Нижний Новгород, 2008. С. 70.

[2] См.: Дела Тайного приказа // РИБ. Санкт-Петербург, 1904. Т. 23. Кн. 3. С. 700.

[3] См. там же. С. 427.

[4] См. там же. С. 447.

езд в Россию их семей. В связи с этим в дворцовых вотчинах проводились экстренные сборы на военную кампанию[1].

Приказ Тайных дел уделял много внимания сыскным делам. В дворцовых вотчинах Российского государства им производился розыск беглых рейтар, драгун, солдат[2]. Такие поиски производились в Нижегородском, Арзамасском, Алатырском, Курмышском, Шацком, Коломенском уездах[3]. Воеводами на южных окраинах государства начинался поиск беглецов, если из приказа Тайных дел им поступала государева грамота[4]. В 1664 году из приказа был послан стрелецкий отряд в г. Романов, чтобы наказать бунтовщиков[5].

В приказ передавались статейные списки из Земского, Разбойного приказов о татях, разбойниках, убийцах, о «воровских людях». Служители Тайного приказа рассматривали сыскные дела о татях и разбойниках Калуги, Клинского, Тверского, Алатырского уездов, о дворцовых крестьянах, бежавших из царских вотчин в Арзамасском, Владимирском, Нижегородском, Курмышском уездах[6].

Приказ вел борьбу с политическими преступлениями[7], пытался пресечь социальные протесты. Среди документов приказа Тайных дел хранились расспросные речи участников бунта в с. Коломенском в 1662 году, сведения о их наказании[8].

В приказ Тайных дел поступали сведения о событиях крестьянско-казацкой войны под предводительством С. Т. Разина

---

[1] См.: Дела Тайного приказа // РИБ. Санкт-Петербург, 1904. Т. 23. Кн. 3. С. 533.

[2] РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Т. 1399–1715. Д. 364 (Ч. 1). Л. 32.

[3] Там же.

[4] См.: *Мизис Ю. А.* Поиски беглецов на южной границе России в 30–40-х гг. XVII в. (на примере Козловского уезда // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Москва, 2015. № 4. С. 340–345.

[5] См.: Дела Тайного приказа // РИБ. Санкт-Петербург, 1904. Т. 23. Кн. 3. С. 435.

[6] См.: Переписная книга документов приказа Тайных дел 1676 г. // РИБ. Санкт-Петербург, 1903. Т. 21. Кн. 1. С. 72–83.

[7] См.: *Рогожин Н. М.* Эволюция государственной идеологии России XVII в. // Смутное время в современной отечественной историографии: сборник статей. Нижний Новгород, 2008. С. 70.

[8] См.: Переписная книга документов приказа Тайных дел 1676 г. // РИБ. Санкт-Петербург, 1903. Т. 21. Кн. 1. С. 179.

(1667–1671 годы). Так, 7 июня 1670 года в приказе было выдано жалование станичнику Карпу Антонову сыну Богуславскому, приехавшему в столицу с Дона, известившего великого государя об измене С. Разина и его походе для воровства на Волгу[1].

В ведении Тайного приказа находились Аптекарский, Гранатный и Потешный дворы (в с. Семеновском, Коломенском и Кречетове)[2]. Приказом организовывалась любимая потеха царя Алексея Михайловича — соколиная охота, главным знатоком которой считался стольник А. И. Матюшкин[3]. Для царской охоты разводились соколы, кречеты, ястребы. Кормили хищных птиц мясом голубей. Для их содержания был обустроен особый двор, где находилось порядка 100 000 голубиных гнезд[4]. Голубиный двор также подчинялся Тайному приказу. Государевы кречетники вели поставки ловчих птиц в Москву с Кавказа[5].

Гранатный двор находился в Москве, за Никитскими воротами. На нем производились артиллерийские снаряды, складировались боеприпасы. К работе на Гранатном дворе привлекались мастеровые люди, получавшие «поденный корм». Привлекали и иностранных военных специалистов, в «Делах Тайного приказа» упомянуто имя полковника С. Бейлса[6]. Гранатный двор оснащался литейными пушечными печами, станками.

Аптекарский двор сначала существовал как особое учреждение при царской аптеке. Позже он получил более широкое назначение, но продолжал заниматься заготовкой лекарственных трав.

---

[1] См.: Дела Тайного приказа // РИБ. Санкт-Петербург, 1904. Т. 23. Кн. 3. С. 1335.

[2] См.: *Гурлянд И. Я.* Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902. С. 180.

[3] См.: Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением сокольничего пути, с пояснительной к нему заметкой С. Т. Алексеева. Москва, 1856. С. 16.

[4] См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: в 15 кн. Москва, 1961–1962. Т. 13–14. Кн. 7. С. 78.

[5] См.: Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 1402. Оп. 1. Д. 170. Л. 1.

[6] См.: Дела Тайного приказа // РИБ. Санкт-Петербург, 1904. Т. 23. Кн. 3. С. 452.

Затем эта функция была возложена на царские села Подмосковья. Аптекарскому двору было поручено заниматься царской благотворительностью, складировать припасы, делать заготовки продуктов впрок, содержать поварни и пекарни для царского обихода и для массовых «кормов», выдавать государево жалование, быть местом ряда производств, где производились свечи, дубились овчины, шились полушубки. В 1674–1675 годах новый Аптекарский двор был построен в Москве, в Белом городе, между Смоленской и Знаменской улицами[1]. Он представлял собой совокупность каменных строений различного назначения (пивоварни, винокурни, поварни, хлебные палаты, погреба, ледники, житницы, палаты «для кормов всяких чинов людей»). «От царского имени» на Аптекарском дворе оказывалась гуманитарная помощь тем, кто в ней нуждался. Здесь была богадельня-больница для нищих. Здесь кормились бывшие пленники, солдаты, вернувшиеся из военных походов.

Свечи, изготовленные на Аптекарском дворе, ежегодно жертвовались государем на все службы для соборов Московского кремля. Они поступали в Саввино-Сторожевский монастырь, в церкви подмосковных сел.

Приказ обязывался приумножать государевы доходы, искал новые источники прибыли, в том числе вел поиски медной, серебряной и золотой руды, алебастрового камня, соляных жил. В 1660-х годах экспедиции из чиновников и мастеров направлялись на Новую Землю, Двину, Олонец, Нижний Новгород, Кадом, Тулу и многие другие места[2].

Приказ курировал дела загородной царской резиденции — любимого царем Алексеем Михайловичем Тишайшим Саввино-Сторожевского монастыря[3]. В монастырь из дворцовых сел направлялись каменщики и кирпичники «к каменному делу»[4].

---

[1] См.: Русская секция Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (г. Санкт-Петербург) (РС НИА СПб ИИ РАН). Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

[2] См.: РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 12. Л. 123–128.

[3] См.: *Ключевский В. О.* Сочинения: в 9 т. Курс русской истории. Москва, 1988. Т. 3. С. 145.

[4] См.: Переписная книга документов приказа Тайных дел 1676 г. // РИБ. Санкт-Петербург, 1903. Т. 21. Кн. 1. С. 154.

В «Расходных столбцах приказа Тайных дел» отмечается, что охрана обители осуществлялась стрельцами[1].

Приказ распоряжался некоторыми полками[2], солдаты которых использовались на работах в дворцовом хозяйстве. Например, в 1667–1669 годах полковник М. Кровков «своего полку с солдаты» был привлечен к заготовкам и перевозкам царского леса в Муромском, Арзамасском, Елатомском, Кадомском ездах[3].

После смерти царя Алексея Михайловича в 1676 году приказ Тайных дел прекратил свое существование, его владения автоматически влились в подчинение приказа Большого дворца. Сюда же передавались Аптекарский двор с приписанными к нему селами и волостями в разных уездах страны[4], соляные, железные заводы, каменная ломка, рыбный, насадный промыслы[5].

Была учреждена так называемая ликвидационная комиссия во главе с Н. И. Одоевским и М. Ю. Долгоруковым. Приказные документы передавались в 29 различных российских приказов.

Таким образом, приказ Тайных дел имел неограниченные возможности административного, финансового, технологического характера, чтобы развивать дворцовые владения, модернизировать царское хозяйство, применять европейский опыт, внедрять передовые технологии. Благодаря Тайному приказу дворцовое хозяйство превратилось в экспериментальную и инновационную площадку. Дворцовые вотчины становились важнейшими центрами развития русской культуры в XVII веке.

Появление приказа Тайных дел стало следствием трансформации сословно-представительной монархии в абсолютную. Приказ Тайных дел не только управлял дворцовыми землями и царским хозяйством, в его власти было решение важных государственных дел. Приказ обеспечивал соблюдение правопорядка, занимался сыскными делами. В приказе Тайных дел рассматривались и специфические вопросы (например царская соколиная охота).

---

[1] См.: Расходные столбцы приказа Тайных дел // РИБ. Санкт-Петербург, 1904. Т. 23. Кн. 3. С. 1.

[2] См. там же. С. 233.

[3] См.: Дела Тайного приказа // РИБ. Санкт-Петербург, 1907. Т. 21. Кн. 1. С. 721.

[4] См.: РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Т. 1399–1715. Д. 364 (Ч. 1). Л. 4, 14.

[5] Там же. Л. 52.

Тайный приказ ведал имениями царя, различными хозяйственными учреждениями, а также Гранатным, Аптекарским, Потешным дворами, торговыми операциями в дворцовых землях. При помощи Тайного приказа в 1654–1676 годах царь Алексей Михайлович достиг неплохих результатов в ведении дворцового хозяйства. Это было время расцвета царского сельского хозяйства, промыслов и ремесел, мануфактур. Оптимизация правового регулирования в дворцовых землях Российского государства в 1654–1676 годах позволила достичь великолепных результатов.

УДК 351.741

Васильев В. В.,
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления Нижегородской академии МВД России, доцент ИДО Нижегородского лингвистического университета, доцент кафедры административного и конституционного права Нижегородского института управления — филиала РАНХиГС;
Лабутин В. В.,
начальник кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка Нижегородской академии МВД России

Оптимизация правового регулирования управленческой деятельности сотрудников организационно-аналитических подразделений территориальных органов МВД России на районном уровне

В силу специфичности правоохранительной сферы деятельности, в области которой осуществляется оперативно-служебная деятельность по разработке и реализации государственной политики, ОВД РФ принадлежит особое место и значимость среди федераль-

© Васильев В. В., Лабутин В. В., 2023

ных органов исполнительной власти, обеспечивающих национальную безопасность России. Такого рода правоохранительная и правоприменительная деятельность характеризуется не только широчайшим разбросом направлений деятельности служб и подразделений ОВД, но и значительным объемом правомочий в рамках осуществляемой охраны общественного порядка, оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной, управленческой, административно-юрисдикционной и иных прикладных направлений деятельности сотрудников органов внутренних дел. Именно на плечи сотрудников полиции ложится основная нагрузка по выявлению и пресечению преступной деятельности. Для достижения заявленных задач и обеспечения основных направлений деятельности в структуре органов внутренних дел находятся разнообразные структурные единицы, которые выполняют функции межотраслевой координации правоохранительной деятельности аппаратов ОВД, функции общего управления. Можно утверждать, что в зависимости от различных объективных факторов (численности населения на территории оперативного обслуживания ОВД, криминогенной обстановки, специфики правоохранительной деятельности ОВД и пр.) определенные направления координирующего и общеуправленческого воздействия организационно-аналитических (штабных) подразделений в тех или иных ОВД могут варьироваться при сохранении общих начал штабной деятельности.

От того, насколько качественно сформирована правовая основа управленческой деятельности всех субъектов внутриорганизационной деятельности в территориальном органе МВД России на районном уровне, насколько перечень нормативных правовых актов, опосредующих основные направления деятельности штаба районного ОВД, соответствует требованию их необходимости и достаточности, напрямую зависит качество общего управления в сфере реализации основных правоохранительных и правоприменительных компетенций органа внутренних дел. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос оптимизации правового регулирования управленческой деятельности сотрудников организационно-аналитических подразделений территориальных органов МВД России на районном уровне. В данном кратком исследовании мы намерены рассмотреть реалистичность данного вопроса и направления его возможного практического воплощения.

Приступая к рассмотрению теоретических аспектов общей организации оперативно-служебной деятельности различных аппаратов, служб и подразделений МВД, территориальных ОВД по субъектам Российской Федерации, УТ по федеральным округам, ОВД по муниципальным образованиям, линейным ОВД на объектах транспорта со стороны соответствующих организационно-аналитических аппаратов, считаем необходимым указать как на межотраслевой, так и системный характер такой организационной штабной деятельности. Системность порядка организации деятельности органов внутренних дел и их структурных подразделений определяется не только законодательными правовыми актами, но и ведомственными, системы МВД России нормативными правовыми актами подзаконного характера. К таким актам мы должны отнести, прежде всего, Федеральный закон, принятый Государственной Думой Российской Федерации 30 ноября 2011 года, № 342-ФЗ, определяющий основания и порядок службы в органах внутренних дел[1].

Одной из характерных черт правоохранительной деятельности органов внутренних дел, составляющих их аппаратов, служб и подразделений, выступает иерархически структурированная соподчиненность различных планирующих документов в соответствии с системой построения территориальных (линейных) ОВД снизу доверху. Следующей отличительной чертой результатов планирующей деятельности организационно-аналитических аппаратов ОВД различного уровня является непрерывный, перманентный характер планировочной деятельности по всему спектру направлений правоохранительной и текущей административно-правовой деятельности органа внутренних дел. Именно составляемые организационно-аналитическими аппаратами планы текущей управленческой деятельности конкретного ОВД осуществляют связь между управленческими действиями, указаниями и велениями вышестоящего ОВД в отношении нижестоящего и текущим исполнением нижестоящим ОВД своих непосредственных служебных обязанностей.

---

[1] О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49, ч. 1, ст. 7020.

Всякий планирующий акт представляет собой служебный документ, обязательным признаком которого является его комплексный характер. План как юридический документ всегда являет собой ту или иную разновидность объективизации воли субъекта управленческого (административного) воздействия. Полагаем, что именно через планирующую деятельность организационно-аналитических (штабных) аппаратов ОВД различного уровня (от ОВД по муниципальному образованию до МВД России) осуществляется объективизация и конкретизация:

— тех или иных оперативно-служебных действий, исполнение которых предполагается в установленном планом временном отрезке;

— перспектив, общей стратегии и тактики не только текущей деятельности служебного коллектива ОВД, но и динамики его развития;

— целей и прикладных задач деятельности конкретного объекта административно-правового воздействия применительно к частным особенностям осуществления его оперативно-служебной деятельности и общему процессу его функционирования как субъекта правоохранительной деятельности.

Всякий план, имеющий отношение к организации и осуществлению правоохранительной оперативно-служебной деятельности ОВД, его структурного подразделения, явившийся результатом планировочной деятельности соответствующего штабного подразделения органа внутренних дел, в обязательном порядке предполагает учет динамики качества исполнения административных предписаний уполномоченного на то непосредственного (прямого) руководителя системы ОВД. Этапы и сроки исполнения запланированных в пунктах плана конкретных мероприятий должны соответствовать не только принципу конкретности, но и отражать реалии и тенденции возможной динамики оперативной обстановки, складывающейся в установленной сфере деятельности.

Министерство внутренних дел как специфическая правоохранительная система является составной частью государственного аппарата и создано государством для решения задач защиты прав, свобод и законных интересов личности, охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности и проти-

водействия преступности. Как сложная иерархически выстроенная социальная система МВД России и его территориальные ОВД объединяют в себе большой объем различных по своим непосредственным функциям аппаратов, служб и подразделений, отдельных и системно организованных учреждений. Все эти составные части общей системы ОВД РФ осуществляют свое текущее функционирование через сложную схему взаимных связей и перманентного сотрудничества по вопросам оперативно-служебной правоохранительной деятельности. Исходя из того, что МВД России являет собой федеральный орган исполнительной власти, мы можем констатировать, что одновременно система ОВД является составным элементом аппарата государственной власти в стране, который, наряду с иными «силовыми» органами государственной власти, отвечает перед носителем суверенитета в стране за качество охраны правопорядка в России[1].

Переходя к структурному построению системы ОВД МВД России, мы можем заметить, что она многоуровневая и вертикально интегрирована. Выделяются федеральный, межрегиональный, региональный и муниципальный уровни системы МВД России. Эта система соответствует нормативным правовым требованиям, предъявляемым законодательными и подзаконными правовыми актами к организации и структурному построению органов государственной власти, и состоит из совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих между собой аппаратов, учреждений, служб и подразделений.

Администрирование в такой социальной системе со специфическими правоохранительными функциями, как МВД России и его территориальные ОВД, традиционно подразделяется на несколько уровней:

— наивысший — стратегический уровень управления;

— главенствующий в оперативно-служебной деятельности ОВД оперативный уровень управленческой деятельности;

— низовой — тактический уровень управления силами и средствами ОВД.

---

[1] См.: *Афанасьев Д. В., Хазов Е. Н.* Административно-правовая деятельность штабных подразделений органов внутренних дел: монография. Москва, 2012.

Утверждение, что в ОВД планово-организационной управленческой деятельностью занимаются только начальствующий и руководящий состав, а также организационно-аналитические (штабные) аппараты, не вполне корректно. Помимо перечисленных субъектов непосредственного и общего управления, в системе органов внутренних дел вопросы управленческой деятельности разрешаются системой информационных центров, инспекторскими подразделениями МВД России и ОВД межрегионального и регионального уровней организации власти. Своим направлением управленческой деятельности занимаются аппараты по работе с личным составом и, прежде всего, организационно-штатные их составляющие. Общий контроль всех направлений оперативно-служебной деятельности нижестоящих органов внутренних дел осуществляется контрольно-ревизионными подразделениями уровня ОВД по субъекту Российской Федерации и выше. Обеспечивающие составляющие общей управленческой деятельности в системе ОВД страны возложены на подразделения делопроизводства, финансово-экономические аппараты и службы. Оперативность передачи управленческих решений, защиту их от разглашения посторонним обеспечивают подразделения защиты информации и службы информационных технологий и оперативной связи.

В качестве промежуточного вывода мы можем утверждать, что первостепенная, основополагающая идея оперативно-служебной деятельности субъектов управления и, прежде всего, организационно-аналитических (штабных) аппаратов, создания и текущего функционирования системы планирования в МВД России и его территориальных органах — строжайшее соответствие действующему законодательству и нормативным правовым актам. Соответственно «продукт» планировочной деятельности штабных аппаратов ОВД обязан не только в полной мере учитывать иерархичный принцип построения органов внутренних дел России. Учету в деятельности по созданию различного рода планов подлежат и оперативная обстановка на месте реализации планового документа, специфика деятельности тех служб и подразделений ОВД, которым предназначен определенный план. Не последнюю роль в качестве планово-управленческого документа играет компетентность и опыт

планировочной работы соответствующих сотрудников штабного аппарата ОВД[1]. Лишь при совпадении всех заявленных условий мы можем говорить о качестве планирующего документа и возможной успешности его исполнения в прогнозируемых объемах.

Объективный анализ современного состояния планировочной деятельности, осуществляемой организационно-аналитическими аппаратами органов внутренних дел позволяет нам вскрыть ряд недостатков в такого рода практической деятельности.

Планировочным отделениям штабных аппаратов необходимо изживать давно устаревшую практику отражения в плановых документах мероприятий, не содержащих актуальности для планируемого направления оперативно-служебной деятельности, мероприятий, «переходящих» из одного плана в другой, не содержащих в себе четких и последовательных мер как по совершенствованию правоохранительной деятельности, так и по укреплению законности и общего состояния законности.

Необходимо отходить от практики «план ради наличия плана». Наличие всякого планирующего документа должно быть четко обусловлено охраной общественного порядка и борьбой с преступностью.

Вся система плановых документов должна в полной мере учитывать структурную иерархию МВД России и его территориальных органов. Не должно допускаться ни дублирования запланированных мероприятий, ни противоречия нижестоящих планов аналогичным документам, принятым на более высоких уровнях системы управления ОВД[2].

Подводя итоги рассмотрения теоретических аспектов осуществления организационно-аналитической деятельности в органах внутренних дел и, прежде всего, состояния планирования, мы можем сформулировать отдельные выводы и умозаключения.

---

[1] *Кикоть В. Я., Маилян С. С., Грядовой Д. И.* Наука управления. Основы организации и управления в правоохранительной деятельности. Москва, 2010.

[2] См.: *Шхагапсоев З. Л., Тарчоков Б. А.* Организация информационно-психологического противоборства террористической деятельности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 4-1. С. 116–119.

1. План как продукт планировочной деятельности штабных аппаратов ОВД должен в полной мере учитывать иерархичный принцип построения органов внутренних дел России. Учету в деятельности по созданию различного рода планов подлежат и оперативная обстановка на месте реализации планового документа, специфика деятельности техслужб и подразделений ОВД, которым предназначен определенный план.

2. Важнейшим показателем, мерилом профессионализма планировочной деятельности штабного аппарата органа внутренних дел выступает реальность и осуществимость запланированных мероприятий оперативно-служебного характера, направленных на защиту интересов личности, охрану общественного порядка и безопасности, профилактику и пресечение преступлений и иных противоправных деяний.

3. Перед организационно-аналитическими подразделениями органов внутренних дел стоит насущная задача обеспечения возможно полного соответствия мероприятий, планируемых штабом к исполнению конкретным подразделением или сотрудником ОВД, ключевым и насущным задачам, стоящим перед ОВД (подразделением, службой, аппаратом ОВД), требованиям законодательства, нормативным и распорядительным указаниям руководства МВД России, реалиям оперативной обстановки на территории оперативного обслуживания, задаче опережающего реагирования на возможное ухудшение криминогенной ситуации.

4. Планировочным отделениям штабных аппаратов необходимо изживать давно устаревшую практику отражения в плановых документах мероприятий, не содержащих актуальности для планируемого направления оперативно-служебной деятельности, мероприятий «переходящих» из одного плана в другой, не содержащих в себе четких и последовательных мер как по совершенствованию правоохранительной деятельности, так и по укреплению законности и общего состояния законности.

УДК 340.113

Васильев П. В.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовых дисциплин Ульяновского филиала РАНХиГС

О применимости понятия «оптимизация» к возможным вариантам употребления термина «правовое регулирование»

Заданная тематикой конференции парадигма научной дискуссии обусловливает рассмотрение комплексной проблемы соотношения двух основных смысловых блоков. Первый блок составляет проблематика понимания оптимизации как возможного *самостоятельного* явления правовой системы общества, второй — соотносимость пониманий оптимизации и правового регулирования.

Методологическую основу настоящего исследования составляют позитивистский подход к пониманию права, принципы классической рациональности, которая несовместима с методологическим волюнтаризмом, а также материалистическая диалектика, не совместимая с отождествлением причин и их следствий. Особое значение имеет логический закон тождества, который заставляет отражать изучаемое явление только в одном значении, в рамках выбранного методологического подхода[1], если не сделана специальная оговорка об изменении значения использования термина.

Изучение вариантов значения слова «оптимизация» с использованием толковых словарей показывает, что их можно свести к «выбору наилучшего (оптимального) варианта из множества возможных; улучшению какого-либо процесса для достижения его максимальной эффективности <…> повышению интенсивности чего-либо в целях достижения высоких

[1] См.: *Юдин Э. Г.* Методология науки. Системность. Деятельность. Москва, 1997. С. 69.

© Васильев П. В., 2023

результатов», а «оптимизировать» — означает осуществить оптимизацию[1].

Если руководствоваться только пониманием оптимизации как некоего улучшения и в этом смысле применять данный термин к изучению правового регулирования (как бы ни понимать последнее), то можно сделать простой, весьма банальный и псевдонаучный вывод о целесообразности улучшения правового регулирования.

Псевдонаучным данный вывод будет по той причине, что право (тоже в любом из его пониманий) предполагает удовлетворение чьих-либо интересов за счет аналогичных интересов некоторых других лиц. Вряд ли возможно представить право, которое абсолютно бы одинаково удовлетворяло интересы правосубъектных лиц во всех смыслах. Всегда будут те, для кого право недостаточно хорошо, и те, кто в полной мере может наслаждаться жизнью под его покровительством.

Если же представить общество, в котором *все* интересы *всех* лиц могут быть удовлетворены *только одним единственным образом и в одинаковом размере*, то никакого государства и права людям не понадобится. Это та ситуация, которую теоретики марксизма обычно обозначают термином «коммунизм» и снабжают тезисом об отмирании государства и права[2]. Попытки построения такого общества в России после Октябрьской революции 1917 года, в годы политики военного коммунизма в Китае (особенно в период Большого скачка 1958–1961 годов при Мао Цзэдуне) и Камбодже (Демократическая Кампучия 1975–1979 годов при «красных кхмерах» Пол Пота) показали неудовлетворительные результаты. Пережить эти бедствия удалось далеко не всем, а выжившие часто явно или тайно «облизывались», глядя на достижения социал-демократий западного типа. По этой причине математическое уравнивание всех правосубъектных лиц юридическими средствами во всех отношениях следует признать недопустимым на данном уровне нравственного развития человеческой цивилизации.

---

[1] См.: Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург, 2000. С. 721.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2. Москва, 1961. Т. 20. С. 291–292.

Понимая невозможность общего, универсального улучшения права и осуществляемого им регулирования, следует признать, что частные юридико-технические улучшения вполне возможны. Так, например, можно ужесточить санкции за совершение правонарушений и обеспечить высокую вероятность либо неотвратимость их применения, но нужно ли использовать для обозначения этого термин «оптимизация»? Конечно, речь рассуждающего будет выглядеть несколько умнее и явно более научно, но содержательного смысла от этого больше не станет. По этой причине употребление термина «оптимизация» в значении «улучшение» ничего содержательного для науки и практики не дает.

Более обстоятельно и с содержательной спецификой понимание оптимизации разработано философами. Ф. А. Коломиец в свое время отмечал, что «постановка и решение оптимизационных задач в конкретной сфере явлений и процессов выявляют различные аспекты и стороны оптимальности, присущие именно данному явлению, именно в тех или иных конкретных, зачастую условно ограниченных, условиях, поэтому и получается, что в одном случае оптимизация связывается, например, с целесообразностью, приобретающей более точную количественную форму, в другом — с экстремальным принципом взаимосвязи и развития, в третьем — с согласованностью через преодоление противоречий, в четвертом — с гармонией и т. д. И это только в философской литературе, не говоря уже об огромном разнообразии всевозможных частнонаучных трактовок»[1].

Возникает один основополагающий методологический вопрос: *можно ли наполнить термин «оптимизация» таким смыслом, который бы не создавал путанищу с другими терминами и смыслами, то есть своим собственным уникальным смыслом*?

Ответ на данный вопрос помогает найти Большая советская энциклопедия, которая определяет оптимизацию как процесс нахождения экстремума (глобального минимума или максимума) определенной функции или выбора наилучшего (оптимального) варианта из множества возможных[2]. Учитывая использование в

---

[1] *Коломиец Ф. А.* Философский подход к изучению проблем оптимизации / МГУ имени М. В. Ломоносова. Москва, 1989. С. 9.

[2] См.: Большая советская энциклопедия. Т. 18. Москва, 1974. С. 450.

данном источнике математического термина «экстремум», данный подход к пониманию оптимизации можно обозначить термином «*экстремальный*».

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что экстремальный подход к пониманию оптимизации предполагает рассмотрение последней именно в качестве *процесса*, то есть динамического явления, предполагающего моменты начала и окончания, некоторое ориентирование на цель, функционирующее средство или субъекта, количественное изменение какого-либо одного параметра (как минимум времени) либо нескольких таких параметров (еще можно добавить количество информации, стоимость, трудоемкость), позволяющих проследить диалектический скачок при завершении данного процесса.

Попробуем соотнести данное понимание оптимизации с возможными вариантами употребления термина «правовое регулирование».

Осуществленное ранее осмысление правового регулирования позволило выделить четыре *основных* подхода к употреблению данного термина[1]: функциональный, узкокибернетический, властнодеятельностный и содержательно-отраслевой, которые можно встретить как в научной литературе, так и в юридической практике.

Весьма существенная проблема употребления термина «правовое регулирование» состоит в том, что *авторы часто нарушают логический закон тождества, имплицитно (по небрежности) или вполне умышленно наполняя данный термин то одним смыслом, то принципиально другим*. Особенно это заметно в ситуациях, когда автор, солидаризируясь с чьим-либо мнением или критикуя его, не принимает во внимание смысловое наполнение используемой терминологии. Это делает работы труднопонимаемыми и несовместимыми с классической рациональностью. Действительно, крайне трудно бывает понять автора, если он раз от раза использует термин в различных смыслах, да еще и критикует при этом чье-то мнение.

Смысл указанных четырех подходов кратко можно свести к следующему. *Функциональный подход* можно встретить в работах

[1] См.: *Васильев П. В.* Правовое регулирование: проблемы понимания // Государство и право. 2022. № 11. С. 79–84.

Т. Н. Радько и В. А. Толстика[1]. В функциональном смысле правовое регулирование представляет собой стадийный процесс реализации правовой (правовыми средствами) регулятивной и охранительной функций. В качестве обозначения формы реализации указанных функций термин «правовое регулирование» вполне самостоятелен и не обусловливает нежелательных отождествлений, как это происходит в рамках других подходов.

Так, в рамках *узкокибернетического подхода* А. Ф. Черданцев понимал правовое регулирование как разновидность движения информации, которое предполагает функционирование различных генераторов информации и ее рецепторов-адресатов[2]. По своему существу это всего лишь информационное воздействие права. При таком подходе совершенно невозможно говорить о реальных юридических результатах правового регулирования, то есть о юридической ответственности, субъективных юридических правах, обязанностях, законных интересах, которые могут возникать у лица, лишенного не только воли, но и сознания (человек в состоянии комы может стать наследником, у него может родиться ранее зачатый ребенок). В этих и многих иных случаях субъект права, будучи адресатом правового регулирования, никак не может воспринимать правовую информацию, но это обстоятельство никак не препятствует существованию правового регулирования в функциональном понимании.

Властнодеятельностный подход основан на понимании правового регулирования как государственного правотворчества[3]. В данном случае вообще непонятно, в чем состоит целесообразность использования одного термина — «правовое регулирование» вместо другого — «правотворчество»?

Содержательно-отраслевой подход состоит в обозначении термином «правовое регулирование» либо системы права, либо системы источников права («система законодательства» в тради-

---

[1] См.: *Радько Т. Н., Толстик В. А.* Функции права. Нижний Новгород, 1995. С. 27, 83–96.

[2] См.: *Черданцев А. Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. Москва, 2012. С. 12.

[3] См.: *Горшенев В. М.* Возрастание роли общественных организаций и коллективов трудящихся в применении норм советского права на современном этапе // Правоведение. 1963. № 1. С. 5.

ционном для теоретиков права смысле)[1], что само по себе приводит часто к существенной путанице.

Подводя итог краткому обозначению *самостоятельных, обособленных* подходов к пониманию правового регулирования, можно отметить, что только функциональный подход следует признать единственно удовлетворяющим принципам классической научной рациональности.

Кроме того, в литературе можно встретить *гибридное понимание правового регулирования*, которое невозможно отнести к какому-то одному из указанных подходов. Так, авторы одного из учебников по проблемам теории государства и права считают, что «правовое регулирование — это направляющая и закрепляющая деятельность государства в лице его управомоченных органов и должностных лиц, а также общества, осуществляемая в процессе подготовки и принятия, изменения и отмены правовых норм, их последующей реализации в конкретных общественных отношениях, а также применения мер государственного принуждения к правонарушителям для установления и поддержания устойчивого и эффективного правопорядка в целях обеспечения сохранения и устойчивого оптимального развития общества и личности»[2].

Антинаучность гибридного подхода к пониманию правового регулирования состоит в следующем.

Во-первых, гибридный подход к правовому регулированию *запутывает понимание времени существования обозначаемого явления*. Зададим простой вопрос: с какого момента в юридической реальности возникает правовое регулирование в его гибридном понимании? Если судить по дефиниции, то нужно сделать вывод о возникновении правового регулирования с момента начала правотворческой деятельности, но ведь такая деятельность вообще часто не влечет появление источника (формы) права. Проект акта может быть отклонен или вообще забыт. Так существовало ли правовое регулирование в этом случае? Если оно

---

[1] См.: *Аржанов М. А.* Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе советского права // Советское государство и право. 1940. № 8. С. 12–13.

[2] Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. В. М. Сырых. Москва, 2008. С. 194.

существовало, то до какого момента? Зачем обозначать неудачную правотворческую деятельность термином «правовое регулирование»? Существует ли в реальности правовое регулирование, осуществляемое конкретными формами права, в период от их опубликования и до вступления в силу? Руководствуясь приведенной дефиницией, нужно неизбежно признать достаточно странный с теоретической точки зрения факт того, что в правовом регулировании возникает некий временной пробел с момента завершения правотворческой деятельности и до обретения юридической силы формой права, но тогда это обстоятельство требует отражения в дефиниции, никак не указывающей на наличие такого временного пробела в существовании правового регулирования. Предлагаем сторонникам гибридного подхода к использованию термина «правовое регулирование» дать ответы на поставленные вопросы и соответствующие развернутые пояснения.

Во-вторых, в гибридном понимании правового регулирования искусственно объединены два различных по своей сути юридических явления. С одной стороны, это правотворческая деятельность, имеющая четкие свойства: цель, участники, методы осуществления, временные рамки каждого из этапов, средства, нормативная регламентация и иные. С другой стороны, это специально-юридическое функционирование правовых норм, также имеющее собственные свойства, а именно способность существовать неизменно в пространстве и во времени от начала и до окончания действия редакции формы права и (или) акта индивидуального правового регулирования, порождать динамику в субъективных юридических правах, обязанностях, законных интересах и ответственности, обеспечивать возникновение и поддержание правового порядка и некоторые другие. Заметим, что *правовое регулирование как правотворческая деятельность никогда не существует одновременно с правовым регулированием как формой реализации регулятивной и охранительной функций созданного права*. С позиций классической рациональности и материалистической диалектики это недопустимо. В юридической реальности правовое регулирование как правотворческая деятельность прекращает свое существование к тому моменту времени, когда возникает правовое регулирование в функциональном смысле.

Таким образом, в гибридном понимании правового регулирования признаки правотворческой деятельности искусственно соединены с признаками функционирования самих правовых предписаний. Кроме того, в имплицитной форме в критикуемой дефиниции также представлен узкокибернетический подход к пониманию правового регулирования, так как в ней есть указание только на прямую информационную связь властного субъекта и почему-то отдельно выделенных правонарушителей.

Применение принципа Оккама («Бритва Оккама») позволяет весьма успешно разделить такую гибридную форму на несколько самостоятельных аспектов: на правотворческий (создание и введение в действие правовых норм); информационное правовое воздействие (возникновение правовой информации в сознании адресатов), ориентационное правовое воздействие (формирование системы правовых установок в рамках негативной или позитивной правовых ориентаций); правовое регулирование в указанном выше функциональном его понимании.

Возникает закономерный вопрос: *в чем состоит научная выгода от объединения в одной дефиниции признаков совершенно самостоятельных двух или даже трех юридических явлений, для обозначения которых наукой предложены самостоятельные термины*? Можно, конечно, попытаться оправдать такую гибридизацию стремлением соотнести цель правотворчества и социальные изменения. Это возможно, но для чего объединять два самостоятельных явления в одно понятие? Ведь оценке подлежит все же функционирование правовых норм, а не финансовая затратность, трудоемкость и продолжительность правотворчества. Желающим разработать действительно работоспособную методику отслеживания степени соответствия социального результата той цели, которую преследовали субъекты правотворчества, можно порекомендовать использование термина «целесообразность». При этом всю систему правотворческих, правореализационных, информационных и иных действий, направленных к данной цели, лучше обозначать термином «правовая политика», а не «правовое регулирование». Предлагаем сторонникам гибридного понимания правового регулирования поразмышлять над этим и предоставить свою аргументацию. В отсутствие последней можно сделать вывод о нецелесообраз-

ности разработки проблем оптимизации правового регулирования в его гибридном понимании.

Таким образом, ситуация с употреблением термина «правовое регулирование» чрезмерно запутана и представляет собой псевдонаучную, искусственно созданную проблему, основой которой стали нарушение логического закона тождества и (или) стремление к гибридизации понимания явлений.

Решение проблемы применимости термина «оптимизация», понимаемого как процесс достижения предельного максимального или минимального значения какого-либо параметра, к вариантам употребления термина «правовое регулирование» показывает следующее.

Такое понимание оптимизации абсолютно несовместимо с содержательно-отраслевым подходом к пониманию правового регулирования, так как это не процесс, а система норм или источников права. Систему права или его источников можно только улучшить или ухудшить с точки зрения интересов одних лиц за счет интересов других, но это задача не по оптимизации, а по какому-то улучшению: юридико-техническому (устранение пробелов, коллизий, неясностей и других подобных дефектов текстов) или ценностному (корректировка ценностной парадигмы в диапазоне от абсолютной вседозволенности до жесткого тоталитаризма).

Также сложно представить сколько-нибудь разумную оптимизацию правового регулирования, понимаемого в узкокибернетическом смысле. Вряд ли есть хоть какой-то смысл искать возможность максимизации или минимизации информационного правового воздействия генераторов на рецепторов-адресатов (по терминологии А. Ф. Черданцева). Методом сведения к абсурду подобную оптимизацию смоделировать можно. Например, миниминазию правового информирования можно усмотреть в ситуации олигархического тоталитаризма, описанного Джорджем Оруэллом в романе «1984». Информация о трудовых или семейных обязанностях людям была представлена в строго минимально достаточном размере. Смоделированное писателем общество вообще обходилось без законов, в нашем понимании, а право существовало в форме предельно кратких и максимально обобщенных принципов «ангсоца» и конкретных инструкций. Напротив, максимально «заинформировать» рецепторов-адресатов физиче-

ски невозможно, так как на максимально полное ознакомление с правовой информацией не хватит никакого времени. Вряд ли есть хоть какой-то смысл искать оптимизационные возможности правового регулирования в узкокибернетическом его понимании.

Столь же бесплодными выглядят попытки оптимизировать правовое регулирование, понимаемое в рамках властнодеятельностного подхода. Не понятно, по какому параметру можно оптимизировать правотворческую деятельность властных субъектов? Можно постараться предложить несколько: *по кругу лиц* (максимально много — все общество в модели некой «абсолютной демократии» или один — «самодержец»), по *времени* (максимально долго, то есть до бесконечности или мгновенно, в форме реализации любой блажи неограниченного самодержца-самодура), по *количеству правотворческого результата* (максимально число источников или один источник), по *затрачиваемым финансовым или иным ресурсам* (абсолютно дешево, бесплатно или максимально дорого). Наверное, можно вообразить иные параметры правотворческой деятельности государства, по которым постараться ее оптимизировать, но никакого научного или прикладного смысла обнаружить не удается.

Остается рассмотреть применимость оптимизации к функциональному пониманию правового регулирования. В этом можно обнаружить некоторый смысл. Оптимизация правового регулирования вполне возможна по критериям времени функционирования правовых средств, затрачиваемому на возникновение изменений в правовом статусе субъектов права, по затратности материальных ресурсов (стоимость), а также по организационной сложности (трудоемкость). Так, использование аппаратно-программных технологий позволяет максимально возможно ускорить, удешевить и упростить электоральный процесс (электронное голосование и автоматизированный подсчет голосов), практику заключения и исполнения стандартизированных договоров, включая случаи автоматизированного заключения и исполнения алгоритмом договора с заданными параметрами (практика автоплатежей за услуги сотовой связи и другие), автоматизированное применение автоматических санкций. Последний случай легко представить на примере автофиксации правонарушений. Так, административный штраф может быть взыскан, например, с нарушителя Правил дорожного движения практически мгновенно. С технической точки зрения

аппаратно-программный комплекс может автоматизированно зафиксировать правонарушение, идентифицировать правонарушителя, квалифицировать содеянное, оформить правоприменительный акт (правда в этом случае последний термин утратит значение, так как исполняемое «решение» примет форму программного кода), и обратить его к исполнению, списав сумму штрафа со счета лица.

Заметим, что все это может совершаться с *минимально* возможными затратами времени, материальных и организационных ресурсов, то есть *оптимально с учетом достигнутого уровня научно-технического прогресса*.

Следует, однако, отметить, что приведенные случаи оптимизированного таким образом правового регулирования заключения договоров и исполнения договорных обязательств, а также юрисдикционной практики поддаются контролю со стороны конкретного заинтересованного лица, чей правовой статус претерпевает изменения. Наблюдения показывают, что этот вывод справедлив для всех случаев осуществления регулятивной динамической функции права, когда происходит автоматизированное списание денежных средств со счета плательщика.

Но этого нельзя, например, сказать об электронном электоральном процессе, основанном на принципе тайности волеизъявления при голосовании. Оптимизация правового регулирования подсчета голосов на аппаратно-программной основе технически возможна, но убедительных гарантий невмешательства кого-либо в функционирование аппаратно-программного комплекса или отсутствие в нем системного сбоя обнаружить пока не удалось.

Таким образом, оставаясь в рамках позитивного понимания права, парадигме классической рациональности и руководствуясь экстремальным подходом к оптимизации, можно сделать следующие выводы.

Сколько-нибудь осмысленное применение оптимизации к гибридному пониманию правового регулирования невозможно в связи с невразумительностью последнего.

Оптимизировать ни право, ни его институционально-отраслевую систему, ни систему его источников (форм) невозможно, так последние не обладают свойствами процессов.

Оптимизировать правовое регулирование в узкокибернетическом или властнодеятельностном смысле с технической точки

зрения возможно, но явной социальной пользы от этого обнаружить пока не удалось.

Единственно состоятельный вариант употребления терминов «оптимизация» и «правовое регулирование» обнаружен только в рамках функционального понимания последнего, когда возникновение изменений в правовом статусе субъектов могут происходить *максимально* быстро, дешево и просто с организационной точки зрения.

Заглядывая в будущее, можно увидеть неизбежную *ценностную проблему допустимости внедрения в правовое регулирование аппаратно-программных средств*, функционирование которых конкретный субъект далеко не всегда может контролировать, однако это не оптимизационная, а ценностная проблема, требующая самостоятельного решения.

УДК 94 (3)

Волк-Леонович С. О.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Правовое положение отдельных категорий населения в архаических государствах

В дореволюционной и советской исторической и историко-правовой науке, а вслед за ней и в российской, достаточно часто встречается упоминание о социальной категории «полусвободных», чаще в контексте, объединяющем различные слои населения «между свободными и рабами»[1]. Советский историк доктор исторических наук, профессор Б. Д. Греков, советский и российский историк доктор исторических наук, профессор И. Я. Фроянов[2] и многие другие историки, а вслед за ними и историки пра-

[1] *Вернадский Г. В.* Золотой век Киевской Руси. Москва, 2012. С. 155.

[2] См.: *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Ленинград, 1980. С. 112, 115.

© Волк-Леонович С. О., 2023

ва, при описании социальной структуры раннефеодального общества использовали данную категорию, включая в нее разные по своей природе группы населения, чаще всего являющиеся субъектами гражданско-правовых обязательств, обеспеченных личностью самого субъекта, лицами инородного происхождения, не являвшихся членами традиционной общины, либо лицами изгнанными из общины. Советский историк-медиевист, специалист по социально-экономической истории раннего Средневековья, доктор исторических наук А. И. Неусыхин указывал, что «полусвободные — компонент структуры дофеодального (варварского) общества»[1], но, вернее, следует предположить, что это явление характерно для любого архаического общества, находящегося у истоков государственности.

Проблема хоть и кажется малозначительной, тем не менее, на взгляд автора, представляется весьма актуальной. Положение личности в обществе, а тем более эволюция положения исследованы недостаточно, это касается не только архаических обществ, но и современного гражданского общества в демократических правовых государствах[2].

Во-первых, такое исследование позволит понять исторические корни и развитие современной правовой системы. Позволит сформулировать представление о том, какое место рассматриваемые социальные группы занимали в социальной структуре, каким образом были включены в правовую систему того или иного общества.

Обращение к правовому положению отдельных категорий населения в архаических государствах дает возможность разобраться в этических, социальных и политических принципах, на которых основывались эти общества. История законодательства позволяет нам реконструировать ранние общества, воспроизвести иерархические отношения между группами населения. Изучение

---

[1] *Неусыхин А. И.* Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего Средневековья) // Проблемы истории докапиталистических обществ. Москва, 1968. Кн. 1. С. 598.

[2] См.: *Витрук Н. В.* Общая теория правового положения личности. Москва, 2008. С. 19.

принципов построения подобных обществ позволяет нам лучше понять происхождение и эволюцию правового мышления и законодательства.

Изучение правового положения отдельных категорий населения в архаических государствах позволяет нам рассмотреть вопросы справедливости, социального и политического равенства. Анализ этих правовых систем помогает понять, как отношение к отдельным группам населения влияло на распределение власти, ресурсов и привилегий в обществе. Это, в свою очередь, позволит переосмыслить современные нормы и стандарты, а выявленные закономерности могут послужить развитию современных правовых систем.

Подобные исследования важны для более глубокого осмысления процессов социальной трансформации. Анализ исторической дискриминации и неравенства может помочь нам лучше понять, как общества прогрессируют и развиваются в направлении более справедливой и равноправной структуры. Раскрытие и понимание механизмов, которые приводили к выраженной несправедливости, дискриминации, может помочь нам предотвратить повторение ошибок прошлого и поддержать усилия по осуществлению справедливости и равноправия в современном мире.

Таким образом, изучение правового положения отдельных категорий населения в архаических государствах имеет не только историческую, но и актуальную ценность в контексте развития правовых систем и обеспечения справедливости и равенства в обществе.

Само возникновение данной исторической и историко-правовой категории, на взгляд автора, тесно связано с историко-тематическим подходом, в результате чего архаические типы «государства и права изучались не в теоретическом, а в описательном плане»[1]. В свою очередь современное для исследователя государство и его правовая система «выдавались за общие, характерные для права вообще»[2] и, как следствие, воз-

[1] *Витрук Н. В.* Общая теория правового положения личности. Москва, 2008. С. 5.

[2] Там же.

никало не вполне корректное обобщение и неверное понимание социального механизма образования указанных социальных групп.

Для того чтобы определиться с правовым положением рассматриваемых групп населения, необходимо иметь представление о том, что такое правовое положение личности.

Первыми, кто озаботился проблемой правового положения личности, были римские юристы. Учение о лицах предполагало, что для обладания всей полнотой прав римского гражданина необходимо наличие следующих признаков, таких как: свобода; римское гражданство, семейное положение. Только такое лицо являлось полноправным, все остальные в той или иной степени могли вполне попасть в категорию «полусвободных».

Современные исследователи сходятся во мнениях, что основу правового статуса личности «составляет система юридических прав, свобод, обязанностей и законных интересов личности в их единстве, то есть правовой статус личности»[1]. К структурным элементам обычно относят «гражданство и правосубъектность как необходимые условия обладания правовым статусом личности, а также юридические гарантии правового статуса личности»[2]. По мнению доктора юридических наук, профессора Н. В. Витрука, к структурным элементам следует также отнести «принципы, закрепленные в законе либо вытекающие из правовой природы отношений личности, общества и государства, определяющие сущность и содержание правового положения личности и его структурных элементов»[3].

Следует, безусловно, согласиться с утверждением Н. В. Витрука, что «сущность и основные проявления правового положения личности могут быть раскрыты только путем конкретизации основных понятий, опорных категорий (правового статуса, гражданства, правосубъектности, юридических гарантий правового статуса, принципов) через их понятийные ряды»[4].

---

[1] *Витрук Н. В.* Общая теория правового положения личности. Москва, 2008. С. 14.

[2] Там же. С. 13.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 14.

Какие категории традиционно относятся учеными к «полусвободным»?

Условно можно выделить четыре категории:

— первая — это прежде всего категория лиц, оказавшихся в экономической зависимости, вследствие договора или деликта. При неразвитости товарно-денежных отношений взыскание обращалось на саму личность должника и членов его семьи;

— вторая категория — это, по всей вероятности, чужаки, которые не являлись членами общины либо не являлись членами общины этноса, захватившего территорию их проживания, и по какой-либо причине не были обращены в рабство, не защищенные нормами обычного права и не имеющие право на общинную землю;

— третья категория — это лица, изгнанные из общины или иной корпорации, например, церкви, купеческого сообщества (корпорации), и лишенные защиты правом;

— четвертая категория — вольноотпущенники — лица, освобожденные из рабства.

Рассмотрим подробно указанные выше категории населения.

Категория лиц, оказавшихся в зависимости в силу обязательства, известна с древнейших времен. Вопрос о статусе свободы зависел от конкретно взятого государства. Так, например, в статье 117 Кодекса Хаммурапи, предусматривается возможность передать в кабалу в счет долга членов семьи неисправного должника сроком до трех лет вне зависимости от суммы долга. Здесь речь идет об утрате признака личной свободы на срок не более трех лет, при этом, очевидно, что собственником данных лиц кредитор не становился, он не мог продать их или причинить им вред безнаказанно[1]. Законы Ману (гл. VIII ст. 178)[2] содержат указание на то, что должник равной или низшей варны обязан, в случае отсутствия необходимых средств, работать на кредитора. Также, в соответствии со статьей 411 главы VIII[3], если лицо высшей или равной варны содержало лиц, нуждающихся в средствах для поддержания жизни, то получало правомочие обязать таких

[1] См.: *Тураев Б. А.* Законы Хаммурапи. Москва, 2018. С. 67.

[2] См.: Законы Ману. Москва, 1960. С. 162.

[3] См. там же. С. 183.

лиц исполнять работы, свойственные их положению. Долговая кабала была широко распространена в Древней Греции. Единственный известный город-государство, отменивший ее, — это Афины (еще в архаический период в соответствии с законодательством о реформе долга Солона). В ранний период Римской республики известен Некусум, являвшийся договором, где средством обеспечения обязательства выступала личность должника. Аналогична ситуация с вилланами в Англии, где договор аренды мог повлечь за собой установление личной зависимости арендатора от арендодателя. В Японии до отмены долгового рабства в 691 году существовала и личная ответственность должника, при которой или члены семьи должника, или он сам продавались в рабство за долги с тем, чтобы покрыть задолженность[1]. Также обстоит дело с закупом в Древней Руси. Здесь следует согласиться с мнением С. В. Юшкова, что «закуп делается закупом в целях обеспечения и погашения обязательства»[2].

Действительно, рассматривая вышеуказанные примеры, мы видим процесс трансформации права собственности на землю от общинной к частной или государственной и, в связи с этим, — изменение социального положения бывших общинников, вступающих в различного рода договорные отношения, чаще всего займа или аренды, что влечет за собой в той или иной мере разного рода ограничения, связанные с личностью должника. При этом степень ограничения всегда достаточно четкая: либо лицо утрачивало свободу и превращалось в раба, навсегда или на определенный срок, либо оставалось свободным. Никакого промежуточного состояния «полусвободы» не возникало.

Вторая категория, которую авторы относят к полусвободным, по всей вероятности, относится к лицам, не являющимся членами общины, данная категория тоже хорошо известна благо-

---

[1] См.: *Суровень Д. А.* Понятие, содержание, виды, обеспечение и прекращение обязательств в древнем и раннесредневековом японском праве // Вестник Академии права и управления. 2015. № 2 (39). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-soderzhanie-vidy-obespechenie-i-prekraschenie-obyazatelstv-v-drevnem-i-rannesrednevekovom-yaponskom-prave (дата обращения: 03.02.2023).

[2] *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. Москва; Ленинград, 1939. С. 56, 71, 80–85.

даря памятникам права. В Древней Месопотамии это категория миктум, в законах Липит-Иштар и мушкенум в законах Эшнунны и Хаммурапи, в Индии — чандалы в дхармашастрах, в Бенгали — адеваси, в Древней Греции — метеки и периэки, в Древнем Риме — первоначально плебеи, а затем перегрины, в Западной Европе — литы, лэты и альдии, в Древнерусском государстве смерды, в Японии — бэмины, в Китае — танку и т. д.

От рядовых общинников представители этой группы отличаются прежде всего тем, что они, не будучи членами общины, не могли претендовать на земельный участок и вынуждены были арендовать таковой у общины, корпорации (например храмовой). Они, становясь, таким образом, зависимыми от владельца участка, принимают на себя обязательства финансового или личного характера. Еще одним обстоятельством, которое необходимо учитывать, рассматривая данную категорию населения, является то, что в первобытном, догосударственном, состоянии иноплеменник не является субъектом права, обычное право не знает статуса иностранца. Для того чтобы интегрировать иноплеменника требовался процесс его включения в семью на правах младшего родственника. Такое явление в исторической науке получило обозначение «патриархальное рабство». Его следы можно увидеть в римском праве, когда при освобождении раба последний получал родовое имя своего освободителя, а также римское или латинское гражданство, как бы включаясь в общину. Аналогичный институт существовал в доисламский период у арабских племен, вольноотпущенники (мавали) находились со своими бывшими хозяевами в отношениях, которые определялись как Валам аль-шита («Отношения защиты освобождения»)[1].

Одним из условий развития цивилизации являются установление более тесных отношений с соседями и, как следствие, процессы миграции. В одних случаях крупные торговые центры привлекают чужестранцев экономическими возможностями и обеспечением безопасности, в других случаях осуществляется экспансия, захват и присвоение земли, уже населенной земледельческими племенами, часть населения порабощалась, часть сохраня-

[1] Jamal Juda: Die sozialen und wirtschaftlichen Aspekte der Mawālī in frühislamischer Zeit. Tübingen, 1983. P. 75.

ла статус свободных, но при этом не получала весь объем прав захватчиков.

Для того чтобы преодолеть ограниченность обычного права, государство берет на себя обязанность защиты подобных лиц либо трансформирует институт гостеприимства, возлагая функцию покровителя на частное лицо. В первом случае обычно принимаются нормативно-правовые акты, тщательно прописывающие положение таких лиц. Такие нормативно-правовые акты являются изъятием из обычного права, примером подобного служат миктумы и мушкенумы Месопотамии. Данные категории не обладают правом на общинную землю, не обладают автономным самоуправлением, их жизнь регулировалась не нормами общинного права, а нормами, установленными царем. Земельный надел такие лица получают от царя или храма, земельные наделы могут отчуждаться и произвольно перераспределяться между мушкенумами. Мушкенум полностью правосубъектен, обладает сделкоспособностью, может заключать сделки, обладает способностью вступать в брачные отношения. Является полноправным субъектом судебного разбирательства. Его жизнь и имущество защищены, но в отличие от свободного авилума — только денежной композицией. Согласно законам Хаммурапи достоинство и личная неприкосновенность мушкенума ниже, чем общинника авилума. На это прямо указывает статья 196 закона Хаммурапи, где принцип талиона для мушкенума заменен денежной композицией. Причинение имущественного ущерба мушкенуму рассматривается в той же статье, где и аналогичное причинение имущественного вреда дворцу или храму, и защищено более строгими санкциями, чем имущество простого общинника (ст. 8, 15–16 закона Хаммурапи). Отсюда можно сделать вывод, что наделы мушкенумов являлись автономными частями дворцового или храмового хозяйства и были частью государственного или храмового имущества, переданного мушкенуму в пользование.

Таким образом, с одной стороны публичная власть берет на себя функции зашиты чужестранцев и способствует изданию нормативно-правовых актов, их интеграции в социальную структуру общества, а с другой стороны получает поддержку этих категорий населения, и еще в большей степени обособляется от общества.

Далиты в Древней Индии: большинство ученых полагают, что данная социальная группа произошла из автохтонных доарийских племен в ходе арийской экспансии. Далиты могли заниматься только определенными видами нечестивой с точки зрения индуизма деятельности. Далиты должны были селиться отдельно на периферии поселений «чистых» каст, подобно всем вышеуказанным социальным группам такого рода, не имели право на общинную землю, выступали в качестве батраков в чужих хозяйствах. При этом сохраняют личную свободу и правосубъектность, не являются рабами[1].

В Афинах и ряде полисов Древней Греции иностранцы получали статус метека, лица, постоянно проживающего на территории полиса. При этом они не обладали гражданскими правами и, следовательно, не обладали и правами на участие в политической жизни. В отличие от миктума, мушкенума, для осуществления своих прав иностранцы нуждались в представительстве гражданина полиса, простата, споры с участием метеков рассматривались полемархом. Примерно также обстоит дело в Древнем Риме. Чужестранцы перегрины являлись бесправными до II века до н. э., если только они не получали *hospitium privatum* (частное гостеприимство) под защитой служителя культа Юпитера (Юпитер как защитник права гостя) или *application ad patronum* (отношение потраната). Правовое положение перегрина регулировалось *Ius gentium* (правом народов), определяя отношения перегринов друг с другом и с гражданами Рима. Перегрин мог получить в Риме право на брак, коммерческое право и право на покупку посредством предоставления государством таких прав. За перегрина отвечали в спорах и судебных процессах рекуператоры (замещающие судьи), а со II века до н. э. — претор перегринус.

В Японии бэмины находились под покровительством свободного общинника. Покровитель не распоряжался личностью бэмина. Не будучи общинником, бэмин не обладал правом на общинную землю и наделялся участком земли своим покровителем. В остальном же бэмины были полностью правосубъектными. Могли быть субъектом права собственности на вещи, включая орудия производства, обладали сделкоспособностью, явля-

[1] См.: *Алаев Л. Б.* Неприкасаемые // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: словарь / под общ. ред. М. Ф. Альбедиль и А. М. Дубянского. Москва, 1996.

лись субъектами юридической ответственности, могли защищать свои интересы в суде, заключать брак[1].

Танка в Китае: наиболее широко распространенная теория заключается в том, что танка являются потомками коренных жителей Гуандуна юэ до переселения кантонцев Хань[2]. Народы юэ населяли регион во времена китайского завоевания, когда они были либо поглощены, либо изгнаны в южные регионы. Танка произошли от изгнанного племени юэ, сохранившего свою отдельную культуру. Танку китайским законодательством запрещено селиться на берегу или участвовать в литературных экзаменах, а обычаем запрещено вступать в смешанные браки с остальными народами[3]. Оставаясь лично свободными, полностью правосубъектными, положение танку напоминает положение чандалов в Древней Индии.

В Западной Европе сходная по своему характеру категория — это присутствующие фактически во всех варварских правдах литы, лэты, альдии.

Указанные категории населения, аналогично вышерассмотренным, не являются членами общины, не имея право на общинный земельный фонд, вынуждены арендовывать землю, за что уплачивают владельцу земли арендную плату и несут трудовую повинность. Такой договор может быть расторгнут лишь с согласия арендодателя, но при этом земля продается только вместе с обрабатывающими ее литами. Таким образом, литы, в отличие от рабов, обладали правосубъектностью, были сделкоспособными (титул L, § 1)[4], свободными вступать в брачные отношения, однако запрещалось брать в жены свободных, под угрозой обращения в раба. Они могли являться субъектами судебного разбирательства (титул L, § 2)[5], были деликтоспособны, и их права защищены штрафными санкциями, меньшими, чем свободные, вполовину

---

[1] См.: *Суровень Д. А.* Правовой статус лиц без гражданства в древнеяпонском праве: бэмин в IV — середине VII веков // Право. Законодательство. Личность. 2012. № 2 (15). С. 27.

[2] См.: Eugene Newton Anderson (1970). The floating world of Castle Peak Bay. Vol. 4 of Anthropological studies. American Anthropological Association. P. 13.

[3] См. там же. P. 14.

[4] См.: Салическая Правда. Москва, 1950. С. 49.

[5] См. там же.

(титул XLII, § 4)[1], они заключали между собой браки и, по всей видимости, были военнообязанными. Для получения полноправного статуса была предусмотрена также процедура, что и для рабов, «через денарий» (титул XXVI)[2].

В Древней Руси к рассматриваемой нами социальной категории относятся смерды. Интересно, что в Пространной редакции Русской Правды имущество смерда, как и в Законах Хаммурапи, рассматривается в той же группе статей, что и имущество князя. Так, причинение смерти холопу смерда оценивается в пять гривен (в сравнении со ст. 15 Кодекса Хаммурапи: если человек украл имущество, принадлежащее богу или дворцу, он должен заплатить в тридцатикратном размере, а если это принадлежит мушкенуму, он должен возместить в десятикратном размере[3]). В Краткой редакции Русской Правды рядом с ответственностью за хищение княжеского коня предусмотрена ответственность за хищение коня смерда[4]. Перед нами, как и в случае с Древним Вавилоном, зависимые от князя люди, а также средства производства, входящие в имущественный комплекс дворца, в том числе и смердий холоп (работавший на земле) и конь защищаются как княжеское имущество. Смерда нельзя пытать без ведома князя под угрозой штрафа в 3 гривны[5]. В случае отсутствия сыновей у умершего смерда, имущество переходило не общине, а князю, незамужние дочери смерда могли рассчитывать лишь на приданное[6]. Аналогичный институт мы можем видеть в церковном уставе Ярослава Мудрого, где имущество зависимых от церкви в отсутствие наследников по мужской линии переходило к епископу[7]. Аналогичный институт существовал в Польской Правде XIII века[8].

---

[1] См.: Салическая Правда. Москва, 1950. С. 49.

[2] См. там же.

[3] См.: *Тураев Б. А.* Законы Хаммурапи. Москва, 2018. С. 15.

[4] См.: *Тихомиров М. Н.* Пособие для изучения Русской Правды. Москва, 1953. С. 82.

[5] См. там же. С. 104.

[6] См. там же. С. 106.

[7] См.: Устав князя Ярослава Владимировича о церковных судах. XI–XIII вв. URL: http://музейреформ.рф/node/13620 (дата обращения: 20.03.2023).

[8] См.: Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. Москва, 1961. С. 743.

Смерды служат в княжеском ополчении после разгрома войска Святополка Окаянного, участвующие в походе смерды получают от Ярослава Мудрого вознаграждение в размере гривны.

В статье 26 Краткой редакции и 47 Пространной редакции Русской Правды указаны обязанности смерда платить налоги с продажи скота.

На тесную связь смердов с князем косвенно указывает поучение Владимира Мономаха, где он указывает на необходимость защищать смерда[1]. Показательным является и выступление Владимира Мономаха на Долобском съезде, где, упрекая собравшихся, он говорит, что «жалеют лошадей, которыми пашут, но не пекутся о жизни и имуществе смерда»[2]. В Новгороде князь мог поплатиться изгнанием за неисполнение своих обязанностей, связанных со смердами. Так, одним из поводов изгнания Всеволода Мстиславича новгородцами являлось то, что он «не блюдет смердов»[3].

Две последние из выделенных нами ранее социальных категорий изгоев и вольноотпущенников тесно переплетены с вышерассмотренной нами категорией, в разных государствах их статус вольноотпущенников отличался в той или иной степени, в Древнем Вавилоне становились мушкенумами, в Древней Японии — бэминами, в Древней Греции вольноотпущенники получали статус периэков, в Древнем Риме получали статус граждан Рима или Латинское гражданство, положение вольноотпущенника по Салической правде сближалось с положением лита и римлянина, в древнерусском праве он приобретал статус изгоя.

Вольноотпущенники, о чем, собственно, говорит их именование, являются лично свободными, являются правосубъектными, способны иметь и осуществлять, непосредственно или через своих представителей, юридические права и обязанности, то есть выступают субъектами правоотношений, а не объектами в отличие от рабов.

---

[1] См.: Повесть временных лет / сост., примеч. и ук. А. Г Кузьмина, В. В. Фомина; вступ. ст. и перевод А. Г. Кузьмина; отв. ред. О. А. Платонов. Москва, 2014. С. 420.

[2] Там же. С. 427.

[3] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. Москва; Ленинград, 1950. С. 210.

Изгои в Древнем Вавилоне становились мушкенумами, в Древней Японии бэминами, в Древней Греции и Древнем Риме лишались статуса гражданина полиса, но в любом случае сохраняли статус свободного, это же характерно и для Русской Правды, где вира за причинение смерти изгою установлена в сорок гривен, как и для любого свободного, также являются правосубъектными, способны иметь и осуществлять, непосредственно или через своих представителей, юридические права и обязанности, то есть выступают субъектами правоотношений, а не объектами, в отличие от рабов.

Рассмотрев указанные категории населения, автор приходит к выводу о том, что категория «полусвободный», по всей вероятности, возникает из-за смешения правового и социального статусов. Историк, прежде всего, стремится указать на отличие рассмотренных нами социальных групп от некого стандарта, коим является свободный общинник, указывая на отдельные элементы правового статуса, которые их отличают: это, прежде всего, экономическая и втыкающая из нее определенная личная зависимость от владельца земли. Собственность на землю в архаических земледельческих обществах служит мерилом свободы и власти. Вторым важным моментом выступает незащищенность рассмотренных нами социальных групп, не будучи членами общины они не пользовались ее покровительством, для обычного права, которым регулировалась жизнь общины. Права и свободы членов общины очевидны и известны всем и, в связи с этим, не нуждаются в подробной регламентации, права и свободы общинников тесно переплетены с религией, культурой и воспитанием, формирующим и утверждающим в сознание образ равенства свободных общинников друг с другом[1]. Чужаки в этой структуре остаются опасным инородным элементом и никакой правосубъектностью не наделяются, единственный способ их интеграции до появления государства — это включение в ряды общинников посредством ритуала усыновления. Право для них оставалось тайной за семью печатями. Ярким примером служит история римского права, где изначально право — достояние римской общины, находящееся в ведении понтификов. Плебеям приходится пройти дли-

[1] См.: *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса в раннефеодальной Европе VI–VIII вв. Москва, 1956. С. 33.

тельный путь борьбы, длиной в века, для того чтобы сначала добиться кодификации общинного права, а еще спустя сто лет получить доступ к процессуальным формулам посредством Гнея Флавия, и лишь тогда получить полное представление о своих правах. Государство, заинтересованное в торговле и росте экономических связей, эксплуатации чужеземцев, берет на себя важную миссию по интеграции в правовое поле общины данного элемента. Это осуществляется посредством писанных нормативно-правовых актов, которые дополняют действующие нормы обычного права новыми для традиционной общины статусами. В государствах с монархической формой правления и сильной центральной властью функцию покровителя и судьи возлагает на себя монарх, что в большей степени укрепляет его положение как правителя, так как автономия чужеземцев отсутствует или существенным образом ниже автономии общины, и чужестранцы вполне могут быть обращены правителем против основной массы общинников. Так, например, армия Хаммурапи состояла в основном из мушкенумов. По всей вероятности, смерды составляли существенную часть ополчения в армиях князей Древнерусского государства[1]. Таким образом, можно предположить, что раннее архаическое законодательство изначально служило средством защиты этнических и социальных меньшинств. Те категории населения, которые по какой-либо причине не попадали под защиту обычного права, то есть не могли судиться судом общины (поскольку к иноплеменникам традиционно не применяются нормы обычного права, в связи с чем они могли пользоваться лишь судом монарха), нуждались в защите государства. Посредством создания норм права закреплялось правовое положение и гарантировалась судебная защита.

В полисных структурах и монархиях с номинальной властью монарха функция представительства чужеземца возлагается на граждан в случаях с полисными структурами или на нобилей, обладавших значительной земельной собственностью, которые могли позволить такую собственность сдавать в аренду.

---

[1] См.: Повесть временных лет. Сост., примеч. и ук. А. Г Кузьмина, В. В. Фомина. Вступ. ст. и перевод А. Г. Кузьмина / отв. ред. О. А. Платонов. Москва, 2014. С. 501.

Все рассмотренные нами социальные группы, таким образом, относятся к категории свободных, обладающих зачастую всей полнотой правосубъектности. В отношении отдельных социальных групп можно говорить о наличии специального или родового статуса. Использовать же по отношению к ним категорию «полусвободные», значит создавать существенную проблему в понимании статуса данных социальных групп. Рекомендуется разделять правовой и социальный статус при рассмотрении данных социальных групп и анализировать эти статусы раздельно.

УДК 340.143

Волков Ю. В.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург)

Алгоритмическая юриспруденция

Комплекс вопросов, предложенный к рассмотрению в рамках конференции, о формировании «умного правового регулирования», о внедрении в право искусственного интеллекта, об использовании цифровых технологий в правовом регулировании и законотворческом процессе, о сопутствующей оптимизации юридической терминологии — это отражение реальных проблем принятия (отвержения) правом алгоритмов и возможность их правового регулирования. Тема исследовалась в 60–70-х годах XX века, в эпоху зарождения кибернетики. К тому периоду относится понимание алгоритмов как «правила, по которым происходит преобразование информации»[1].

В очередной раз она «проявилась» в 70–80-х годах XX века. А. Н. Колмогоров отмечал, что алгоритм, примененный ко вся-

[1] *Полетаев И. А.* Сигнал: о некоторых понятиях кибернетики. Москва, 1958. С. 23.

© Волков Ю. В., 2023

кому условию из некоторого множества, дает решение, заключительное состояние[1]. Правоведы Урала С. С. Алексеев, Л. Я. Драпкин и другие авторы подключились к разработкам. Л. Я. Драпкин обсуждал данную проблематику в ходе заседаний научного студенческого кружка (некоторые кружковцы стали известными правоведами: З. А. Незнамова, С. Д. Милицин, М. В. Кирюшкин). С. С. Алексеев отмечал, что право должно быть готово для применения математического аппарата, подчеркивая: «право, его догма, является царством формальной логики — своего рода математикой в области права»[2]. А. В. Малько полагал, что классический двоичный выбор (типа: виновен — не виновен), может быть усмотрен в большинстве правовых сфер; многие юридические действия могут быть сведены до уровня двоичных[3]. Двоичное кодирование составляет основу современной связи и компьютерных вычислений.

Зарубежными авторами данный вопрос также изучался. Например, Лоуренц Трайб (Laurence Tribe) рассмотрел применимость математики для судебного процесса и правотворчества: «в эпоху, когда власть, а не мудрость науки все чаще воспринимается как должное, наблюдается быстрый рост интереса к соединению математики и судебного процесса»[4]. Работали в этом направлении В. Кнапп, И. Сабо и др. Однако, ряд объективных причин (дороговизна ЭВМ, элитарность и ограниченность программирования) не способствовали развитию алгоритмических подходов в юриспруденции. Рассмотренный этап алгоритмизации характеризовался узкими направлениями в каждой научной специальности. Отсутствовали межотраслевые связи. Польза алгоритмизации для правоведения не была очевидной.

Несколько позднее В. О. Лобовиков попытался представить доктрину естественного права, используя отношение в качестве основы,

---

[1] См.: *Колмогоров А. Н.* Теория информации и теория алгоритмов. Москва,1987. С. 24.

[2] *Алексеев С. С.* Избранное. Москва, 2003. С. 211.

[3] См.: *Малько А.В.* Двоичность юридической информации и язык законодательства // Правоведение. 1993. № 1. С. 80–88.

[4] *Tribe L. H.* Trial by mathematics: precision and ritual in the legal process // Harv. L. Rev. Vol. 84, April 1971. No. 6. P. 1329–1393.

базовой единицы[1]. Составленные им таблицы отражают философское (логическое) представление о праве, однако отношения различны по своему содержанию и представляют собой некий комплекс или систему действий. Отношения невозможно описать скалярными величинами, необходимы векторы (тензоры). Дискретный инструментарий противоречит течению отношений как процесса. С другой стороны, система права с нормой в качестве основы нуждается в большей детализации. М. В. Кирюшкин предположил три этапа возможной алгоритмизации в правоведении: фиксация объектов в юриспруденции (их свойств, отношений, переходов между ними); детализация норм; ревизия построенной системы[2], однако не все его выводы можно принять без дискуссии. Например, утверждение о том, что «для многих математических алгоритмов тот или иной порядок выполнения операций не принципиален»[3]. Простой пример ($2 + 2 \times 2 = ?$) может доказать обратное: именно порядок принципиален. Уточнение понятия алгоритма в этот период было весьма кстати. «Алгоритм (процедура) — решение задач в виде точных последовательно выполняемых предписаний»[4]. В данном случае интересным является представление алгоритма как процедуры (процесса). Ю. Н. Соколов отметил объективную возможность и необходимость использования информационных технологий в уголовном процессе[5], но как промежуточный этап до внедрения информационных технологий необходима стадия математического моделирования и проектирования всех процессов. Если представить юридический процесс (дознание, следствие, судопроизводство) в виде динамической системы (алгоритми-

---

[1] См.: *Лобовиков В. О.* Единая теория права: математический аспект (алгебра поступков как дискретная математическая модель единства позитивного, естественного и обычного права) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2002. № 3. С. 313.

[2] См.: *Кирюшкин М. В.* Алгоритмические преобразования в юриспруденции // Российский юридический журнал. 2007. № 4 (56). С. 34–44.

[3] *Кирюшкин М. В.* Алгоритмически ориентированное правоведение // Российский юридический журнал. 2007. № 3 (55). С. 17–27.

[4] *Поляков В. И., Скорубский В. И.* Основы теории алгоритмов. Санкт-Петербург, 2012. С. 4.

[5] См.: *Соколов Ю. Н.* Технологичность — свойство уголовного судопроизводства // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2015. Т. 15. Вып. 1. С. 125–140.

ческой цепи), то логичной будет гипотеза о возможности его алгоритмизации, то есть применения математического аппарата для его описания, расчета, прогнозирования. Для данного этапа характерны и базовые примеры алгоритмизации правовых текстов. Например, опубликованная как монография диссертация А. Боера «Теория права, источники права и семантическая сеть»[1], в которой все ссылки активны. Нажимая на ссылку, можно перейти в список и прочитать полное наименование работы. Интерактивное содержание. Индексированный список: термин содержит ссылки на страницы, по которым можно мгновенно перейти на соответствующую страницу текста. Можно привести и иные примеры.

Очередная «волна интереса» к регулированию правом технических сфер возникла в 2018 году в связи с исследованиями ООН по вопросу регулирования электронного правительства. Алгоритмы были обозначены как инструмент управления и «пошаговые инструкции по решению математических задач»[2]. В России было предложено снять правовые барьеры для создания и широкого применения робототехники, искусственного интеллекта, беспилотного транспорта[3]. Одновременно в нескольких работах международного значения на основе средневековых первоисточников были уточнены понятия отдельных действий, получивших в современной науке понятие алгоритма[4]. В 2022 году в ряде стран появились предложения по регулированию вычислительных алгоритмов информационных сетей. А. В. Горелкин анонсировал законопроект «о регулировании рекомендательных алгоритмов»[5]. Ана-

---

[1] См.: *Boer A.* Legal theory, sources of law and the semantic web. Amsterdam, 2009.

[2] Исследование ООН: Электронное правительство 2018. Нью-Йорк, 2018. С. 183.

[3] См.: *Латухина К.* Путин призвал снять барьеры для роботов // Российская газета. 2018. 7 марта.

[4] См.: *Mehri B.* From Al-Khwarizmi to Algorithm // Olympiads in Informatics. 2017. Vol. 11. Special Issue. P. 71–74; Al-Khwarizmi (Algorithm) and the Development of Algebra / *David M. Nabirahni, Brian R. Evans, Ashley Persaud* // Mathematics Teaching Research Journal Spring/Summer 2019. Vol. 11. No. 1-2. P. 13–17.

[5] *Рюмин А.* Законопроект о регулировании алгоритмов соцсетей представят до конца года. URL: https://tass.ru/obschestvo/12248059 (дата обращения: 30.08.2021).

логичные работы ранее анонсировали Кибер администрация Китая (Cyber Administration of China), Центр по изучению цифровизации Китая в Стенфорде (США) и некоторые другие правовые лаборатории и центры. Переведен с китайского на английский отчет Ядун Цуйя «Искусственный интеллект и модернизация правосудия»[1].

Для российских правоведов разработка механизмов правового регулирования алгоритмов — это достаточно сложная и интересная задача. Практически во всех современных сферах жизни человека используются вычислительные устройства, и алгоритмы имеют электронный (все реже аналоговый, преимущественно цифровой) формат. Сопутствующие алгоритмы являются неотъемлемой частью вычислительных устройств. Некоторые алгоритмы начинают использовать в отдельных операциях со скрытой рекламой, подстановкой предложений и выбора возможного решения, в смарт-контрактах. Наиболее критичной, по мнению Э. В. Талапиной, является сфера автоматизированной обработки персональных данных. Она отмечает, что (российские и европейские) законодатели «избегают» использовать термин «алгоритм» в текстах нормативных актов, однако «последовательность операций» как признак алгоритма является «основным компонентом программы»[2]. Вопрос о том, что алгоритм (автоматизированная обработка данных) является потенциальным объектом для правовой сферы — уже и не вопрос, а проблема. Н. Ф. Порываева в ходе исследования приходит к выводу о том, что «процессы алгоритмизации права могут оказывать системное влияние на право в целом, способствовать модификации права как социального регулятора»[3]. Алгоритм как некая последовательность действий еще не формализована как единое понятие, все более активно применяется, в том числе в межличностных отношениях, в некоторых случаях отчетливо нуждается в правовом регулировании.

Варианты регулирования отношений с алгоритмом. Предметом правового регулирования, как следует из множества теорети-

---

[1] *Cui Yadong*. Artificial Intelligence and Judicial Modernization. Shanghai, 2020.

[2] *Талапина Э. В.* Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 25–39.

[3] *Порываева Н. Ф.* Алгоритмы и право // Теория и практика общественного развития. 2021. № 5 (159). С. 90–95.

ческих работ, могут быть социальные (общественные) отношения. Соответственно алгоритм как часть иного объекта, предусмотренного в качестве предмета регулируемых отношений, может быть объектом регуляторного воздействия. Алгоритм как математический термин может быть формализован правом и включен в законодательные акты как часть программы для ЭВМ (ст. 1261 ГК РФ). Другой вариант решения вопроса о включении термина (понятия, дефиниции) в законодательное пространство может быть реализован посредством информационного законодательства. Для этого есть предпосылки, поскольку: «информационные технологии — процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации...» (ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[1]). Алгоритм как разновидность процессов может быть представлен как определенный вид/подвид информационных технологий и как часть (программная часть) какой-либо информационной системы. В таком случае оператор может также именоваться оператором алгоритма информационной системы. Вопрос о необходимости выделения такого термина нуждается в дополнительном исследовании. Вариант ориентирован на информационные системы.

Регулирование отношений и суть происходящего в информационной системе с алгоритмами предполагает понимание всех процессов. Это касается необходимости в процессе обучения будущих юристов изучать математику. Теория алгоритмов как раздел математики должен стать предметом изучения юристов. Наше обращение к этой части математики реализовано исключительно в вербальной плоскости и в объеме концептов, разработанных математиками, который может быть использован в научных статьях о праве. Вероятно, в дальнейшем потребуется более глубокий подход. Иные разделы математики также могут иметь некоторое соотношение с правом, но они не рассмотрены в данной работе. Что касается необходимости будущим математикам изучать право, то этот вопрос предлагается адресовать соответствующим специалистам и преподавателям. В случае необходимости правоведы смогут оказать необходимую помощь.

[1] Российская газета. 2006. 29 июля.

Алгоритм как процедура либо последовательность выполняемых предписаний нуждается в правовой формализации. Необходимо уточнить параметры, которые могут быть объективно закреплены в нормативном правовом акте, разработать определение субъектов (операторов) алгоритмизации, пользователей (потребителей) алгоритмов и результатов выполняемых с алгоритмами операций. С другой стороны правоведение испытывает влияние алгоритмизации в части проникновения технологичных алгоритмизированных процессов во «внутренние» сферы (правотворчество, правоприменение, правовую науку). Высока вероятность того, что юристам потребуется изучать математику (отдельные разделы, и не только в вербальном формате). Соответственно необходимо рассматривать возможность введения дополнительных образовательных курсов либо курсов повышения квалификации. Очевидна необходимость дополнительных исследований и широкой дискуссии с привлечением математиков, программистов и иных специалистов.

УДК 340.113.1

Гаврилова Ю. А.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры философии и теории права Волгоградского государственного университета;
Гаврилов Д. А.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры философии и теории права Волгоградского государственного университета

Оптимизация смысла правового текста как средство противодействия избыточному упрощению юридического языка в эпоху цифровизации

Эпоха цифровизации экономики, управления и права является серьезным испытанием для человеческого языка и в особенности для языка юридического. Язык выступает отражением соци-

© Гаврилова Ю. А., Гаврилов Д. А., 2023

альных отношений, поэтому цифровые трансформации влекут изменения в содержании и форме языка, затрагивают все пласты языкового строя. Язык становится коротким, малоинформативным, визуализированным, гибридным, основанным на смешивании различных стилей речи, упрощенным. Юридический язык есть составная часть общелитературного языка, поэтому он подчиняется тем же закономерностям воздействия социально-культурной цифровой среды на язык.

В связи с развитием технологий взаимодействия человека и машины изменился формат представления информации в сетевом пространстве, приводящий к известному упрощению языка, позволяющему для автоматизированной техники быстро и удобно воспринять и обработать информацию, значимую для человека. В виртуальном правовом пространстве зарождаются тенденции на приоритет использования виртуального юридического языка по сравнению с живым человеческим языком. Право постепенно становится «машиночитаемым», «микрорегулирование» заменяется на «микродирективы», а инструкции правового характера — на технические алгоритмы. Однако оправдано ли такое методологическое упрощение?

Основным теоретическим вопросом в данном случае является понятие сложности (простоты) юридического языка и (или) правового текста, которое не исследовано должным образом. В лингвистической науке существует целый ряд работ, обсуждающих различные количественные и качественные параметры сложности правового текста: например, количество и многообразие лексических единиц, а также их взаимосвязей в тексте; повторяемость употребления слов и выражений; терминологическая абстрактность и пр.

Однако язык есть форма выражения семантических закономерностей между словами, поэтому при более глубоком изучении перечень критериев оценки сложности правового текста значительно расширяется. Текст является семантически сложным, когда он содержит большой размер входных данных, требующих вычисления (слогов в словах, слов в предложениях, предложений в тексте). О сложности текста следует говорить тогда, когда трудно распознать его стиль и жанр, то есть чем более гибридным по стилевому содержанию является правовой

текст, тем он сложнее воспринимается потребителем юридической информации.

Текст права является сложным, если он закрепляет динамичные по смыслу лексические, грамматические, фразеологические и иные характеристики, интерпретация которых может отличаться в зависимости от времени прочтения, вплоть до больших исторических эпох. Наконец, текст сложный, когда затруднительно описание его референтов, что указывает на сложность связанного с ним объекта внеязыковой действительности.

По мнению Н. Д. Голева, для оценки сложности текста законопроекта перспективный интерес составляет технология обратного машинного перевода с элементами сравнения сходства между текстами (ОМП). Исходный русскоязычный текст переводится, например, чаще всего на английский язык, а затем полученный англоязычный текст обратно переводится на русский. При сравнении исходного и переводного русских текстов законопроектов выявляются в процентном отношении семантические затруднения, требующие устранения. Чем выше процент различий между текстами, тем исходный текст сложнее и наоборот[1].

С учетом того, что правовой текст рассчитан не только на профессиональных юристов, но и рядовых граждан, степень его смысловой сложности зависит от целевой аудитории. Именно поэтому, когда адресатом предписания нормативного правового текста выступают граждане, в первую очередь характер его понимания зависит от правильного выбора юридической терминологии: термины должны обладать однозначностью и определенностью значения, единством, общепризнанностью, стабильностью, доступностью для понимания (благозвучностью)[2].

---

[1] См.: *Голев Н. Д.* Сложность vs доступность и понятность языка закона как теоретическая и экспертная проблема // Сборник трудов Международной научно-практической конференции «Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах» (Санкт-Петербург, 18 мая 2021 года). Санкт-Петербург, 2021. С. 173.

[2] См.: *Кич И. С.* О сложности юридического языка // Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность: материалы II Международной научно-практической конференции (Краснодар, 2–3 июня 2017 года). Краснодар, 2017. С. 73.

Во всех приведенных примерах критерии простоты (сложности) смысла правового текста сформулированы человеком, который определяет механизм и форму использования неисчерпаемого языкового потенциала для создания и актуализации правового текста. В процессе человеко-машинной коммуникации семантика правового текста «свертывается» и упрощается для обеспечения правильного понимания его машиной. Вместе с тем не следует забывать, что логико-математический аппарат машиночитаемых инструкций напрочь лишен эмоций, частично — интуиции и творческой эвристики, а иногда не обладает необходимым уровнем абстрактного мышления и концептуальности, достаточной для выражения сложного человеческого языка права в простом и удобном виде для восприятия.

Если обратиться к зарубежным исследованиям так называемого умного регулирования, ставящего целью перевести основной материал «аналогового» человеческого языка в цифровую форму, то можно составить примерное представление, какие методы работы с информацией используются и как они между собой сочетаются и взаимодействуют.

В системах искусственного интеллекта действительно внедряются как алгоритмы по замене отдельных слов более простыми словоформами, так и упрощению целых фраз, однако задача замены целых синтаксических конструкций встретила значительные трудности. Во-первых, машина выполняет такие операции методом эвристического «встраивания слов» в документ, используя вероятностные подходы по генерации подходящих выражений.

Во-вторых, система может применять как контролируемое (определенное программой разработчика), так и неконтролируемое (случайное) сравнение имеющихся вариантов словосочетаний.

В-третьих, в этом случае важно было правильно классифицировать результаты сопоставления: не каждый ранжировщик корректно справится с отражением уровня простоты (сложности) выражений. Тем более что это задание связано с поиском критериев упрощения языка, а совершенно непредсказуемо ведет себя ранжировщик результатов, если тексты являются объемными[1].

[1] См.: *Paetzold G. H., Specia L.* Phrase-Level Simplification for Non-native Speakers // Computational Linguistics and Intelligent Text Processing. CICLing 2019. Lecture Notes in Computer Science, vol. 13451. Springer, Cham, 2023. P. 429.

Для упрощения юридического языка машина выполняет методами комбинаторики поиск похожих слов до достижения смысловой согласованности абзаца. При сравнении более ранних и древних текстов права с современными правовыми текстами, например, способом составления параллельных фраз, система нуждается в большом количестве дополнительных обучающих примеров, что, по-видимому, связано с тем, что тексты написаны в разных историко-культурных контекстах. Что же касается научных правовых текстов, в частности, извлечения ключевых слов для аннотации статей, то техническое устройство в состоянии выполнять эти инструкции, только используя семантические закономерности между лексическими единицами на вероятностной основе.

Наконец, выяснилось, что при использовании синтаксических анализаторов текста (при иноязычном и машинном переводе) ускорить процесс работы анализатора сложного текста можно лишь, сокращая размер входных данных. Происходит это за счет того, что каждый результат анализа недовыполняется до конца и помечается как неправильный (несовершенный), но он становится шаблоном для некоторой точки диаграммы, чтобы избежать избыточного анализа уже рассмотренных текстовых фрагментов. Сформированные шаблоны выстраиваются машиной, которая при этом пытается вычислить, «предугадать» следующую точку «входа» на этой диаграмме, определить «функцию» текста. Предложенный метод повторного использования частичных результатов повышает скорость синтаксического анализа, но речь идет статистически лишь о шкале в 5–8 % выигрыша в точности распознавания текста, что не выглядит столь убедительным[1].

Наряду с общепризнанной необходимостью цифровизации языковых технологий и процедур деятельности в упрощении юридического языка могут быть заинтересованы продавцы информационных продуктов. Последний пример из ис-

[1] См.: *Strzyz M., Gómez-Rodríguez C.* Speeding up Natural Language Parsing by Reusing Partial Results // Computational Linguistics and Intelligent Text Processing. CICLing 2019. Lecture Notes in Computer Science, vol. 13451. Springer, Cham, 2023. P. 648–650.

тории COVID-2019 показывает, что желание получения дополнительных сверхприбылей от использования сервисов видеоконференций в эпоху тотальной «социальной изоляции» является доминирующим для многих производителей таких технологий.

Тем не менее не лишены разумных оснований доводы о значимости и полезности упрощения юридического языка при трансформации законодательных текстов в автоматизированную машинную среду. При переводе правовых текстов в пространство сетевой коммуникации формируется новое и общее смысловое поле понимания для людей и машин. Равно при работе с одними и теми же правовыми текстами возникают сходные языковые затруднения для людей разных профессий: юристов и лингвистов.

Как показано в специальных исследованиях, проблема доступности понимания текстов правового содержания остается одной из важнейших на практике. Основные ошибки и коллизии понимания возникают в терминологической и стилистической областях. Гражданин либо не узнает написанное, либо по узнавании не может корректно определить смысл написанного. Кроме того, для восприятия правового текста необходимо иметь образование, опыт, привычки. Наличие или отсутствие этих качеств влияет на оценку сложности административно-управленческих и юридических текстов с учетом их собственной громоздкости, особой композиционности, дублирования материала, входной длины предложений[1], поэтому настоятельно ощущается потребность в оптимизации смысла правового текста в цифровую эпоху. И этот вопрос должен решаться с позиции человека, а не машины.

На наш взгляд, оптимизация смысла правового текста заключается в поиске разумного баланса между простотой и сложностью юридического языка. Правовой текст должен быть профессиональным и, следовательно, более сложным для юристов, но в то же время он должен быть достаточно простым, чтобы его

[1] *Белов С. А., Гулида В. Б.* Язык юридических документов: сложности понимания // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. Т. 1. № 15. С. 98.

могли понять и руководствоваться им обычные законопослушные граждане.

Однако в цифровую эпоху проблема оптимизации смысла правового текста получает дополнительный импульс. Человек оптимизирует смысл юридического языка в той мере и пределах, в каких он взаимодействует с машиной. При передаче этих условных прав автоматически функционирующей технике мы рискуем получить избыточно упрощенный юридический язык, так как содержание и границы применяемого языкового материала машина определяет самостоятельно, но лишь в рамках отведенного ей человеком пространства.

Также следует принимать во внимание, что машина осуществляет оптимизирующие операции над языковым смыслом путем логических рассуждений и математической обработки информации на основе вероятностных методик решения. Иными словами, все, чем располагает машина, — это комбинаторный по природе метод полного последовательного перебора различных вариантов языковых единиц, который может выполняться ею за счет высокой скорости процессора с претензией на такие же результаты, как и у человека.

Однако это достоинство машины с лихвой пока перекрывается гигантской многозадачностью человеческого мозга, использующего на более медленной скорости язык не просто многогранно, но и на основе эмоционально-фантазийной, концептуально-парадигмальной, вербально-ассоциативной, образно-символической и др. областей. Человек располагает богатым и неисчерпаемым запасом языковых средств для наделения правовых текстов как простым, так и сложным смыслом. И никакое так называемое умное регулирование не способно упростить смысл правового текста в более оптимальной степени, чем это может сделать сам человек.

УДК 34

Головкин Р. Б.,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России;
Третьякова О. Д.,
доктор юридических наук, доцент, директор юридического института имени М. М. Сперанского, Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых

Проактивность и омниканальность как способы оптимизации правового регулирования

Сегодняшняя действительность — время кардинальных перемен во всех областях человеческой деятельности. Мир меняется и совершенствуются способы влияния на него, в том числе и в сфере правового регулирования общественных отношений. Совершенствование правового регулирования сложный, противоречивый и многогранный процесс. Одой из граней данного процесса выступает оптимизация законодательства и способов его реализации.

Словарное значение термина «оптимизация» чаще всего трактуется как выбор из всех возможных вариантов использования ресурсов тех, которые дают наилучшие результаты[1]. Применительно к совершенствованию правового регулирования оптимизацию представляется целесообразным рассматривать в качестве формы правотворческой, правосистематизирующей и правореализующей деятельности, направленной на формирование наиболее эффективных способов использования традиционных и инновационных средств для улучшения качества правового регулирования.

[1] См.: Оптимизация. Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/10470 (дата обращения: 28.05.2023).

© Головкин Р. Б., Третьякова О. Д., 2023

Одним из инновационных способов оптимизации современного правового регулирования выступает *юридическая проактивность*.

Юридической предпосылкой использования данного способа оптимизации правового регулирования выступил Федеральный закон от 27 июля 2010 года «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»[1] (далее — ФЗ «Об организации услуг»), где в статье 7.3. закреплена возможность организации предоставления государственных и муниципальных услуг в упреждающем (проактивном) режиме[2]. Вместе с тем, в данной норме, да и в других статьях закона, отсутствует дефиниция использованного в законе термина «проактивность».

Фактически отсутствует норма-дефиниция проактивности, но закрепляются две основные формы проактивности:

1) осуществлять мероприятия, направленные на обеспечение результатов реализации государственных и муниципальных услуг;

2) при наличии запроса заявителя о предоставлении государственных или муниципальных услуг, в отношении которых у заявителя могут появиться основания для их предоставления ему в будущем, проводить мероприятия, направленные на формирование результата предоставления соответствующей услуги[3].

Данный способ оптимизации правового регулирования пока дефинитивно не закрепляется в законодательстве, но содержание действий по осуществлению юридической проактивности отражается во многих административных регламентах. Например, пункт 6.8. Административного регламента предоставления Министерством экономического развития Российской Федерации государственной услуги по заключению договора аренды государственного и (или) муниципального имущества, расположенного в границах особых экономических зон, обязывает должностных лиц, соответствующих подразделений Минэкономразвития России совершать ряд действий, призванных обеспечить реализацию правомочий субъектов права на оказание государственной услуги в виде подготовки дого-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31, ст. 4179.

[2] См. там же.

[3] Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федеральный закон от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31, ст. 4179.

вора аренды объекта недвижимости[1]. Подобные нормы содержатся и в других административных регламентах, например, в Административном регламенте предоставления Министерством Российской Федерации по делам Северного Кавказа государственной услуги по заключению договора аренды государственного и (или) муниципального имущества, расположенного в границах особой экономической зоны, находящейся на территории Северо-Кавказского федерального округа. Установлено, что доступ к информации о сроках и порядке предоставления услуги осуществляется без выполнения заявителем каких-либо требований[2]. Административный регламент предоставления государственной (муниципальной) услуги в Ковровском районе Владимирской области по подготовке и утверждению документации по планировке территории обязывает соответствующие местные органы осуществлять комплекс мероприятий по обеспечению информирования населения о наличии и механизмах предоставления государственных (муниципальных) услуг и т. д.[3]

---

[1] Об утверждении Административного регламента предоставления Министерством экономического развития Российской Федерации государственной услуги по заключению договора аренды государственного и (или) муниципального имущества, расположенного в границах особой экономической зоны, для осуществления технико-внедренческой, промышленно-производственной, туристско-рекреационной деятельности или деятельности в портовой особой экономической зоне: приказ Минэкономразвития России от 28 октября 2013 года № 627 (зарег. в Минюсте России 06.02.2014 № 31237) // Российская газета. 2014. 19 февраля.

[2] Об утверждении Административного регламента предоставления Министерством Российской Федерации по делам Северного Кавказа государственной услуги по заключению договора аренды государственного и (или) муниципального имущества, расположенного в границах особой экономической зоны, находящейся на территории Северо-Кавказского федерального округа, для осуществления технико-внедренческой, промышленно-производственной, туристско-рекреационной деятельности или деятельности в портовой особой экономической зоне: приказ Минкавказа России от 28.07.2017 № 107 (зарег. в Минюсте России 16.11.2017 № 48933) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.03.2023).

[3] Об утверждении административного регламента предоставления государственной (муниципальной) услуги по подготовке и утверждению документации по планировке территории (вместе с «Административным регламентом предоставления государственной (муниципальной) услуги “Подготовка и утверждение документации по планировке территории” на территории Ковровского района Владимирской области: постановление администрации Ковровского района от 23.11.2022 № 580») // Вестник Ковровского района. 2022. 1 декабря.

В качестве условий реализации режима проактивности законом устанавливается: «наступление событий, являющихся основанием для предоставления государственных или муниципальных услуг» [1]. Представляется, что формулировка инициации проактивности в данном виде проявляет некоторые юридико-технические погрешности и противоречия.

Прежде всего, в указанной части нормы статьи 7.3 ФЗ «Об организации услуг» установление правоотношений проактивности связывается лишь с обстоятельствами, перечисленными в пунктах 1 и 2 данной статьи. Данные обстоятельства возникновения проактивности и мероприятий, составляющих данное явление, проявляют юридико-технические противоречия формулировки рассматриваемой нормы. Так, обстоятельства, в связи с которыми возникают отношения проактивности, именованы в законе «события», то есть формально — это юридический факт, не связанный с волей участников данных правоотношений. Вместе с тем анализ содержания перечня мероприятий, реализующих проактивность, показывает, что события как юридический факт, с которым нормы права связывают возникновение правоотношений проактивности, могут рассматриваться лишь как относительные события, связанные с волей третьих лиц, в данном случае это воля лиц, инициирующих реализацию рассматриваемого закона.

Кроме того, формулировка пунктов 1.1 и 1.2 статьи 7.3 ФЗ «Об организации услуг», закрепляющих мероприятия по реализации правоотношений проактивности, свидетельствует в пользу того, что основанием возникновения правоотношений проактивности являются не юридические факты-события, а юридические факты-действия в форме юридических актов, то есть действий, прямо направленных на установление, изменение и прекращение правоотношений в связи с проактивностью.

Следует обратить внимание и на тот факт, что проактивность соответствующих субъектов, призванных оказывать государственные или муниципальные услуги, сформулирована в законе

[1] Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федеральный закон от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31, ст. 4179.

как субъективное право, то есть, иными словами, государственные и муниципальные органы могут и не осуществлять перечень мероприятий, закрепленных в пунктах 1.1 и 1.2 статьи 7.3 ФЗ «Об организации услуг». Думается, что такая формулировка некорректна, так как зафиксированный в данной норме перечень мероприятий направлен на обеспечение реализации государственной или муниципальной услуги, поэтому, если рассматривать эти мероприятия лишь как субъективное право, то формально получается, что орган или должностное лицо могут не оказывать государственные или муниципальные услуги в принципе.

Фактически расширительная формулировка проактивности в статье 7.3 ФЗ «Об организации услуг» как совокупности предусмотренных законом упреждающих действий, позволяющих в дальнейшем обеспечить реализацию другого правоотношения, связанного с правоотношением проактивности, позволяет в рамках проактивности рассматривать другие правоотношения, направленные на профилактику правонарушений, на регулирование необходимой обороны, преюдиции, здравоохранения, а также проявлять варианты проактивности в законодательстве в режимах: чрезвычайных ситуаций, военного времени и т. д. Иными словами, объем понятия «проактивность» в соответствии с действующим законодательством может быть существенно увеличен.

В целом, не смотря на имеющиеся проблемы, рассматриваемый способ оптимизации правового регулирования представляется весьма перспективным, так как переводит правовое воздействие на уровень развития правовой активности граждан и должностных лиц и позволяет минимизировать процедуры и государственное принуждение.

К инновационному средству правового регулирования можно отнести и зародившуюся, и развивающуюся на основе цифровых технологий омниканальность правового регулирования.

Словарное значение омниканальности обычно связывается с бизнесом и трактуется, например, как взаимная интеграция различных каналов коммуникации в единую систему в целях непрерывной коммуникации с клиентом или как интеграция абсолютно разных каналов коммуникации, например телефона, сайта, мессенджеров и соцсетей в единую систему, благодаря чему можно

постоянно вести диалог с клиентом в разных каналах, переходя из одного в другой[1].

Данное средство оптимизации правового регулирования на основе развития цифровых технологий уже получило отражение в действующем в законодательстве и юридической практике. Например, в распоряжении Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2021 года № 431-р (ред. от 08.05.2023) «Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года»[2] термин «омниканальность» получил свое правовое закрепление с помощью контекстного метода. Применительно к правовому регулированию омниканальность рассматривается как обеспечение возможности начать процесс получения услуги в любом из каналов обращения за услугой (единый портал), клиентский офис и т. п.) и продолжить в другом с сохранением всей истории взаимодействия[3]. Как видно, понятие омниканальности рассматриваемым постановлением сужается до способа осуществления различного рода услуг.

Термин «омниканальность» прямо закреплен в некоторых ведомственных правовых актах, например, в приказе Минтруда России «Об утверждении Порядка взаимодействия участников информирования при рассмотрении (обработке) обращений граждан и предоставлении им соответствующей информации»[4] устанавли-

---

[1] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Омниканальность (дата обращения: 28.05.2023).

[2] Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 20 февраля 2021 года № 431-р (ред. от 08.05.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 29.05.2023).

[3] См. там же.

[4] Об утверждении Порядка взаимодействия участников информирования при рассмотрении (обработке) обращений граждан и предоставлении им соответствующей информации: приказ Минтруда России от 1 июля 2021 года № 442н (ред. от 15.12.2022) (зарег. в Минюсте России 05.10.2021 № 65299) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http:// pravo.gov.ru (дата обращения: 29.05.2023).

вается, что доля обращений граждан на основе принципа омниканальности может осуществляться не реже 1 раза в неделю[1]. Иными словами, в данном акте омниканальность рассматривается как принцип взаимодействия государства и граждан, но при этом содержание данного принципа не раскрывается. Оно отражено в другом ведомственном правовом акте — в Консолидированной ведомственной программе цифровой трансформации Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годов, где принцип омниканальности раскрывается в виде перечня возможностей использования для коммуникации в форме обращений граждан, это: голосовые боты, чат-боты, смс-информирование, исходящее телефонное информирование, обслуживание операторами по голосовому и текстовому каналам[2]. Имеются упоминания омниканльности и в некоторых других ведомственных правовых актах[3].

Термин «омниканальность» получил достаточное распространение и в судебной практике. В качестве примера здесь можно привести: постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 марта 2023 года № 13АП-1515/2023 по делу № А56-3455/2021; постановление Суда по интеллектуальным

[1] Об утверждении Порядка взаимодействия участников информирования при рассмотрении (обработке) обращений граждан и предоставлении им соответствующей информации: приказ Минтруда России от 1 июля 2021 года № 442н (ред. от 15.12.2022) (зарег. в Минюсте России 05.10.2021 № 65299) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http:// pravo.gov.ru (дата обращения: 29.05.2023).

[2] Консолидированная ведомственная программа цифровой трансформации Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годов: утв. Минтрудом России 23 декабря 2022 года. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.05.2023).

[3] План мероприятий по повышению эффективности предоставления мер социальной защиты (поддержки), социальных услуг в рамках социального обслуживания и государственной социальной помощи, иных социальных гарантий и выплат, а также оптимизации деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, Федеральной службы по труду и занятости, Пенсионного фонда Российской Федерации, Фонда социального страхования Российской Федерации, учреждений медико-социальной экспертизы: утв. Правительством Российской Федерации 28 декабря 2018 года № 10974п-П12. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.05.2023).

правам от 2 июня 2022 года № С01-518/2022 по делу № А56-3455/2021; решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 2 декабря 2022 года по делу № А56-3455/201 и ряд других судебных актов[1].

В целом, опираясь на пока незначительную, законодательную и правореализующую практику, можно резюмировать, что омниканальность — развивающееся и перспективное средство оптимизации правового регулирования.

Таким образом, как видно из представленного материала, оптимизация правового регулирования на сегодняшний день не стоит на месте, а развивается как в теоретическом, так и в практическом плане. Проактивность — это не только способ правового регулирования, но и перспективное правоотношение как результат оптимизации права. В свою очередь, омниканальность, применительно к правовому регулированию, — это средство интеграции различных каналов поступления правовой информации субъектам правоотношений и выстраивание единой системы взаимодействия между законом и его реализацией.

УДК 94 (41/99)

Грубов В. И.,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, обществознания и права Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

Российские социалисты и борьба вокруг Учредительного собрания (октябрь 1917 года — январь 1918 года)

Среди вопросов российской послеоктябрьской истории важное место занимает проблема нереализованности альтернатив формированию большевистского режима. В октябре 1917 года — январе

[1] Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.05.2023).

© Грубов В. И., 2023

1918 года политические оппоненты большевиков рассматривали Учредительное собрание как легитимный способ отстранения Российской социал-демократической рабочей партии большевиков (далее — РСДРП (б)) от власти и «выпрямления» российской демократической революции. Почему же Собрание, имея достаточно широкий общественно-политический спектр сторонников, не смогло стать тем стержнем, вокруг которого государственная власть сформировалась бы на основе гражданского компромисса? Для ответа на этот вопрос рассмотрим причины и итоги изменения в отношении ведущих политических сил к «российской Конституанте».

Проведение выборов в Учредительное собрание перевело вопрос о его сущности и задачах в плоскость практической политики. Каждая из действовавших тогда политических сил еще до октябрьских событий 1917 года имела в основном сформированную позицию по этим вопросам. При этом отношение к Учредительному собранию различных политических партий и организаций определялось не только их программными и тактическими установками, но и соображениями политической целесообразности в данный конкретно-исторический момент. Так, меньшевики и эсеры, рассматривая Собрание как «хозяина земли Русской», считали его созыв насущной потребностью. При этом взгляды РСДРП (б) и Партии социалистов-революционеров (далее — ПСР) на значение Учредительного собрания в жизни страны и на собственную роль в нем существенно различались. Меньшевики понимали, что не они будут главной законотворческой силой в высшем представительном учреждении, что основная масса населения — крестьянство — пойдет не за ними. Эсеры же твердо рассчитывали получить в Собрании большинство именно за счет голосов крестьян и стать таким образом доминирующей парламентской партией России. Через Собрание ПСР намеревалась провести основной пункт своей программы о социализации земли.

После захвата власти большевиками политические планы правых социалистов в отношении Учредительного собрания поменяли акцент. Теперь всенародное Учредительное собрание рассматривалось ими как высшая форма российской демократии, доминирующая над революционно-классовыми органами — Советами. Стремление правых социалистов к скорейшему открытию Собрания связывалось, прежде всего, с их надеждами на то,

что с его помощью удастся законным, мирным путем отстранить большевиков от власти.

В большевистской схеме организации государственной власти Учредительному собранию отводилось скромное место. Ленин допускал возможность позитивной роли Собрания в случае трансформации его в революционный конвент. При этом он подчеркивал, что в России должна быть создана не парламентская республика, а республика Советов «снизу доверху»[1]. Вместе с тем часть большевистского руководства — Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, В. П. Милютин и др. — считала демократическую фазу революции в России не законченной, а парламентскую республику и Учредительное собрание — еще не исчерпавшими своих потенциальных возможностей.

После 25 октября Учредительное собрание объективно не вписывалось в ленинские планы строительства республики Советов. Из тактических соображений правящая партия продолжала поддерживать лозунг его созыва[2], но, пойдя на такой шаг, большевики стремились отодвинуть открытие Собрания на возможно более поздний срок. После захвата власти они отводили Учредительному собранию роль «оформителя» преобразований, которые новая власть уже провела или намечала провести.

Отношение левых эсеров к Учредительному собранию в течение октября 1917 года — января 1918 года коренным образом изменилось — от безусловной поддержки его созыва и передачи ему всей полноты власти до полного отрицания необходимости этого учреждения как не оправдавшего доверия революционных масс. По нашему мнению, это было вызвано двумя причинами. Во-первых, левые эсеры первоначально видели в Собрании высшую «форму народовластия»[3], а когда после выборов стало известно соотношение политических сил в нем, в левоэсеровской среде появилось сомнение, будет ли Учредительное собрание с

---

[1] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. Т. 31. Москва, 1962. С. 115.

[2] См.: Декреты Советской власти (далее — ДСВ). Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. — Москва, 1957. С. 5.

[3] Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов II созыва. Москва, 1918. С. 178.

таким депутатским корпусом правильно отражать волю народных масс[1]. Во-вторых, в первые недели после октябрьского переворота Партия левых социалистов-революционеров (далее — ПЛСР) активно выступала за формирование однородной социалистической власти, но нарастание поляризации общественно-политических сил в октябре 1917 года — январе 1918 года вынудило левых эсеров сделать окончательный выбор между РСДРП (б) и ее оппонентами. Приняв сторону большевиков, они скорректировали и собственную программу действий, в том числе в отношении Учредительного собрания. Этому же способствовали неудача переговоров о соглашении с правыми социалистами, расширение состава ВЦИК и вхождение левых эсеров в правительство. Так что позиции большевиков и левых эсеров, составивших правящий блок на декабрь 1917 года, в целом совпадали.

Позиция левых социал-демократов (меньшевиков-интернационалистов и объединенных социал-демократов интернационалистов) в отношении Учредительного собрания была особой. Левые социал-демократы признавали огромное значение Советов в создании «новой ткани российской государственности», но были противниками абсолютизации их роли и идеи чисто советской республики[2]. Свои надежды на Учредительное собрание они связывали, прежде всего, с преодолением политического кризиса, установлением гражданского мира, объединением революционной демократии и разрешением основных вопросов революции, опиравшимся на всенародное волеизъявление.

В судьбе Учредительного собрания многое определял исход выборов. В них участвовало более 50 политических партий и организаций, фигурировало около 220 избирательных списков[3]. В предвыборной борьбе ведущие партии широко использовали печатную и устную агитацию, создание избирательных блоков и др. Большевики блокировались лишь с партиями интернациона-

---

[1] См.: *Разгон А. И.* ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. Москва, 1977. С. 357.

[2] См.: *Мартов Ю. О.* Мировой большевизм. Берлин, 1923. С. 39; Голос социал-демократа. 1918. 22 (9) февраля. № 5-6. С. 8.

[3] См.: *Спирин Л. М.* Россия, год 1917: Из истории борьбы политических партий. Москва, 1987. С. 238.

листского толка или с беспартийными организациями, целиком разделявшими избирательную платформу РСДРП (б). Она, в расчете на массовое восприятие, была сведена к нескольким максимально простым и броским лозунгам: мир — народам, земля — крестьянам, фабрики — рабочим, власть — Советам.

Эсеры блокировались очень активно, прежде всего с крестьянскими Советами. Предвыборная платформа ПСР обещала бороться за скорейшее заключение всеобщего мира без аннексий и контрибуций; за участие народа в управлении государством; за преодоление экономического кризиса через госрегулирование производства и распределения; за социализацию земли и т. д.[1] Платформа эсеров, как и большевиков, отвечала настроениям народных масс и обеспечила партии значительный успех на выборах.

Меньшевики почти во всех округах соединяли свои списки с бундовскими, но меньшевистская партия, и так не имевшая массовой опоры среди населения, сама ослабляла свои силы в борьбе за депутатские места. Избирательная кампания РСДРП (б) проходила в обстановке ожесточенной внутрипартийной борьбы, а предвыборная платформа партии отличалась умеренностью[2], что не могло увлечь широкие народные массы.

Левые эсеры в большинстве округов остались в единых с ПСР списках. Партия находилась в стадии своего становления, была незнакомой для избирателей, не имела возможностей для ведения широкой предвыборной агитации[3]. При таких условиях трудно рассчитывать на массовую поддержку избирателей. Более того, во многих местах левые эсеры призывали голосовать за большевиков, чтобы способствовать поражению других социалистических списков[4].

Объединенные интернационалисты во время выборов блокировались только с меньшевиками-интернационалистами, лишь в нескольких округах выставив собственные списки.

---

[1] См.: Дело народа. 1917. 26 октября; Всероссийское Учредительное собрание. Москва; Ленинград, 1930. С. 165–168.

[2] См.: Рабочая газета. 1917. 25 октября.

[3] См.: Знамя труда. 1917. 9 ноября.

[4] См.: *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. Москва, 1997. С. 167–168.

Основными противниками большевиков на выборах в Петрограде, Москве и других крупных городах стали кадеты. Их положение в ходе выборов было особым. Большевики рассматривали кадетов как партию открытых врагов Советской власти. Согласно декрету «О печати» все кадетские газеты были закрыты, но кадеты провели предвыборную кампанию энергично и целеустремленно, организовав многочисленные митинги в закрытых помещениях, выпустив огромное количество листовок и плакатов. Ярко выраженная антибольшевистская и антисоветская направленность их агитации сочеталась с выпадами в адрес правых социалистов. Эсеры и меньшевики изображались жалкими демагогами, неспособными к решительной борьбе с большевизмом. Себя кадеты аттестовали как единственную реальную опору всех «добропорядочных элементов», а свои политические планы облекали в такие приемлемые для массового сознания формулы, как «целостность и единство России», «порядок и государственность» и т. д.

В целом по стране в городах большевики получили 33,6 % голосов, кадеты — 20,3 %, эсеры — 16 %, меньшевики — 6,4 %. В деревне соотношение было другим — соответственно, 19,3 %, 1,8 %, 45,6 % и 2,2 % голосов[1]. Видно, что основными конкурентами в городах являлись большевики и кадеты, а в деревне вырвались вперед эсеры. Всего от 74 избирательных округов, где выборы были доведены до конца, в Учредительное собрание было избрано 767 депутатов (347 русских и 81 украинский эсер, 180 большевиков, 18 национальных социалистов, 16 меньшевиков, 15 кадетов, 11 украинских социал-демократов, 4 народных социалиста и т. д.)[2].

В середине ноября 1917 года левые эсеры начали постепенно менять позицию в отношении Учредительного собрания. Еще в день начала выборов Б. Д. Камков выступил со статьей в поддержку идеи созыва Собрания[3], но уже к моменту открытия

[1] См.: *Протасов Л. Г., Миллер В. И.* Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива. Два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993. № 5. С. 15.

[2] См.: *Протасов Л. Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. Москва, 1997. С. 299–300.

[3] См.: Знамя труда. 1917. 12 ноября.

I съезда ПЛСР (19 ноября) стали известны первые результаты выборов в крупных городах, свидетельствовавшие, что основными конкурентами большевиков там явились не правые социалисты, а кадеты. В левоэсеровской среде это вызвало корректировку взглядов на сущность «российской Конституанты» и тактику в отношении нее. На съезде ни один из выступавших не поддержал Собрание безоговорочно. Радикальные настроения большинства собравшихся выразил П. П. Прошьян: «Отдать власть Учредительному Собранию … мы не можем и не должны. …Конфликт его с Советами неизбежен, и если оно захочет взять власть в свои руки, то мы ему этой власти не отдадим»[1].

Вопрос о тактике остался для ПЛСР открытым. Одна часть левоэсеровских лидеров (П. П. Прошьян, В. Е. Трутовский, М. А. Натансон и др.) выступала за насильственный разгон Собрания, другая (во главе с В. А. Алгасовым) — за уход из него, но против дискредитации партии участием в его роспуске. Это отразилось и в резолюции съезда об отношении к Учредительному собранию. Говорилось об условной поддержке Собрания как органа, конструирующего рабоче-крестьянскую власть, реализующего решения рабоче-солдатского и крестьянского съездов Советов. В то же время, указывалось, что партия окажет «самое решительное сопротивление» любой попытке «превратить Учредительное собрание в орган борьбы с Советами.., как органами власти»[2].

21 ноября большевистско-левоэсеровское большинство ВЦИК приняло написанный Лениным проект декрета о праве отзыва депутатов из представительных учреждений всех уровней, в том числе из Учредительного собрания. Предоставлялось это право только Советам[3]. Против законопроекта во ВЦИК выступила лишь фракция объединенных интернационалистов.

Предпринимались и другие меры по установлению контроля над Собранием — 23 ноября была арестована часть членов Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание, а ее главой назначен М. С. Урицкий. 26 ноября был опуб-

---

[1] Протоколы I съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Москва, 1918. С. 64, 86, 92–93, 108–109.

[2] Там же. С. 111.

[3] См.: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 35. С. 106–107.

ликован декрет Совнаркома, определявший основные условия открытия Собрания: наличие в Петрограде более 400 его депутатов и присутствие в зале заседания не менее этого количества[1]. 28 ноября правые социалисты попытались открыть заседания «хозяина земли Русской» без санкции Совнаркома[2], что дало большевикам повод сузить правовое поле деятельности их политических противников. В тот же день Совнарком принял проект декрета об аресте вождей гражданской войны против революции. Документ ставил кадетскую партию, формально не причастную к событиям 28 ноября, но являвшуюся основным противником большевиков, вне закона; ее лидеры (в том числе депутаты Учредительного собрания) подлежали немедленному аресту[3]. Отказавшаяся подчиниться Урицкому комиссия по выборам в Учредительное собрание была окончательно распущена, а ее имущество и документы конфискованы большевиками.

Вопрос о судьбе Учредительного собрания обсуждался и в ЦК РСДРП (б). На его заседании 29 ноября Н. И. Бухарин выступил с инициативой радикальным путем изменить расстановку политических сил в Собрании в свою пользу: «созвать Учредительное собрание, а потом изгнать оттуда всех к.д.», объявив левую часть Собрания (левых эсеров, меньшевиков-интернационалистов, большевиков, с «колоссальным преобладанием» последних) «революционным конвентом»[4]. Его поддержал Л. Д. Троцкий, предложивший «собрать всех кандидатов в Питере», вызвав депутатов-большевиков по телеграфу, и открыть конвент, не дожидаясь кворума из 400 человек. ЦК согласился с мнением Троцкого[5].

---

[1] См.: ДСВ. Т. 1. С. 159.

[2] 28 ноября 1917 г. Союз защиты Учредительного собрания, созданный при участии центральных комитетов правосоциалистических партий, но без кадетов, организовал в Петрограде демонстрацию с требованием немедленного созыва «российской Конституанты». Около 40 депутатов прорвались в Таврический дворец. Они решили отложить официальное открытие Собрания до прибытия достаточного количества его членов, а до тех пор устраивать ежедневные частные заседания во дворце.

[3] См.: ДСВ. С. 161–162.

[4] Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). С. 149.

[5] См. там же. С. 150, 151, 156.

Левосоциалистическая оппозиция во ВЦИК 1 декабря выступила против такого подхода к решению проблемы. Фракция левых эсеров, полагая, что правительство не правомочно устанавливать кворум высшего представительного органа России, сделало официальный запрос в адрес Совнаркома. Численное преобладание во ВЦИК депутатов-большевиков позволило им утвердить условия открытия Собрания. Левые эсеры внесли и запрос о декрете правительства от 28 ноября. К запросу присоединились левые социал-демократы. Основной упор оппозиция делала не на признании или непризнании кадетской партии контрреволюционной, а на законности вмешательства большевиков в формирование депутатского корпуса Учредительного собрания, а также на нарушении принципа иммунитета его членов[1], но и по этому вопросу оппозиции не удалось добиться победы. Большинством голосов ВЦИК признал правомочность декрета от 28 ноября, выразив полную поддержку политике Совнаркома[2].

3 декабря 1917 года ЦК ПЛСР принял постановление, показавшее, что отношение партийного руководства к Учредительному собранию еще оставалось колеблющимся, но постепенно сближалось с позицией большевиков. Подчеркивалось, что позиция левых эсеров будет всецело зависеть от решения Собранием вопросов о мире, земле, рабочем контроле и от его отношения к Советам[3]. В совместной большевистско-левоэсеровской резолюции, одобренной II Всероссийским съездом крестьянских Советов, говорилось, что, если Собрание не признает права Советов на власть, ему будет оказано сопротивление[4].

Позиции же объединенных интернационалистов остались прежними. Лидеры фракции выступили в партийной печати с осуждением большевистской тактики как целенаправленной подготовки срыва Собрания[5]. Запрещение партии кадетов трактовалось как недозволенный прием борьбы с политическими оппонен-

---

[1] См.: Новая жизнь. 1917. 3 (16) декабря; Голос социал-демократа. 1917. 23 декабря. № 3-4. С. 22.

[2] См.: ДСВ. Т. 1. С. 171.

[3] См.: Известия Всероссийского крестьянского съезда. 1917. 5 декабря.

[4] См.: Знамя труда. 1917. 12 декабря.

[5] См.: Новая жизнь. 1917. 30 ноября (13 декабря); Голос социал-демократа. 1917. 3 декабря. № 1-2. С. 2.

тами. Требуя созыва Учредительного собрания в полном составе, объединенные интернационалисты призывали именно в нем дать бой буржуазии путем создания блока революционно-демократических партий и «образования однородного правительства», но, критикуя большевиков за целый ряд практических шагов, объединенные интернационалисты решительно отмежевывались от нападок правых социалистов на мероприятия Советской власти.

В обеих правящих партиях не было единодушия по вопросу о дальнейшей судьбе Учредительного собрания. Против его разгона в большевистской фракции Собрания высказывались члены фракционного бюро Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, В. П. Милютин, Ю. Ларин и др., рассматривавшие созыв «Конституанты» как кульминационный акт революции. По требованию Ленина ЦК РСДРП (б) переизбрал бюро фракции, которая 12 декабря обсудила и приняла ленинские «Тезисы об Учредительном собрании». В них подчеркивалось: лозунг «Вся власть Учредительному собранию!» стал теперь лозунгом буржуазной контрреволюции и ее пособников. Отсюда следовал вывод: большевики обязаны ставить интересы революции «выше формальных прав» Собрания»[1].

20 декабря Совнарком определил точную дату открытия Учредительного собрания — 5 января 1918 года «при наличии установленного кворума из 400 человек»[2]. Одновременно началась подготовка законодательной базы для недопущения каких-либо изменений в государственно-политической системе с началом работы Собрания. 22 декабря ВЦИК принял решение созвать 8 января 1918 года III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, а 15 января — III Всероссийский съезд крестьянских депутатов. По поводу Учредительного собрания еще раз подчеркивалось, что оно «сможет сыграть благотворную роль в развитии событий» только в случае безоговорочного признания Советской власти, поддержки ее внутри- и внешнеполитического курса[3].

3 января 1918 года ВЦИК голосами большевиков и левых эсеров принял еще два документа, сводивших фактически на нет властные полномочия Собрания. Во-первых, решено было сразу

---

[1] *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 35. С. 162–166.

[2] ДСВ. Т. 1. С. 266.

[3] См.: ДСВ. Т. 1. С. 277–278.

после его открытия ультимативно предложить депутатам принять «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», признававшую всю полноту власти в стране за Советами. Второй документ, подчеркивая, что «вся власть в Российской республике принадлежит Советам и советским учреждениям», предупреждал, что любая попытка с чьей бы то ни было стороны «присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваться как контрреволюционное действие» и подавляться всеми средствами «вплоть до применения вооруженной силы»[1].

5 января в Петрограде, Москве и ряде других городов состоялись манифестации сторонников Учредительного собрания, расстрелянные красногвардейцами и матросами. В тот же день левые эсеры, по договоренности с большевиками, покинули первое и последнее заседание «Учредилки». Оставшаяся в зале правосоциалистическая его часть так и не смогла воспользоваться моментом и перехватить законодательную инициативу у правящего блока. Ничего принципиально нового по сравнению с уже принятыми декретами Советской власти эсеры и меньшевики предложить не сумели. Борьба вокруг Учредительного собрания, в том числе для правых социалистов, во многом стала средством набирания политических «очков». В погоне за ними истинное предназначение «российской Конституанты» отступило на задний план.

6 января вопрос о дальнейшей судьбе Учредительного собрания обсуждался на заседании Совнаркома. Представители обеих правящих партий однозначно высказались за роспуск Собрания, но в подходах РСДРП (б) и ПЛСР к этой проблеме имелись тактические расхождения. Левоэсеровские наркомы предлагали избрать новый состав Учредительное собрания, а до тех пор передать власть Конвенту из левой части депутатов Собрания как временному органу революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян.

Большевики же рассматривали в качестве уже существовавшего органа революционно-демократической диктатуры ВЦИК Советов. Они считали достаточным опубликовать простое сообщение о роспуске Учредительного собрания без всяких комментариев о его дальнейшей судьбе. В основу принятого в этой связи проекта декрета была положена именно большевистская позиция.

[1] ДСВ. Т. 1. С. 324.

В ночь с 6 на 7 января упомянутый законопроект обсуждался во ВЦИК. Свое резко отрицательное отношение к нему и к роспуску Учредительного собрания высказала лишь фракция объединенных интернационалистов[1], оставшаяся, однако, в ничтожном меньшинстве. Большинством всех против 2, при 5 воздержавшихся, декрет о роспуске Учредительного собрания был принят[2].

Попытки объединенных интернационалистов (а также меньшевиков и правых эсеров) провести политическую кампанию за восстановление полномочий Учредительного собрания были предприняты на III Всероссийском съезде Советов (10–18 января 1918 года). Однако серьезной борьбы не получилось и здесь. Подавляющий численный перевес большевистских и левоэсеровских делегатов съезда (из 1 587 делегатов съезда почти 90 % были членами РСДРП (б) и ПЛСР) не позволил оппозиции добиться желаемого. Абсолютным большинством голосов съезд отверг резолюцию меньшевистской фракции о необходимости соглашения «всех социалистических партий для восстановления деятельности Учредительного собрания и создания власти, способной положить конец гражданской войне внутри демократии»[3]. Не получила поддержки и резолюция меньшевиков-интернационалистов, требовавшая возобновления работы Собрания и всенародного голосования по вопросу о перевыборах в него[4].

Делегаты поддержали большевистскую резолюцию, одобрявшую политику ВЦИК II созыва и Совнаркома[5]. Приняв «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», съезд санкционировал роспуск Учредительного собрания. Устранением приставки «временное» из официального названия правительства он узаконил его власть, приняв на себя функцию высшего представительного органа. Были изъяты аналогичные ссылки и на временный характер советского законодательства («впредь до Учредительного собрания»)[6].

---

[1] См.: Голос социал-демократа. 1918. 22 (9) февраля. С. 24.

[2] См.: ДСВ. Т. 1. С. 336.

[3] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 2. Л. 41.

[4] См. там же. Л. 41 об.

[5] См.: Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Петроград, 1918. С. 93.

[6] См.: ДСВ. Т. 1. С. 557.

Левоэсеровские делегаты на съезде очень определенно выразили свое отношение к Собранию: Б. Ф. Малкин не усомнился в законности роспуска высшего представительного органа; М. А. Спиридонова с сожалением констатировала виновность и правых, и левых эсеров в том, что призывали народ «видеть в Учредительном собрании своего спасителя», «венец революции». III съезд Советов она назвала «Учредительным собранием трудового народа», а Советы — «надежной и единственной защитой подлинных интересов трудовых масс»[1].

Все это свидетельствует о том, что в начале 1918 года в вопросе о власти ПЛСР окончательно перешла на большевистские позиции, безоговорочно подтвердив приоритет Советов над общенациональным представительным органом. Частично ответ на вопрос о причинах столь тесного сближения взглядов руководства двух правящих партий на одну из основных проблем революции дал член ЦК ПЛСР П. П. Прошьян на II съезде партии (апрель 1918 года). Он отметил, что вхождение представителей ПЛСР в правительство, когда им пришлось на практике столкнуться с массой острейших проблем, совершенно изменило понимание левыми эсерами их сути (в том числе в вопросе о роли и судьбе Учредительного собрания)[2]. Еще одна важнейшая, по нашему мнению, причина состояла в том, что в союзе с большевиками в рамках советской системы левые эсеры получили реальную возможность провести в жизнь основные положения своей партийной программы. В Учредительном собрании такая возможность была для них более чем сомнительной. Без достаточного представительства в Собрании левые эсеры вряд ли могли рассчитывать на принятие им законопроекта о земле, разработанного Наркоматом земледелия (во главе с членом ПЛСР А. Л. Колегаевым) и имевшего существенные отличия от эсеровского проекта. А на III съезде Советов основная часть левоэсеровского проекта декрета о социализации земли была поддержана большевиками и принята без прений[3].

Сближение взглядов большевиков и левых эсеров на основные проблемы государственно-политической жизни чрезвычайно

[1] Третий Всероссийский съезд Советов. С. 43, 45–46.

[2] См.: Знамя борьбы. 1918. 21 апреля.

[3] См.: ДСВ. Т. 1. С. 419.

ослабило конструктивную левосоциалистическую оппозицию большевизму во ВЦИК. Практически ее роль здесь продолжали играть только левые социал-демократы, но во-первых, они не имели достаточно широкой социальной базы, а во-вторых, в силу своей крайней малочисленности во ВЦИК[1], без поддержки левых эсеров, они потеряли возможность серьезно воздействовать на политику Советской власти.

Таким образом, в судьбе Учредительного собрания была окончательно поставлена точка. Время для консолидации общества, установления гражданского мира парламентским путем оказалось к январю 1918 года безвозвратно потерянным. Любая примирительная линия была заранее обречена на провал.

УДК 340.15

Давидов Д. С.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Метамодерн правосудной системы Израиля: исторические предпосылки баланса правовой системы

На сегодняшний день правосудная система Израиля представляется одной из древнейших. Претерпев массу преобразований, адаптаций применительно к различным типам и формам государственности, за долгий период своего существования правосудная система, с одной стороны, сохранила некоторые элементы, сложившиеся еще в эпоху премодерна, а с другой стороны, вобрала в себя множество самых различных механизмов,

[1] Во ВЦИК III созыва было избрано 160 большевиков, 125 левых эсеров, два объединенных интернационалиста, три анархиста-коммуниста, семь эсеров-максималистов, семь правых эсеров и два меньшевика. См.: *Ионкина Т. Д.* Всероссийские съезды Советов в первые месяцы пролетарской диктатуры. Москва, 1974. С. 95.

© Давидов Д. С., 2023

подсистем, традиций, правил и т. д. из эпох модерна и постмодерна. В связи с этим актуален вопрос о соотношении и стабилизации всех этих разнородных элементов в одной системе, обладающей собственной логикой, отличной от логики правовых систем модерна и постмодерна. Понимание этого вопроса важно как с теоретических позиций, так и с точки зрения практики. Ведь российская правовая и судебная системы (как и правовая культура в целом) также являются результатом синтеза множества разнообразных элементов, которые не всегда хорошо согласуются[1]. Именно поэтому опыт такого согласования в рамках более пестрой по своей структуре системы представляет научный интерес.

Правовая система Израиля сложно структурирована. Она сочетает в себе, по сути, несколько автономных правовых подсистем, в том числе правосудных систем. Причиной этому послужила непростая история еврейского народа, социальные институты которого (в том числе объективирующие правосудие) формировались в разное время и в составе порой совсем отличных друг от друга государств. Не менее проста история становления Израиля как самостоятельного современного государства, пришедшаяся на период постмодерна — вторую половину XX в. Основание государства Израиль повлекло изменения системы еврейского права и правосудия, практики их реализации. Некоторые архаичные элементы были элиминированы, в то время как другие получили развитие. Так, на сегодня в Израиле параллельно функционирует несколько судебных юрисдикций. Применяется для регламентации общественных отношений еврейское классическое право.

История еврейского права и суда насчитывает более трех тысячелетий. Они основываются на иудейских религиозных текстах, Галахе (иудейском религиозном праве), которые выражают различные социальные нормы — правовые, религиозные, морально-этические, находящиеся в тесной взаимосвязи. В своих истоках еврейское право и суд схожи с аналогичными системами Древнего Востока — древнеаккадского города-государства Эшнунна (1900 год до н. э.), Древнего Вавилона (в частности Законы царя

[1] См. Правосудное будущее: 5 важных тенденций развития // Верховный суд Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/mass_media/31167/ (дата обращения: 11.05.2023).

Хаммурапи XVIII век до н. э.), Ассирии (1400–1110 годы до н. э.), Хеттского государства (1400–1300 годы до н. э.), Ново-Вавилонского царства (VI век до н. э.)[1]. С падением еврейской государственности еврейское право не прекратило своего существования и продолжало существовать и развиваться в контексте различных государств, на территории которых проживали еврейские общины[2]. Они были вынуждены встраиваться в соответствующую социально-культурную среду, взаимодействовать с представителями самых разных народов, конфессий, идеологий и т. д., по отношению к которым еврейская правовая традиция в силу исторически объективных причин не могла являться доминирующей.

До 1918 года территория современного Израиля принадлежала Турции, поэтому местное право складывалось в контексте правовой системы Османской империи, представленной франко-исламским правом, обычным правом и государственным законодательством. С одной стороны, это обеспечило традицию гармоничного сочетания правовых, религиозных и морально-нравственных предписаний, поскольку структурно такое сочетание предполагается семьей мусульманского права[3]. С другой стороны, сложились все предпосылки сохранения правовой архаики — высокой степени казуистичности регулирования, слабой системности, неравновесного правового положения различных социальных групп.

В 1922 году Великобритания от Лиги наций получила мандат на управление территорией Палестины и до 1948 года английское общее право, более гибко обеспечивая потребности хозяйственно-экономического развития региона, сильно потеснило исламское право. С большой волной переселения евреев (как религиозных, так и вполне светских) в Израиль также пришло и еврейское религиозное право, став значимым фактором всей правовой жизни страны. Вместе с тем следует отметить, что в результате сионистского движения еврейские общины переселялись на террито-

[1] *Кащенко С. Г., Таран П. Е.* Право в Древнееврейском государстве // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». Т. 27 (66). 2014. № 4. С. 9–14.

[2] *Грубарг М.* Основные элементы учения иудаизма о государстве и праве // Государство и право. 2002. № 5. С. 93.

[3] *Давид Р.* Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. Москва, 1988. С. 384–387.

рию Израиля на протяжении XIX в. Они состояли преимущественно из ортодоксальных евреев, которые руководствовались в правосудной сфере религиозными нормами еврейского права. Эти общины были в числе первых, кто обеспечил воспроизводство правосудной практики на основе еврейского права. Таким образом, правосудная система современного Израиля опирается на разнородные по своему содержанию нормы, многие из которых сохранились по сей день, будучи реципированными из правовой системы Османской империи, законов времен мандата и английского общего права, еврейского религиозного права. К ним же следует добавить другие нормы — вполне светские рационализированные нормы позитивного права, принятые законодательно с 1948 года и получившие развитие в практике израильских, а также широкое распространение в правовой жизни.

В результате непростой и нелинейной истории развития правосудная система Израиля приобрела качество мозаичности (раздробленности). Сегодня это выражается в том, что в отношении различных категорий населения действуют разные судебные инстанции. Например, ортодоксальные евреи подчиняются системе религиозных судов — Бейтдин, а нерелигиозные (светские) члены общества находятся под ведомством мировых, окружных, верховного и особых судов.

Существуют суды по вопросам личного статуса для евреев (суды раввинов), для христиан (церковные суды), мусульман (шариатские суды) и для друзов. Сохранение подобного рода судов — элемента правосудной систем премодерна, с одной стороны, и установление светской модели государства, основанной на достижениях западноевропейской рациональной политической традиции, провозглашение либерально-демократических ценностей, прав и свобод с другой стороны, привело к тому, что «отцы-основатели» были вынуждены уравновесить данный дисбаланс в отношении иных этносов и религиозных групп. На наш взгляд, это является не столько проявлением «демократизма» правосудной системы Израиля, сколько свидетельствует о том, что суд авторитетен в принципе. При мозаичности правового сознания израильского общества суд выступает легитимным авторитетным субъектом, обеспечивающим конвенциональное решение самых острых юридических конфликтов, то есть в правовой идеологии Израиля ярким выразителем идеи

справедливости является судебная практика[1]. Действительно, суд — главный авторитет поликультурного и многоконфессионального народа, который обрел государственность после более двух тысяч лет «негосударственного» периода еврейского общества.

Подобная модель идеологического позиционирования суда как субъекта создания «замиренной среды»[2] имеет место и в странах семьи общего права, особенно США. Однако, во-первых, она не выражена столь ярко, а во-вторых, не опосредована религиозным и морально-нравственным содержанием.

Безусловным достоинством и одновременно отражением метамодерна современной правосудной системы Израиля является опора на ценностно-нормативную среду различных групп населения. Отсутствует постановка вопроса о создании единой ценностной системы, которая задаст идеологические ориентиры, способные стать объединяющим началом для мозаичного общества (вопрос, актуальный для государства модерна). Нет и строгого противопоставления нормам права и норм морали, хотя в рамках тех или иных социальных групп израильского общества предпочтительными являются аутентичные для данной группы моральные и религиозные нормы. Например, брачно-семейные отношения евреев регулируются религиозными нормами, а споры и конфликты в этой сфере разрешаются раввинатскими судами (в Израиле отсутствует отрасль светского законодательства, регулирующая брачно-семейные отношения). Более того, раввинатские суды в своих решениях в указанной сфере во многом независимы даже от Верховного суда страны. Объясняется это тем, что никто не вправе отменить или изменить религиозные акты и нормы, поскольку не они их устанавливали и не им решать вопрос об их целесообразности. Единственное, что может здесь сделать Верховный суд, так это «рекомендовать судам, в том числе и религиозным, воздерживаться от применения той или иной нормы»[3]. Смешанные браки за-

[1] Идея справедливости как одна из антиномий идеи права. См.: *Радбрух Г.* Философия права / пер. с нем. Ю. М. Юмашева. Москва, 2004. С. 86.

[2] См.: *Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. Москва, 2002.

[3] *Барак А.* Судейское усмотрение / вступ. ст. М. В. Баглая. Москва, 1999. С. 135–136.

прещены, но при этом признаются смешанные браки, заключенные за рубежом. В связи с этим многие специально выезжают за рубеж, чтобы зарегистрировать свои брачные отношения. Государство же признает такие браки, руководствуясь принципом целесообразности.

Конечно, в качестве негативной черты данной системы можно привести нарушение принципа формального равенства всех перед законом, что противоречит основам правового государства (равенство всех перед законом), однако принцип равенства не должен трактоваться слишком абстрактно, метафизически. В ином случае следует признать различие в правовых статусах между договаривающимися сторонами (например, покупатель и продавец) нарушением принципа формального равенства, что, очевидно, неверно. Как принцип формального равенства не означает тотальную «уравниловку», так и специальные правосудные режимы в правовой системе Израиля призваны обеспечить баланс различных социальных интересов, учет особенностей истории и образа жизни различных групп населения.

Для правовой системы Израиля правосудная система играет особую роль, поскольку еврейский народ долгое время не имел собственного государства, а суд и право при этом существовали. Так, на протяжении многих столетий судьи еврейских общин были не только правоприменителями, но и «законодателями». В этой связи суд не ассоциируется с государством и находится за пределами непосредственно государственной власти, причем не только в решении религиозных вопросов, но и всех остальных, поэтому правосудная система Израиля — это именно система воспроизводства справедливого в социальном смысле правосудия, а не система государственного судопроизводства, где ценность справедливости затмевается ценностью поддержания порядка (формальное снятие конфликта).

Венчает правосудную систему Израиля Верховный суд Израиля, или Высший суд справедливости, под юрисдикцией которого находится вся территория государства и все виды судов. Помимо высшего положения в судебной системе Израиля (это характерно практически для всех аналогичных органов судебной власти), он обладает полномочиями контроля над органами и исполнительной власти, а также отличается активной законода-

тельной судебной политикой[1]. Прецеденты, создаваемые именно Верховным судом Израиля, признаются официальным источником права. Такое положение Верховного суда Израиля позволяет стабилизировать правосудную систему не только организационно, но и прежде всего идеологически, хотя известны случаи и непопулярных решений Верховного суда[2].

В контексте правосудной системы России, история которой сильно отлична от истории Израиля, преобладающей силой всегда было государство, а суд не играл роль консолидирующего фактора. Отсюда, как представляется, проистекает и множество пренебрежительных русских народных высказываний и поговорок о суде. В связи с этим балансировка разнородных интересов производится не посредством правосудной системы, а через государство. Доминирующей же правовой идеей, выражающейся в практике отечественных судов, обычно является идея порядка, а не справедливости[3]. Таким образом, использование в России положительного опыта построения и организации правосудной системы и правовой системы Израиля, выражающегося прежде всего в легитимации существующего государственного порядка (государство не притязает на господство над судом) и законодательства, возможно только при качественном реформировании всей судебной системы.

Таким образом, правосудная система Израиля уникальна в силу исторических причин, обусловивших ее дистанцированность от механизма государства и системы права, использование наряду с нормативным актом таких источников права, как религиозные тексты, судебный прецедент, сочетание культурно специфических правил и метакультурных правовых норм, порожденных развитием общества модерна. Важно то, что эта система очень функциональна. Подобно правовым системам государств премодерна, в правосудной системе Израиля важную роль играет система морально-нравственных и религиозных координат, сочетающихся с классическими концептами

---

[1] См.: *Даниелян А. С.* Роль и значение Верховного суда Израиля в организации и функционировании национальной правовой системы // Право и политика. 2017. № 3. С. 87, 91.

[2] См. там же. С. 91.

[3] См.: *Радбрух Г.* Философия права / пер. с нем. Ю. М. Юмашева. Москва, 2004. С. 86–87.

эпохи модерна: правовым государством, парламентаризмом, системой разделения ветвей власти, рационализированной политико-правовой традицией и юридической техникой, доминированием в системе законодательства светского закона. В «негосударственный» период существования еврейского общества раввинские суды всегда были «рядом», а государство, в которое встраивались эти общины, было «далеко», оно воспринималось еврейскими общинами как внешняя и чаще всего враждебная сила, поэтому еврейские суды и в целом суды Израиля мало зависят от государства, а в идеале вообще позиционируются как находящиеся вне государства. Это является следствием сохранения и воспроизводства правовых традиций еврейского общества эпохи премодерна (традиционного общества).

УДК 34

Давыдова М. Л.,
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета

Оптимальное регулирование и умное регулирование: к вопросу о соотношении[1]

В обыденной речи понятие «оптимизация» часто используется как эвфемизм сокращения. Формулировки типа «оптимизировать штатную численность», «оптимизировать расходы» однозначно воспринимаются в таком ключе. В этом смысле к оптимизации законодательства или правового регулирования ближе всего идея регуляторной гильотины как наиболее обсуждаемого сегодня механизма сокращения избыточного нормативного массива, актуальность которого подтверждается и научными исследо-

[1] Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484. URL: https://rscf.ru/project/21-18-00484/ (дата обращения: 15.05.2023).

© Давыдова М. Л., 2023

ваниями[1], и действующими нормативно-правовыми актами[2]. На недифференцированное сокращение количества нормативно-правовых актов направлен мораторий на правотворчество, не получивший пока поддержки законодателя, но часто рассматриваемый в теории[3].

В более строгом научном смысле оптимизация понимается как синоним улучшения. Словари определяют ее как: «1) выбор наилучшего варианта решения из множества возможных (имеется в виду анализ состояния исследуемой системы с точки зрения критерия оптимальности. Поиск «оптимума» и называется оптимизацией); 2) процесс приведения системы в наилучшее состояние (в ходе оптимизации максимизируются выгодные характеристики и минимизируются расходы)»[4]. Такое значение термина сближает его с понятием умного регулирования, под которым в настоящее время, как правило, понимается достижение наиболь-

---

[1] *Кнутов А. В., Плаксин С. М., Синятуллин Р. Х., Чаплинский А. В.* «Регуляторная гильотина» в России и ее количественные результаты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 2. С. 4–15; *Ступникова О. Е.* «Регуляторная гильотина»: механизмы реализации, итоги, перспективы // Вестник экспертного совета. 2022. № 1 (28). С. 22–27.

[2] Об обязательных требованиях в Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 года № 247-ФЗ (ред. от 24.09.2022); Об утверждении перечня нормативных правовых актов и групп нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов, отдельных положений нормативных правовых актов и групп нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, правовых актов, отдельных положений правовых актов, групп правовых актов исполнительных и распорядительных органов государственной власти РСФСР и Союза ССР, решений Государственной комиссии по радиочастотам, содержащих обязательные требования, в отношении которых не применяются положения частей 1, 2 и 3 статьи 15 Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»: постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 года № 2467 (ред. от 04.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 21, ч. II, ст. 471.

[3] См.: *Сехин И. В.* Недифференцированное сокращение нормативного массива как элемент дебюрократизации правового регулирования общественных отношений в сфере экономики // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2019. № 6. С. 169–175.

[4] URL: https://neftegaz.ru/tech-library/economy/146658-optimizatsiya/ (дата обращения: 15.05.2023).

шего регулятивного эффекта с наименьшими издержками, материальными, кадровыми, временными и пр.[1]

«В зависимости от критериев оптимальности различают оптимизацию векторную, многокритериальную и стохастическую»[2]. В первом случае направление усилий по совершенствованию объекта четко выражено, а результатом должно стать устранение или исправление конкретного недостатка системы. В последнем — наоборот, набор улучшений является случайным, заранее непродуманным, что, соответственно, может привести к плохо предсказуемым результатам. Многокритериальная оптимизация направлена на улучшение целого ряда параметров системы, но выбор их осуществляется не в случайном порядке, а в соответствии с четко продуманной программой. Такая оптимизация должна быть основана на понимании закономерностей развития системы, факторов, на нее влияющих, а главное — механизмов действия каждого из используемых инструментов, что позволяет обеспечить прогнозируемый положительный эффект. По большому счету умное регулирование можно представить именно как *многокритериальную оптимизацию* правового регулирования.

Рассматривая существующие рекомендации по умному регулированию в контексте понятия «оптимизация», целесообразно выделить как минимум два критерия ее осуществления: формальный и содержательный.

Формальная оптимизация нормативно-правового массива, в отличии от простого сокращения его объема, подразумевает повышение его качества, замену устаревших актов актуальными, кодификацию, а также использование иных инструментов, направленных на поддержание системности, функциональности всей совокупности действующих источников права[3]. К примеру, законодательство с заранее установленным сроком действия (*«sunset legislation»*)

---

[1] См.: *Давыдова М. Л.* «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 14–29.

[2] URL: https://neftegaz.ru/tech-library/economy/146658-optimizatsiya/ (дата обращения: 20.05.2023).

[3] Некоторые такие инструменты систематизированы в исследовании И. А. Усенкова. См.: *Усенков И. А.* Стабильность законодательства Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: монография / под науч. ред. М. Л. Давыдовой. Москва, 2022.

предполагает регулярную проверку эффективности нормативных правовых актов и автоматическое прекращение их действия после установленного срока, но только в случае, если такая эффективность не подтверждается. Таким образом система избавляется от устаревших или не оправдавших себя правотворческих решений, сохраняя эффективно работающие. Похожую роль играет принцип регулярности пересмотра законодательства, устанавливающий периодичность проведения оценки действующих нормативно-правовых актов. Одновременно такой подход обеспечивает определенный уровень стабильности законодательства, так как, если прямо и не запрещает, то снижает вероятность внесения изменений в нормативные акты вне установленных сроков пересмотра. Ярким примером оптимизации законодательства является правило отмены соразмерного требования (*«one-in, one-out»*), согласно которому введение новой правовой нормы должно обязательно включать отмену нормы ранее действовавшей, а иногда и нескольких (*«one-in, x-out»*)[1].

Ряд таких положений, направленных на оптимизацию регулятивной среды, закреплен федеральным законом «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»[2]. Так, часть 1 статьи 3 этого закона предусматривает, что положения нормативных актов, устанавливающих обязательные требования, должны вступать в силу либо с 1 марта, либо с 1 сентября соответствующего года, но не ранее чем по истечении 90 дней после дня их официального опубликования. Тем самым не только ограничивается количество вносимых изменений, но и обеспечивается их планомерность и предсказуемость. Согласно частям 4–5 статьи 1 срок действия подзаконного нормативного акта, устанавливающего обязательные требования, не может превышать 6 лет, а в случае положительной оценки его действия может быть продлен не более чем на 6 лет. Статьей 15 данного закона предусмотрена «регуляторная гильотина» — отмена всех устанавливающих обязательные требования нормативных правовых

[1] See: *Trnka D., Thuerer Y.* (2019) One-in, x-out: regulatory offsetting in selected OECD countries: OECD Regulatory Policy Working Papers, OECD Publishing. Paris. Vol. 11. P. 18.

[2] Об обязательных требованиях в Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 года № 247-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 21, ч. II, ст. 471.

актов, вступивших в силу до 1 января 2020 года. Смысл подобной ревизии заключается в освобождении системы от множества устаревших, недействующих, «лишних» актов.

Безусловно, для всех приведенных положений в законе предусмотрены исключения, иногда существенно снижающие их оптимизационный потенциал. На акты, связанные с вопросами обороны, безопасности, предупреждения террористических актов, предотвращения угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, эпидемий, эпизоотий, техногенных аварий и катастроф, установленные законом ограничения на введение обязательных требований не распространяются. С одной стороны, мотивы установления данных исключений выглядят вполне обоснованными, но с другой — очевидно, что значительная часть обязательных требований так или иначе направлена на предотвращение различных опасностей, а значит, под исключения может попасть слишком большое их количество, что сведет на нет эффект оптимизации нормативного массива.

Помимо формальных критериев качества законодательства (объем, непротиворечивость, стабильность, доступность и удобство использования), важную роль играет его содержательная характеристика, то есть оптимальный выбор средств правового регулирования. В первую очередь речь идет о разумном балансе прав, запретов и обязываний, о соразмерности ответственности, достаточности правил, отсутствии зарегулированности и т. п.

Идея подбора регулятивных средств, обеспечивающая оптимальное, наиболее эффективное их сочетание, является одной из центральных в концепции умного регулирования. Нил Ганнингем (Neil Gunningham) и Даррен Синклер (Darren Sinclair) среди принципов умного регулирования выделяют принцип сочетания нескольких инструментов, который заключается в том, что правильно подобранная комбинация средств может существенно повысить эффективность их действия, тем самым открывая новые возможности, в то время как использование несочетаемых инструментов оказывается контрпродуктивным[1].

[1] *Gunningham N. and Sinclair D.* 2017. Smart Regulation. In book: Regulatory Theory. Foundations and applications. Ed. by Peter Drahos, Canberra, Australia. P. 133–148. DOI: 10.22459/RT.02.2017.08. URL: http://press-files.anu.edu.au/downloads/press/n2304/pdf/ch08.pdf (дата обращения: 20.05.2023).

Так, широкая дискуссия ведется вокруг такого регулятивного инструмента, как подталкивание, заимствованного правом из поведенческой экономики[1]. С одной стороны, этот метод настолько популярен в политике многих современных государств[2], что его иногда начинают рассматривать как универсальную замену традиционным средствам правового воздействия (запретам, санкциям и другим средствам «прямого» регулирования)[3]. С другой стороны, у данного подхода есть и авторитетные критики. В отчете Специального комитета по науке и технологиям Палаты лордов в 2010 и 2011 годах указывалось, что практика подталкивания подрывает концепцию человеческого достоинства по крайней мере двумя способами: во-первых, снимая с правительства ответственность за то, чтобы использовать другие, более эффективные инструменты регулирования; и, во-вторых, сокращая возможности для общественного обсуждения и демократического дискурса в пользу непрозрачной, технократической манипуляции[4]. Многие авторы считают, что подталкивание вредит политике, так как снижает мотивацию определяющих ее лиц к принятию более строгих и эффективных решений. У политиков возникает соблазн, не портить отношения с избирателями и ограничиться более мягкими мерами, избегая неудобных для общества решений даже там, где они необходимы[5].

Представляется, что гораздо эффективнее может оказаться не выбор между более жесткими и более мягкими мерами, а их

---

[1] *Талер Р., Санстейн К.* Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / пер. с англ. Е. Петровой; [науч. ред. С. Щербаков]. Москва, 2017. (2008 Richard H. Thaler and Cass R. Sunstein. Originally published by Yale University Press).

[2] OECD (2017) Behavioural insights and public policy. Lessons from around the World. OECD Publishing, Paris. URL: https://doi.org/10.1787/9789264270480-en (дата обращения: 20.05.2023).

[3] *Sunstein C.* Why Nudge?: The Politics of Libertarian Paternalism. Yale University Press, 2014.

[4] House of Lords, Science and Technology Select Committee, 2nd Report of Session 2010-12, Behaviour Change, Report, HL Paper 175, July 2011.

[5] *Teichman D., & Zamir E.* (2021). Normative Aspects of Nudging in the International Sphere. AJIL Unbound, 115, 263-267. doi:10.1017/aju.2021.35. URL: https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/article/normative-aspects-of-nudging-in-the-international-sphere/7C9AEDE053B65B4C1328FBC25DF8C409 (дата обращения: 20.05.2023).

сочетание, так как «подталкивание и поощрение являются неотъемлемой частью (а не заменой) формальных правил современного общества»[1].

К примеру, в решении проблемы утилизации отходов перед государством может встать вопрос о выборе приоритетов своей политики: сосредоточить ли внимание на создании удобной системы утилизации отходов, «подталкивающей» к соблюдению экологического законодательства, или на введении жестких санкций и других ограничительных мер для нарушителей. Очевидно, сама постановка вопроса о выборе в данном случае не позволит эффективно решить поставленную задачу. Удобная, но не поддерживаемая строгими императивными требованиями система утилизации вряд ли обеспечит изменение устоявшихся массовых моделей поведения. В то же время жесткие санкции в условиях отсутствия работающей системы утилизации, делающей законопослушное поведение удобным и естественным для людей, приведут лишь к росту коррупции и общественного недовольства. Эффективное решение проблемы возможно, таким образом, именно при совмещении подталкивания с традиционным регулированием.

Подбор и сочетание регулятивных мер — содержательная оптимизация правового регулирования, как представляется, выступает более значимым элементом рассматриваемой концепции, чем формальная или количественная оптимизация законодательства. Важно при этом учитывать все критерии оценки последнего, способные повлиять на качество и эффективность правового регулирования.

В целом можно сделать вывод о том, что понятие оптимизации вполне корректно отражает суть умного регулирования, хотя и не может заменить его в качестве научного термина. Как любое слово, получившее широкое распространение в русском языке, оно используется в разных значениях, что не обеспечивает строгости и однозначности научной терминологии.

---

[1] *Krawiec J. M., Piaskowska O. M., Piesiewicz P. F. et al.* Tools for public health policy: nudges and boosts as active support of the law in special situations such as the COVID-19 pandemic. Global Health 17, 132 (2021). URL: https://doi.org/10.1186/s12992-021-00782-5 (дата обращения: 20.05.2023).

УДК 348

Ерохина Ю. В.,
кандидат юридических наук, доцент, руководитель Центра исследований права и культуры, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Государственного академического университета гуманитарных наук (г. Москва)

Рациональное и иррациональное в церковном праве

Актуальность заявленной темы обусловлена активно ведущейся на современном этапе дискуссией по вопросам церковного права, что нашло отражение во множестве научных работ[1].

[1] См., например: *Баган В. В.* Преподавание церковного права в светских учебных заведениях Российской империи: история зарождения // Вопросы теологии. 2022. Т. 4. № 4. С. 693–707; *Белякова Е. В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. Москва, 2004; *Вишневский А. А*. Каноническое право: пути служения: сравнительно-правовые очерки. Москва, 2020; *Волужков Д. В*. Отдельные вопросы церковного права в сравнении с правом светским // Вестник Исторического общества. 2019. № 1 (3). С. 167–172; *Гаранова Е. П.* Церковное право и российская правовая система: монография. Кострома, 2007; *Дорская А. А*. Церковное право как предмет научной дискуссии: основные направления изучения церковно-правовых вопросов в постсоветский период // Христианское чтение. 2018. № 1. С. 134–143; *Ерохина Ю. В*. Церковный суд в России: взгляд правоведа // Вопросы теологии. 2020. Т. 2. № 2. С. 315–340; *Задорнов А., прот*. Interpretatio как актуальная проблема канонического права // Сретенский сборник № 7–8. Москва, 2017/2018. С. 151–177; *Марченко М. Н*. Правовые системы современного мира. Москва, 2009; *Оспенников Ю. В.* Актуальные проблемы изучения церковного права (промежуточные итоги работы Барсовского общества) // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 180–198; *Оспенников Ю. В., Гайденко П. И.* Церковный суд на Руси XI–XIV веков. Исторический и правовой аспекты: монография. Санкт-Петербург, 2020; *Сорокин В. В*. Право и православие: монография. Барнаул, 2007; *Цыпин В., прот.* Каноническое право. Москва, 2012; *Чумакова Л. П*. Религиозное право как элемент правовой системы // Актуальные проблемы правоведения на современном этапе. Новосибирск, 2004; и др.

© Ерохина Ю. В., 2023

Роль Русской православной церкви и ее влияние на общественную жизнь в современной России неуклонно возрастают, что отражено, например, в преамбуле Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»[1]: «…признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры…». При возрастающем интересе к проблематике церковного права выбранная для исследования тема «Рациональное и иррациональное в церковном праве» отличается все еще недостаточной разработанностью в современной отечественной юридической науке. По мнению А. М. Осавелюка и Н. Д. Эриашвили, с которым сложно не согласиться, «церковное право в течение столетий являлось государствообразующей системой российского права и до сих пор сохраняет значительные масштабы своего практического применения и высокое качество социального регулирования»[2]. В настоящее время церковное право является действующей нормативной регулятивной системой в рамках Русской Православной Церкви, самой крупной автокефальной поместной православной церковью в мире. Принцип экстерриториальности Русской Православной Церкви подтверждается нормативными положениями Устава Русской Православной Церкви: «Юрисдикция Русской Православной Церкви простирается на лиц православного исповедания, проживающих на канонической территории Русской Православной Церкви: в России, Украине, Белоруссии, Молдавии, Азербайджане, Казахстане, Киргизии, Латвии, Литве, Таджикистане, Туркмении, Узбекистане, Эстонии, а также на добровольно входящих в нее православных, проживающих в других странах»[3].

Взгляд на основания церковного права через категории «рациональность» и «иррациональность» позволяет раскрыть важнейшие аспекты, связанные с действием церковного права, а

[1] Российская газета. 1997. 1 октября.

[2] *Осавелюк А. М., Эриашвили Н. Д.* Особенности содержания и структуры церковного права // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 11. С. 31.

[3] Устав Русской православной церкви. URL: http://www.patriarchia.ru/db/document/133114/ (дата обращения: 21.04.2023).

именно его специфику. Учеными, занимающимися исследованиями церковного права, и учеными, изучающими вопросы рационального и иррационального в праве, предпринимаются неоднократные попытки выявить основания церковного права, рассмотреть эту многогранную проблему[1]. Следует отметить эпистемологические и методологические вопросы, которые неизбежно возникают при анализе обозначенных аспектов. Это связано с взаимными заимствованиями научных концепций, затрагивающих различные дисциплины (теология, юриспруденция, социология, антропология, политология и др.), при изучении проблематики, сосредоточенной на отношениях между правом, религией и обществом, что вызывает смешение методов и понятий, приводящее к путанице. При этом следует учитывать дисциплинарное разграничение понятий, относящихся к области церковного права. В учении Б. А. Кистяковского довольно подробно излагаются тезисы о соотношение рационального и иррационального в праве[2]. Эти классические для теории права положения вполне возможно учитывать при анализе рационального и иррационального в церковном праве.

В настоящем исследовании при соотношении светского и церковного права мы используем логические категории «общее –

---

[1] См.: *Денисенко В. В.* Иррациональные и рациональные правовые системы и легитимация в них закона // Правоведение. 2014. № 4 (315). С. 30–43; *Исаев И. А*. Власть и закон в контексте иррационального. Москва, 2006. С. 412; *Его же.* Грех и закон: тайные связи // История государства и права. 2013. № 12. С. 2–7; *Его же.* Иррациональное в рациональном: приход «современного» права // История государства и права. 2013. № 16. С. 2–9; *Его же.* Теневая сторона закона. Иррациональное в праве: монография. Москва, 2015; *Калинина Е. Ю.* «Суды Божии» как иррациональный компонент в средневековом праве Руси и Европы (на примере Испании). Очерк сравнительного правоведения // Палеоросия. 2015. № 4. С. 54–70; *Кускарова О. И.* Понятие иррационального в философии // Вестник ОГУ. 2007. № 7. С. 123–127; *Сушкова Ю. Н.* Рациональное и иррациональное в обычно-правовом обеспечении хозяйственной жизни российского крестьянства (на примере мордвы) // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 7. С. 13–17; *Тухватулина Л. А*. Рациональность в праве: подход Н. Лумана // Epistemology & Philosophy of Science. 2017. № 4. С. 175–190; и др.

[2] См.: *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. Санкт-Петербург, 1998. С. 211–221.

частное», отличая категории «общее – частное» («род – вид») и «целое – часть». И общее, и частное на сущностном уровне идентичны, отличия касаются лишь дифференцированной внешней формы. Из этого следует, что общее содержится в частном, но частное всегда полнее, детальнее, нежели общее. Учитывая, что Русская Православная Церковь выводит свое право из положительных откровений Божественной воли и на ее основе утверждает обязательную силу своих собственных предписаний, становится вполне очевидным, что церковное право есть особенная, самостоятельная система права, которую нельзя отнести ни к частному, ни к публичному, ни к государственному праву и которую вместе с ними можно рассматривать как высшее понятие о праве вообще. В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви закреплено, что «в Церкви, созданной Господом Иисусом, действует особое право, основу которого составляет Божественное Откровение. Это право каноническое»[1]. Таким образом, первооснования церковного права остаются неизменными на все времена для всей церкви. При разделении на внутреннее и внешнее церковное право его цель состоит в регулировании, во-первых, именно жизнедеятельности церкви, во-вторых, взаимоотношений церкви и государства, а также церкви и других общественных образований.

Методология исследования опирается на телеологический принцип при изучении церковного права, что приводит к необходимости разграничить юридико-догматический и научно-теоретический подходы. Первый подход позволяет описывать понятия церковного права, придавая им формальный характер. Например, судебная система в Русской Православной Церкви устанавливается священными канонами, Уставом Русской Православной Церкви и Положением о церковном суде Русской Православной Церкви[2], где закрепляются основные принципы, понятия и категории церковного судопроизводства. Однако этот подход обнаруживает определенные ограничения в изучении церковного

[1] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html (дата обращения: 18.04.2023).

[2] Положение о церковном суде Русской Православной Церкви. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5082532.html (дата обращения: 18.04.2023).

права в процессе его функционирования и развития. Целесообразно использовать описательные методы догматической юриспруденции в комплексе с интерпретационными методами механизма церковно-правового регулирования, конечно, с учетом специфики церковного права[1].

Настоящее исследование рационального и иррационального в церковном праве ограничивается анализом логически рациональных и иррациональных элементов церковного права, так как именно этот аспект соотношения рационального и иррационального лежит в основании всякого анализа этих категорий. В свою очередь Б. А. Кистяковский предлагал рассматривать рациональное и иррациональное в праве наряду с логически рациональным и иррациональным в праве, а также технически рациональное и иррациональное (целесообразное и нецелесообразное); этически рациональное и иррациональное (доброе и злое); философско-исторически рациональное и иррациональное (осмысленное или бессмысленное)[2].

Несмотря на то, что рациональность в целом воспринимается положительно, в то время как иррациональность, выступая антитезой, в большей степени считается недостатком, тем не менее определить эти термины применительно к церковному праву непросто. Так, рациональность в узком смысле означает формальную логику, включая процессы дедукции и индукции, редукции и пр. Этот способ рассуждения требует линейного мышления, в котором один тезис неизбежно вытекает из предыдущего.

Рассмотрим основные аспекты рациональности применительно к церковному праву на некоторых примерах современной реализации церковного права.

Во-первых, решения церковных судов основаны на аргументированных доводах, а не на принуждении или обязательстве. Решение церковного суда должно соответствовать священным

---

[1] См.: *Лицук А. А*. Философия права Б. А. Кистяковского // Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. Серия «Культурология, философия, социология». 2010. № 2. С. 3–6.

[2] *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. Санкт-Петербург, 1998. С. 220.

канонам, Уставу Русской Православной Церкви и Положению о церковном суде Русской Православной Церкви, а также быть обоснованным. Таким образом, церковный суд основывает решение только на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании. В статье 13 «Доказательства» Положения о церковном суде Русской Православной Церкви излагаются характеристики доказательств, а именно то, что доказательствами являются полученные в предусмотренном Положением о церковном суде Русской Православной Церкви порядке сведения, на основании которых церковный суд устанавливает наличие или отсутствие относящихся к делу обстоятельств. Эти сведения могут быть получены: из объяснений сторон и других лиц; показаний свидетелей; документов и вещественных доказательств; аудио- и видеозаписей; заключений экспертов. Получение и распространение церковным судом сведений, составляющих тайну частной жизни, в том числе семейную, допускается лишь с согласия лиц, к которым эти сведения относятся. Церковный суд проверяет достоверность доказательств путем установления их источников и способов получения; всесторонне исследует и оценивает доказательства[1].

Важным моментом является то, что недостаточно только ссылаться на принципы или доводы разума, чтобы решение было рациональным, оно также должно вписываться в нормативную конструкцию церковного права, разделяемую соответствующим сообществом.

Во-вторых, судебная система Русской Православной Церкви выстраивается по иерархии, разрабатываются процедуры взаимодействия церковных судов. Так, судебная система Русской Православной Церкви включает следующие церковные суды:

— епархиальные суды с юрисдикцией в пределах соответствующих епархий;

— высшие церковно-судебные инстанции Украинской Православной Церкви, автономных и самоуправляемых церквей, Русской Православной Церкви за границей, экзархатов и митро-

[1] См.: Положение о церковном суде Русской Православной Церкви. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5082532.html (дата обращения: 18.04.2023).

поличьих округов (при наличии в указанных частях Русской Православной Церкви высших церковно-судебных инстанций) с юрисдикцией в пределах соответствующих частей Русской православной церкви;

— Высший общецерковный суд с юрисдикцией в пределах Русской Православной Церкви, за исключением Украинской Православной Церкви;

— Архиерейский собор Русской Православной Церкви с юрисдикцией в пределах всей Русской Православной Церкви[1].

Иррациональная сторона церковного права привлекает к себе внимание и становится заметной только тогда, когда церковное право подвергается исследованию во всех его проявлениях, а не только в виде системы понятий и общих положений. Необходимо обращать особое внимание на иррациональное в церковном праве и на его противоположность всему рациональному в нем для того, чтобы обеспечить наиболее правильное и эффективное применение церковного права. Иррациональные элементы укоренены в самой сущности и структуре церковного права, идее церковного права и его применении. Иррациональность понимается как не постигаемое разумом, мышлением, невыразимое в логических понятиях. Как отмечает О. И. Кускарова, иррациональное рассматривается в негативном и позитивном значениях слова[2]. Иррациональное в негативном значении – это «объект познания, который поначалу представляется как искомое, неизвестное, непознанное. В процессе познания субъект превращает его в понятное, логически выраженное, всеобщее знание. Подобное иррациональное следует воспринимать как еще-не-рациональное»[3]. Иррациональность выступает антитезой рациональности и может основываться на чувствах и впечатлениях, выражаясь в ощущениях, восприятии и представлениях о церковном праве. Н. С. Мудрагей предлагает понимать под иррациональным в по-

[1] См. там же: Архиерейский собор внес изменения в Устав Русской Православной Церкви. URL: https://pravoslavie.ru/108830.html (дата обращения: 18.04.2023).

[2] См.: *Кускарова О. И.* Понятие иррационального в философии // Вестник ОГУ. 2007. № 7. С. 124.

[3] Там же.

зитивном смысле «…нечто, по своему глубоко внутреннему, изначальному характеру принципиально не могущее быть предметом познания, нечто, что может быть только названо, упомянуто, но не объяснимо, может быть почувствовано, но не выражено понятийно»[1].

Рассмотрим основные аспекты иррациональности применительно к церковному праву на некоторых примерах его современной реализации.

Во-первых, возможно представить иррациональность в негативном смысле, когда религиозные догмы, основанные на вере, объективируются с помощью норм церковного права, переходя в категорию рациональности. Однако следует отметить принцип дополнительности, на который обращал внимание В. В. Лазарев с опорой на тезисы М. Бора. Данный принцип выражается в том, что иррациональная сторона действительности и ее познание (в нашем случае – церковного права) дополняются и сопряжены с иррациональной стороной действительности и ее познанием[2]. Например, в статье 39 «Заседание церковного суда» Положения о церковном суде Русской Православной Церкви закреплено, что на время заседания церковного суда на аналое (столе) должны находиться *Святой Крест* и *Евангелие*, а заседание церковного суда начинаться и заканчиваться *молитвой*[3]. Здесь наблюдается как иррациональное (чтение молитвы) переходит в категорию рационального с помощью регламентации процедуры в Положении о церковном суде Русской Православной Церкви. В то же время не нужно забывать, что с точки зрения религии чтение молитвы в православном богослужении относится к категории ра-

---

[1] *Мудрагей Н. С.* Очерки истории западноевропейского иррационализма. Москва, 2002. С. 72.

[2] См.: *Лазарев В. В.* К вопросу о трансдисциплинарности в постнормальной науке права // Научное наследие В. К. Бабаева: весомый вклад в развитие логико-гносеологических и технико-юридических проблем юридической науки: сборник статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения В. К. Бабаева (Нижний Новгород, 21–22 мая 2020 г.) / под ред. В. А. Толстика. Нижний Новгород, 2020. С. 31.

[3] См.: Положение о церковном суде Русской Православной Церкви. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5082532.html (дата обращения: 18.04.2023).

циональности. Следовательно, рациональное в религии не всегда является таковым в церковном праве.

Рассмотрим другой пример. В Москве 11 мая 2023 года состоялся церковный суд над иереем И. К., который в молитве «О Святой Руси» во фразе «возстани, Боже, в помощь людем Твоим и подаждь нам силою Твоею победу», которую патриарх благословил читать во всех православных храмах, священник заменил слово «победа» на слово «мир». Суд лишил священника сана на основании обвинения в клятвопреступлении по 25 правилу Правил святых апостолов[1]. Следует обратить внимание на тот факт, что священник лишен сана не за замену слова в молитве, а за клятвопреступление — нарушение клятвы, произнесенной именем Бога. Вместе с тем самовольное изменение текста молитвы (религиозная догма) стало предметом рассмотрения церковным судом. Таким образом, с помощью норм и процедур церковного права произошла трансформация иррационального в рациональное.

Если обратиться к выпискам из судебных решений церковного суда, то в текстах возможно отметить иррациональные элементы, расположенные после описания результативной части. Например, «…обратить внимание иерея… на важность соблюдать *разумную осмотрительность* в пастырской практике, не допуская прежних *ошибок* и придерживаясь *советов старших священников*» (курсив наш. – **Ю. Е.**)[2]. Или другой пример, когда Епархиальный церковный суд счел необходимым призвать диакона М. О. к раскаянию, напомнить ему о *суде Божием* и *диаконской клятве служения Богу*[3]. Происходит фиксация иррациональных элементов с помощью применения норм церковного права к

[1] См.: *Словохотова В*. Церковный суд лишил священника сана за замену слова «победа» на «мир». URL: https://www.pravmir.ru/czerkovnyj-sud-lishil-svyashhennika-sana-za-zamenu-v-molitve-slova-pobeda-na-mir/?ysclid=lhmacmgep9476999117 (дата обращения: 13.05.2023).

[2] См.: Выписка из решения Общецерковного суда Русской православной церкви по делу № 01-01-2017. URL: http://www.patriarchia.ru.db/text/5071120.html (дата обращения: 13.05.2023).

[3] Церковный суд принял решение о запрещении в священнослужении. URL: http://smoleparh.ru/novosti/2017/12/tserkovnyiy-sud-prinyal-reshenie-o-zapreshhenii-v-svyashhenosluzhenii (дата обращения: 13.05.2023).

конкретным ситуациям, когда частное всегда полнее, детальнее, в отличие от общего.

Во-вторых, иррациональность в позитивном смысле отражена в сущности церковного права и выражается в источниках, которые подразделяются на писаные (Священное Писание, церковные правила, а также некоторые из гражданских законоположений, одобренные церковью) и неписаные (благочестивые обычаи). Целесообразно обратить внимание на некоторые формулировки и аргументацию, содержащие иррациональные компоненты. Так, многочисленные собрания поучений и законоустановлений – древнейшие памятники письменного слова. Безусловно, они восходят к еще более раннему, дописьменному, бытию человечества, поскольку *«дело закона» написано Богом в сердцах человеческих* (Рим. 2: 15). *Право существует в человеческом обществе искони. Первые законоустановления даются человеку еще в раю* (Быт. 2: 16–17). Как отмечается в Основах социальной концепции Русской православной церкви, «после грехопадения, которое есть нарушение человеком божественного закона, право становится границей, выход за которую грозит разрушением как личности человека, так и человеческого общежития»[1].

Таким образом, применительно к церковному праву разделение рациональности и иррациональности весьма условно. Рациональное и иррациональное взаимообусловливают существование друг друга. Рациональное в современном церковном праве характеризуется тем, что, например, причины и последствия излагаются и устанавливаются во многом таким же образом, как и в светском праве. Иррациональность является важным элементом церковного права, который предназначен для выявления и закрепления источника неопределенности, его предпонимание. Специфика церковного права заключается в следующем: оно с точки зрения светского права кажется иррациональным только потому, что с позиции светской науки могут не приниматься те доводы и суждения, которые предлагаются в церковно-правовой риторике и аргументации.

[1] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви.

УДК 343.359

Ефимова В. В.,
руководитель отдела по расследованию особо важных дел Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области

Оптимизация правового регулирования расследования налоговых преступлений

Право, с учетом особенностей имеющего места этапа экономического, социального или политического развития общества, будучи инструментом влияния на поведение субъектов, само по себе подвержено существенному влиянию. Создание справедливых правовых условий деятельности достигается за счет эффективной и максимально понятной правоприменителю нормы права. Указанное позволяет согласиться с мнением Ю. А. Тихомирова о том, что историческая миссия права заключается в обеспечении стабильности основ государства и общества и создании правомерных условий для деятельности граждан и организаций[1].

В сложных условиях текущей экономической и политической обстановки в нашей стране, обеспечение баланса интересов бизнеса и государства приобретает первоочередное значение. Для его достижения, ориентируясь на приоритет обеспечения максимально комфортных условий бизнесу, государством активно используется правовой инструментарий, оптимизация правового регулирования сфер деятельности как самих субъектов предпринимательской деятельности, так и органов, наделенных компетенцией контроля и надзора за ее законностью. Регулирование налоговой сферы приобретает максимальный практический интерес для всех его участников. Эффективность снижается в случае поспешности правового регулирования, последствием которого является двузначность правовых норм, отсутствие четких поня-

[1] См.: *Тихомиров Ю. А.* Правовое регулирование: теория и практика. Иркутск, 2010. С. 202.

© Ефимова В. В., 2023

тий, различие подходов, недостатки правовой базы для полного регулирования отдельных групп отношений в налоговой сфере, а также в сфере реализации контрольных и правоохранительных функций компетентных органов.

Смена курсов экономического развития страны за последние 10 лет с его попытками переориентирования с развития ресурсодобывающих производств на развитие внутреннего производства различных секторов экономики нашло отражение в циклах правового развития. Именно внутренний ориентир на развитие отечественного производителя с акцентом на средний и малый бизнес, составляющий основу экономического развития государства, объясняет уклон в сторону либерализации налогового, уголовного, уголовно-процессуального законодательства, регулирующего отношения по поводу неуплаты налогов, что, в свою очередь, оказывает влияние на методику выявления и расследования преступлений налоговой категории.

За последние 10 лет (с 2011 года) в УК РФ трижды вносились изменения в диспозиции составов налоговых преступлений (ст. 198–199[1] УК РФ), изменяя криминальный размер неуплаченных налогов. В результате его размер увеличился более чем в три раза. Указанная мера, по мнению законодателя, должна была способствовать снижению количества совершенных налоговых преступлений. На практике же число налоговых преступлений ежегодно возрастает[1], а применяемые недобросовестными налогоплательщиками агрессивные криминальные схемы становятся более сложными для диагностирования и пресечения.

Изменения коснулись не только норм общего уголовного права, но и процессуального, создавая сложности в формировании действенного механизма противодействия налоговой преступности, что выразилось в упразднении института налоговой полиции, доказавшего свою эффективность в борьбе с налоговой преступностью, что обусловлено, прежде всего, способностью к аккумулированию знаний и опыта оперативной и следственной работы по данному направлению, а также наличием развитого ресурсного обеспечения их функционирования за счет наличия в

[1] Судебная статистика Российской Федерации. URL: https://sudstat.ru/ (дата обращения: 18.05.2023).

службе подразделений различной направленности, в отсутствие которых выявление и расследование налоговых преступлений не представляется возможным: специализированные оперативные подразделения, эксперты экономической и налоговой специализации, следственный аппарат налоговой специализации.

В указанном периоде дважды законодатель кардинальным образом изменял поводы для возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении то расширяя, то сужая число субъектов, уполномоченных на выявление налоговых преступлений. В настоящее время с внесением изменений в статью 140 УПК РФ исключительным поводом для возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении могут быть только материалы налогового органа, направленные для возбуждения уголовного дела в порядке, предусмотренном налоговым законодательством. Различия в подходах выявления налогового правонарушения и налогового преступления, отсутствие достаточной компетентной базы специалистов для решения возложенной на налоговую службу задачи по выявлению налоговых преступлений, со смещением приоритета в сторону выявления налоговых правонарушений и длительность проведения налоговых процедур, способствуют повышению латентности налоговой преступности, а в совокупности с давностью совершения выявленных налоговых преступлений обеспечивает невозможность восстановления прав государства путем возмещения ущерба, причиненного преступлениями налоговой категории — в связи с невозможностью возбуждения уголовных дел или необходимостью прекращения уголовного преследования (дела) за истечением давности уголовного преступления (по основанию, предусмотренному пунктом 3 части 1 статьи 24 УПК РФ).

Показательным примером недостатков правового регулирования и необходимости применения комплексного межотраслевого подхода являются процедуры налогового контроля, предусмотренные НК РФ, реализуемые в рамках камеральных и выездных налоговых проверок. Так, в среднем срок камеральной налоговой проверки с момента принятия решения о ее проведении до вступления решения по ее результатам в законную силу, составляет более 8 месяцев, а сроки выездной налоговой проверки — превышаю в среднем 2 года. С учетом того, что охватываемый проверкой налоговый период, как правило, предшествует момен-

ту ее проведения давностью 3–5 лет, в 90 % случаев на момент окончания мероприятий налогового контроля возможность уголовного преследования исключается в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности. Решением проблемы видится оптимизация правового регулирования вопросов порядка и процедуры проведения мероприятий налогового контроля путем внесения соответствующих изменений в НК РФ, соотнося его со сроками давности уголовного преследования по налоговым преступлениям. Такой подход с одной стороны будет способствовать повышению правовой сознательности налогоплательщиков под неминуемостью угрозы уголовного преследования, а с другой — повысит эффективность предусмотренных законом механизмов обеспечения возмещения ущерба, причиненного налоговыми преступлениями государству.

Ярким примером недостатков правового регулирования расследования налоговых преступлений является отсутствие в законе дефиниции налогового преступления, что препятствует четкости применения нормы, требует разъяснений официального толкователя, нивелируя усилия законодательств в регулировании вопросов уголовной ответственности за совершение налоговых деликтов. Предложенные в научных исследованиях определения налогового преступления[1] представляются неполными, поскольку не охватывают специфику налогового деликта и не демонстрируют связь налогового правонарушения и налогового преступления, хотя она очевидна, поскольку налоговое преступление невозможно в отсутствии налогового правонарушения. Указанное требует четкого и однозначного подхода законодателя в формулировании налогового преступления в уголовно-правовой норме.

Другим существенным недостатком правового регулирования расследования налоговых преступлений является двузначность формулировок повода возбуждения уголовного дела указанной категории. Так, ссылка в статье 140 УПК РФ на материалы налогового органа, направленные в следственный орган для решения во-

[1] См.: *Середа М. И.* Уклонение от уплаты налогов: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 1988. С. 52; *Воложенкин Б. В.* Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления): дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2002. С. 91.

проса о возбуждении уголовного дела, является явно неоднозначной, поскольку не содержит указаний на порядок направления материалов налоговым органом. НК РФ содержит две формы взаимодействия следственных и налоговых органов по поводу выявленных налоговыми органами нарушений налогового закона, содержащих признаки налогового преступления: статьи 32 и 82 НК РФ. В обоих случаях построенное на их основе взаимодействие следственных и налоговых органов допустимо и приемлемо в рамках реализации компетенций указанных органов. Вместе с тем иной подход, сформулированный надзорным ведомством, вступающий в противоречие с позицией судебных органов о возможности принятия следственными органами в качестве повода к возбуждению уголовного дела как материалов, направленных в порядке статьи 32 НК РФ, так и статьи 82 НК РФ, создает проблемы в следственной практике. Подобная нерегидность положений нормы провоцирует снижение количества поступающих в следственные органы материалов о фактах налоговых преступлений, выявленных налоговыми органами, и увеличивает рост ущерба, невозмещенного субъектами налоговых преступлений, выводя их из сферы криминалистического интереса следственных органов.

Не добавляет определенности и несовершенство налогового законодательства, оказывающее прямое влияние на выбор методики расследования налоговых преступлений, сталкивая субъекта расследования с трудностями диагностики события налогового преступления. Предпринятая законодателем попытка определения элементов, из которых складывается недоимка, через призму необоснованной налоговой выгоды и аффелированности субъектов предпринимательской деятельности и совершаемых ими сделок[1], незаконной налоговой оптимизации, запрета злоупотребления правомерными действиями для получения налоговой экономии в виде налоговых преференций[2], а также декларирование

[1] См.: *Сасов К. А.* Общая норма о запрете налоговых злоупотреблений // Налоговый вестник. 2020. № 8. С. 71–79.

[2] О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации: письмо Федеральной налоговой службы России от 10 марта 2021 года № БВ-4-7/3060@. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.06.2023).

приоритета существа сделок над их формой, детерминирована потребностью придания нормами права законодательной определенности отношениям при реализации контрольных функций налоговыми органами[1]. Однако, подобная инициатива, несмотря на свою практическую значимость для выявления налогового деликта, в отсутствии четкости и определенности законодательно закрепленных определений, нивелирует их практическую значимость, порождая семантическую неопределенность, что недопустимо в практической деятельности.

Преодоление указанных проблем невозможно при отсутствии системного использования статистической, научной, аналитической и иной информации по исследуемой проблеме. Ее анализ в совокупности позволяет нивелировать риски, влияющие на качество нормы права. К их числу исследователи относят: риски отсутствия оперативной информации о реальных социально-экономических процессах и реальном применении норм закона, неверное принятие подзаконных решений в процессе правоприменения, недостатки ресурсного обеспечения закона, неполнота мониторинга процессов и явлений, способных оказать влияние на решение законодателя в процессе конструирования нормы права[2]. Логичным представляется идея о возможности возврата к практике проведения правовых экспериментов, активно применяемой в 70-х годах прошлого столетия, позволяющей заранее обнаружить ошибки в правовых решениях. Кроме того, представляется возможным нивелировать недостатки правового регулирования построением и реализацией механизмов правового мониторинга с последующей оценкой эффективности введенной нормы. Его проведение должно носить не стихийный, а системный анализ, опираясь на критерии оценки действия и недействия закона[3].

---

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2004 года № 168-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2002. № 2.

[2] См.: Риски в публичном и частном праве: по материалам круглого стола, проводимого в НИУ ВШЭ 29 апреля 2014 года // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 2. С. 110–119.

[3] См.: *Тихомиров Ю. А.* Оптимизация правового регулирования в контексте социально-экономического развития // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1. С. 111.

Таким образом, неоспорима значимость для расследования налоговых преступлений гибкости правового регулирования за счет определенности норм налогового, уголовного и уголовно-процессуального права. В настоящее время актуальные антикризисные законодательные решения, в том числе касающиеся регулирования отношений в сфере налогообложения и уплаты налогов, а также механизмов выявления налоговых деликтов (налоговых правонарушений и преступлений) и их расследования. Указанное требует системного подхода со стороны законодателя, базирующегося на аксиоме: закон — правовая основа решения, использование и развитие прогностических и аналитических способностей законодателя в процессе регулирования, повышение требований квалификационного и антикоррупционного характера к субъекту правотворчества, системный мониторинг эффективности правовой нормы.

УДК 347

Завгородняя А. А.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Донбасского государственного университета юстиции (г. Донецк)

Значение механизма уравновешивания публичных и частных интересов для оптимизации гражданского судопроизводства

В соответствии со статьей 2 ГПК РФ задачами гражданского судопроизводства являются *правильное и своевременное* рассмотрение и разрешение гражданских дел *в целях защиты* нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. Гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного от-

© Завгородняя А. А., 2023

ношения к закону и суду, мирному урегулированию споров. Законодательство несовершенно, и по проблеме защиты прав и интересов, повышения его эффективности существует множество точек зрения относительно реформирования гражданского судопроизводства, однако в настоящее время вопросы реформирования действующего гражданского процессуального законодательства связываются с оптимизацией судопроизводства[1].

Говоря об оптимизации в гражданском судопроизводстве, следует отталкиваться от понятия процесса оптимизации как процесса нахождения *наилучшего варианта среди всех возможных. При употреблении понятия «оптимальный» в рамках гражданского процесса в контексте оптимизации процедуры рассмотрения, «оптимального результата» речь идет о наилучших из возможных.* Вместе с тем ключевым вопросом оптимизации является уяснение критерия, в отношении которого проводится улучшение.

Оптимизация судопроизводства связана и с процессуальными издержками, непосредственно влияющими на сроки принятия решений (разумный срок, своевременность защиты), и финансовыми затратами суда и участников дела, и обеспечением законности, и доступности, справедливости, и эффективности судебной защиты. Распространенной является позиция определения оптимизации судопроизводства через эффективность. В частности, по мнению В. И. Бобрика, рассмотрение вопросов оптимизации гражданского судопроизводства напрямую связано с поиском и применением оптимальных способов и механизмов повышения *эффективности* деятельности судов гражданской юрисдикции, с созданием действенных судебных процедур ускоренного рассмотрения и упрощенного рассмотрения гражданских дел, с повышением оперативности судебной деятельности[2]. Оптимизация должна быть направлена на снижение возможности ошибок при установлении фактических обстоятельств дел, она в большей ме-

---

[1] См.: *Кирвель И. Ю.* Пути оптимизации гражданского судопроизводства. Проблемы гражданского права и процесса: сборник научных статей. Гродно, 2012. С. 286.

[2] См.: *Бобрик В. И.* Международные приоритеты оптимизации гражданского судопроизводства в Украине // Национальный юридический журнал: теория и практика. 2014. № 6. С. 114.

ре гарантирует достижение конечного результата правоприменительной деятельности — вынесение законного и обоснованного решения как законодательно установленного условия правильности разрешения дела. В частности, Е. А. Царегородцева предлагает улучшение связывать с достижением целей и задач гражданского судопроизводства, выделяет временной и качественный параметры оптимизации[1].

В. В. Шпак отмечает, что для оптимизации гражданского судопроизводства характерна следующая совокупность признаков: 1) правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в судах общей юрисдикции с вынесением законных и обоснованных судебных актов в пределах предусмотренной законом процессуальной формы; 2) сохранение равновесия между частными и публичными интересами в судах общей юрисдикции во всех инстанциях; 3) наличие эффективной возможности пересмотра судебных актов в судах апелляционной, кассационной инстанций, а также при наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств[2]. Именно обеспечение равновесия (баланса) различных частных и публичных интересов, выявление интересов противостоящих, конкурирующих и общих являются основополагающими критериями для оптимизации судопроизводства. Можно отметить реализацию частных (сторон, в том числе соучастников, третьих лиц) и публичных, материальных и процессуальных интересов, правовых и фактических (социальных) интересов. Поддерживая позицию Е. А. Царегородцевой о цели и задачах судопроизводства как критериях оптимизации, следует отметить, что в них отображены общие блага, являющиеся объектом и частных, и публичных интересов.

Возвращаясь к нормативно закрепленной цели гражданского судопроизводства, отметим, что она не в полной мере отражает суть и предназначение правосудия в современном обществе, поскольку *защита прав (свобод, интересов)* не соответствует ценностному значению гражданского судопроизводства. В современном обще-

---

[1] См.: *Царегородцева Е. А.* Способы оптимизации гражданского судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 31, 47.

[2] См.: *Шпак В. В.* Оптимизация гражданского судопроизводства: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2019. С. 20–23.

стве парадигма гражданского судопроизводства, как и любого другого судопроизводства, определяется тем, что само судопроизводство направлено не только *на защиту материальных прав,* но и на обеспечение права на *судебную защиту* как самостоятельного права, охраняемого наравне с другими фундаментальными правами человека, либо эффективное восстановление в правах (ст. 8 Декларации по правам человека). В частности, КС РФ интерпретирует задачи гражданского судопроизводства значительно шире.

Об этом свидетельствуют и положения статьи 46 Конституции Российской Федерации. В соответствии с частями 1, 2 статьи 17, статьей 46 Конституции Российской Федерации, а также в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, право на судебную защиту является неотчуждаемым правом каждого человека[1]. Основываясь на этом, государство имеет позитивные обязательства по созданию на национальном уровне эффективных правовых средств обеспечения права на судебную защиту. В соответствии с постановлением КС РФ № 2-П/2007 конституционное право на судебную защиту подразумевает создание государством необходимых условий для эффективного и справедливого разбирательства дела именно в суде первой инстанции[2]. При интерпретации Конституции Российской Федерации, международных актов и процессуального законодательства, КС РФ высказывает позицию, что эффективность восстановления нарушенных прав (по сути — их защиты) определяется своевременностью судебной защиты как задачей

[1] По делу о проверке конституционности положения статьи 54 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки С.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2020 года № 3-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343370/ (дата обращения: 22.05.2023).

[2] По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П/2007. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66124/ (дата обращения: 22.05.2023).

судопроизводства. Одновременно отмечено, что рассмотрение и разрешение судом дела в разумный срок является условием признания *правосудия справедливым*, а решения, принятого по делу, — *оптимальным*[1].

Это означает необходимость установления законодательством условий реализации процессуальных прав институционального и процедурного характера, отвечающих требованиям *процессуальной эффективности и процессуальной экономии в использовании средств судебной защиты*. Спорным является вопрос, могут ли такие правила повлиять на принятие правильного судебного решения (в смысле объективного как отвращающего материальную истину), однако на принятие решения, характеризующего судопроизводство как *своевременное и оптимальное,* — намного вероятнее[2].

Здесь следует отметить позицию, сформулированную в постановлении КС РФ от 19 июля 2011 года № 17-П, в соответствии с которой процессуальная экономия не является самоцелью судопроизводства. Ее предназначение лежит в основе быстрого, *эффективного и оптимального* разрешения дел, тем не менее снижение уровня процессуальных гарантий является недопустимым[3]. В оптимальном сочетании этих положений и состоит основа соблюдения баланса интересов в судопроизводстве, чем и определяется его эффективность, оцениваемая через цель, процессуально-правовые средства и достигнутый правоприменительный результат.

---

[1] По делу о проверке конституционности части 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и части 5 статьи 250 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Филиппова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 января 2022 года № 2-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_406972/ (дата обращения: 22.05.2023).

[2] См. там же.

[3] По делу о проверке конституционности положения пункта 5 части 1 статьи 244[6] Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ю. Какуева: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2011 года № 17-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_117357/ (дата обращения: 22.05.2023).

Следуя правовым позициям КС РФ, надлежит применять герменевтическое толкование норм гражданского процессуального права и аксиологический подход для установления содержания интересов, представленных в судопроизводстве, а также установления процессуальных и институциональных средств, использование которых позволит эффективно и оптимально осуществить судебную защиту, которая, в том числе, предопределена правильным и своевременным рассмотрением и разрешением дел. Кроме этого, по смыслу права, не ограничивающемуся позитивистским правопониманием, элементы права на судебную защиту, цель и задачи судопроизводства необходимо интерпретировать контекстуально, учитывая требование эффективности. Сама контекстуальность определяется не столько нормативными предписаниями и системным толкованием норм, сколько контекстом складывающихся правоотношений, когда истина, устанавливаемая в рамках юридической процедуры, а также оценка этой процедуры всегда будет относительной и предметной. Однако даже для такой гносеологической модели необходимы аксиоматические основания, которыми и являются базовые ценности и основы взаимодействия современного общества. Этими базовыми ценностями являются: основные права человека и гражданина, среди которых — право на защиту, которое олицетворяет частноправовой интерес; позитивное обязательство государства гарантировать всем и каждому право на защиту, что является публичным интересом. Государство, устанавливая и учитывая возникающие проявленные вовне социальные потребности, выявляет общие и значимые, затем квалифицирует соответствующие интересы в качестве государственных и (или) общественно значимых[1].

Публичный интерес в защите прав, свобод и интересов охраняется государством на конституционном уровне. Наиболее оптимальной и справедливой формой защиты в сфере права является судебная. С целью обеспечения публичных интересов для своего функционирования система соответствующих органов и процедур

[1] См.: *Зеленцов А. Б., Немытина М. В.* Публичные интересы и производные от них юридические конструкции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 4. С. 453.

должна учитывать интересы лиц, являющихся участниками дела, связанные и с правильным применением норм материального права (обоснованность решения основана только на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании), и со своевременным рассмотрением и разрешением гражданских дел. В то же время в целях обеспечения публичных интересов право каждого на судебную защиту не может быть ничем не ограниченной возможностью. Публичный интерес выступает в случаях, установленных законом, основанием ограничения свободы, которое обосновано общими целями, а соответственно определяются границы субъективных прав и условия их осуществления[1]. Именно между этими показателями (правом на судебную защиту и обязанностью гарантировать ее для каждого в оптимальных границах, а также правильностью и своевременностью судебного решения) контекстуально должно установиться *оптимальное равновесие, чтобы можно было утверждать об эффективности судопроизводства.* Соблюдение требований эффективности защиты КС РФ видится в рамках баланса интересов: выполнение указанных требований предопределяет соблюдение баланса публично-правовых и частноправовых интересов в судопроизводстве[2].

Следует отметить, что в технико-юридическом аспекте эффективность гражданского судопроизводства четко не определена. Термин «эффективность» использован в ГПК РФ в словосочетании «эффективность действий суда» при определении разумного срока рассмотрения дела в части 3 статьи 6-1, а справедливость как условие права на судебную защиту упомянута в статье 391-11 ГПК РФ при определении оснований пересмотра су-

---

[1] См.: *Зеленцов А. Б., Немытина М. В.* Публичные интересы и производные от них юридические конструкции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 4. С. 454.

[2] По делу о проверке конституционности части 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и части 5 статьи 250 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Филиппова: постановление КС РФ от 13 января 2022 года № 2-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_406972/ (дата обращения: 22.05.202023).

дебных постановлений в порядке надзора: лишение участников спорных материальных или процессуальных правоотношений возможности осуществления прав, гарантированных ГПК РФ, в том числе «…права на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон», однако состязательность и равноправие сторон в процессе являются лишь одними из аспектов права на справедливый суд и не отражают его сущность в полной мере.

Таким образом, если в рамках комплексной интерпретации можно установить критерии баланса интересов и фундаментальные требования к процессу, то технико-юридический аспект гражданского процессуального законодательства нельзя признать отвечающим требованиям четкости и ясности закона в понимании предсказуемости как условия правовой определенности[1], а следовательно, и оценке оптимальности судопроизводства, поскольку категории «правильности», «своевременности», «эффективности», «справедливости» являются контекстуальными, а значит, интерпретационными.

Достижение баланса публично-правовых и частноправовых интересов при осуществлении права на судебную защиту обусловливает на этапах правотворчества, правоприменения и толкования процессуальных норм проведения соответствующей оценки. Это связано с тем, что если на уровне нормотворчества усмотрением уполномоченного органа может быть нарушен законодательный баланс при определении полномочий и субъективных прав, то на уровне правоприменения суды также наделены дискреционными полномочиями. Их использование может быть осуществлено с нарушением, однако не императивных нормативных предписаний, а фундаментальных прав участников судопроизводства и баланса интересов, отраженных в отдельных нормах процессуального права, которые сформулированы дискреционно в правовых позициях КС РФ.

[1] Контрольный список вопросов для оценки соблюдения верховенства права (принят на 106-м пленарном заседании Венецианской комиссии (Венеция, 11–12 марта 2016 г.). URL: https://www.venice.coe.int/images/SITE%20IMAGES/Publications/Rule%20of%20Law%20Check%20List%20-%20Russian.pdf (дата обращения: 22.05.2023).

В рамках объема данного исследования сложно изложить все аспекты проявления публичных и частноправовых интересов, которые реализуются в судопроизводстве. Так, интересы в получении общего блага, основанные на фундаментальной социальной потребности в защите нарушенных прав различных субъектов, детерминируют существование судопроизводства как системы государственных институтов и установленных им правил по разрешению юридических споров. Осуществление субъективного права на судебную защиту должно быть разумно и справедливо уравновешено с публичными интересами в *оптимальном функционировании системы судопроизводства*. Государство — гарант, но не носитель этого интереса, однако с целью эффективности этой системы надлежит оценивать достижение публичной и частной цели судопроизводства с использованием средств, не искажающих смысл права на справедливый суд. Система судопроизводства, как любая сложная система со своей структурой и организацией, имеет синергетические свойства, являясь самоорганизующейся и функционирующей по принципу минимального сопротивления. В связи с этим в системе частноправовых и публичных интересов, реализуемых в судопроизводстве, существуют значительные риски приоритета интересов публичных, которые могут неоправданно отождествляться с государственными, поэтому для определения *эффективности и оптимизации судопроизводства* оценка *оправданности приоритета определенного интереса* должна быть контекстной, сопровождающей весь процесс рассмотрения дела на предмет использования процессуальных средств с целью обеспечения действительно оправданного приоритета.

Кроме значения, которое имеет сбалансированное соотношение частноправовых и публично-правовых интересов для характеристики оптимизации любого судопроизводства, для гражданского судопроизводства отдельное значение имеет сбалансированность частноправовых интересов между собой. Одним из важных факторов оптимизации гражданского судопроизводства является снижение конфликтности противоположных интересов сторон, следствием которой в дальнейшем выступает процессуальная экономия. Примером оптимизации гражданского судопроизводства, которая снизит конфликтность, является внедрение

договорных способов (среди которых, например, медиация), предполагающих не «некий» отказ от соблюдения привычных, апробированных и общепризнанных правил гражданского судопроизводства с целью обеспечения публичного интереса и выполнения задач судопроизводства, а применение оптимизированной процедуры, снижающей конфликтность. Впрочем, такая оптимизация предполагает отказ от судебных процедур, не имеющих практического значения, и разработку дополнительных, основанных на чертах гибкости[1]. К последним, например, можно отнести: договорную подсудность; возможность передачи судом дела в другой суд на основании совместного ходатайства сторон; согласование сроков рассмотрения дела; совместное ходатайство участников дела об ускорении производства или определения сроков; соглашение о признании фактов; соглашение о размере обеспечения иска или судебных издержек и прочее. Использование такого рода процедур в рамках гражданской процессуальной формы должно гарантировать возможность выбора в конкретной ситуации наиболее оптимальных процессуальных средств, учитывая фактические потребности материально и процессуально заинтересованного лица.

Гражданское процессуальное законодательство имеет достаточно примеров использования в основе оптимизации процессуальной формы совпадения фактических интересов конкурирующих лиц. Выявление в гражданском судопроизводстве ситуаций, в которых существует значительная степень вероятности расхождения или совпадения юридического или фактического интересов, позволяло бы наиболее рациональными способами достигать *цели и выполнять задачи гражданского* судопроизводства, обеспечить гибкость гражданской процессуальной формы и установить *оптимальное равновесие, позволяющее утверждать об эффективности судопроизводства.*

[1] См.: *Судоргина Е. В.* Развитие альтернативных способов разрешения споров как снижение нагрузки на суды (судебная медиация) // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 7-1. С. 149.

УДК 340.1

Зацепина О. Е.,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета (г. Барнаул)

Технико-юридические средства оптимизации правового регулирования

Средства юридической техники играют огромную роль в оптимизации правового регулирования, поскольку в этом и есть их основное и итоговое назначение. Они способствуют законодательной и лингвистической экономии, делая текст нормативного правового акта более понятным, емким и недвусмысленным, восполняя собой недостающую фактическую информацию, они как раз и оптимизируют правовое регулирование.

В данной статье мы рассмотрим некоторые из них в контексте взаимодействия друг с другом. Начнем с правовых презумпций.

Существует множество определений указанного понятия, и каждый автор, исследовавший данное явление, предлагает свое.

Представляется, что правовая презумпция — это средство юридической техники, с помощью которого в правовых нормах (либо в правовых позициях высших судебных органов, выраженных ими при толковании правовых норм) закрепляется вероятное предположение, которое считается истинным, если доказаны определенные факты, установленные законом (либо соответствующими актами судебного толкования), и пока не доказаны факты, его опровергающие, применяемое в целях охраны различных интересов (личности, общества и государства)[1].

Правовых презумпций очень много в нормативных правовых актах — презумпция добросовестности, презумпция законности, презумпция невиновности, презумпция вины владельца источни-

[1] См.: *Зацепина О. Е.* Презумпции и фикции как особые правовые феномены // Юрислингвистика. 2021. № 22. С. 50.

© Зацепина О. Е., 2023

ка повышенной опасности, презумпция отцовства, презумпция авторства — это только наиболее известные из них.

Определений правовой фикции тоже несметное количество.

Полагаем, что правовая фикция — это средство юридической техники, с помощью которого в правовых нормах (либо в правовых позициях высших судебных органов, выраженных ими при толковании правовых норм) закрепляется заведомо ложное неопровержимое положение, применяемое при наличии условий, установленных в законе (либо в соответствующих актах судебного толкования), определенным образом деформирующее (корректирующее) действительность в целях охраны различных интересов (личности, общества и государства)[1].

Правовые фикции, как и презумпции, используются во всех отраслях российского права (например, фикция усыновления, фикция представительства, фикция, признающая аннулированный трудовой договор незаключенным, и другие).

Вопрос определения понятия правовых принципов не столь дискуссионный, как два предыдущих средства. Правовые принципы в литературе определяют как основополагающие начала, отражающие закономерности общественной жизни[2] и определяющие содержание и направления правового регулирования[3].

Примерами правовых принципов могут служить принцип законности, принцип состязательности, принцип гуманизма и другие.

Правовые аксиомы определяются как истинные положения, вобравшие в себя социально-правовой опыт, выражающие нравственные начала права, в силу своей очевидности не требующие доказательств, применяемые для упрощения правового регулирования, решения научных задач и сохранения преемственности в праве[4], обладающие исторической, дидактической и эстетической ценностью[5].

---

[1] См.: *Зацепина О. Е.* Презумпции и фикции как особые правовые феномены // Юрислингвистика. 2021. № 22. С. 50.

[2] См.: *Алексеев С. С.* Общая теория права. Т. 1. Москва, 1981. С. 98.

[3] См.: *Лазарев В. В., Липень С. В.* Теория государства и права. Москва, 2000. С. 45.

[4] См.: *Масленников А. В.* Правовые аксиомы: дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 43.

[5] См.: *Ференс-Сороцкий А. А.* Аксиомы в праве // Правоведение. 1988. № 5. С. 30.

На них основываются все правовые нормы (так в идеале должно быть, но не всегда соблюдается законодателем, например, положение, содержащееся в части 2 статьи 20 ГПК РФ, согласно которому «судья, рассматривающий дело единолично, вправе разрешить вопрос об отводе или самоотводе путем вынесения мотивированного протокольного определения без удаления в совещательную комнату. Вопрос об отводе, заявленном нескольким судьям или всему составу суда, разрешается этим же судом в полном составе…»[1] противоречит аксиоме «никто не может быть судьей в собственном деле»[2], что может привести к нарушению принципа законности), а также иные средства юридической техники (как элемент некоторых норм права), через которые они и реализуются на практике.

Справедливо полагает Э. И. Мишутина, что из аксиомы «да будет выслушана другая сторона» выводятся принципы состязательности и равноправия сторон, а также устности судебного разбирательства (ст. 12 ГПК РФ, ч. 1, ч. 2 ст. 157 ГПК РФ)[3]. Развивая данную тему, можно утверждать, что презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ[4]) основана на таких аксиомах, как «лучше оставить преступление безнаказанным, чем наказать безвинного» и «вероятность недостаточна для решения судьбы преступника», а фикция, содержащаяся в части 5 статьи 35 УК РФ[5], посредством которой приготовление к преступлению (создание преступного сообщества (преступной организации) или организованной группы) приравнивается к оконченному преступлению, а умысел со-

---

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46, ст. 4532.

[2] См.: *Мишутина Э. И.* К вопросу о соотношении ценностей и аксиом гражданского процессуального права // Российский юридический журнал. 2010. № 5. С. 183.

[3] Там же. С. 182.

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. I, ст. 4921.

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 года № 64-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

вершения преступления — к непосредственному участию в нем для усиления уголовной ответственности лица, создавшего преступную организацию или организованную группу либо руководившего ими с целью учета его общественной опасности, базируется на аксиоме «наиболее строго следует наказывать те преступления, которые труднее всего предотвратить».

Таким образом, правовые аксиомы реализуются на практике через другие средства юридической техники[1].

Перейдем к рассмотрению характера взаимодействия правовых презумпций и правовых принципов.

Когда принцип и презумпция раскрывают содержание одной и той же правовой категории, посредством презумпции предполагается, что соответствующий принцип соблюдается в конкретных правоотношениях, пока не доказано обратное. Например, в части 3 статьи 1 ГК РФ закреплен принцип добросовестности, согласно которому «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно»[2], а в части 5 статьи 10 ГК РФ установлена презумпция добросовестности, в соответствии с которой «добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются», возможность опровержения данной презумпции, а также правовые последствия ее опровержения предусмотрены частями 2 и 3 статьи 10 ГК РФ.

В конституционном праве содержится несколько соответствующих друг другу принципов и презумпций. Например, в соответствии с принципом конституционности нормативных правовых актов органы, наделенные полномочиями по их принятию, обязаны следовать Конституции Российской Федерации в течение всех стадий процесса их принятия[3], а согласно презумпции

---

[1] См.: *Зацепина О. Е.* Правовые презумпции и правовые фикции: соотношение и развитие: дис. … канд. юрид. наук. Белгород, 2022. С. 62.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (Часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

[3] См.: *Мосин С. А.* Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2007. С. 15.

конституционности нормативно-правовых актов все нормативно-правовые акты, принятые на территории Российской Федерации, предполагаются соответствующими Конституции Российской Федерации, пока иное не будет доказано КС РФ и оформлено его решением[1].

Аналогичным образом взаимосвязаны и другие корреспондирующие друг другу принципы и презумпции, выделяемые С. А. Мосиным, такие как принцип и презумпция конституционности деятельности участников конституционных правоотношений, принцип и презумпция конституционности деятельности органов власти и должностных лиц, принцип и презумпция добросовестности участников конституционных правоотношений, принцип и презумпция добросовестности законодателя[2].

Исходя из этого представляется, что установление соответствующих друг другу принципов и презумпций позволяет определить, насколько правовой принцип как основополагающая идея, закрепленная в законодательстве, реализуется на практике.

Справедливо утверждает С. А. Мосин, что правовой принцип наполняет корреспондирующую ему презумпцию и ограничивает ее своим содержанием[3], поскольку, на наш взгляд, такая позиция соответствует сущности рассматриваемых правовых явлений.

Перейдем к рассмотрению взаимодействия правовых презумпций и правовых фикций.

Ярким примером их взаимодействия является положение об объявлении гражданина умершим, представляющее собой сочетание презумпции смерти гражданина, о месте пребывания которого нет сведений в месте его жительства в течение определенного срока, установленного ГК РФ (ч. 1, 2 ст. 45 ГК РФ), презумпции смерти гражданина, объявленного умершим, в тот день и момент, когда он пропал без вести (одним из фактов-оснований указанной презумпции является факт наличия таких обстоятельств его пропажи, которые угрожали смертью гражданину от определенного несчастного случая согласно ч. 3 ст. 45 ГК РФ) и правовой фикции,

---

[1] *Мосин С. А.* Презумпции и принципы в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2007. С. 16.

[2] См. там же. С. 15, 17, 18, 20.

[3] См. там же. С. 19.

признающей днем смерти гражданина, пропавшего без вести, при отсутствии таких обстоятельств, день вступления в законную силу решения суда об объявлении его умершим.

Данные презумпции являются диспозитивными (так как применяются по усмотрению суда) и опровержимыми (опровержение предусмотрено ст. 46 ГК РФ, устанавливающей последствия явки гражданина, объявленного умершим).

Следует отметить, что вторая из рассмотренных презумпций может применяться только в случае применения первой презумпции, являющейся ее фактом-основанием, а указанная правовая фикция применяется в случае применения первой презумпции и неприменения второй ввиду отсутствия ее второго факта-основания (обстоятельств, угрожавших смертью), и является императивной.

На наш взгляд, именно такая характеристика положения об объявлении гражданина умершим соответствует правовой действительности и верно отражает свойства и особенности действия закрепленных в нем средств юридической техники и позволяет наглядно показать не исследуемый ранее в литературе механизм их взаимодействия друг с другом при регулировании данного правового института (некоторые ученые, например И. Л. Ишигилов[1], В. А. Кучинский[2] и другие авторы, полагают, что рассматриваемое положение представляет собой фикцию, а не презумпцию, что, по нашему мнению, препятствует правильному пониманию сущности правовой фикции и ее отграничению от правовой презумпции; другие ученые, например И. В. Филимонова[3], Р. К. Лотфуллин[4], соглашаются с тем, что в данной правовой норме содержится презумпция смерти гражданина, о месте пребывания которого нет сведений в месте его жительства в течение определенного срока, установленного

[1] См.: *Ишигилов И. Л.* Понятие юридических фикций // Сибирский юридический вестник. 2007. № 1 (36). С. 4, 6.

[2] См.: *Кучинский В. А.* Юридические презумпции и фикции (общие черты и различия) // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 302.

[3] См.: *Филимонова И. В.* Проблема определения признаков юридической фикции // Политика, государство и право. 2014. № 10 (34). С. 45, 46.

[4] См.: *Лотфуллин Р. К.* Юридические фикции в гражданском праве: монография. Москва, 2006. С. 66, 50.

ГК РФ, и фикция, признающая днем его смерти день вступления в законную силу решения суда об объявлении его умершим, но механизм их взаимодействия друг с другом и с презумпцией смерти гражданина, объявленного умершим, в тот день и момент, когда он пропал без вести, а также их факты-основания остаются без внимания, хотя выявленные при этом свойства указанных средств юридической техники имеют огромное значение как для понимания особенностей построения действующих правовых норм, их содержащих, так и для конструирования с их помощью новых правовых норм).

Таким образом, именно во взаимодействии средств юридической техники проявляется их инструментальная ценность и польза для оптимизации правового регулирования.

УДК 34

Иванов П. И.,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России (г. Москва)

Оптимизация правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в условиях цифровой трансформации

Наследие профессора В. К. Бабаева для нас является своеобразным ключом для новых открытий[1]. Оно как никогда значимо

[1] См.: *Иванов П. И.* Влияние концептуальных идей профессора В. К. Бабаева на развитие оперативно-розыскной науки // Двенадцатые Бабаевские чтения: юридическая терминология: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 20–21 мая 2021 года). Нижний Новгород, 2021. С. 212–218.

© Иванов П. И., 2023

в условиях цифровизации[1]. К сожалению, он не дожил до этой эпохи, но его прозорливые (дальновидные) высказывания окрыляют и подкрепляют многократно живучесть взглядов (мнений и позиций) и по сей день.

В научной статье нами предпринята попытка рассмотреть процесс оптимизация правового регулирования ОРД, его механизм, опираясь на положения (идеи) общей теории права, одним из ведущих ученых в ней предстает перед нами профессор В. К. Бабаев, внесший существенный вклад в ее развитие. Оперативно-розыскная наука много позаимствовала на пути развития и совершенствования ее предмета наработок указанной теории (термины, понятия и определения). Автор статьи, еще обучаясь в Горьковской высшей школе МВД СССР[2], на себе ощутил ее влияние.

Правовое регулирование есть деятельность государства и общества по подготовке и принятию нормативных правовых актов. Механизм правового регулирования состоит из множества элементов, основными из которых являются: юридические нормы, правоотношения и акты реализации прав и обязанностей. Факультативными же элементами выступают: правосознание, законность, юридическая техника, толкование норм права, юридическая ответственность.

По нашему мнению, весь этот комплекс — тема отдельного рассмотрения. В настоящей статье автор перед собой не ставит цель всестороннего охвата вопросов, связанных с оптимизацией правового регулирования, поскольку в одной научной работе достичь ее вряд ли удастся.

Говоря о правовом регулировании, заметим, что в специальной литературе часто смешивают между собой такие понятия, как «правовая основа» и «правовое регулирование», рассматривая их как синонимы[3].

---

[1] См.: *Овчинский В. С.* От редактора. Цифровизация, преступность, оперативно-розыскная деятельность: угрозы и возможности // Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сборник научных трудов / под ред. В. С. Овчинского. Москва, 2021. С. 13.

[2] Выпускник Горьковской высшей школы МВД СССР 1977 года.

[3] Даже в отдельных учебниках по ОРД можно встретить ошибочное представление. Например, см.: Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. Москва, 2014. С. 42–46.

Мы же исходим из того, что они не тождественные понятия, ибо понятие «правовая основа» значительно уже правового регулирования. Под правовой основой ОРД рассматривается совокупность законодательных и иных нормативных правовых актов, на которых базируется указанная деятельность[1]. Как известно, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. 4) прямо закрепляет правовую основу ОРД.

В трудах профессора В. К. Бабаева мы находим описание, раскрытие содержания указанных элементов механизма правового регулирования через призму правотворческой и правоприменительной практики.

Этот процесс автоматически не может разворачиваться, он долгий и последовательно осуществляемый на системной основе и с учетом познанных закономерностей и наработанных теорией и практикой механизмов.

Мы полагаем, что пошаговый алгоритм действий ярко высвечивает имеющиеся проблемные вопросы (противоречия, несоответствия, факты избыточности, несогласованности, несбалансированности, расхождения норм, дисбалансы, дефекты, неточности и т. п.) и пути дальнейшего продвижения в направлении оптимизации правового регулирования ОРД. Предложим пошаговый авторский вариант.

Первый шаг — мониторинг реального состояния и определение совокупности факторов, сдерживающих набранный темп. При этом под мониторингом мы понимаем систему постоянного наблюдения за условиями, при которых протекает процесс правового регулирования, нацеленный на наиболее лучшее его состояние. Иначе говоря, из множества возможных вариантов процесса в контексте (русле) оптимизации осуществляется выбор одного из наилучших вариантов процесса правового регулирования.

Мониторинг сводится не только к наблюдению, но включает в себя и анализ, оценку, прогноз рисков и угроз. В данном случае ограничились лишь осуществлением наблюдения за средой (условиями), в которой протекает процесс правового регулирования.

---

[1] См.: Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. Москва, 2014. С. 42.

Второй шаг — определение средств и методов интенсификации. Цифровые технологии открывают новые (пока еще недостаточные) возможности для оптимизации правового регулирования ОРД, которые должны находить свое проявление в следующих направлениях: при оперативном принятии управленческих решений в части заведения (прекращения) дел оперативного учета (ДОУ), поиске оптимального набора подлежащих проведению мероприятий в рамках той или иной типичной оперативно-тактической ситуации, ядром которой являются факты совершения преступлений, подлежащие углубленной проверке, а также при осуществлении информационно-аналитической работы, связанной с поиском оперативно значимой информации. Такое «расчленение» целостной системы на отдельные элементы позволяет всесторонне проанализировать их на предмет определения выполняемой ими роли (функции).

Третий шаг — уяснение возможностей цифровой трансформации[1] и их адаптации интересам в рамках совершенствования правового регулирования ОРД на фоне новых вызовов и угроз экономической безопасности сфер (отраслей) экономики.

Цифровая трансформация диктует объективную необходимость оптимизации и оперативно-розыскной терминологии, обеспечивающей описание процедур, механизмов, ситуаций, явлений, новых вызовов и угроз (рисков).

Одним из факторов оптимизации правового регулирования ОРД выступает цифровая трансформация. Заметим, что цифровая трансформация — это процесс, отражающий переход традиционной оперативно-розыскной работы из одного технологического уклада в другой посредством широкомасштабного использования цифровых и информационно-коммуникационных технологий в целях повышения ее эффективности и ре-

[1] См.: *Иванов П. И.* Актуальные проблемы цифровизации оперативно-розыскной деятельности // Технологии информационного общества и развитие теории оперативно-розыскной деятельности: сборник научных трудов. ВНИИ МВД России. Москва, 2020. С. 27–33; *Иванов П. И., Шитов А. С.* Актуальные проблемы цифровизации оперативно-розыскной деятельности // Технологии информационного общества и развитие теории оперативно-розыскной деятельности: сборник научных трудов (Москва, 15 ноября 2019 года). Москва, 2020. С. 27–33.

зультативности. Иными словами, цифровая трансформация предполагает комплексное преобразование структурно-содержательной модели осуществления оперативно-розыскной работы на основе реализации концепции по внедрению цифровых технологий, использованию оперативно значимых данных, развитию кадров, компетенций, современных апробированных подходов к управлению внедрением в оперативные подразделения полиции цифровых решений (алгоритмов действий) и их финансированием.

Четвертый шаг — конструирование современной модели регулирования ОРД. Она не может быть разработана на пустом месте. Профессор В. К. Бабаев, без преувеличения можно утверждать, принял самое непосредственное участие в подготовке фундамента (базиса) сегодняшней реальности. Им разработан сам механизм правового регулирования по результатам сравнительно-правового анализа. Составными частями парадигмы, на наш взгляд, выступают оперативно-розыскная политика, оперативно-розыскная наука и оперативно-розыскное законодательство, рассматриваемое нами как единое целое (система).

Пятый шаг — апробация на примере практической деятельности оперативных подразделений полиции. И тут включается правило: пилотный вариант нуждается в опытном испытании, прежде чем его внедрить в реальную практику.

Оптимизация правового регулирования ОРД на фоне либерализации законодательства в сфере экономики служит одним из основных условий повышения эффективности ОРД. Дефицит бюджета, экономия бюджетных средств, их рациональное расходование накладывают свой отпечаток при осуществлении оптимизации. Исходя из сказанного, мы оптимизацию связываем, прежде всего, с эффективностью, понимаемой нами как достижение поставленных перед оперативными подразделениями полиции целей при условии соответствия затраченных усилий конечному результату.

Оптимизация, по мнению автора настоящей работы, может быть рассмотрена как относительно самостоятельная система среди понятий, категорий, теорий и институтов, поскольку она обладает характерными для нее признаками. В частности, опти-

мизация как сложноструктурное образование состоит из множества компонентов (цель, задачи, функции, субъекты и объекты оперативного реагирования), каждый из которых играет свою роль, будучи подсистемой. Аналогичным образом следует подходить к изучению правового регулирования ОРД как системы, состоящей из таких подсистем, как юридические нормы, правоотношения, совокупность прав и обязанностей.

При анализе этих понятий важно усмотреть их взаимосвязь (взаимозависимость, взаимообусловленность) через призму взаимоотношений между ними. Наличие устойчивых связей во многом говорит о существовании определенной группы закономерностей, корреляции.

Оптимизация правового регулирования ОРД затрагивает множество связанных с ней вопросов, а именно:

— определение целей и задач;

— поиск приемлемых нынешним условиям форм правового регулирования;

— модернизацию существующего его содержания;

— установление научно обоснованных критериев для оптимизации правового регулирования рассматриваемого нами вида деятельности;

— разработку практико-ориентированного механизма правового регулирования ОРД в контексте его оптимизации;

— установление потенциальных правовых рисков и их нейтрализация посредством принятия действенных мер, приводящих к процедуре (режиму) оптимизации.

Как нам представляется, на сегодня основными направлениями процесса оптимизации правового регулирования ОРД являются:

— корректировка задач и функций данной деятельности в интересах успешного проведения и завершения специальной военной операции;

— пересмотр механизма ведомственного правового регулирования ОРД по борьбе с преступностью как ответная реакция антироссийским санкциям, принятым странами Евросоюза. Ведомственное регулирование способствует укреплению правовой основы ОРД, закрепляя (упорядочивая) процедурные вопросы ограниченного пользования.

В предмет правового регулирования наряду с другими вопросами должны входить: механизм защиты граждан, оказывающих содействие оперативным подразделениям полиции (институт содействия граждан); производство предварительной и последующей оперативной проверки в рамках ДОУ; противодействие предварительному расследованию преступлений.

Заметим при этом один момент: законодательное (правовое) регулирование также нуждается в оптимизации путем совершенствования его механизма (законотворческой и правоприменительной практики). В законодательном обеспечении нуждается также сама оптимизация правового регулирования.

Механизм нами рассматривается как инструмент оптимизации правового регулирования.

Мы со своей стороны полагаем, что на сегодня в рассматриваемом аспекте наиболее значимы (характерны) три группы разнородных механизмов:

первый связан с оптимизацией взаимодействия оперативных подразделений полиции между собой с учетом их специфических полномочий (так называемое внутреннее взаимодействие), а также с правоохранительными органами и органами, осуществляющими ОРД (внешнее взаимодействие);

второй охватывает оптимизацию правового регулирования в целом со всеми ее компонентами. Представляется, что предпосылкой рациональной оптимизации является мониторинг правового регулирования;

наконец, *третий* предполагает обеспечение социальной и правовой защиты граждан, оказывающих содействие оперативным подразделениям полиции. Как видно из самого названия, указанный механизм затрагивает весьма тонкую «материю», которая пока что недостаточно проработана через призму ее оптимизации, насыщая реальные рычаги практического воплощения в жизнь названные виды защиты.

Рассуждая в таком ключе о понятии «правовое регулирование», мы невольно обращаемся к теории права, где правовое регулирование, в частности, определяется как «осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с целью

их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными потребностями»[1]. Трудно не согласиться с такой дефиницией.

Между тем хотим подчеркнуть одну деталь, касающуюся предела правового регулирования. Мы полагаем, что, безусловно, уместно ставить такой вопрос, поскольку правовое регулирование — не догма, а динамический процесс. Между тем в общей теории государства и права утверждается о наличии пределов такого регулирования в контексте его оптимизации. Каковы же критерии**,** позволяющие убедительно говорить о таком пределе, на фоне цифровой трансформации. По-видиму, следует находить некий баланс между состоянием правового регулирования и теми условиями, в которых возникает такая потребность.

В настоящее время на фоне антироссийских экономических санкций, введенных странами Евросоюза, мирового экономического кризиса и проведения специальной военной операции остро стоит проблема оптимизации механизма правового регулирования ОРД, под которой нами понимается совокупность сбалансированных с условиями внешней среды действий, нацеленных на повышение эффективности[2] и результативности[3].

Отраслевые проблемы оптимизации (гласно-негласный характер нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере ОРД, специальные ее силы, средства, формы и методы, а также совокупность оперативно-розыскных мероприятий) во многом связаны с отсутствием научно выверенных и не противоречащих действующему законодательству рекомендаций, касающихся организации, тактики и методики осуществления ОРД в условиях цифровизации и дальнейшей глобализации[4].

---

[1] *Алексеев С. С.* Теория права. Москва, 1995. С. 209.

[2] Эффективность — качественный показатель деятельности оперативных подразделений полиции, выводимый через затраты ресурсов.

[3] Результативность — количественный показатель деятельности, характеризующийся посредством анализа целенаправленного разделения и синтеза производительности труда, процессов и ресурсов.

[4] См.: *Иванов П. И.* Цифровая реальность и ее влияние на развитие оперативно-розыскной науки // сборник материалов I Всерос. науч.-практ. конф. «Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции (Долговские чтения)» (Москва, 27 января 2021 г.) / под общ. ред. О. С. Капинус. Москва, 2021. С. 92–99.

Со своей стороны полагаем, что складывается некая формула: «сложившаяся ситуация (цифровая трансформация) + правовое регулирование ОРД + оптимизация = усредненная модель оптимизации правового регулирования ОРД», которая находит практическое преломление, пронизывая все подсистемы рассматриваемого вида деятельности.

Таким образом, оптимизация правового регулирования ОРД в условиях цифровой трансформации — объективный процесс, обусловленный в первую очередь новыми вызовами и угрозами национальной безопасности и необходимостью поиска эффективных ответных мер, прежде всего, путем подготовки и принятия законодательных и иных нормативных правовых актов. На этом фоне такие элементы механизма правового регулирования ОРД, как юридические нормы, правоотношения и акты реализации прав и обязанностей субъектов ее осуществления вряд ли могут оставаться неизменными, поскольку названный механизм предстает перед нами как инструмент оптимизации.

УДК 66.4(0):304

Ивашевский С. Л.,
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Нижегородской академии МВД России

Операционализация признаков как средство оптимизации правового регулирования противодействия экстремистским идеологиям

В контексте решения задач по обеспечению национальной безопасности нашей страны следует особое внимание обратить на угрозы, исходящие из распространения различного рода экстремистских явлений в жизни современного общества. Они проявляются в формах идеологии, деятельности, опирающихся на нее организаций, отдельных личностей, имеющей всегда деструктив-

© Ивашевский С. Л., 2023

ный характер, нацеленный на разрушение сложившейся социально-политической системы, деятельности использующей антиправовые, аморальные, насильственные способы достижения поставленных задач.

Во всех формах своего проявления экстремизм представляет высокий уровень социальной опасности, угрожая единству и безопасности государства, стабильному функционированию основных механизмов поддержания жизнедеятельности общества, обеспечению общественного порядка и социальной солидарности.

Опасность экстремизма определяется и сформировавшимся уже историческим опытом столкновения с подобного рода деятельностью, наличием в мире сил, заинтересованных в актуализации разрушительного потенциала экстремистской идеологии и практики ее реализации в противостоянии со своими экономическими и политическими конкурентами.

На расширенной коллегии МВД России 20 марта 2023 года Президент России В. В. Путин отметил резкий рост преступлений экстремистской направленности. По данным МВД России, в январе 2023 года зарегистрировано 134 преступления экстремистской направленности, что на 157,7 % больше января 2022 года[1]. В этой связи крайне важным представляется наличие и постоянное совершенствование эффективной системы противодействия экстремистским посягательствам на благополучие государства и общества.

Наиболее сложная в противостоянии с правом форма существования экстремизма — идеологическая. Как отмечают специалисты: «Экстремизм — это призывы и (или) оправдание нелегитимного насилия, осуществляемого во имя этнонациональных, религиозных, социальных, политических и (или) иных идей, а также действия, вытекающие из этих призывов или оправданий. Фундаментальный признак собственно экстремизма, позволяющий отличать его от смежных явлений (фундаментализм, радикализм, насильственная преступность), по нашему мнению, заклю-

[1] Путин обратил внимание на рост преступлений экстремистской направленности. URL: https://rossaprimavera.ru/news/4a6f9fa7 (дата обращения: 21.03.2023).

чается именно в сочетании идеологического фундамента и нелегитимного насилия»[1].

В Указе Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 года № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» экстремистская идеология определяется следующим образом: «совокупность взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения политических, расовых, национальных, религиозных и социальных конфликтов»[2].

Для определения уровня понимания сущности идеологии экстремизма, признаков ее проявления, способов распространения и методов реагирования на подобные противоправные действия нами было проведено исследование среди учащихся вуза МВД России в форме анкетного опроса (N = 100). Ответы респондентов продемонстрировали отсутствие у них понимания существа идеологий в целом и соответственно неготовность определять идеологию экстремизма в реалиях жизни современного общества. В ответах преобладают оценочные суждения, однозначно отрицательное отношение к экстремизму как крайне опасному явлению в жизни современного общества, но определенности в понимании специфики экстремизма как идеологии респонденты не продемонстрировали. Это во многом мешает адекватной реакции на встречу с экстремистской идеологией, определить факт наличия которой для многих становится сложной проблемой. Так, об этом свидетельствуют показатели нашего опроса, в котором, например, 66 % участников утверждают, что точно знают о наличии экстремистской пропаганды в интернете, регулярно пользуются им, но 90 % никогда лично не фиксировали факт ее воздействия на себя. Для многих, как показал опрос, присущ упрощенный взгляд на экстремистскую идеологию как

[1] Экстремальность и экстремизм в социальных практиках российской молодежи / В. В. Брюно [и др.]; отв. ред. Т. А. Хагуров, М. Е. Позднякова. Москва; Краснодар, 2017. С. 12.

[2] Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/?ysclid=lf414sebzb859714887 (дата обращения: 24.01.2023).

призывающую к насилию (54 %). В то время как экстремизм действует гораздо изощреннее, камуфлируя свою насильственную сущность психологическими, социально-технологическими приемами. Обеспокоенность вызывает и достаточно большое количество респондентов (в сумме около 36 %), не имеющих представления о своих действиях в случае столкновения с экстремистской идеологией.

В этой связи актуализируется задача операционализации признаков как средства оптимизации правового регулирования противодействия экстремистским идеологиям. Для решения указанных выше проблем считаем важным определить основные точки верификации идеологии в общем и экстремистской идеологии в частности в идейно-политическом пространстве современного общества. Они нам видятся в следующем:

— политическая идеология существует как система представлений о мире, в котором все основные противоречия могут быть устранены посредством объединения людей вокруг определенной цели, ценностей (например религиозного характера);

— политическая идеология существует как элемент борьбы за политическую власть, ее укрепление или обладание реальным влиянием на социально-политические процессы, соответственно нацеливаясь на постоянное расширение своего воздействия на общественное сознание;

— политическая идеология существует в форме наукообразной теории, создаваемой интеллектуалами-профессионалами, способными, в том числе перевести сложные теоретические конструкции в легко воспринимаемые массами лозунги и призывы;

— политическая идеология использует актуальный психологический и педагогический арсенал, включая инновационные методики и технологии воздействия на сознание интересующих ее социальных групп;

— политическая идеология готова наделить жизнь человека смыслом, определить для него основные принципы существования, сформулировать ближайшие задачи и перспективные цели для достижения лучшего состояния;

— политическая идеология существует как проект преобразования человека и общества, предполагает наличие соответствующих образов совершенства.

Если идеология носит экстремистский характер, то ее будут характеризовать следующие особенности вышеназванных показателей:

— провозглашение цели, связанной с неприятием наличной реальности, ее отрицанием посредством силовых методов, направленность на построение нового общественного порядка;

— в политической борьбе — отказ от преимущества легальной деятельности, игнорирование сложившихся норм политической и правовой культуры, использование неправовых методов деятельности;

— агрессивность агитационной деятельности, упор на поиск врага и формирование нетерпимости к его существованию;

— воздействие на общественное сознание посредством запугивания, обмана, введения в заблуждение с помощью сфабрикованных фактов и целенаправленного искажения реальности;

— отрицание свободы человека в выборе своего жизненного пути, интерпретация свободы как антиценности, разрушающей личность и препятствующей реализации ею своего истинного предназначения.

Спецификой нашего времени является развитие форм экстремистской идеологии. К сожалению, ее основанием часто становится религия. В целом, тенденция сближения религии и политики уже определена в современной науке. Так, ученые отмечают, что «в современной политике продолжается рост значения различных солидарностей — в первую очередь конфессиональных и этнических, что позволяет исследователям прийти к выводу, что конфессиональная идентичность становится одним из основных параметров политического процесса».[1] И в этом сближении находят потенциал для развития экстремистских настроений заинтересованные в дестабилизации социальные силы.

В случае использования экстремистскими силами религии возникает идеология религиозного экстремизма. Среди ее основных признаков отметим:

---

[1] *Амелин В. Н., Оганесян А. Л.* Религия в социальной и политической жизни современной России: рецензия на монографию «Религия в современной России: контексты и дискуссии» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 677.

— наличие общей и «единственно верной» цели, связанной с установлением «священного» порядка, не приемлющего альтернатив «греховного» мира;

— политизация религии, формирование комплекса идей, институтов и практик замещения действующих государственных структур и их функций религиозными;

— акцент на собственной исключительности, «богоизбранности», требующей фанатичной преданности общему делу, вплоть до принесения в жертву себя и (или) окружающих;

— воздействие на общественное сознание посредством псевдорелигиозных идей, имеющих выраженный популистский характер;

— отрицание свободы совести и ее сторонников как врагов, как объектов для устранения.

Считаем, что тщательная проработка решений задачи операционализации признаков экстремистских идеологий будет значимым средством оптимизации правового регулирования данной сферы.

УДК 340.14

Калинина Е. В.,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского; профессор кафедры социальной медицины и организации здравоохранения Приволжского исследовательского медицинского университета

Оптимизация правового регулирования безопасности прогрессивного коммуникативного пространства

Категория коммуникации исследуется разными науками, что не удивительно, поскольку она является основой формирования

© Калинина Е. В., 2023

духовно-нравственных ориентиров общества. Поведение участников бытового и профессионального общения, а также средства и способы передачи информации позволяют определить уровень правовой культуры не только индивидов, но и социальных образований в целом и как следствие — уровень их жизнеспособности и защищенности.

Интенсивные междисциплинарные исследования в сфере коммуникаций породили множество дефиниций пространства информационного обмена. С учетом заинтересованности отдельно взятых наук в специфических сторонах коммуникации выявляются следующие закономерности выделения ключевых признаков в определении данной среды как особого вида информационного пространства, формируемого самими его активными участниками[1]; как когнитивно-дискурсивной среды[2]; как проксемического пространства[3]; как среды, воспроизводящей «целиком весь жизненный мир»[4]; как «территории», среды взаимодействия акторов общения, имеющей географические и социокультурные границы[5]; как «социокультурного пространства»[6] и пр.

Некоторые ученые сетуют на отсутствие единообразного восприятия коммуникативного пространства, а также наоборот родственных понятий, зачастую используемых как синонимы. Так, в документах и специальной литературе помимо вышеуказанного термина можно встретить «информационное пространство», «сфера массовых коммуникаций», «медиапространство» и иные варианты. С одной стороны, это объясняется многообразием объектов и методов изучения коммуникативного процесса, его участников, аккумулируемой информацией, средств ее передачи

---

[1] См.: *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации. Москва; Киев, 2001.

[2] См.: *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. Москва, 1996. С. 295.

[3] См.: *Крейдлин Г. Б.* Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2000. С. 12.

[4] См.: *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне: пер. с нем. Москва, 2003. С. 309.

[5] См.: *Шарков Ф. И.* Основы теории коммуникации. Москва, 2005.

[6] См.: *Естрина О. В., Дулина Н. В.* Социокультурное пространство: определение понятий // Человек. Культура. Общество. Волгоград, 2007. Вып. 5. С. 13–15.

и других элементов общения, анализируемых разными науками – как общественными и гуманитарными, так и техническими. В то же время каждая наука фокусирует внимание на тех сторонах коммуникации, которые характерны для ее области. Так, филология и лингвистика исследует средства оформления и передачи информации: знаки, символы, образы; социология, психология и политология, в пределах их собственного объекта исследования, анализируют манипулятивный потенциал информации. В частности, политологи рассматривают последнюю как средство формирования общественного мнения, политического взаимодействия и противоборства. Практика последних лет убедительно продемонстрировала разрушительные возможности неконтролируемых информационных потоков, заставив даже самых непримиримых правозащитников признать необходимость установления рамок допустимого оборота информации, правовых последствий свободы доступа к ней и распоряжения ею.

Кроме распределения вопросов специализации научного поиска, целесообразно обратить внимание на то, что характеристики «коммуникативный», «информационный», «медиа-» могут использоваться не только как синонимы, в случае расширительного их понимания, но и указывать на приоритетные аспекты в общей проблематике общения, которые непосредственно анализируются. Так, термин «коммуникативное пространство» наиболее объемен по значению. С лингвистической точки зрения в нем отсутствуют какие-либо ограничительные привязки к количеству и множественности участников, к средствам передачи данных и классификации последних, а также к контексту общения. Для сравнения, понятие «медиапространство» представляется более конкретизированным; в нем подразумевается фокус на массовые коммуникации и широту распространения информации. Концепт «информационное пространство», также понимаемый как расширительно, так и более узко, как правило, используется юристами чаще, чем первые два, поскольку это дает им возможность сосредоточить внимание на контенте коммуникации, определить добросовестность поведения участников информационного обмена и их ответственность за неправомерное распространение информации. Тем не менее понятие коммуникативной среды (пространства) все ощутимее внедряется в правовой дискурс в силу необ-

ходимости поиска оптимальной модели правового регулирования данной среды и формирования новой этической и социально-политической мировоззренческой платформы. Современные аппаратные средства и инновационные политические и социально-психологические технологии, применяемые в коммуникативной среде, являющиеся продуктом научно-технического прогресса и ускоряющие процесс опубликования сведений о происходящем в мире, дают основание ввести в оборот термин «*прогрессивное коммуникативное пространство*», под которым понимается *среда высокотехнологичных массовых коммуникаций с присущими ей преимуществами и вызовами*.

Действующая Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации[1] устанавливает приоритетность инновационной деятельности и использование высоких технологий во всех сферах жизнедеятельности и науки. Данный документ лишь подтверждает сложившуюся тенденцию к цифровизации всего информационно-коммуникативного пространства, предоставляющей неоспоримые удобства. Тем не менее многочисленные преимущества технологического развития не исключают рисков и вызовов коллективной национальной и международной безопасности.

Современные вызовы правовому регулированию массовых коммуникаций представлены многообразием видов общения, креативно прогрессирующими коммуникативными средствами и трансграничностью информационного пространства, применяемыми не только в безобидных бытовых целях, но и для внутри- и внешнеполитического противоборства. Не вписываясь в полной мере в механизм этического и правового регулирования, они способны создать угрозу целостности общества и государства, которые оказываются зачастую незащищенными от быстро синхронизирующихся с современными социально-политическими процессами манипулятивных практик, поскольку любые попытки пресечения распространения информации, посягающей на единство

[1] О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 года № 642 (ред. от 15.03.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49, ст. 6887.

и солидарность общества, являются поводом для обвинения властей в недемократическом поведении, нарушении прав граждан на доступ к информации и прочих либеральных и псевдолиберальных ценностей. При этом даже отсылки к необходимости противодействия злоупотреблению информационными правами и свободами в интересах коллективной безопасности уже не работают, поскольку еще в 90-х годах XX века была весьма эффективно внедрена идея превалирования безопасности личности над интересами государства. Выглядело это как подрыв доверия к концепту государства в качестве гаранта безопасности.

Более того, лакуны нормотворчества используются для формирования «альтернативной морали», позволяющей внести раскол, разделяя народ на «прогрессивно мыслящих» и «ретроградов», чьи духовно-нравственные ценности «давно себя изжили». Данные этические трансформации сопровождаются формированием системы ценностных ориентиров, подкрепленной для большей наглядности совокупностью актуальных «героев» и «антигероев»[1], что имеет, как правило, далеко идущие цели — формирование (или переформатирование) образа государства и его внешнеполитических конкурентов[2].

Скрытая угроза, заложенная в самой природе общения и быстро развивающихся, транснациональных способах его осуществления, требует своевременного реагирования и разработки инновационных этических и правовых «фильтров». Безусловно, коммуникация, сама по себе и в полном объеме, не составляет предмет правового регулирования, однако те ее области, которые затрагивают публичный и частный интерес, подлежат регламентации. И хотя концепты плюрализма мнений, права граждан на информацию и прочие достижения цивилизации требуют наличия многообразия информационных ресурсов и беспрепятственного, со стороны государства, доступа к ним, появление альтер-

[1] См.: *Иванова Е. В.* Этическая инверсия образа положительного героя современного медиапространства: проблема привлекательности инфернальных героев // Философия сегодня: ценности, перспективы, смыслы. Екатеринбург, 2021. С. 234–239.

[2] См., например: *Кужелева-Саган И. П.* Социальные сети как пространство реализации стратегических коммуникаций и ведения меметических войн // Коммуникология. 2022. Т. 10. № 1. С. 65–79.

нативных государственным источников информации делает государственную внутри- и внешнеполитическую стратегию уязвимой для критики. Помимо этого, имплементация определенных принципов так называемых цивилизованных народов, из-за моральной незрелости части общества, может представлять существенную опасность. В частности, злоупотребление свободой слова и правом на доступ к информации и на ее распространение порождает риски публичному порядку и коллективной безопасности. Столь привлекательная для «прогрессивно мыслящих» людей «упрощенная» модель информационных прав и свобод, не обремененная ответственностью за последствия их реализации, порождает когнитивный диссонанс означенных декларируемых прав и информационно-психологической безопасности индивидов и социума.

Как отмечалось выше, технический прогресс и глобализация, устраняя физические границы и культурные различия[1], вызвали необходимость установления пространственной составляющей коммуникации, поскольку трансграничность и транснациональность последней приводит к конкуренции юрисдикций. На государственном и международном уровне выявилось наличие системных, технических, идеологических, экономических, социальных и иных препятствий для создания эффективного механизма правового регулирования пространства массовых коммуникаций.

Мы наблюдаем конфликт нарративов, часть которых направлена на апологетику этатизма, а другая — на развенчание эффективности государства как гаранта безопасности индивидов. Наблюдавшийся с конца 80-х годов прошлого века перекос «информационных фильтров» в сторону западного видения «демократических» принципов привел к утрате национальными сообществами четкого представления о собственных традиционных и этических устоях, что неизбежно и очевидно сказывается на искажении нравственных ориентиров. Таким образом, широкий и неограниченный доступ к информационным потокам, предоставленный, зачастую, неподготовленной публике, становящейся «легкой

[1] См.: *Осипова Е. А.* Коммуникативное пространство современного социума: научные подходы к пониманию и актуальные проблемы функционирования // Вестник АГУ. Вып. 4 (168). 2015. С. 129.

добычей» искусных интерпретаторов и не имеющей представления о необходимости верификации поступающих сведений, оказался существенным вызовом целостности государства и общества.

Резюмируя вышесказанное, можно свести имеющиеся вызовы прогрессивного информационно-коммуникативного пространства к следующим: 1) содержание и верификация информации; 2) способы оформления и передачи данных; 3) высокий манипулятивный потенциал инновационных средств интерпретации информации; 4) сложившиеся «конвенционные» ограничения на вмешательство государства в медиасферу, препятствующие развитию правовых регуляторов информационно-психологической безопасности индивидов и общества, синхронизирующихся с быстро развивающимися инновационными коммуникативными средствами; 5) недостаточно высокий уровень развития критического мышления и правосознания масс, усугубляющий уязвимость последних при воздействии на них манипулятивных политтехнологий.

Наиболее очевиден такой эффект прогрессивной части коммуникативного пространства, которая ассоциируется с медиасферой, целью которой является обнародование сведений об актуальных событиях и явлениях. Для удержания внимания публики ее акторам необходимо использовать все новейшие инструменты — от новых технических разработок до инновационных стратегий, тактик и приемов манипулирования общественным мнением.

Наряду с традиционными средствами массовой информации (печатные/электронные версии; теле- и радиовещание) усиливается влияние социальных сетевых сервисов, через которые также происходит воздействие на территорию государств-конкурентов. Учитывая постоянно совершенствующиеся технологии влияния, реципиенты информации зачастую даже не осознают, что им уготована роль распространителей идей, которые могут привести не только к расколу общества, но и к разрушению государства изнутри, как это произошло с Советским Союзом и рядом других государств. Подобные способы, позволяющие сэкономить на собственных военных ресурсах и без явного насилия победить противника, используются недобросовестными внутри- и внешнеполитическими конкурентами и в настоящее время, что вызывает оживленную полемику относительно необходимости усиления государственного регулирования и пределов государственного вмешательства в прогрессивное

коммуникативное пространство[1], о социально-политическом потенциале медиаресурсов[2], эффективности их саморегулирования[3] и цензуре информационного контента[4].

Следует признать, что в сложившихся обстоятельствах и при наличии объективных препятствий юридизации инструментов регулирования информационно-коммуникативного пространства требуются более изощренные способы противодействия недобросовестному поведению его участников. Такими способами могут стать междисциплинарные практики, использующие социальные, экономические, политические, технические и иные инструменты, которые можно «вплести» в канву механизма правового регулирования указанной сферы.

Решение проблемы оптимизации регулирования прогрессивного коммуникативного пространства предполагает комплекс взаимо-

---

[1] См.: *Панкеев И. А., Тимофеев А. А.* Тенденции государственного регулирования российских СМИ: правовой аспект // Вопросы теории и практики журналистики. 2020. Т. 9. № 2. С. 231–246; *Рачков М. П.* К вопросу о правовых ограничениях свободы российских средств массовой информации // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4. № 2. С. 127–138; *Rozgonyi K.* A Model for Media Regulation. InterMEDIA, 2018. April. Vol. 46. Issue 1. P. 18–23; *Fukuyama F., Grotto A.* Comparative Media Regulation in the United States and Europe. Social Media and Democracy. The State of the Field, Prospects for Reform, 2020. P. 199–219. Publisher: Cambridge University Press.

[2] См.: *Юферева А. С.* Средства массовой информации как институт политической коммуникации в условиях Интернета. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30146709 (дата обращения: 03.02.2023); *Крыштановская О. В., Филиппова А. М.* Исследования политической коммуникации: государство и социальные сети // Социальные технологии и процессы. Вестник университета. 2018. № 6. С. 171–176.

[3] См.: *Сбруева Д. В.* Особенности становления и развития правового регулирования и саморегулирования средств массовой информации России (90-е годы XX века) // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. 2011. № 2. С. 90–97.

[4] См.: *Рябченко Н. А., Катермина В. В., Гнедаш А. А., Малышева О. П.* Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика // Южнороссийский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 3. С. 139–162; *Samples J.* Why the Government Should Not Regulate Content Moderation of Social Media. Policy Analysis, CATO Institute, 2019. April 9 (865). P. 1. URL: https://www.cato.org/sites/cato.org/files/pubs/pdf/pa_865.pdf (access date: 04.02.2023).

связанных мероприятий, включающих совершенствование терминологического аппарата; пересмотр механизма взаимодействия органов власти с акторами медиапространства и использование имеющихся успешных практик управления общественным мнением; разработку методологии профайлинга коммуникативных процессов и акторов медиапространства; формирование устойчивости массовой аудитории к манипулятивно-провокативным (деструктивным) инструментам воздействия на общественное мнение; как следствие из предыдущего мероприятия — противодействие пользователей сетевых сервисов распространению фальсифицированной и искаженной информации, а также суггестивным интерпретациям, направленным на воздействие на массовое сознание. Предпосылкой такого противодействия должны стать высокий уровень информационно-правовой культуры и правосознания участников прогрессивного коммуникативного пространства, позволяющий им распознать использование коммуникаторами манипулятивных технологий и своевременно пресечь деструктивное воздействие последних на единство общества и солидарность его членов.

УДК 343

Клепикова О. Г.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права Юридического института РГУ имени С. А. Есенина (г. Рязань);
Цема Н. М.,
магистрант Юридического института РГУ имени С. А. Есенина (г. Рязань), специалист в области IT-технологий

Цифровой вектор развития судопроизводства. Перспективное основание

Развитие информационных технологий вывело уровень общественных коммуникаций к показателям высоких скоростей обмена

© Клепикова О. Г., Цема Н. М., 2023

информацией, прозрачности общественного взаимодействия, гласности. Проблема восстановления утраченного к судебным органам доверия со стороны широкой общественности вполне восстановима путем использования цифровых платформ, способных обеспечить формирование единого цифрового пространства как средства взаимодействия, обмена информацией как между гражданами и судами, так и между судами различных уровней. Данные целевые установки закреплены в Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы[1].

ГАС «Правосудие» — развивающийся информационный объект, обладающий сильным стратегическим потенциалом для выполнения возложенной на него функции обеспечения единого цифрового пространства судебной системы. В настоящее время электронная система находится в процессе миграции в облачную инфраструктуру.

Территориально распределенные аппаратно-серверные комплексы ГАС «Правосудие», содержащие данные, не перенесенные в облачную среду по причине политических интриг недоброжелателей, за последний год неоднократно подвергались массированному воздействию, DDoS-атакам.

«Отказ в обслуживании», или DoS (Denial-of-service), вызывается посредством намеренного искусственно сформированного превышения количественного предела запросов на веб-сервер, изначально имеющего технические ограничения.

За последние два десятилетия кибератаки прошли успешный эволюционный путь. Ранее осуществляемая специально установленным оборудованием на сервер фильтрация трафика вполне эффективно справлялась с проблемой. Компании, развернувшие свой бизнес на выпуске и установке подобного оборудования, быстро лишились рыночного спроса, поскольку теневой мир киберпреступлений — это огромный ресурсный сектор с мощными интеллектуальными резервами и техническими характеристиками. Начиная с 2016 года над ситуацией терялся контроль, а к настоящему моменту DDoS-атака представляет собой центриро-

[1] Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей Российской Федерации 05.12.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.04.2023).

ванное на конкретно выбранный целевой объект воздействие, способное вывести из строя высокопроизводительное оборудование, создать угрозу взлома, спровоцировать утечку информации из баз данных. Речь может идти о персональных данных граждан.

Как правило, организация кибератак преследует своей целью создание картины панических общественных настроений, сопровождающихся всеобщим нарастающим недоверием к государственным органам.

Реальным решением в обеспечении защиты от компьютерных атак являются технологии облачных вычислений. Используя основное свойство данных технологий, масштабируемость или эластичность, специализированные облачные сервисы ИБ-защиты (информационной безопасности-защиты) способны в случае внезапной атаки к расширению до необходимых объемов собственных вычислительных ресурсов, а вследствие этого к сохранению бесперебойной работы сервиса.

Для территориально распределенных аппаратно-серверных комплексов ГАС «Правосудие» усматривается два возможных пути решения проблемы интеграции с сервисами облачных вычислений.

Первый — подключение облачного сервиса посредством облачного покрытия каждого узла распределенной сети, каждого отдельного канала связи с интернет-сетью. Подобная перестройка системы кибербезопасности представляет определенную сложность и требует денежных вложений за реализацию неординарного подхода.

Второй путь интеграции с облачным сервисом заключается непосредственно в переносе всех ключевых функциональных блоков в облачную инфраструктуру и в последующем подключении облачной ИБ-защиты. Данный вид интеграции прост и удобен — используется только один канал для систем защиты.

Вообще, для ГАС «Правосудие» преимущества концентрирования всех ресурсов и функциональных блоков на единой цифровой платформе, базирующейся в облачных вычислениях, открываются не только со стороны обеспечения безопасности системы и эффективности защиты от DDoS-атак.

Посредством предложенного использования цифровых технологий система электронного правосудия приобретает необхо-

димую гибкость в обновлении программного обеспечения, нормативной базы. Благоприятные условия для эффективности сбора, обработки и хранения информации способствуют созданию единой базы судебных решений, анализу статистических данных. Облачная эластичность позволит осуществлять хранение видеоматериалов, требующих вместительных ресурсов.

Все вышеперечисленные технологические преимущества направлены на оптимизацию деятельности судебного аппарата.

К настоящему времени гражданское судопроизводство испытывает острую проблему загруженности мировых судов в сочетании с низкой производительностью. Рассмотрение заявлений на выдачу судебного приказа в предусмотренных процессуальным законодательством бесспорных случаях — труд, не требующий интеллектуального напряжения и глубины юридической мысли. Подобная монотонная работа вполне может быть выполнена компьютерной программой.

Заданный алгоритм способен сформировать необходимый документ с требуемым заполнением обязательных полей, программное обращение к базе данных обеспечит проверку достоверности указанной информации, идентификационных данных граждан-участников. Изначально предусмотренная электронная подача заявлений поможет снизить бумажные архивные накопления, сделает климат социально-цифровой ориентированности электронного документооборота для граждан привычным и удобным.

Интересен опыт Китая в цифровом реформировании судебной системы посредством внедрения технологий собственно искусственного интеллекта (далее — ИИ). Стимулом послужил ряд факторов: острый недостаток квалифицированных кадров, приоритетное положение закона в общественных установках, что увеличило число обращений граждан в суд, имидж судебных органов, отвечающий принципу прозрачности, а также стремление государства сократить денежные расходы на содержание судебной системы.

Уже в течение пяти лет до настоящего момента в некоторых крупных городах Китая успешно функционируют различные программы по ИИ экспериментального уровня, направленные на модернизацию и оптимизацию работы судов. Изначальной целью было определено установление контроля за деятельностью судов

низших инстанций, а основным убеждением принято то, что результаты работы ИИ подлежат проверке, а судья-человек не заменим в принятии судебного решения, но робот-помощник ему необходим.

Многие залы суда в Китае оснащены технологическими системами, которые на основе базы по судебной практике и кодифицированным нормативным актам способны обнаружить несоответствия в представленных по делу доказательствах и составить рекомендации по предстоящему вынесению решения, что существенно сокращает время проведения судебного разбирательства[1].

Китайская судебная реформа привела в действие новую форму защиты прав[2]. Речь идет об интернет-судах, осуществляющих свою деятельность в режиме реального времени в online-пространстве с применением технологий ИИ, с судьей-роботом, сгенерированным нейросетью.

Согласие на проведение в подобной форме судебного разбирательства требуется от двух сторон возникшего спора. Интернет-судами рассматриваются конфликты, возникшие исключительно в сети «Интернет»: споры вследствие нарушения online-договора купли-продажи, финансового займа, споры о защите авторских или смежных прав в интернет-сети, споры о правах владения и распоряжения доменными именами и т. д.[3]

Вообще, технологии ИИ, а именно технологии обработки естественного языка, распознавания речи, генерации текста — преимущественный и востребованный цифровой инструмент в процессе оптимизации судопроизводства как необходимой трансформации, вызванной временем и объективной действи-

---

[1] See: *Wang N., Tian M. Y.* “Intelligent Justice”: human-centered considerations in China’s legal AI transformation. AI Ethics (2022). URL: https://doi.org/10.1007/s43681-022-00202-3 (дата обращения: 02.04.2023).

[2] См.: *Wang Zhuhao*. China's E-Justice Revolution (April 20, 2021). Judicature Vol. 105. No. 1 (2021). URL: https://ssrn.com/abstract=3629963 (дата обращения: 02.04.2023).

[3] См.: *Русакова Е. П.* Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2021.

тельностью, обозначенной социально-экономическими и политическими государственными стратегиями[1].

Natural Language Processing (NLP) — научное направление вычислительной лингвистики и технология ИИ, сконцентрированные на работе с естественным (человеческим) языком в устной и письменной формах с преобразованием языка из одной формы в другую, с разработкой предиктивных методов, необходимых для генерирования устного или письменного контента.

Осуществляется данная технология посредством методов машинного обучения, комплексом нелинейных алгоритмов, решающих определенные задачи. Свою реализацию эти алгоритмические серии получают в архитектуре многослойной нейросети. Подобная технология получила название глубокого обучения (deep leaning).

Машинное обучение — алгоритмическая обработка данных, прогнозирование, основанное, например, на методах статистического анализа.

По данным Дорожной карты развития «сквозной» технологии «Нейротехнологии и Искусственный интеллект» еще в 2019 году технологии обработки естественного языка, синтеза и распознавания речи достигли уровня открывающихся перспектив высоких цифровых возможностей[2].

«Центром речевых технологий» (российская группа компаний, разработчик инновационных продуктов в области ИИ) была предложена система Нестор «Правосудие», позволяющая осуществлять фиксацию судебного заседания, используя технологи-

[1] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество»: постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 313; О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: постановление Правительства Российской Федерации от 2 марта 2019 года № 234; О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203; О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.04.2023).

[2] См.: Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.04.2023).

ческие средства: составление протокола с помощью технологии распознавания речи, многоканальная аудио-, видеофиксация, система ведения архива аудиозаписей и протоколов и другие технологические решения текущих проблем судопроизводства[1]. Успешное экспериментальное внедрение системы Нестор «Правосудие» в залы мировых судов г. Москвы было осуществлено в 2016 году[2].

Своевременное проведение процесса оптимизации судопроизводства средствами, предложенными миром цифровых технологий, может стать одним из наиболее действенных методов борьбы с коррупцией, неизбежно существующей и бесконечно стремящейся к росту. Новации, обеспечивающие прозрачность каждого этапа судебного производства, способны на значительный период времени сломать привычную консервативную схематичность дурного тона, потребуется интеллектуальный и временной ресурс для развития и освоения новых путей создания теневых спектров.

УДК 340.137.2

Ковтун Н. Н.,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России

Федеральный закон от 30 декабря 2021 года № 500-ФЗ: акт решения сложной нормативной коллизии или стандарт дефектности в правовом регулировании

Прежде чем анализировать суть нормативных новаций, предложенных Федеральным законом от 30 декабря 2021 года

[1] См.: Брошюра Нестор «Правосудие». URL: https://www.speechpro.ru/upload/productspecificationdocument/file/НЕСТОР.ПРАВОСУДИЕ_брошюра_2019_2_compressed.pdf (дата обращения: 02.04.2023).

[2] См.: О результатах опытной эксплуатации системы: отзыв об Управлении по обеспечению деятельности мировых судей Московской области. URL: https://www.speechpro.ru/upload/productspecificationdocument/file/2016.Отзыв_Мировые_судьи_Мособласть_Нестор.ПРАВОСУДИЕ.pdf (дата обращения: 02.04.2023).

© Ковтун Н. Н., 2023

№ 500-ФЗ (далее — ФЗ № 500), считаем оправданным кратко обозначить основные коллизии, послужившие фактической основой для разработки и принятия этого нормативного акта.

Исследуя в свое время порядок производства стационарной судебно-психиатрической экспертизы, реализуемой в отношении обвиняемых, подозреваемых по уголовному делу (п. 3 ст. 196 УПК РФ), мы вынужденно акцентировали проблему правовых оснований применения к указанным лицам специализированного психиатрического лечения, осуществляемого вне гарантий и процедур, установленных для применения принудительных мер медицинского характера (далее — ПММХ). Суть проблемы заключалась в том, что к испытуемым, буквально с первых часов помещения в медицинский стационар, для целей производства указанной экспертизы применялся набор таких специфических лекарственных средств, как галоперидол, галоперидол-деканоат, стелазин, тизерцин, циклодол, амитриптилин, анафранил, паркопан. Закономерно возникли вопросы как о легальности их применения в отношении указанных лиц, так и системы гарантий, призванных к обеспечению прав заинтересованных лиц. Апеллируя к Закону Российской Федерации от 2 июля 1992 года № 3185-I «О психиатрической помощи...»[1], мы утверждали, что подобное лечение может иметь место исключительно на основании судебного решения или на основе письменного, добровольного согласия указанных лиц. В ответ медицинским персоналом были представлены медицинские карты пациента с наличием официального штампа и подписью обвиняемого, посредством которой он (якобы) выражал согласие на оказание психиатрической помощи.

По идее, конфликт можно было считать исчерпанным. Тем не менее мы обратили внимание на записи в медицинских картах, в которых испытуемые (во время врачебного обхода): категорически отказываются от бесед с врачом; от еды; от применения того или иного препарата; неоднократно просят уменьшить дозы лекарств; угрожают суицидом, требуют выписки; предпринимают

[1] См.: О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: закон Российской Федерации от 2 июля 1992 года № 3185-I (в ред. Закона № 491-ФЗ от 30.12.2021). Доступ из ИПС «Гарант» (дата обращения: 24.04.2023).

попытки покинуть психиатрический стационар[1]. Как представлялось, при подобных поведенческих актах речь о добровольности реализуемой психиатрической помощи уже не идет. Конфликт интересов ставил вопрос о независимом судебном контроле, предмет которого: законность и обоснованность как самого факта психиатрического лечения и назначаемых для этого специфических средств, так и строго определенного, контролируемого срока их применения.

Не найдя понимания по этим моментам, мы апеллировали к итоговым экспертным заключениям, сформированным в отношении указанных лиц. По выводам последних обвиняемые, как правило, были признаны в качестве лиц: не отдающих отчет в своих действиях и не руководящих ими; причем как в момент совершения общественно опасного деяния, так и производства самой экспертизы. Однозначным был и вывод о том, что в силу выявленного психического расстройства испытуемые нуждаются в применении принудительных мер медицинского характера (далее — ПММХ) в порядке гл. 51 УПК РФ. На основе системы указанных фактов мы настаивали на том, что подобные лица объективно не могут быть субъектами выражения письменного, добровольного согласия на оказание неотложной (специализированной) психиатрической помощи.

Достаточно сложно было также понять: на каком основании эти лица были оставлены в психиатрическом стационаре по окончании судебно-психиатрической экспертизы; при этом, как и ранее, к ним интенсивно применялись указанные средства лечения — вплоть до внесения решения суда о применении к этим лицам ПММХ в порядке гл. 51 УПК РФ. Для понимания укажем и то, что суммарные сроки подобного («добровольного») лечения в среднем составили от 135 до 295 суток[2]. Увы, все наши доводы и акценты по этим проблемам были оставлены без внимания как российской доктриной, так и непосредственно законодателем.

---

[1] Подробнее см.: *Ковтун Н. Н.* Судебно-психиатрическая экспертиза по уголовным делам: предмет и содержание прокурорского надзора // Законность. 1998. № 1. С. 45–46.

[2] См.: *Ковтун Н. Н.* Стационарная судебно-психиатрическая экспертиза по уголовным делам и гарантии прав граждан при оказании психиатрической помощи // Государство и право. 1997. № 3. С. 64–71.

Между тем, как выяснилось, озвученные проблемы никуда «не исчезли». Свидетельством тому правовые позиции, сформированные в постановлении КС РФ от 24 мая 2018 года № 20-П[1]. Размещение этого акта в системе «Гарант» было анонсировано подзаголовком «Конституционный Суд РФ разобрался с правилами перевода обвиняемых в психиатрический стационар». Насколько разобрался, попробуем пояснить.

Основной проблемой, поставленной на разрешение Суда, стала неопределенность сроков, в течение которых обвиняемые Д. и К. сначала находились на стационарной судебно-психиатрической экспертизе, а затем (до решения вопроса о применении к ним ПММХ) были «оставлены» в психиатрическом стационаре, где к ним «обоснованно» применялось специализированное психиатрическое лечение. Естественно, вне порядка, установленного для ПММХ, судебного контроля, системы гарантий, предусмотренных гл. 51 УПК РФ. К примеру, к обвиняемому Д. (на момент конституционной проверки), «добровольное» психиатрическое лечение применялось в течение более 12 месяцев.

Оценив ситуацию, суд констатировал как исходную (правовую) неопределенность сроков, в течение которых обвиняемые содержались в психиатрическом стационаре (что не соответствует положениям Конституции Российской Федерации), так и аналогичную неопределенность правовых оснований их «содержания» в указанном стационаре вне рамок и гарантий ПММХ. В итоге, законодателя обязали оперативно определиться в этих моментах.

Новации были объективированы Федеральным законом от 30 декабря 2021 года[2]. Если кратко, суть усилий законодателя све-

---

[1] По делу о проверке конституционности статьи 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д. и К.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2018 года № 20-П. Доступ из ИПС «Гарант» (дата обращения: 24.04.2023).

[2] О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и статью 24 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федеральный закон от 30 декабря 2021 года № 491-ФЗ (далее — Закон № 491-ФЗ); О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 декабря 2021 года № 500-ФЗ. Доступ из ИПС «Гарант» (дата обращения: 24.04.2023).

дена к определению надлежащей процессуальной формы оказания необходимой психиатрической помощи обвиняемым, в отношении которых еще нет решения суда о применении ПММХ (гл. 51 УПК РФ), но есть акт судебно-психиатрической экспертизы, по основным выводам которого они признаны нуждающимися в оказании неотложной, временной психиатрической помощи. В итоге: часть 2 статьи 29 УПК РФ была дополнена пунктами, устанавливающими новые формы судебного контроля, реализуемого в порядке статьи 108 и 435 УПК РФ, в виде обязательных решений суда: о временном помещении подозреваемого, обвиняемого, содержащегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (п. 2.1); и о продлении срока временного пребывания подозреваемого, обвиняемого, содержащегося под стражей, в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях (п. 2.2). Кроме того, новой редакцией статьи 435 УПК РФ был урегулирован порядок временного помещения обвиняемых в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Здесь же были сформированы предписания относительно порядка их содержания в этом стационаре; обязательности периодического психиатрического освидетельствования; порядка продления судом необходимых сроков оказания неотложной «временной» психиатрической помощи (etc). В проблемы оснований и правомерности специализированного психиатрического лечения обвиняемых во время производства судебно-психиатрической экспертизы законодатель, как и КС РФ, благоразумно вникать не стали.

Таким образом, посредством этих новаций законодатель, по идее, снял напряженность в правовом регулировании. Мы, напротив, считаем, что анализируемые новеллы еще более ухудшили ситуацию с обеспечением прав и гарантий как для субъектов стационарной судебно-психиатрической экспертизы, так и для лиц, к которым уже «временно» применяются меры неотложной психиатрической помощи. Поясним[1]:

[1] См.: *Ковтун Н. Н.* Коллизии неотложной психиатрической помощи уголовно-преследуемым лицам как предмет активной позиции адвоката в уголовном судопроизводстве России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 3 (59). С. 100–104.

1. Нормы УПК РФ более не регулируют порядок направления на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу подозреваемых, обвиняемых, которые на момент назначения этой экспертизы **содержатся под стражей**. Часть 2 статьи 29 УПК РФ не содержит норм о подобной форме судебного контроля; пункт 3 части 2 статьи 29 УПК РФ указывает лишь на правомочие суда решить вопрос о направлении на указанную экспертизу обвиняемых, **не находящихся под стражей**. Ранее (до исследуемых новаций) вопрос в отношении обвиняемых решался нормами статьи 435 УПК РФ. Однако в ее новой редакции эти предписания устранены; в настоящее время указанной нормой регулируется исключительно порядок оказания неотложной психиатрической помощи обвиняемым (по факту, реализованной экспертизы). В итоге, в течение полутора лет все ходатайства следственных органов и решения суда по фактам назначения указанных экспертиз не основаны на нормах закона и лишены надлежащей юридической силы.

2. Не разобрался законодатель и в компетенции должностных лиц, инициирующих ходатайства перед судом о применении, продлении, отмене указанной («временной») психиатрической помощи. По букве части 1 статьи 435 УПК РФ вопрос о необходимости ее применения может возникнуть лишь по итогам состоявшегося заключения экспертизы. Именно в выводах последней фактическое основание для инициации этой меры: вывод экспертов о тяжелом психиатрическом расстройстве испытуемого, которое требует оперативного применения временных мер неотложной психиатрической помощи. Как следствие, управомоченные субъекты (среди которых в законе указаны: суд; следователь, с согласия руководителя следственного органа; дознаватель, с согласия прокурора) инициируют перед судом ходатайство о временном помещении обвиняемого в лечебных целях в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Суд в порядке статьи 108 УПК РФ разрешает это ходатайство, принимая решение как о временном помещении указанных лиц в соответствующую медицинскую организацию, так и о конкретном сроке применения указанных мер. Эти же субъекты по нормам части 2 статьи 435 УПК РФ ходатайствуют перед су-

дом о продлении срока применения указанной меры (ст. 109 УПК РФ). Они же по части 10 статьи 435 УПК РФ периодически информируются медицинской организацией, оказывающей психиатрическую помощь, о текущем психическом состоянии обвиняемого, подозреваемого.

Между тем по части 1 статьи 434 УПК РФ единственно легальной формой предварительного расследования в отношении указанной категории лиц является предварительное следствие. Переход на эту форму является императивом с момента установления (экспертизой) факта психического расстройства обвиняемого. В силу чего указание в части 1, 2, 10 статьи 435 УПК РФ на (якобы) надлежащую компетенцию дознавателя, органа дознания, прокурора является явной ошибкой. Последние однозначно не субъекты решения названных выше вопросов.

3. Эта же проблема (компетенции) возникает при оценке части 2 статьи 435 УПК РФ. Речь о порядке дальнейшего продления применения указанной психиатрической меры за пределами «первичного» срока, установленного судом. По букве закона суд вправе принять такое решение неоднократно, но не свыше сроков, установленных статьей 109 или 255 УПК РФ. По идее, исчерпывающе. Однако за рамками закона остался вопрос, насколько эти императивы обязывают следователя и суд к учету всей системы условий, установленных в части 2 и 3 статьи 109 УПК РФ. По смыслу последних, напомним, продление срока свыше 6 и 12 месяцев обусловлено системой особых условий, среди которых: категория преступлений, по которым расследуется дело (средней тяжести, тяжкие, особо тяжкие); строго управомоченный субъект согласования ходатайства следственных органов; соответствующий суд (субъект принятия решения); наконец, исключительность следственной ситуации при продлении срока свыше 12 месяцев. Является ли эта система условий императивом и для решения судом вопроса о продлении исследуемой временной психиатрической меры, нормы части 2 статьи 435 УПК РФ не поясняют. В итоге, и в этом моменте можно ждать достаточно серьезных коллизий.

4. Неопределенно выражена воля закона и в определении «первичного» срока применения названной меры. Часть 1 ста-

тьи 435 УПК РФ, по сути которой суд принимает решение о временном оказании неотложной психиатрической помощи в стационарных условиях, с указанием конкретного срока, но не более чем на 6 месяцев, не дает ответа на вопрос: сразу на 6 месяцев или сначала в пределах 2-месячного срока, как это указано в части 1 статьи 109 УПК РФ, с дальнейшим продлением указанной меры по правилам частей 2 и 3 статьи 109 УПК РФ (до 6, 12, 18 ... и далее месяцев)?

Проблема и в том, насколько оправдано характеризовать указанную помощь в качестве «временной». Особенно при сроках ее применения в 6–12–18 месяцев, так как законодатель в принципе не поясняет: в силу каких именно обстоятельств следователь «не в состоянии» в пределах указанных сроков оперативно подготовить и направить в суд материалы уголовного дела с постановлением о применении к лицу ПММХ. Аналогично, что препятствует суду не обращаться к статье 255 УПК РФ с целью «временного» продления указанной меры, а непосредственно (в судебном заседании) решить вопрос о применении к данному лицу ПММХ по правилам главы 51 УПК РФ. Тем более что без ответа оставлены также вопросы: по каким правилам исчисляется срок оказания «временной» психиатрической помощи с учетом суммарных сроков применения мер пресечения (п. 3 ч. 10 ст. 109 УПК РФ); есть ли предельный срок указанной «временной» помощи; и т. п.

5. Актуален также вопрос, насколько применение указанной психиатрической меры: суть основание для временного приостановления производства по делу (гл. 28 УПК РФ). Если это легальное основание для данного акта, оно носит самостоятельный характер или это разновидность пункта 4 части 1 статьи 208 УПК РФ. Практика объективирует проблемы в этих моментах (в зависимости от региона): дело приостанавливается со ссылкой на пункт 4 части 1 статьи 208 УПК РФ, ссылкой на пункт 3 части 1 статьи 208 УПК РФ, на нормы непосредственно статьи 435 УПК РФ. При этом не ясно, насколько императив для следователя при вынесении данного процессуального решения нормы части 6–7 статьи 208 УПК РФ, обязывающие его к решению вопросов, связанных с дальнейшим применением по делу мер процессуального принуждения.

6. Ошибся законодатель и в определении порядка временного помещения обвиняемых, подозреваемых, не содержащихся под стражей, в специализированную медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Указывая в части 11 статьи 435 УПК РФ на то, что этот вопрос должен решаться по правилам статьи 203 УПК РФ, законодатель в принципе «не заметил», что все части данной статьи содержат предписания, связанные исключительно с порядком производства стационарной судебно-психиатрической экспертизы. В итоге, в этой статье в принципе нет предписаний относительно порядка оказания «временного», вынужденного психиатрического лечения по нормам статьи 435 УПК РФ.

7. Наконец, законодатель упорно не желает обсуждать вопросы, связанные с предметом проверки и оценки суда, рассматривающего ходатайство следственных органов о применении к обвиняемому «временной» неотложной психиатрической помощи (ст. 435 УПК РФ). По букве закона предмет подобной проверки: исключительно свойства законности и обоснованности ходатайства следственных органов либо помещении указанных лиц в специализированный психиатрический стационар, либо о продлении действия указанной «временной» меры (до 6–12–18... месяцев). В вопросы собственно специализированного психиатрического лечения (тем более в столь длительных временных пределах), средств такого лечения суд, в принципе, не входит. Это не предмет проверки для независимого и беспристрастного суда. Как следствие в судебное заседание, реализуемое по правилам статьи 435 УПК РФ, — в отличие от порядка, установленного для применения ПММХ (гл. 51 УПК РФ), — вообще не приглашаются специалисты в области психиатрии, призванные разумно и достоверно пояснить суду как саму необходимость назначенного лечения, так и (реально) необходимые сроки и средства его реализации. Отсутствуют данные специалисты и в процедурах независимого судебного контроля, связанного с разрешением ходатайств следственных органов о дальнейшем применении указанной временной меры.

В итоге, несмотря на все публичные декларации и новации, судебная психиатрия в Российской Федерации так и осталась максимально закрытым направлением оказания актуальной психиатрической помощи, основанным скорее на тщательно обере-

гаемых, незыблемых корпоративных правилах, чем на актах и принципах международного правового характера, к которым так усиленно, при случае, апеллируют.

УДК 351

Корабельникова Ю. Л.,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России (г. Москва)

Безопасность человека в условиях городской среды: проблемы обеспечения и направления совершенствования

Органы публичной власти осуществляют полномочия в различных сферах, в том числе обеспечивают безопасность человека, общества и государства. Одним из важных способов обеспечения безопасности является охрана общественного порядка, осуществляемая на всей территории государства. Особенно важной представляется эта деятельность именно на территории городов. При этом возникает вопрос, почему речь идет именно о городах. Это обусловлено тем, что для сельской местности характерен традиционный образ жизни, сельская жизнь является более саморегулируемой, большинство населения знакомы друг с другом, а также с представителями органов публичной власти, в первую очередь, местного самоуправления, которые хорошо известны каждому жителю. Меры по обеспечению городской безопасности в значительной степени сложнее и проявляются во множестве аспектов.

Справедливо отмечает профессор В. В. Таболин, что современные развитые государства можно назвать «государствами городов». Это обусловлено тем, что в большинстве своем они являются высоко урбанизированными территориями, представляющими собой, по сути, высшую политико-правовую и экономико-правовую форму государства. Весьма интересным представля-

© Корабельникова Ю. Л., 2023

ется понимание города именно как формы государства, но при этом обосновывается данный тезис, в частности, в отношении Российского государства, которое также признается городским, где две трети населения проживает именно в городах[1]. Городской образ жизни накладывает дополнительные обязанности на человека. Во-первых, важной особенностью является практически постоянное нахождение людей в правоотношениях как друг с другом, так и с различными органами власти, и организациями. Во-вторых, в современный период развития информационно-телекоммуникационных технологий каждый из нас находится под пристальным видеонаблюдением (видеокамеры на дорогах, в подъездах, лифтах, торговых центрах, органах публичной власти и т. д.). В результате следует признать, что проживание в городе обусловливает его публично-правовой характер.

Обеспечение безопасности жителей городов является обязанностью всех органов публичной власти. Безусловно, на органы внутренних дел возлагается большой объем полномочий в сфере обеспечения общественной безопасности и охраны общественного порядка. Следует обратить внимание на то, что еще примерно 10 лет назад на улицах городов постоянно можно было видеть пешие и автомобильные экипажи патрульно-постовой службы, вневедомственной охраны, группы немедленного реагирования не только на центральных улицах, но и во дворах, и скверах, где осуществлялось постоянное патрулирование. В настоящее время, в связи с сокращением штатной численности полиции, такие экипажи можно встретить очень редко. Недавно МВД России генералом полиции В. А. Колокольцевым подписан приказ об увеличении штатной численности МВД России, но это обусловлено вхождением новых территорий в состав России, где формируются все органы публичной власти, в том числе подразделения ОВД России.

В связи с чем актуализируется вопрос участия граждан в охране общественного порядка (далее — ООП), а также создание различных органов ООП в структуре органов муниципального управления. Что касается участия граждан в ООП, то законом

[1] См.: *Таболин В. В.* Основы юридической урбанологии: введение в юридическую науку // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1. С. 63.

предусматривается несколько форм[1]. В данной статье хотела бы рассмотреть их на примере деятельности добровольных народных дружин (далее — ДНД).

Так, например, в Кемеровской области с 2009 года реализуется практика участия населения и общественных объединений правоохранительной направленности в охране правопорядка. В настоящее время в региональный реестр внесены 133 народные дружины и 10 общественных объединений правоохранительной направленности[2].

В частности, за 10 месяцев 2022 года члены ДНД г. Кемерово приняли участие в работе по обеспечению общественного порядка и безопасности граждан при проведении 20 широкомасштабных массовых мероприятий, участвовали в проведении 87 целенаправленных профилактических рейдовых мероприятий, проводимых сотрудниками полиции. Общая численность членов ДНД г. Кемерово, задействованных в 2022 году для оказания содействия полицейским, составила 1 500 человек. С участием представителей ДНД на территории г. Кемерово раскрыто 71 преступление, пресечено свыше 800 административных правонарушений[3], задержаны подозреваемые и пресечены административные правонарушения в городах Киселевске (48 подозреваемых; 336 административных правонарушений), Новокузнецке (38; 527), Осинники (10; 113), Таштагольске (6; 505), Юрге (26; 259).

К ООП привлекаются также казачьи общества. К сожалению, в Кузбассе наметилась тенденция к снижению участия в ООП со стороны последних, несмотря на достаточно серьезную поддерж-

[1] Формы участия граждан в ООП: содействие органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам; участие граждан в поиске лиц, пропавших без вести; внештатное сотрудничество с полицией; участие граждан в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности; добровольные народные дружины.

[2] Сведения о народных дружинах и общественных объединениях правоохранительной направленности в Кемеровской области. URL: https://42.мвд.рф/folder/32126275 (дата обращения: 15.04.2023).

[3] По итогам уходящего года полицейские наградили наиболее отличившихся народных дружинников ДНД города Кемерово. URL: https://kemerovo.ru/drugie-razdely/ofitsialno/gu-mvd-rossii-po-kemerovskoy-oblasti-informiruet-/po-itogam-ukhodyashchego-goda-politseyskie-nagradili-naibolee-otlichivshikhsya-narodnykh-druzhinniko-79473/ (дата обращения: 15.04.2023).

ку органов публичной власти региона[1]. Так, в 2022 году только семь раз члены казачьих обществ привлекались к ООП, причем в Государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации на территории Кемеровской области зарегистрировано десять[2]. В целях разрешения проблемных вопросов взаимодействия, развития потенциала казачьих обществ по участию в ООП создана рабочая группа, в которую вошли представители Управления организации ООП и взаимодействия с органами исполнительной власти ГУ МВД России (далее — УО ООП и ВОИВ ГУ МВД) по Кемеровской области, представители казачьих обществ и органов местного самоуправления[3].

Кроме того, перспективным направлением сотрудничества является привлечение сотрудников частных охранных организаций (далее — ЧОО) к участию в ООП. Так, в ряде городов[4] Кемеровской области[5] работники ЧОО привлекаются

---

[1] В 2022 году выделено 19 429,6 тыс. рублей. Финансирование осуществляется в рамках подпрограммы «Российское казачество» государственной программы Кемеровской области. См.: Об утверждении государственной программы Кемеровской области — Кузбасса «Обеспечение безопасности населения Кузбасса» на 2014–2025 годы: утв. постановлением Коллегии Администрации Кемеровской области от 13 сентября 2013 года № 375 «Российское казачество» // Электронный бюллетень Коллегии Администрации Кемеровской области. 2013. 28 ноября.

[2] О внесении изменений в форму статистической отчетности «Отчет о результатах работы нарядов территориальных органов МВД России, задействованных на основе плана использования сил и средств по обеспечению правопорядка на улицах и в иных общественных местах» — форма «19-ЕД», утв. приказом МВД России от 26 августа 2015 года № 839: приказ МВД России от 1 июня 2020 года № 392. Документ опубликован не был.

[3] Доклад начальника УО ООП и ВОИВ ГУ МВД России по Кемеровской области по итогам работы за 2022 год.

[4] Кемерово, Новокузнецк, Ленинск-Кузнецк, Междуреченск, Березовское.

[5] Приказом ГУ МВД России по Кемеровской области от 11 августа 2022 года № 423 в Главном управлении создана Консультативная комиссия по вопросам оказания частными охранными организациями содействия управлениям, отделам, отделениям МВД России по районам, городам и иным муниципальным образованиям Кемеровской области; действует координационный совет по взаимодействию с негосударственными структурами безопасности (частными охранными организациями) при Управлении Росгвардии по Кемеровской области — Кузбассу.

для совместного несения службы с сотрудниками патрульно-постовой службы полиции в составе патрулей. Только Управлением МВД России по г. Кемерово заключено 48 соглашений о взаимодействии. Сотрудничество с ЧОО на договорной основе осуществляется не только из средств государственного, но и местного бюджета[1]. Например, на основании договоров, заключенных Администацией г. Кемерово с ЧОО, на постоянной основе в ООП задействуются работники данных организаций.

Еще одним важным аспектом взаимодействия органов внутренних дел и органов местного самоуправления с целью обеспечения безопасности жителей городов является использование возможностей аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» для охраны общественного порядка на территории муниципальных образований. В 63 населенных пунктах Кузбасса в общественных местах для обеспечения правопорядка и безопасности граждан силами органов местного самоуправления установлено 1 524 камеры видеонаблюдения, из которых 1 260 (82,6 %) — в местах с массовым пребыванием граждан[2]. В 2022 году на территории г. Краснодара благодаря возможностям данного комплекса раскрыто 350 преступлений и пресечено 982 административных правонарушения[3].

Очень важными представляются меры стимулирования граждан и общественных объединений правоохранительной направленности, оказывающих содействие органам внутренних дел в охране общественного порядка и противодействия преступ-

---

[1] Администрацией г. Кемерово заключены договоры с ЧОО «Дружина», ЧОО «Астра», ЧОО «Форд С2», ЧОО «Рыкарь» и ЧОО «ФУЧО» по обеспечению правопорядка в общественных местах.

[2] Доклад начальника УО ООП и ВОИВ ГУ МВД России по Кемеровской области по итогам работы за 2022 год.

[3] Безопасный город: за 2022 год с помощью видеонаблюдения пресечено 982 административных правонарушения // Официальный сайт Администрации и городской Думы г. Краснодара. Дата публикации 23 марта 2023 года. URL: https:// krd.ru/novosti/glavnye-novosti/bezopasnyy-gorod-za-2022-god-s-pomoshchyu-videonablyudeniya-presecheno-982-administrativnykh-pravona/ (дата обращения: 16.04.2023).

ности в субъектах Российской Федерации[1]. Наиболее распространенными из них являются материальное стимулирование, страхование жизни и здоровья, материально-техническое оснащение деятельности общественных объединений правоохранительной направленности, награждение победителей муниципальных конкурсов «Лучший народный дружинник» и «Лучшая народная дружина» денежными выплатами, ценными подарками, грамотами и благодарственными письмами. Кроме того, в отдельных регионах предусмотрены такие меры, как бесплатный проезд на городском электрическом транспорте (г. Улан-Удэ), а также на иных видах транспорта, автотранспорт для нужд ДНД; за счет средств городских предприятий оплата выходов на дежурство[2], предоставление оплачиваемых дней к отпуску (г. Ка-

[1] Например: О порядке предоставления в Республике Бурятия компенсаций народным дружинникам и членам их семей: постановление Правительства Республики Бурятия от 1 сентября 2014 года № 412. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=165074974&page=1&rdk=1#I0 (дата обращения: 10.04.2023); О предоставлении социальной поддержки гражданам, принимающим добровольное участие в охране общественного порядка на приграничной территории Республики Бурятия: постановление Правительства Республики Бурятия от 7 августа 2014 года № 367 (ред. от 20.12.2022 № 794). URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0300202212210005?index=1 (дата обращения: 10.04.2023); О Порядке выплаты единовременных пособий гражданам, участвующим в охране общественного порядка: постановление Главы администрации (Губернатора) Краснодарского края от 28 мая 2008 года № 457 (ред. от 29.06.2020 № 368). URL: https://szn.krasnodar.ru/documents/npa/npa-socpodderzhka/90672 (дата обращения: 10.04.2023); Об утверждении Положения о материальном стимулировании народных дружинников, активно участвующих в охране общественного порядка: постановление Правительства Рязанской области от 18 мая 2016 года № 104. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/6200202212230016 (дата обращения: 10.04.2023); Об утверждении Порядка предоставления единовременной выплаты членам семей погибших (умерших) народных дружинников: постановление Правительства Рязанской области от 20 января 2016 года № 2 (от 26 мая 2020 г. № 119). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=114109376&rdk=3&backlink=1 (дата обращения: 10.04.2023).

[2] Например в г. Казани, АО «Казанское моторостроительное производственное объединение» выплачивает 1 тыс. рублей за дежурство, предоставляет оплачиваемые дни к отпуску.

зань[1], Новокузнецк, Тайга); налоговые льготы по уплате земельного налога и (или) налога на имущество физических лиц; льготное посещение спортивных объектов, кинотеатров и театров (г. Новокузнецк, Березовский), путевки в оздоровительные учреждения; бесплатная юридическая помощь.

Таким образом, мы видим, что большая часть ДНД работает именно в городах, что еще раз доказывает их необходимость и востребованность именно в городских условиях. Все меры, направленные на развитие сотрудничества органов государственной власти и местного самоуправления, а также граждан, способствуют обеспечению правопорядка в общественных местах, оперативному пресечению административных правонарушений и преступлений, что положительно влияет на обеспечение безопасности в городах России.

При этом остаются и проблемные вопросы функционирования общественных объединений правоохранительной направленности, а также их сотрудничества с органами публичной власти. Во-первых, различия в положениях нормативных правовых актов разного уровня, регулирующих данную сферу, в результате чего в ряде случаев отсутствует согласованность действий взаимодействующих субъектов. Во-вторых, различия в финансовых возможностях органов публичной власти, в результате чего в разных городах различаются возможности оказания поддержки гражданам и общественным объединениям, участвующим в охране общественного порядка, а также финансирования различного рода программ.

В целях устранения данных противоречий по социальному обеспечению необходимо внести поправки в Федеральный закон от 2 апреля 2014 года № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка»2, предусмотрев единый минимальный перечень мер стимулирования народных дружинников.

Еще один важный аспект обеспечения безопасности городов — возможность самостоятельно осуществлять органами местного самоуправления ООП, которая закрепляется в действующем федеральном законе «Об общих принципах органи-

[1] ПАО «Казанский вертолетный завод» — 3 дня.

[2] Российская газета. 2014. 4 апреля.

зации местного самоуправления в Российской Федерации»[1] в качестве одного из полномочий городских округов и реализуется, в частности, созданными при администрациях городов: Центром общественной безопасности города Уфы, Муниципальной милицией города Златоуста Челябинской области, Управлением общественной безопасности города Ижевска. Следует отметить достаточно успешную деятельность данных органов муниципального управления по обеспечению безопасности городов. Например, в 2022 году Управлением города Ижевска осуществлялась организация и участие в деятельности комиссий, созданных в городе, координация деятельности административных комиссий, рассмотрено 142 уведомления о проведении публичных мероприятий. Организаторам собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований оказана правовая и практическая помощь при подготовке и проведении публичных мероприятий, рассмотрено 659 обращений физических и юридических лиц[2].

Таким образом, органы государственной власти и местного самоуправления участвуют в обеспечении безопасности жителей городов как самостоятельно, так и во взаимодействии с гражданами, а также между собой. Используются различные формы сотрудничества, которые позволяют в конечном итоге не только принимать эффективные меры, направленные на обеспечение безопасности, в том числе с применением информационно-телекоммуникационных технологий, но и повысить ответственность каждого человека за безопасные условия жизни в городе.

[1] Российская газета. 2003. 8 октября.

[2] Отчет о деятельности Управления общественной безопасности Администрации города Ижевска и МКУ «Административная инспекция г. Ижевска» за 2022 год. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXlUFoewruOnW7F1JLHpdjewgRFWaZuaf7EnuH-OBNg_9trbFNyon-a9iHinVxeo0Vbzo5_5hoOLGSu2dKsoZLV9pebsZQwYLZjJ-ggUV_tJlftQp-pmFRdBmco0XIfzUpIMJ43Vdxg%3D%3D%3Fsign%3Du6H98zpBXNvO2w49OnRCVdMS3Am8xL0oGqJDIn_yCnw%3D&name=0_hfile_78457_1.docx (дата обращения: 07.04.2023).

УДК 342.9

Кочнева А. А.,
преподаватель кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Экспериментальные правовые режимы как средство оптимизации правового регулирования

Постоянная динамика общественных процессов обусловливает актуальную необходимость оптимизации механизмов их регулирования и координации. В данной статье основное внимание будет уделено такому явлению, как экспериментальный правовой режим, а также произведена оценка его функциональной способности выступать средством совершенствования правового регулирования[1].

Отметим, что данное явление давно открыто в науке, зачастую отождествляется со специальным правовым режимом. С 2020 года на федеральном законодательном уровне было установлено, что в рамках экспериментального правового режима применяется специальное правовое регулирование[2]. Соответственно, для вышеназванного режима характерны специальные правовые предписания, специальные цели и специфические условия для их реализации[3].

Обращаясь к многочисленным научным трудам по анализу природы правового режима в целом как самостоятельного правового феномена, нам удалось вычленить такие его черты, по которым уверенно можно говорить о его положительном влиянии на процесс правового регулирования. Обозначим некоторые из проанализированных характеристик:

---

[1] В данной статье автор склоняется к позиции отождествления понятий оптимизации и совершенствования, не умаляя позиций разных ученых-правоведов об их методологическом разграничении.

[2] Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31, ч. I, ст. 5017.

© Кочнева А. А., 2023

— правовой режим идентифицируется как порядок правового регулирования, соответственно, имеет свойства структурности и системности[1];

— правовой режим создает условия для удовлетворения интересов субъектов права и для достижения оптимального социально-значимого результата[2];

— правовой режим обеспечивает стимулирование юридической самостоятельности и правомерной активности благодаря предоставляемым субъектам права возможностям[3];

— правовой режим способствует гибкости механизма правового регулирования в целом[4].

Экспериментальный правовой режим — это разновидность правового режима, соответственно ему присущи вышеназванные черты. Нередко в юридической литературе встречается понятие «умное регулирование». В частности, Л. М. Давыдова называет правовой эксперимент в качестве одного из методов умного регулирования. К числу признаков данного регулирования профессор относит экономию регуляторных средств, а также нацеленность не на процесс, а на результат, на оперативность его достижения и эффективность используемых при этом механизмов.

В свою очередь считаю данную позицию обоснованной. Ввиду чего назову некоторые факторы, которые обусловливают необходимость и высокую актуальность эксперимента не только как метода научного познания, но и как средства умного регулирования:

1. *Формально-юридический фактор.* Его, в первую очередь, характеризует проявление эффекта «запаздывания» законодательства. Необходимость апробации новых технологий требует разрешения вопроса об их оперативной специальной формально-юридической регламентации. Данный эффект мы наблюдали при

---

[1] См.: *Беляева Г. С.* Правовой режим: общетеоретическое исследование: дис. … д-ра юрид. наук. Курск, 2013. С. 12–13.

[2] См. там же.

[3] См.: *Родионов О. С.* Механизм установления правовых режимов российским законодательством: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 19.

[4] См.: *Давыдова М. Л.* «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 14–29.

реализации отношений по обороту цифровых активов до появления Федерального закона № 259-ФЗ[1] в 2020 году.

2. *Эмпирико-прикладной фактор*. Он проявляется при разрешении вопроса об эффективности самого процесса внедрения и функционирования в дальнейшем новых технологических решений. Например, практика внедрения электронных трудовых книжек в соответствии с Федеральным законом от 16 декабря 2019 года № 439-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде»[2].

3. *Социально-экономический фактор*. Он проявляется при разрешении вопросов финансово-экономической целесообразности создания льготных условий для внедрения и осуществления новых видов инновационной деятельности как одного из приоритетных направлений государственной политики в области экономического развития. В частности, осуществление оценки финансовой эффективности при внедрении средств автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения.

Данные факторы всегда работают в совокупности и способствуют популяризации внедрения такого явления, как экспериментальный правовой режим в разные сферы общественной жизни. Доказательством этому служит наличие на сегодняшний день уже более 140 инициативных предложений по апробации и внедрению цифровых инноваций[3]. В соответствии с Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»[4] закреплено целых девять различных направлений

---

[1] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ // Российская газета. 2020. 6 августа.

[2] Российская газета. 2019. 19 декабря.

[3] Реестр экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/normativnoe_regulirovanie_cifrovoy_sredy/eksperimentalnye_pravovye_rezhimy/reestr_eksperimentalnyh_pravovyh_rezhimov/ (дата обращения: 01.05.2023).

[4] Российская газета. 2020. 6 августа.

разработки соответствующих инноваций, и представленный список нельзя считать исчерпывающим. Наиболее популярное направление составляют именно инициативные предложения в области организации высокоавтоматизированного транспортного обслуживания. Нижегородская область стала одним из 38 регионов страны, где был запущен экспериментальный правовой режим использования беспилотного транспорта.

Одной из основных целей внедрения соответствующего транспорта выступает оптимизация транспортных процессов[1]. На наш взгляд, названная оптимизация должна не только касаться социально-экономического фактора в виде сокращения финансовых и временных издержек при эксплуатации транспорта, но также должна затрагивать вопросы совершенствования правового регулирования транспортных процессов. К сожалению, в данном ключе существуют некоторые пробелы и сложности. Обозначим несколько подобных аспектов.

Во-первых, отсутствие проработанного формально-юридического регулирования вопросов установления мер юридической ответственности за нарушение ПДД высокоавтоматизированным транспортным средством при их эксплуатации, вопросов допуска водителей-операторов, осуществляющих контроль за работой высокоавтоматизированных транспортных механизмов как в салоне подобного транспорта, так и в режиме удаленного доступа.

Отдельным неурегулированным аспектом остается механизм выхода из экспериментального правового режима, процедура легализации некоторых законодательных отступлений в рамках общего правового регулирования. В частности, в доктрине уже отмечены частные нарушения принципов обеспечения конкуренции субъектов права, ее добросовестности. В частности, Е. А. Громова отмечает приобретение конкурентного преимущества участников экспериментального режима в сфере здравоохранения, получивших в рамках эксперимента в городе Москве доступ к персональным данным пациентов, пользующихся спе-

[1] Об утверждении концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования: проект Постановления Правительства. URL: https://docs.cntd.ru/document/564526787 (дата обращения: 28.04.2023).

циальной защитой федерального законодательства[1]. Дополнительно автор указывает на конкурентные преимущества, которые приобретают участники экспериментального правового режима по тестированию высокоавтоматизированных транспортных средств, для которых отменены требования по обязательной сертификации внедряемой транспортной техники.

Во-вторых, сложности с заимствованием зарубежного опыта в вопросах правового регулирования спорных ситуаций. В этом вопросе хотелось бы обратиться к практике правоприменения таких стран, как Великобритания и Нидерланды. При решении вопроса привлечения субъекта к юридической ответственности нередко суд в данных странах принимает решение исходя из принципа широты судебного усмотрения. В частности, это актуально при возникновении спора о привлечении к ответственности высокоавтоматизированного транспортного средства, совершившего ДТП из ситуации «крайней необходимости» (например, объезд велосипедиста, также нарушившего Правила дорожного движения при перемещении по обочине). Также в Великобритании суд будет самостоятельно, исходя из обстоятельств дела, принимать решение о виновности лиц при возникновении технической неисправности высокоавтоматизированного транспортного средства, принадлежащего одной компании, но проходящего техническое обслуживание в совершенно другой организации.

Соответствующая тенденция широкого судебного усмотрения и прецедентного характера принятия решений весьма логично вписывается в специфику англо-саксонской правовой семьи, но идет вразрез с принципами российской правовой семьи, базирующейся на общеобязательности и многократности применения нормативных предписаний.

В-третьих, отсутствие должного уровня правового регулирования взаимодействия субъектов экспериментального правового режима и сотрудников правоохранительных органов. Отметим, что некоторые механизмы соответствующего взаимодействия на сегодняшний день уже созданы, но требуют внимания в аспекте

[1] См.: *Громова Е. А.* О роли специальных и экспериментальных режимов в развитии конкурентоспособных цифровых технологий // Юрист. 2021. № 11. С. 34–38.

их регламентации и популяризации. В частности, организован информационный обмен специализированными данными между участниками рынка в сфере обеспечения информационной безопасности и сотрудниками правоохранительных органов на базе Центра взаимодействия и реагирования Департамента информационной безопасности (ФинЦЕРТ). Однако свободный легализованный обмен данными о мошеннических действиях будет доступен для МВД России лишь с октября 2023 года. Налицо снова эффект «запаздывания законодательства».

В 2020–2021 годах организован масштабный дистанционный курс по кибербезопасности с участием представителей правоохранительных органов, однако данное направление деятельности носит необязательный характер, распространяется не на все учебные заведения, соответственно не решает вопрос всеобщего охвата заинтересованных субъектов, вовлечения их в процесс просвещения по вопросам информационной безопасности.

Дополнительно развивается система стресс-тестирований по оценке степени защищенности информационных систем. Интересным и актуальным направлением выступит возможность реализации подобных стресс-тестирований при участии сотрудников правоохранительных органов, в том числе курсантов и слушателей ведомственных образовательных учреждений, обучающихся по профилю экономической и кибербезопасности. Данные механизмы также требуют внимания со стороны их правового регулирования.

Таким образом, экспериментальный правовой режим, выступающий одним из механизмов «умного регулирования», действительно способствует оперативному и облегченному внедрению в правовое поле высокоавтоматизированных технологий, как следствие — полученине возможности оценки их дальнейшей рентабельности. Однако перечисленные выше проблемные аспекты соответствующего внедрения заставляют сомневаться в экспериментальном режиме как средстве оптимизации правового регулирования. Скорее, подобный режим является юридическим фактом для решения вопроса о проведении той самой оптимизации правового регулирования других процессов, возникших уже в рамках нового специального порядка и при выходе из него.

УДК 343.293

Красовская О. Ю.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии;
Кипурова Ю. В.,
преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии

Некоторые проблемы амнистии в условиях оптимизации правового регулирования

Стремление к оптимизации — закономерность человеческой деятельности, что выражается в правовом регулировании, которое может иметь разнообразные препятствия, снижающие эффект качества правоприменения[1]. Проблема оптимизации правового регулирования представляется прежде всего как проблема преодоления препятствий, разрешение которых позволяет совершенствовать нормативные предписания, в частности, уголовного закона, что актуально как для науки, так и для практики.

Положения института амнистии требуют анализа научно обоснованных рассуждений о целесообразности освобождения от уголовной ответственности и наказания, а именно полезности института амнистии как социального и правового явления.

Социальная обусловленность и социальная природа института амнистии в совокупности заключаются в потребностях общества в ней в определенной ситуации и на конкретной ступени его развития. Анализируя волеизъявления общества, обусловленные разными факторами, стоит отметить, что оно сигнализирует о

[1] *Малько А. В.* Оптимизация правового регулирования как проблема преодоления препятствий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1993. № 3. С. 58.

© Красовская О. Ю., Кипурова Ю. В., 2023

необходимости применения определенной группы юридических норм, включая нормы об амнистии.

При изучении природы амнистии с социальной точки зрения выявляется закономерность о потребности данного правового института в регуляции со стороны самого общества. Исходя из основ теории права, следует сделать акцент на том, что при возникновении определенного правового явления и принятии соответствующей правовой нормы возникают противоречия между обществом и законодателем. Внесение поправок в определенную норму права или закон является сложной процедурой. Инструментом разрешения данной проблемы является социальное регулирование. Специфика регулирования данного вопроса в истории уголовного права является неоднозначной ввиду устоявшихся традиций особенностей правоприменения, экономического уровня страны, политического режима, территориального государственного устройства.

Научное изучение этого вопроса будет нецелесообразным, если не сделать акцент на основные критерии, которые позволят выделить социальную обусловленность и социальную природу амнистии.

В теории отмечен главенствующий признак амнистии — она служит милосердием, прощением в отношении лиц, которые привлечены к уголовной ответственности, подвергнуты наказанию за совершение преступлений. Особенность данного аспекта заключается в прощении преступников, когда власть одновременно не отрицает функционирования уголовного законодательства, не сомневается в принятии акта в отношении определенного круга лиц, однако, руководствуясь принципом гуманизма, не желает дальнейшей реализации уголовной ответственности в полном объеме.

Институт амнистии в первую очередь реализуется для осуществления милости, прощения, гуманности и справедливости, однако такой подход не всегда оправдан, так как «показывать людям, что можно прощать преступления, что наказание не является необходимым их последствием, — значит питать в них надежду на безнаказанность»[1]. В ходе применения амнистии сто-

[1] *Беккария Ч.* О преступлениях и наказаниях / пер. с итал.; сост.: М. Ю. Юмашев; Ю. М. Маринин, Г. В. Черданцев. Москва, 1995. С. 155.

ит учитывать принцип «безопасности» как для каждого человека отдельно, так и для общества и государства в целом.

Другой признак амнистии несет в себе специфический характер. Он заключается в государственной милости. Государство определяет и исполняет наказание и параллельно осуществляет прощение для того, чтобы человека возвратить в общество, в этом заключается социальное назначение данного признака. Следовательно, по своей сущности и назначению институт амнистии должен реализовывать следующие социально значимые цели:

— гуманистическая — определяется в том, что государство в лице органов государственной власти смягчает положение определенной категории лиц, привлеченных к уголовной ответственности, тем самым оказывая им милость, выражает доверие, полагаясь на их исправление и законопослушное поведение. Амнистия является важным механизмом гуманизации уголовного законодательства, она осуществляется для того, чтобы обеспечить криминальную защищенность каждого человека и установить принцип равенства, справедливости, человечности, без чего не может обходиться современное государство;

— экономическая — заключается в том, что амнистия требует финансирования. Например, на 2021 год на функционирование Федеральной службы исполнения наказаний России на текущий финансовый год и плановый период было выделено 246,7 млрд рублей, часть из которых расходуется на содержание осужденных. Однако, хотя в уголовно-исправительных учреждениях «заключенные» трудятся, определенно этого недостаточно, чтобы покрыть расходы на содержание и сотрудников уголовно-исполнительной системы, и самих «заключенных». В настоящее время в период экономического кризиса в мировых масштабах, вызванных пандемией, амнистия в определенной мере позволит перераспределить бюджетные средства и направить их на иные нужды для общества и государства, к примеру, на медицину, науку, строительство дорог и др.

Некоторые авторы выделяют следующие немаловажные цели амнистии:

— снижение численности осужденных;

— уменьшение нагрузки на уголовно-исполнительную систему ввиду излишнего постоянного увеличение объема работы,

возлагаемое на сотрудников в связи с осуществлением ими контроля за осужденными[1].

С вышеуказанными утверждениями О. А. Малышевой и И. А. Дедова невозможно не согласиться, так как отказ от применения амнистии породит потребность применять альтернативные механизмы для разрешения общественно-политической, экономической или иной проблемы, может возникнуть недовольство со стороны общества, что может вызвать серьезные конфликты внутри страны.

Исследуя вопрос социальной природы амнистии, стоит отметить, что амнистия имеет в большей степени направленность на укрепление доверия между государством и обществом, когда органы власти повышают уровень открытости, уважения прав и свобод каждого человека и гражданина. Данный институт позволяет обществу понять, что уголовное право имеет не только карательный характер, но и наоборот, «воспитывает» определенных граждан гуманными средствами.

Социальный характер института амнистии призван выступать регулятором на этапе принятия закона об амнистии до применения акта на практике. Социальная природа амнистии заключается в удовлетворении потребностей гражданского общества. Данный институт реабилитирует недостатки в политике, экономике и социальных сферах. При этом амнистия должна всегда соответствовать в умеренном объеме общественным потребностям.

Обозначив конкретную картину социальной природы амнистии, стоит отметить, как она влияет на амнистированных лиц. Исходя из принципа гуманизма, амнистия позволяет сохранить социализацию лица, которое подпадает под акт об амнистии. Она позволяет сохранить у лица, подвергнутого уголовной ответственности, семейные отношения, восстановить отчасти репутацию в обществе, заняться общественно полезным трудом, если лицо полностью было исправлено институтами уголовного и уголовно-исполнительного права.

---

[1] *Малышева О. А., Дедов И. А.* Социальное и правовое значение института амнистии в условиях развития уголовно-исполнительной системы // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 4. С. 61.

Границы того, что будет определяться под правовой природой амнистии, установлены действующим законодательством и особенностями актов об амнистии. В России амнистия в рамках уголовного права реализуется посредством двух актов: постановления об объявлении амнистии и постановления о порядке его применения, что может быть излишним, требующим их объединения. Согласно пункту «е» статьи 103 Конституции Российской Федерации вопрос амнистии находится только в компетенции Государственной Думы.

В науке нет единого мнения, к какой отрасли права относится институт амнистии. Некоторые стоят на стороне идеи, что данный институт носит черты государственного и конституционного права, например С. Г. Келина[1], С. А. Сотников[2]. Другие авторы говорят, что амнистия всегда исходит от уголовного права. Еще одни авторы утверждают, что амнистия не относится к какой-то определенной отрасли, а носит характер межотраслевого образования и «представляет собой межотраслевой институт, включающий в себя нормы конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и других отраслей права»[3], а значит, амнистия — это правовое явление, включающее в свое функционирование определенный комплекс норм из разных отраслей прав. Отмеченное не «запрещает» утверждать, что положения об амнистии может существовать в едином обособленном акте.

Далее стоит рассмотреть не менее значимый признак, а именно: амнистия должна быть реализована в тех рамках, в каких законно и справедливо назначено наказание. Суть признака стоит трактовать так: институт амнистии не имеет обязанности и способности исправлять ошибки, допущенные несовершенством закона и решениями судов. Амнистия не имеет места, если при освобождении лица предусматривается факт о несоответствии

---

[1] *Келина С. Г.* Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. Москва, 1974.

[2] *Сотников С. А.* Амнистия в уголовном праве России: монография / под ред. А. И. Чучаева. Москва, 2010.

[3] *Баранникова И. Г.* Амнистия как институт конституционного права // Общество и право. 2009. № 4 (26). С. 72.

наказания и тяжести преступления. Главная цель амнистии не должна являться исправлением данных проблем. Стоит предположить, что такая проблема все-таки имеется, то несправедливое наказание должно быть обжаловано, а если преступление было декриминализовано, осужденный справедливо должен иметь право на реабилитацию. Амнистия не несет в себе реабилитации, ее институт не дисквалифицирует последствия уголовных мер. Амнистия не искореняет последствия осуждения, не прибавляет после ее применения юридические ограничения.

Таким образом, анализ социальной и правовой природы института амнистии позволяет заключить, что это сложный социально-правовой институт, который затрагивает не только уголовное право, но и другие отрасли права, а также решает социально значимые проблемы и потребности.

В уголовном законодательстве положения об амнистии закреплены в статье 84 УК РФ, из содержания которой проблематично выделить определение термина «амнистия». В тексте этой статьи указано уголовно-правовое понятие, которое только определяет, кто объявляет амнистию и на кого направлены ее положения, самого точного правового понятия в УК РФ не содержится. Институт амнистии в нормах УК РФ закреплен не точно, отсутствует ее точное определение, дана поверхностная регламентация института, сам же акт об амнистии — норма ситуативно-обусловленная, то есть постоянно изменяющиеся в зависимости от обстановки в государстве.

Под амнистией необходимо понимать меру, применяемую к лицам, совершившим преступления (подозреваемым, обвиняемым, осужденным), сущность которой заключается в полном или частичном освобождении от наказания, замене наказания на более мягкое или в прекращении уголовного преследования. Данное понятие поможет решить вопрос определенности места амнистии в УК РФ.

Таким образом, исследование правовой природы института амнистии определило, что это межотраслевой институт, который затрагивает не только уголовное право, но и другие отрасли. Амнистия специфична по своей юридической природе, так как было установлено, что амнистия функционирует благодаря двум актам: постановление об объявлении и постановление о применении ак-

та, данные акты уполномочена принимать Государственная Дума. Это создает неповторимый правовой характер данного института.

В доктрине обсуждается вопрос условной амнистии ввиду того, что «безусловное освобождение от уголовной ответственности наказания по амнистии нецелесообразно, ... амнистия должна быть условной и не столько мерой снисхождения, мерой поощрения за правомерное посткриминальное поведение, ... гуманизм в отношении виновного в следственно-судебной практике зачастую оборачивается жестокостью по отношению к пострадавшему от преступления лицу»[1].

Идею условной амнистии предлагает И. В. Нестеренко[2]. Условное освобождение по амнистии способно исправлять поведение осужденного, будет способствовать предупреждению совершению новых деяний, но если лицо в период определенного срока, установленного условной амнистией, совершит правонарушение или преступление, то суд должен назначить данному лицу наказание по совокупности приговоров.

Обозначенные проблемы амнистии в современной России можно разделить на социальные и юридические. К социальным проблемам относятся объявление амнистии в период экономического и политического кризиса, а также в период высокого уровня преступности; проблема определенной периодичности объявления амнистии в связи со знаменательными датами; проблема «перегруженности» мест лишения свободы. К юридическим проблемам относятся нарушение принципа равенства всех граждан перед законом и принципа справедливости, неполноты нормы статья 84 УК РФ.

Проблемы института полностью взаимосвязаны между собой, так как если социальная проблема прогрессирует, то возникает определенная проблема с точки зрения правовой регламентации, также социальные проблемы способны разрешать правовые, и наоборот.

---

[1] *Сверчков В. В.* Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении. Проблемы теории и практики. Санкт-Петербург, 2008.

[2] См.: *Нестеренко И. В*. Амнистия как институт досрочного освобождения: принятие и последствия: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 97–98.

Проанализировав проблемы уголовно-правового института амнистии, целесообразно выделить их решения и пути повышения реализации амнистии в России.

Для повышения реализации института амнистии в уголовном праве требуются регулярные исследования по направлениям:

— анализ потребности власти и общества в принятии акта об амнистии в определенный временной период;

— оценка неблагоприятных последствий амнистии;

— анализ целесообразности применения амнистии к различным категориям лиц, подвергнутым уголовной ответственности;

— обеспечение полноценной процедуры социализации амнистируемых лиц;

— внесение поправок в УК РФ;

— объединение в один акт постановлений об объявлении амнистии и о ее применении (скорректировать сроки принятия таких постановлений);

— проработка идеи об условной амнистии.

УДК 343

Ламтева А. В.,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России

Конвергентный тип уголовного процесса: состязательность или оптимизация?

Современный тип уголовного процесса принято именовать смешанным. В этой связи для нас представляет интерес следующее: мировоззренческие идеи каких исторических типов объединились между собой, чтобы получить тот тип, который имеет место сегодня. Ведь если смешать черную и белую краску, получится не бело-черный цвет, а серый, но если мы объединяем процессуальные идеи розыскного и состязательного уголовного судопроизводства, могут ли они гармонично переплестись друг с дру-

© Ламтева А. В., 2023

гом, образовав тип конвергентный, либо будет иметь место смешение базовых постулатов без образования достаточного количества правовых связей? Будет ли это гармоничная юридическая конструкция или только смешение разнородных идей по типу жидкостей — масла и воды, которые в силу различной плотности никогда не перемешаются.

Если более подробно рассмотреть досудебное уголовное судопроизводство, а именно стадию возбуждения уголовного дела и стадию предварительного расследования, то можно увидеть, что они базируются именно на состязательных принципах уголовного судопроизводства, закрепленных в главе 2 УПК РФ и на общих условиях предварительного расследования, зафиксированных в главе 21 УПК РФ. Если вспомнить принципы следственного (розыскного) типа уголовного процесса, то мы увидим, что они не лежат в основе первых двух стадий. Ранее имели место тайность, письменность, подозреваемый рассматривался как объект исследования, господствовала формальная система оценки доказательств, отсутствовали процессуальные сроки, целью расследования уголовного дела считалось установление объективной истины, три основные функции по обвинению, защите и разрешению дела возлагались на одно и то же должностное лицо.

Сегодняшний смешанный тип уголовного судопроизводства изначально базировался на инквизиционных началах, но затем в него были добавлены элементы состязательного порядка. На данный момент этот тип стал в большей степени состязательным с отдельными процессуальными отголосками следственных (розыскных) начал. Досудебная часть в полной мере отражает идею состязательности и содержит минимальное количество процессуальных вкраплений следственной (розыскной) модели.

Обратимся к историко-процессуальному прошлому, заложившему фундамент смешанного типа процесса, приведя точку зрения Л. В. Головко: при составлении Кодекса уголовного следствия Франции 1808 года решалась дилемма: «как совместить достижения Великой французской революции 1789 года с многовековыми традициями французского инквизиционного процесса…»[1]. Итогом

[1] Курс уголовного процесса / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Головко. 2-е изд., испр. Москва, 2017. С. 137.

процессуальной эволюции законодательства стало проведение условной границы между двумя частями уголовного процесса: между предварительным расследованием и совокупностью судебных стадий. Так появилась смешанная система (*systeme mixte*), где *предварительное расследование базировалось на инквизиционных началах, а производство в суде — на обвинительно-состязательных началах*. Таким образом, был найден сбалансированный механизм между двумя моделями.

Российский ученый И. Я. Фойницкий отмечает, что в основе разграничения розыскного и состязательного порядков находится идея о том, *кто поддерживает функцию обвинения перед судом*. Если эта функция возложена на органы, входящие в состав суда, то следует говорить о розыскном порядке. Если данное обвинительное направление деятельности выполняют «особые органы, стоящіе или действующіе отдельно отъ суда и независимые отъ него»[1], то это порядок состязательный. В последнем случае в ходе судебного разбирательства появляются стороны, которые обладают определенным процессуальным влиянием на процесс исследования доказательств и принятие итогового решения по делу, но при этом само разрешение дела по существу является преимущественно выражением государственного интереса.

В этой связи обозначим ***первую базовую оптимизацию*** уголовного процесса: *смешанный тип есть оптимизированная сумма лучших достижений обвинительно-состязательных, розыскных (следственных) и состязательных начал.*

Нам импонирует определение оптимизации, предложенное С. И. Ожеговым, — это выбор наилучшего варианта из возможных для достижения наибольшей эффективности какого-либо процесса[2]. Таким образом, оптимизация — это не только максимизация плюсов определенного процесса, но и выбор наилучшей альтернативы из нескольких вариантов. Применительно к сфере уголовного судопроизводства оптимизация складывается из за-

---

[1] *Фойницкий И. Я.* Курсъ уголовнаго судопроизводства. 4-е изд. Т. 1. Санкт-Петербург, 1912. С. 69.

[2] См.: *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва, 2016. С. 690.

имствования наилучших признаков различных исторических типов русского уголовного процесса для конструирования оптимизированной рабочей смешанной модели. Полагаем, что чем ближе мы становимся к «чистому» состязательному типу, тем больше оптимизируется сфера уголовного судопроизводства.

К. Б. Калиновский отмечает, что смешанный тип уголовного процесса включает в себя три типологических составляющих[1]. Из обвинительного типа уголовного процесса была взята идея, воплотившаяся в наличии частного вида уголовного преследования, когда гражданин, пострадавший от преступления, обращается с заявлением к мировому судье. Это всего три состава преступления в соответствии с частью 2 статьи 20 УПК РФ. По таким делам по общему правилу в суде вместо государственного обвинителя функцию обвинения поддерживает частный обвинитель, то есть то лицо, которому преступлением был причинен вред. Из розыскного порядка был заимствован фундамент для организации стадии предварительного расследования и положения для конструирования упрощенных видов производств (дознание в сокращенной форме, два особых порядка). Состязательные начала в большей степени представлены особенностями проведения судебного разбирательства с упором на гласность, непосредственность и равенство процессуальных возможностей сторон.

Полагаем, что уголовное судопроизводство любого современного высокоразвитого общества является в большей степени состязательным вне зависимости от различающегося историко-процессуального прошлого.

Константин Борисович также отмечает, что одним из индикаторов для определения верной типологии выступают процессуальные функции — их размежевание либо слияние.

Чтобы более подробно разобраться в сущности смешанного типа уголовного процесса, необходимо сформулировать критерии следственного (розыскного) и состязательного уголовного процесса. Это позволит понять примерное соотношение базисных положений уголовно-процессуальных начал, объединенных в

[1] См.: *Калиновский К. Б.* Сущность, признаки и понятие розыскного процесса // Основные виды уголовного судопроизводства: учебное пособие. Санкт-Петербург, 2002. С. 63.

рамках одного типа, а также достоверно определить тип превалирующий. Полагаем, что чем большее количество идей определенного типа уже имеет место в смешанном порядке, тем очевиднее представляется ключевой вектор процессуального развития, то есть если сейчас имеет место 70 % идей состязательного начала, то все оставшееся процессуальное пространство в относительно скором времени заполонят собой идеи именно этого порядка, вымещая либо процессуально ограняя другие базисные институты, принципы, общие условия и даже стадии.

В данной статье нами будут предложены критерии только состязательного типа уголовного процесса:

— функцию обвинения в суде должен поддерживать орган, не входящий в состав суда (сегодня это государственный обвинитель);

— наличие суда присяжных, либо суда шеффенов, либо иного суда, когда в коллегии судей присутствуют представители от народа;

— на этапе предварительного расследования функции по обвинению, защите и разрешению уголовного дела (в части применения примирительных процедур и прекращения уголовного дела по основаниям статей 24 и 27 УПК РФ) должны быть возложены на разных субъектов;

— стороны обвинения и защиты должны обладать правом сбора и приобщения к материалам уголовного дела доказательственной базы. Адвокат под личную профессиональную ответственность должен иметь возможность приобщать к материалам уголовного дела информацию в статусе доказательств. Согласимся с мнением А. В. Смирнова и К. Б. Калиновского о том, что «состязание будет справедливым только тогда, когда противоборствующие стороны находятся в одной “весовой категории”, то есть обладают сравнимыми возможностями по отстаиванию своих интересов»[1];

— распределение установления элементов предмета доказывания между сторонами: обстоятельства, предусмотренные пунктами 5, 6 и 7 части 1 статьи 73 УПК РФ, должен устанавливать

[1] *Смирнов А. В., Калиновский К. Б.* Уголовный процесс: авторский курс: учебное пособие. Москва, 2022. С. 41.

адвокат. Это также касается и установления обстоятельств, положительно характеризующих личность подзащитного.

Сегодня, пока бремя доказывания лежит исключительно на стороне обвинения, насколько уместно говорить о равенстве прав и обязанностей сторон? Предлагаем ввести бремя оправдания, которое будет выражаться в том, что часть элементов, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу, будет устанавливать адвокат.

Британский историк Арнольд Тойнби занимался разработкой критериев цивилизаций и их классификацией. Ученый полагал, что, основываясь на типе цивилизации, можно сконструировать различные типы государств. Нам кажется допустимым распространить идею цивилизационного подхода на типологию уголовного судопроизводства. С учетом многообразия критериев и особенностей различных стран (образ мышления, экономическое развитие, духовные и культурные факторы, географическое расположение, историко-политическая судьба и др.) можно говорить о русской, английской, французской, германской и мусульманской формах уголовного процесса. Цивилизационный подход позволяет понять сущность «многовариантности исторического развития, в том числе факт, почему все общества и государства неодинаково развиваются и выбирают разные пути движения к прогрессу»[1].

На основе изложенного можно выдвинуть гипотезу о том, что и состязательность в части ее практического воплощения у каждой страны будет иметь помимо общего базиса некоторые отличительные особенности.

Размышления относительно ***второй уголовно-процессуальной оптимизации***. Представляет интерес следующее обстоятельство — проявлением какого исторического типа в уголовном процессе выступают два особых порядка: а) при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и б) при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве?

Ключевой мировоззренческой идеей первого порядка является то, что гражданин признает себя виновным, соглашается с предъявленным ему обвинением, ходатайствует об этом особом

[1] Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. Москва, 2001. С. 63.

порядке в процессе или сразу после ознакомления с материалами уголовного дела, либо в ходе предварительного слушания. Именно в контексте инквизиционного (следственного) типа уголовного процесса общество и правоохранительные органы, в частности, полагали, что если сам обвиняемый признал свою вину — это наилучшее доказательство всего света.

Сегодня этот постулат категорически опровергнут, так как все доказательства исследуются в общей совокупности с позиции относимости, допустимости, достоверности и достаточности по принципу свободной оценки доказательств, но с точки зрения доктринального принципа процессуальной экономии возможно проведение судебного заседания с модификацией его центральной части — судебного следствия, в рамках которого исследуются лишь обстоятельства, положительно характеризующие личность, а также смягчающие и отягчающие обстоятельства, то есть судья принимает за истину предоставленную ему стороной обвинения доказательственную базу, соглашается с выдвинутым дознавателем (следователем) и государственным обвинителем предположением о виновности лица и выносит приговор без полноценного устного и непосредственного исследования оправдывающих и обвиняющих доказательств.

Особый порядок принятия судебного решения в случаях, когда обвиняемый соглашается с предъявленным ему обвинением, базируется в своей ключевой идее на розыскных (инквизиционных) началах, а именно на добровольном признании обвиняемым своей вины и распространяется только на преступления небольшой и средней тяжести. Состязательный шлейф выражается в том, что ходатайство такого рода заявляется только после консультации с защитником, по решению самого обвиняемого и добровольно, при условии, что он осознает последствия данного ходатайства. Особый порядок — это диспозитивное право гражданина. Согласно статье 317 УПК РФ после вынесения судьей итогового решения в рамках особого порядка нельзя подать апелляционную жалобу, ссылаясь на тот факт, что выводы суда противоречат фактическим обстоятельствам имевшего место противоправного деяния. Кроме того, согласно части 6 статьи 316 УПК РФ судья может по своей инициативе, а также при наличии возражения со стороны подсудимого, либо государственного об-

винителя, либо потерпевшего назначить рассмотрение уголовного дела в общем порядке.

Именно современный УПК РФ в качестве отдельных глав закрепил два особых порядка, но предпосылки для их формирования складывались в том числе и в советское время. Так, в УПК РСФСР 1923 года в статье 282[1] уже существовало легальное право на сокращение процедуры судебного следствия. Сегодня же имеется целая процедура проведения судебного заседания при согласии подсудимого с предъявленным ему обвинением, где для субъекта, согласившегося с предъявленным ему обвинением, предусмотрены процессуальные бонусы — назначаемое наказание не превышает две трети от максимально возможного вида или размера наказания.

Если мы говорим о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, то там гражданин, помимо признания своей вины в совершении противоправного деяния, должен сообщить о противоправной деятельности своих соучастников, помочь отыскать похищенное имущество, предотвратить новые преступления, содействовать расследованию уголовных дел в отношении своих соучастников. Здесь, как и в первом особом порядке, в основе института лежит идея о признании своей вины подозреваемым (или обвиняемым), которая также обладает состязательным ореолом — ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подписывается в том числе и защитником, заявляется добровольно в любой момент до окончания предварительного следствия, за выполнение всех условий досудебного соглашения назначенное судьей наказание в одних случаях не превышает половины от максимально возможного вида или размера наказания, в других — не более двух третей (когда за совершенное деяние изначально было предусмотрено пожизненное лишение свободы). Вопросы процессуальной оценки значения сотрудничества более подробно регламентированы частью 5 статьи 317[7] УПК РФ.

Автор данной статьи исходит из того, что наличие двух особых порядков — это благо для уголовно-процессуальной сферы.

---

[1] Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 года. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Постановление_ВЦИК_от_15.02.1923_Об_утверждении_Уголовно-Процессуального_Кодекса_Р.С.Ф.С.Р. (дата обращения: 25.05.2023).

И в дополнение к имеющимся порядкам мы предлагаем еще один. Оптимизация будет выражаться в том, что из общего и особого порядков разрешения уголовного дела по существу в отдельных случаях предпочтение следует отдать сокращенной и упрощенной процедуре.

Авторское предложение: оптимизация процедуры прекращения уголовного дела следователем при примирении сторон и деятельном раскаянии. Сегодня такая возможность регламентируется статьей 25 УПК РФ и статьей 76 УК РФ, а также статьей 28 УПК РФ и статьей 75 УК РФ.

Примирение сторон: если гражданин впервые совершил преступление небольшой или средней тяжести, впоследствии стороны пришли к процессуальному консенсусу, обвиняемый компенсировал сумму вреда, причиненного потерпевшему, последний написал заявление с просьбой о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, то производство по делу может быть прекращено. Это право предоставляется судье либо следователю (при наличии согласия руководителя следственного органа), либо дознавателю (при условии получения согласия от прокурора), но существует и другое общее предписание — примирение по делам частно-публичного и публичного уголовного преследования не предусмотрено (ст. 20 УПК РФ), поэтому, когда следователю поступает ходатайство о примирении сторон, у него есть право его удовлетворить, а также право отказать в его удовлетворении со ссылкой на общее правило. Кроме того, часть следователей не решается брать на себя ответственность по примирению сторон, считая, что это является прерогативой суда. По преступлениям средней тяжести, когда имело место причинение смерти по неосторожности, следователи также категорически отказываются брать на себя ответственность по примирению сторон.

Наша идея состоит в следующем: если было совершено преступление небольшой или средней тяжести, относимое к частно-публичному или публичному уголовному преследованию, и затем поступило ходатайство о примирении сторон, следователь должен его удовлетворять при условии, что оно заявлено добровольно и потерпевший осознает последствия примирительной процедуры. Это позволит разгрузить судебную систему, так как существенная часть уголовных дел будет разрешаться уже на

этапе предварительного расследования. Кроме того, предлагаем предусмотреть примирительную процедуру по тяжким преступлениям. Однако такое уголовное дело должен иметь право прекратить только суд.

Третья оптимизация уголовного судопроизводства нам видится в отказе от апелляционного производства с повышением значимости и использования потенциала девятой по счету экстраординарной стадии — возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Сегодня законодатель делает упор именно на апелляционное производство, фактически вынуждая граждан подавать апелляционные жалобы. Если была подана апелляционная жалоба в районный суд (через суд, постановивший приговор) на решение мирового судьи (который разрешал уголовное дело в качестве суда первой инстанции), то затем гражданин будет иметь право на сплошную кассацию и сможет подать кассационную жалобу в кассационный суд общей юрисдикции, а также право на подачу жалобы в Верховный Суд Российской Федерации, но уже в порядке выборочной кассации. Если же апелляционная жалоба гражданином подана не была, то обе его жалобы будут рассмотрены в порядке выборочной кассации — в кассационном суде общей юрисдикции и в Верховном Суде Российской Федерации, то есть их могут отклонить и подлежать рассмотрению и разрешению в ходе судебного заседания они не будут.

Мы же предлагаем в целом отказаться от апелляционного производства, при этом оставив право на подачу кассационных жалоб. Если по уголовному делу появятся новые (наступят другие общественно-опасные последствия совершенного деяния, к примеру, если первоначально имело место причинение тяжкого вреда здоровью, а затем потерпевший скончался, а также иные новые факты, имеющие значение для разрешения уголовного дела по существу) или вновь открывшиеся обстоятельства (будет установлено, что приговор был вынесен, в том числе на основании ложных свидетельских показаний, на необъективных результатах судебной экспертизы, либо имели место заинтересованность судьи, следователя или прокурора, что выразилось в осуществлении противозаконной процессуальной деятельности и др.), можно возобновить производство посредством девятой исключительной стадии —

возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. При обнаружении любых из вышеобозначенных обстоятельств граждане или должностные лица сообщают об этом прокурору, он инициирует возбуждение производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, производит проверку, анализирует копию судебного приговора и содержание материалов предварительного расследования. Согласно части 4 статьи 415 УПК РФ при изучении новых обстоятельств допускается производство следственных и иных процессуальных действий. По итогу данной проверки или расследования прокурор выносит заключение. Судья в результате анализа поступившего заключения, материалов уголовного дела и прокурорской проверки принимает одно из четырех решений согласно статье 418 УПК РФ. Одно из решений судьи заключается в том, что имевшийся по уголовному делу приговор может быть отменен, а дело передается на новое судебное рассмотрение по существу. Полагаем, что данная экстраординарная стадия уголовного процесса может рассматриваться как способ замены апелляционного производства и будет способствовать обеспечению устойчивости итоговых судебных решений.

Современное уголовное судопроизводство похоже на лестницу Пенроуза. Считается, что это бесконечная лестница, одна из невозможных фигур, открытая Оскаром Рутерсвардом. Если перемещаться в одном направлении — будет иметь место постоянный спуск, а в другом — непрерывный подъем. Чтобы сфера уголовного судопроизводства обрела большую стабильность, а итоговые судебные решения — устойчивость, предлагаем в качестве оптимизации отказ от апелляции.

Заголовок статьи звучит как «Конвергентный тип уголовного процесса: состязательность или оптимизация?». Противопоставляя состязательность оптимизации, мы исходили из следующих посылок:

— Состязательный применительно к судебному процессу раскрывается следующим образом: «такой, при котором обе стороны могут активно защищать свои права»[1].

[1] *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва, 2016. С. 1119.

— В рамках отдельных оптимизаций снижается возможность процессуально посостязаться, максимально сокращается процедура судебного следствия и отдается предпочтение процессуальной экономии и снижению срока и размера наказания подсудимого с учетом добровольного признания им своей вины (два особых порядка судебного разбирательства).

В этой связи полагаем, что прогрессивное развитие уголовного процесса XXI века должно быть ориентировано на поиск гармоничного баланса между состязательностью и оптимизацией, а также на повышение уровня процессуального сотрудничества с гражданами, в том числе в контексте имеющихся примирительных процедур.

Таким образом, современный смешанный тип уголовного судопроизводства есть *достаточно высокая ступень процессуальной эволюции и синергетики состязательного, розыскного (следственного) и обвинительно-состязательного типов*. Предлагаем считать современный тип уголовного судопроизводства не смешанным, а «серебряным веком» российской состязательности.

Мишель Эйкем де Монтень в своем научном труде «Опыты» убедительно доказывает гипотезу о том, что «различными средствами можно достичь одного и того же»[1]. В числе примеров ученый приводит военные стратегии, а именно — элемент капитуляции и примирения победителей с побежденными. В одних случаях на помощь приходит отвага и твердость, в других — упор на чувство жалости и сострадания. Император Конрад III взял в осаду герцога Баварского. Право покинуть город предоставили только дамам благородного звания. Это можно было сделать только пешком, взяв с собой лишь то, что они смогут взять и донести сами. Девушки водрузили на свои плечи детей, мужей и самого герцога. В императоре, увидевшем это, погасло пламя непримиримой вражды к побежденному герцогу[2].

Так и в сфере уголовного судопроизводства. Можно уголовный процесс шлифовать и улучшать посредством расширения объема отдельных процедур, усиления требований, повышения стан-

[1] См.: *Монтень М. Э. де.* Опыты. Избранные главы. Москва, 1991. С. 36.

[2] См. там же. С. 37.

дартов, а можно оптимизировать, выбирая из имеющихся альтернатив наиболее прогрессивные, сокращая определенные временные процессы и упрощая отдельные процессуальные части и стадии. Каждый из этих подходов в целом будет способствовать достижению одного и того же — совершенствованию уголовного процесса. Мы же являемся сторонниками разумной оптимизации.

УДК 94 (41/99)

Лушин А. Н.,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Оптимизация полицейской службы на основе Высочайшей резолюции от 23 апреля 1733 года «Об учреждении полиции в городах» (на примере города Нижнего Новгорода)

Учреждение первых полицейских структур в начале XVIII века в целом не оказало существенного влияния на борьбу с преступностью в губернских и провинциальных городах России. Обеспечение там общественного порядка было возложено на местные военные гарнизоны, начальники которых к данной деятельности относились в основном формально, сосредоточив главные усилия на искоренении разбойничества на сухопутных и речных торговых путях. В местности, особенно подверженные действиям разбойничьих ватаг, направлялись из драгунских полков команды, которые в городах особой пользы в борьбу с преступностью не приносили. Император Петр I Алексеевич не успел положительно решить насущный вопрос создания специализированных полицейских команд в городах империи, хотя еще в 1718 году была создана Главная полицмейстерская канцелярия. В городах власть действовала в плане обеспечения общественной безопасности старыми методами, привлекая к караулам представителей из местного населения для борьбы с кражами, грабежа-

© Лушин А. Н., 2023

ми, хулиганством и пожарами. Таким образом, настоятельно требовалась своевременная оптимизация правового регулирования правоохранительной деятельности, которая должна была быть неразрывно связана именно с полицейскими структурами.

Весной 1733 года советник Военной коллегии генерал-лейтенант князь Л. И. В. Г. Гессен-Гомбургский представил в правительство донесение о необходимости учреждения в крупных городах Российской империи специальных полицейских структур с широкими полномочиями. Главной полицмейстерской канцелярии, именовавшейся также Главной полицией, находившейся в Санкт-Петербурге, было поручено рассмотреть данный документ. Главная полицмейстерская канцелярия в докладе на имя императрицы Анны I Иоанновны высказалась за учреждение специализированных полицейских органов в 23 губернских и провинциальных городах. Согласно представленному докладу предлагалось в 10 губернских городах по прилагаемому реестру из гарнизонного офицера (капитана) определить начальствующего над городской полицией (полицмейстера), причем было указано, что таковой должен быть достойным к исполнению службы. В штат городской полиции предлагалось ввести унтер-офицера, капрала, восемь рядовых солдат и двух канцелярских служителей, определив им жалование и довольствие из гарнизонной казны[1]. В городах создавались так называемые съезжие дворы, то есть административно-полицейские конторы с помещениями для арестованных правонарушителей. В указанном докладе указано также о караулах, которые представляли собой дежурства силами местных жителей в ночное время для предотвращения грабежей, краж, хулиганских действий и пожаров.

Городские полицейские конторы поступали в прямое с «полной дирекцией» подчинение Главной полицмейстерской канцелярии, откуда должны были получать служебные инструкции и куда были обязаны направлять соответствующие рапорта обо всех происшествиях в городах. Высочайшей резолюцией императрицы Анны I Иоанновны от 23 апреля 1733 года было указано: «быть по сему представлению в показанных городах полиции, а в

[1] Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. IX. 1733–1736. С. 93. № 6378.

оные определить по одному офицеру, а как им поступать, о том дать инструкции от Главной полиции», то есть была определена система служебных отношений по вертикали[1].

В указанный реестр губернских городов был включен Нижний Новгород. Причины для данного важного решения были весомыми и объективными. Во-первых, Нижний Новгород имел несомненное в экономическом плане большое стратегическое значение, так как выгодно располагался на слиянии двух крупных рек, издавна бывших оживленными торговыми путями. По пути на волжскую Макарьевскую ярмарку, бывшую значительным общегосударственным торжеством, многочисленные купцы останавливались в постоялых дворах. Во-вторых, при городском населении около 10 тысяч жителей в Нижнем Новгороде располагались прядильные, кирпичные, канатные, пивоваренные, кожевенные и свечные предприятия, принадлежащие местным богатым промышленникам, и немало трактиров. Город являлся в Поволжье одним из крупных центров хлебной и рыбной торговли, и, кроме того, в нем размещалась большая соляная контора, ведавшая снабжением этим пищевым продуктом разные регионы Российской империи. Постепенно развивался нижегородский речной порт, куда с весны до осени по Волге и Оке приходили во множестве суда с различными грузами, для которых вдоль речного берега строились складские помещения.

Обстановка с обеспечением общественной безопасности и преступностью в Нижнем Новгороде в первой трети XVIII века складывалась весьма тревожной: городскую власть беспокоили не только дерзкие грабежи и кражи, особенно в ночное время, но и появление опасных разбойных и воровских групп, порой проникавших в самый город. Кроме всего, ежегодно в городе собиралось до 40 тысяч беспаспортных, приходивших наниматься на судовые работы и на предприятия местных купцов. Постоялые дворы и трактиры становились пристанищем для людей, не всегда отличавшихся благопристойным образом жизни[2]. Не нашед-

[1] Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. IX. 1733–1736. С. 93. № 6378.

[2] История города Горького: краткий очерк / К. Г. Селезнев, И. А. Кирьянов, М. И. Куприянов [и др.]. Горький, 1971. С. 72.

шие работу пришлые люди быстро опускались на дно жизни, поэтому истинным бедствием для города были массовые нищенство и бродяжничество, бытовое воровство. Нередки были пожары, иногда весьма опустошительные, так как городские дома в своем большинстве были деревянными.

Для борьбы с преступностью в этот период времени использовали воинские команды, дислоцированные в губерниях. В Нижнем Новгороде с 1731 года общественную безопасность обеспечивали солдаты Выборгского драгунского полка под командованием подполковника Емельяна Васильевича Реткина (Редкина)[1]. Естественно, драгуны, привычные к выполнению боевых действий в конном строю, в наведении должного порядка на городских улицах и площадях могли только пресекать отдельные правонарушения, как-то уличные драки или пьяные буйства. Осуществлять служебные полицейские функции, такие как расследование преступлений или организация предупредительных мероприятий, они не были в состоянии ввиду некомпетентности, и поэтому их действия по борьбе с уголовной преступностью были малоэффективными.

Определенные административно-полицейские функции в соответствии с Регламентом, или Уставом Главного магистрата 1721 года выполняла городская ратуша, однако ее деятельность сводилась в основном к установлению застав и караулов из местных жителей в ночное время для предотвращения пожаров, разбоев и уличных грабежей, пьяного хулиганства. На местах действовал известный наказ императора Петра II Алексеевича 1728 года губернаторам и городским воеводам о пресечении преступлений по «татиным, разбойным и убивственным делам» в губерниях и губернских городах, подтвержденный в виде служебной инструкции Высочайшей резолюцией императрицы Анны I Иоанновны от 20 марта 1730 года на доклад Сената[2].

В Нижний Новгород распоряжение из Главной полицмейстерской канцелярии об организации полицейской конторы по-

[1] *Беляков А. В., Галай Ю. Г., Лушин А. Н.* Нижегородская полиция в период Российской империи: монография. Нижний Новгород, 2017. С. 29, 55.

[2] Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. VIII. 1728–1732. С. 259. № 5521.

ступило 7 июня 1733 года. Начальником городской полиции был назначен из Казанского военного гарнизона отставной капитан Нижегородского драгунского полка Григорий Петрович Ратьков, который уже в августе 1733 года из-за болезни был вынужден оставить свою должность[1]. Однако в нижегородскую полицейскую контору во исполнение монаршей резолюции официального документа о конкретных полномочиях и компетенции местной полиции не поступило. Не известна также роль в становлении полиции управляющего Нижегородской губернией бригадира И. М. Волынского. Скорее всего, первые руководители нижегородской полиции в своей правоприменительной деятельности руководствовались сенатскими указами 1733 года о пресечении незаконного изготовления и продажи спиртных напитков, о предупреждении пожаров, о правилах торговли продовольственными товарами, выявлении беспаспортных беглых крепостных крестьян, о привлечении к охране общественного порядка сотских, пятидесятских и десятских из местного населения. Караулам предписывалось под страхом наказания спешить на помощь городским обывателям, подвергшимся нападению злоумышленников и вызывавшим отчаянными криками караульных[2].

Следует признать, что учреждение регулярной полиции, имеющей постоянную структуру и определенные штаты, явилось в Нижнем Новгороде реальным началом последовательного развития упорядоченной организации охраны общественного порядка в пределах городской территории, тем более что она постепенно расширялась в связи с возрастанием торгового и промышленного значения города.

Также важно отметить, что в соответствии с Высочайшей резолюцией от 23 апреля 1733 года в юридическом плане городская полиция становилась самостоятельным государственным органом, не находящимся в прямом подчинении городской власти.

---

[1] Родословные росписи некоторых дворянских и купеческих родов. Ратьковы // Автономная некоммерческая организация содействия генеалогическим исследованиям «Союз возрождения родословных традиций»: [сайт]. 2022. URL: https://forum.svrt.ru/topic/11174-ратьковы/ (дата обращения: 20.05.2023).

[2] *Смирнов Д. Н.* Очерки жизни и быта нижегородцев XVII–XVIII веков. Горький, 1971. С. 208–209.

Данное обстоятельство не могло не повлиять в благотворном плане на оптимизацию полицейской службы, то есть на обоснованное возрастание ее значения в государственном секторе, на определение структуры полицейских органов на местах, на повышение эффективности их правоохранительной деятельности. Таким образом, данная Высочайшая резолюция от 23 апреля 1733 года явилась знаменательным событием в истории российской государственности, ознаменовавшим начальный этап развития законотворчества по деятельности органов полиции на уровне губернских городов Российской империи.

УДК 340

Макарейко Н. В.,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России

Оптимизация нормативного правового регулирования юридической ответственности

Прочность правопорядка и стабильность безопасности не в последнюю очередь предопределены методами их обеспечения. Со всей очевидностью следует признать, что наиболее целесообразным является применение мер предупреждения и пресечения как форм государственного принуждения. Именно их принудительный потенциал оказывает превентивное и прекращающее воздействие на развитие противоправных ситуаций. Наряду с этим следует учитывать, что меры предупреждения могут быть применены, когда отсутствует факт правонарушения, а только презюмируется. При этом они могут быть применены и в целях предупреждения аномалий с правовым содержанием, то есть предупреждения аварий, эпидемий, эпизоотий, что связано с действием стихийных сил природы и отклонениями в функционировании техногенных процессов.

© Макарейко Н. В., 2023

В свою очередь меры пресечения позволяют оперативно прекратить противоправную ситуацию, препятствуют ее развитию, не позволяют ей перерасти в более опасные деяния. И, что важно, они могут быть применены к субъектам, которые в силу возраста или невменяемости не подлежат юридической ответственности. Следует учитывать, что их своевременное задействование препятствует перерастанию незначительных противоправных деяний в преступления. В этой связи они применяются и в интересах принуждающего.

Признавая потенциал мер предупреждения и пресечения, следует учитывать, что в ряде случаев они могут давать сбои в силу как объективных, так и субъективных факторов. В этой связи возникает потребность в применении мер юридической ответственности, которая является средством государственного постпротивоправного реагирования. В этой связи реализация данных мер зачастую вызывает общественный резонанс. Он обусловлен тем, что применение указанного вида государственного принуждения приводит к достижению тех целей, которые им не свойственны. Так, в ряде ситуаций административная ответственность, которая является наиболее часто применяемым видом публичной юридической ответственности, направлена на пополнение доходной части государственного бюджета. В этой связи признается тенденция по ее фискализации[1].

Широкое применение юридической ответственности обусловлено ростом числа правонарушений различной степени общественной опасности, а точнее, совершенствованием средств их выявления. В частности, речь идет об использовании специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме при наличии у них функций фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи (ст. 26.8 КоАП РФ). Наряду с этим необходимо учитывать, что законодательство, регламентирующее основания и порядок применения юридической ответственности, в большей степени по сравнению с другими видами юридической ответственности систематизировано, а также налажен статистический учет ее реализации. В этой связи приме-

[1] См.: *Зырянов С. М.* Тенденции развития законодательства об административных правонарушениях и правоприменительная практика // Вестник экономической безопасности. 2017. № 2. С. 34–39.

нение юридической ответственности, назначенные при этом наказания (взыскания) выступают важными показателями эффективности правоохранительной деятельности.

Результативность (нерезультативность) применения юридической ответственности зависит от системы факторов, среди которых традиционно выделяют доктринальные, правотворческие и правоприменительные. Именно реализация многофакторного подхода позволяет в комплексе повысить качество применения юридической ответственности. В своей публикации, учитывая ее ограниченный объем, мы сфокусируем внимание на одном из составляющих правотворческих факторов, а именно, на оптимизации правового регулирования юридической ответственности.

При характеристике юридической ответственности, ее отдельных видов традиционно акцент делается на нормативные, фактические и процессуальные основания. Методически неверным было бы устанавливать их иерархию. Вместе с тем они должны соблюдать определенную последовательность. В первую очередь формулируется правовой запрет на определенные деяния. В дальнейшем необходимо установить соответствующий факт совершения правонарушения. В конечном итоге следует вынести в установленном процессуальном порядке правоприменительный акт, в котором дается на основании действующего законодательства правовая оценка факта совершенного правонарушения и назначается конкретное наказание (взыскание).

Известную сложность представляет собой нормативное правовое основание юридической ответственности. Такое положение предопределено, прежде всего, закреплением юридической ответственности широким кругом уполномоченных субъектов. Конституционная и уголовная ответственность (ст. 1 УК РФ) регулируется исключительно на федеральном уровне. Административная ответственность устанавливается как на уровне Российской Федерации, так и субъектов Российской Федерации (ст. 1.1 КоАП РФ). В то же время гражданская ответственность установлена как на законодательном (федеральном) уровне, так и в договорной форме (локальный уровень). Основы дисциплинарной и материальной ответственности определены федеральным субъектом правотворчества, однако ее детализация перенесена на более низкий уровень нормативного правового регулирования, в том числе и на локальный.

Оптимизация нормативного правового регулирования юридической ответственности находится в прямой связи с эффективностью применения указанного вида государственного принуждения. Не случайно в специальной литературе эффективность права, его элементов определяется через оптимальность[1]. Понятие «оптимизация» имеет латинские корни (*optimus*) и заключается в обнаружении и использовании наиболее лучшего варианта из потенциально возможных.

Одна из специфических черт юридической ответственности заключается в том, что в максимальной степени ограничивается свобода правоприменительного усмотрения по сравнению с другими формами государственного принуждения. Такое положение предопределено тем, что ее применение влечет за собой наступление соответствующих правоограничений. В этой связи необходимо закрепить механизм, который в максимальной степени позволяет ограничить злоупотребление со стороны правоприменителя.

Оптимизация нормативного правового регулирования юридической ответственности предполагает сочетание как материально-правовых, так и процессуальных аспектов. Исключение одного из них не позволяет достигнуть целей применения указанного правового средства. В этой связи на субъект правотворчества возлагаются обязанности по учету выше указанных факторов.

В процессе подготовки нормативных правовых актов, регламентирующих юридическую ответственность, необходимо четко определить цель, которая должна быть достигнута в ходе ее реализации. Она в ряде случаев закреплена в действующем законодательстве. Так, целью уголовного наказания как доминирующего способа его реализации выступает исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ). В качестве цели административного наказания определено индивидуальное и общее предупреждение (ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ). Вместе с тем цели гражданско-правовой, дисциплинарной, материальной ответственности не получили законодательного определения.

Такой «избирательный» подход не способствует повышению качества его нормативного правового обособления. Вместе с тем и

---

[1] См.: *Пашков А. С., Явич Л. С.* Эффективность действия правовой системы // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 41–44.

в случае закрепления целей юридической ответственности далеко не всегда способствует качественному определению ее предназначения. Изучение действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет заключить, что к целям юридической ответственности следует отнести: укрепление правопорядка; восстановление социальной справедливости; воспитание граждан в духе уважения закона; предупреждение совершения правонарушений. Именно цели во многом предопределяют оптимизацию правового регулирования рассматриваемого явления.

Весьма опасна для оптимизации подмена целей решением текущих конъюнктурных задач. В начале статьи мы обращали внимание на доминирование фискальной составляющей, что присуще административной ответственности. Очевидно, что пополнение доходной части бюджета должно осуществляться посредством использования других средств, а административная и другие виды юридической ответственности должны быть исключены из данного инструментария.

Для оптимизации юридической ответственности важно определить ее границы. Неслучайно в литературе отмечается, что своеобразие государственно-правового принудительного воздействия самым непосредственным образом связано со спецификой «детерминантов пределов принудительного воздействия — как возможного, так и допустимого»[1].

Значимость установления границ юридической ответственности обусловлена тем, что ее минимальная интенсивность не позволяет добиться тех целей, которые она призвана достигать. В свою очередь превышение ее пределов приводит к трансформации юридической ответственности в государственное насилие. В этой связи оптимизация юридической ответственности будет способствовать установлению наиболее оптимальных границ минимального и максимального государственного принудительного воздействия посредством названного метода.

Решение проблемы нормативного правового определения пределов юридической ответственности обусловлено поиском и использованием соответствующих критериев. В первую очередь

[1] *Лановая Г. М.* Принуждение в системе правоприменения: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2006. С. 46.

необходимо определить объем тех общественных отношений, которые должны охраняться посредством юридической ответственности. При этом важно «привязать» их границы к конкретным видам юридической ответственности. Например, возникает вопрос, можно ли охранять жизнь посредством административной ответственности. Ответ на этот вопрос до недавнего времени был отрицательным, однако после дополнения статьи 6.3 КоАП РФ следует признать, что это не иллюзия, а реальное состояние законодательства об административных правонарушениях[1].

Традиционно уголовная ответственность обладала «монополией» на охрану жизни. В пользу такого законодательного решения можно было бы сослаться на отсутствие уголовной ответственности юридических лиц. Полагаем, что можно было бы найти выход из ситуации, не прибегая к расширению границ административной ответственности.

Рассматривая вопрос оптимизации нормативного правового регулирования юридической ответственности, во главу угла должна быть поставлена ее «экономия», то есть минимизация применения. В ряде случаев можно было бы достигнуть целей правоохраны непринудительным путем. Особенно эта проблема актуализируется, когда речь идет о защите прав и свобод граждан, например, защиты прав несовершеннолетних (ст. 5.35 КоАП РФ), оскорблении (ст. 5.61 КоАП РФ), клевете (ст. 5.61.1 КоАП РФ, ст. 128[1] УК РФ).

Сверхактивность законодателя по внесению изменений и дополнений в КоАП РФ, УК РФ, НК РФ свидетельствует о его стремлении простыми путями решить сложные правоохранительные проблемы за счет юридической ответственности. Оперативность получения результата в ряде ситуаций оборачивается его неустойчивостью, утратой полученного правоохранительного результата в связи с ослабеванием принудительного воздействия. На официальном уровне недооценивается потенциал неправового воздействия.

Следует принимать во внимание, что в ряде ситуаций падение уровня правового порядка и безопасности обусловлено не мини-

[1] О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 1 апреля 2020 года № 99-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14, ч. I, ст. 2029.

мальным уровнем применения юридической ответственности, то есть ее дефицитом, а комплексом сложного переплетения экономических, политических, духовно-нравственных факторов. И нормализовать ситуацию посредством увеличения числа правонарушений, которые являются фактическими основаниями публично-правовой ответственности, не представляется возможным. Юридическая ответственность не должна «конкурировать» с другими видами социальной ответственности, а взаимодействовать с ними.

Существенное значение при определении пределов юридической ответственности играет законодательное закрепление системы наказаний (взысканий). Это обусловлено тем, что посредством их реализуется в подавляющем числе случаев юридическая ответственность. Неслучайно в действующем законодательстве определены соответствующие системы уголовного наказания (ст. 44 УК РФ), административного наказания (ст. 3.2 КоАП РФ), дисциплинарных взысканий (ст. 192 ТК РФ). Вместе с тем следует учитывать, что система дисциплинарных взысканий дифференцируется в зависимости от видов трудовой (служебной) деятельности.

Важно определить соразмерность между степенью общественной опасности и закрепленной системой наказаний (взысканий). Признавая универсальный характер штрафа, следует отметить, что в ряде ситуаций он не обладает потенциалом необходимым и достаточным для нормализации ситуации, нарушенной в результате совершения правонарушения. В этой связи важным видится использование наказаний (взысканий), которые в максимальной степени будут способствовать достижению целей правоохраны. Например, восстановление в системе уголовных наказаний такого вида, как конфискация имущества, которая была исключена в 2003 году[1]. Очевидно, дополнение УК РФ главой 15.1[2] нельзя признать рациональным шагом.

---

[1] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50, ст. 4848.

[2] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: федеральный закон от 27 июля 2006 года № 153-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3452.

Наряду с этим необходимо внести изменения в существующие виды наказаний (взысканий). В частности, предусмотреть применение лишения специального права (ст. 3.8 КоАП РФ) как в отношении физических, так и юридических лиц. Наряду с этим целесообразно расширить возможность применения указанного вида административного наказания в отношении всего спектра специальных прав, которые предусмотрены действующим законодательством. В то же время в качестве поощрения целесообразно предусмотреть досрочное прекращение исполнения указанного наказания. Наряду с этим необходимо расширить возможность уплаты 50 % административного штрафа на все административные правонарушения, не ограничиваясь главой 12 КоАП РФ, что активизирует стимулирующую функцию юридической ответственности.

Важное значение имеет соразмерное закрепление наказания (взыскания) с учетом совершенного противоправного деяния. Не выдерживает критики ситуация, когда проезд на запрещенный сигнал светофора (ч. 1 ст. 12.12 КоАП РФ) менее наказуемо по сравнению с неисполнением обязанности по внесению платы за проезд транспортного средства по платным автомобильным дорогам, платным участкам автомобильных дорог (ст. 12.21.4 КоАП РФ), нарушение правил пользования телефоном водителем транспортного средства (ст. 12.36.1 КоАП РФ).

Важное значение имеет оптимальное определение субъектов юрисдикции, то есть лиц правомочных налагать наказания (взыскания). В настоящее время сложилась очевидная тенденция по расширению перечня субъектов, правомочных рассматривать дела об административных правонарушениях. Так, их число в соответствие с главой 16 КоАП РСФСР не превышало 40 правонарушений, то в настоящее время их более 80 (гл. 23 КоАП РФ). Проектом КоАП РФ их число еще больше увеличивается (гл. 43–44). При этом доминирующими субъектами административной юрисдикции выступают судьи. С одной стороны, такое законодательное решение позволяет в максимальной степени обеспечить беспристрастность при рассмотрении дела об административном правонарушении. С другой — обостряется проблема отсутствия у субъекта юрисдикции (судей) специальных познаний. В этой связи решение принимается исключительно с позиции формального исследования юридических обстоятельств дела в ущерб сущност-

ной характеристики обстоятельств дела об административном правонарушении. Такая ситуации наиболее остро наблюдается в сфере экономических правонарушений.

Для оптимизации юридической ответственности важно рационально закрепить механизм ее применения. Он наиболее детально изложен в уголовном законодательстве (гл. 10 УК РФ), законодательстве об административных правонарушениях (гл. 4 КоАП РФ), налоговом законодательстве (гл. 15 НК РФ). В то же время отсутствует детализированный механизм назначения дисциплинарной ответственности (гл. 30 ТК РФ). Ситуация усугубляется в силу отсутствия детального закрепления составов дисциплинарных правонарушений. Исключение составляют применение такого дисциплинарного взыскания, как увольнение (ст. 81 ТК РФ, ст. 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе»[1]).

Вместе с тем следует указать, что существует значимая проблема назначения уголовных наказаний. Так, в пункте «о» части 1 статьи 63 УК РФ к числу обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность, отнесена принадлежность субъекта преступления к ОВД. Видится спорной позиция КС РФ по определению конституционности указанного законоположения[2]. На данную проблему неоднократно обращается внимание в специальной литературе[3].

---

[1] О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31, ст. 3215.

[2] По запросу Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение КС РФ от 8 декабря 2011 года № 1623-О-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.04.2023).

[3] См.: *Гладких В. И.* Парадоксы современного законотворчества: критические заметки на полях Уголовного кодекса // Российский следователь. 2012. № 11. С. 15–18; *Макарейко Н. В., Самойлюк Р. Н., Колесник В. В.* Правосознание сотрудников ОВД и роль юридической ответственности в его деформации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 1 (140). С. 109–115; *Уразбаев Р. Ш.* К вопросу о дискриминационном характере отягчающего уголовное наказание обстоятельства в виде совершения умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 2. С. 210–215; и др.

Существуют значимые проблемы в определении меры административного наказания за конкретное административное правонарушение. В частности, в статье 4.1 КоАП РФ не детализированы условия учета обстоятельств, смягчающих и отягчающих административную ответственность. Вызывают вопросы обоснования освобождения от административной ответственности в силу малозначительности административного правонарушения (ст. 2.9 КоАП РФ), так как законодатель отказался от закрепления соответствующих критериев, которые должен использовать правоприменитель.

Важное значение для оптимизации закрепления юридической ответственности имеет процессуальный порядок ее реализации. При этом необходимо предусмотреть такую процессуальную форму, которая позволит в максимальной степени достигнуть целей юридической ответственности. Очевидно, что излишне сложный процессуальный порядок, необоснованно нюансированный, усложняет деятельность субъектов правоприменения, провоцирует юридические ошибки. В результате нарушаются права субъектов, вовлеченных в отношения юридической ответственности. Целесообразно определить должный баланс между характером совершенного правонарушения и процессуальным порядком реализации данной формы государственного принуждения. Наряду с этим следует сохранить усложненные формы, когда речь идет о важности нарушенных отношений и высоком правоохранительном потенциале применяемых мер. Примером является возможность проведения административного расследования по определенным категориям дел об административных правонарушениях (ст. 28.7 КоАП РФ). Очевидно, что более сложный процессуальный порядок закреплен для уголовной ответственности. Наряду с этим существует упрощенный порядок ее применения в отношении отдельных уголовных дел (раздел X УПК РФ).

Подводя краткий итог рассмотрения проблемы оптимизации закрепления юридической ответственности, необходимо признать, что целесообразно учесть ряд факторов нормативного правового регулирования, которые повысят действенность реализации данной формы государственного принуждения.

УДК 004.89:347.78

Мамай Е. А.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород); старший научный сотрудник кафедры государственно-правовых дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия (Нижний Новгород)

Оптимизация правового регулирования использования искусственного интеллекта

Стремительное развитие технологий сегодня оказывает все большее влияние на пути и способы взаимодействия общества и государства. В современной государственно-правовой среде информация стала ключевым ресурсом, обеспечивающим рост и поступательное развитие, а одной из передовых технологий, позволяющих обрабатывать большие объемы информации, которыми оперирует современное государство, являются системы искусственного интеллекта (далее — ИИ).

На данный момент, к сожалению, приходится констатировать, что правовые средства далеко не всегда успевают за динамикой и гибкостью внедряемых технологий. Растущее влияние технологий искусственного интеллекта, накопленный опыт их использования в государственном управлении и шлейф сопутствующих проблем ставят вопрос о необходимости создания механизма правового регулирования и обеспечения его оптимизации в целях достижения максимально возможной эффективности и минимизации рисков, сопряженных с использованием интеллектуальных систем.

Теории связи, роли информации и информационного обмена ученые начали уделять внимание довольно давно, еще в первой половине XX века. В современных реалиях технологии достигли

© Мамай Е. А., 2023

такого уровня совершенства, что позволяют решать ранее недостижимые интеллектуальные задачи, о чем, думается, основоположники кибернетики не могли и предполагать.

На данный момент следует констатировать, что потенциал искусственного интеллекта в полной мере еще непонятен и, более того, есть определенные проблемы с пониманием, что же следует относить к подобного рода технологиям. В первую очередь отметим, что исследователи разграничивают искусственный интеллект как алгоритмы, способы автоматизированного принятия решений и системы искусственного интеллекта как технологические решения, позволяющие реализовывать данные алгоритмы[1]. Принципиальная важность указанного уточнения состоит в том, что соответствующие технологии могут быть заложены в различного рода системы, реализация потенциала которых может применяться в абсолютно различных сферах человеческой деятельности.

В научной литературе не прекращаются дискуссии на тему того, какими свойствами должен обладать искусственный интеллект. С момента введения в научный оборот указанного термина его понимание строится на разграничении понятий «естественный интеллект» («интеллект») «искусственный интеллект»[2]. Для построения системы правового регулирования ИИ принципиальное понимание этого важно, поскольку позволяет познать свойства одного через свойства другого. Именно исходя из указанной логики исследователями разграничивается «сильный» и «слабый» искусственный интеллект. Первая разновидность ИИ (в теории) способна полностью воспроизводить свойства человеческого мозга, в то время как слабый ИИ — только лишь отдельные его способности. Произведение логических операций и вычислений, формулирование логических выводов («мыслить, как человек») — наиболее просты для современного нам ИИ, в то время как самоосознание, со-

[1] *Болотова Л. С.* Системы искусственного интеллекта: модели и технологии, основанные на знаниях: учебник. Москва, 2012. С. 38–39.

[2] *Наумов В. Б., Камалова Г. Г.* Вопросы построения юридических дефиниций в сфере искусственного интеллекта // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15. № 1. С. 85.

переживание и способность самостоятельного познания новых областей знания («действовать, как человек») — на текущий момент практически недостижимы, что делает концепцию сильного ИИ в большей степени гипотетической. Между тем В. Б. Наумов, Г. Г. Камалова справедливо отмечают, что сильный и слабый искусственный интеллект в случае претворения указанных концепций в жизнь должны получить различающиеся правовые дефиниции и режимы[1].

В России одно из наиболее обстоятельных исследований искусственного интеллекта произведено П. М. Морхатом, который определяет ИИ через сложную совокупность присущих ему признаков и свойств. В качестве таковых указанный автор приводит следующие: полностью или частично автономная самоорганизующая (и самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая, наделенная (обладающая) программно-синтезированными (эмулированными) способностями и возможностями: антропоморфно-разумных мыслительных и когнитивных действий; самореферентности, саморегулирования, самоограничения, самоадаптирования под изменяющиеся условия; самостоятельного (автономного) сложного накопления информации и опыта; самостоятельного (автономного) осуществления генетического поиска и обработки информации; обучения и самообучения; самостоятельной разработки и самостоятельного применения алгоритмов; самостоятельного (автономного) принятия решений; при заданной и обеспеченной возможности (способности) — сообщения (взаимодействия) с физической реальностью[2]. Во многом схожей позиции в определении ИИ придерживаются И. В. Понкин, А. И. Редькина[3].

---

[1] См.: *Наумов В. Б., Камалова Г. Г.* Вопросы построения юридических дефиниций в сфере искусственного интеллекта // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15. № 1. С. 87.

[2] См.: *Морхат П. М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2018. С. 30–31.

[3] См.: *Понкин И. В., Редькина А. И.* Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 94–95.

В нормативном регулировании ИИ практически все современные страны на данный момент находятся на начальной стадии определения общих рамок регламентации, определения морально-этических принципов использования ИИ в различных сферах и методах контроля за данной технологией. Основополагающей проблемой использования ИИ является отсутствие точного понимания, какие технологические решения следует относить к ИИ, а это, в свою очередь, влечет проблемы нормативного регулирования, организационного и технического воплощения намеченного в жизнь. Дело в том, что сферы использования, степень автономности и уровень самообучаемости систем ИИ, качество и количество учитываемых ими входных сигналов и данных могут существенным образом отличаться, что, по всей видимости, требует индивидуальных решений как минимум применительно к разным отраслям использования ИИ.

В России только в 2019 году был принят Национальный стандарт ГОСТ Р 60.0.0.4-2019/ИСО 8373:2012 «Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения», идентичный международному стандарту ИСО 8373:2012[1]. Несмотря на то, что указанный стандарт во многом пересекается в предметной области с ИИ, однако полностью не охватывает указанную сферу, что оставляет лакуны в правовом регулировании. По мере того, как будут внедряться стандарты в сфере ИИ, следует ожидать, что появится и стандарт, унифицирующий использование ИИ в качестве программы, определяющей логику управления роботами, и собственно роботов как исполнительных механизмов, обладающих некоторой степенью автономности как по отношению к человеку, так и ИИ, как программе его управления.

В том же 2019 году в России была принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до

[1] Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 60.0.0.4-2019/ИСО 8373:2012 «Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения»: утв. приказом Росстандарта от 14 февраля 2019 года № 31-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации». URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-rosstandarta-ot-14022019-n-31-st-ob-utverzhdenii-natsionalnogo/ (дата обращения: 19.07.2023).

2030 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490, в которой ИИ определен как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека (условно назовем данный подход к определению понятия «гуманитарным»)[1]. Закрепление указанного определения понятия в документе политико-правового характера является значимой вехой на пути использования ИИ, однако, как и во многих других сферах, и оно не является безупречным. Зарубежные страны в этом отношении избирают несколько иной путь. К примеру, в проекте Закона Европейского союза об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act) под ИИ понимается способность на основе машинных и (или) человеческих данных и входящих сигналов делать вывод о способе достижения определенного набора целей, определенных человеком, посредством обучения, рассуждений или моделирования, а также для заданного человеком набора целей создавать конкретные результаты в форме контента (например, текста, видео или изображений), а также прогнозов, рекомендаций или решений, которые влияют на среду, с которой взаимодействует система, в физическом или цифровом измерении[2] (назовем его технологическим подходом). Таким образом, в определении ИИ, приведенном в Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490, акцент сделан на сопоставлении искусственного и естественного интеллекта, в то время как в Европе предпринимаются попытки определить ИИ через кон-

[1] Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41, ст. 5700.

[2] Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union legislative acts — Presidency compromise text. URL: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14278-2021-INIT/en/pdf (дата обращения: 19.07.2023).

кретные технологические решения и результаты, на достижение которых технология ориентирована.

Второй из представленных подходов в определении сути ИИ, с нашей точки зрения, более утилитарный, поскольку позволяет строить правовое регулирование, исходя из более конкретизированной предметной области. Технологический подход дает возможность видеть исходные риски использования ИИ, в какой бы сфере это ни происходило, а таковые могут возникнуть на разных жизненных циклах: на этапе создания, установления доступа, применения и контроля над функционированием интеллектуальной системы.

На текущий момент более-менее очевидны лишь риски, сопряженные с технологией создания систем ИИ. Поэтапное рассмотрение жизненного цикла ИИ позволяет говорить о том, что система должна принимать данные машинного и (или) человеческого происхождения и входные сигналы, а следовательно, уже здесь могут быть заложены определенные дисфункции, определяемые неправильными алгоритмами работы датчиков и устройств, направляющих такие сигналы ИИ, или разного рода субъективными причинами, если мы ведем речь о человеке как источнике первичных данных. К примеру, уже стали классическими примеры с ограничениями использования автопилотов в современных автомобилях в связи с разного рода недостатками работы датчиков и интеллектуальных систем обработки входящих сигналов[1]. А. В. Минбалеев в дополнение к сказанному отмечает проблемы, сопряженные с использованием системами ИИ данных смешанного происхождения, особенно если какие-то из них корректируются человеком[2]. Очевидно, что такие особенности в дальнейшем будут влиять на корректировку или исключение юридической ответственности отдельных субъектов права.

---

[1] См.: *McDermid J.* Autonomous cars: five reasons they still aren't on our roads. URL: https://theconversation.com/autonomous-cars-five-reasons-they-still-arent-on-our-roads-143316 (дата обращения: 20.05.2023).

[2] См.: *Минбалеев А. В.* Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. Т. 32. Вып. 6. С. 1096.

После получения входящих сигналов и данных системы ИИ должны производить определенные логические операции, необходимые для достижения набора целей, определенных человеком. При этом могут использоваться как технологии обучения (на примере определенной выборки ситуаций или базы данных), в том числе самообучения интеллектуальной системы, рассуждение или моделирование, однако использование ИИ и здесь может столкнуться с определенными сложностями практической реализации, поскольку заложенные алгоритмы могут иметь исходные просчеты, неточности, ошибки и дискриминационные перекосы. Если же это еще и сопровождается самообучением интеллектуальной системы, результат перестает быть прозрачным как для разработчика, так и пользователя системы. Как отмечает тот же А. В. Минбалеев, «…для некоторых систем в алгоритме может быть заложено, что отсутствие поступления информации является основанием для принятия решений, то есть возникает ситуация, когда система ничего не принимает, а в ней уже заложено основание для принятия решения, и оно принимается по факту»[1].

Наконец, на завершающем этапе функционирования интеллектуальной системы она должна сгенерировать результат в виде контента, прогноза, рекомендации или решения, которые потенциально могут влиять на среду, с которой система взаимодействует. Указанное обстоятельство порождает вопросы о юридической правосубъектности ИИ и его ответственности за генерируемые результаты. Очевидно, что уже на этапе разработки системы нормативного регулирования ИИ необходимо ставить вопрос о правовых последствиях, порождаемых использованием ИИ, его правах и обязанностях. К примеру, уже сейчас правоприменительная практика идет по пути дифференциации права авторства на результаты интеллектуальной деятельности человека и ИИ. Например, Бюро по авторским правам США в 2022 году сначала выдало патент, подтверждающий право авторства Крис Каштановой на графический ро-

[1] См.: *Минбалеев А. В.* Понятие «искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. Т. 32. Вып. 6. С. 1096.

ман «Zarya of the Dawn», а позднее в феврале 2023 года частично аннулировало его, когда выяснилось, что иллюстрации к роману создавались с помощью интеллектуальной графической системы Midjourney[1]. В вопросах же обязанностей интеллектуальных систем все гораздо сложнее, поскольку ИИ не обладает для этого необходимыми качествами, присущими субъектам правовых отношений.

Таким образом, в целом правовое регулирование ИИ изначально сталкивается с проблемой нормативного закрепления набора требований, которым должна соответствовать система ИИ в случае ее использования для принятия юридически значимых решений. На текущий момент в качестве исходных критериев регулирования, как правило, используются правовые принципы, законодательное закрепление которых находит свое отражение практически в каждой сфере общественной жизни, регулируемой правом (здравоохранении, образовании, социальной сфере, правоохранительной деятельности и т. д.). В дальнейшем, по мере определения критериев использования ИИ, установления сфер повышенного риска и решения иных вопросов нормативного регулирования, следует ожидать создания системы органов управления (этических комитетов, комиссий и т. п.), а также технологическое воплощение принимаемых решений в жизнь (реализация технических требований к ИИ, создание реестра соответствующих технологий и т. п.). Чем быстрее будет пройден первый этап, тем быстрее появится возможность реализации последующих.

[1] Cancellation Decision re: Zarya of the Dawn // U.S. Copyright Office. 2023. URL: https://www.copyright.gov/docs/zarya-of-the-dawn.pdf (дата обращения: 27.04.2023).

УДК 323.2

Маринин С. А.,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по учебной и научной работе Волго-Вятского филиала Московского технического университета связи и информатики (Нижний Новгород);
Ханин С. В.,
кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, доцент кафедры естественнонаучных и гуманитарных дисциплин Волго-Вятского филиала Московского технического университета связи и информатики (Нижний Новгород)

Оптимизация государственной молодежной политики Российской Федерации в современных условиях

Молодежная политика на современном этапе выступает одним из важнейших приоритетов в деятельности государства (отражает интересы четверти населения страны). Ее содержание и направленность должны быть ориентированы на формирование объективных условий и реальных гарантий, обеспечивающих раскрытие потенциала и самореализацию молодого поколения в интересах современного общества.

Уже на начальном этапе демократических преобразований базовыми нормативными правовыми актами можно считать Указ Президента Российской Федерации от 16 сентября 1992 года № 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики»[1] и постановление Верховного Совета Российской Федерации от 3 июня 1993 года № 5090-I «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации»[2].

[1] URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/2028 (дата обращения: 12.04.2023).
[2] ВСНД РФ и ВС РФ. 1993. № 25, ст. 903. Документ утратил силу.

© Маринин С. А., Ханин С. В., 2023

Данные документы заложили основы оформления отношений между государством и молодежью в условиях становления российской демократии, определили ее стратегическую цель, приоритетные направления и выделяли в качестве важнейшей задачи оказание помощи молодой семье, а также получение ею льготных кредитов. Формирующаяся нормативная база свидетельствовала о том, что во властных структурах в стране присутствовало осознание целесообразности создания условий для самореализации молодежи и развития молодежного движения. Так, в Федеральном законе от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях»[1] законодатель, планируя перспективы взаимодействия между органами государственной власти и общественными объединениями, в основу формирующейся системы закладывает принцип децентрализации. Тем самым власть сделала акцент на технологию социального партнерства государственного сектора, политических структур, некоммерческих организаций, бизнеса и молодежи, однако данный вариант технологии, избранной властью, по мнению И. Н. Гуковой, констатирующей о возможности власти манипулировать молодежной политикой, используя молодежь в период становления демократии в России в качестве электората в период выборов или нейтрализации смены политической элиты в условиях угрозы цветной революции, являлся бесперспективным. Приоритетными становятся формально-институциональные механизмы с преобладанием стиля заорганизованности и кампанейского подхода[2], о чем свидетельствует отсутствие в Конституции Российской Федерации 1993 года понятия «государственная молодежная политика», что являлось «серьезным юридическим пробелом, создававшим впечатление, что законодатели, обсуждая нормы Конституции Российской Федерации, могли про молодежь, «как обычно», забыть[3].

---

[1] URL: https://rg.ru/1996/01/24/nko-dok.html (дата обращения: 25.02.2023).

[2] См.: *Гукова И. Н.* Становление государственной молодежной политики в Российской Федерации: политико-правовой аспект // Научные ведомости. Серия: История. Политология. 2018. Т. 45. № 4. С. 784–797.

[3] См.: *Кочетков А. В.* Конституция Российской Федерации как основа формирования законодательства о государственной молодежной политике // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации. Москва, 2009. С. 93–100.

Именно так и определялась оптимизация молодежной политики в очень сложный период на этапе становления демократических основ в условиях политических, социально-экономических, геополитических и национальных проблем в суверенной России.

Выбор подходов к разработке и реализации программы, обеспечивающей оптимизацию молодежной политики, был не простым и сопряжен с рядом противоречий и альтернатив. Так, процедура обсуждения проекта закона «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации», прошедшего обе палаты и внесенного на рассмотрение в парламент, в 1999 году был остановлен на основании вето Президента Российской Федерации. Проект закона так и оставался на бумаге до 2009 года.

Однако с 2005 года начинается новый этап оптимизации механизма формирования молодежной политики, что проявилось в активной разработке и принятии в большинстве регионов страны подобных законодательных актов. Так, в 92 % субъектов Российской Федерации было осуществлено принятие законов в сфере молодежной политики. Сложилась нестандартная правовая ситуация, выразившаяся в опережении субъектов Федерации по отношению к федеральному центру в разработке и принятии законодательства[1]. Анализ содержания и направлений молодежной политики в субъектах Российской Федерации позволяет констатировать о формировании двухуровневой системы, включающей федеральный и региональный уровни.

На сегодняшний день в субъектах России участниками в продвижении молодежной политики является достаточно широкий круг структур управления и различного подчинения. Так, в 24 % субъектов Российской Федерации государственной молодежной политикой занимаются региональные ведомства, а в остальных — в реализации молодежной политики участие принимают исполнительные органы власти, включая сферы образования, культуры и спорта, а также внутренней политики. В том и другом формате в этом процессе активно задействованы общественные организации, расширяется гражданское участие. Особенностью современного этапа в реализации практико-управлен-

[1] См.: *Егоров В. В.* Эволюция отечественного законодательства о молодежи // Вестник Российского университета кооперации. 2021. № 2. С. 129.

ческих аспектов выступает наращивание новых социальных генераций в организации государственной молодежной политики. Это выражается не только в усилении динамики количества и качества ведомственных структур по работе с молодежью, но и росте различных молодежных программ, в которых находит свое отражение развитие патриотического и духовного воспитания молодежи, а также расширения диапазона сфер жизнедеятельности этой социальной группы (доступность высшего образования для молодежи из регионов, участие в политической деятельности, развитие волонтерского движения и др.).

Свидетельством поиска вариантов осуществления оптимизации молодежной политики явилась и попытка модернизации организационных структур, включая властные структуры субъектов Российской Федерации, генерирующие новизну подходов, технологий в осуществлении молодежной политики, однако в большинстве случаев данная эволюция ограничивалась принятием политико-административных решений, выражавшихся в изменении наименования, статуса, полномочий как структурных подразделений, так и их руководителей, что не только создавало видимость активного поиска оптимальных подходов, но и сдерживало поступательное развитие молодежной политики и ее эффективность. Так, за период с 2005 по 2012 год только в центральных органах управления, осуществляющих молодежную политику в Российской Федерации, четыре раза была проведена реорганизация в количестве (подсчитано автором), что свидетельствовало о приоритетном подходе в становлении формально-институциональных механизмов в реализации молодежной политики.

С одной стороны, поиск оптимальной конструкции аппарата, генерирующего новые идеи и технологии их достижения, открывало перспективные возможности в реализации широкого спектра инициатив. С другой стороны, необходимость обновления кадрового корпуса во властных структурах, определяла тенденцию совершенствования ротации кадрового состава, появления на олимпе властных структур новых лиц, новых имен, генерирующих новые подходы, призванные обеспечить уверенность российской молодежи в собственных силах.

И хотя за весь период становления и реализации демократических преобразований в Российской Федерации закона, имею-

щего федеральный статус, о молодежной политике так и не было принято, однако осознание актуальности данной сферы определяло направленность практической деятельности федеральных органов исполнительной власти. Так, были разработаны и приняты такие федеральные программы, как программа «Молодежь России», программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» и другие (с материальным обеспечением).

Важной вехой на пути формирования резюмирующего документа в сфере молодежной политики стало распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года»[1], в котором определялись цели, основные направления, принципы реализации и приоритеты государственной молодежной политики на федеральном уровне и в субъектах Российской Федерации.

Особую роль в оптимизации государственной молодежной политики Российской Федерации играет процесс активизации законотворчества. Так, принятие поправок, вступивших в силу 4 июля 2020 года, посредством всенародного голосования обеспечило серьезное обновление Конституции Российской Федерации. Включение 206 поправок в Основной закон нашего государства, предложенных Президентом Владимиром Путиным в послании Федеральному Собранию, не только обеспечили устранение отсутствия в Конституции Российской Федерации упоминания о молодежи и государственной молодежной политике, но и свидетельствовали, что государственная молодежная политика в Российской Федерации надежно подтверждена конституционно-правовыми гарантиями[2].

Подписание в декабре 2020 года Президентом Российской Федерации Закона о молодежи[3] стало апогеем в процессе оптимизации государственной молодежной политики. Как было отме-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 50, ст. 7185.

[2] ЦИК объявил результаты голосования по поправкам к Конституции. URL: lenta.ru/brief/2020/07/02/pomenyali (дата обращения: 25.03.2023).

[3] О молодежной политике в Российской Федерации: федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 489-ФЗ // Российская газета. 2021. 11 января.

чено Президентом Владимиром Путиным: «Закон, призванный стать системообразующим нормативным правовым актом и фундаментальной основой эффективной реализации федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления эффективной молодежной политики на территории Российской Федерации»[1].

Политики, представители научной общественности констатируют, что принятие единого Федерального закона Российской Федерации «О государственной молодежной политике», определяющего стратегию государства и общества в отношении молодежи, будет способствовать развитию организационных, законодательных и финансовых основ для обеспечения единой системы в формировании нормативного пространства, в которых будут отражены направления государственной молодежной политики[2].

Невозможно переоценить обозначенные в законе цели, принципы формирования молодежной политики, ее основные направления, которые определяют конструкцию, тесно взаимосвязанную с перспективами развития России. Важно отметить, что нормы закона определяют молодым людям роль субъекта, а не только объекта политики, что выдвигает на первый план ответственность за перспективы не только всей молодежи, но и каждого из них в отдельности, что способствует росту участвующих в реализации молодежной политики. В ближайшее время предстоит значительная законотворческая деятельность по приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным законодательством, в котором предстоит четко определить направление трансформации в молодежной политике от позиции, напоминающей сферу предоставления услуг[3], к позиции, направленной на освоение молодежью новых социальных образов и осознания себя силой инновационного развития.

---

[1] Владимир Путин подписал закон о молодежной политике. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/ news (дата обращения: 27.12.2022).

[2] См.: *Меркулов П. А.* Новый Федеральный закон как завершение процесса конституционализации молодежной политики в Российской Федерации // Вестник Поволжского института управления. 2021. Т. 21. № 2. С. 4–8.

[3] См. там же. С. 17.

В условия политической турбулентности, экономических санкций, вхождения в новый виток навязанной войны определяющим, фундаментальным для России и ее молодежи и в целом для молодежной политики являются духовные ценности. Значительная роль в формировании духовных ценностей для каждого нового поколения играют историческая память, знания и личный опыт. Особое значение в оптимизации государственной молодежной политики приобретает процесс формирования исторического сознания современной молодежи. Включенные в Конституцию Российской Федерации (с изм. 2020 года) такие базовые положения, как умение дорожить памятью предков и нести ответственность за свою Родину, за общность судьбы многонационального вопроса выступают в роли задающего генератора, определяющего потенциальные возможности осуществляемой оптимизации. Особое звучание приобретает статья 67.1 Конституции Российской Федерации, утверждающая необходимость обеспечения защиты исторической правды, недопущения умаления значения подвига народа при защите Отечества[1]. Власть и общество не могут быть индифферентны в отношении выбора молодого поколения.

Накопленный общероссийский, а также региональный опыт развития гражданского сектора государственного управления показал жизнеспособность практик, расширяющих возможности самоутверждения молодежи, ее конкретных навыков и практик молодежи и ее различных организационных структур. Опыт проведения молодежных парламентов, различных фестивалей, участие молодежных фракций политических партий в разработке перспективных программ обновления молодежной политики свидетельствует о воспитательном потенциале молодежи, который реализуется в ее творческой активности, возможности проектирования программ, позволяющих обновить методы работы, осуществляя переход к инновационным практикам, расширяя неформальные коммуникации с территориальными и профессиональными отрядами молодежи. Основу стратегии и тактики в де-

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http//www:consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1dSb4030c70b6e046060b0c8/ (дата обращения: 12.04.2023).

ятельности с молодежной аудиторией должны составить радикальное обновление приемов и методов, технологий, способствующих прозрачности, доступности для всех слоев молодежи, формирующих атмосферу доверия к институтам, участвующим в проведении государственной молодежной политики в стране.

Таким образом, оптимизация государственной молодежной политики, традиционно выступающей как одно из важных направлений в деятельности всех уровней власти в Российской Федерации, на фоне динамики социальной реальности, ее вариативности и инновационности призвана обеспечить эффективность реализации поставленных властями целей в формировании современной государственной молодежной политики в российском обществе.

УДК 34

Назаренко Г. В.,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета (г. Курск)

Оптимизация правового регулирования принудительных мер медицинского характера

С позиций законодательной текстологии нормативные правовые акты, объектом регулирования которых выступает один и тот же социальный феномен, образуют взаимосвязанный дискурс, состоящий из нескольких законодательных текстов[1]. Равным образом, такие кодифицированные законы Российской Федерации, как Уголовный, Уголовно-исполнительный кодексы, предусматривающие правовое регулирование принудительных мер медицинского характера в отношении психически больных лиц, совершивших запрещенные уголовным законом деяния. В части

[1] См.: *Ситникова А. И.* Уголовно-правовая текстология: монография. Москва, 2016. С. 20–23.

© Назаренко Г. В., 2023

регламентации принудительного психиатрического лечения общественно опасных лиц представляют собой взаимосвязанный дискурс, предусматривающий назначение и применение принудительного лечения лиц, страдающих психическими расстройствами, задачи которого обозначены в статье 98 УК РФ.

Проведенное исследование показывает, что между нормами указанных кодексов существуют определенные расхождения и несоответствия, а в ряде норм УК РФ, необоснованно используются совпадающие юридические и медицинские критерии, фактически характеризующие различные психические состояния, в том числе психические расстройства и психические состояния без признаков патологии. В результате отмеченных законодательно-технических недостатков в доктрине уголовного права высказываются ошибочные суждения, касающиеся различных аспектов, связанных с трактовкой соответствующих норм, а в правоприменительной практике допускаются ошибки при их реализации[1]. Указанные факты свидетельствуют о том, что правовое регулирование принудительных мер медицинского характера (далее — ПММХ) нуждается в оптимизации, то есть в законодательно-техническом упорядочении того юридического дискурса, который имеет отношение к принудительному психиатрическому лечению лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния.

Обращает на себя внимание терминологическое несоответствие базового Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»[2] 1992 года (с изменениями и дополнениями) содержанию действующего уголовного законодательства и неудачные терминологические нововведения, связанные с переименованием медицинских организаций, в которых осуществляется принудительное лечение. В статье 13 этого закона о ПММХ фигурируют только психически больные лица, совершившие общественно опасные деяния (далее — ООД). В действительности, в соответствии с нормами УК РФ, принудительное лечение назначается и приме-

[1] См.: Уголовное право: учебник / отв. ред. В. П. Кашепов. Москва, 1999. С. 217.

[2] Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2023).

няется к невменяемым, совершившим ООД (ст. 21 УК РФ), а также к субъектам, совершившим преступления, в число которых изначально включены ограниченно вменяемые субъекты (ст. 22 УК РФ), а также вменяемые лица, у которых психическое расстройство наступило после совершения преступления (ч. 1 ст. 81 УК РФ), а в 2012 году Федеральным законом № 14-ФЗ[1] введены ограниченно вменяемые педофилы (п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ). Лица, совершившие преступления, в отличие от невменяемых, учинивших деяния, которые представляют общественную опасность, подлежат не только принудительному лечению, но и наказанию.

В первоначальной редакции УК РФ 1996 года медицинские учреждения, в которых по решению суда осуществлялось принудительное лечение, коротко и ясно именовались «психиатрическими стационарами» (ст. 101 УК РФ) с последующим указанием его типа (ч. 2 — общий, ч. 3, 4 — специализированный) и режима наблюдения (постоянное либо интенсивное). Федеральный закон от 25 ноября 2013 года № 317-ФЗ неудачно переименовал психиатрические стационары в «медицинские организации, оказывающие психиатрическую помощь в стационарных условиях», что привело к неоправданному нагромождению признаков данных организаций. Так, в части 4 статьи 101 УК РФ значится «медицинская организация, оказывающая психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа с интенсивным наблюдением». Отмеченная тенденция явно не соответствует принципу экономии законодательного материала и вместо оптимизации правового регулирования является проявлением непродуманной вербализации уголовно-правовых терминов, ведущей не только к усложнению документооборота, но практики назначения и применения необходимого принудительного лечения.

В настоящее время правовое регулирование принудительного лечения в основном регламентировано нормами главы 15 уголовного закона, которые предусматривают основания примене-

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних: федеральный закон от 29 февраля 2012 года № 14-ФЗ // Российская газета. 2012. 2 марта.

ния такого лечения (ст. 97 УК РФ), их цели (ст. 98 УК РФ), виды (ст. 99 УК РФ) и порядок применения, который включает в себя продление, изменение и прекращение принудительного лечения (ст. 102 УК РФ), а также порядок осуществления принудительного лечения, соединенного с исполнением наказания (ст. 104 УК РФ). Остальные нормы указанной главы имеют вспомогательный характер, так как позиционируют возможность амбулаторного лечения (ст. 100 УК РФ) и зачет времени лечения в стационарных условиях в срок наказания (ст. 103 УК РФ).

В отличие от УК РФ УИК РФ содержит всего лишь две статьи (18 и 101), в которых упоминается принудительное лечение осужденных, страдающих психическими расстройствами в рамках вменяемости. В этой связи в юридической литературе высказывается справедливое мнение, что принудительное лечение в местах лишения свободы нуждается в более детальном регулировании, исключающем законодательные пробелы, и в данное время требуется масштабное изменение норм УИК РФ, касающихся применения принудительных мер медицинского характера[1].

Обращает на себя внимание, что в настоящее время порядок исполнения принудительных мер психиатрического характера, в том числе связанных с исполнением наказания, в основном закреплен в Уголовном, а не в Уголовно-исполнительном законодательстве. При этом статья 102 УК РФ, содержание которой перекликается с предписаниями статьи 104 УК РФ, в результате проведенной модернизации главы 15 УК РФ фактически превратилась в громоздкую инструкцию, включающую в себя 5 частей, в которых отсутствует какая-либо дифференциация предписаний, определяющих порядок продления, изменения и прекращения принудительного лечения. Так, часть 2 указанной статьи включает в себя пять предписаний, первое из которых предусматривает необходимость регулярного освидетельствования лиц, которым назначено принудительное лечение, во втором — указаны инициаторы освидетельствования, в третьем — регламентирован порядок подачи соответствующего ходатайства, четвертое — преду-

[1] См.: *Гулькова А. А.* Проблемы законодательства, регулирующего реализацию ПММХ, соединенных с исполнением наказания // Сибирский юридический вестник. 2011. № 3 (54). С. 62–66.

сматривает в каких случаях органы, осуществляющие принудительное лечение или контроль за его осуществлением, подают заявление в суд о прекращении принудительного лечения, в пятом — указаны сроки продления принудительного лечения. Не менее громоздкими и усложненными в законодательно-техническом отношении являются и другие части данной статьи. Объем рассматриваемой статьи в результате неоправданных нововведений увеличился почти в два раза, а нормативный текст утратил такие свойства, как читабельность и воспроизводимость. Таким образом, вместо оптимизации нормативного материала законодатель осуществил деоптимизацию уголовно-правовых предписаний, предусматривающих продление, изменение и прекращение принудительного лечения.

В соответствии с положениями законодательной текстологии повышению качества правового регулирования может способствовать дифференциация уголовно-правовых предписаний за счет абзацно-литерного членения тех частей, которые включают в себя несколько предписаний[1]. В главе 15 этот технический прием использован законодателем дважды: в части 1 статьи 97 УК РФ, где под литерами «а», «б», «в», «г», «д» указаны лица, которым суд вправе назначить принудительное лечение, а также в части 1 статьи 99 УК РФ, где буквенные обозначения «а», «б», «в», «г» дифференцируют предписания о видах психиатрических стационаров различного типа с разными видами наблюдения за психически больными, к которым применяется принудительное лечение. Складывается впечатление, что составители нововведений, включенных в статью 102 УК РФ, не знакомы с абзацно-литерными приемами членения законодательных текстов, которые способствуют точному восприятию и применению уголовно-правовых предписаний.

Кроме того, в целях оптимизации правового регулирования значительная часть уголовно-правовых предписаний, которые касаются непосредственного применения ПММХ, в том числе соединенных с исполнением наказания, вполне может быть инкорпорирована уголовно-исполнительным законодательством; в свою очередь объемные предписания, определяющие порядок

[1] См.: *Ситникова А. И.* Законодательная текстология уголовного права: монография. Москва, 2011. С. 201–203.

принудительного лечения, к тому же имеющие инструктивный характер, имеет смысл включить в подзаконный нормативный акт, адресованный в первую очередь медицинским организациям, оказывающим психиатрическую помощь лицам, которым назначено принудительное лечение в стационарных условиях, а также врачам-психиатрам, осуществляющим принудительное лечение в амбулаторных условиях.

Первые попытки оптимизировать правовое регулирование ПММХ были предприняты 20 лет тому назад. Федеральный закон от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»[1] исключил алкоголиков и наркоманов, совершивших преступления, из перечня лиц, подлежащих принудительному лечению (п. «г» ч. 1 ст. 97 УК РФ), так как указанные лица при отсутствии психических расстройств, ограничивающих вменяемость, не нуждаются в принудительных мерах психиатрического характера в силу специфических проявлений алкогольной и наркотической зависимости. В этой связи законодатель вполне обоснованно включил алкоголиков и наркоманов, совершивших преступления, наряду с токсикоманами, ВИЧ-инфицированными, больными туберкулезом и венериками в группу лиц, подлежащих *обязательному лечению* по решению медицинской комиссии в соответствии с частью 3 статьи 18 УИК РФ, поскольку указанные лица нуждаются в лечении по сугубо медицинским показаниям.

В дальнейшем Федеральный закон от 29 февраля 2012 года № 14-ФЗ неудачно перевел на язык уголовного закона медицинское понятие «педофилия», отождествив его с более широким понятием «лицо, страдающее расстройством сексуального предпочтения», и ввел в часть 1 статьи 97 УК РФ такую категорию, как «лицо, страдающее педофилией, не исключающей вменяемости» в перечень лиц, которым суд вправе назначить принудительное лечение. Тем самым законодатель поставил в один ряд ограниченно вменяемых лиц, указанных в пункте «в» части 1 статьи 97 УК РФ, совершивших преступления, и ограниченно вменяемых педофилов, посягающих на половую неприкосновенность малолетних (п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ).

[1] Российская газета. 2003. 16 декабря.

В юридической литературе это нововведение вызвало критику, так как педофилия в рамках неполной вменяемости полностью подпадает под признаки ограниченной вменяемости. В этой связи отдельные авторы предлагают исключить ограниченно вменяемых педофилов из указанного перечня, поскольку эта категория лиц охватывается категорией ограниченной вменяемости[1].

На первый взгляд, это предложение кажется достаточно обоснованным. Однако при более детальном рассмотрении оказывается, что законодательная формула, в которой даны признаки ограниченно вменяемых педофилов, содержит возрастные показатели этих лиц (более 18 лет) и потерпевших (менее 14 лет), исключающие возможность привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних педофилов.

Это означает, что уголовный закон задает более узкие параметры педофилии, чем Международная классификация болезней 10-го пересмотра, которая не предусматривает совершеннолетие в качестве признака, обязательного для лиц, страдающих педофильным расстройством, поскольку расстройство сексуального предпочтения в виде педофилии может проявляться в любом возрасте, в том числе и в период несовершеннолетия. Кроме того, педофилия далеко не всегда не исключает вменяемость, так как при наличии тяжелых психических расстройств, которые сочетаются с педофильными наклонностями, взрослые лица, совершившие сексуальные посягательства на малолетних, признаются невменяемыми.

Соответственно, законодатель был вынужден сделать оговорку, что половые преступления против малолетних совершают лица, страдающие педофилией, не исключающей вменяемости. Таким образом, категория лиц, указанных в пункте «д» части 1 статьи 97 УК РФ, существенно отличается от лиц, обозначенных в пункте «в» части 1 той же статьи, и не может быть исключена без ущерба из уголовного закона, поскольку формула ограниченной вменяемости в отношении педофилов имеет системные связи с другими уголовно-правовыми нормами, которые предусматривают уголовную ответственность лиц, имеющих расстройство

[1] См.: *Герасина Ю. А*. Принудительные меры медицинского характера: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2013. С. 18.

сексуального предпочтения, в силу которого они проявляют патологический интерес к малолетним моложе 14 лет.

Другое дело, что формулировка пункта «д» части 1 статьи 97 УК РФ, включающая в себя медицинские и юридические признаки ограниченной вменяемости педофилов, существенно отличается от других пунктов перечня, в котором перечислены лица, подлежащие принудительному лечению, назначаемому судом. Данная формулировка по своей форме и содержанию выглядит как инородное предписание, которое не вписывается в параметры краткого перечня. В целях оптимизации законодательного материала статьи 97 УК РФ, в которую введена формула ограниченно вменяемой педофилии, указанное нововведение может быть перенесено с небольшими редакционными изменениями в статью 22 УК РФ в качестве части 1.1. При этом в рассмотренном перечне вместо формулы ограниченной вменяемости педофилов в статье 97 УК РФ следует обозначить такую категорию лиц, как ограниченно вменяемые педофилы, совершившие преступления против половой неприкосновенности малолетних.

Анализ норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства показывает наличие ряда несоответствий в действующих кодексах. Так, статьи 74 и 101 УИК РФ предусматривают осуществление принудительного лечения ограниченно вменяемых лиц в *лечебно-исправительных учреждениях* (далее — ЛИУ), однако в статьях 97–104 УК РФ, на которые сделана ссылка в части 3 статьи 18 УИК РФ, отсутствует какое-либо указание на ЛИУ, обозначенные в уголовно-исполнительном законе. Существенные расхождения имеются и между содержанием статей 16, 18 и 74 УИК РФ. Отмеченные недостатки явно не способствуют правовому регулированию ПММХ, соединенных с исполнением наказания, и потому нуждаются в скорейшем и обязательном устранении путем оптимизации предписаний УК РФ и УИК РФ, определяющих порядок осуществления принудительного лечения ограниченно вменяемых лиц.

Одним из факторов, обусловливающим необходимость оптимизации законодательного материала, с которым связано правовое регулирование ПММХ, являются недостатки статей УК РФ и УИК РФ, которые содержат юридические и медицинские критерии лиц, подлежащих принудительному лечению. Данные кри-

терии, обозначенные в части 3 статьи 20, статьях 21, 22, части 1 статьи 81 УК РФ, сконструированы настолько схожим образом, что это порождает многочисленные ошибки толкования и применения указанных предписаний, которые образовали эрратологический аспект уголовно-правовой доктрины[1]. Более того, доктринальные ошибки уголовно-правового характера нашли свое закрепление в части 2 статьи 18 УИК РФ, которая предусматривает необходимость направления в суд представления о применении к осужденному ПММХ, если в период отбывания наказания будет установлено, что такое лицо «страдает психическим расстройством, не исключающим вменяемости».

В данном уголовно-исполнительном предписании допущена явная оплошность, так как ограниченная вменяемость определяется ретроспективно, то есть соотносится со временем совершения преступного деяния, а не с периодом отбывания наказания. Самое большее, что может определить комиссия врачей-психиатров в случае психического расстройства осужденного, так это форму и тяжесть диагностированного заболевания. Определение ограниченной вменяемости вообще не входит в компетенцию врачей-психиатров, поскольку решение о признании юридического статуса осужденного и назначении принудительного лечения, соединенного с исполнением наказания, вправе принять только суд. Согласно части 1 статьи 81 УК РФ, лицо, совершившее преступление, у которого психическое расстройство наступило во время отбывания наказания, «освобождается от дальнейшего его отбывания». Такому лицу суд вправе назначить принудительное лечение. В соответствии с частью 4 статьи 81 УК РФ в случае выздоровления осужденный подлежит наказанию, если не истек срок давности назначенного наказания. Из сказанного следует, что часть 2 статьи 18 УИК РФ должна быть приведена в полное соответствие с предписаниями статьи 18 УК РФ.

Таким образом, представленное исследование показывает, что необходимость оптимизации правового регулирования ПММХ связана с наличием расхождений между уголовно-правовыми и уголовно-исполнительными предписаниями, несо-

[1] См.: *Назаренко Г. В.* Доктрина невменяемости: эрратологический аспект // Союз криминалистов и криминологов. 2021. № 1. С. 42–45.

гласованностью ряда норм УИК РФ; существованием пробелов в уголовно-исполнительном законодательстве, касающихся порядка реализации принудительного лечения, связанного с исполнением наказания; перегруженностью статьи 102 УК РФ, предусматривающей порядок исполнения принудительного лечения, инструктивными предписаниями, не характерными для уголовного закона; а также технико-юридическими недостатками статей Уголовного кодекса, которые в рамках юридических и медицинских критериев содержат не дифференцированные признаки лиц, подлежащих принудительному лечению. Соответственно, решение проблем оптимизации правового регулирования ПММХ заключается в устранении отмеченных в статье недостатков.

УДК 34

Нартымов Д. М.,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Некоторые предложения к вопросу оптимизации правового регулирования в части применения оружия сотрудниками правоохранительных органов

Не согласен — критикуй,
критикуешь — предлагай…
С. П. Королев

Оптимиза́ция (от лат. *optimus* — «наилучший») — процесс, имеющий целью направить развитие какого-либо объекта или метода к наиболее лучшему состоянию[1]. Другими словами, оптимизация — это улучшение чего-либо в его ценных, значи-

[1] См.: *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник / отв. ред. Д. П. Горский. 2-е, доп. Москва, 1976.

© Нартымов Д. М., 2023

мых качествах. Говоря об оптимизации каких-либо производств (как экономического процесса), предполагают, например, повышение производительности, снижение затрат, улучшение качества выпускаемого продукта и т. д.

Вместе с тем применять «экономическое» понимание оптимизации к правовому регулированию будет не совсем корректно. Правовое регулирование — это воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения и развития, осуществляемое при помощи системы правовых средств, представляющих собой многообразные правовые явления, такие как нормы права, юридические факты, правоотношения, индивидуальные предписания, акты реализации прав и обязанностей[1]. Целью и значимым качеством правового регулирования является упорядочение и развитие общественных отношений. В свою очередь, данная цель достигается вышеуказанными средствами. Таким образом, под оптимизацией правового регулирования следует понимать воздействие на средства правового регулирования, направленное на улучшение их свойств, влияющих на упорядочение и развитие общественных отношений.

Не углубляясь в анализ значимости всех средств правового регулирования, полагаем, что основным, ключевым (первоначальным) средством являются нормы права, в то время как остальные средства (юридические факты, правоотношения, индивидуальные предписания, акты реализации прав и обязанностей и т. д.) необходимо отнести к производным по отношению к правовым нормам.

На основании изложенного полагаем, что одним из важнейших (но не единственным) направлений оптимизации правового регулирования является совершенствование системы права, в том числе устранение дефектов правовых норм.

Право как явление обладает признаком системности. В связи с чем одним из видов дефектов права, по нашему мнению, является *системная несогласованность правовых норм* (курсив наш. — **Д. Н.**). Данный дефект нельзя отнести к коллизиям и можно представить как необоснованное фактической необходи-

[1] См.: *Сенин И. Н.* Правовое регулирование и правовая система // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. Т. 21. 2017. № 1. С. 16–20.

мостью различие в правовом регулировании схожих (идентичных) общественных отношений (отсутствие единого подхода законодателя к определению сферы и методов правового регулирования, закрепление «излишнего» разнообразия).

В рамках данной статьи разберем системную несогласованность правовых норм на примере нормативного регулирования применения оружия сотрудниками правоохранительных органов, проанализируем возможные причины, а также сформулируем предложения по оптимизации правового регулирования в части устранения данного дефекта.

К системной несогласованности правовых норм в части применения оружия сотрудниками правоохранительных органов, по нашему мнению, необходимо отнести следующий факт.

Федеральный закон Российской Федерации от 3 июля 2016 года № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»[1] (далее — Федеральный закон № 226-ФЗ), Федеральный закон Российской Федерации от 3 апреля 1995 года № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»[2] (далее — Федеральный закон № 40-ФЗ) и Федеральный закон Российской Федерации от 27 мая 1996 года № 57-ФЗ «О государственной охране»[3] (далее — Федеральный закон № 57-ФЗ), регламентируя деятельность сотрудников правоохранительных органов соответствующих ведомств, регулируют вопросы применения **«оружия»** (любого) (далее — «широкая» формулировка).

Вместе с тем Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции»[4] (далее — Федеральный закон № 3-ФЗ) и Федеральный закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»[5] (далее — Федеральный закон № 5473-1) для аналогичных ситуаций регламентируют вопросы применения исключительно **«огнестрельного оружия»** (далее — «узкая» формулировка).

---

[1] Российская газета. 2016. 6 июля.

[2] Там же. 1995. 12 апреля.

[3] Там же. 1996. 6 июня.

[4] Там же. 2011. 10 февраля.

[5] ВСНД и ВС РФ. 1993. № 33, ст. 1316.

Таким образом, имеет место ситуация, когда при схожих (а в некоторых случаях идентичных) общественных отношениях для различных правоохранительных органов предусмотрены различные полномочия в части применения оружия. В некоторых нормативных правовых актах законодатель использует «узкую» формулировку, говоря исключительно об «огнестрельном оружии», а в некоторых — «широкую», говоря об «оружии» (любом). В соответствии с Федеральным законом от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии»[1] данные понятия не являются равнозначными. По нашему мнению, это негативно сказывается на системности права и на качестве правового регулирования.

Прежде чем перейти к формированию предложений по устранению вышеуказанной несогласованности, необходимо разобраться, является ли данная несогласованность «умышленной» позицией законодателя.

Для выяснения намерений и целей, имевшихся в виду законодателем, проанализируем хронологию введения в действие правовых норм, а также пояснительные записки к проектам, нормативных правовых актов, устанавливающих правовое регулирование в части применения оружия.

Норма, регулирующая применение «оружия» в Федеральном законе № 226-ФЗ, содержится с момента его принятия (то есть с 3 июля 2016 года) без каких-либо изменений. В пояснительной записке к законопроекту № 1037356-6 (проекту Федерального закона № 226-ФЗ) разъяснений причин, по которым законодатель выбрал «широкую» формулировку, не приводится, вместе с тем говорится, что законопроектом предусматриваются основания применения военнослужащими войск национальной гвардии *огнестрельного оружия* (курсив наш. — **Д. Н.**)[2], но полагаем, что, рассматривая в совокупности такие обстоятельства, как «широкая» формулировка во всем нормативном правовом акте и единичное указание «узкой» формулировки в пояснительной записке (без аргументации выбора того или иного варианта), давать «узкую» интерпретацию применения оружия (то есть только огнестрельного) в отношении всего закона было бы неверным.

[1] Российская газета. 1996. 18 декабря.

[2] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1037356-6 (дата обращения: 14.05.2023).

Наиболее интересным с точки зрения выбора «узкой» и «широкой» формулировки, по нашему мнению, является Федеральный закон № 40-ФЗ. Норма, регулирующая применение «оружия», содержится в указанном акте с момента внесения в него изменений Федеральным законом от 30 декабря 2015 года № 468-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[1]. Ключевым отличием введения в действие нормы является то, что норма вносилась в составе небольшого пакета изменений[2], но в пояснительной записке к законопроекту № 830561-6 (проекту Федерального закона № 468-ФЗ) разъяснений причин, по которым законодатель выбрал «широкую» формулировку, не приводится[3].

Кроме того, абзац 3 статьи 14 Федерального закона № 40-ФЗ закрепляет полномочие военнослужащего органов федеральной службы безопасности в некоторых случаях применять не состоящее на вооружении органов Федеральной службы безопасности оружие в соответствии с требованиями данного закона. Вместе с тем, несмотря на то что Федеральный закон № 40-ФЗ говорит об «оружии», заключительный абзац статьи 14.3 закрепляет некоторые ограничения на применение именно «огнестрельного оружия». Полагаем, что, основываясь только на этом абзаце, давать «узкую» интерпретацию применения оружия (то есть только огнестрельного) в отношении всего закона было бы неверным.

Интересно отметить, что первая редакция Федерального закона № 40-ФЗ (от 03.04.1995) также регламентировала применение «оружия», но с отсылкой к полномочиям сотрудников милиции. Вместе с тем действовавшая на тот период редакция Закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 года № 1026-1 «О милиции» регулировала применение «огнестрельного оружия».

Норма, регулирующая применение «огнестрельного оружия» в Федеральном законе № 3-ФЗ, содержится с момента его принятия (то есть с 07.02.2011) без каких-либо изменений. В пояснительной записке к законопроекту № 446526-5 (проекту Федераль-

[1] Российская газета. 2016. 10 января.

[2] В пояснительной записке к акту, вносящему изменения в конкретную норму (создающему новую единичную норму), у норморайтера, как правило, больше возможности уделить внимание ее интерпретации.

[3] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/830561-6 (дата обращения: 14.05.2023).

ного закона № 3-ФЗ) разъяснений причин, по которым законодатель выбрал «узкую» формулировку, не приводится[1], но в пояснительной записке указывается, что *глава V «Применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия» разработана на основе Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятого Генеральной Ассамблеей ООН*». Вместе с тем Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 17 декабря 1979 года, не содержит каких-либо норм, регулирующих применение именно «огнестрельного оружия»[2].

Кроме того, часть 3 статьи 18 Федерального закона № 3-ФЗ закрепляет полномочие сотрудников полиции в некоторых случаях применять не состоящее на вооружении полиции оружие по основаниям и в порядке, которые установлены требованиями данного закона. Вместе с тем ни оснований, ни порядка применения оружия, не подпадающего под признаки огнестрельного или под перечень специальных средств (например, метательное стрелковое оружие) закон не предусматривает. Таким образом усматривается пробел в правовом регулировании.

Может возникнуть сомнение в необходимости такого регулирования. Не оторвана ли ситуация от практической жизни? Возможно ли такое в реальности, чтобы сотрудник полиции исполнял служебные обязанности с личным (в том числе не огнестрельным, а например, пневматическим) оружием? Конечно, возможно. В истории нашей страны неоднократно имели место случаи нападения на комнаты хранения оружия и боеприпасов (далее — КХО), в том числе подразделений правоохранительных органов с целью завладения оружием и боеприпасами. Значительная часть таких нападений носила вооруженный характер и осуществлялась в ночное время (минимальное количество сотрудников на службе). Особенностями такого вида чрезвычайных ситуаций являются следующие:

— вооруженность нападавших, особенно в случае проникновения их в КХО;

[1] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/446526-5 (дата обращения: 14.05.2023).

[2] URL: https://docs.cntd.ru/document/901739106 (дата обращения: 14.05.2023).

— невозможность решить задачу обезвреживания хорошо вооруженных нападавших невооруженными сотрудниками;

— невозможность вооружить служебным (табельным) оружием сотрудников подразделения, на которое было совершено нападение в случае блокирования нападавших в (или возле) КХО силами внешних нарядов.

Сочетание вышеуказанных обстоятельств с невозможностью своевременно решить данную задачу силами специальных и (или) «соседних» подразделений в случае территориальной отдаленности или транспортной недоступности подразделения, подвергшегося нападению, сформировало алгоритм реакции на такие «происшествия». Не вдаваясь в детали данного мероприятия, остановимся на его чертах, необходимых для нашего примера. В первую очередь требовалось блокировать и обезвредить нападавших. Решением данной «задачи» стало требование для сотрудников прибывать и исполнять свои служебные обязанности в случае возникновения необходимости «обороны» («освобождения») зданий (сооружений) своего подразделения, с личным (в том числе неогнестрельным) оружием.

Норма, регулирующая применение «оружия» в Федеральном законе № 57-ФЗ, существует с «первой» редакции, датированной 27 мая 1996 года[1]. В данную норму Федеральным законом от 1 июля 2017 года № 148-ФЗ вносились изменения, но формулировки об «оружии» они не коснулись. В пояснительной записке к законопроекту № 99654-7 (проекту Федерального закона № 148-ФЗ) разъяснений причин, по которым законодатель выбрал «широкую» формулировку, не приводится[2].

Норма, регулирующая применение «огнестрельного оружия» в Федеральном законе № 5473-1, содержится с момента его принятия (то есть с 21.07.1993). Федеральным законом от 28.12.2016 № 503-ФЗ вносились изменения, но формулировки об «огнестрельном оружии» они не коснулись. В пояснительной записке к

[1] К сожалению, обратиться к пояснительной записке к проекту данного нормативного акта и более ранних не представляется возможным, так как они не представлены в открытом доступе.

[2] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/99654-7 (дата обращения: 14.05.2023).

законопроекту № 802242-6 (проекту Федерального закона № 503-ФЗ) разъяснений причин, по которым законодатель выбрал «узкую» формулировку, не приводится[1].

Таким образом, необходимо отметить, что не усматривается какой-либо хронологической или ведомственной закономерности (обоснованности) законодательной позиции в выборе «узкой» или «широкой» формулировки в вопросе применения оружия сотрудниками правоохранительных органов. Кроме того, отсутствует системный подход в урегулировании данных правоотношений, и есть основание полагать, что законодатель недостаточно «внимательно», обоснованно и аргументированно делает выбор в пользу той или иной формулировки.

На основании изложенного полагаем необходимым провести унификацию правового регулирования. И считаем необходимым для унифицированного регулирования выбрать «широкую» формулировку по следующим причинам.

1. Формулировка «оружие» является более универсальной и перспективной с точки зрения «покрытия» нормативным регулированием возможных новых общественных отношений, возникновение которых связанно с развитием техники.

Полагаем, что нет необходимости вдаваться в подробности Перечня видов оружия, а также специальных средств, подпадающих под определение «оружие» в соответствии с Федеральным законом от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии», состоящих на вооружении различных правоохранительных органов. Использование термина «оружие» является обоснованным как для уже стоящего на вооружении, так и с точки зрения перспективной возможности дополнения перечня оружия правоохранительных органов видами, не относящимися к огнестрельному (но, например, имеющими схожие поражающие характеристики).

2. Использование «узкой» формулировки оставляет «пробел» в правовом регулировании в части применения сотрудниками правоохранительных органов (например, сотрудников полиции, рассмотрено ранее) оружия, не состоящего на вооружении соответствующих ведомств (например, метательное стрелковое оружие).

[1] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/802242-6 (дата обращения: 14.05.2023).

На основании изложенного предлагаем внести следующие изменения в нормативные правовые акты:

1) в названии и по тексту главы V, по тексту главы VI Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» слова «огнестрельного оружия» заменить словами «оружия», слова «огнестрельное оружие» заменить словами «оружие», слова «огнестрельным оружием» заменить словами «оружием», слова «огнестрельному оружию» заменить словами «оружию»;

2) в названии и по тексту главы V Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» слова «огнестрельного оружия» заменить словами «оружия», слова «огнестрельное оружие» заменить словами «оружие», слова «огнестрельным оружием» заменить словами «оружием», слова «огнестрельному оружию» заменить словами «оружию».

УДК 340

Нематов А. Р.,
доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана (г. Душанбе)

Оптимизация правоприменительной деятельности в Республике Таджикистан

Построение демократического правового и светского государства немыслимо без реального воплощения норм права в жизнь, в практическое поведение людей, вступающих в правовые отношения. Результатом реального воплощения права является правомерное поведение граждан и установление правового порядка в социально-правовой среде. Изначально с первых дней появления право преследовало цель регуляции общественных отношений и установление порядка в обществе. Соответственно в

© Нематов А. Р., 2023

каждом обществе наряду с созданием права необходимы механизмы его воплощения в жизнь. Таковые в современной правовой науке получили название «реализация права».

Система правового регулирования охватывает совокупность различных правовых элементов. Реализация права наряду с правотворчеством, правоохранной деятельностью является ключевым элементом в этой общей системе. От эффективности каждого из этих элементов зависит конечный результат правового регулирования. Справедливо отмечают И. Н. Сенякин и Н. И. Сухова: чем стройнее система средств правового регулирования, тем больше шансов получить запланированный результат и рассчитывать на установление качественного и устойчивого порядка и его сохранение. Отсутствие в этой системе хотя бы одного необходимого элемента или дефекта ведет к парализации работы всей системы средств[1].

Воплощение норм права в жизнь — это та ключевая стадия, когда данный регулятор выполняет свое функциональное назначение по правовому регулированию общественных отношений. В отличие от так называемых физических, природных сил, существующих независимо от действий человека, право представляет собой порядок, установленный самими людьми для себя[2]. Эффективность права находится в прямой зависимости от состояния практики ее реализации. В целом реализация права немыслима без соответствующей организованной, целенаправленной и систематической деятельности субъектов права, в особенности граждан, так как сегодня в деятельности граждан по участию в реализации права наблюдается много нерешенных проблем и вопросов.

Применение права, представляя собой официальную форму реализации права и важнейшую стадию правового регулирования общественных отношений, направлено на реальное воплощение правовых норм в юридическую практику. Оно как особая форма осуществления права всегда оставалось в центре внимания ученых-юристов, ибо без применения права невозможно функциони-

---

[1] См.: *Сенякин И. Н., Сухова Н. И.* Неисполнимые нормы российского права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. Саратов, 2017. № 1 (114). С. 28.

[2] См.: *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. Санкт-Петербург, 2003. С. 339.

рование как самого государства в целом, так и всей его правовой системы в частности. Государство как наивысшая форма организации человеческого общества определило право как основную нормативную форму организации общественной жизни. Соответственно, право и реальное воплощение его требований в жизнь является основным критерием существования самого государства.

Без правоприменительной деятельности невозможна реализация государственных функций. Государственные функции осуществляются именно через правоприменительную деятельность государственных органов и их должностных лиц, которые наделяются государственно-властными полномочиями для осуществления определенной деятельности. Здесь следует согласиться с С. Б. Поляковым в том плане, что реализовать юридические идеи в законодательстве и правоприменительной практике можно только через власть[1]. Применение права наряду с той социальной функцией, которая обычно проявляется в правовом регулировании существующих в обществе отношений, также направлено именно на воплощение государственных функций, которое делает его особой формой реализации права. Современная юридическая наука использует следующие категории «применение права», «правоприменение», «правоприменительная деятельность».

Эффективность осуществляемых в государстве правовых реформ находится в прямой зависимости не только от качества принимаемых нормативных правовых актов, но и их реализации, в частности применения права, которое требует своей радикальной модернизации и оптимизации в Таджикистане. Это проблематика нашла свое отражение в Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018–2028 годы, утвержденной Указом Президента Республики Таджикистан от 6 февраля 2018 года № 1005, где отмечается взаимозависимость эффективности правовой политики Республики Таджикистан от реализации и применения норм Конституции Республики Таджикистан, законов и других нормативных правовых актов и наоборот. Применение права является одним из направлений правовой политики Республики и должно осуществляться с целью

[1] См.: *Поляков С. Б.* Дефекты законодательства и правоприменительной практики как предмет юридической науки // Российский юридический журнал. 2017. № 1 (112). С. 17.

совершенствования деятельности органов применения права, а также обеспечения качества и содержания актов применения права и механизма их осуществления. Эффективность правовой политики Республики Таджикистан в области применения права зависит также от чувства ответственности, профессиональной подготовки, патриотизма, национальной идентичности, высокого уровня правового, профессионального сознания сотрудников органов применения права[1].

Причины низкой эффективности (качества) права и правоприменения должны стать объектом более пристального внимания наших ученых. Мы имеем в виду не только юристов, поскольку одни лишь юристы в отрыве от специалистов иного профиля не способны всесторонне оценить ситуацию. Тут нужны совместные усилия юристов, философов, социологов, экономистов, политологов, социальных психологов и т. д. Ведь для определения эффективности права и правоприменения надо рассмотреть целую совокупность детерминант, в том числе степень социально-экономического обоснования правовых решений с учетом их возможных последствий; состояние судебной системы, системы органов исполнительной власти, правоохранительных органов, институтов гражданского общества; детерминанты социально-культурного характера особенности правовой культуры, обычаи правоприменения, менталитет, систему социально-правовых ценностей и т. п.

Предлагаются многочисленные пути, методы, механизмы, вариации повышения эффективности такой юридической деятельности государства, как правоприменение. Этой тематике посвящено много работ, как следствие по этому вопросу существуют множество научных взглядов.

Позиция З. С. Байниязовой о том, что эффективно функционирующая правоприменительная деятельность создает оптимальные условия для правового развития общества[2], нуждается в

[1] См.: Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018–2028 гг. Душанбе, 2018.

[2] См.: *Байниязова З. С.* Консолидированное правоприменение как необходимое условие развития российской правовой системы // Современная юридическая наука и правоприменение (IV Саратовские правовые чтения): сборник тезисов докладов по материалам Международной научно-практической конференции (г. Саратов, 3–4 июня 2011 г.) / ред. кол.: О. С. Ростова. Саратов, 2011. С. 6.

определенном уточнении, поскольку в данном случае не принимаются во внимание такие формы юридической деятельности государства, как правотворчество и правоохрана.

Основным критерием эффективности правоприменительной деятельности выступает степень исполнения предписаний нормативных правовых актов в государстве, которая находится в прямой зависимости от наличия совокупности всех условий (политических, социально-экономических, государственно-правовых и иных), без которых результативное действие норм права невозможно.

От эффективности правоприменительной деятельности зависит непосредственно эффективность самого права. Последняя обусловлена не только качеством принимаемых законов, но и в значительной степени эффективностью их реализации, качеством подзаконного нормотворчества, деятельностью по непосредственному исполнению предписаний норм права, качеством судебных и иных правоприменительных актов, квалификацией участников правоприменения и т. д.

В любом обществе и государстве правоприменительная деятельность не свободна от ошибок и проблем. Каждое государство выбирает свой путь, методику и механизмы решения этих проблем и исправления ошибок. Мы полагаем, что эту работу следует начинать не со стадии реализации права, а в начале формирования механизма правового регулирования, а именно правотворческой деятельности. Эффективность правореализационной и правоприменительной деятельности непосредственно зависит от эффективности правотворческой деятельности государства. Это аксиома правовой науки и практики. Только при условии издания высококачественных законодательных и подзаконных актов, охватывающих максимально круг общественных отношений, полностью отражающих объективную реальность и действительность общества, можно рассчитывать на эффективную правоприменительную деятельность государственных органов и должностных лиц. Эффективность правоприменительной деятельности государственных органов непосредственно зависит от эффективности действия каждого отдельного правового акта и их общего согласованного воздействия на регулируемые общественные отношения.

В настоящее время повышение эффективности правоприменительной деятельности предполагает ее оптимизацию. Оптимизация правоприменительной деятельности в стране предполагает несколько направлений.

Одним из основных путей оптимизации правоприменительной деятельности в Таджикистане должно выступать развитие ее технико-юридической составляющей. Технико-юридические инструменты, в совокупности называемые правоприменительной техникой, являются одним из способов реального воплощения норм права в жизнь и фактором эффективности всей правоприменительной деятельности. Правоприменительная техника, являясь составной частью юридической техники, наряду с другими его формами и видами направлены на обеспечение системы правового регулирования и действия всей правовой системы государства. Недооценка правоприменительной техники в процессе применения права приводит в целом к неэффективности не только правоприменительной деятельности, но и всей системы государственно-правового регулирования.

Какова же роль юридической техники в правоприменительной жизни государства? Конечно же, здесь тоже не наблюдается однозначного ответа. Обычно бытует мнение, что роль юридической техники в правоприменительной деятельности государственных органов и должностных лиц выражается только при составлении правоприменительных актов. С таким подходом согласиться нельзя. Нет никаких оснований сводить правоприменительную технику правоприменительной деятельности только и исключительно к технике составления правоприменительных актов.

В процессе правоприменительной деятельности на каждой ее стадии применяются определенные правила, приемы и средства, которые способствуют осуществлению эффективной правоприменительной деятельности. Правоприменительная деятельность — сложный системный процесс, содержащий в себе правовые, управленческие и психологические начала. Ей присущи свои цели, задачи, функции, формы, принципы, методы и средства[1].

[1] См.: *Макуев Р. Х.* Правоприменительная деятельность милиции (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 1994. С. 17.

Правоприменительная техника, являясь разновидностью юридической техники, выступает составным элементом правоприменительной деятельности государства и обеспечивает его технико-юридическую (прикладную) сторону этой формы государственно-правовой деятельности.

Таким образом, правоприменительная техника своим содержанием должна охватывать не только технику составления и принятия правоприменительных актов, но и технику организации всей правоприменительной деятельности в государстве, способствуя ее совершенствованию и повышению эффективности.

Одним из инструментов совершенствования рассматриваемой деятельности выступает ее информатизация, которая способствует прозрачности правоприменительной деятельности, соблюдению основных прав и свобод человека и гражданина, устранению коррупционных факторов в процессе осуществления применения права и, в конечном счете, укреплению законности и правопорядка в государстве.

Стремительное развитие современных информационных и коммуникационных технологий и их активное внедрение во все области общественной жизни актуализирует и проблему информатизации государственно-правовых институтов. Активная работа, в частности, ведется по информатизации правотворческой деятельности государства. В этой области имеются определенные научные разработки и достижения[1].

В настоящее время возникает потребность и в более активной информатизации правоприменительной деятельности. Это требование времени и одно из главных условий ее совершенствования и повышения эффективности. Мы солидарны с О. А. Гавриловым, когда он пишет: «Информатизация является одним из главных рычагов технического перевооружения всех сфер правоприменительной деятельности»[2]. Сегодня в Таджикистане в этом направлении предпринимаются определенные меры по информа-

[1] См. подробнее: *Гаврилов О. А.* Компьютерные технологии в правотворческой деятельности. Москва, 1999; *Его же.* Курс правовой информатики. Москва, 2000.

[2] См.: *Гаврилов О. А.* Курс правовой информатики. Москва, 2000. С. 214.

тизации правоприменительной деятельности и даже имеются некоторые успехи. Так, например, в соответствии с пунктом 7 Государственной программы судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2019–2021 годы, утвержденной Указом Президента Республики Таджикистан от 19 апреля 2019 года № 1242, с целью обеспечения конституционного принципа гласности судебного разбирательства, доступ общества к деятельности судов, обеспечение гарантии справедливого судебного разбирательства, повышения доверия общества к судебной власти, обеспечение укрепления законности и правопорядка, профилактике совершения преступлений, уважению к закону, защите прав и свобод человека и гражданина перед судебными органами была поставлена задача необходимости разработки и принятия Закона Республики Таджикистан «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов», улучшения работы судебных сайтов, электронное распределение судебных дел и совершенствование норм законодательства, касающихся других направлений деятельности судов[1].

Другим моментом информатизации правоприменительной деятельности является организация государством автоматизированного поиска правовой информации. Без оперативного и быстрого поиска правовой информации нет и эффективной реализации права во всех ее формальных проявлениях, в том числе и в форме применения. В случае с правоприменением также необходима автоматизированная обработка и анализ информации, потому правоприменителю в процессе выбора и применения норм права приходится сталкиваться с огромным правовым материалом, нормы которого нередко конкурируют между собой или находятся в состоянии противоречия.

Предложенная О. А. Гавриловым идея автоматизированного анализа нормативных правовых актов крайне важна для правоприменительной практики Республики Таджикистан. О. А. Гаврилов пишет, что «одной из форм анализа нормативного правового акта является их автоматизированная классификация. Автоматизиро-

[1] См.: Программа судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2019–2021 годы. URL: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=22050 (дата обращения: 25.05.2023).

ванный анализ нормативных текстов основан на использовании современной компьютерной техники для многоаспектной обработки и обобщения информационных потоков»[1]. Автором монографии предложены ряд способов автоматизированной обработки нормативных правовых актов, механизмы выявления противоречий в них. Автоматизированная обработка нормативных правовых актов может сыграть положительную роль в поиске правоприменителем необходимой правовой информации, нормативного правового акта, необходимого для правоприменительной деятельности, и тем самым для повышения ее эффективности. Все это дает нам полное основание прийти к заключению, что автоматизированный анализ нормативных правовых актов как один из способов информатизации всей правовой системы государства можно отнести к современным средствам и приемам правоприменительной техники и информатизации правоприменительной деятельности.

Что включает в себя понятие правовая информация? Государство организовало несколько путей доступа граждан к правовой информации, и их условно можно подразделить на общие и специальные. К общим следует отнести официальные сайты правоприменительных органов, где можно получить общую и специальную информацию о деятельности правоприменительного органа. Задача в том, чтобы информация, размещаемая на этих сайтах, своевременно обновлялась.

Другая форма организации доступа граждан к правовой информации — это организация специализированных сайтов, где можно получить дополнительную правовую информацию. Таковым на сегодняшний день выступает Информационный правовой интернет-портал Республики Таджикистан, созданный Министерством юстиции Республики Таджикистан, где наряду с реестром действующих нормативных правовых актов также размещаются реестр планов по разработке нормативных правовых актов и реестр проектов нормативных правовых актов и анализов регуляторного воздействия.

Эффективность правоприменительной деятельности зависит от множества факторов, которые становятся условиями его со-

[1] См.: *Гаврилов О. А.* Компьютерные технологии в правотворческой деятельности. Москва, 1999. С. 95.

вершенствования. К таковым, например, относятся: довольно высокий уровень квалификации правоприменителей, оказывающий позитивное воздействие не только на эффективность правоприменительного процесса и его результат, но и воспитательное воздействие на общественное сознание. Правоприменительная деятельность должна осуществляться лицами, обладающими определенными профессиональными знаниями и навыками. В этой связи спорной видится позиция Н. Н. Вопленко, который исходит из того, что правоприменительной деятельностью занимаются только юристы. Полагаем, что данный вопрос должен решаться иначе, а именно с учетом компетенции. В государственных органах достаточно должностей, которые замещают специалисты других профессий. Эти государственные служащие (не юристы) также выступают субъектами правоприменения, выносят соответствующие управленческие решения, поэтому полагаем, что корректнее говорить не о высокой профессиональной культуре юриста-правоприменителя, а о высоком уровне профессионального правового сознания и культуре любого субъекта правоприменения и более того — любого гражданина.

Формирование у граждан, человека навыков изучения, уважения к праву — необходимое условие реализации права. Правовая культура помогает гражданину осознать обязательность юридических норм и способствует ее реализации, ведь правовая культура включает также осознание необходимости строгого выполнения требований права.

С провозглашением государственной независимости и принятием конституции республики общественная жизнь и государственно-правовая система Таджикистана развивается на новых принципах, учитывающих как общемировые политико-правовые ценности, так и национальные, культурно-исторические особенности и традиции. Построение демократического, правового и светского государства, а также справедливого общества легли в основу развития современной правовой системы таджикского народа. Вся правовая жизнь и элементы правовой системы страны развиваются на этих основополагающих принципах. Правоприменительная деятельность тоже осуществляется в рамках этих правовых ценностей. Неотъемлемые права и свободы человека, справедливость, равенство, законность правопорядок, безопас-

ность и соблюдение норм, принципов международного права составляют концептуально-ценностные основы правоприменительной деятельности[1].

Формирование правовой культуры у граждан — это не единственное общекультурное качество, которым должен обладать правоприменитель. В процессе своей правоприменительной деятельности должностное лицо должно руководствоваться также моральными качествами. В их числе: скромность, вежливость, соблюдение культуры речи, общих правил общения и др. Государство, уделяя этому вопросу особое внимание, закрепило морально-этические качества правоприменителя на государственно-правовом уровне. Так, Указом Президента Республики Таджикистан от 3 декабря 2015 года № 591 был утвержден Кодекс этики государственного служащего Республики Таджикистан, который закрепляет нормы, принципы и правила служебного и внеслужебного поведения государственного служащего, выражающих моральные качества его профессиональной деятельности и поведения на работе и в обществе, и общепризнанные нравственные человеческие ценности, моральные требования общества к государственному служащему[2]. Это свидетельствует о том, что на государственном уровне заинтересованы в формировании высокой правовой культуры правоприменителя.

Отсюда, можно утверждать, что правоприменительная деятельность в социально-культурологическом и морально-психологическом плане обусловлена уровнем правосознания, правовой культуры, воспитания и образования, а также той социальной средой, в которой проживает и воспитывается человек, гражданин и правоприменитель. С целью повышения эффективности правоприменительной деятельности необходимо провести комплекс мер по улучшению правового образования и воспитания граждан и правоприменителя и эффективно реализовать положения Программы правового обучения и воспитания граждан на 2020–

[1] *Насурдинов Э. С.* Правовая культура: монография / отв. ред. Ф. Т. Тахиров. Москва, 2014. С. 207.

[2] См.: О Кодексе этики государственного служащего Республики Таджикистан: указ Президента Республики Таджикистан от 3 декабря 2015 года № 591. Душанбе, 2020. С. 14.

2030 годы, наряду с правовой культурой правоприменитель должен обладать такими высокими общечеловеческими моральными качествами, как доброта, вежливость, уважение и т. п. Повышение правовой культуры правоприменителя посредством большей гармонизации правовых норм и моральных ценностей с международными стандартами и общечеловеческими моральными ценностями является важным фактором эффективности правоприменительной деятельности, повышения доверия населения к праву, к основному правовому регулятору общественных отношений.

Таким образом, оптимизация правоприменительной деятельности предполагает принятие ряда мер юридико-технического, информационно-технологического и культурно-правового характера, которые в комплексе могут создать благоприятные условия не только для совершенствования, но и для модернизации всего процесса правоприменительной деятельности государства.

УДК 34.01

Орлов Д. В.,
кандидат юридических наук, доцент, докторант научно-исследовательского отдела Нижегородской академии МВД России

Социальная эффективность правового регулирования: значение и влияние на определение его стоимости

В условиях проведения специальной военной операции, а также сложной внешнеполитической и экономической ситуации возникает как никогда необходимость сконцентрировать все усилия общества на достижении поставленных целей — как старых, содержащихся уже в различного рода нормативных правовых актах, стратегиях, так и новых, обусловленных сложившимся положением: обход экономических санкций, развитие сфер, которые традиционно были зависимы от недружественных государств.

Последний год обнажил все недостатки, недочеты и проблемы, которые государству предстоит преодолеть или решить. Все

© Орлов Д. В., 2023

это должно еще и работать в связке мер, нацеленных на стабильность политической ситуации в стране. Достижение целей должно быть максимально оправданным, эффективным и безошибочным. Любая серьезная оплошность может привести к дополнительным проблемам, экономической нестабильности, социальным волнениям. Естественно, что решение всех вопросов лежит в правовом поле. Именно право должно стать фундаментом для всех желаемых результатов. Ситуация способствует существенному преобразованию имеющегося права, принятия новых норм и их реализации.

Оценка существующему праву может быть дана с разных сторон, оценена разными критериями — стоимость права, эффективность права, своевременность, целесообразность регулирования правом и т. д. Многие из этих критериев взаимосвязаны между собой, оказывают влияние друг на друга.

Эффективность права — это один из важнейших показателей, который позволяет продемонстрировать влияние юридических норм на развитие общественных отношений. Эффективность правового регулирования чаще всего исследователями определяется как соотношение между целью при нормативном правовом регулировании и достигнутыми результатами при реализации права, но есть и другая точка зрения — цель и результат относятся к самому явлению и не охватываются правом. Даже в случае четкого указания на какой-либо желаемый результат в нормативном правовом акте такие цели находятся вне их содержания. Цель всегда будет присутствовать при создании нормы, а результат будет иметь место в любом случае, в большей или меньшей степени от предполагаемого. «И уже по этой причине эффективность не может рассматриваться одновременно в качестве и свойства правовых норм, и отношения их цели и результата»[1].

Эффективность права является многоаспектным феноменом, проявляющимся в различных формах. Главным аспектом является социальный, поскольку он отражает его значимость как регулятора общественных отношений, отражает проблемы общества, требующие существенного правового влияния, играет

[1] *Фаткуллин Ф. Н.* Проблемы теории государства и права. Казань, 1987. С. 318–319.

роль индикатора достаточности или недостаточности такого регулирования.

Необходимость изучения социального измерения эффективности права в настоящий момент особенно актуальна в связи с изменениями, происходящими в современном обществе. «В современных условиях предметом социально-правового изучения является не система правовых норм сама по себе, но взаимосвязь между нормами и их социальным действием, вызываемыми социальными последствиями, а также выявление всех факторов, как способствующих воздействию права на общественную жизнь и общественное сознание, так и препятствующих этому»[1].

Социальная эффективность понимается как в узком, так и в широком смыслах. В узком — то, что непосредственно связано с социальным благополучием человека в виде конкретного результата, как, например, увеличение заработной платы, пособий, пенсий, возможности трудиться и выбирать профессию, получать бесплатное образование и медицинские услуги, в широком — то, что связано с благополучием опосредованно — через экономику в государстве, экологию и т. д. В данном случае социальная эффективность охватывается пониманием эффективности в целом и изучается в комплексе всех показателей.

В правовых актах и научной литературе встречаются схожие термины — социальная значимость, социальная эффективность, социальная полезность. Имеют ли эти термины одинаковое значение?

На наш взгляд, понятие социальной полезности правового регулирования тождественно понятию социальной значимости правового регулирования, но при этом существенно отличается от социальной эффективности. Социальная полезность правового регулирования лежит в плоскости самих общественных отношений, изначально заложено в самой природе регулирования отношений. Любой вопрос, который решается или может решиться, потенциально направлен на благо общества. В этой связи любая норма права должна быть социально полезна, в том числе и отменяющая ранее существующие порядки. И ключевое слово

[1] *Пунченко С. И.* Социальная эффективность права в современной России (теоретический аспект): дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. С. 5.

здесь именно «должна». Это получается далеко не всегда. Особенно хорошо это можно увидеть на примерах изменения законодательства, то есть в тот момент, когда ранее принятая норма по каким-то причинам не работает как должна, не приносит желаемого результата. Напомним об уже достаточно старой ситуации с Правилами дорожного движения, которая сегодня снова становится актуальной — ранее допускалось в некоторых случаях (например, в случае обгона автомобиля) превышать установленное ограничение скорости до 10 км/ч и при этом оставаться без наказания. По причине естественной погрешности автоматических комплексов фото- и видеофиксации, а также слишком маленького «окна» в случае необходимости превышения скорости с 1 сентября 2013 года часть 1 статьи 12.9 КоАП РФ, содержащую норму о штрафе за превышение скорости от 10 км/ч до 20 км/ч, убрали, оставив остальные части статьи, предусматривающие штраф за превышение скорости от 20 км/ч. Кстати, в самой пояснительной записке причины изменения отсутствуют[1]. При этом норма, позволяющая передвигаться с превышением обновленной допустимой скорости, в Правилах дорожного движения не появилась.

По всей видимости, подобное послабление было направлено в сторону социальной полезности, но, видимо, не эффективности. В результате многие автомобилисты увидели возможность постоянно передвигаться на своем автомобиле в новых «ненаказуемых» пределах. В некоторых населенных пунктах, особенно «сквозных», через которые проходят федеральные трассы, ситуация вынудила устанавливать дорожные знаки, снижая «потолки» допустимой скорости с 60 до 40 км/ч, то есть, по сути, сводя на нет новые возможности.

Интерес представляет и тот момент, что в 2021 году в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации депутат Р. Б. Букачаков внес законопроект № 1195490-7[2] и пакет сопроводительных документов на рассмотрение по включению новой части 1[1] статьи 12.9 с установлением штрафа за превышение скорости от 10 до 20 км/ч. В пояснительной записке к

[1] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/226369-6 (дата обращения: 25.04.2023).
[2] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1195490-7 (дата обращения: 25.04.2023).

проекту закона подробно описывались проявившиеся негативные аспекты ранее произведенной отмены. На следующий день после внесения данный проект был отозван без каких-либо пояснений. К слову, в настоящее время снова рассматривается возможность вернуть ранее существующее ограничение. Будет ли произведен расчет социальной эффективности норм, уже существующих в данном случае?

На наш взгляд, социальная эффективность — это состоявшийся результат правового регулирования по отношению не к целям, которые ставились, а по отношению к изменяющимся показателям «до» и «после».

В нормативных правовых актах встречаются разные формулировки оценки результата социального аспекта. Например, в статье 2 Федерального закона от 1 апреля 2020 года № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложения в Российской Федерации»[1] при раскрытии понимания термина «инвестиционный проект» указывается, что это комплекс взаимосвязанных мероприятий в целях извлечения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта, в том числе предотвращения или минимизации негативного влияния на окружающую среду. При достижении иного полезного эффекта можно предположить, имеет ли место социальная эффективность?

Подтверждается это предположение формулировкой в аналогичном нормативном правовом акте на уровне субъекта Российской Федерации. Закон Нижегородской области от 31 декабря 2004 года № 180-З «О государственной поддержке инвестиционной деятельности на территории Нижегородской области»[2] в статье 2 устанавливает, что инвестиционный проект существует в целях достижения коммерческого, экономического или социального эффекта.

Согласно положениям статьи 10 вышеупомянутого закона государственная поддержка инвестиционной деятельности на территории Нижегородской области предоставляется инвесторам, реализующим приоритетный инвестиционный проект на основа-

[1] Российская газета. 2020. 3 апреля.

[2] Правовая среда (приложение к газете «Нижегородские новости»). 2005. 22 января.

нии экспертизы и конкурсного отбора. При этом критериями конкурсного отбора субъектов инвестиционной деятельности определены: 1) экономическая эффективность; 2) бюджетная эффективность; 3) социальная эффективность.

Раскрытие содержания этих критериев указано в постановлении Правительства Нижегородской области от 26 февраля 2006 года № 56 «О порядке и условиях предоставления инвестиционным проектам статуса приоритетных, заключения инвестиционных соглашений и контроля за ходом их реализации»[1]. Социальная эффективность здесь выражена через уровень среднемесячной заработной платы по проекту, изменение количества рабочих мест, условий труда, структуры производственного персонала, уровня здоровья населения, улучшение жилищных и бытовых условий, снабжение населения отдельными видами товаров, экономия свободного времени населения. При этом описан и конкретизирован только критерий об уровне среднемесячной заработной платы. В отношении остальных критериев социальной значимости указывается, что социальные результаты, не поддающиеся стоимостной оценке, рассматриваются как дополнительные показатели интегральной эффективности, а также учитываются при обосновании государственной поддержки инвестиционного проекта.

Отсюда вытекает два интересных вывода — второстепенное значение социальной эффективности (в узком значении) и отсутствие четких критериев ее оценивания, что ведет в процессе конкурсного отбора сугубо к субъективному их восприятию. Кроме того, обратим внимание, что во всех вышеприведенных актах нет четкости в соотношении критериев, не установлен их приоритет или паритет.

В то же время принимается много нормативных правовых актов, которые изначально не направлены на достижение экономического результата, а нацелены прежде всего на социальную ценность. Особенно показательно, что среди данных актов выделяется на федеральном уровне Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Рос-

[1] Правовая среда (приложение к газете «Нижегородские новости»). 2006. 11 марта.

сийской Федерации»[1] и на уровне субъекта Российской Федерации Закон Нижегородской области от 2 ноября 2012 года № 144-З «О бесплатной юридической помощи в Нижегородской области»[2]. Так, целями федерального закона являются создание условий для осуществления прав и свобод граждан, защиты их законных интересов, повышения уровня социальной защищенности, а также обеспечение их доступа к правосудию.

Обратим внимание, что и в том, и в другом вышеуказанном случае речь идет о предназначении нормативного правового акта, о его потенциально социальной полезности (социальной значимости). О социальной эффективности нормы права можно будет говорить лишь в случае получения достигнутого результата как, например, в установлении возможности воспользоваться правом на бесплатную юридическую помощь либо в случае изменения ранее существующих показателей в сторону их количественного или качественного изменения, как в случае с изменением уровня среднемесячной заработной платы при реализации инвестиционных проектов. Изучение показателей социальной эффективности в ходе правореализации и правоприменения позволит сделать выводы о необходимости корректировки установленных правил. Необходимость может быть вызвана как по причине просчетов при нормативном правовом регулировании, так и по причине изменения условий в развитии общественных отношений.

Так, в связи с проведением специальной военной операции возникла необходимость в корректировке списка субъектов, которые могут воспользоваться бесплатной юридической помощью. Согласно пояснительной записке к законопроекту № 302571-8 «О внесении изменений в статью 20 Федерального закона “О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации”»[3] появилась проблема предоставления бесплатной юридической помощи лицам, участвующим в специальной военной операции, поскольку изначально некоторые категории не могли быть предусмотрены.

---

[1] Российская газета. 2011. 15 ноября.

[2] Правовая среда (приложение к газете «Нижегородские новости»). 2012. 15 ноября.

[3] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/302571-8 (дата обращения: 24.04.2023).

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение влияния социальной эффективности на стоимость правового регулирования. С одной стороны, сама по себе стоимость напрямую не зависит от результата, поскольку не является расходным элементом. С другой стороны, негативный результат социальной эффективности может поставить под сомнение подобное регулирование в дальнейшем либо наоборот создаст условие для дополнительных расходов при последующем правовом регулировании этого вопроса. Как, например, в случае возвращения нормы со штрафом за превышение скорости более 10 км/ч, когда расходы на отмену этой нормы оказались полностью не оправданными.

В заключение хочется отметить следующее. Во-первых, при подготовке законопроекта в обязательном порядке необходимо четко указывать социальную полезность предполагаемого изменения, причем это нужно делать в отношении каждой нормы отдельно, а не в целом ко всему проекту акта. Во-вторых, подобную практику нужно распространять и на подготовку подзаконных нормативных правовых актов — постановлений, приказов. В-третьих, в самом нормативном правовом акте цели и показатели должны иметь также конкретный характер, не допуская в дальнейшем субъективной оценки при вынесении решений.

УДК 34

Орлов К. А.,
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории государства и права Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург)

Интеграционные факторы в праве как средства оптимизации правового регулирования

Право как система общеобязательных формально определенных и гарантированных государством правил поведения (норм),

© Орлов К. А., 2023

выступающих регулятором общественных отношений и отражающих уровень развития общества, представляет гармоничное строение, которое призвано эффективно упорядочивать общественные отношения.

Одним из ключевых признаков права является системность, которая характеризует содержание права как взаимосвязанную и взаимообусловленную совокупность элементов, имеющих вместе с тем свое собственное предназначение.

Системность права исключает хаотичность и разрозненность входящих в него элементов, позволяет логично и гармонично их расположить для более эффективной реализации права.

Отражением данного свойства права является сформировавшаяся в российском правоведении категория «система права», под которой понимают внутреннее строение (структуру) права, отражающую объединение и дифференциацию юридических норм.

Данные взаимоисключающие особенности системы права подчеркивают ее особую структуру и проявляются в том, что процесс объединения затрагивает относительные самостоятельные структурные элементы, имеющие относительную обособленность и свое собственное содержание.

Особенностью системы права является ее тесная взаимосвязь с происходящими в общественной жизни изменениями. Будучи совокупностью правовых норм, система права является отражением происходящих в обществе процессов возникновения, становления и изменения общественных отношений. При этом важно подчеркнуть динамичный характер системы права, поскольку она чутко реагирует на любые изменения общественных связей, отражая это в своем содержании в виде конкретных правовых предписаний.

В этой связи важно упомянуть деятельность всех субъектов, задействованных в данном процессе, граждан, общественные объединения, а также должностных лиц правоприменительных органов, которые выступают инициаторами создания или совершенствования правовых норм, акцентируя внимание на наиболее проблемные общественные отношения. Кроме того, необходимо сказать и о представителях законодательной власти, которые должны оперативно реагировать на возникающие проблемы в

сфере правового регулирования, принимая новые нормативные положения или совершенствуя существующие.

Система права, как совокупность всех правовых норм, существующих в государстве, выступает индикатором общественного развития и является отражением сложившейся системы ценностей. Особо ярко это должно проявляться на современном этапе цивилизованного развития многих современных демократических государств, где основной высшей ценностью позиционируется человек, его права и свободы.

В данном контексте вся система норм должна быть пронизана заявленной концепцией и конкретные правила поведения сформулированы таким образом, чтобы гарантировать человеку аутентичную реализацию его прав и свобод. Особенно ярко изменение содержания системы права прослеживается в исторической ретроспективе. Так, рабовладельческое, феодальное, буржуазное государство и право отражают интересы определенных узких групп населения — рабовладельцев, феодалов, буржуазии. В свою очередь содержание правовых норм на современном этапе существенно изменилось, особенно ярко это проявляется на уровне декларативных официальных заявлений и общеобязательных правовых норм, наполняющих действующее законодательство правовых государств.

Система права — сложное и объемное правовое явление, включающее достаточно большое количество структурных элементов сферы, отрасли, подотрасли права, правовые институты, субинституты права и правовые предписания.

Отрасль права представляет совокупность правовых норм, регулирующих однородные общественные отношения. При этом данный процесс осуществляется на основе конкретных принципов, комбинации способов и методов, отражающих сформировавшуюся устойчивую специфику воздействия на общественные связи.

Обособленность отрасли права как структурного элемента системы права проявляется в том, что она наиболее часто становится предметом рассмотрения теоретических научных исследований представителей различных научных специальностей в области права (общей теории права, конституционного права, уголовного права, уголовно-процессуального права, гражданского

права, гражданско-процессуального и иных). Более того, ученые доказывают не только стремительное развитие содержательных компонентов отрасли права, но и демонстрируют динамизм в появлении новых отраслей (экологическое право, патентное право, информационное право, компьютерное право, медицинское право, энергетическое право, комплексные отрасли права).

Такой интерес к отраслям права накладывает свой отпечаток и на практический интерес представителей правоприменительной деятельности, которые имеют определенную специализацию в рамках осуществления своих полномочий, например, судьи, имеющие градацию в рамках специализации рассматриваемых дел, сотрудники прокуратуры, представляющие разные направления надзора, адвокаты и юристы, имеющие дифференциацию в зависимости от интересов своих доверителей.

Данные факты подтверждают особое значение отрасли права в системе права как наиболее востребованного для изучения и исследования элемента, обосновывают потребность в выявлении наиболее актуальных проблем в его функционировании и поиска наиболее оптимальных средств воздействия в рамках осуществляемого правового регулирования общественных отношений.

Важным аспектом в становлении и развитии отраслей права на различные виды является вопрос о критериях их дифференциации.

Уже классическим критерием отраслевого деления в рамках системы права представители теоретической и отраслевых наук выделяют предмет правового регулирования, под которым понимается совокупность общественных отношений, нуждающаяся в регламентации.

Актуальность предмета правового регулирования проявляется в том, что отношения, которых ранее в принципе не существовало (отношения в сети «Интернет», патентное право) либо они существовали в пределах воздействия иных социальных регуляторов (нотариальное право), этого для них было достаточно, вышли на иной уровень проявления и без правового опосредования их разрешить не представляется возможным.

Еще одним аспектом общественных отношений, составляющих предмет правового регулирования, является устойчивый характер их существования, который имеет вполне конкретное зна-

чимое проявление и не вызывает сомнения среди представителей научного сообщества, представителей практической деятельности и законодательных органов.

Примером таких отношений могут быть те, которые легли в основу финансового, экологического, информационного права и иных образованных в последние десятилетия отраслей права.

При этом важно взвешенно и объективно подходить к формированию новых отраслей, поскольку надуманность и излишняя научность не должны превалировать в процессе развития современной системы права.

Вторым классическим критерием в дифференциации отраслей права является метод правового регулирования.

В отличие от предмета метод правового регулирования характеризует способы воздействия на общественные отношения, которые нуждаются в упорядочении. В зависимости от специфики данных отношений, воздействие может быть различным. Отношения, где в первую очередь защищается публичный интерес (отрасли конституционного, уголовного, административного права), упорядочиваются преимущественно императивным методом, а те отношения, в рамках которых реализуется частный интерес (отрасли гражданского, семейного, трудового права), в большей мере регламентируются диспозитивным методом.

При этом важно подчеркнуть относительный характер метода правового регулирования как универсального критерия дифференциации отраслей права на различные виды, поскольку не для всех отраслей права будет присущ единственно возможный метод воздействия. Заявленный в данном контексте критерий относительности подчеркивает имеющиеся особенности воздействия метода правового регулирования на формирующиеся в обществе отношения. Это связано с тем, что императивный метод, воздействуя на общественные отношения в рамках отраслей публичного права, не будет охватывать их абсолютную совокупность. Среди множества отношений, где приоритет интереса отводится государству, встречаются те, которые упорядочены диспозитивным методом, характерным для отраслей частного права. Например, это могут быть уголовно-процессуальные отношения, связанные с выбором меры пресечения, примирением сторон, назначением наказания ниже низшего предела.

В свою очередь, в отраслях частного права, которые традиционно всегда упорядочивались при помощи диспозитивного метода, можно встретить и «императивные вкрапления». В отрасли гражданского права при заключении договоров стороны должны придерживаться правил об указании в них обязательных условий — предмета договора, прав, обязанностей и ответственности сторон.

Указанные обстоятельства актуализируют современные тенденции сближения отраслей частного и публичного права, обусловленного спецификой применения императивного и диспозитивного методов правового регулирования к общественным отношениям, составляющим предмет указанных отраслей. Разграничение права на частное и публичное позволяет определить границу вмешательства государства в частную жизнь, а также определить меру автономии отдельных индивидов в тех или иных отраслях.

Вместе с этим объективно обусловленная интеграция частного и публичного права, их разумное сочетание и взаимное проникновение ускоряют процессы формирования гражданского общества и правового государства. Это все, безусловно, важно и актуально для совершенствования механизма правового регулирования современной России. Кроме того, детальная разработка проблемы деления права на частное и публичное будет способствовать развитию теории права, углублению знаний о праве, о формах и методах взаимодействия права на общественные отношения.

Взаимообусловленность указанных отраслей проявляется и в таком индикаторе, как характер реализуемого в правоотношении интереса[1]. Суть данного критерия сводится к тому, что частное право призвано удовлетворять и защищать частные интересы, а публичное — интересы общие, государственные.

Как правило, «частный интерес» понимается как интерес конкретной личности, который реализуется в персональном порядке. Обладатель сам выбирает, как и с помощью чего он реали-

[1] См., например: Дигесты Юстиниана. URL: http://www.digestaiust.narod.ru/01.html (дата обращения: 03.02.2023); *Соколова С. С.* Интерес как критерий разграничения частных и публично-правовых отношений // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. № 82-1. С. 324.

зует свою потребность, и действует исходя из собственной пользы. Предполагается, что частный интерес свойственен только частному праву. Однако нормы публичного права, защищая публичные интересы, также обеспечивают защиту интересов отдельных лиц, а нормы частного, обеспечивающие интересы частных лиц, в свою очередь, защищают интересы и всего общества в целом. Так, прослеживается неразрывность частного и публичного права и их взаимная дополняемость.

Современное развитие правовых отношений вносит свои коррективы и создает определенные сложности в процесс идентификации и определения однозначного статуса отдельных норм. Правовая жизнь эволюционирует таким образом, что в настоящее время наблюдается некоторое сближение частноправовых и публично-правовых начал, поскольку государство (отдельные его части) активно вступает в отношения гражданско-правового характера, узаконен и широко распространен термин «государственные услуги»[1].

В связи с этим весьма актуальным является так называемая конвергенция, то есть взаимопроникновение частного и публичного права. Так, Н. М. Коршунов пишет о публично-правовых элементах, обеспечивающих развитие частноправовых отношений. Например, установление публичным правом возрастных критериев гражданской дееспособности, государственной регистрации актов гражданского состояния, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей[2].

При данном подходе различные комбинации элементов частного и публичного права позволяют создать комплексные отрасли законодательства, которые содержат как публично-правовые, так и частноправовые составляющие. Поскольку дифференциация на частное и публичное в чистом виде приводит к существованию большого количества споров, ученые признают конвергенцию частного и публичного права, которая не означает утрату их спе-

---

[1] Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: федеральный закон от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ // Российская газета. 2010. 30 июля.

[2] *Коршунов Н. М.* Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. Москва, 2011. С. 157.

цифических качеств как отраслей права, а о взаимном проникновении, с помощью которого в современном мире будет осуществляться баланс интересов различных субъектов права, отражающий приоритет прав и свобод человека. Конвергенция основывается на слиянии, сближении каких-либо признаков независимых явлений и должна происходить не только по инициативе заинтересованных должностных лиц государства, осуществляющих законотворческий и правоприменительный процесс, но и под пристальным вниманием общественности и представителей науки.

Существующие критерии выделения различных отраслей права (предмет и метод правового регулирования) не позволяют признать их полноценными для дифференциации всех отраслей права, поскольку градацию можно осуществить только в отношении отраслей частного и публичного права.

Данный тезис обусловливает выделение дополнительных критериев отраслевого деления в существующей системе права, к которым, с определенной долей условности, можно отнести цель правового регулирования, принципы конкретной отрасли, понятийный (категориальный) аппарат.

Представленные критерии уже прочно закрепились в природе традиционных и сформировавшихся отраслей права, и данный формат позволяет интегрировать их при выделении и становлении иных, зачастую весьма востребованных, отраслей права. Такое консолидированное и систематизированное выделение критериев деления отраслей права на конкретные виды привносит стройность и позволяет осуществить процесс правового регулирования общественных отношений более сбалансированным и оптимальным.

К основным критериям, интегрируемым в природу новых отраслей права, следует отнести:

1. Цель правового регулирования отрасли права. Данный критерий отражает конечный результат, которого желает добиться государство при упорядочении определенной сферы общественных отношений. Чаще всего желаемый со стороны законодателя результат обозначается им в нормативном правовом акте, посредством обозначения целей и задач. Так, например, целями трудового законодательства являются установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание благоприятных условий труда, защита прав и интересов работников и работодате-

лей. В свою очередь, задачами патентного, авторского права являются: защита интеллектуальной собственности создателей, авторов уникальных продуктов интеллектуальной деятельности.

2. Принципы права конкретной отрасли. Помимо конкретных целей и задач, которых желает добиться законодатель при упорядочении общественных отношений, для каждой отрасли особое значение приобретают принципы, выступающие руководящими идеями и отправными началами.

Содержание данных принципов формирует правовое сознание и определяет алгоритмы действий всех участников общественных отношений в рамках конкретной отрасли. Например, для уголовного права характерны следующие принципы: законность, равенство граждан перед законом, вина, справедливость, гуманизм, а отношения, составляющие предмет медицинского права, должны основываться на таких руководящих началах, как соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий, приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи, приоритет охраны здоровья детей, социальная защищенность граждан в случае утраты здоровья, ответственность органов государственной власти и органов местного самоуправления, должностных лиц организаций за обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья, доступность и качество медицинской помощи, недопустимость отказа в оказании медицинской помощи, приоритет профилактики в сфере охраны здоровья, соблюдение врачебной тайны[1].

3. Понятийный (категориальный) аппарат. Специфика регулируемых отношений в рамках конкретной отрасли такова, что обусловливает потребность в использовании специфических понятий и терминов для обозначения необходимых правовых явлений.

В связи с этим для каждой отрасли права характерной особенностью является наличие определенного массива категорий, которые подчеркивают ее обособленный характер и отличие от иных отраслей права.

---

[1] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ // Российская газета. 2011. 23 ноября.

Способы выражения данной терминологии для каждой отрасли права имеют свои особенности. Часть из них остается в рамках научного и учебного материала при исследовании и изучении правовой материи, составляющей предмет конкретной отрасли, а некоторые категории находят отражение и в нормативных правовых актах, например, статья 5 УПК РФ содержит более 60 понятий для внесения ясности и конкретности в деятельность субъектов уголовного преследования. Аналогичной ситуация будет и при наполнении специальными терминами при формировании таких отраслей, как экологическое право, патентное право, информационное право, компьютерное право, медицинское право, энергетическое право.

При этом важно заметить, что отдельные термины могут находить свое воплощение в разных отраслях права и соответствующих им нормативных актах, например, «жилище» употребляется в УК РФ, УПК РФ, ЖК РФ, при этом в каждом из них имеет разное смысловое значение.

Помимо указанных критериев, составляющих основу для дифференциации существующих отраслей права на различные виды, допустимо выделить и иные позиции, которые подчеркнут их интеграционную общность и вместе с этим обособленность друг от друга. К ним допустимо отнести: набор юридических источников, значимость общественных отношений, урегулированных нормами отрасли права, функции правового воздействия, правовые традиции регулирования общественных отношений определенного рода, предопределенное отношение государственной власти и общества к тому или иному роду общественных отношений с точки зрения обобщения регулирующего воздействия до формирования отрасли, состав участников, регулируемых общественных отношений и др.[1]

Появление новых отраслей права, развитие и наполнение новыми институтами уже сформировавшихся и устоявшихся отраслей приводит к их тесному взаимодействию, а в некоторых случаях и конвергенции. Осуществляемые исследования постоянно привносят в юридическую науку новые знания, которые являются актуальными для общества на современном этапе развития.

---

[1] См.: Актуальные проблемы отдельных отраслей права: курс лекций. Екатеринбург, 2016. С. 13.

Востребованность новизны научных достижений обусловлена прежде всего поиском баланса интересов, составляющих основу существования частного и публичного права. Под воздействием процессов глобализации отношения в социуме постоянно меняются и усложняются, в связи с чем требуется адекватное изменение и существующих правил поведения, что особенно важно в условиях современной российской действительности доминирующего положения государства во всех сферах жизни общества.

УДК 340.1

Осипов М. Ю.,
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник НИИ образовательных технологий, доцент кафедры теории государства и права и гражданско-правовых дисциплин Международной полицейской академии ВПА (г. Тула)

К вопросу о технологиях оптимизации правового регулирования

Проблема оптимизации правового регулирования — это одна из актуальных проблем, стоящих перед современной юридической наукой. Об этой проблеме написано немало работ[1]. Однако,

[1] См.: *Кеня И. А.* Проблемы и пути оптимизации в развитии правового регулирования вопросов местного самоуправления // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2009. № 1. С. 4–8; *Комаров С. А., Щукин В. В.* Оптимизация правового регулирования системы государственной службы в Российской Федерации // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2006. № 5 (71). С. 24–27; *Москаленко М. И.* Оптимизация правового регулирования статуса нотариата в городах федерального значения // Нотариус. 2010. № 1. С. 32–36; *Черникова Е. В.* К вопросу об оптимизации публично-правового регулирования банковской деятельности // Закон. 2009. № 4. С. 190–193; *Черняков И. В.* Оптимизация правового регулирования индивидуального предпринимательства в Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2003.

© Осипов М. Ю., 2023

несмотря на многочисленные исследования проблем оптимизации правового регулирования в различных сферах деятельности общества остается невыясненным вопрос, относительно сущности процесса оптимизации правового регулирования. В чем состоят отличия понятий «оптимизация» и «совершенствование процесса правового регулирования» или данные понятия нужно рассматривать как синонимы?

Для того чтобы, по нашему мнению, правильно ответить на данные вопросы необходимо прежде всего понять что представляет собой оптимизация того или иного процесса.

Как отмечается в литературе, «оптимизация призвана направить ту или иную систему к состоянию, близкому к наилучшему»[1]. Возникает вопрос, какое состояние системы правового регулирования является наилучшим? Очевидно, такое, при котором число ошибок в правовом регулировании стремится к нулю. Таким образом, под процессом оптимизации правового регулирования следует понимать научно обоснованный процесс, направленный на кардинальное снижение числа ошибок в правовом регулировании в идеале до нуля, и тем самым повышения эффективности действующего законодательства и правового регулирования в целом[2], но для того, чтобы качественно выполнять подобного рода работу, нужно в обязательном порядке осуществлять экспертизу всех изменений, предлагаемых ко внесению в действующее законодательство, с целью определения соответствия вносимых изменений и дополнений действующего законодательного регулирования «закономерностям правового регулирования и требованиям, предъявляемым к нему»[3], после чего принимать

---

[1] *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник / отв. ред. Д. П. Горский. 2-е изд., доп. Москва, 1976.

[2] См.: *Осипов М. Ю.* О соотношении правового регулирования и правотворчества // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 3 (284). С. 31–41; *Его же.* Эффективность правового регулирования: понятие, виды, методика оценивания // Современное право. 2010. № 5. С. 7–10.

[3] *Осипов М. Ю.* Правовое регулирование как динамическая система: понятие, структура, функции: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2008; *Его же.* Роль правотворчества в профилактике ошибок в правовом регулировании // Ленинградский юридический журнал. 2009. № 4 (18). С. 44–49.

соответствующие решения. Причем принимать такие решения должен специалист, знающий закономерности правового регулирования и требования, предъявляемые к нему.

К сожалению, анализ программ большинства юридических вузов нашей страны показывает, что такие важнейшие дисциплины, как «теоретические основы правового регулирования», «юридический анализ», «социология права», «правовая культурология», «экономический анализ права» в большинстве юридических вузов страны на уровне бакалавриата не изучаются. Что на практике приводит к тому, что из вуза выпускаются специалисты, не знакомые с технологиями правового регулирования общественных отношений. Не понимая, как работают такие технологии, молодые «специалисты» не могут эффективного защитить права граждан.

Приведу несколько примеров относительно необходимости оптимизации правового регулирования. Первым будет пример, связанный с оптимизацией правового регулирования применительно к защите персональных данных[1]. Правомерное цитирование произведений науки, литературы и искусства приравнивается к обработке персональных данных, хотя цитирование произведений науки, литературы и искусства, которое согласно действующим нормам международного права осуществляется свободно[2] и не требует, в отличие от закона о персональных данных, испрашивать на это согласие у субъекта персональных данных.

Другой пример. Анализ законодательства о банкротстве ликвидируемого должника[3] позволяет выявить ряд рисков при осу-

---

[1] О персональных данных: федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3451.

[2] Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9; Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.08.2023).

[3] О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ (ред. от 28.06.2022, с изм. от 21.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.

ществлении данной процедуры. Их несколько. Во-первых, отсутствие процедуры наблюдения при осуществлении подобного рода процедуры, что позволяет в определенных случаях недобросовестным должникам скрывать свои активы, необходимые для погашения требований перед кредиторами.

Получается, что в случае банкротства ликвидируемого должника вполне возможна такая ситуация, когда недобросовестными учредителями при этом принимается решение о ликвидации юридического лица, занижаются его активы, юридическое лицо признается несостоятельным (банкротом), проводится конкурсное производство, должник признается ликвидированным, после чего активы данного юридического лица оказываются у посторонних лиц, при этом кредиторы терпят убытки.

Отсутствие процедуры наблюдения при осуществлении банкротства ликвидируемого должника опасно еще и тем, что наблюдение, согласно закону о банкротстве, осуществляется на стадии подготовки дела к судебному разбирательству в арбитражном суде. Это предусмотрено статьей 49 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ (ред. от 28.06.2002) «О несостоятельности (банкротстве)»[1] и статьей 133 Арбитражно-процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ (ред. от 07.10.2022)[2].

Кроме того, в ходе процедуры наблюдения могут быть определены следующие риски, которые образуют так называемую риск-матрицу.

1. Риск неправомерного признания должника несостоятельным (банкротом).

2. Риск неправомерного отказа в признании должника несостоятельным (банкротом).

3. Риск неверного определения критериев признания должника несостоятельным (банкротом) на уровне законодателя.

4. Риск неверного определения критериев признания должника несостоятельным (банкротом) на уровне правоприменителя.

---

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.

[2] Там же. № 30, ст. 3012.

5. Риск неправильного определения общественных отношений, возникающих в ходе признания должника несостоятельным (банкротом).

6. Риск неправильного определения круга субъектов общественных отношений, возникающих в ходе признания должника несостоятельным (банкротом) и их правового статуса.

7. Риск неправильного определения круга объектов общественных отношений и их правового режима.

8. Риск неправильного определения субъективных прав и обязанностей участников объектов общественных отношений, возникающих в ходе осуществления процедуры несостоятельности (банкротства).

9. Риск неправильного определения мер ответственности участников общественных отношений, возникающих в ходе осуществления процедуры несостоятельности (банкротства), за неисполнение своих юридических обязанностей и нарушение субъективных прав других лиц.

10. Риск неправильного определения оснований возникновения и прекращения субъективных прав и обязанностей участников объектов общественных отношений, возникающих в ходе осуществления процедуры несостоятельности (банкротства).

11. Риск неправильного определения оснований возникновения и прекращения процедуры банкротства в отношении юридического лица.

12. Риск неправильного определения способов и сроков реализации субъективных прав и обязанностей участников объектов общественных отношений, возникающих в ходе осуществления процедуры несостоятельности (банкротства).

13. Риск неверного определения круга доказательств, которыми должно подтверждаться то, что должник действительно является банкротом.

14. Риск предоставления недостоверных доказательств того, что должник действительно является банкротом.

15. Риск наступления правовых последствий предоставления недостоверных доказательств того, что должник действительно является банкротом.

16. Вероятность получения выгоды от предоставления недостоверных доказательств того, что должник действительно является банкротом.

17. Риски, возникающие как результат дифференциации в процедуре банкротства, в том числе риски, связанные с игнорированием интересов субъектов процедуры несостоятельности (банкротства), а также интересам других заинтересованных лиц. Кроме того, специфика дел о несостоятельности (банкротстве) такова, что в качестве предмета доказывания по подобного рода делам выступают следующие обстоятельства, которые вытекают из определения несостоятельности (банкротства), закрепленного в законодательстве[1].

Указанные примеры показывают, что законодательное регулирование в Российской Федерации нуждается в оптимизации, дабы осуществить предупреждение появления ложных норм в российском праве, но для того, чтобы осуществлять данную работу грамотно и правильно, необходимо введение в образовательные программы высших юридических учебных заведений специализированных курсов, направленных на подготовку юристов в сфере правотворчества в идеале образовательной программы магистратуры, направленной на это. Автором данной статьи была разработана такая программа и курсы дистанционного обучения к ней. Она предусматривает изучение следующих дисциплин (курсов, модулей) применительно к правовому обеспечению в сфере защиты конкуренции. В блок 1 «Дисциплины (модули)» входят следующие дисциплины:

— административное право и административный процесс;

— акмеология;

— актуальные проблемы гражданского и арбитражного процессов;

— актуальные проблемы гражданского права;

— бюджетное право;

— государственное регулирование торговой деятельности;

— деловые коммуникации;

— земельное право;

— инвестиционное право;

— иностранный язык в сфере юриспруденции;

[1] О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ (ред. от 28.06.2022, с изм. от 21.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.

— информационные технологии в менеджменте;
— коллизионное право;
— маркетинг;
— международное конкурентное право;
— охрана труда;
— правовая культурология;
— правовые основы маркетинга и менеджмента;
— правовые основы управления персоналом;
— правовые проблемы защиты конкуренции;
— правовые проблемы менеджмента;
— правовые проблемы управления персоналом;
— проблемы противодействия коррупции;
— проблемы создания и использования информационных технологий в сфере юриспруденции;
— проблемы юридической этики;
— системный анализ и концептуальное проектирование;
— сравнительное правоведение;
— теория правового регулирования;
— теория применения права;
— теория толкования права;
— управление проектами;
— экономика (основы экономической теории, ценообразования, теории отраслевых рынков);
— энергетическое право;
— этика делового общения и правила ведения переговоров;
— юридическая аргументация;
— юридическая техника;
— юридическая экспертиза правовых актов;
— юридический анализ.

Представляется, что лицо, в полной мере освоившее данную программу, будет подготовлено к осуществлению действий по оптимизации процесса правового регулирования в сфере защиты конкуренции.

В заключение данной статьи необходимо отметить, что знание закономерностей правового регулирования общественных отношений позволяет эффективно осуществлять процедуру его оптимизации в различных сферах жизнедеятельности общества, в том числе в таких сферах, как защита персональных данных,

несостоятельность (банкротство), защита конкуренции, а также разрабатывать технологии, позволяющие осуществлять автоматизацию данных процессов, поэтому представляется необходимым осуществление стимулирования разработок инновационных образовательных программ в области юриспруденции, позволяющих студентам получать углубленные знания, умения и навыки в области оптимизации правовых процессов в интересующих их областях жизнедеятельности общества.

При этом сама технология оптимизации тех или иных правовых процессов и прежде всего технология оптимизации процесса правового регулирования общественных отношений в той или иной сфере жизнедеятельности общества предполагает осуществление следующих операций.

1. Определение целей и задач оптимизации тех или иных правовых процессов и прежде всего правового регулирования общественных отношений в той или иной сфере жизнедеятельности общества.

2. Определение необходимых способов и средств достижения целей и решения задач оптимизации тех или иных правовых процессов и прежде всего правового регулирования общественных отношений в той или иной сфере жизнедеятельности общества.

3. Определение необходимых ресурсов для достижения целей и решения задач оптимизации тех или иных правовых процессов и прежде всего правового регулирования общественных отношений в той или иной сфере жизнедеятельности общества.

4. Определение субъектов задач оптимизации тех или иных правовых процессов и прежде всего правового регулирования общественных отношений в той или иной сфере жизнедеятельности общества, тех или иных правовых процессов и прежде всего правового регулирования общественных отношений в той или иной сфере жизнедеятельности общества.

5. Определение технологии оптимизации тех или иных правовых процессов и прежде всего правового регулирования общественных отношений в той или иной сфере жизнедеятельности общества (последовательности действий, которые необходимо предпринять для достижения целей и решения задач оптимизации тех или иных правовых процессов), прежде всего правового регу-

лирования общественных отношений в той или иной сфере жизнедеятельности общества.

6. Определение факторов, способствующих и препятствующих осуществлению процесса технологии оптимизации тех или иных правовых процессов и прежде всего правового регулирования общественных отношений в той или иной сфере жизнедеятельности общества.

7. Выявление факторов, препятствующих осуществлению процесса технологии оптимизации тех или иных правовых процессов, и прежде всего правового регулирования общественных отношений в той или иной сфере жизнедеятельности общества и поиск нейтрализующих факторов (факторов, нейтрализующих негативное влияние на осуществление процессов оптимизации тех или иных правовых процессов и прежде всего правового регулирования общественных отношений в той или иной сфере жизнедеятельности общества).

Представляется, что использование подобного рода технологии наряду с использованием алгоритма правового регулирования[1], а также путем введения этого алгоритма в систему 1С: Предприятие 8.3, в соответствующие документы, справочники и регистры сведений, позволит создать автоматизированную систему оптимизации правовых процессов, в том числе автоматизированную систему оптимизации правового регулирования, о необходимости которой отмечалось в специальной литературе[2].

---

[1] См.: *Осипов М. Ю.* Пути профилактики ошибок в правовом регулировании // Право и государство: теория и практика. 2008. № 4 (40). С. 18–20.

[2] См.: *Арнаутова А. А.* Автоматизация проведения экспертиз проектов нормативных правовых актов // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции: материалы VI Московского юридического форума XVI Международной научно-практической конференции. В 3 ч. Москва, 2019. С. 68–70; *Каменская Е. В.* Развитие правотворческого процесса в условиях цифровизации общества и государства // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2019. № 4 (22). С. 21–27; *Шаршун В. А.* О некоторых вопросах использования информационно-коммуникационных технологий в нормотворческой деятельности // Право.by. 2017. № 3 (47). С. 5–15.

УДК 340.136

Павлов В. И.,
кандидат юридических наук, доцент, докторант Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (г. Минск)

Редакция Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» в 2023 году: инновации и решения в контексте оптимизации нормотворческой деятельности

7 апреля 2023 года был принят Закон Республики Беларусь № 261-З «Об изменении Закона Республики Беларусь "О нормативных правовых актах"»[1] (далее — Закон, если не указано иное), который внес изменения в действующий Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 года № 130-З «О нормативных правовых актах»[2]. Данная редакция закона является, по сути, второй с начала комплексного регулирования нормотворческой деятельности в Республике: в белорусской правовой системе таковое было связано еще с принятием 10 января 2000 года Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах»[3]. Иными словами, отечественный опыт правовой регламентации вопросов нормотворческой деятельности и в целом общих вопросов действия национального права составляет более 20 лет. Наличие в правовой системе подобного закона на протяжении длительного периода времени подтвердило значимость правовой регламента-

[1] Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 12.04.2023. № 2/2981.

[2] Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 31.07.2018. № 2/2568.

[3] *Павлов В. И.* Особенности доктринального содержания Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» // Право.by. 2019. № 3 (59). С. 27–31; *Его же.* Реализация положений современной теории правотворчества в законодательстве Республики Беларусь (в контексте нового Закона Республики Беларусь "О нормативных правовых акта") // Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений: сборник научных статей. Минск, 2020. Вып. 2. С. 28–40.

© Павлов В. И., 2023

ции вопросов нормотворческой деятельности, способствовало повышению правовой определенности, конструктивности в реализации правотворческих и правоприменительных полномочий государственными организациями и иными субъектами права, которым адресован закон. Закон имеет не только праворегулирующее, но и доктринальное значение, он вводит целый ряд легальных терминов и дефиниций, которые традиционно разрабатывались и формировались в рамках общеправовой теории. Это дает основание как для развития правовой теории, так и для перспективного совершенствования положений самого закона на основании его критического осмысления. Закон определяет понятия правовой неопределенности, пробела в законодательстве (правовом регулировании), аналогии закона и аналогии права, нормотворческой техники, юридической силы нормативного правового акта и т. д.

Практика правового регулирования вопросов нормотворческой деятельности в Республике на уровне Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» основывается на правовой регламентации только деятельности нормотворческих органов (должностных лиц), то есть государственных органов (организаций) (должностных лиц), уполномоченных законом и иными законодательными актами на принятие (издание) нормативных правовых актов. Деятельность негосударственных организаций по разработке юридически значимых правил поведения не рассматривается в качестве нормотворческой, следовательно, не затрагивает и формирование системы законодательства Республики Беларусь, что, однако, не означает ее исключения из целостной системы правового регулирования общественных отношений.

Согласно пункту 1 статьи 1 по признаку действия по лицам Закон распространяет свое действие только на нормотворческие органы (должностные лица) за исключением вопросов нормотворческой деятельности Всебелорусского народного собрания, Конституционного Суда Республики Беларусь и Верховного Суда Республики Беларусь (п. 2 ст. 1). В сферу действия Закона также не входят ненормативные (индивидуальные) правовые акты, локальные правовые акты нормотворческих органов (должностных лиц), международные договоры Республики Беларусь и иные международно-правовые акты, содержащие обязательства Рес-

публики Беларусь, технические нормативные правовые акты в области технического нормирования и стандартизации в части, урегулированной законодательством о техническом нормировании и стандартизации. Нормотворческая деятельность данных актов, равно как и актов Всебелорусского народного собрания, Конституционного Суда Республики Беларусь и Верховного Суда Республики Беларусь регулируется отдельными правовыми положениями на уровне других законодательных актов. Вместе с тем легальные определения ненормативных (индивидуальных) и локальных правовых актов и их признаки даны в соответствующих статьях закона (ст. 4 и 5 соответственно) для их отграничения от нормативных правовых актов.

Следует отметить, что при подготовке редакции закона 2018 года изначально рабочей группой рассматривался вопрос о возможности разработки Закона Республики Беларусь с наименованием «О правовых актах Республики Беларусь», который бы подробно регламентировал положения о подготовке и принятии не только нормативных, но и ненормативных, а также локальных правовых актов нормотворческих органов, однако данный вариант проекта был отложен еще на стадии разработки ввиду объективной сложности регулирования вопросов подготовки актов, не являющихся нормативными, ввиду функционального различия государственных органов и должностных лиц, их издающих. Вместе с тем рабочей группе, прежде всего из числа экспертов-теоретиков права, была поставлена задача четко отразить в законе самостоятельные понятия нормативных, ненормативных (индивидуальных) и локальных правовых актов и критерии их разграничения, прежде всего для нужд специалистов-практиков, занимающихся нормотворческой деятельностью, что в итоге и было реализовано. Ввиду этого в контексте толкования положений закона не только специалистам-сотрудникам правовых отделов и управлений нормотворческих органов, но и ученым-правоведам не всегда ясно, почему действующий закон (а равно и его предыдущая редакция) в понятии локального правового акта исключает признак нормативности и не включает данный вид акта в систему законодательства.

Пункт 1 статьи 3 определяет, что законодательство Республики Беларусь представляет собой систему нормативных право-

вых актов, характеризующуюся их внутренней согласованностью и иерархией, обеспечивающих правовое регулирование общественных отношений. Перечислим виды нормативных правовых актов, составляющих систему белорусского законодательства: Конституция Республики Беларусь; решения, принятые республиканским референдумом; решения Всебелорусского народного собрания (принятые по вопросам, предусмотренным п. 1, 2, 8 и 11 ст. 89-3 Конституции Республики Беларусь); законы Республики Беларусь; декреты, указы Президента Республики Беларусь; постановления Совета Министров Республики Беларусь; постановления Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь; постановления Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь; нормативные правовые акты Верховного Суда Республики Беларусь, Генеральной прокуратуры, нормотворческих органов, подчиненных (подотчетных) Президенту Республики Беларусь; нормативные правовые акты министерств, иных республиканских органов государственного управления; решения, принятые местным референдумом, решения местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов; нормативные правовые акты иных нормотворческих органов (должностных лиц); технические нормативные правовые акты. Как видим, локальные правовые акты из системы законодательства исключаются.

Локальным правовых актам в свою очередь посвящена статья 5 Закона («Локальные акты»). Иногда среди правоведов-теоретиков и практиков возникают дискуссии относительно того, почему в наименовании статьи не упоминается не только слово «нормативные», но даже и «правовые». В пункте 2 статьи 1 законодатель сделал общепринятое сокращение, согласно которому локальные правовые акты нормотворческих органов (должностных лиц) обозначаются по тексту Закона словосочетанием «локальные акты». Напомним, речь идет лишь о локальных правовых актах, издаваемых государственными организациями и лицами, занимающими государственные должности, поэтому локальный акт — это, конечно, правовой акт, определяемый согласно пункту 1 статьи 5 Закона как официальный документ, принятый (изданный) нормотворческим органом (должностным лицом), устанавливающий обязательные правила поведения в целях регулирования во-

просов организации внутренней деятельности данного нормотворческого органа (его территориальных органов), подчиненных ему (входящих в его состав, систему) организаций. Локальный характер данного акта заключается не в обязательности правил поведения (локальных правовых норм), а в действии акта по признаку пространства: он действует лишь в пределах нормотворческого органа и его территориальных подразделений независимо от их количественного состава и территориального охвата. Следовательно, локальный правовой акт распространяется только на сотрудников нормотворческого органа и его территориальных подразделений, таким образом, не имея признака общеобязательности, нормы локального правового акта определяются просто как «обязательные правила поведения», в пункте 1 статьи 5 поэтому формулируется правило, согласно которому «действие локальных актов не должно затрагивать права, свободы и обязанности иных граждан и юридических лиц», которое означает, что локальные правовые нормы не должны содержать общеобязательных нормативных положений (правовых норм). Пункты 2 и 3 статьи 5 также устанавливают важные правовые нормы о том, что «локальные акты должны соответствовать нормативным правовым актам» и что «не допускается включение в локальные акты положений, ухудшающих по сравнению с законодательством правовое положение граждан и юридических лиц, на которых распространяется действие локальных актов».

Характеризуя новации в редакции Закона 2023 года, следует отметить несколько введенных положений: во-первых, это положения, связанные с новой редакцией Конституции Республики Беларусь в части появления нового органа государственной власти — Всебелорусского народного собрания; во-вторых, это принцип цифровизации нормотворчества, который ранее отсутствовал в системе нормотворческих принципов; в-третьих, это корректировка положения, касающегося понятия стабильности правовой системы; в-четвертых, это положение, касающееся вопросов официального толкования и письменных/электронных разъяснений применения нормативных правовых актов.

Решения Всебелорусского народного собрания, принятые по вопросам, предусмотренным пунктами 1, 2, 8 и 11 статьи 89-3 Конституции Республики Беларусь, являются новым

видом нормативных правовых актов в национальной правовой системе. Всебелорусское народное собрание является высшим представительным органом народовластия Республики Беларусь, определяющим стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающим незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие (ст. 89-1 Конституции Республики Беларусь). Хотя законодатель включил решения Всебелорусского народного собрания в систему законодательства не путем определения иерархического статуса данного вида актов, а путем дополнения пункта 2 статьи 3 отдельной частью 2, полагаем, что решения данного органа по юридической силе следуют за решениями референдума. Также в Законе вводятся новые нормы о порядке реализации права законодательной инициативы Всебелорусским народным собранием (ст. 41).

Принцип цифровизации определяется в Законе как широкое применение информационных технологий на всех стадиях нормотворческого процесса, в том числе за счет развития электронного документооборота, максимального использования цифровых инструментов в процессе нормотворческой деятельности. Фактически включением данного принципа Закон подтверждает складывающийся в Республике порядок нормотворческой деятельности на основании Указа Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 года № 415 «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности». Как отмечал директор Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь А. Ф. Мательский еще в 2021 году, перевод нормотворческой деятельности в цифровую среду взаимодействия осуществляется в Республике на основе введения новой автоматизированной информационной системы по обеспечению нормотворческого процесса (далее — АИС «Нормотворчество»)[1]. Введение в эксплуатацию АИС «Нормотворчество» и, следовательно, полный перевод нормотворчества в цифровую форму планируется в 2024 году.

[1] *Мательский А. Ф.* Нормотворчество в цифровом формате как эволюционный этап развития электронного государства // Право.by. 2021. № 5. С. 29–36.

Положения о стабильности правовой системы регламентированы статьей 35 Закона. Основным изменением редакции 2023 года стало включение дополнительного основания для выхода за рамки базового срока — 1 год, запрещающего внесение изменений в нормативный правовой акт: таким основанием является «необходимость оперативного регулирования наиболее важных вопросов». При этом законодатель ввел 2-летний императивный срок действия акта без изменений относительно законодательных актов (к законодательным актам в белорусской правовой системе относятся Конституция Республики Беларусь, законы, декреты и указы Президента Республики Беларусь). При этом элементы дискреции в правовых положениях статьи 35 все равно сохраняются по вполне обоснованным причинам.

Статья 69 регламентирует вопросы официального толкования нормативных правовых актов и письменных (или электронных) разъяснений их применения, даваемых уполномоченными субъектами. Основной новацией является введение электронной формы разъяснений, а также однозначное определение правового статуса указанных разъяснений: по сравнению с редакцией Закона 2018 года такие разъяснения, несмотря на то что они исходят от уполномоченного органа, осуществляющего правовое регулирование и управление в определенной отрасли (сфере деятельности) или к компетенции которого отнесено решение соответствующих вопросов, носят рекомендательный характер. Часть 3 пункта 2 Закона при этом определяет, что «правовые последствия несоблюдения законодательства, допущенного вследствие исполнения разъяснений применения нормативных правовых актов, предоставленных государственными органами (организациями), указанными в части первой настоящего пункта, могут устанавливаться законодательными актами». В этой связи полагаем, что правовые положения о письменных/электронных разъяснениях применения нормативных правовых актов сохраняют элементы правовой неопределенности. Несмотря на то, что в редакции 2023 года разъяснения отнесены к актам рекомендательного характера, что означает признание фактически неофициального характера подобного рода толкования, хотя и исходящего от уполномоченного органа, представляется, что субъекты права понизят инициативу в получении такого рода разъяснений ввиду слабо обеспечительного с точки зрения юридической силы

характера последних. Впрочем, норма, сформулированная в пункте 2 части 3 Закона, может дать основание для разработки компромиссного юридического механизма, предоставляющего определенные гарантии субъектам права вследствие следования ими письменным разъяснениям, полученным от уполномоченных органов. Таким образом, изменения 2023 года в Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» отражают практику правового регулирования нормотворческой деятельности в Республике и современные мировые тенденции в сфере правотворческой деятельности.

УДК 340.11

Парфенов А. В.,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Правовой компромисс как инновационное средство оптимизации сферы правового регулирования

В течение многовековой истории человеческой цивилизации государство зарекомендовало себя в качестве проверенной временем и достаточно эффективной формы организации жизнедеятельности людей. По этой причине, далеко не случайно, вопросы его жизнеспособности традиционно находились в центре внимания научной общественности. Содержание ответа на них существенно варьировалось в зависимости от принадлежности к конкретной научной школе. Так, в течение многих десятилетий методологической основой отечественной науки о государстве выступал ленинский тезис, в соответствии с которым в обозримом будущем «государство должно будет исчезнуть»[1]. Однако в начале XXI века очевидным становится то обстоятельство, что

[1] *Ленин В. И.* Государство и революция // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33. Москва, 1969. С. 56.

© Парфенов А. В., 2023

подобному прогнозу вряд ли суждено сбыться. Государство, многократно продемонстрировав свою исключительную гибкость, оказалось способным адаптироваться, приспосабливаться к самым разным условиям и кардинальным изменениям в жизни общества. В этой связи можно утверждать, что на протяжении еще многих веков государство будет продолжать оставаться его неизменным спутником. Применительно к юриспруденции подобная точка зрения в современных условиях представляется нам наиболее предпочтительной и перспективной. В рамках нее, как можно заметить, не теряют своей актуальности проблемы совершенствования государства, использования заложенного в данную форму организации жизнедеятельности людей потенциала. Более того, здесь они, фактически, получают «статус» вектора, определяющего ядро важнейших направлений будущих общетеоретических и отраслевых юридических исследований.

С точки зрения ученого-правоведа, особого внимания заслуживает тот факт, что в арсенале средств, которыми располагает государство, право является основным инструментом, позволяющим упорядочивать поведение людей. Оно глубоко проникло в самые разные сферы жизни общества. От содержания и качества его предписаний в прямой зависимости находятся уровень и состояние правопорядка. Соответственно, есть основания полагать, что вопросы совершенствования государства и уточнения направлений его деятельности вряд ли могут быть раскрыты без обращения к проблеме повышения эффективности и оптимизации правового регулирования. Справедливости ради отметим, что для отечественных ученых-правоведов она не является абсолютно новой. Более того, по справедливому замечанию Н. Н. Тарасова, к началу 80-х годов XX века «механизм правового регулирования получил окончательную теоретическую определенность, а теория правового регулирования приобрела содержательную и логическую завершенность»[1]. Вместе с тем, обращение к современной юридической литературе показывает, что интерес к механизму правового регулирования среди отечественных исследователей не иссяк. Их усилия, как правило, направлены на поиск пу-

[1] *Тарасов Н. Н.* Механизм правового регулирования: становление понятия // Российский юридический журнал. 2020. № 5 (134). С. 108.

тей повышения эффективности правового регулирования. Решение данной задачи одной группой ученых-правоведов связывается с усовершенствованием, «доработкой» традиционной конструкции механизма правового регулирования. Идею о возможности усложнения его структуры одним из первых высказал С. С. Алексеев. К числу дополнительных элементов он, в частности, относил «индивидуальные веления, направленные на казуальное регламентирование общественных отношений» и «акты органов государства, направленные на властную принудительную реализацию юридических обязанностей»[1]. Вслед за С. С. Алексеевым целая плеяда отечественных исследователей предприняла попытку теоретически обосновать и дополнить механизм правового регулирования новыми компонентами. В их числе, в частности, назывались «цели, предопределяемые юридическими средствами»[2], «модель правового отношения»[3], «нормативно-правовые общности»[4], «принципы права»[5] и т. д.

Другая группа ученых-правоведов призывала перенести акцент с традиционного статического аспекта механизма правового регулирования на его динамический аспект. Так, С. Ю. Чапчиков утверждает, что рассматриваемый феномен — «это комплексный процесс, а не застывшая совокупность раз и навсегда данных средств»[6]. Подобной точки зрения придерживается и А. А. Абра-

---

[1] *Алексеев С. С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. Москва, 1966. С. 38.

[2] См.: *Куликов М. А.* К вопросу о механизме правового регулирования и его элементах: телеологический подход к исследованию // Философия права. 2022. № 3 (102). С. 13.

[3] *Ковалева В. В.* Место и роль механизма правового регулирования в оптимизации правотворчества // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 215.

[4] *Демин А. А.* Механизм гражданско-правового регулирования: нормативные общности и юридические конструкции // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 5. С. 106.

[5] *Хорев А. А.* Принципы как элемент механизма правового регулирования производства по делам об административных правонарушениях // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 4. С. 148.

[6] *Чапчиков С. Ю.* Совершенствование механизма правового регулирования: некоторые теоретические и практические проблемы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 1 (68). С. 56.

мова, склонная видеть в механизме правового регулирования «нормативно-организованный, последовательно осуществляемый комплексный процесс, направленный на результативное воплощение правовых норм в жизнь»[1].

Ряд изложенных суждений представляется достаточно любопытным и требует в будущем более детальной теоретической разработки. Здесь же отметим и то, что мы во многом солидарны с теми исследователями, которые связывают поиск путей повышения эффективности правового регулирования с совершенствованием механизма правового регулирования. Вместе с тем мы полагаем, что успех данного мероприятия и главное направление научного поиска кроется не в «открытии» его новых элементов и не в «провозглашении» механизма процессом. Вопрос о совершенствовании механизма правового регулирования, на наш взгляд, это вопрос, прежде всего, о совершенствовании его основных традиционных элементов. В первую очередь, речь здесь должна идти о повышении качества юридических норм. Именно они являются ключевым элементом механизма правового регулирования.

Подобную постановку вопроса вряд ли можно назвать абсолютно новой для отечественной юридической науки. В то же время его решение мы склонны связывать с феноменом, потенциал которого, применительно к рассматриваемой проблеме, продолжает оставаться во многом недооцененным. Речь в данном случае идет о правовом компромиссе. Проведенные нами ранее исследования позволили прийти к выводу о том, что он представляет собой закрепленную в праве разновидность юридически значимого компромисса, отражающую степень достижения баланса интересов субъектов, полученную на основе взаимных уступок, посредством тех или иных видов юридической деятельности, влекущую юридические последствия. Идея согласования позиций сторон как применительно к конкретной жизненной ситуации, так и в отношении целых групп общественных отношений красной нитью проходит через все формы проявления компромисса. Она, как мы полагаем, может оказаться достаточно

[1] *Абрамова А. А.* Эффективность механизма правового регулирования: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 8.

продуктивной в сфере правового регулирования. Так, расширяя сферу использования компромисса, законодатель получает возможность существенно повысить эффективность правового регулирования.

Обращение к современной юридической литературе позволяет выделить два основных аспекта совершенствования юридических норм — количественный и качественный. При этом, как показывает анализ доступных юридических материалов, они, в большинстве случаев, рассматриваются в отрыве друг от друга. Правовой компромисс, в свою очередь, во многом уникален тем, что способен оказаться полезным в ходе оптимизации как общего количества юридических норм, так и их качества. Рассмотрим подробнее, каким образом это происходит.

Оптимизация количества юридических норм. Регулирование общественных отношений государство может осуществлять различными путями. Оно, например, в состоянии навязать субъектам определенную модель поведения посредством угрозы наказания. В иных ситуациях более продуктивным, как считает государство, может оказаться обещание поощрения. В любом случае, его требования облекаются в форму юридических норм, которые начинают оказывать заметное воздействие на поведение субъектов. Подход такого рода неоднократно демонстрировал и продолжает показывать достаточную эффективность, и отказываться от него сегодня вряд ли уместно. В то же время нельзя не заметить, что в рамках такого подхода наблюдается устойчивая тенденция роста общего числа норм права и, соответственно, количества нормативных правовых актов, в которых они закрепляются. В результате усложнение законодательного массива приводит к тому, что гражданам и должностным лицам становится все труднее найти нужную юридическую норму, чаще обнаруживаются юридические коллизии, возникает ощущение избыточности правового регулирования. На наличие проблем такого рода отечественные ученые-правоведы ранее уже обращали внимание и предлагали комплекс мер, направленных на их устранение[1]. К их числу, по

[1] См., например: *Толстик В. А.* Правовой тоталитаризм: стратегия правотворчества или движение по инерции? // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 759–763.

нашему мнению, следует добавить и расширение сферы использования правового компромисса. Он, конечно же, не в состоянии в корне изменить сложившуюся ситуацию, но способен в определенной мере ее улучшить. Мы исходим из того, что традиционное «навязывание» государством посредством права тех или иных конкретных моделей поведения не должно оставаться главным вариантом регулирования общественных отношений. В правовой сфере гражданам в ряде случаев должна быть предоставлена возможность сделать собственный ответственный выбор социально значимых шагов, сопряженный с четким пониманием его последствий. Речь в данном случае идет о так называемом праве на компромиссное поведение. Что же оно собой представляет?

Стремление людей к компромиссу, их способность договариваться друг с другом необходимо и целесообразно учитывать в государственно-организованном обществе. В первую очередь это касается субъектов правотворчества. Теоретически им ничто не мешает в самых разных сферах жизни общества дать людям право самостоятельно разрабатывать и находить выход из целого ряда конфликтных, спорных ситуаций. За государством же, в этом случае, остается лишь функция общего контроля за ситуацией. Так, далеко не все споры о разделе имущества между бывшими супругами, конфликты между работниками и работодателем имеет смысл выносить на судебное рассмотрение. Зачастую они могут быть оперативно разрешены путем переговоров между субъектами. При желании стороны имеют право воспользоваться услугами медиатора. Итоговое медиативное соглашение государство может утвердить через судебные органы в качестве мирового соглашения.

Нужно признать, что отечественный законодатель уже совершил целый ряд шагов, направленных на формирование права на «компромиссное» поведение в области гражданско-правовых, семейно-правовых, трудовых и иных отношений. Достаточно востребованными, как показала юридическая практика, оказались Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[1], Федеральный закон от 24 июля

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31, ст. 4162.

2002 года № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации»[1]. Определенные тенденции к признанию права на «компромиссное» поведение прослеживаются в современном уголовном праве[2].

Во многом это объясняется тем, что в целом ряде случаев традиционным юридическим нормам, содержащим конкретное правило поведения, не хватает «гибкости», столь свойственной, например, правовому прецеденту. В этой связи, строго подчиняясь велениям правового предписания, стороны нередко замечают, что диктуемый им нормой алгоритм поведения не является в данной ситуации оптимальным. Зачастую наиболее удачная линия поведения может быть выработана лишь лицами, которые оказались «погружены» в конкретную ситуацию, осведомлены, в отличие от субъектов правотворчества, про целый ряд ее важных нюансов. Именно здесь логичным представляется «вооружить» людей правом на компромиссное поведение, избавив тем самым законодателя от необходимости вникать в массу самых разных потенциально возможных жизненных случаев и создавать под них дополнительную «гирлянду» юридических норм. Реализация подобной идеи со временем может привести к сокращению массива действующего законодательства, к появлению у законодателя возможности сосредоточиться на создании действительно необходимых государству и обществу юридически норм. Отдельно подчеркнем, что расширение сферы использования права на компромиссное поведение в нашей стране весьма удачно подчиняется логике ее государственно-правового развития. В частности, статья 1 Конституции Российской Федерации провозглашает нашу страну правовым государством. Существование же последнего, в свою очередь, немыслимо без формирования гражданского общества, основой которого является активный, инициативный индивид, обладающий высоким

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3019.

[2] См., например: *Аликперов Х. Д.* Компромисс в борьбе с преступностью. Москва, 1999; *Терских А. И.* Компромисс в российском уголовном праве: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013; *Миндагулов А. Х.* Пределы допустимости компромисса в борьбе с преступностью // Государство и право. 2008. № 9.

уровнем правосознания и правовой культуры. В этой связи государству следует развивать и всемерно поддерживать самостоятельность и инициативу граждан, зарождающуюся в юридической сфере. Неразвитость же института права на компромиссное поведение и «ограничение таких регуляторов снижает потенциал гражданского общества»[1].

Нам могут возразить, что внедрение права на компромиссное поведение, напротив, будет способствовать увеличению количества юридических норм в массиве отечественного законодательства. Их придется создавать, например, для регламентации деятельности третейских судов, медиаторов, установления формы мировых сделок и медиативных соглашений и т. д. С подобным доводом вряд ли можно полностью согласиться. Во-первых, отмеченные нормы во многих случаях уже созданы и органично вошли в систему российского права. Если количество норм, закрепляющих право на компромиссное поведение и будет в ближайшее время увеличено, то в масштабах действующего законодательства оно не будет выглядеть существенным. Во-вторых, нужно понимать, что по мере развития правового государства будет наблюдаться значительное сужение сферы его деятельности. Оно, в частности, со временем отдаст на откуп гражданам такие области, как образование, семья, религия, экономика и т. д. Логично предположить, что и потребности в большом количестве правовых норм, детально регламентирующих эти отношения, не будет. Востребованными будут оставаться нормы, определяющие порядок разрешения социально значимых конфликтов. В силу того, что разрешение большинства из них будет отнесено к компетенции общества, можно предполагать, что нормы, закрепляющие право на «компромиссное» поведение, со временем станут составлять «ядро» действующего права.

Второй аспект проблемы оптимизации юридических норм связан с *совершенствованием их содержания*, поэтому можно поднимать вопросы, например, о процедуре приведения в соответствие идеи правотворческого органа и его словесной

[1] *Тихомиров Ю. А.* Новые векторы регулирования — «другое» право? // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 9.

формулировки, адекватности отражения в нормативной модели фактических условий жизни и т. п. Достаточно важными направлениями деятельности нам также представляются устранение двусмысленности формулировок и ошибок в содержании юридической нормы, восполнение пробелов в ее тексте.

Применительно к правовому компромиссу отметим, что расширение сферы его использования способно привести, по нашему мнению, и к существенному повышению общего уровня качества содержания правовых норм. В данном случае нас интересует иная, нежели право на компромиссное поведение, «грань» указанного феномена. В рассматриваемом контексте он выступает закрепленной в праве мерой согласования интересов субъектов.

Известно, что нормы права долго и эффективно функционируют тогда, когда, при относительно стабильной системе общественных отношений, адресаты оценивают их как оправданные и справедливые. В этом случае стороны поддерживают подобные правовые предписания, охотно им следуют, заинтересованы в их сохранении. Напротив, попытка реализации юридических норм, вызывающих недовольство населения, как показывает практика, существенно затруднена. Так, для примера достаточно вспомнить, сколько сложностей возникло в ходе осуществления правовых предписаний, касавшихся пенсионной реформы, вакцинации от COVID-19 и комплекса иных санитарно-ограничительных мер.

В этой связи логичным представляется напомнить законодателю, что право, как справедливо замечает В. И. Червонюк, возникает постольку, поскольку оно способно согласовать возникшие интересы, выступать выразителем конкурирующих, противоборствующих интересов, формой их признания, разграничения и защиты… Интересы субъектов социальной жизни могут быть учтены и согласованы в аспекте одинаково справедливой и формально равной для всех общеправовой позиции»[1].

---

[1] *Червонюк В. И.* Интерес как первопричина правообразования и доминанта изменений законодательства // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 205.

Результат такого согласования и отражает правой компромисс. В идеале он предполагает достижение баланса интересов субъектов. Добиться его — исключительно важная и сложная задача. В ходе ее решения перед исследователем может возникнуть целый ряд новых вопросов. Так, на первый взгляд может показаться, что законодателю в равной мере необходимо учитывать интересы всех субъектов. Например, очевидно, что нормы трудового права должны учитывать как позиции работника, так и работодателя, а нормы гражданского права — как покупателя, так и продавца. Однако стоит ли правотворческим органам задумываться, например, об интересах лиц, совершивших преступление? Требуется ли здесь руководствоваться исключительно заботой об интересах государства и общества?

Подобные вопросы достаточно сложны по своей природе. Очевидно, что правонарушитель продолжает оставаться гражданином, который обладает целым рядом интересов, однако в какой степени следует учитывать интересы подобного лица? Если государство начинает уделять им особое внимание, то тем самым оно вызывает недоумение со стороны законопослушных граждан. Кроме того, неоправданно «либеральное» отношение к правонарушителям порождает в их среде стереотип о «мягкотелости» государственной власти и собственной безнаказанности. С другой стороны, полное игнорирование интересов подобных субъектов также опасно. Подталкивая их к мысли о том, что право не столько инструмент защиты, сколько средство насилия и подавления, общество и государство, вместо перевоспитания правонарушителя, рискует стать «соучастником» формирования закоренелого профессионального преступника, спровоцировать дезорганизацию работы исправительных учреждений и т. п.

Перечень вопросов подобного рода может быть продолжен. Большинство из них требует проведения специального юридического исследования. Соответственно, представленная статья не может претендовать на их полное и детальное освещение. Ее главной задачей являлось обратить внимание ученых-правоведов и юристов-практиков на потенциал феномена правового компромисса в области оптимизации сферы правового регулирования, признания за ним статуса специфического инновационного средства.

УДК 343

Петрянин А. В.,
доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации

Оптимизация курса уголовной политики в области противодействия экстремизму

Определяя в названии статьи фактическую цель исследования, считаем целесообразным его начать с определения содержания следующих понятий: «оптимальный», «уголовная политика» и «экстремизм».

Словари русского языка толкуют термин «оптимальный» как наиболее благоприятный, то есть хороший, способствующий чему-то[1]. В этой связи, сразу же встает два вопроса, на которые необходимо ответить в рамках проводимого научного изыскания. Во-первых, хороший, то есть благоприятный курс уголовной политики в области противодействия экстремизму для кого или чего? Во-вторых, чему он должен способствовать?

Отвечая на первый вопрос, хотелось бы подчеркнуть следующее. Уголовная политика — это властно-юридический феномен, охватывающий законотворческие и правоприменительные решения, позволяющие, с учетом постоянно видоизменяющихся внутренних и внешних угроз, не только переоценить общественную опасность различных форм криминально-деликвентного поведения, но и предложить, а в перспективе и апробировать новые, эффективные уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, уголовно-исполнительные, криминалистические и иные юридико-технические инструменты противодействия.

Маркерами оптимизации уголовно-политического курса в противодействии экстремистской деятельности выступают опре-

[1] См.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: ок. 60 000 слов и фразеологических выражений / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 25-е изд., испр. и доп. Москва, 2008.

© Петрянин А. В., 2023

деленные к реализации направления, представленные в профильно-стратегических документах государства. К ним можно отнести Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»[1], Стратегию противодействия экстремизму[2], Стратегию национальной безопасности Российской Федерации[3].

Так, первый из указанных нормативных правовых актов сосредоточен на выявлении, предупреждении и пресечении преступлений с признаками экстремизма. Второй — на защите основ конституционного строя, общественного, государственного видов безопасности, а также прав и свобод граждан. Третий документ определяет долгосрочную стратегию в обеспечении национальной безопасности, относя экстремизм к одной из значимых угроз. На основании вышеизложенного приходим к выводу о том, что благоприятный курс уголовной политики в области противодействия любым проявлениям экстремистской деятельности видится в оперативном и симметричном реагировании на них всем арсеналом легитимных сил и средств.

Отвечая на второй вопрос, считаем, что курс уголовной политики, в первую очередь, должен способствовать снижению уровня протестных настроений, являющихся главной детерминантой мотивов ненависти или вражды и, как следствие, ядром любой экстремистской идеологии.

Говоря об оптимизации уголовной политики в рассматриваемой области правового регулирования, нельзя обойти стороной понятие «экстремизм», так как от правильного понимания его содержания напрямую зависит перспективная модель оптимизации уголовной политики в противодействии разноформатным экстремистским проявлениям. И здесь мы сталкиваемся с

---

[1] О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3031.

[2] Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: утв. Президентом Российской Федерации 28 ноября 2014 года № Пр-2753. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/ (дата обращения: 30.06.2023).

[3] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июня 2021 года № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27, ч. II, ст. 5351.

огромной методологической проблемой. Ее причина выражается в отсутствии законодательно закрепленного понятия «экстремизм». Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» его не только не закрепляет, но и предлагает рассматривать как синонимичные такие термины, как «экстремизм» и «экстремистская деятельность». Обращаясь к правилам грамматики и синтаксиса, приходим к выводу о недопустимости такого приема. Экстремизм — это идеология, а экстремистская деятельность — уже результат в виде совершения конкретных действий, основанных на конкретных идеях, что фактически подтверждается и характеристиками такого смежного деструктивного явления, как терроризм[1], поэтому, чтобы очертить возможный круг поведения, охватываемый определенной идеологией, необходимо сначала определить ее концептуальные признаки, что сегодня отсутствует в российском правовом пространстве. Кстати, об этом было сказано еще в 1993 году КС РФ в части недопустимости использования с экстремизмом однокоренных понятий без нормативного его объяснения[2]. Кстати, в перечне основных терминов Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, одной из целей которой является конкретизация положений Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», понятие экстремизма также не дано.

Вместе с тем в мировой и российской юридической науке присутствует значительное количество определений, раскрывающих это понятие. По одной из научных гипотез считается, что термин «экстремизм» в научный оборот ввел М. Лерой, определивший его как форму нелегитимной, насильственной, политической борьбы[3]. В последующем эту идею продвигали и другие

---

[1] О противодействии терроризму: федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11, ст. 1146.

[2] По делу о проверке конституционности указа Президента Российской Федерации от 28 октября 1992 года «О мерах по защите конституционного строя Российской Федерации»: постановление КС РФ от 12 февраля 1993 года № 3-П // ВСНД РФ и ВС РФ. 1993. № 9, ст. 344.

[3] См.: *Писаренко О. Н.* Экстремизм как социальное явление // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 9. С. 212–219.

ученые, насыщая экстремизм и другими характеристиками[1]. Полисемия подходов не позволила до настоящего времени выработать универсальное его определение, что, конечно же, создает проблемы в оптимизации курса уголовной политики в области противодействия исследуемому явлению. Отметим, что борьба за социальное, политическое и экономическое влияние, хотя и является существенной характеристикой экстремизма, но вместе с тем не единственной. Обусловлено это тем, что сегодня рассматриваемое понятие является аксиологическим и собирательным, что фактически подтверждается положениями статьи 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», где сосредоточен список запрещенных видов поведения, имеющих как существенные сходства, так и различия между собой. Причем этот список постоянно дополняется. С 2002 года, с момента принятия этого акта, в статью 1 уже было внесено значительное количество изменений, уточняющих либо расширяющих перечень запрещенных видов экстремистской деятельности.

Вместе с тем, анализ законодательных и доктринальных подходов дает основание утверждать, что экстремизм — это исключительно политизированное явление. Данная характеристика является наиболее характерным его признаком.

Не менее значимой его отличительной чертой должно стать более четкое определение сфер и групп общественных отношений, непосредственно страдающих или подвергающихся опасности экстремистских проявлений. Например, обратившись к примечанию 2 статьи 282[1] УК РФ, обнаруживаем, что законодатель определил лишь один конструктивный признак преступлений экстремистской направленности — мотив совершения общественно-опасного деяния, тем самым давая основание к признанию любого умышленного преступления экстремистским, что, с нашей точки зрения, является дискуссионным. В этой связи считаем целесообразным обратиться к выше рассмотренным нормативным правовым актам, определяющим курс государственной

[1] См.: Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / ред. кол.: В. И. Бородулин, А. П. Горкин [и др.]. Москва, 2001. С. 829; *Макаров Н. Е., Дондоков Ц. С.* Понятие и идеология экстремизма в современных условиях // Закон и армия. 2005. № 11. С. 56–57; и др.

политики в борьбе с экстремизмом. В преамбуле Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и целях Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года отмечено, что изучаемый деструктивный феномен создает угрозу конституционному строю Российской Федерации, государственной и общественной безопасности, а также правам и свободам граждан[1]. Полностью соглашаясь с законодателем, что именно эти сферы негативного воздействия и определяют еще одну конструктивную особенность экстремизма.

Еще одной не менее значимой характеристикой рассматриваемого явления выступает мотивация, детерминирующая противоправное поведение — ненависть или вражду, что подтверждается следующим высказыванием: если хотя бы один человек ненавидит другого, то ненависть переходя от соседа к соседу, заражает все общество[2]. На основании выделенных признаков считаем, что экстремизм — это идеология противоправной политической борьбы, обремененная мотивами ненависти или вражды, создающая угрозу причинения вреда или причиняющая вред конституционному строю Российской Федерации, государственной и общественной безопасности, а также правам и свободам граждан. Рассматривая предложенную дефиницию как научную гипотезу, тем самым не претендуя на исключительную правоту, считаем, что изложенная позиция как минимум позволит определить более четкие границы этого очень опасного феномена, тем самым открыть направления по более эффективной оптимизации курса уголовной политики в области противодействия экстремизму.

---

[1] О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3031; Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: утв. Президентом Российской Федерации 28 ноября 2014 года № Пр-2753. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/ (дата обращения: 30.06.2023).

[2] См.: *Борисов С. В., Жеребченко А. В.* Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности: монография / отв. ред. С. В. Борисов. Москва, 2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2023).

УДК 343.544

Петрянина О. А.,
кандидат юридических наук, доцент, начальник курса факультета переподготовки и повышения квалификации Нижегородской академии МВД России

Проблемы оптимизации уголовно-правового противодействия преступлениям, сопряженным с занятием проституцией

Проституция — сложное социальное явление, подрывающее основы семьи и как следствие — основы государственности. Осознавалось это на всех этапах развития человечества. С нашей точки зрения, основы противодействия этому девиантному явлению заложены в Библии, закрепившей основы добра, поведения и морали. В одной из десяти заповедей, представляющих собой базис в миропонимании, развитии и существовании человечества, сказано следующее: «Не прелюбодействуй», то есть не нарушай супружескую верность, тем самым признавая измену грехом[1]. Союз мужчины с женщиной представляет собой неотъемлемую часть любого современного общества, создающий основу для продления рода, ведения хозяйства, личного и коллективного развития. С учетом активно развивающихся и видоизменяющихся внутренних и внешних угроз, в том числе разрушающих семейные ценности и их нравственные начала, вопросы противодействия преступлениям, сопряженным с занятием проституцией, становятся все более актуальными. Подтверждается это и положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, поставившей на первое место в перечне национальных интересов Российской Федерации и стратегических национальных приоритетов — «сбережение народа России, развитие человеческо-

[1] См.: *Шпаков А. Е.* Проституция как объект криминологического исследования: дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 38.

© Петрянина О. А., 2023

го потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан»[1].

Обращаясь к ретроспективе развития уголовной политики в области противодействия преступлениям, сопряженным с занятием проституцией, подчеркнем, что опыт государственно-властной реакции на изучаемую форму криминально-деликвентного поведения был разным. Например, Соборное уложение 1649 года, криминализируя «блуд», предлагало рассматривать в качестве субъекта этого деяния исключительно замужнюю женщину, наказывая смертной казнью за такой проступок[2]. Полагаем, что суровость наказания обусловлена глубокой религиозной составляющей политики того времени и нарушением одной из основных заповедей.

В эпоху правления Екатерины II стали применяться более гуманные форматы ответственности за занятие, организацию или вовлечение в проституцию. В Указе от 6 мая 1736 года «О недержании в трактирных домах непотребных женщин» устанавливалось наказание за открытие помещений для удовлетворения сексуальных потребностей[3]. Лицо, уличенное в данном деянии, наказывалось штрафом и содержанием в смирительном доме.

В России также был момент легализации проституции. Николай I в 1843 году принял решение о разрешении заниматься проституцией. Для этого были утверждены правила для содержательниц борделей[4]. Все это породило открытие публичных домов по всей стране. Нижегородская область не стала исключением по причине нахождения на ее территории Нижегородской ярмарки с большим скоплением купцов. Проститутки именовались «ар-

---

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 7, ч. II, ст. 5351.

[2] См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 3 Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Москва, 1985. С. 77–78.

[3] См.: Устав благочиния, или Полицейский 1782 года // Законодательство Екатерины Второй. Т. 1. / отв. ред. О. И. Чистяков, Т. Е. Новицкая. Москва, 2000. С. 590.

[4] См.: *Зюбан М. Н.* Эволюция царской политики в отношении женской проституции // Известия АлтГУ. 2009. № 4-4. С. 89–92.

фистками». Кроме непосредственного оказания на возмездной основе сексуальных услуг, занимались кражами и вымогательствами у постояльцев публичных домов[1].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года видоизменило подход к девиантному поведению с признаками проституции. Оно закрепило шесть самостоятельных деяний, поместив их в главу «О преступлениях против общественной нравственности»[2]. Очень важно отметить, что наказанию за прелюбодеяние подвергалось не только лицо, которое оказало сексуальную услугу, но и субъект ее получивший. Считаем такой юридико-технический прием очень эффективным и способным существенно снизить уровень преступности, сопряженной с занятием проституцией сегодня. Объясняется это тем, что главной детерминантой поведения, нацеленного на оказание услуг сексуального характера, выступает наличие спроса, то есть причина вечного существования проституции фактически кроется в следующей, с нашей точки зрения, аксиоме — спрос рождает предложение, поэтому победить проституцию невозможно, но путем установления ответственности за получение сексуальных услуг на возмездной основе можно существенно снизить ее уровень. Видим эту модель государственно-властного реагирования эффективной для применения.

Уголовное уложение 1903 года продолжило ранее заложенный тренд в противодействии проституции[3]. Дополнительно в нем было криминализировано извлечение мужчиной материальной выгоды от занятия проституцией женщиной, которая находится под его влиянием, что подтверждает и экономическую детерминанту исследуемого явления.

В рамках следующего исторического этапа (советского периода) проституция была полностью запрещена. Уголовное за-

---

[1] См.: *Мельников А. П.* Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки: Столетие Нижегородской ярмарки (1817–1917). Нижний Новгород, 1993. С. 129.

[2] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург, 1845. С. 521.

[3] Уголовное уложение 1903 года // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. Москва, 1994. С. 315–316.

конодательство насыщалось целым комплексом норм, устанавливающих ответственность за принуждение к проституции, содержание притонов, сводничество[1]. Впервые в УК РСФСР 1922 года в официальный оборот введено понятие «проституция». Также заслуживают внимания УК РСФСР 1926 года и УК РСФСР 1960 года, установивших ответственность за понуждение несовершеннолетних к занятию проституцией[2]. Считаем востребованным и сегодня такую форму юридического реагирования в области противодействия рассматриваемому асоциальному явлению.

Современное уголовное законодательство, с учетом исторически накопленного опыта, включает в себя комплекс уголовно-правовых запретов, устанавливающих ответственность за совершение общественно-опасных деяний, сопряженных с занятием проституцией. В первую очередь это статьи 240 и 241 УК РФ. Ознакомление с ними показало наличие перспективного потенциала в дальнейшем развитии курса уголовной политики в изучаемом секторе правового регулирования, который может быть выражен в следующих юридико-технических решениях:

— статьи 240 и 241 УК РФ должны быть дополнены следующим квалифицирующим признаком: «*совершение преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление, связанное с эксплуатацией занятия проституцией третьими лицами*»;

— в статьях 240 и 241 УК РФ необходимо включить примечания, освобождающие от уголовной ответственности в случае добровольного прекращения вовлечения в занятие проституцией, организацию занятия проституцией, содержание притонов для занятия проституцией или систематическое предоставление по-

[1] Уголовный кодекс РСФСР 1922 года // Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917–1937 гг.). Москва, 1938. С. 251; Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года // Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917–1937 гг.). Москва, 1938. С. 352.

[2] Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917–1937 гг.). Москва, 1938. С. 367; Уголовный кодекс России (с постатейным материалом). с изм. и доп. на 25.01.1993. Москва, 1993. С. 23, 113, 125.

мещений для занятия проституцией и отсутствия в их действиях иного состава преступления;

— самостоятельной криминализации должны быть подвержены получение сексуальных услуг и занятие проституцией.

Подводя итог проводимому исследованию, подчеркнем, что проституция — это очень сложное социальное и правовое явление, имеющее экономическую мотивацию, поэтому уголовно-правовое противодействие преступлениям, сопряженным с занятием проституцией, должно включать в себя и механизмы подрыва экономических основ такого рода криминальных видов деятельности.

УДК 351:34.06

Плетников В. С.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург)

Немного о специфике юридико-технического регулирования в условиях реформирования российской государственности

Понятие «государственность» благодаря работам Л. А. Морозовой[1], А. С. Шабурова[2], О. Ю. Винниченко[3] и многих других юристов-исследователей сформировалось как комплексное понятие, которое характеризует состояние общества на конкретном историческом этапе. Выводы исследователей позволяют утверждать, что государственность — это система взаимосвязанных и взаимозависимых государственно-политических, социально-правовых, эконо-

[1] *Морозова Л. А.* Проблемы современной российской государственности: учебное пособие. Москва, 1998.

[2] *Шабуров А. С.* Теоретические проблемы российской государственности и правовой системы: учебное пособие. Курган, 2006.

[3] См.: *Винниченко О. Ю.* Российская государственность в контексте цивилизационного развития: учебное пособие. 2-е изд. Тюмень, 2008.

© Плетников В. С., 2023

мических, нравственно-этических, этнокультурных и иных компонентов, обладающих национально-духовной природой, национально-культурной ориентированностью, так как отражает накопленные данным народом духовные и иные социальные ценности. Современный этап развития российского государства (общества) имеет свои особенности, которые позволяют говорить о новой вехе в эволюционном развитии российской государственности.

При обращении к работам авторов, которые проанализировали особенности (черты) современной российской государственности, можем наблюдать следующее — современная российская государственность характеризуется:

— патернализмом, идеей обобществления (общинности), сильным государством[1];

— монархичностью, духовностью, общинностью, централизацией власти и управления, двойственностью[2].

Для того чтобы должным образом отнестись и правильно подойти к анализу современных тенденций, определению их влияния на российскую государственность, следует обратиться к истории и рассмотреть в динамике изменения представлений о государственности. Так, например, С. С. Алексеев пишет, что государственность с 1930-х годов понималась как партийно-идеологизированная власть; власть единая с идеями коммунизма; власть всесильная; власть, которой дозволено «все».

Состояние современного российского общества, особенности его организации и функционирования во многом зависят от тенденции цифровизации общественных отношений. При этом следует помнить, что это одна из множества тенденций, но именно она в условиях развития науки и техники устанавливает значительное количество требований, в частности к юридической деятельности, закладывает будущие характерные черты российской государственности.

---

[1] См.: *Шабуров А. С.* Теоретические вопросы российской государственности: материалы спецкурса. Екатеринбург, 1998.

[2] См.: *Малюгин С. В.* Теоретико-исторические аспекты определения государственности: понятие, типы, основные черты современной и российской государственности // Genesis: исторические исследования. 2015. № 4. С. 275–298.

Исследование цифровизации, ее места и роли в условиях российской государственности позволяет продолжить ряд, предложенный С. С. Алексеевым, и дает возможность продемонстрировать то новое, к чему стремится сегодня российское общество.

Цифровизация представляет концепцию деятельности человека, основанной на цифровых технологиях, внедряемых в разные сферы жизнедеятельности общества. Цифровая трансформация обеспечивает автоматизацию ручного труда, как следствие позволяет создавать цифровые продукты[1]. Фактически, речь идет о социальном прогрессе, но появление значительного числа цифровых сервисов не только в сфере экономики, как это изначально предполагалось, а также в государственном (муниципальном) управлении приводит к тому, что принципиальным образом меняются принципы взаимодействия между субъектами. В конечном итоге приводит к обезличиванию субъекта, в нашем случае — правового общения. Субъект предстает в качестве аватарки, никнейма, а в значительном числе случаев до сих пор обезличен. При этом государство осознало важность «цифры» в общественной жизни, поэтому создает все больше возможностей для человека вне непосредственного общения между людьми, заменяя его опосредованным взаимодействием, разрабатывает правила функционирования сети «Интернет».

В ближайшем будущем:

— при отсутствии должного внимания государства к вопросам регулирования цифровых отношений возможна вседозволенность со стороны всех и каждого;

— чрезмерное участие государства в регулировании общественных отношений на основах (принципах) цифровизации позволит государству одновременно при вседозволенности (при наличии специальных технических средств и программ) для отдельных групп субъектов быть всесильным в отношении основной массы законопослушных граждан. Баланс, компромисс в данных вопросах есть залог достижения качественного результата, который возможен только при понимании природы юридико-технического регулирования и его специфики.

---

[1] См.: Юридическая ответственность в сфере цифровых технологий: учебное пособие / под ред. В. С. Плетникова. Москва, 2022.

При этом надо понимать, что правовое регулирование цифровизации — только небольшая часть проблемы, которая лежит на поверхности. На практике проблема зарождается в начале и формируется в середине XX века — с появлением государственных стандартов, когда государство включило в сферу своих интересов производственные стандарты (нормы, регулирующие отношения человека с техникой) и предусмотрело за их неисполнение (нарушение) применение мер юридической ответственности.

Сегодня в российском обществе насчитываются десятки тысяч стандартов, часть из которых содержит только технические требования к результатам работ или оказанию услуги, а другая часть — относится к юридико-техническому регулированию, которое осуществляется на основе юридико-технических (А. Б. Венгеров[1]) / технико-юридических (А. Ф. Черданцев[2]) норм.

В современных условиях технико-юридические нормы (их природа) в отличие от норм юридических остаются за пределами понимания субъекта правотворчества, хорошо знакомого с требованиями, предъявляемыми к созданию норм права, но не имеющего должного понимания специфики юридико-технического регулирования, а эта специфика во многом обусловлена природой правового предписания, которое используется в юридико-техническом регулировании — это, как правило, бланкетные, декларативные, охранительные нормы. Следовательно, если законодатель воздействует на охранительно-бланкетную норму права, отменяя или приостанавливая ее действие, он должен четко осознавать, что тем самым он лишает возможности значительное число субъектов чувствовать себя в безопасности. Поскольку существующие в отрыве от основного правового установления технические предписания, призванные создать безопасные условия, не имеют «силы» воздействовать на членов общества. И наоборот, юридическая часть технико-юридической нормы, имея силу, без стандартов не имеет возможности должным образом воздей-

---

[1] *Венгеров А. Б.* Теория государства и права: учебник для юридических вузов. 3-е изд. Москва, 2000. С. 181.

[2] *Черданцев А. Ф.* Понятие технико-юридических норм и их роль в формировании общественных отношений // Советское государство и право. 1964. № 7. С. 134–138.

ствовать на общественные отношения. Особенно ярко это прослеживается в тех случаях, когда при бездействии технических норм возникает возможность получения сверхприбыли.

Примером является ситуация с постановлением Правительства Российской Федерации от 12 марта 2022 года № 353[1] в приложении № 18, к которому предписано, в течение определенного периода не применять три группы правил, связанных с работой аккредитованных испытательных лабораторий по декларированию и сертификации. При этом указанное постановление Правительства Российской Федерации не содержит разъяснений, каким образом должно происходить признание недействительными протоколов испытаний, выданных испытательными лабораториями, а также — каким образом регистрируются, приостанавливаются, возобновляются, прекращаются и признаются недействительными декларации/сертификаты[2].

Действие юридической части юридико-технического регулирования приостановлено, технические требования действуют, но повлиять непосредственно на качество продукции не могут. В такой ситуации производитель, несмотря на технические требования, начинает производить продукцию более низкого качества (в надежде, что это останется незамеченным) в целях получения большей прибыли. Фальсификат становится нормой, возрастает риск причинения вреда обществу.

Другой пример приводит В. Б. Исаков, когда обращает внимание на эксплуатацию скоростных поездов «Сапсан» на трассе Москва — Санкт-Петербург и специально уложенные японские рельсы. В конечном итоге оказалось, что «отличные рельсы и за-

[1] Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации в 2022 году: постановление Правительства Российской Федерации от 12 марта 2022 года № 353 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 12, ст. 1839.

[2] Подробнее см.: *Плетников В. С., Плетникова М. С.* Правовые последствия реформирования законодательства в условиях современной отечественной государственной политики: дефекты правового регулирования и отношение к ним // Правовые последствия: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 26–27 мая 2022 года) / под общ. ред. В. А. Толстика. Нижний Новгород, 2022. С. 341–346.

мечательный электропоезд, соединенные вместе вне системных требований единых технических стандартов, создают не новое высокое качество, а новую более высокую угрозу»[1].

И, наконец, сфера образования, которая не является исключением. Сегодня в данной сфере проблемы юридико-технического регулирования и реформирования российской государственности соединились воедино. Как известно, с августа 2022 года в России под патронажем Министерства науки и высшего образования России, Российского общества «Знание», реализуется проект «ДНК России», целью которого является разработка и внедрение учебно-методического комплекса для нового образовательного курса «Основы российской государственности». В современных условиях курс нужный, необходимый. Как уверяют организаторы, для его реализации будут внесены соответствующие изменения в федеральные государственные образовательные стандарты, но вот незадача, учебно-методический комплекс, федеральные государственные образовательные стандарты и Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»[2] не работают в той связке, которую предлагают общественности представители Экспертного института социальных исследований. Модель правового регулирования, предусмотренная федеральным законом, иная. Она предполагает, что федеральные государственные образовательные стандарты являются частью системы образования (ст. 10), содержат требования, необходимые для реализации образовательной программы (ст. 11). И в сумме закон и стандарты формируют систему технико-юридических норм, то есть они выступают в качестве основы юридико-технического регулирования отношений в сфере образования. При этом учебно-методический комплекс есть результат реализации права автономии, закрепленного за образовательной организацией в статье 28 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ. Образовательная организация при реализации образовательных программ свободна в определении содержания образования, в выборе учебно-методического обеспечения. Ко-

[1] *Исаков В. Б.* Взаимодействие юридических и технических норм в экономике России: Материалы проектно-аналитической деловой игры. Москва, 2012.

[2] Российская газета. 2012. 31 декабря.

нечно, можно предположить, что погружение органов публичной власти в юридико-техническое регулирование сферы образования будет глубже и Министерство науки и образования России предложит примерные рабочие программы, но никак не учебно-методические комплексы. По крайней мере, не на данном этапе развития общественных отношений. Еще раз, идея правильная, она даже заставила задуматься о государственности представителей неюридических вузов, но есть одно большое «но»…

Юридико-техническое регулирование имеет свою специфику с точки зрения процедуры. И эта процедура в условиях реформирования российской государственности требует фиксации. Как минимум необходимо достаточно подробно прописать последствия отмены органом публичной власти юридической части юридико-технического регулирования, поскольку, отменяя юридическую часть, законодатель часто оставляет без изменений норму техническую, причем без уточнения, что с ней делать. Она продолжает действовать или прекращает свое действие? Ответа нет. Каждый раз приходится гадать и надеяться, что иных правовых установлений, связанных с системой технических норм, больше нет.

Требует внимания и порядок разработки системы технико-юридических норм. Необходимо нормативно установить, что первично юридическое или техническое начало, с чего необходимо начинать составление технико-юридической нормы — с создания правового установления, технического регламента/стандарта или они должны создаваться одномоментно?

Отдельным пунктом стоит вопрос об индивидуальном регулировании. Современная практика складывается однозначно не в сторону юридико-технического регулирования, в процессе судебного разбирательства приходится с сожалением констатировать, что в значительном числе случаев правоприменитель даже не обращает внимания на отсылки участников судебного разбирательства к технико-юридическим нормам. Правда, за небольшим исключением, как например, это было в процессе разбирательства, связанного с пожарами в «Белой лошади» и «Зимней вишне». В резонансных делах, как показывает практика, сразу находятся субъекты, которым адресован тот либо иной ГОСТ, СНиП и так далее. Правоприменитель должен понимать, что техническая часть юридико-технического регулирования имеет не

меньшее, а в ряде случаев даже большее значение, чем юридическая норма, и руководствоваться технико-юридическими нормами в том же объеме, что и нормами права.

В случае если уполномоченный, компетентный орган или лицо решат уменьшить объем юридико-технического регулирования, будет не достаточно создать еще одну норму права. Потребуется как минимум их система, но и в данном случае технические нормы будут необходимы. Правда, при этом еще придется смириться и с тем фактом, что в совокупности с уже действующими новая норма предоставит большую свободу индивиду в выборе форм реализации, в отличие от технического предписания. Субъект будет иметь больше выбора, но при увеличении свободы необходимо уточнение возможностей применения мер государственно-правового принуждения. И это закономерно. В ином случае добиться желаемого результата не представляется возможным. Технико-юридические нормы детализируют поведение субъекта, предупреждая его о возможных трудностях в общении с обществом, недопустимости совершения отдельных действий. Их отсутствие подразумевает высокий уровень сознательности субъекта. При этом государство, отказываясь от предупреждения (уменьшая его объем), должно обеспечить стабильность общественного развития и государственно-правовое принуждение есть единственное и последнее средство в данной цепи.

Примером, демонстрирующим связь правового и технического регулирования, является Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[1]. Здесь законодатель установил границы допустимых фактических действий субъекта — индивидуальные акты, возникающие в деятельности отдельного субъекта, не должны выходить за границы данных ценностей. При этом пока нет ясности: где проходят данные границы; как реагировать на действия субъектов, которые в своей деятельности не будут в полном объеме придерживаться указанных положений; как мотивировать субъекта на сохранение

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46, ст. 7977.

данных ценностей. Необходимо, помимо государственной политики и нормативного регулирования, определить, например, в рамках методических рекомендаций конкретные параметры (количество, размеры, объемы и т. д.), которые позволят укрепить традиционные ценности, хотя бы в области образования.

Изменения в обществе, в организации и функционировании государства на современном этапе развития российской государственности соответствующим должным образом восприняты властьимущим субъектом. Государственно-властные субъекты обязаны обратить пристальное внимание на юридико-техническое регулирование, иначе усложнение общественных отношений и правовое развитие общества будут идти параллельными курсами и не позволят обеспечить социальный прогресс.

УДК 34

Пожарский Д. В.,
доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России (г. Москва)

Соотношение дефектности и дисфункциональности в контексте оптимизации функций государства и правового регулирования

Институты публичной власти и правовые средства являются наиболее эффективными социально-политическими инструментами, при помощи которых государство функционирует. Взрывной рост скорости перемен, вызванных прорывным развитием цифровых технологий, объем и темпы социальных инноваций[1], возникновение новых рисков и угроз влекут изменения в системе функций государства, неизбежно порождая увеличение диапазона публичного управления и правового регулирования.

[1] См.: *Шестакова И. Г.* Человек и социум в темпоральности цифрового мира: автореф. дис. … д-ра филос. наук. Воронеж, 2020. С. 3.

© Пожарский Д. В., 2023

На современном этапе государство приобретает качества, чрезвычайно расширяющие его функциональные свойства. Оно трансформируется в полицейское государство. Пытается использовать право для решения самого широкого спектра стоящих пред ним задач и формирует особый тип права — полицейское право[1]. Этот процесс характеризуется любопытной особенностью — количественные показатели публичного управления и правового регулирования (нормотворчества и применения права) практически прямо пропорциональны их качественным характеристикам. Количество юридических дефектов увеличивается…

Исследование ценностного содержания права является одной из преобладающих стратегий современного правоведения. При этом зачастую забывается, что существует другая альтернатива, а именно отсутствие желаемого качества правовой жизни, выступающее следствием нарушений в его функционировании[2].

Этой проблеме посвящена Информация КС РФ «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений КС РФ 2013–2015 годов)»[3], подготовленная Секретариатом КС РФ и одобренная решением КС РФ от 23 июня 2016 года. В документе отмечается, что нарушение основополагающих принципов правового регулирования с неизбежностью ведет к появлению различного рода дефектов нормотворчества (недостатки систематизации, фрагментарность, коллизионность, юридико-технические недочеты) и нередко оборачивается неконституционностью нормативного регулирования, а также значительно увеличивает риски неконституционного правоприменения — применения нормы в смысле, расходящемся с конституционным[4].

---

[1] См.: *Клименко А. И.* Дисфункции правовой идеологии и их причины // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 140.

[2] См.: *Дамирли М. А.* Правовая дисфункция: понятие, виды, проявления, причины и пути преодоления // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 2 (19). С. 14.

[3] URL: http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/AspectsKS_2015.aspx (дата обращения: 20.05.2023).

[4] См. там же.

Таким образом, обретение оптимальной для каждого исторического этапа национальной модели публичного управления и правового регулирования, прежде всего, предполагает выявление и понимание препятствий, возникающих в процессе «работы» политических и юридических средств достижения социально значимых задач. Своей актуальностью проблема оптимизации права во многом обязана стремлению преодолеть дисфункциональные свойства социального управления, в том числе публичной власти и правового регулирования…

Термин «дисфункция» введен в оборот американским социологом Р. Мертоном для того, чтобы опровергнуть распространенное положение о том, что каждый институт социальной системы априори содействует ее существованию и целостности. Государство и право вполне «вписываются» в теорию Р. Мертона и, быть может, более удачно, чем иные социальные институты. Располагая аппаратом управления, опираясь на принуждение, государство и право объективно представляют собой «источник повышенной опасности» для общества — системы более высокого порядка. Реалистичный взгляд на государство и право без особого труда позволяет в их функционировании как созидательные, так и разрушительные последствия. С этой точки зрения функциональные и дисфункциональные проявления как в публичном управлении, так и правовом регулировании представляют собой стороны единых, целостных феноменов, в первом случае — государства, во втором — права. Размышляя о соотношении дефектов и дисфункций в публичном управлении и правовом регулировании, следует обратить внимание на имеющиеся в науке попытки сформулировать понятия исследуемых феноменов.

Например, М. А. Дамирли под правовой дисфункцией понимает отсутствие определенных качественных характеристик в социально-правовой жизни общества, в правопорядке, в частности, выявляемое через измерение нарушений в функционировании права, когда право не может полностью или частично реализовывать свое социальное назначение, свои функции и роль в социальной системе[1].

[1] *Дамирли М. А.* Правовая дисфункция: понятие, виды, проявления, причины и пути преодоления // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 2 (19). С. 16.

И. П. Кожокарь определяет технико-юридические дефекты как недостатки (несоответствие стандарту качества) социальной значимости, содержания, внешней формы и структуры норм права, а также нормативно-правовых актов, приводящие к снижению эффективности, неэффективности либо антиэффективности нормативно-правового регулирования общественных отношений[1].

Мы полагаем, что дисфункции и дефекты в публичном управлении и правовом регулировании не являются тождественными явлениями (свойствами). Дефекты — частный случай в правовой системе — это недостаток (упущение, недочет) в юридическом средстве, правовой конструкции, к примеру, в норме права, влекущий снижение эффективности правового регулирования. При этом дефект не парализует правовое воздействие в целом. Он не блокирует действие и не разрушает механизм правового регулирования.

Дисфункция — свойство более разрушительное. Дисфункция обесценивает государство и право. Это деструктивные проявления публичного управления и правового регулирования, препятствующие достижению социально значимых целей и интересов, разрушающие правопорядок и подрывающие безопасность общества. Сделаем оговорку. Дисфункции публичного управления и правового регулирования здесь рассматриваются в единстве по вполне понятным причинам. Дело в том, что функциональные свойства государства и права нельзя рассматривать в отрыве друг от друга в силу известного единства права и государства.

В заключение отмечу, что дефекты в правовом регулировании выступают следствием дисфункциональности государства, однако с точки зрения одного из законов диалектики (имею в виду трансформацию количественных изменений в качественные), достигая определенной критической массы, «точки невозврата», они способны порождать дисфункции государства. Например, нормотворческие дефекты в области экономического законодательства заставляют все большее количество хозяйствующих

[1] *Кожокарь И. П.* Технико-юридические дефекты в российском праве: дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 2020. С. 11.

субъектов искать защиты в других юрисдикциях[1]. В свою очередь подрывает, обесценивает значение, ценность охранительной функции государства.

УДК 34

Поляков С. Б.,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Есть ли функция у понятия «оптимизация правового регулирования»? (на примере новелл регулирования адвокатской деятельности)

Наиболее употребимое значение слова «оптимизация» — процесс достижения наилучшего качества чего-либо. Сразу же возникает вопрос о том, какой результат и кто именно хочет достичь. Что понимать под качеством объекта или метода, желаемого по итогу оптимизации?

В результате ответов на эти вопросы слово «оптимизация» приобретает своеобразные значения. Например, в трудовом коллективе появление слова «оптимизация» предшествует его сокращению. Призывы к оптимизации часто сопровождают отказ в ресурсах достижения или хотя бы сохранения требуемого результата. «Денег нет, но вы держитесь».

В дефинициях понятия «оптимизация» присутствует указание на цель осуществляющего ее лица.

Если право считать объективированным выражением разума, тогда можно рассуждать о цели обладателя этого разума и соот-

[1] URL: http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/AspectsKS_2015.aspx (дата обращения: 20.05.2023).

© Поляков С. Б., 2023

ветственно об оптимальности создаваемого им права, но носителя такого высшего разума никто не видел, а надо еще найти супервысшего критика носителя высшего разума в достижении им оптимальности разума.

До тех пор, пока не найдут носителя высшего разума в правовом регулировании и его мудрого критика, термин «оптимизация правового регулирования» будет оружием профессоров, руководствующихся, как писал И. Бентам, противоположным принципу пользы произвольным принципом (или принципом симпатии и антипатии), который «состоит в том, чтобы одобрять или осуждать что-либо на основании непосредственного чувства, не руководясь при суждении никакой другой причиной, кроме самого суждения. <…> Деяние признается хорошим или дурным не потому, что оно соответствует или противоречит интересам тех лиц, которых оно касается, а потому, что оно нравится или не нравится произносящему суждение. Он произносит свой приговор полновластно, не допускает никаких возражений и не считает себя обязанным оправдать свое чувство какими-нибудь соображениями, относящимися к благу общества»[1].

В отсутствие объективного содержания понятие «оптимизация правового регулирования» встанет в ряд юридических понятий с пустым содержанием, которые основательно описываются В. М. Барановым[2].

В действительности правовое регулирование возникает по законодательной инициативе субъекта, стремящегося возвести свои субъективные интересы до реализации в виде цели, объективируемой в законопроекте, но еще не как достигнутый в действительности результат, а как желаемый обществом, если законопроект станет законом.

Как писал Д. Белл, «экономическая и социальная жизнь — это игра между людьми, прогнозирование которой имеет дело со

[1] *Бентам И.* Принципы законодательства // *Юм Д.* Опыты; *Бентам И.* Принципы законодательства: о влиянии условий времени и места на законодательство: руководство по политической экономии. Москва, 1896. С. 10.

[2] См.: *Баранов В. М.* Позитивная юридическая ответственность: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника: монография. Москва, 2022.

стратегиями, диспозициями и ожиданиями, изменяющимися в ходе того, как индивиды стремятся — либо сотрудничая, либо находясь в антагонистических отношениях с другими индивидами — увеличить собственные преимущества»[1].

Обсуждение законопроекта — это игра между социальными группами людей с противоположными интересами. У противоборствующих разные цели, то есть представления о том, что они хотят получить в результате правового регулирования. Соответственно, разные представления об оптимизации правового регулирования. «Вы делаете вид, что платите, мы делаем вид, что работаем».

Для игры на поле законотворчества правила оптимизации, то есть процесса достижения противоположных или различающихся целей, равняются отсутствию всяких правил.

В то же время в юридической науке есть измеряемые понятия эффективность и качество нормативного правового акта (далее — НПА).

Эффективность НПА определяется соотношением между фактическими результатами его действия и теми социальными целями, для достижения которых он был принят, то есть тем, достигнута ли цель НПА[2]. Оценить таким проверяемым и достоверным способом эффективность НПА можно только по прошествии времени, часто значительного, после его принятия.

Другое дело, что в некоторых НПА не указывается цель его принятия либо цель не выражена как измеряемый результат. В таком случае он изначально неэффективен[3], поэтому проект НПА без указания измеряемой цели регулирования может быть объективно оценен отрицательно. По распределению в таком проекте прав и обязанностей можно объективно определить его истинные цели и лукавство в их сокрытии.

---

[1] *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Москва, 2004. С. 286.

[2] Эффективность правовых норм / В. П. Кудрявцев [и др.]. Москва, 1980; *Поленина С. В.* Качество закона и эффективность законодательства. Москва, 1993; Эффективность закона: методология и конкретные исследования. Москва, 1997; *Тихомиров Ю. А.* Эффективность закона: от цели к результату // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 3–9; и др.

[3] *Самохина Е. Ю.* Правовая экспертиза целей закона // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 626–631.

В научных работах можно выявить две группы требований к качеству нормативных правовых актов: «социальная адекватность» и «юридическая адекватность» НПА[1].

Из характеристик этих требований, положений части 8 статьи 213, части 2 статьи 215 КАС РФ, Методических рекомендаций по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 31 мая 2012 года № 87 можно определить предмет экспертизы проектов НПА:

1) социальная адекватность НПА:

— изменение прав, обязанностей, запретов между субъектами отношений, подвергаемых регулированию проектом НПА;

— наличие / отсутствие исследований закономерностей и прогноза общественного развития вследствие изменения прав, обязанностей, запретов между субъектами права специалистов в соответствующей сфере регулируемых общественных отношений: экономистами, экологами, демографами и т. д.);

— обоснованность изменения иерархии ценностей, установленной Конституцией Российской Федерации и законами;

2) наличие/отсутствие юридико-технических дефектов — нарушения:

— компетенции органа по изданию НПА;

— системности законодательства, непротиворечивости с НПА, имеющими большую юридическую силу;

— лингвистической определенности текстов НПА и их проектов;

— обоснованности оценочных понятий;

— определенности в нормативно-правовой графике и др.

---

[1] *Талянин В. В.* Качество закона как фактор повышения «социальной престижности» правовой законности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право. 2001. № 1. С. 209; *Байтин М. И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Москва, 2005. С. 381; Качество закона и проблемы юридической техники. Обзор научной-практической конференции // Журнал Российского права. 2008. № 2. С. 152; *Толстик В. А.* Некоторые проблемы обеспечения социальной адекватности закона // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 158–161; и др.

Особый предмет экспертизы проектов НПА — коррупциогенные факторы, установленные Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96[1] во исполнение Федерального закона от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»[2].

Для примера использования указанных критериев качества закона приводятся некоторые положения заключения правовой экспертизы на проект Федерального закона № 301952-8 «О внесении изменений в Федеральный закон "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации"» (далее — Проект), однако не видно, как для этой экспертизы можно использовать понятие оптимальность правового регулирования.

Для определения изменений прав, обязанностей, запретов между субъектами регулируемых отношений использован, прежде всего, метод конструирования логических норм права из текстов объектов исследования путем анализа текстов и синтеза из них логических норм права со встречными предписаниями по предоставительно-обязывающему характеру правовых норм.

Формально-догматический и сравнительный методы исследования новой и изменяемой нормы права позволяют определить изменение объемов и содержаний структурных элементов сравниваемых норм, что на основании правил формальной логики о понятиях позволяет делать объективные выводы о взаимном ограничении или увеличении прав, обязанностей, запретов. «А вот по тому, каким субъектам и в каком объеме действующим законодательством предоставлены права и возложены обязанности, можно достаточно отчетливо судить о том, чьи интересы и в каком объеме выражает содержание действующего права, а это, как известно, не что иное, как основной показатель сущности права»[3].

---

[1] Российская газета. 2010. 5 марта.

[2] Российская газета. 2009. 22 июля.

[3] *Толстик В. А., Трусов Н. А.* Борьба за содержание права. Нижний Новгород, 2008. С. 37.

Выводы о социальной адекватности выявленных изменений логических норм права (обоснованности изменений) делаются на основании наличия или отсутствия указания инициаторами законопроекта социологических методов исследований и результатов их применения для обоснования предлагаемых изменений (в пояснительной записке и иных документах).

Заявленная в пояснительной записке к законопроекту его цель — повышение гарантий реализации предусмотренного статьей 48 Конституции Российской Федерации права граждан на получение квалифицированной юридической помощи — не соответствует содержанию Проекта, в котором нет норм, улучшающих положение граждан, нуждающихся в получение квалифицированной юридической помощи.

С другой стороны, во вред доверителям:

— изменение пункта 2 статьи 6 Закона пунктом 1 статьи 1 Проекта, поскольку установление компетенционной нормы для федерального органа юстиции: утвердить требования к заполнению и оформлению форму ордера, — может иметь последствием неисполнение или неточное исполнение новых надуманных обязанностей адвокатом, а далее недопуск в дело адвоката, представляющего интересы доверителя;

— запрет адвокату и доверителю включать в соглашение об оказании юридической помощи направление адвокатского запроса, устанавливаемый дополнением пункта 1 статьи 61 Закона подпунктом «а» пункта 2 статьи 1 Проекта. Хотя из-за недостатков правотворческой юридической техники авторами Проекта такой запрет является ничтожным, он показывает цель вводимой нормы избавить органы публичной власти и организации от исполнения адвокатских запросов в интересах доверителей;

— в тех же целях подпунктами «б» и «в» пункта 2 статьи 1 Проекта устанавливаются дополнительные альтернативные условия для возникновения права отказать адвокату в предоставлении запрошенных сведений по его запросу, выраженные оценочными понятиями, применяемыми управомоченным субъектом.

За повышение гарантий реализации прав граждан органами исполнительной власти часто выдается расширение нормативного регулирования деятельности тех, кто реально реализует

права граждан. Это основано на представлении о том, что права граждан не являются непосредственно действующими, хотя это и установлено статьями 17 и 55 Конституции Российской Федерации, а даруются государством, возникают в результате правового регулирования подзаконными нормативными правовыми актами.

Расширяют правомочия Федерального органа юстиции для произвольного правового регулирования с соответствующими обременениями без обоснования реальных потребностей в социологических исследованиях

— пункт 2 статьи 6 Закона в редакции пункта 1 статьи 1 Проекта в части компетенционной нормы для федерального органа юстиции: утвердить форму ордера, требования к его заполнению и оформлению. Поля формы ордера, утвержденного приказом Минюста России от 10 апреля 2013 года № 47, просты в уяснении того, какие сведения в них должны быть внесены, что исключает необходимость каких-либо дополнительных требований к его заполнению и оформлению; а также в части установления обязанности Совета Федеральной палаты адвокатов утвердить порядок изготовления, выдачи и хранения ордеров;

— пункт 9 статьи 1 Проекта установлением в пункте 8 статьи 15 Закона согласования федеральным органом юстиции определения Федеральной палатой адвокатов порядка изменения адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации;

— подпункт «б» пункта 11 статьи 1 Проекта дополнением пункта 2 статьи 17 Закона подпунктом 6 устанавливает новое основание (альтернативный юридический факт) для прекращения статуса адвоката, связанное с внесением сведений территориальным органом юстиции в Единый государственный реестр при изменении адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта Российской Федерации и уведомлением адвокатской палаты другого субъекта Российской Федерации о приеме этого адвоката в члены адвокатской палаты (п. 9 ст. 15 Закона по Проекту). Это основание, ухудшающее положение адвокатов, по буквальному содержанию пункта 9 статьи 15 и подпункта 6 пункта 2 статьи 17 Закона по Проекту является действиями территориаль-

ных органов юстиции и советами адвокатской палаты, то есть самое строгое дисциплинарное наказание адвоката назначается не за действия наказуемого;

В то же время Проект не содержит каких-либо обязанностей Федерального органа юстиции, подготовившего Проект, в пользу граждан, адвокатов, адвокатских палат и иных лиц. Тем самым подтверждается известное: «В процессе бюрократизации властный субъект перестает в своей профессиональной деятельности ориентироваться на ту цель, для которой он создан, и начинает работать на сохранение и упрочение своего статуса, учитывая в первую очередь свои собственные интересы»[1]. «Максимализация масштабов и сферы контроля при минимизации ответственности — вот бюрократический идеал»[2].

Расширение вмешательства Федерального органа юстиции в адвокатскую деятельность противоречит принципам независимости, самоуправления, корпоративности адвокатуры (ст. 3 Закона), то есть без обоснования изменяется изначально установленная иерархия ценностей (принципов права), что является дефектом социальной адекватности закона.

Вопреки смыслу правового регулирования, предназначенного для предупреждения и разрешения конфликтов, создаются условия для возникновения юридических конфликтов:

— подпунктом «а» пункта 6 статьи 1 Проекта изменением пункта 1 статьи 11 Закона разделяется существующее единое правомочие Совета Федеральной палаты адвокатов на разработку и утверждение Положения о порядке сдачи квалификационного экзамена и оценки знаний претендентов на два, при котором утверждение передается Федеральному органу юстиции;

— пунктом 9 статьи 1 Проекта изменением редакции пункта 8 статьи 15 Закона по Проекту ограничены правомочия Федеральной палаты адвокатов в определении порядка изменения адвокатом членства в адвокатской палате одного субъекта Россий-

---

[1] *Протасов В. Н.* Иррациональные методы властвования как инструмент самосохранения и экспансии бюрократически организованных систем управления // Государство и право. 2017. № 10. С. 56.

[2] *Оболонский А. В.* Бюрократия и бюрократизм (К теории вопроса) // Государство и право. 1993. № 12. С. 97–98.

ской Федерации на членство в адвокатской палате другого субъекта Российской Федерации вводимым согласованием федеральным органом юстиции без обоснования социальной адекватности созданной конкуренции органов. Такое возрастание государственного вмешательства в деятельность адвокатуры создает предпосылки конфликтов между двумя субъектами правомочий, ранее находившихся в компетенции одного субъекта (всеобщий закон развития противоречия: тождество — различие — противоположность — конфликт);

— пункт 15 статьи 1 Проекта изменяет пункт 2 статьи 29 Закона и создает для адвокатских палат обязанность утвердить Уставы. Встречное предписание и санкция за неисполнение обязанности не вводится (п. 3 ст. 2 Проекта), что порождает правовую неопределенность в вероятных конфликтах, связанных с ненадлежащим исполнением вводимых юридических обязанностей, притом что в настоящее время таких конфликтов нет и быть не может.

Социально неадекватными (необоснованными социологическими исследованиями и их результатами) являются также:

— абзац первый пункта 1 статьи 9 Закона в редакции пункта 4 статьи 1 Проекта и абзац первый пункта 2 статьи 10 Закона в редакции пункта 5 статьи 1 Проекта дополнениями оснований запрета на допуск претендентов к квалификационному экзамену, соответственно, ограничения численности адвокатского корпуса;

— пункт 9 статьи 1 Проекта в части ликвидации реестров адвокатов субъекта Российской Федерации и введения Единого государственного реестра адвокатов;

— подпункт «г» пункта 11 статьи 1 Проекта, дополнением пункта 5 статьи 17 Закона устанавливающий новый запрет для советов адвокатских палат и адвокатов на разрешение конфликта в досудебном порядке или до рассмотрения жалобы адвоката Федеральной палатой адвокатов, что противоречит смыслу правового регулирования по устранению конфликтов, выражающемуся в юридических институтах мировых соглашений, досудебного урегулирования споров, медиации. Вводимый запрет, противоречащий интересам обоих сторон правоотношения, исключает возможность освобождения судов и Федеральной палаты адвокатов от обязанностей по рассмотрению фактически разрешенных спо-

ров. Таким образом, подпункт «г» пункта 11 статьи 1 направлен на ухудшение положения лиц, для которых установлены обязанности (суд, Федеральная палата адвокатов) и вводятся новые запреты (адвокаты, советов адвокатских палат) без улучшения правового положения кого-либо, то есть противоречит смыслу правового регулирования.

Финансово-экономическое обоснование к указанному проекту в виде утверждения, что его реализация не требует затрат, не соответствует содержанию Проекта, возлагающего многочисленные обязанности на адвокатов, адвокатские палаты, которые, в частности, в течение 180 дней должны утвердить на собрании (конференции) адвокатов свои уставы, обеспечить технические условия для своевременного и в полном объеме внесения в Комплексную информационную систему адвокатуры России (далее — КИС АР) сведений, притом что перечень необходимых технических условий для доступа указанных в настоящем пункте лиц и организаций в КИС АР может неограниченно определяться Федеральной палатой адвокатов. «Финансово-экономическое обоснование вносимого законопроекта в качестве составных частей должно включать в себя не только раскрытие расходов, покрываемых за счет средств федерального бюджета, — в нем также должны быть указаны все субъекты народного хозяйства, группы граждан, которые понесут издержки и/или получат преференции в результате принятия законопроекта, рассчитан объем этих издержек и преференций, объяснена целесообразность возложения бремени издержек предлагаемым образом»[1].

В Проекте выявлены многочисленные юридико-технические дефекты. Здесь указывается только один.

Пункт 9 статьи 1 Проекта дополняет перечень зданий судов, в которые должны допускать адвокатов (абз. 3 п. 3 ст. 15 Закона). Формальное улучшение положения адвокатов продолжает заложенный в пункт 3 статьи 15 Закона разрешительный метод правового регулирования (можно только то, что прямо разрешено).

[1] *Скобликов П. А.* Ситуативно-популистское законотворчество как правовой и социальный феномен, его актуальные проявления и пути ограничения // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2. С. 66.

По этому методу адвокатам не разрешено по действующему пункту 3 статьи 15 Закона и в редакции по Проекту входить в здания следственных комитетов, полиции, ФСБ. Между тем в силу статьи 3 Закона для адвокатов действует дозволительный метод правового регулирования (ст. 55 Конституции Российской Федерации). Поскольку нет установленных федеральными законами запретов для доступа (прохода) адвокатов в здания судов, прокуратур, следственных комитетов, полиции, ФСБ в силу статьи 55 Конституции Российской Федерации и правового интереса судов, прокуратур, следственных комитетов, полиции, ФСБ, деятельность которых при недопуске адвокатов в существенной степени будет парализована, второе предложение: пункт 3 статьи 15 Закона просто подлежит исключению, а не изменению абзацем третьим пунктом 3 статьи 15 Закона по Проекту. Худший, но приемлемый вариант заключается не в казуистическом перечне зданий, который все время необходимо будет дополнять и изменять, а в указании родового понятия зданий, в которые необходимо допускать адвокатов. Например: Удостоверение подтверждает право беспрепятственного доступа адвоката в здания органов публичной власти в связи с осуществлением профессиональной деятельности.

Отдельно нужно сказать о новелле введения норм права с обязанностями судов, органов государственной власти, адвокатов, адвокатских образований, претендентов на статус адвокатов и иных лиц предоставлять сведения для программного обеспечения КИС АР с многочисленными юридико-техническими дефектами главы 41 Закона по Проекту. Она имеет противоречащую статьям 3 и 10 Конституции Российской Федерации направленность замены в правовом регулировании конституционного суверена — законодателя суверенитетами программистов.

Главой 41 Закона по Проекту делегируется регулирование практически всех правоотношений адвокатской деятельности по неограниченному усмотрению управомоченным субъектом Федеральной палаты адвокатов в регулируемых им правоотношениях с его участием в возложении обязанностей на адвокатов, их образования, адвокатские палаты для обслуживания КИС АР.

Между тем пригодность КИС АР в качестве инструмента реализации права, регулирующего адвокатскую деятельность, не доказана. Эта программа не имеет государственной регистрации. И для этого есть препятствия, в том числе авторского права. До появления этой программы созданы и внедрены в деятельность ряда адвокатских палат во взаимодействии с правоприменительными органами разработанные адвокатскими палатами программы, аналогом которой является КИС АР. Например, адвокатской палатой Пермского края создана и успешно используется программа «Система автоматизированного управления назначением защитника в уголовном судопроизводстве» (САУ), зарегистрированная в Реестре программ для ЭВМ (свидетельство о государственной регистрации № 2017617492 от 05.07.2017). Использование компьютерной программы без внесения изменений в законодательство показывает ее инструментальную, а не регулирующую функцию. В то время как Проект главой 41 искажает смысл и суверена правового регулирования.

С точки зрения Минюста Российской Федерации процесс зарегулированности деятельности адвокатов — оптимизация правового регулирования, исходя из их цели максимализации масштабов и сферы контроля без ответственности. С точки зрения адвокатов и адвокатских палат субъектов Российской Федерации, например, замена учредительных документов, региональных реестров адвокатов единым общероссийским реестром — бессмысленная потеря времени, сил и бумаги, то есть неоптимальное правовое регулирование. С точки зрения пользователей реестров адвокатов, как минимум путаница в переходный период: где искать сведения? А вероятно и сложность в отыскании сведений о нужном адвокате. Одно дело искать в перечне из тысячи адвокатов, другое — из ста тысяч.

Для тех, кто участвовал в распределении финансов на создание КИС АР, проект главы 41 Закона — оптимальное регулирование, для остальных — лишние обременения.

Поэтому вопрос об оптимальности правового регулирования сводится к вопросу: ты за кого? Иной функции у понятия «оптимизация правового регулирования» в правотворческой и иной юридической деятельности не видно.

УДК 340.111.5

Савельева М. В.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России

Причинность и дополнительность в оптимизации фактических составов правоотношений

Регулирование общественных отношений посредством права достигается через совершенствование норм права как абсолютных юридических конструкций. В определенном смысле абсолютное право, представленное в виде юридических конструкций является правовыми возможностями и обязанностями, в то время как правоотношения — это область превращения должного в сущее, переход из возможности в действительность.

«Вне зависимости от известных юридических фактов, правовое регулирование, — писал Л. С. Явич, — касается всех возможных участников, наделение их всеобщими правами и обязанностями, но обращение к субъектам права всегда персонально. Связь прав и обязанностей предполагает возможность возникновения конкретных правоотношений, когда в силу деликта или спора о праве выявляется совершенно определенный (индивидуально-определенный) состав управомоченных и обязанных лиц»[1].

Возникновение, изменение или прекращение правоотношения обусловлено различными причинами, которые в теории права принято именовать «юридическими фактами». Не стихает научная полемика о понимании состава юридического факта, соотношении понятий «состав юридического факта» и «фактический состав», и как следствие вопрос содержания юридической конструкции остается дискуссионным. Далеко не все ученые ставят знак равенства между юридическими конструкциями и фактиче-

[1] *Явич Л. С.* Общая теория права. Ленинград, 1976. С. 208.

© Савельева М. В., 2023

скими составами[1]. В настоящем исследовании будет использоваться определение фактического состава, предложенное Л. Эннекцерусом, как совокупность тех необходимых моментов, которые признаются правопорядком в качестве основания правовых последствий[2]. Таким образом, по своей сути, фактический состав есть совокупность самостоятельных юридически значимых фактов, а также несамостоятельных юридических фактов, способных породить то или иное юридическое последствие. Подобно часовому механизму, в котором отсутствие любой части делает непригодным весь механизм, и только в совокупности всех частей часовой механизм начинает работать — правоотношение приходит в движение при наличии или отсутствии совокупности всех фактических обстоятельств, указанных в гипотезе правовой нормы. Если состав гипотезы правовой нормы сложный, то достаточным основанием для ее действия может служить только совокупность всех предусмотренных в ней условий.

Качество правовой нормы определяется ее эффективностью. Выступая в качестве регулятора общественных отношений, всякая правовая норма призвана прежде всего обеспечить определенное желаемое поведение людей[3]. Таким образом целью правовой нормы будет служить достижение определенной поведенческой практики субъектов. Эффективность действия правовой нормы обеспечивается определенными объективными и субъективными условиями, позволяющими достигнуть цель правовой нормы. В норме права такие объективные и субъективные условия могут быть зафиксированы в качестве гипотезы правовой нормы и составлять фактически значимые обстоятельства. Выбор состава фактически значимых обстоятельств, составляющих гипотезу, влияет на поведенческую практику субъектов и является необходимой предпосылкой эффективности и действия правовых норм; неправильный выбор правовых средств снижает эффективность правового регулирования.

---

[1] См.: *Толстик В. А.* Состав юридического факта // Юридическая техника. 2013. № 7. Ч. 2. С. 770.

[2] См.: *Эннекцерус Л.* Курс германского гражданского права. Москва, 1950. Т. 1. Полут. 2. С. 77.

[3] См.: Эффективность правовых норм / В. Н. Кудрявцев и [др.]. Москва, 1980. С. 48.

Интерпретация слова «оптимизация» предполагает выбор наилучшего из предложенных вариантов[1]. Оптимизация фактических составов предполагает наилучший выбор тех необходимых моментов, фактически значимых обстоятельств, совокупность которых будет достаточна для признания правопорядком основания наступления правовых последствий. Наилучший выбор носит оценочный характер и неразрывно связан со сравнением оценок и концептуальных предпочтений, которые могут быть использованы для постановки и решения вопросов о совокупностях предпочтений индивидов, групп, культур, для предсказания поведения отдельных лиц и общества в целом.

В качестве примера сошлемся на нормы гражданского законодательства, регулирующие моральный вред — физические и нравственные страдания, то есть некоторые объективные обстоятельства, которые вызывают психологическую реакцию субъекта отношения. В пункте 1 статьи 151 ГК РФ установлено, что «если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда». Гипотеза статьи предполагает фактический состав в виде совокупности таких юридических фактов, как физические или нравственные страдания и действия причинителя вреда. Следовательно, гипотеза нормы предусматривает, что между двумя юридическими фактами, физическими страданиями или нравственными страданиями и действиями правонарушителя должна быть причинная связь. «Причинный способ описания, — писал Н. Бор, — имеет глубокие корни в осознанном стремлении использовать наши знания на практике в приложениях к окружающим нас явлениям. Этот способ становится неотъемлемой составной частью повседневного языка»[2]. Всякий анализ в общечелове-

[1] См.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 80 тысяч слов. Москва, 1997. С. 457.

[2] *Бор Н.* О понятиях причинности и дополнительности (1948) // *Бор Н.* Избранные научные труды: в 2 т. Т. 2 / под ред. И. Е. Тамма [и др.]. Москва, 1971. С. 391.

ческом познании представляется через причину и следствие. Причинное описание фактического состава морального вреда в гипотезе правовой нормы основывается на предположении, что действие в виде физической активности обязанного субъекта вызывает негативную психологическую реакцию управомоченного. Использование причинного способа при описании условий применения юридической конструкции дает возможность интерпретатору выявить, что только те действия, которые повлекли негативную психологическую реакцию, могут быть юридическими фактами. Таким образом, применение даже самых элементарных понятий, необходимых при описании жизненной ситуации, связывается отчетливо не сознаваемыми предположениями; осознание данных предположений существенно влияет на способ изложения, делая его наиболее наглядным и по возможности свободным от произвола и ограничивая свободное усмотрение правоприменителя.

Сами действия правонарушителя, изложенные в гипотезе правовой нормы, определяются как *нарушающее личные неимущественные права потерпевшего, либо посягающие на принадлежащие гражданину нематериальные блага*. Охарактеризовать данную часть юридической конструкции можно как дополнение, то есть эта часть входит в фактический состав правоотношения, однако не является самостоятельным юридическим фактом. Несамостоятельный юридический факт позволяет применить норму права при различных обстоятельствах в юридической практике. Так, КС РФ, интерпретируя пункт 1 статьи 151 ГК РФ в постановлении КС РФ от 26 октября 2021 года № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского», пришел к выводу, что описанный фактический состав правовой нормы не может служить основанием для отказа в компенсации морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния как посягающего на имущественные права потерпевшего, без установления на основе исследования фактических обстоятельств дела того, причинены ли потерпевшему от указанного преступления физические или нравственные страдания вследствие нарушения

его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага[1].

Следовательно, сталкиваясь с неизбежным элементом неопределенности при описании возможных жизненных обстоятельств, которые необходимо урегулировать с помощью права, в целях оптимизации фактического состава правоотношения, необходимо в юридической конструкции предусмотреть причинность и дополнительность в фактическом составе.

УДК 34

Санинский Р. А.,
кандидат юридических наук, доцент,
председатель Арбитражного суда Нижегородской области

Оптимизация уголовно-правового противодействия теневой экономике в современных условиях: проблемы и перспективы

Начать размышления во взятом секторе научного исследования хотелось бы с выдвижения следующей научной гипотезы — «поиск оптимальной модели оптимизации противодействия теневой экономике возник с момента появления теневой экономики».

Учитывая вышеизложенное, соглашаемся с мнением ученых в том, что криминально-теневая экономическая деятельность представляет угрозу не только экономической, но и в целом национальной безопасности государства[2].

Происходящие в мире и России социальные, политические и экономические события изменили не только объемы теневой экономики, но и ее содержание, а в чем-то и предназначение. Вместе с тем,

[1] Российская газета. 2021. 12 ноября.

[2] *Петрянин А. В.* Экономико-правовые средства обеспечения экономической безопасности Российской Федерации: теория и практика // На страже экономики. 2022. № 1 (20). С. 60–67.

© Санинский Р. А., 2023

за изучаемым экономико-правовым феноменом традиционно остается деструктивизм, выражающийся в ухудшении экономической ситуации стран, снижении объемов национальных богатств и замедление роста экономики[1]. Полагаем, что особо явным это становится в рамках недружественной экономической деятельности со стороны зарубежных государств. Индикаторов неофициальной экономики огромное количество. В них включаются не только сугубо экономические показатели, например, такие как объем ВВП, уровень налогообложения, но и социальные характеристики — уровень жизни населения и безработица. Официальная статистика по размерам теневой экономики в России представлена лишь до 2018 года (см. таблицу 1).

Таблица 1

Статистика теневой экономики в России за 2009–2018 годы[2]

Год	Размер теневой экономики, трлн руб.	Доля от ВВП, %	Размер ВВП, трлн руб.
2018	20,7	20	103,6
2017	18,9	20,5	92
2016	24,3	28,3	86
2015	23,4	28,1	83,1
2014	12,35 (только Росстат)	17,3	71,4
2013	11,01 (только Росстат)	16,5	66,7
2012	9,36 (только Росстат)	15	62,4
2011	8,2 (только Росстат)	15,1	54,4
2010	7,12 (только Росстат)	16	44,5
2009	7,8 (только Росстат)	19,9	39,2

[1] *Черепанова Д. Я., Бородкина Е. А.* Особенности влияния теневой экономики на развитие мировых экономик // Меридиан: научный электронный журнал. 2020. № 4 (38). С. 303–305. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41869264_63784615.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

[2] Источник — Росстат, Росфинмониторинг. См.: Теневая экономика в России. URL: http://fincan.ru/articles/94_tenevaja-ekonomika-v-rossii/ (дата обращения: 10.06.2023).

Например, ее объем в середине 1990-х годов составлял 25 % ВВП, а к концу 1990-х годов — уже 40–45 %. По мнению аналитиков, мировой объем теневой экономики в 2023 году составит около 43 % от ВВП[1].

Вместе с тем теневой экономике присущи не только отрицательные, но и положительные черты. К негативным традиционно относят неравенство доходов населения; отсутствие добросовестной конкуренции, снижение доходов бюджета государства; рост экономической преступности и т. д., однако у изучаемого явления есть и положительные стороны. Теневая экономика позволяет определенной группе населения в кризисные моменты повысить качество своей жизни, оперативно заполнить востребованные сектора экономики. Примером последнего может стать поддержка параллельного импорта, добавляющая теневой экономике еще одну положительную характеристику.

Параллельный импорт, то есть параллельная экономика, по мнению ряда ученых являющаяся аналогом теневой экономики[2], представляет собой ввоз на территорию России иностранных товаров без разрешения правообладателя. В 2022 году 29 марта было принято постановление Правительства Российской Федерации № 506[3], легализовавшее данную форму экономической деятельности, фактически противоречащей положениям статей 1359 и 1487 ГК РФ, так как ранее выявление данных фактов влекло за собой соответствующее правовое реагирование в виде привлечения к юридической ответственности. Вместе с тем о законности

---

[1] *Шигапова К. В.* Оценка прогнозируемого масштаба теневой экономики в ведущих странах мира в 2023 году // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № s1. URL: https://esj.today/PDF/24FAVN123.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

[2] См.: *Крушинская О. И.* Теневая экономика России в цифрах // Молодая наука Сибири: электрон. науч. журн. 2021. № 1 (11) 2021. URL: http://mnv.irgups.ru/toma/111-2021 (дата обращения: 11.06.2023).

[3] О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы: постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 года № 506 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 14, ст. 2286.

такой деятельности сегодня свидетельствует необходимость прохождения соответствующих контрольных, а также таможенных процедур и в последующем гарантийное обслуживание ввезенных по параллельному импорту товаров. Данная форма ввоза активно используется в США, Канаде и Турции[1].

Представленная схема в сегодняшних условиях выпала из теневого сектора, хотя ранее являлась таковой, однако есть схожие формы ввоза товаров, фактически являющиеся элементом теневой экономики. Это наблюдается тогда, когда импортером ввозятся предметы, указанные в ранее названном постановлении Правительства России, без согласия правообладателя, без декларирования и таможенного оформления, либо растамаживаются по более низкой ставке. В данном случае, такие действия, как минимум, подпадают под признаки административного правонарушения, предусмотренного статьей 16.1 КоАП РФ «Незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза товаров и (или) транспортных средств международной перевозки».

Возвращаясь к теневой экономике, отметим, что ее львиная доля (81 %) сосредоточена в трех основных сферах: торговля, услуги, строительство[2]. Вместе с тем она находит свое проявление во всех видах экономической деятельности[3]. Все это влечет рост экономической преступности, по нашему мнению, являющейся маркером как объемов теневой экономики, так и уровня ее деструктивного воздействия на экономическую и в целом на национальную безопасность Российской Федерации. Анализ последних четырех лет[4] позволил составить следующую картину (см. таблицу 2).

---

[1] Параллельный импорт. URL: http://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business/parallelnyi-import (дата обращения: 11.06.2023).

[2] Теневой бизнес в 2021 году: рекомендации для бизнеса. URL: http://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business/tenevoj-biznes-rossii-v-2021-riski-i-posledstviya-dlya-ekonomiki (дата обращения: 11.06.2023).

[3] *Medina L., Schneider F.* Shadow Economies Around the World: What Did We Learn Overthe Last 20 Years? // IMF Working Paper. 2018; (18/17):76. P. 4.

[4] Выбор четырехгодичного периода связан с началом ведения статистической отчетности МВД России по группе преступлений экономической направленности с 2019 года.

Таблица 2

Количество зарегистрированных преступлений экономической направленности за 2019–2022 годы

Год	Количество зарегистрированных преступлений	Динамика, %
2019	104 927	—
2020	105 480	+ 0,5
2021	117 707	+ 11,6
2022	111 429	– 5,3

Представленные статистические данные, конечно, не отражают реальной картины по состоянию экономической преступности, по причине их высокой латентности, вместе с тем, количество зарегистрированных деяний прямо указывает на их значительный объем в общей массе совершенных преступлений.

Говоря об оптимизации уголовной политики уголовно-правового противодействия теневой экономике в современных условиях, считаем, что вышеотмеченные проблемы требуют симметричного решения. В первую очередь, необходимо провести ревизию Главы 22 УК РФ в целях ее оптимизации и снижения уровня внутриотраслевой и межотраслевой коллизионности. Во-вторых, выработать единую позицию в формировании стоимостных критериев оценки причиненного ущерба или получаемого в результате совершения общественно опасного деяния дохода. Данные предложения, конечно же, не являются исчерпывающими, однако их реализация, с нашей точки зрения, сделает теневую деятельность экономически не привлекательной.

УДК 34

Свинин Е. В.,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИН России

Формализация правопорядка как проявление логики оптимизации правового регулирования

Правовая регламентация общественных отношений всегда направлена на установление и поддержание определенного порядка в обществе. Сочетание либо преобладание классовых и общесоциальных начал, а также особенности исторического времени неизбежно накладывают свой отпечаток на содержательные стороны правового порядка и основные направления его развития. В этой связи можно с уверенностью утверждать, что оптимизация правового регулирования относится к категории непрерывно возобновляемых проблем, обусловленных цикличностью общественного развития и периодически изменяемым балансом политических сил.

В толковых словарях понятие оптимизации определяется как 1) процесс выбора наилучшего варианта из возможных; 2) процесс приведения системы в наилучшее (оптимальное) состояние[1]. Можно сказать, что оба значения могут быть использованы применительно к исследованию права. Так, в первом значении оптимизация может затрагивать вопросы обоснованности выбора конкретного решения в рамках дискреционных полномочий. В этом значении понятие «оптимизация» имеет несколько ограниченные возможности использования. Во втором значении методологический потенциал значительно расширяется за счет оценки содержания права и его формы. Именно в этом контексте оптимизация и будет рассматриваться в рамках настоящей статьи.

[1] См.: Современный толковый словарь русского языка. URL: https://slovar.cc/rus/bse/510134.html (дата обращения: 07.05.2023).

© Свинин Е. В., 2023

Как представляется, оптимизация правового регулирования связана преимущественно с внутренней организацией и содержанием права. В этой связи представляется вполне обоснованным обращение к понятию «логика права».

Как указывал В. К. Бабаев, решение проблемы логики права позволяет показать внутреннюю природу правовых явлений, исследовать их связь с противоречивой социальной действительностью[1]. Суть логики права, по мнению ученого, состоит в рассмотрении правовых положений с позиций диалектической и формальной логики[2].

Хотелось бы обратить внимание на то, что существует позиция, согласно которой логика права рассматривается как проявление формальной логики. В частности, Т. В. Кашанина анализирует применение логики права для обеспечения единообразного понимания терминов, исключения противоречий в правовых документах, последовательности мыслительных действий[3]. Представляется, что данная точка зрения носит несколько ограниченный характер.

На наш взгляд, в понимании сущности логики права более убедительной выглядит позиция В. К. Бабаева, который отмечает, что логика права — это не какой-то особый вид логики. Под логикой права понимается специфическое проявление формальной и диалектической логик. При этом специфика логики права обусловлена характерными чертами права как особого регулятора[4].

Представляется, что оптимизация правового регулирования носит закономерный характер, который обусловлен действием комплекса причин, в числе которых можно назвать логико-структурные дефекты права; противоречие между статичностью норм и динамизмом общественных отношений; закрепление в праве различных средств правовой неопределенности, допускающих различные способы реализации права.

---

[1] См.: *Бабаев В. К.* Советское право как логическая система: учебное пособие. Москва, 1978. С. 24.

[2] См. там же. С. 19.

[3] См.: *Кашанина Т. В.* Юридическая техника: учебник. 2-е изд., пересмотр. Москва, 2011. С. 123–127.

[4] См.: *Бабаев В. К.* Советское право как логическая система: учебное пособие. Москва, 1978. С. 20.

В связи с тем, что логика права призвана вскрывать закономерные связи явлений, то вполне допустимо вести речь о существовании правовой логики оптимизации правового регулирования. Еще раз хочется отметить, что речь идет не об отдельном виде логики, а о специфических закономерных связях, которые в своей совокупности обозначаются соответствующим понятием.

В. К. Бабаев указывал, что одним из направлений анализа логики права является рассмотрение права как формализованной системы[1]. При этом, формализацию не следует отождествлять с таким признаком права, как формальная определенность. По мысли ученого, соотношение указанных категорий представляется следующим образом. Не являясь формализованной системой по образу и подобию многих содержательных несоциальных систем, право, тем не менее, определенной степенью формализации обладает. И объясняется это, на наш взгляд, тем, что оно проходит первую (предварительную) стадию формализации, приобретая в результате этого свойство, называемое формальной определенностью. Формальная определенность, следовательно, и есть степень формализации правовой системы[2].

Обеспечение формальной определенности, по мысли В. К. Бабаева, заключается в типизации правил поведения, определении шаблона поведения.

Следует отметить, что в своей работе В. К. Бабаев акцентировал внимание на нескольких существенных положениях: во-первых, формализации подлежит не норма права, а ее текст; во-вторых, формализация поведения вне законодательства невозможна; в-третьих, допустимо вести речь о формализации системы права; в-четвертых, логическая последовательность средств придания системе права формальной определенности обеспечивается за счет использования: правовых понятий и их определений в законодательстве, правовых конструкций, юридической терминологии, иных средств и приемов юридической техники[3].

---

[1] См.: *Бабаев В. К.* Советское право как логическая система: учебное пособие. Москва, 1978. С. 21.

[2] См. там же. С. 31.

[3] См. там же. С. 30, 32, 34.

Представляется, что особенности и тенденции развития права на современном этапе позволяют несколько расширить и дополнить представления В. К. Бабаева. В первую очередь хотелось бы отметить довольно узкий подход к средствам формализации права. Хотя В. К. Бабаев упоминал о возможности формализации применительно к системе права в целом, однако подробно свою позицию в этом вопросе не прояснил.

Считаем, что формализация применительно к системе права может проявляться в законодательном оформлении новых правовых институтов. Так, широкое распространение добровольческой, волонтерской деятельности обусловило возникновение соответствующего института[1]. Их появление можно рассматривать как средство оптимизации социально-правовой активности личности и общества в целом.

Другим не менее важным средством формализации права может являться форма источника права. Особенностью формы права является использование ее по отношению к определенному виду (типу) общественных отношений. К примеру, наиболее важные отношения регламентируются федеральными конституционными законами, перечень которых строго регламентирован Конституцией Российской Федерации; вопросы текущего значения определяются федеральными законами, однако критерий их разграничения представляется не совсем ясным. Так, общественные отношения в сфере выборов Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы Российской Федерации, а равно вопросы гражданства по своей роли и значению могли бы регламентироваться федеральными конституционными, а не федеральными законами.

Недостаточный уровень правовой формализации нормотворческой деятельности можно увидеть на следующих примерах: подробная регламентация законодательного процесса осуществляется на уровне подзаконного акта (Регламент Государственной Думы Российской Федерации), а не законодательного акта; от-

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства): федеральный закон от 5 февраля 2018 года № 15-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 7, ст. 975.

сутствует закон, регламентирующий технико-юридические вопросы подготовки нормативных правовых актов; подзаконная нормотворческая практика характеризуется излишним многообразием форм, которые не имеют четкого и однозначного предмета регулирования.

Если приведенные примеры указывают на необходимость расширения перечня и сферы формализации права, то представляется, что вполне возможно говорить не только о формализации правил поведения, но и самих правореализующих действий.

В этом контексте целесообразно использовать понятие «формализация правопорядка». На наш взгляд, формализация правопорядка направлена на усиление регулятивных свойств правовой системы, укрепление ее интегративности и системности как на нормативном, так и на правореализующем уровне.

Формализация действий в правореализации связана с расширением сфер и возможностей использования информационных технологий. Наиболее простым примером может служить электронная подпись. Она является важным элементом электронного документооборота, который существенно упрощает участие человека в тех или иных правовых процедурах. При этом вне зависимости от вида электронной подписи фактически используется цифровой код, который может быть считан посредством информационных программ и алгоритмов.

В настоящее время актуальной проблемой является расширение практики использования технологий искусственного интеллекта. Так, в настоящее время цифровые помощники используются в медицине, позволяя врачам ставить точный диагноз с помощью снимков МРТ; можно также указать на использование системы быстрых платежей при оплате товаров по QR-коду; реализация гражданином возможностей мобильного банка по переводу средств между своими счетами; использование органами власти чат-ботов для ответов на поступающие от населения вопросы.

Отдельные действия, которые совершаются гражданами в рамках правореализации, а также действия органов власти в правоприменительном процессе используются при активном содействии цифровых технологий либо полностью заменяются информационными технологиями и решениями. Примером мо-

жет служить первый цифровой нормативный правовой акт[1], подготовленный конструктором цифровых регламентов[2].

Безусловно, переход к «цифровому правотворчеству» состоится еще не скоро и роль человека в этом процессе исключить нельзя. Однако обращает на себя внимание тот факт (несмотря на то что пока он является единичным), что уже есть примеры, когда текст нормативного правового акта составляет не человек, а программа. Как представляется, приведенный факт указывает на то, что формализуются не только модели и правила поведения человека, но и сами фактические и юридические действия, совершаемые субъектами в процессе реализации права. Фактически речь идет о втором этапе формализации права, который указывал В. К. Бабаев и характеризовал как использование математических моделей и алгоритмов (сейчас их роль выполняют цифровые технологии).

Как отмечал В. К. Бабаев, посредством формализации, за счет использования терминологии, достигается ясность, четкость, однозначность правового регулирования[3]. С этой точки зрения формализацию в целом можно рассматривать как одно из средств оптимизации регулирования.

В заключение хотелось бы выделить несколько направлений формализации правопорядка, которые связаны с оптимизацией правового регулирования.

Прежде всего, хотелось бы выделить совершенствование нормативной основы правопорядка. Кроме принятия закона о

---

[1] Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки по предоставлению государственной услуги «Предоставление сведений об итогах оценки результативности деятельности научных организаций, подведомственных федеральным органам исполнительной власти, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения»: приказ Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 3 ноября 2022 года № 1112. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211070024. Дата опубликования: 07.11.2022; номер опубликования: 0001202211070024.

[2] См.: В России зарегистрирован первый цифровой НПА. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_rossii_zaregistrirovan_pervyy_cifrovoy_npa.html (дата обращения: 18.05.2023).

[3] *Бабаев В. К.* Советское право как логическая система: учебное пособие. Москва, 1978. С. 37.

нормативных правовых актах, представляется важным оптимизация форм подзаконных актов, предметы которых сложно дифференцировать друг от друга. Так, инструкции, правила, порядки и наставления регламентируют довольно однотипные отношения. В этом случае многообразие форм представляется избыточным.

В последнее время появляются различные институты, которые приостанавливают либо существенно изменяют правовое регулирование. Речь идет о различного рода амнистиях, мораториях, подзаконном регулировании законодательных вопросов, экспериментальных правовых режимах[1]. Многообразие средств, которые носят временный, исключительный характер, обусловливается необходимостью достижения тех или иных социальных целей. В то же время отсутствует общая и единая правовая основа у подобного рода институтов. В этой связи представляется вполне целесообразным принятие закона о временных средствах укрепления правового порядка, который бы определял принципы, общий порядок разработки, принятия и реализации средств, допускающих реализацию права в условиях формального противоречия принципу законности, а также признания правового характера за отдельными видами фактических отношений.

Не менее значимым аспектом формализации правопорядка является широкое внедрение информационных технологий и цифровых помощников в различных процедурах правоприменения (в том числе и в рамках правосудия по незначительным гражданским, административным делам) и непосредственной реализации права.

Крайне важным видится формализация правопорядка как результата правового регулирования. В частности, необходима разработка критериев и показателей, позволяющих объективно и всесторонне рассмотреть социальные и юридические итоги действия права. В настоящее время частичная формализация правопорядка находит свое отражение в формулах оценки достижения целевых показателей реализации государственных программ. В то же время комплексная система социальных и юридических показателей состояния правопорядка отсутствует.

---

[1] См. подробнее: *Свинин Е. В.* Укрепление правопорядка как социально-правовое основание изменений в праве и правовом регулировании // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 371–373.

УДК 342.711

Серкова Т. В.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова

Основные тенденции изменения законодательства, направленные на развитие института приобретения гражданства Российской Федерации

В 2020 году Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал ряд федеральных законов, которые значительно упрощают отдельные аспекты получения иностранными лицами гражданства Российской Федерации[1].

Рассмотрим основные их положения:

1) все иностранные граждане не должны отказываться от имеющегося гражданства, независимо от оснований его приобретения.

До этого нововведения при получении гражданства Российской Федерации в упрощенном порядке иностранные лица не имели возможности сохранять иное гражданство, если между странами не был предусмотрен специально определенный международный договор, но стоит заметить то, что на практике данное положение оформлялось таким образом, что иностранный гражданин направлял заявление о выходе из своего гражданства в посольство родного государства, которое носило скорее уведомительный характер, так как государственные органы не сразу оформляли выход из гражданства, основываясь на данном заявлении. Данный процесс являлся излишним и бюрократическим, в сущности, не менявшим положение дел.

[1] О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» в части упрощения процедуры приема в гражданство Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства: федеральный закон от 24 апреля 2020 года № 134-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 17, ст. 2712.

© Серкова Т. В., 2023

Единственной категорией иностранных граждан, для кого действительно данные изменения внесли созидательный характер — это носители русского языка. Для них было необходимое условие полного выхода из гражданства иного государства. Теперь они свободно могут пребывать в гражданско-правовом статусе бипатридов. Данные изменения значительно облегчили жизнь целому ряду иностранных граждан, стремящихся стать нашими соотечественниками, но и по ряду причин не желающими обрывать гражданско-правовую связь с их родными странами;

2) отсутствие обязанности у иностранного гражданина подтверждать законный источник средств к существованию, необходимый для проживания в России, при получении гражданства в упрощенном порядке.

По своей сути эта процедура в идеале необходима для того, чтобы снизить поток нелегального заработка и утечки материальных средств за границу среди иностранцев, а также увеличить выплату налогов. На наш взгляд, причиной отмены данной обязанности для лиц, принимаемых в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке, является: во-первых, желание законодателя уйти от излишнего бюрократизма и неэффективной системы контроля доходов; во-вторых, политика упрощенного получения гражданства Российской Федерации отчасти подразумевает под собой тенденцию, направленную на устранение препятствий для лиц, получающих гражданство данным путем, так как условие подтверждения законного источника средств к существованию выступает дополнительным барьером для потока иностранцев, в ком наиболее заинтересовано государство. Следовательно, законодатель, в том числе данным условием, регулирует баланс потока подачи заявлений различных категорий иностранных граждан;

3) обязанность проживания на территории России супруга (супруги) иностранного гражданина, обращающегося с заявлением о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке на основании брака с российским гражданином.

Основной круг лиц, которым облегчили получение паспорта Российской Федерации, — это семья и близкие родственники граждан России. Так, например, согласно пункту «к» статьи 14

право получают иностранцы, имеющие хотя бы одного постоянно проживающего на территории нашей страны родителя гражданина Российской Федерации. В данной области законодательства наблюдается тенденция, направленная на поддержку основополагающей ячейки общества при соблюдении определенных условий. Для приезжих, у которых есть семьи с детьми, также упростили процедуру приобретения нового гражданско-правового статуса на столько, что имеется возможность получить паспорт без первоначального получения вида на жительство. Возможность предоставляется родителям, детям и супругам граждан Российской Федерации. На наш взгляд, это революционный прорыв в данной области законотворчества, однако присутствует условие обязательного проживания приобретателя на территории Российской Федерации. Данное условие необходимо для того, чтобы оградить государство от возможного злоупотребления лиц своими правами, например, заключением фиктивных браков, а также для достижения все-таки главной цели политики страны в данной области отношений — это фактическое воссоединение семьи;

4) срок пребывания трудящихся иностранных граждан, выпускников российских аккредитованных высших учебных заведений перед подачей заявления о приеме в гражданство Российской Федерации сократился с 3 лет до 1 года.

Взяв во внимание экономическую ситуацию и потребности рынка труда, а также проводимую миграционную политику, можно заметить, что государство и иностранные выпускники наших вузов, как правило, обоюдно заинтересованы в продолжении осуществления трудовой деятельности на территории России. Иностранцы получают больше возможностей ведения своей трудовой деятельности и сбрасывают ограничения, исходящие согласно их правовому статусу, а государство получает большее количество квалифицированных специалистов;

5) гражданская принадлежность Республики Беларусь, Республики Молдова, Республики Казахстан и Украины является основанием для получения гражданами этих стран гражданства Российской Федерации в упрощенном порядке.

Эта норма является новеллой, так как введена впервые в 2020 году. Стоит заметить то, что важным условием при подаче

заявления является обязательное наличие вида на жительство. Упрощенная форма принятия в гражданство не отменяет процедуру получения данного документа.

Кроме того, согласно последним изменениям, в полномочия федеральных органов исполнительной власти в сфере внутренних дел включили пункт о возможности признания граждан Республики Беларусь и Украины, свободно владеющих русским языком, носителем русского языка без прохождения собеседования[1].

Важно обозначить новейшим этапом историко-правового развития института гражданства, упоминания еще не вступившего в силу третьего Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»[2]. Законопроект внес в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации Президент Российской Федерации В. В. Путин, 18 апреля 2023 года нижняя палата парламента одобрила закон, а 26 апреля 2023 года на 544-м заседании сенаторов — Совет Федерации.

Федеральный закон регулирует все области гражданства, а также дает возможность приобретения российского гражданства более расширенному кругу лиц: по факту рождения, после приема в гражданство Российской Федерации, после выбора гражданства России, в связи с изменением Государственной границы Российской Федерации, в соответствии с международным соглашением.

Если раннее необходимо было доказать наличие законного источника средств к существованию, то после вступления в силу данного федерального закона это требование будет упразднено.

---

[1] О внесении изменений в статью 33.1 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»: федеральный закон от 18 марта 2020 года № 58-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 12, ст. 1650.

[2] О гражданстве Российской Федерации: закон Российской Федерации от 28 ноября 1991 года № 1948-1 (утратил силу); О гражданстве Российской Федерации: федеральный закон от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ; О гражданстве Российской Федерации: федеральный закон от 28 апреля 2023 года № 138-ФЗ (документ № 0001202304280013 не вступил в силу) // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru (дата обращения: 03.05.2023).

Новый федеральный закон расширяет полномочия главы государства в сфере гражданства. Он дает ему право на одобрение порядка принятия в гражданство страны и установление дополнительных требований и условий для этого процесса. Теперь Президент Российской Федерации может принимать людей в гражданство без учета общих требований не только в гуманитарных целях, а также для достижения других целей. В случае необходимости, он также может решать вопросы о прекращении гражданства Российской Федерации или давать согласие на решения, принятые другими органами. Для лиц, которые проживают за границей, все вопросы, связанные с гражданством, будет решать федеральный орган исполнительной власти в сфере международных отношений и дипломатические (консульские) учреждения Российской Федерации.

Упраздняется институт отмены решений о предоставлении гражданства и уточняется институт прекращения российского гражданства, он упорядочивается, и далее формируются полномочные органы, которые принимают решение о прекращении гражданства России.

Для защиты детей, в том числе рожденных гражданами России за рубежом, были введены дополнительные меры. Они позволяют родителям (или усыновителям), которые являются гражданами России, обратиться в уполномоченный орган за пределами Российской Федерации или на ее территории с заявлением о принятии ребенка в гражданство России. Процесс может быть упрощенным и не требовать согласия второго родителя (иностранного гражданина) на приобретение гражданства Российской Федерации.

Федеральный закон вступает в силу по истечении ста восьмидесяти дней после дня его официального опубликования, то есть с 26 октября 2023 года.

Стратегия миграционной политики России отражает направленность на разрешение определенных проблем, одной из них является демографическая ситуация в стране.

Согласно официальной статистике, численность населения РСФСР на 1 января 1991 года составляла 148 273 746 человек, условно, через 30 лет этот показатель упал до 146 424 729 человек. Именно такое количество граждан зафиксировано на 1 янва-

ря 2023 года[1]. Важно помнить, что за весь этот период население также пополнялось за счет мигрантов, переезжавших на постоянное место жительства.

Общее количество умерших за 2022 год составило 1 905 000 человек. При этом родилось 1 306 000 детей. Очевидным становится то, что показатель смертности превалирует над рождаемостью.

Отсюда и следует вывод — правильно выстроенная миграционная политика может выступать в качестве одного из вариантов разрешения демографической проблемы в стране.

Выбор категории вышеуказанных стран свидетельствует о том, что уклон делается в пользу облегчения процедуры приобретения гражданства именно для русскоговорящих выходцев из стран постсоветского пространства. Проводится такая политика в целях поддержки русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия, из которых и состоит основа общественно-культурного кода. Да и для самих свободно говорящих на русском языке категорий иностранных граждан процесс адаптации происходит намного быстрее, что позволяет в кратчайшие сроки включить их в социально-экономическую систему государства[2].

Таким образом, можно подчеркнуть, что посредством принятия иностранных граждан в гражданство Российской Федерации напрямую способствует экономическому, пространственному развитию страны, пополнению государственного рынка труда, а также поддержание интернациональных связей со странами, выходцами из которых и являются наши новые сограждане. Необходимостью резкого открытия доступа к получению гражданства для жителей данной категории стран отчасти послужили некоторые изменения геополитических реалий. Например, среди поводов можно выделить раскол украинского социума на два общественно-политических лагеря с «пророссийской» и «прозапад-

[1] Росстат. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://showdata.gks.ru/report/278928/ (дата обращения: 03.05.2023).

[2] См.: *Попов А. М., Мамонтова Э. А.* Новые приоритеты миграционной политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 183–187.

ной» ориентацией. В соседней Молдове наблюдается аналогичная ситуация. Что касается идеологической направленности Беларуси и Казахстана, то в последние годы есть тенденция на обособление национальной культуры и идентичности, поэтому нашим государством и принимаются усилия, направленные на поддержание наличия носителей русской культуры, путем установления гражданско-правовой связи с жителями данных стран [1].

Важно подметить прогрессивность и обоснованность изменений последних лет, направленных в сторону упрощения получения гражданства, определенных политикой государства для различных категорий лиц. Все аспекты значительным образом упрощают и расширяют возможности иностранных граждан в реализации предоставляемого права на получение гражданства нашей страны.

УДК 34:93

Смирницкий А. Е.,
кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Опыт оптимизации российского законодательства, регулирующего деятельность политических партий в XX — начале XXI века

Оптимизация законодательства, регулирующего деятельность политических партий, имеет важное значение для полноценного развития демократии. Во-первых, она призвана обеспечить законность деятельности политических партий и соблюдение ими интересов избирателей. Деятельность политических партий должна быть прозрачной как для государства, так и для избирателей, почтивших их своим доверием. В этом отношении важнейшей зада-

[1] См.: *Сазонова О. А.* Соотечественники за рубежом: проблемы государственного управления // Studia Humanitatis. 2020. С. 28–32.

© Смирницкий А. Е., 2023

чей оптимизации законодательства о политических партиях является полное исключение из повседневной деятельности партий криминальных и полукриминальных схем деятельности.

Во-вторых, оптимизация законодательства о политических партиях призвана создать здоровую конкурентную среду для деятельности политических партий, создать ситуацию, при которой главным критерием успешности политической партии будет не административный ресурс, а степень востребованности ее среди избирателей. Создание подобной конкурентной среды будет способствовать укреплению связи власти с народом, формированию важнейшего социального лифта для граждан подлинно демократического государства — участия избирателей в политике.

В-третьих, оптимизация законодательства, регулирующего деятельность политических партий, связана с необходимостью полного исключения из легального политического процесса партий экстремистской направленности, которые могут дестабилизировать ситуацию в стране и привести ее к хаосу и развалу.

В ходе оптимизации партийного законодательства относительно экстремистских партий и движений очень важна роль правовой экспертизы, поскольку радикальная партия не тождественна экстремистской[1]. Забвение этого положения может нанести удар по гражданскому обществу, инициировав преследование тех партий, которые остро ставят злободневные вопросы и добиваются их решения в пользу избирателей, а это, в свою очередь, может привести к формализации политической жизни и созданию системы политических партий для избранных и превращению ее в неработающую систему фасадного типа.

Следует подчеркнуть сложность оптимизации законодательства, регулирующего деятельность политических партий, поскольку сам этот процесс происходит на стыке многих отраслей права. Законодатели одновременно должны вносить изменения, а административное, уголовное, налоговое, трудовое, гражданское законодательство, в закон «О политических партиях», а также в иные законы, касающиеся деятельности политических партий.

---

[1] Радикал (лат. *radix* — корень). Быть радикальным — значит понять вещь в ее корне, но корнем является для человека сам человек. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. I. С. 414–415.

В отличие от других сфер права в данной сфере большую роль играет человеческий фактор, поскольку каждый совершеннолетний гражданин всегда имеет те или иные политические пристрастия или предпочтения и, имея властные полномочия, может попытаться реализовать их на практике даже вопреки закону. В этой ситуации может иметь место и сведение личных счетов отдельных должностных лиц с неугодными партийными активистами. Закон должен минимизировать вред от подобных ситуаций.

Все высказанные выше соображения позволяют подчеркнуть, что данная тема является весьма актуальной для изучения. При этом особенно значимо исследование российского опыта. Вследствие того, что система политических партий появилась в России довольно поздно по сравнению с развитыми странами, тема оптимизации законодательства, регулирующего деятельность политических партий, еще только начинает изучаться на должном уровне.

Спецификой оптимизации данного законодательства в российских реалиях является наличие богатого опыта правовой оптимизации деятельности политических партий, который, однако, носил в основном запретительный характер. Достаточно сказать, что первая в истории России политическая партия — Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) была нелегальной, а все участники ее первого съезда, состоявшегося в Минске в 1898 году, были арестованы полицией. После издания манифеста 17 октября 1905 года даже легальные партии (октябристы, кадеты, черносотенцы и другие) находились на полулегальном положении. Системы законодательства, регулирующей деятельность политических партий, не было ни в царской России, ни в период работы Временного правительства. После прихода к власти большевиков прежний опыт оптимизации был продолжен. В ноябре 1917 года ВЦИК объявил партию конституционных демократов партией «врагов народа». Краткий опыт сотрудничества большевиков с партией левых эсеров (октябрь 1917 года — июль 1918 года) не был удачен. С 1918 года в Советской России, а затем в СССР установилась однопартийная система. Наличие в стране одной политической партии делало излишним подробное регулирование ее деятельности на законодательном уровне. Фак-

тически произошла сверхоптимизация законодательства до упоминания о руководящей роли партии в 6-й статье Конституции СССР 1977 года.

Политика «перестройки» и появление в СССР реальной многопартийности потребовало формирования законодательства, регулирующего деятельность политических партий. В 1990 году Закон «О политических партиях» был принят. Это был сверхлиберальный закон по отношению к появившимся в СССР политическим партиям. Несмотря на то что данный закон запрещал деятельность политических партий, стремящихся к насильственному ниспровержению существующего строя, это положение закона никем не выполнялось.

Столь ярко выраженный правовой нигилизм был обусловлен рядом причин. Во-первых, у советских законодателей не было опыта создания такого рода законов. Все они росли, учились и воспитывались в условиях однопартийной системы. В советском Законе «О политических партиях» отсутствовал механизм его реализации. Даже после падения доверия значительной части населения к КПСС она оставалась самой большой политической партией страны, превосходящей по численности все политические партии вместе взятые. В новых политических реалиях статус этой партии был неясен.

Во-вторых, в тот период времени СССР находился в состоянии масштабного кризиса: у власти не было сил и политической воли реализовывать этот Закон.

После того, как прекратил существование СССР, законодательство, регулирующее деятельность политических партий, практически осталось прежним. В России действовало, образовывалось и распадалось множество политических партий и объединений. Деятельность значительной части этих партий явным образом выходила за рамки российского правового поля. В 1990-е годы эти партии активно участвовали в вооруженном противостоянии между различными ветвями российской власти, участвовали и организовывали массовые протестные мероприятия, отправляли боевиков воевать в «горячих точках» стран СНГ и дальнего зарубежья, лица, состоявшие в них, делали резкие политические заявления, создавали военизированные формирования. На территории Российской Федерации ра-

ботали даже политические партии, именовавшиеся «всесоюзными», хотя Советского Союза уже не было. Такой партией являлась Всесоюзная коммунистическая партия большевиков (ВКПБ) во главе с Н. А. Андреевой. Руководство этой партии принципиально не желало регистрироваться в буржуазных органах власти, но это не мешало партии участвовать в политической жизни страны.

7 ноября 2001 года на митинге на главной площади Липецка двое комсомольцев-радикалистов — Олег Парщиков и Игорь Мариновский сразу после пламенной речи губернатора и вице-спикера Совета Федерации Олега Королева, в которой он призвал пять сотен собравшихся земляков к «активным действиям», под звуки государственного гимна облили бензином и подожгли выполненную из ватмана копию российского флага. Ни милиция, ни чиновники во главе с губернатором не попытались остановить сожжение госсимвола. Поджигатели спокойно ушли с митинга и были задержаны милицией лишь поздно вечером, после того, как по российскому телевидению был показан сюжет из Липецка. На состоявшемся вскоре заседании Советского районного суда поджигатели были оштрафованы на 50 рублей, а их действия квалифицированы как мелкое правонарушение, но уже на следующий день в дело вмешался прокурор Липецкой области Николай Савченко: было возбуждено уголовное дело по статьям 282 и 329 УК РФ («Надругательство над госсимволами Российской Федерации» и «Унижение национального достоинства граждан Российской Федерации»), предусматривающим до пяти лет лишения свободы. Олег Парщиков приговорен к девяти месяцам лишения свободы условно, Игорь Мариновский — к шести месяцам условно. «Я уничтожил изображение власовского флага, фашистскую символику», — заявил суду Олег Парщиков. «Я ненавижу символику государства, именуемого Российской Федерации», — прозвучало в зале суда. Тем не менее оба поджигателя попросили суд учесть, что на площади был сожжен лишь макет госсимвола[1].

Власти сознательно закрывали до поры до времени глаза на эту политическую анархию, выстраивая новую политическую систему с сильной президентской властью. Кроме того, полити-

[1] Коммерсантъ. 2002. 17 января.

ческая демократия была одним из лозунгов шедших к власти сторонников Б. Н. Ельцина и, ограничив деятельность политических партий, они бы дискредитировали наиболее привлекательную часть своей программы в глазах населения.

Важным фактором, мешавшим формированию «прозрачного» законодательства, регулирующего деятельность политических партий в постсоветской России, был вопрос о собственности КПСС. Несмотря на то, что решением КС РФ деятельность компартии была признана законной, собственность партии, захваченную в ходе приватизации, ей так и не вернули. При формировании адекватной законодательной базы, регулирующей деятельность политических партий, этот вопрос должен был быть решен. Однако тема возвращения коммунистам собственности КПСС была усилиями властей и большинства тогдашних СМИ исключена из активного обсуждения. Попытка решить ее в правовом поле привела к трагическому результату.

5 ноября 1994 года умер доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой Московской государственной юридической академии, специализирующийся по хозяйственному праву, член ЦК КПРФ, депутат Государственной Думы В. С. Мартемьянов. Он стал жертвой нападения «неизвестных», которые 1 ноября 1994 года нанесли ему несколько ударов по голове. Как член ЦК КПРФ и депутат Государственной Думы профессор активно занимался проблемой возвращения коммунистам собственности КПСС.

«Последние заботы наши совместные такие. Ходили в Арбитражный суд — по поводу партийного имущества. Валентин Семенович был там вместе со мной официальным представителем партии. Все документы он в основном готовил. И очень переживал, что, несмотря на всю нашу юридическую правоту, суд опять же принял политическое решение»[1], — говорил член ЦК КПРФ В. А. Купцов.

Важной вехой оптимизации российского законодательства, регулирующего деятельность политических партий, стал период начала 2000-х годов. Это был сложный и неоднозначный процесс, который развивался по нескольким направлениям. Он полностью

[1] *Кожемяко В.* Его убили за справедливость // Правда. 2023. 16 февраля.

укладывается в имеющийся в России опыт оптимизации законодательства в том смысле, что, как и ранее, она была инициативой государственной власти, а не общества.

Руководство страны не скрывало, что одной из главных задач оптимизации является создание двухпартийной системы по образцу Великобритании и США, но только контролируемой президентской властью.

В 2001 году партии «Отечество — вся Россия» и «Единство» заявили о своем объединении и создании политической партии «Единая Россия».

В своем выступлении на семинаре, посвященном правовым аспектам создания политических партий и их участия в избирательном процессе, заместитель министра юстиции Российской Федерации Евгений Сидоренко высказал мнение, что принятие нового закона «О политических партиях» позволит «освободить политическое поле от «мусора» и дать возможность работать серьезным политическим партиям»[1].

Процедура регистрации политических партий была существенно усложнена. Отныне для того чтобы быть зарегистрированной, политическая партия должна была насчитывать в своих рядах не менее 50 тысяч человек, а ее отделения должны быть представлены в более половины субъектов Российской Федерации. Списки членов партии необходимо было в определенный срок подать в Федеральную регистрационную службу Российской Федерации (далее — ФРС РФ) на проверку. ФРС РФ осуществляла проверку не только списков членов партии, но и путем телефонных звонков лицам, указанным в данном списке. Лицу, указанному в списке, было необходимо подтвердить или опровергнуть свое членство в данной политической партии. Политическая партия, не набравшая необходимое число членов или не имеющая региональных организаций в половине субъектов Российской Федерации, получала лишь статус общественно-политического движения, которое не могло участвовать в избирательном процессе.

[1] Макаров Н. Правовая база избирательного процесса может быть полностью обновлена уже в первом полугодии текущего года. URL: https://ria.ru/20011019/1595.html (дата обращения: 25.05.2023).

После принятия нового Закона «О политических партиях» в 2001 году руководство партии должно было регулярно сдавать налоговые декларации о доходах и расходах партии с целью исключить влияние криминала на политический процесс.

В 2002 году был принят Закон «О противодействии экстремистской деятельности», причем понятие экстремизм трактовалось весьма широко. На основании этого закона 15 ноября 2005 года Верховный суд Российской Федерации запретил деятельность Национал-большевистской партии (НБП), прославившейся своими «акциями прямого действия», которые проводились с целью обратить внимание общественности на факты дискриминации народа в различных сферах общественной жизни. Наиболее громкой акцией национал-большевиков было вторжение их в приемную Администрации Президента Российской Федерации в Москве в 2005 году в знак протеста против монетизации льгот. Молодые люди разбросали листовки и выбросили из окна портрет В. В. Путина. Это был первый случай запрета политической партии в постсоветской России.

Нарушение Закона «О противодействии экстремистской деятельности» могло быть поводом в отказе от официальной регистрации. С момента принятия закона на партийных съездах и конференциях был обязан находиться чиновник из ФРС, который мог возбудить уголовное дело об экстремизме на основании выступлений делегатов. На наличие экстремистской деятельности проверялись и официальные документы партии, в том числе программа и устав.

В регистрации партии могло быть отказано и в том случае, если в символике или названии партии, с точки зрения чиновников из ФРС, обнаруживается экстремизм.

Весьма курьезный случай произошел с руководством Российской коммунистической рабочей партии — Революционной партии коммунистов (РКРП-РПК), которой было отказано в регистрации на том основании, что в названии партии содержится слово «революционная». Таким образом, слово «революция» было признано чиновниками, имеющими высшее образование, экстремистским. Руководители партии представили список политических партий мира, многие из которых находятся у власти, в чьих названиях содержится слово «революционная», но эти сведения чиновников не убедили.

Определенные изменения произошли в деятельности парламентских политических партий. Все депутаты Государственной Думы были обязаны вступить в парламентские фракции. Таким образом, «независимый депутат» исчез как вид в стенах Государственной Думы Российской Федерации. Переход депутата из одной фракции в другую не допускался. В случае такого перехода депутат лишался мандата и в его округе производились перевыборы.

Данную меру, на мой взгляд, можно оценить исключительно положительно, поскольку она объективно направлена против обмана избирателей. История постсоветской России изобилует примерами того, как депутаты, будучи избранными от одной из политических партий, получив вожделенный депутатский мандат, переходили в другую политическую партию, в которой было больше карьерных возможностей. Среди таких депутатов можно вспомнить Г. Н. Селезнева, В. В. Семаго, А. И. Подберезкина и др.

Таким образом, процесс оптимизации российского законодательства, регулирующего деятельность политических партий, продолжается. В настоящий момент он носит характер исключительно государственной, а не общественной инициативы. Подобная ситуация связана с тем, что в настоящее время институт политических партий в России, как и многие другие политические институты, находится в состоянии глубокого кризиса. По самым оптимистичным подсчетам во всех политических партиях России состоит не более 1 % населения страны. В условиях постиндустриального общества люди предпочитают иные формы объединения, нежели политические партии, требующие известной дисциплины и самоограничения. Немалую роль в падении доверия к политическим партиям играет и менталитет значительной части россиян: вдумчивому анализу политических программ они предпочитают «голосование сердцем».

Тем не менее, политические партии и сейчас являются единственным институтом гражданского общества, который может внятно сформулировать интересы и идеалы различных слоев населения. В этой связи и общество, и власть заинтересованы в оптимизации российского законодательства, регулирующего деятельность политических партий. В идеале усилия государства и

общества в этом направлении должны совпадать, так как все заинтересованы в том, чтобы максимальное количество идей и социальных проектов было представлено в обществе и работало на благо страны. Однако в реальной жизни эти усилия не совпадают. Любое государство стремится регулировать процесс, прежде всего, в интересах тех, кто находится у власти, а это не всегда на пользу обществу.

Власть так же, как и общество нуждается в политических партиях как средстве легитимизации своей власти. Даже фасадная многопартийность делает политический режим респектабельнее и дает ему дополнительные возможности для маневра.

Как уже отмечалось, процесс оптимизации российского законодательства о политических партиях далеко не завершен. В нем остается много лакун и спорных моментов. Широкое поле для злоупотреблений представляет собой практика избрания депутатов по партийным спискам. В практике избирательных кампаний постсоветской России имела место попытка продажи проходных мест в партийных списках[1]. На наш взгляд, эффективной эта оптимизация будет только в том случае, если в основе законодательства о политических партиях будут лежать наказы избирателей, напрямую заинтересованных в защите своих интересов политическими партиями.

---

[1] Мосгорсуд вынес 26 мая 2014 года приговор по делу депутата Госдумы от КПРФ К. Ширшова. Он был признан виновным в мошенничестве в особо крупном размере и осужден на пять лет. По версии Следственного комитета России, в 2011 году Константин Ширшов вступил в сговор с Вадимом Гурджием, подыскивавшим лиц, готовых за крупные суммы войти в предвыборный список «Единой России». Предпринимателю Андрею Чернякову они предложили включить его в избирательный список партии «Единая Россия» за 6,5 млн евро, пообещав впоследствии сделать депутатом. Позже в ходе переговоров цена поднялась до 7,5 млн евро. 13 февраля 2013 года Госдума лишила депутата Константина Ширшова парламентской неприкосновенности и согласилась на его привлечение в качестве обвиняемого по уголовному делу о «торговле думскими мандатами», удовлетворив тем самым ходатайство генпрокурора России. Госдума дала также согласие на передачу уголовного дела в суд. За это решение в ходе тайного голосования высказались 294 депутата при необходимом минимуме 226 голосов, 25 были против и 65 воздержались. См.: Суд признал виновным в мошенничестве депутата Госдумы от КПРФ Константина Ширшова // Коммерсантъ. 2014. 26 мая.

УДК 34

Соборнов П. Е.,
кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

Конституция РСФСР 1918 года как пример оптимизации правового регулирования

Одним из дискуссионных вопросов в теоретико-правовом знании является *оптимизация правового регулирования, под которым понимается развитие правового регулирования, стремящееся к наиболее лучшему состоянию*. Весь вопрос заключается в критериях достижения лучшего состояния в воздействии государства на общественные отношения с помощью нормативных правовых актов. В процессе такого воздействия государства на общество возникают противоречия, которые создают невозможность регламентации правом различных сторон жизни общества, что снижает возможности правоприменения.

Эта проблема возникала на всех этапах развития отечественного права и была связана как с увеличением или сокращением объемов нормативно-правового регулирования общественных отношений, так и с заменой одних нормативных правовых актов другими. Одной из важнейших проблем, которая на протяжении многих столетий препятствовала оптимизации правового регулирования в России, было отсутствие программного документа, содержащего в себе основные принципы и ценности права. На протяжении нескольких столетий в России общественные отношения регулировались множеством нормативных правовых актов, которые не представляли собой системы, не содержали четких принципов права и имели весьма узкую сферу применения.

Казалось бы, создание Полного собрания законов Российской империи в 1830-х годах должно было разрешить вышеупомянутые противоречия, создать систему законодательных актов, разделить право на отрасли, но вместе с тем в этой кодификации российского права отсутствовали программные и ценностные

© Соборнов П. Е., 2023

принципы права, четкое определение функциональных задач законодателя и правоприменителя, а наличие 15-томного Полного собрания законов Российской империи 1832 года, конечно же, способствовало, по сравнению с правом предшествующих эпох, решению проблемы восполнения пробелов в законодательстве. Вместе с тем затрудняло процесс регулирования правом различных сторон жизни российского общества. Законы полного свода исходили из различных принципов, отсутствовала строгая логическая связь между отдельными нормами права. Один из выдающихся российских правоведов второй половины XIX века Г. Ф. Шершеневич утверждал, что «Свод законов убил кодификационное творчество, а стройность законодательных актов свода весьма обманчива»[1]. Обращали внимание отечественные историки права и на факты отсутствия рецепции российского опыта кодификации в других странах. Среди недочетов, требующих своего исправления и усовершенствования, существовавших на протяжении многих столетий в отечественной правовой системе, было отсутствие конституционного документа, содержащего в себе основные принципы законодательства, статус государства, полномочия высших органов государственной власти.

Именно по этой причине опыт создания первой конституции — Конституции Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее — РСФСР) 1918 года — и ее характеристика в качестве примера оптимизации правового регулирования представляет определенный интерес, так как это первый государственный нормативный правовой акт, в котором содержались программные характеристики государства, его сущность и специфика, приоритетность в отношении других законодательных актов.

Условиями такой оптимизации правового регулирования в России стали революционные события 1917 года и невиданные изменения в российском праве, выразившиеся в упразднении органами Советской власти многих нормативных правовых актов. Даже не смотря на сохранение определенной преемственности с дореволюционным правом, выразившейся в признании действия

[1] *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. Вып. 2. Москва, 1911. С. 434.

норм Полного собрания законов Российской империи до появления нового советского законодательства, положено начало разработки конституционного акта. Конституция РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 года, стала примером невиданной в отечественной истории оптимизации правового регулирования, связанного с исправлением основных недостатков дореволюционного законодательства. Данная конституция имела опыт своего изучения в отечественной историко-правовой науке в связи с тем, что:

1) Конституция РСФСР 1918 года заложила основы советского права и принципы Советского государства;

2) с минимальными изменениями эта Конституция в течение первых 20 лет советской эпохи закрепляла основные принципы советского права и государства.

К причинам появления первого в истории отечественного государства конституционного акта Советского государства относятся:

— невиданные изменения в государственном и общественном строе, не имевшие аналогов в истории отечественного государства, выразившиеся в организации органов Советской власти, ликвидации частной собственности, ликвидации обязательств бывших правительств перед иностранными государствами и передачи власти представителям рабочих и крестьян с подавлением интересов представителей буржуазии;

— формирование так называемого декретного правотворчества, входившего в противоречие с законодательными актами дореволюционной России и требующего своей систематизации и выстраивания иерархии законодательных актов молодой Советской республики;

— возникновение «революционного правотворчества» — целой системы нормативных актов, претендующих на регулирование общественных отношений после Октябрьской революции 1917 года в России, принятых чрезвычайными властными структурами, исходя из принципа революционной целесообразности как основного принципа, в соответствии с которым в Советской республике признавалось действие тех нормативных актов, которые «служили делу революции», а также интересам пролетариата и беднейшего крестьянства.

В Конституции РСФСР 1918 года были закреплены основные *принципы права*, которые отсутствовали в дореволюционном законодательстве:

— устранение эксплуатации человека человеком, устранение деления общества на классы и подавление эксплуататоров;

— ликвидация частной собственности и национализация ресурсов общегосударственного значения;

— введение всеобщей трудовой повинности для граждан РСФСР;

— вооружение трудящихся и разоружение бывших до революции имущих классов;

— временная организация Советского государства в качестве диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства.

Эти принципы позволили отменить огромное количество законодательных актов дореволюционной России и привести законодательство в соответствие с новой Конституцией РСФСР.

Законодательные акты о высших центральных и местных органах государственной власти в дореволюционной России достаточно часто противоречили друг другу.

В первой советской Конституции закреплялись: названия, правовой статус и сфера деятельности таких органов государственной власти, как Всероссийский съезд Советов, Всероссийский Центральный исполнительный комитет Советов, Совет народных комиссаров — правительство РСФСР.

Упорядочена была по новой советской Конституции и структура российского общества, представители которого делились на разные группы по отношению к собственности. Устанавливалась единая категория гражданства страны. При этом все граждане РСФСР были разделены на две большие группы в соответствии с текстом Конституции РСФСР 1918 года:

— граждане, «добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом»[1], за которыми были закреплены права на реализацию активного и пассивного избирательного права;

---

[1] *Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И.* Очерк истории Советской Конституции. Москва, 1987. С. 257.

— граждане, которые не могли осуществлять пассивное и активное избирательное право в связи с тем, что прибегали к наемному труду и жили на нетрудовые доходы. К этой второй категории советских граждан относились бывшие сотрудники полиции, монахи и священнослужители, осужденные за корыстные преступления.

Упорядочен был и механизм ознакомления граждан с новой Конституцией. Если в дореволюционной России изучение права было уделом специалистов в области юриспруденции, а в средних учебных заведениях осуществлялось преподавание курса: «законоведение», то в тексте Конституции РСФСР 1918 года преамбулой закреплялось поручение Народному комиссариату народного просвещения со стороны высшего органа власти — V Всероссийского съезда Советов «ввести во всех без изъятия школах и учебных заведениях Российской республики изучение основных положений настоящей конституции, а равно и их разъяснение и толкование»[1]. Это привело к возникновению на всех уровнях образования в РСФСР новой учебной дисциплины: «Конституция РСФСР», что способствовало повышению уровня развития правовых знаний в обществе, ставших важнейшим элементом оптимизации правового регулирования.

Таким образом, Конституция РСФСР 1918 года стала важным элементом оптимизации правового регулирования общественной жизни в Советской республике. К важнейшим элементам этой оптимизации правового регулирования относились:

1) четкое определение основных принципов отечественного права и механизма функционирования высших органов государственной власти;

2) закрепление статуса личности в обществе, разделенного на классы по имущественному принципу;

3) развитие целого механизма развития правовых знаний в советском обществе через пропаганду Конституции РСФСР 1918 года и ее программных положений.

---

[1] *Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И.* Очерк истории Советской Конституции. Москва, 1987. С. 239.

УДК 351.81

Соколов Д. В.
кандидат юридических наук, доцент кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка Нижегородской академии МВД России

Высокоавтоматизированные транспортные средства как новые участники правоотношений в области дорожного движения

Стремительное развитие общественных правоотношений в настоящий момент неразрывно связано с еще более стремительным развитием науки и техники. Одной из сфер общественной жизни, где это ярко заметно, является транспорт. Развитие получили все виды традиционного транспорта, включая воздушный, водный, железнодорожный и, разумеется, автомобильный. Последний вид транспорта претерпевает в настоящий момент уже революционные изменения, которые предполагают переход на новый уровень взаимоотношений водителя и автотранспортного средства, а также их взаимодействия с окружающей обстановкой, складывающейся в процессе дорожного движения. В Российской Федерации имеется четкая тенденция по внедрению высокоавтоматизированных транспортных средств в дорожное движение.

Отправной точкой этих процессов является постановление Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2018 года № 1415, которым было определено проведение правового эксперимента с 1 декабря 2018 года по 1 июля 2022 года с участием в дорожном движении высокоавтоматизированных транспортных средств (далее — ВАТС)[1]. Нормативно им вводились определе-

[1] О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств (вместе с «Положением о проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств»): постановление Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2018 года № 1415 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49, ч. VI, ст. 7619.

© Соколов Д. В., 2023

ния ВАТС, автоматизированной системы вождения и ряд других. Характерной особенностью такого транспортного средства являлось наличие водителя, который фактически «присматривал» за работой автоматизированной системы вождения, при необходимости вмешиваясь в ее работу.

По результатам этого правового эксперимента Правительством Российской Федерации было принято решение о продлении правового эксперимента в сфере ВАТС[1]. Одним из важнейших изменений в законодательстве, вносимых этим нормативным актом, является разделение ВАТС на две категории, первую и вторую, соответственно. И если транспортное средство первой категории предполагает наличие на водительском месте или переднем пассажирском сиденье водителя-испытателя, то транспортное средство второй категории функционирует уже без наличия водителя в режиме удаленной маршрутизации и диспетчеризации. Такая автоматизация движения автомобилем подпадает под уровень автоматизации вождения 5, зафиксированный в приложении к Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования (далее — Концепция)[2], а также уровни 4 и 5, установленные стандартом J1306 американской Ассоциации автомобильных инженеров[3].

В 2022 году использование ВАТС переводится на новый уровень. Постановлением Правительства Российской Федерации

---

[1] Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств: постановление Правительства Российской Федерации от 9 марта 2022 года № 309 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 12, ст. 1817.

[2] Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования: распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 марта 2020 года № 724-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 13, ст. 1995.

[3] См.: *Шадрин С. С., Иванова А. А.* Аналитический обзор стандарта SAE J3016 «Классификация, термины и определения систем автоматизированного управления движением АТС» с учетом последних изменений // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2019. № 3.

от 17 октября 2022 года № 1849 установлен экспериментальный правовой режим по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств[1]. В соответствии с ним на дороге общего пользования федерального значения М-11 «Нева» предусмотрена эксплуатация ВАТС, которые в том числе предназначены для перевозки грузов. С учетом разделения ВАТС в рамках этого правового эксперимента также на две категории по степени автоматизации, с наличием водителя-испытателя на месте водителя и без такового, речь идет о первом проекте в России, где по дорогам общего пользования будут передвигаться грузовики, имеющие автоматизированные системы вождения.

Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии утверждено (5 октября 2022 года) восемь государственных стандартов, направленных на внедрение систем искусственного интеллекта на транспорте. В числе этих норм следует отметить ГОСТ Р 70249-2022, который утвердил перечень основных терминов, используемых в сфере регулирования ВАТС, в том числе определение этого вида транспортных средств[2], которое по своему содержанию совпадает с содержанием ранее упоминаемой Концепции.

Среди качественных характеристик ВАТС нормативно выделяются: наличие автоматизированной системы вождения, наличие конкретной среды штатной эксплуатации, отсутствие человека как запасного варианта обеспечения безопасности дорожного движения. Фактически на текущем этапе развития технологии в

---

[1] Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств в отношении реализации инициативы «Беспилотные логистические коридоры» на автомобильной дороге общего пользования федерального значения М-11 «Нева»: постановление Правительства Российской Федерации от 17 октября 2022 года № 1849 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 43, ст. 7409.

[2] Национальный стандарт Российской Федерации. Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Высокоавтоматизированные транспортные средства. Термины и определения: ГОСТ Р 70249–2022: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 5 октября 2022 года № 1052-ст. Москва, 2022. С. 2.

России планируется развитие ВАТС, оборудованных специализированным аппаратным и программным обеспечением, позволяющим транспортному средству участвовать в дорожном движении, но при условии, что среда штатной эксплуатации тщательно подготовлена или подобрана под эти задачи.

Для успешной реализации задач по внедрению ВАТС в дорожное движение техническими нормами, в частности ГОСТ Р 70250–2022, определяется минимальный набор подсистем искусственного интеллекта, которые должны быть задействованы на автомобильном транспорте[1]. При этом следует придерживаться определения искусственного интеллекта, приводимого в ГОСТ Р 59277–2020, под которым следует понимать в первую очередь комплекс технических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, которые соотносимы с интеллектуальной деятельностью человека[2].

Мы полагаем все же, что говорить о создании человекоподобной системы, принимающей решения в дорожной ситуации столь же гибко и вариативно, в настоящее время преждевременно. Анализируя содержание государственных стандартов, принятых 5 октября 2022 года, необходимо обратить внимание на их ориентированность в первоочередном порядке на те процессы, моделируя которые в виртуальной среде или воссоздавая на практике, можно будет говорить о достижении такого уровня совершенства аппаратных и программных компонентов ВАТС, при котором их поведение приблизится к человекоподобному.

На наш взгляд, в настоящее время имеет место лишь попытка вывода «электронных помощников», уже использующихся на автомобильном транспорте, на новый уровень. Речь идет, напри-

---

[1] Национальный стандарт Российской Федерации. Системы искусственного интеллекта на автомобильном транспорте. Варианты использования и состав функциональных подсистем искусственного интеллекта: ГОСТ Р 70250–2022: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 5 октября 2022 года № 1053-ст. Москва, 2022.

[2] Национальный стандарт Российской Федерации. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта: ГОСТ Р 59277–2020: утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 23 декабря 2020 года № 1372-ст. Москва, 2021. С. 3.

мер, об объединении посредством программного обеспечения систем, которые следят за скоростью и положением автомобиля относительно дороги и препятствий на ней, датчиков освещенности, ускорения, температуры, камер обзора автомобиля, средств связи как в автомобиле, так и вокруг него, навигации, технических средств организации дорожного движения и т. п. Такое разумное сочетание технических инноваций позволит реализовать важнейшие принципы, которые заложены в статье 4 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ. Среди них необходимо отметить принципы: недопустимости ограничения конституционных прав и свобод граждан, обеспечения безопасности личности, общества и государства[1]. Как справедливо высказывают предположение А. И. Чучаев и С. В. Маликов о соотношении нравственных и правовых аспектов в процессе эксплуатации беспилотных транспортных средств, в число которых ими включены и автономные их виды, развитие ВАТС приведет к решению проблем нетехнического характера, хотя и вытекающих из действий автопилота: выбора наиболее приемлемого числа жертв в случае их неизбежности, причинение вреда в состоянии крайней необходимости[2].

А. О. Ананенко в свою очередь затрагивает еще один существенный вопрос эксплуатации беспилотных транспортных средств и ВАТС в частности: повышенные требования к лицам, участвующим в их эксплуатации, обслуживании[3]. Безусловно, такая проблема станет все более актуальной по мере использования ВАТС, так как возрастающая сложность систем автомобиля и инфраструктуры, позволяющей его эксплуатировать, остро ставит вопрос подготовки кадров для этой сферы.

---

[1] Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31, ч. I, ст. 5017.

[2] См.: *Чучаев А. И., Маликов С. В.* Нравственные и правовые аспекты ответственности за причинение вреда беспилотными транспортными средствами // Транспортное право. 2022. № 3. С. 17.

[3] См.: *Ананенко А. О.* Беспилотные транспортные средства: проблемы практического использования // Административное право и процесс. 2022. № 8. С. 73–74.

В дополнение к названной проблеме встает вопрос ответственности разработчиков составных подсистем ВАТС, так как именно результат их интеллектуальной деятельности во многом определяет уровень безопасности дорожного движения. При всех попытках современных разработчиков выдать результат работы программных алгоритмов за деятельность искусственного интеллекта, но все же именно человек задает направление «мышления» этих систем[1]. И то, сколько вариантов поведения есть у той или иной системы, обрабатывающей данные, поступающие от соответствующих подсистем ВАТС, закладывается на этапе их проектирования и отладки, то есть именно человеком, а не неким самодостаточным алгоритмом-разработчиком.

Логичным видится в этой связи развитие норм, которые затрагивают правовую сферу использования ВАТС: ответственность владельца данного источника повышенной опасности; ответственность разработчика программного и аппаратного обеспечения, используемого для автономного движения автомобилей; ответственность операторов, участвовавших в процессе прокладки маршрута движения транспортного средства; ответственность лиц, вмешивающихся в нормальное функционирование подсистем ВАТС; лиц, умышленно создающих помехи для движения таких транспортных средств; и т. д. Перечень вопросов, безусловно, не является закрытым, поскольку эта сфера общественных отношений в России и в мире в целом находится лишь в стадии активного становления, поэтому взвешенный подход к определению баланса публичных и частных интересов должен лежать во главе угла построения новых правоотношений, так как перенос фокуса интересов в ту или иную сторону чреват либо остановкой развития этой сферы, либо созданием прямой угрозы жизни, здоровью, имуществу частных лиц, либо интересам общества и государства в целом.

[1] См.: *Белоус М.* Как не поддаться на обман ChatGPT и как обмануть его самому // Электронное периодическое издание «3ДНьюс». URL: https://3dnews.ru/1084679/kak-obmanut-chatgpt-i-ne-poddatsya-na-ego-obman (дата обращения: 17.04.2023).

УДК 34:004.9

Солдаткина О. Л.,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Саратовского филиала Института государства и права РАН

Сквозные цифровые технологии как средство оптимизации правового регулирования

Существенное движение к цифровизации всех форм общественных взаимодействий дали ограничительные мероприятия, связанные с пандемией. Правовой системе также пришлось перестраиваться в срочном порядке: например, в виртуальное пространство сети «Интернет» вынужденно переместились судебные заседания, законотворческая работа и т. д., представляющие собой разновидность собраний.

Кроме того, в силу бурного развития цифровой коммуникации по прочим жизненным вопросам (речь идет об онлайн торговле, телемедицине, оказании госуслуг, удаленных заседаниях диссертационных советов и т. д.) от права потребовалось сопровождение быстрой перестройки, решения возникающих новых конфликтных ситуаций. Остро встали и вопросы информационной безопасности, и обусловленные цифровой средой требования к организации взаимодействий. Все это в совокупности вызвало необходимость оптимизации правового регулирования, включая ориентированность на глобальный процесс цифровизации и поиск новых решений — организационных, юридических, технических.

Цифровая среда предоставляет множество технических решений, которые могут помочь создать среду доверия для взаимодействующих сторон, обеспечить быстрый обмен информацией, обрабатывать огромные массивы данных и знаний, помогать в принятии решений и прочее, однако к особенностям цифровой среды относятся идемпотентность сложения информации и нейтральность, что в совокупности вызывает риски не только не решить ситуацию с правовым регулированием, но и ухудшить ее, поэтому применение тех или иных технологий не может считать-

© Солдаткина О. Л., 2023

ся панацеей для решения всех проблем, более того, требуется осторожность, обоснованность и взвешенность. Например, увлеченность внедрением новых информационных систем в судебном процессе зачастую приводит к их фактическому дублированию и увеличению нагрузки на судей и их аппарат.

Неоднозначная ситуация и с применением термина «оптимизация правового регулирования». Здесь существует ряд вопросов, затрудняющих работу в этой области.

1. Разграничение понятий «оптимальность» и «эффективность».

Что касается эффективности, то задачи участия в дискуссии относительно наполнения данного понятия перед нами не стоит, поэтому просто согласимся с мнением М. Н. Шрамковой, определяющей эффективность правового регулирования в широком смысле, когда к результативности как основному показателю эффективности присоединяются и другие критерии, позволяющие оценить это качество правовой формы (организационный, экономический и др. факторы)[1]. И тем не менее фактор достижения поставленных целей является основным, а вот средства достижения — вторичны.

В отличии от эффективности, оптимизация — это процесс, целью которого является получение оптимальной системы[2], то есть понятие «оптимизация» акцентируется на средствах, что особенно актуально в техническом разрезе.

2. Истинно оптимальная система достигается не всегда, поэтому оптимальное состояние динамично и нуждается в поддержке, оно не может рассматриваться как достижение цели. Более того, текущее оптимальное состояние может работать на перспективу (быть не самым лучшим сейчас, но стать таковым через некоторое время), то есть для оптимизации возможна опережающая конструктивная форма (это часто встречается в сфере правотворчества).

Поиск наиболее удачных подходов к наполнению понятия идет и для правового регулирования. Мнения ученых правоведов разнят-

---

[1] См.: *Шрамкова М. Н.* Эффективность процессуально-правового регулирования в современной России: понятие и критерии оценки // Право в современном мире. 2014. № 2. С. 57–92.

[2] См.: *Ягофаров Д. А., Хридина Н. Н., Васильченко Е. А.* Образовательное нормотворчество и кодификация российского законодательства об образовании: монография. Екатеринбург, 2006. URL: http://www.lexed.ru/pravo/theory/normotvorchestvo (дата обращения: 14.05.2023).

ся от регламентирования общественных отношений соответствующим образом[1] до специфической государственной деятельности[2] или установления соответствующего правила[3], однако все подходы обобщаются по средствам воздействия юридических инструментов на общественные отношения с целью их упорядочения.

Для решения задач оптимизации в теории систем характерна следующая схема: описывается начальное (текущее) и конечное (оптимальное) состояние системы — и на основе их разницы подбираются средства оптимизации. Естественно, такая глобальная задача, как оптимизация правового регулирования разбивается на множество подзадач, так как в силу разницы предметов правового регулирования (одно дело рассмотрение мелких споров относительно некачественных товаров, и совсем другое — регулирование финансовых потоков государства) не может быть решена в целом. Сузим задачу.

Во-первых, в рамках данного исследования остановимся на вопросе о технических (цифровых) средствах оптимизации правового регулирования, проанализировав далее, какие технологии и как могут быть использованы для оптимизации.

Поскольку цифровых технологий также множество, рассмотрим самые ключевые из них, обозначаемые, начиная с Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 года[4], как «сквозные информационные технологии», потому что именно они оказывают наиболее существенное влияние на развитие цифровой среды. В действующей национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации»[5] перечня сквозных технологий нет, однако косвенно можно установить, что к сквозным технологиям относятся: искусственный интеллект, робо-

---

[1] См.: *Матузов Н. И.* Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы исследования субъективного права. Саратов, 1972. С. 63–65.

[2] См.: *Беляев В. П., Нинциева Т. М.* Сущность и соотношение правового и процессуально-правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2020. С. 49–50.

[3] См.: *Недбайло П. Е.* Применение советских правовых норм. Москва, 1960. С. 95.

[4] URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/47173 (дата обращения: 15.05.2023).

[5] URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/ (дата обращения: 15.05.2023).

тотехника, большие данные, системы распределенного реестра и другие.

Во-вторых, поскольку правовое регулирование обеспечивается прежде всего через установление правовых норм, рассмотрим, какие именно сквозные технологии возможны к применению в процессе нормотворчества для его оптимизации.

Нормотворчество — это важнейший вид деятельности, от эффективности которого зависят и возможности по применению правовых предписаний, и уровень доверия населения к власти, поэтому при оптимизации посредством внедрения цифровых технологий здесь важно здраво оценивать соотношение положительного потенциала и рисков. В частности, применяемые технологии должны быть «оформлены» юридически (и в этом также будет заключаться оптимизация правового регулирования).

Регулирование технологий в целом состоит из этических принципов их реализации, технических стандартов, принципов управления их применения[1]. Сквозные технологии не будут исключением.

Поскольку цифровая оптимизация нормотворчества в последние годы связывается с развитием машиночитаемого права, основанного на онтологии права[2], то востребованных для оптимизации сквозных технологий видится две — искусственный интеллект как основная и обработка больших данных как подготовка баз данных и знаний для работы систем искусственного интеллекта. Их и охарактеризуем далее с позиции развития их правового регулирования (для оценки применимости при оптимизации правового регулирования через нормотворчество) и практической пользы от их применения.

Большие данные (big data) — в целом, вопросов по поводу того, что представляют собой большие данные, хватает. К таковым отно-

---

[1] См.: *Токолов А. В.* Особенности правового регулирования технологии блокчейн // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1. С. 149–151.

[2] Концепция развития технологий машиночитаемого права: утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 15 сентября 2021 года № 31). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2023).

сят как технологии, которые любым образом работают со слишком большими и (или) сложными для обработки традиционными программами наборами данных, так и сами такие наборы. В данной статье рассматриваются большие данные именно как информационные наборы. Спектр возможностей их применения велик, так как боьшинство систем искусственного интеллекта обучаются на датасетах — и чем подробнее будет датасет, тем выше качество обучения. Главной опасностью при использовании технологии больших данных с точки зрения их использования в судебном процессе является нарушение режима персональных данных.

В Российской Федерации еще не определен механизм включения больших данных пользователя в перечень информации ограниченного доступа. Проблемы предстоит решить следующие:

1. Определение границ изучения личности.

2. Установление регулирования использования больших данных с точки зрения персональных данных как особого регулирования для больших пользовательских данных или как части структуры персональных данных.

3. Непроработанность терминологического аппарата: как отмечалось ранее, под большими данными понимается информация, технология или информация и технология вместе. Такая неопределенность не позволяет установить эффективное правовое регулирование.

Искусственный интеллект является сегодня крайне востребованной при цифровой трансформации любой сферы технологией даже с учетом наличия множества юридических, технологических и этических проблем.

Здесь нет терминологической неопределенности. По Указу Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»[1], искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных

[1] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41, ст. 5700.

задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе использующее методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Существуют и нормы, задающие направление развития систем искусственного интеллекта: упоминаемый ранее Указ Президента Российской Федерации № 490; Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года (распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 года № 2129-р[1]), однако видно, что данный тип правового регулирования можно охарактеризовать как «мягкий», так как не задаются варианты ответственности за принятые искусственным интеллектом решения и совершенные им ошибки. Из-за этого, в частности, возникают сложности при пересечении с областью прав человека. Подобные проблемы возникают только для систем сильного искусственного интеллекта как самообучающихся устройств, способных пройти тест Тьюринга и самостоятельно принимать решения. Конечно, полноценного сильного искусственного интеллекта сегодня не существует, но в любом случае без решения вопроса о его ответственности говорить о его бесконтрольном применении преждевременно из-за высокой цены ошибки. Вопрос ответственности систем искусственного интеллекта или прочих субъектов, участвующих в его создании, обучении, применении, сегодня еще предстоит решить.

Таким образом, оптимизация правового регулирования, если рассматривать последнее как основанное на нормах, с технической стороны лежит в сфере применения технологий машиночитаемого права, концепция которого в свою очередь предполагает использование некоторых сквозных технологий, но для их правомерного использования в сфере применения предстоит решить ряд вопросов.

---

[1] Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 года № 2129-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 35, ст. 5593.

УДК 37.014:004

Фирсова А. М.,
доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры философии Нижегородской академии МВД России, лауреат премии правительства Российской Федерации в области образования

Этико-правовые проблемы современного образования в цифровую эпоху

Этико-правовая проблематика занимает умы человечества не одно тысячелетие, что представляется вполне закономерным — как только человечество выработало основы общественной морали на основе табу, обычаев и традиций, а затем и юридически закрепленных нормативных актов (законов), практически каждый день возникают этические коллизии, то вступающие в противоречивые отношения с законами, то являющиеся следствием их принятия, касаясь всех сфер жизни социума как в процессе исторического развития, так и в современной нам реальности сегодняшнего дня.

В XXI веке острее всего новые реалии современного технократического мира и стремительно развившегося цифрового пространства отразились на сфере образования, касаясь практически каждого его этапа, представленного системой соответствующих образовательных учреждений разного уровня.

Исходя из направления обозначенной тематики данной статьи, представляется необходимым выделить ряд достаточно крупных этико-правовых проблем, возникших благодаря приходу в систему современного образования массовой цифровизации.

Одной из самых актуальных сегодня становится этическая проблема возможности/недопустимости возрастного ограничения для абитуриентов, поступающих в высшие учебные заведения на обучение по образовательным программам различных направлений (специальностей), не отраженная и в новой редакции «Закона об образовании в Российской Федерации» (ст. 70 «Общие требования к организации приема на обучение по программам бака-

© Фирсова А. М., 2023

лавриата и программам специалитета»), что по-прежнему дает возможность создания прецедентов обучения для физически и психологически не сформировавшихся несовершеннолетних обучающихся, окончивших обучение экстерном и сдавших Единый государственный экзамен (ЕГЭ)[1].

Следующая этико-правовая проблема связана со способами представления сайтов образовательных организаций в сети «Интернет». Начиная с системы дошкольных образовательных организаций и заканчивая официальными сайтами высших учебных заведений для организаций, специализирующихся на образовании, сегодня обязательным стало требование размещения в сети «Интернет» (цифровой среде) полной информации о их деятельности, кадровом составе и его квалификации.

Данное требование касается всех организаций образования, кроме специализированных — находящихся в ведении Министерства обороны и Министерства внутренних дел. Таким образом, возникает современная нам этическая проблема системы образования: дилемма «открытость» образовательной организации — «защита персональных данных» его сотрудников.

Разрешение данной проблемы можно предложить путем обязательной регистрации и авторизации пользователей на той платформе, где размещается сайт образовательной организации, что позволит отслеживать его посещение, но до решения этой проблемы в масштабном порядке сегодня еще весьма далеко.

Кроме того, существует этическая проблема приоритетности выбора алгоритма действий в той или иной образовательной ситуации у различных высших учебных образовательных организаций по отношению друг к другу с точки зрения возможности урегулирования правовых отношений в сфере образования, как отражено, например, в статье 4 «Правовое регулирование отношений в сфере образования»[2].

---

[1] Статья 70 «Общие требования к организации приема на обучение по программам бакалавриата и программам специалитета». См.: Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ. URL: https://zakonobobrazovanii.ru/glava-8/statya-70 (дата обращения: 27.04.2023).

[2] URL: https://zakonobobrazovanii.ru/glava-1/statya-4 (дата обращения: 27.04.2023).

Часть 7 распространяет действие законодательства об образовании на все организации, осуществляющие образовательную деятельность на территории Российской Федерации, а часть 8 той же статьи делает исключение в этом порядке для МГУ, СПбГУ и «Сколково», для которых приоритет устанавливается такими же федеральными законами[1].

Следующий ряд этически проблемных ситуаций возникает при массовом применении дистанционных технологий в образовательном процессе и сегодня продолжает существовать и в «реальном» формате.

Если ранее, в XX столетии, дистанционное образование не носило массового характера и являлось, в основном, дополнительным видом профессионального образования взрослых, в рамках получения высшего образования в заочной форме или курсов повышения квалификации, то теперь, с наступлением пандемии 2020 года, все виды образовательных организаций были вынуждены перейти на дистанционный формат, что тоже породило ряд этических проблем:

— возникает проблема наличия/отсутствия применения оценки критериев качества образовательного процесса в цифровой среде, что нарушает основные этические требования к процессу воспитания и образования;

— достаточно спорной с этической точки зрения представляется также периодически обсуждаемая в средствах массовой информации возможность замены профессии учителя/преподавателя на систему цифровых программ;

— возникает этико-правовой вопрос по поводу выполнения условий договора к образовательному учреждению с точки зрения объема и качества оказываемых услуг, если образовательная программа по тому или иному направлению (специальности), большей частью социогуманитарном, реализуется на платной основе в очной форме, что создает прецеденты для значительного количества правовых претензий сторон друг к другу вплоть до судебных процессов;

[1] Статья 4 «Правовое регулирование отношений в сфере образования». См.: Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ. URL: https://zakonobobrazovanii.ru/glava-1/statya-4 (дата обращения: 23.04.2023).

— одновременно возникает этически сомнительное допущение, содержащее представление о том, что образовательные услуги, оказываемые безвозмездно, когда обучение по образовательным программа реализуется на бюджетной основе, то с подачи руководства высших учебных заведений практически полностью переносятся в онлайн-формат, в силу целого комплекса различных обстоятельств (отсутствие помещений для учебного процесса, занятость профессорско-преподавательского состава и т. д.).

В период пандемии (и впоследствии) образовательный процесс оказывается (что практикуется до сих пор) перенесен в онлайн-формат и часто ограничен даже не проведением занятий лекционного или семинарского типа, а выкладыванием заданий для самостоятельного выполнения в личный кабинет обучающегося. Насколько правомерной представляется подобная организация учебного процесса — сложный этический вопрос;

— достаточно острой становится проблема отсутствия эмпатии в процессе педагогического общения обучающегося и педагога (и учителя/преподавателя образовательной организации, и онлайн-репетитора), поскольку происходит подмена образа педагога продуктом виртуальной реальности (данная проблема настолько актуальна, что сегодня даже выдвигаются предложения о запрете придания антропоморфных черт искусственному интеллекту (ИИ)[1];

— проблема неправомерности объема затрачиваемого рабочего времени у компьютера и неоправданной этически и законодательно дополнительной нагрузки на здоровье и частную жизнь педагога за счет сверхурочной подготовки к реализации образовательных программ в цифровой среде и дистанционном формате;

— проблема неправомерности объема затрачиваемого рабочего времени у компьютера и неоправданной этически и законодательно дополнительной нагрузки на здоровье обучающегося, который вынужден не только воспринимать информацию с экрана компьютера (ноутбука, планшета, телефона и любого другого гаджета), но и осуществлять дополнительную подготовку к занятиям в том же цифровом формате;

[1] *Устинова А., Киселева А.* РПЦ призвала запретить ИИ с человеческим лицом // Ведомости. 2023. 26 апреля.

— при подготовке значительно возросшего количества заданий обучающийся в целях оптимизации процесса закономерно пользуется информацией и готовыми работами, размещенными в цифровом пространстве (сети «Интернет»), выдавая их за результат собственной образовательной деятельности, что порождает проблему массового плагиата и нарушения авторских прав на постоянной основе.

Этическая же сторона данного вопроса нивелируется полностью, поскольку количество заданий, направленное на реализацию как виртуального, так и «реального» формата программы обучения, перевешивает в глазах обучающихся моральную составляющую проблемы;

— уровень этической сомнительности авторства автоматически выполняемых заданий (написания контрольных, рефератов, курсовых, выпускных квалификационных и дипломных работ) путем применения различных виртуальных программ порождает вопрос выбора виноватого в данной ситуации, которым в итоге оказывается руководитель обучающегося[1];

— этическая проблема полного отсутствия законодательно утвержденных норм сетевого этикета в образовательном процессе и нарушения границ личного пространства, особенно — частного времени жизни педагога (учителя и преподавателя) в ситуации постоянного (24/7) нахождения на связи в виртуальном пространстве мессенджеров и социальных сетей, созданных для коммуникации в сети «Интернет» учебных групп (обучающиеся вузов) и родительских чатов (обучающиеся средней общеобразовательной школы).

Нельзя утверждать, что не существует никаких подвижек в этой области — в качестве примера можно привести разработанный в октябре 2021 года «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (ИИ)»[2], который носит рекомендательный характер и предлагает присоединяться к нему на добровольной основе. Сле-

[1] *Абрамов А.* Нейросеть за один вечер написала диплом за российского студента. Преподаватели в шоке — как теперь проверять знания? // Комсомольская правда. 2023. 1 февраля. URL: https://www.msk.kp.ru/daily/27460/4714947/A (дата обращения: 12.04.2023).

[2] Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: https://ethics.a-ai.ru/ (дата обращения: 20.04.2023).

дует также обратить внимание, что этот рекомендательный документ не затрагивает сферу образования, касаясь вопросов бизнеса и связанных с ним аспектов коммуникации в сети «Интернет».

Пути решения перечисленных в статье этических проблем виртуальной реальности в пространстве современного образования сегодня являются полем для обширной интегрированной дискуссии как научно-образовательного сообщества, так и всего современного социума в целом.

Начало обсуждения и разработки этических норм в виртуальной реальности, несомненно, положено, но это лишь один аспект обсуждаемой проблемы, поскольку остро не хватает подобного же, но при этом — юридически обоснованного и нормативно закрепленного документа как во всей онлайн-сети в целом, так и в виртуальном пространстве современного образования.

Возможно, создание юридической платформы в сети «Интернет», предназначенной для дискуссионного обсуждения данных специализированных этических проблем современного образования, могло бы со временем привести к разрешению части из них.

УДК 348.71

Хрущев С. В.,
преподаватель кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (г. Екатеринбург)

Церковное право в правовом регулировании в России: исторические контексты

Государственно-церковные отношения в любом социуме представляют сложную сферу правового регулирования. Динамика их исторического развития и современное состояние характеризуют многоплановый круг проблем, теоретический уровень обобщения которых позволяет обозначить основные исследовательские пространства в следующих основных проекциях.

© Хрущев С. В., 2023

Понимание церковного права и процессов его интеграции в систему русского права выступает исходным вопросом и связано с взаимоотношениями государства и церкви. При их изучении следует исходить из положений общей теории права. Прежде всего отметим, что правовое регулирование является процессом целенаправленного воздействия государства на общественные отношения при помощи специальных юридических средств и методов, направленных на их упорядочивание и стабилизацию[1]. Одновременно представляется необходимым обратить внимание и на понимание интеграции в теории права, под которой понимается «объективно обусловленный уровнем развития системы общественных отношений процесс появления новых правовых общностей, ассоциаций норм, институтов и отраслей права, увеличения числа функциональных связей между нормами права, взаимопроникновения и взаимодействия частных и публичных начал в праве, развитие единства и взаимообеспечения материальных и процессуальных правовых предписаний», — отмечает Д. Е. Петров. Он также обращает внимание и на то, что «систематизация законодательства <…> оформляет процесс интеграции в праве, придает ему внешне организованную форму»[2].

Использование указанных теоретических подходов позволяет на историко-юридическом уровне в ретроспективной проекции показать ход включения канонического и церковного права в процессы развития российского права и систематизации законодательства. Исключением в этом отношении не является и сфера государственно-церковных отношений, специфика правового регулирования в которой обусловлена особым местом религии в жизнедеятельности общества и связана с положением церкви как социального института, осуществляющего религиозную деятельность, и определяется государственной конфессиональной политикой с использованием в ее реализации как различных государственно-управленческих и нормативно-регулятивных форм, так и использованием систематизации для интеграции канонического и

---

[1] См.: *Алексеев С. С.* Общая теория права. Москва, 1982. Т. 2. С. 288–305.

[2] *Петров Д. Е.* Интеграция права и унификация законодательства: вопросы соотношения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 6. С. 44–49.

церковного права в национальные правовые системы, также в системы права и законодательства.

Понимание церковного права в юриспруденции и богословии не имеет единых подходов к его определению — оно рассматривается в единстве с правом каноническим и обозначением его как права церковного с делением на внутреннее (действующее внутри церкви) и внешнее (определяющее отношения между церковью и государством) или в варианте равнозначных обозначений — церковное (каноническое право) и т. п.[1] При этом указанный вопрос достаточно четко обозначил в юриспруденции еще в начале XX века российский теоретик права и цивилист Г. Ф. Шершеневич: «В пределах государства, а иногда и выходя за его пределы, располагается союз лиц, объединенных общностью христианской религии, который носит название церкви. Жизнь такого религиозного союза поддается нормировке в двояком отношении: со стороны внутренних отношений среди членов церкви и со стороны внешних отношений церкви как общественного союза к государству, как высшей принудительной организации. На этой почве создалось двоякое право: а) каноническое и б) церковное. Отождествление этих *двух* терминов является неправильным.

Под именем канонического права понимается <…> в Восточной церкви — право, содержащееся в канонах периода вселенских соборов. Каноническое право, следовательно, дает нам нормы, церковные по своему происхождению, хотя бы по своему содержанию они выходили за пределы интересов церкви, как, например, по вопросу о браке, собственности, владении, договорах.

Церковное право дает нормы, церковные по своему содержанию, хотя бы своим происхождением они обязаны были не церкви, а государству. Отсюда обнаруживается несовпадение понятий о каноническом и церковном праве и затруднение при определении места в системе права <…> В действительности следует признать, что каноническому праву вообще нет места в системе пра-

[1] См.: *Дорская А. А.* Церковное право как предмет научной дискуссии: основные направления изучения церковно-правовых вопросов в постсоветский период // Христианское чтение. 2018. № 1. С. 134–143; *Осавелюк А. М., Эриашвил Н. Д.* Особенности содержания и структуры церковного права // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 11. С. 31–36.

ва. Это учение о нормах sui generis. Что касается церковного права, то, поскольку оно своим происхождением обязано государству, а по содержанию определяет положение церкви в государстве, — оно есть право государственное, а следовательно, вид публичного права»[1]. Это понимание церковного права наиболее четко обозначало его связь с государством, выводило регулирование государственно-церковных отношений в сферу публичного права и обобщало многовековой опыт правового регулирования в России в этой сфере. Одновременно церковное право отграничивалось от права канонического и связывалось с публичной сферой правового регулирования.

При всем современном многообразии взглядов на понимание и структуру церковного права считаем необходимым исходить из подходов, которые представляет современный исследователь церковного права А. А. Дорская и по мнению которой «нормы канонического права принимались только церковными органами и становились нормами церковного права, только если получали санкцию государства», а «церковное право являлось позитивным правом, источником которого являлось государство»[2]. В теологии указанной позиции придерживается протоиерей Александр Задорнов: «считать предметом дисциплины Каноническое право (jus canonicum) не только церковно-правовые тексты I тысячелетия церковной истории, но и все нормы, регламентирующие внутреннее устройство церкви и ее отдельных институтов (церковная иерархия, брак, судопроизводство и т. д.)»[3], а «церковным правом (jus ecclestiasticum) следует называть те нормы, которые регулируют отношения церкви и внешних по отношению к ней институтов (прежде всего — государства)»[4].

---

[1] *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. Москва, 1912. Вып. 3. С. 553–554.

[2] *Дорская А. А.* Эволюция места канонического (церковного) права в системе права России // Юриспруденция. 2010. № 2. С. 39; *Ее же.* Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права. Санкт-Петербург, 2007. С. 42–47.

[3] *Задорнов А.* Каноническое право: между нигилизмом и законничеством // Научный богословский портал. Богослов.ru. URL: https://bogoslov.ru/article/6171354 (дата обращения: 22.04.2023).

[4] Там же.

В итоге можно констатировать, что церковное право с точки зрения правового регулирования представляет сферу воздействия на общественные отношения, которые связаны с положением церкви в социально-политической и государственно-правовой системах общества и которые определяют государственно-церковные (с позиции государства) и церковно-государственные (с позиции церкви) взаимоотношения как социальных институтов. Соответственно церковное право начинает отграничиваться от права канонического, приобретает публичный характер и интегрируется в правовую систему и систему права в качестве обособленного правового образования.

Церковное право в контексте изучения развития правового регулирования в России показывает динамику присутствия в ней церковно-регулятивных и государственно-регулятивных форм и механизмов его санкционирования государством, интеграции церковно-правовых норм в российскую правовую систему и систему права, а также их включения в акты систематизации законодательства. Следует подчеркнуть, что в исследовании указанных процессов представляется необходимым основываться и на методе исторической аналитической периодизации, который позволяет во взаимосвязи изучения истории Русской церкви, российской государственно-правовой истории и истории церковного права показать ход интеграции и место последнего в правовом регулировании в России в X — начале XX века.

В изучении церковного права важно учитывать три сложившихся в современной науке и связанных между собой периода, обусловленные спецификой его формирования и развития. На пересечении различных этапов развития церкви, государства и права возможно продуктивное изучение генезиса канонического и церковного права в конкретно-исторических проекциях. В периодизации истории церкви (В. А. Цыпин) выделяются периоды «зависимости Русской церкви от Константинопольского патриарха», «после учреждения патриаршества в Москве в 1589 году» — «автокефального бытия Русской церкви» и «синодальная эпоха»[1]. В периодизации истории государственно-конфессиональных отношений в сочетании с историей развития государственности и права в Рос-

[1] *Цыпин В. А.* Каноническое право. Москва, 2009.

сии (Ю. П. Зуев) выделяются временные периоды — «Древнерусское государство и церковь (X–XIII вв.)», «Светская власть и церковь в условиях феодальной раздробленности и формирования русского централизованного государства (XIV — середина XVI в.), «Вероисповедная политика Российского государства в период сословно-представительной монархии (2-я половина XVI–XVII в.)», «Государственная вероисповедная политика в эпоху Российской империи (XVIII — начало XX в.)»[1].

В процессах трансформации канонического права в право церковное (А. А. Дорская) выделяются следующие периоды: X–XV века, когда «каноническое право было воспринято в период крещения Руси как часть византийского права»; конец XV–XVIII веков — время, в которое «каноническое право приобрело самостоятельный статус в системе права России и представляло собой постановления церкви по делам церковной жизни и верующих»; конец XVIII века — 1917 год период, когда «каноническое право трансформировалось в церковное право — государственное законодательство по церковным делам и часть норм канонического права, получивших санкцию государства»[2].

Рассмотрение динамики присутствия церковного права в правовом регулировании и его интеграции в систему права в России отражает исторические процессы включения положений церковно-правовых источников в практики законодательной деятельности и систематизации законодательства. Источниковый аспект исследования истории взаимодействия церковного права и права светского как методологический подход позволяет определить основные черты трех отдельных периодов: X–XV века, XV–XVIII века, XVIII век — 1917 год.

Прежде всего необходимо учитывать, что церковное право появляется в правовом регулировании и нормировании общественных отношений в Древней Руси с принятием христианства в

---

[1] Наследие. Вып. 1: Религия — общество-государство: институты, процессы, мысль. Кн. 1. История государственно-конфессиональных отношений в России (X — начало XXI века). Ч. 1. X — начало XX века / сост. Ю. П. Зуев. Москва, 2010. С. 16–17.

[2] *Дорская А. А.* Эволюция места канонического (церковного) права в системе права России // Юриспруденция. 2010. № 2. С. 37–43.

998 году Образование Русской православной церкви и прибытие греческого духовенства привнесло на Русь православную веру, церковную организацию, регулирование деятельности в этой сфере на основе относительно автономной системы византийских источников канонического и церковного права в рецептивных преломлениях в деятельности церковных учреждений в славянских странах. Это были сделанные в Болгарии и Сербии переводы источников церковно-правовых регуляций — Эклога (использовалась под названием «Закон судный людям»), Прохирон, Номоканон (два варианта) и Номос георгикос (Земледельческий закон).

Важное значение в формировании источников церковного права имело официальное введение на Руси в 1274 году митрополитом Кириллом Кормчей книги — славянского перевода Номоканона святого Саввы Сербского, выступавшего своего рода инкорпорацией канонического и церковного права. Основную часть Кормчих книг составляли правила Апостольские, Вселенских, Поместных соборов, сочинения Отцов Церкви, переведенные с греческого на славянские языки. Кроме этого, в ее состав вошла Эклога под названием «Леона Царя Премудрого и Константина Верного Царя главизны о совещании обручения и о брацех и о иных различных винах» и ее переработанный отрывок — «Закон судный людям Царя Константина Великого». Также в Кормчую книгу был включен Прохирон, названый названием «Закон градский»[1].

О. В. Ключевский отмечает, что «Кормчая принесла на Русь первые образцы связного уложения, построенного не на пережившем себя обычае или случайном усмотрении власти, а на последовательном развитии известных юридических начал, отвечающих насущным потребностям общества. С тех пор начались и у нас опыты составления по разным отраслям действовавшего права кратких сводов, подобных тем, какие так любила и так умела составлять греко-римская юриспруденция. <…> Разумеется, эти опыты далеко отставали от своих образцов как в кодификационной технике, так и в выработке юридических начал, но они будили юридическую мысль, отрывая ее от непосредственных явле-

[1] См.: *Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т.А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию. Москва; Санкт-Петербург, 2017.

ний, приучая подбирать однородные юридические случаи и из них извлекать общие правила, юридические нормы»[1].

В формировании церковного права в Древней Руси выделяются три группы источников, которые обозначили основные направления его создания и, соответственно, познания. Это источники: (1) «имеющие церковное (божественное) происхождение»; (2) «государственное законодательство и церковные правила Византийской империи, рецепция которых была осуществлена в Древней Руси»; (3) «государственное законодательство Древней Руси по делам Церкви, а также документы правового характера русских митрополитов»[2], — отмечает А. А. Дорская. Заметим, что первая группа источников «божественного происхождения» — «Закон Божий, законы, или правила Святых Апостолов, святых Вселенских и Поместных соборов и святых отцов» — относилась к православной вере и не входила в сферу изучения церковного права.

В X–XV веках формирование церковного права на Руси происходило в рамках обособленного нормативно-регулятивного образования, отдельные положения которого санкционировались княжеской властью и тем самым включались в правовое регулирование (княжеские уставы X — XII вв.). Светская власть из церковного права преимущественно заимствовала правовые образцы регулирования отношений и формы систематизации правовых норм (Русская Правда). Затем начинается процесс разграничения регулирования общественных отношений между государством (Судебники 1497 г. и 1550 г.) и церковью (Стоглав 1551 г.). Одновременно усиливается внимание государства к защите веры и церковного благочиния, что находит отражение в формировании отдельных видов религиозных преступлений.

В XV–XVIII веках развитие церковного права характеризуется усилением его влияния и интеграции в светское право, а также выделением в особую группу религиозных преступлений (Соборное уложение 1649 г., издание значительного числа узаконений по делам церкви). В правление Петра I происходят карди-

[1] *Ключевский В. О.* Православие в России. Москва, 2000. С. 329–330.

[2] См.: *Дорская А. А.* Памятники церковного права Древней Руси // Памятники российского права: в 35 т. Москва, 2013. Т. 1. С. 431.

нальные изменения в устройстве Русской церкви — ликвидируется патриаршество, устанавливается коллегиальное управление православной церковью — Святейший Синод, а основным законодательным актом по управлению и регулированию деятельности церкви становится «Регламент, или Устав Духовной Коллегии». В последующие годы издаются акты, обеспечивающие детализацию государственно-церковных отношений (Устав воинский (1716 г.), Морской устав (1720 г.), Учреждение о губерниях (1775 г.), Устав благочиния (1782 г.) и др.). Одновременно в условиях поиска путей упорядочения узаконений обозначается проблема включения церковного права в новый сводный законодательный акт для Российской империи (деятельность Комиссии для составления нового уложения 1766–1767 гг.).

В XIX — начале XX века происходит активный процесс интеграции церковного права в систему нормативного регулирования — происходит отработка подходов к согласованию узаконений церковно-правового характера с общегосударственными. В ходе систематизации законодательства в 1826–1832 годах узаконения о регулировании государственно-церковных отношений инкорпорируются в Полное собрание законов Российской империи, затем консолидируются и включаются в Свод законов Российской империи (вливаются практически во все тома) и в этой форме, в соответствии с вносимыми в узаконения коррективами, используются в правоприменительных практиках до 1917 года. В процессе кодификационных работ положения церковного права включаются в акты кодификации законодательства — Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, Уголовное уложение 1903 года, проект Гражданского уложения 1905 года и др. Одновременно во второй четверти XIX — начале XX века проводятся работы по систематизации нормативного массива и документов о деятельности церкви и с 1879 года Святейший Синод начинает издание Полного собрания постановлений и распоряжений по Ведомству Православного исповедания Российской империи.

В итоге в процессах правового регулирования регламентация государственно-церковных отношений распределяется по отдельным направлениям и предметам регулятивного воздействия, церковное право интегрируется в систему права посред-

ством актов систематизации законодательства и может позиционироваться в ней как комплексное и обособленное правовое образование. При этом определяются отдельные направления регулирования и охраны государственно-церковных отношений в рамках отдельных отраслей и институтов общегосударственного законодательства.

УДК 34.03

Хужин А. М.,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, профессор кафедры гражданского права и процесса ННГУ имени Н. И. Лобачевского;
Карпычев М. В.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса ННГУ имени Н. И. Лобачевского

Проблемы межотраслевой оптимизации правового регулирования

Современная правовая система России представляет собой сложноорганизованный механизм, построенный на совокупности иерархично-взаимосвязанных источниках права. Если многоуровневая институциональная система вертикального правового регулирования, основанная на доктринально обоснованных позициях иерархического построения источников права[1], имеет устойчивый характер, то в отношении горизонтального межотраслевого правового взаимодействия такой вывод не очевиден. Более того, межотраслевое правовое регулирование в настоящее время напоминает собой процесс «перетягивания одеяла» крупных матричных отрас-

[1] См. подробнее: *Толстик В. А.* Иерархия источников российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002.

© Хужин А. М., Карпычев М. В., 2023

лей права с одновременным размножением стыковых комплексных институциональных образований, претендующих на роль самостоятельных отраслей, с множеством искусственно-образованных пластов нормативно-правовых и правоприменительных актов. В рамках настоящей статьи обратим свое внимание на очевидные проблемы, решение которых будет способствовать оптимизации межотраслевого правового регулирования.

Проблемы доктринального уровня. Правовое регулирование горизонтального уровня должно быть построено на четких доктринальных позициях, учитывающих, с одной стороны, специфику самостоятельной отрасли права, с другой — на системе межотраслевых связей.

М. Ю. Челышев, определяя межотраслевые связи как «отношения взаимной зависимости, обусловленности и общности между различными правовыми отраслями, включая и их отдельные части»[1], особо отмечал их системное взаимодействие. Должно быть четкое представление у правотворческого органа о наличии в различных отраслях права особенностей предмета и метода правового регулирования и потенциала их взаимодействия в отношении принимаемых нормативных правовых актов. Только обоснованные, востребованные и не противоречащие действующему законодательству, учитывающие специфику отраслевой и межотраслевой системности нормативные правовые акты должны «вшиваться» в правовую материю в контексте оптимизации правового регулирования.

Еще одной проблемой доктринального уровня выступает вопрос использования юридических понятий и конструкций в различных сферах правового регулирования. Необходимо учитывать, что данные средства юридической техники могут иметь как сугубо отраслевую, так и межотраслевую природу. В связи с этим надо иметь четкое представление: по какому принципу выстроено то или иное юридическое понятие или конструкция. Слепое заимствование и искажение смысла в различных сферах правовой действительности данных средств юридической техники может

[1] *Челышев М. Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2009. С. 8.

привести к серьезной дисгармонии в правотворчестве и искажению правореализации. Приведем один из ярких примеров с юридической конструкцией договора.

Изначально в гражданско-правовом понимании договора как соглашения двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей (ст. 420 ГК РФ) данная юридическая конструкция перекочевала в соседние частноправовые отрасли права. Так, в семейном праве появилась конструкция брачного договора (ст. 40 СК РФ), в трудовом — трудового договора (ст. 56 ТК РФ). Более того формирование самой конструкции трудового договора связывают с окончательным формированием всей отрасли трудового права[1]. Дальше — больше! Юридическая конструкция договора вместе с методом договорно-правового регулирования проникает в публично правовую сферу. Договорными конструкциями апеллирует Бюджетный кодекс Российской Федерации, НК РФ, понятие соглашение становится общепринятым в уголовно-процессуальном законодательстве. Уже ведется речь о существовании межотраслевого характера договорной конструкции[2]. Однако, как верно отмечает В. Ф. Попондопуло, «постоянное расширение договорного метода регулирования, распространение его на иные сферы, включая сферу публичного права, не делает этот метод публично-правовым, а институт договорного права — публичным или комплексным межотраслевым»[3]. Нет необходимости вводить конструкцию договора, а тем более закладывать в определение данного понятия различный смысл, порождая массив ненужного избыточного нормативно-правового регулирования, различного правоприменительного и правоинтерпретационного материала.

Если и вести речь о существовании юридической конструкции договора как общеправового явления, опять необходимо аб-

---

[1] См. подробнее: *Лушников А. М.* Юридические конструкции: общеправовой и трудоправовой аспекты (вводные положения) // Вестник трудового права и права социального обеспечения. Вып. 6. 2012. С. 5–17.

[2] См.: *Корецкий А. Д.* Теоретико-правовые основы учения о договоре. Москва, 2001.

[3] *Попондопуло В. Ф.* Договор — средство частноправового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. 2009. Вып. 3. С. 10.

страгирование и использование межотраслевых связей, поэтому с позиции теории права договорной конструкцией должно признаваться не любое соглашение лиц, направленное на установление, изменение или прекращение их прав и обязанностей, а соглашение лиц, направленное на достижение определенного результата. Только в таком ключе в договорную конструкцию будут вписываться соглашения, применяемые в сфере публичного права.

Формирование юридических конструкций единого общетеоретического характера возможно при соблюдении следующих условий: 1) действительной востребованности конструкции в различных отраслях публичного и частного права; 2) наличие межотраслевых связей для формирования юридической конструкции; 3) непротиворечивость конструкции с позиции отраслевого восприятия[1]. Соблюдение этих условий позволит создавать общетеоретические юридические конструкции, применимые для любых отраслей современного отечественного права, оптимизируя процесс правового регулирования.

В настоящее время отсутствует научное обоснование «глубины» правовой регламентации. Авторы, занимаясь проблемами частного права, отмечают устойчивую тенденцию к усложнению правового регулирования, все большей казуистичности законодательства, сложности языка правовых норм. Все большее значение приобретают публично-правовые механизмы регламентации частно-правовых отношений, сводя к минимуму принципы диспозитивности и свободы гражданско-правового договора.

При этом отсутствуют сколько-нибудь серьезные научные исследования целесообразности детализации регламентации (что присуще как раз публичному праву) частно-правовых отношений.

Проблемы законодательного уровня. Межотраслевая оптимизация правового регулирования наиболее актуальна в сфере законодательства. При этом проблемы законодательного уровня носят системный характер. Принятие дублирующих друг друга нормативных правовых актов и норм; отсутствие правовых положений о применении законодательства, регулирующего одну и ту же или схожую сферу правоотношений; слабый инструментарий использо-

[1] Межотраслевые связи в частном и публичном праве / отв. ред.: Д. Х. Валеев, А. В. Михайлов. Казань, 2022. С. 48.

вания приемов, способов и средств юридической техники; принятие «мертвых» законов и норм, не влияющих на правоприменение; бессистемная отмена и частичное изменение нормативных правовых актов и норм — это лишь часть проблем законодательства, негативно влияющих на межотраслевое правовое регулирование.

Особо остро данная проблема стоит в сфере процессуального права. Наличие трех процессуальных кодексов — ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ[1], регламентирующих схожие процессуальные правоотношения с использованием без какой-либо объективной причины различной терминологии, классификации, систематики законодательства, а также технико-юридических приемов, способов и средств. Решение данной проблемы стало бы возможно за счет принятия общего процессуального кодекса, распространяющего свое действие и на суды общей юрисдикции, и на арбитражные суды при рассмотрении и разрешении гражданских и административных дел, однако в настоящий момент идея унифицированного процессуального кодекса заморожена.

Отсутствие единства в правовой регламентации при регулировании схожих правоотношений создает предпосылки для формирования проблем правореализационного и правоинтерпретационного уровней.

Проблемы правоинтерпретационного уровня. Толкование действующего законодательства, регулирующего межотраслевые отношения, также может создавать ряд проблем по деоптимизации правового регулирования в данной сфере отношений. Так, одни и те же правовые нормы могут толковаться совершенно по-разному в зависимости от субъекта толкования. Данный фактор стал одним из обоснований необходимости упразднения Высшего арбитражного суда Российской Федерации и возложения на Верховный Суд Российской Федерации функции высшей судебной инстанции и для судов общей юрисдикции, и для арбитражных судов.

[1] Авторы знают о наличии четвертого — Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и процессуальных норм в КоАП РФ, но осознают объективную целесообразность отдельных нормативных правовых актов, регламентирующих обвинительный, а не состязательный процесс, обусловленный спецификой материально-правовых отношений, возникающих в связи с привлечением лица к уголовной и административной ответственности.

Вместе с тем следует констатировать, что за 8 лет проблема различного толкования норм материального и процессуального права в судах общей юрисдикции и в арбитражных судах не ушла в небытие и остается по-прежнему актуальной.

Проблемы правореализационного уровня. Даже удачно принятые обоснованные и своевременные нормативные правовые акты, регулирующие в том числе межотраслевые правоотношения, еще не являются залогом оптимизации без эффективности их применения. В процессе правореализации могут возникать проблемы неоднозначного правоприменения, характеризующегося различной юридической практикой, избыточности или недостаточности подзаконных актов, сложности и бюрократизации процедур. Влияют и субъективные факторы — косность мышления правоприменителей, нежелание или неумение принимать новые модели и правила поведения.

Таким образом, системность доктринального, правотворческого, правореализационного и правоинтерпретационного подхода к сфере оптимизации межотраслевого правового регулирования должна стать предпосылкой для качественного и поступательного развития отечественной правовой системы.

УДК 340

Хужина О. Н.,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России

О месте традиционных российских духовно-нравственных ценностей в оптимизации правового регулирования

Думается, сложно поспорить с утверждением следующего содержания: «Вся наша жизнь — задачи по оптимизации»[1]. Человечество на протяжении всей своей истории стремится к оптимизации деятельности, выбирая наилучший (оптимальный) вариант из мно-

[1] *Демина Н.* Вся наша жизнь — задачи по оптимизации: интервью с Михаилом Кацнельсоном // Троицкий вариант. 2022. № 5.

© Хужина О. Н., 2023

жества возможных на определенном этапе развития. Например, с позиции оптимизации человеческой деятельности можно рассмотреть имевшие место смены технологических укладов. Каждая сфера общественной жизни постоянно выступает объектом оптимизации, а отдельные ее грани — предметом. Правовая сфера общественной жизни не является исключением. На протяжении столетий мыслители, ученые-юристы, а также практики разрабатывают и формируют различные пути оптимизации тех или иных правовых явлений, процессов, процедур и т. д., тесно связывая вопросы оптимизации и эффективности правового регулирования. Можно сказать, что оптимизация правового регулирования представляет собой одно из направлений улучшения правового регулирования, имеющее целью достижение максимальной эффективности последнего.

А. В. Малько справедливо видит прямую связь эффективности правового регулирования «с созданием при помощи юридических средств режима наибольшего благоприятствования для нравственных и правомерных интересов субъектов»[1]. Позволим дополнить от себя, что юридические средства должны коррелировать с социально-экономической, политической обстановкой. Иначе говоря, динамика общественных отношений обусловливает развитие системы правовых средств, необходимых для упорядочивания общественных отношений. В данном контексте оптимизацию в праве справедливо понимать в качестве «процесса приведения правовой системы государства в состояние, оптимально соответствующее сложившимся социально-экономическим и политическим условиям»[2]. Таким образом, система правового регулирования должна адекватно отражать социальную реальность, в рамках которой она действует.

В настоящее время в планетарном масштабе происходят тектонические сдвиги во всех областях общественной жизни, обусловленные во многом стремлением к обновлению мироустройства. Современное поколение является свидетелем становления

---

[1] *Малько А. В.* Оптимизация правового регулирования как проблема преодоления препятствий // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1993. № 3. С. 58.

[2] *Хижняк В. С.* Основные направления оптимизации правовой политики Российской Федерации в условиях глобализации // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. № 4. С. 17.

многополярного мира, в процессе которого наше государство играет одну из ключевых ролей. Российское государство позиционирует себя в качестве «суверенного центра мирового развития», одним из назначений которого должно выступать «поддержание глобального баланса сил и выстраивание многополярной международной системы…»[1]. Реализация названной миссии Россией, ее активное участие в построении нового миропорядка требует взвешенных шагов во внутренней и внешней государственной политике с тем, чтобы успешно противостоять новым вызовам и угрозам.

Закономерно зафиксировать обновленные отношения и продолжить их регулирование должно обновленное право. В этой связи необходим поиск и закрепление руководящих идей, на основе которых таковое будет строиться. Видится возможным в качестве одного из элементов основы обновляемой системы отечественного права рассматривать «традиционные российские духовно-нравственные ценности» (далее — традиционные ценности). Принятие ряда документов концептуального и стратегического характера можно рассматривать в качестве свидетельства того, что российское государство уже идет по этому пути, начинает формироваться комплексное видение публичной политики в данной сфере[2],

[1] Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 23.04.2023).

[2] См., например: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 23.04.2023); Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 23.04.2023); Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом: указ Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 года № 611 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 23.04.2023); Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 марта 2023 года № 229 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 23.04.2023).

однако это только зачатки оптимизации правового регулирования в названном направлении.

Нельзя сказать, что традиционные ценности как объект правовой охраны появились лишь в 2022 году с принятием соответствующего указа Президентом[1]. Нет, этот вопрос имеет длительную правовую историю. Однако именно сейчас внимание к традиционным ценностям усилилось, и право не должно остаться в стороне. Проблему традиционных ценностей и права возможно рассматривать с различных позиций. Нам же видится целесообразным заострить внимание на традиционных ценностях в аспекте их укрепления и сохранения правовыми средствами.

Говоря о традиционных ценностях в аспекте оптимизации правового регулирования, мы, в первую очередь, имеем в виду проблему действительной, а не декларативной охраны традиционных ценностей в современной России, где ключевую роль в инструментальной составляющей следует отвести праву в понимании согласно нормативистского подхода. Традиционные ценности должны не просто находить свое закрепление в действующих нормах права, но и претворяться в жизнь в ходе правореализационной деятельности, в том числе правоприменительной. Важное место в должной реализации норм права, отражающих правила поведения относительно традиционных ценностей, должна занять правоинтерпретационная деятельность, существом которой выступит уяснение и разъяснение в первую очередь содержательного наполнения понятий, указывающих на ту или иную ценность. Ведь и само слово «ценность» не имеет однозначного употребления в русском языке, и традиционные ценности, их видовые проявления также не характеризуются однозначностью понимания. Кроме того, системный и телеологический способы толкования правовых норм, исходя из общего духа права, когда субъекты правоинтерпретационной деятельности, ориентированные на защиту и укрепление традиционных ценностей,

[1] См.: Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 23.04.2023).

смогут руководствоваться данными идеями при уяснении и разъяснении смысла правовых норм.

На сегодняшний день приходится констатировать, что «система нормативных правовых актов и документов стратегического планирования с «ценностной» точки зрения хаотичная и несогласованная»[1]. Как таковой системный подход к правовому регулированию вопроса охраны и укрепления традиционных ценностей в российском праве к настоящему моменту времени не сформировался. Имеются лишь отдельные нормы, направленные на защиту и укрепление ценностей по большей степени косвенно. Исключение составляют упомянутые в ссылках выше акты Президента Российской Федерации. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей[2] видятся возможным рассматривать в качестве базового акта для формирования единого правового механизма, действие которого будет способствовать охране и укреплению традиционных ценностей. Каждая из закрепленных в нем ценностей должна найти логичное продолжение в нормах соответствующих отраслей права. Идея сохранения и укрепления традиционных ценностей должна красной нитью проходить через все российское право, последовательно и системно находить отражение в отечественном законодательстве. При этом, конечно, необходима работа по повышению ценности самого права для представителей российского общества. В противном случае правила поведения, нашедшие в нем закрепление, окажутся «мертвыми», а следователю будет затруднительно увидеть положительные результаты оптимизации правового регулирования.

Сложно поспорить с утверждением И. Н. Сенина о зависимости реального положительного воздействия права на социум,

---

[1] *Аристархов В. В.* Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей в системе нормативно-правовых актов, относящихся к государственной культурно-образовательной политике: аналитический доклад. Москва. 2023. С. 14.

[2] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru. (дата обращения: 23.04.2023).

его эффективности от факторов как объективного, так и субъективного характера, в числе которых автор указывает «соответствие правовой системы ценностям правового менталитета общества»[1]. В этой связи следует предположить, что «вписывание» традиционных ценностей в правовую действительность необходимо осуществлять последовательно и системно.

Вместе с тем всегда есть риск ухода законодателя в сторону от намеченного курса под влиянием различных факторов, в том числе ситуационных вопросов, требующих разрешения в правотворческом порядке, что может быть и не всегда целесообразным. Такую особенность российского законодателя отмечает в одной из публикаций Ю. А. Тихомиров: «Смещение стратегических и тактических целей, недооценка программных правовых актов и увлечение ситуационными вопросами порождает хаотический поток актов, которые постоянно подвергаются изменениям и дополнениям»[2]. Нельзя допустить такового в сфере правового регулирования вопросов, связанных с укреплением и защитой традиционных ценностей. Полагаем, минимизировать данный риск способно возведение ориентира государства на укрепление и защиту традиционных ценностей в ранг общеправового принципа, который будет носить более устойчивый характер, нежели соответствующие регулятивные нормы права, выступая одним из «кирпичиков» основы, первоначала, руководящих идей, исходных положений правового регулирования в нашей стране.

Как известно, тема принципов права является весьма дискуссионной: отсутствует единый подход к определению понятия, видовым проявлениям, классификационным делениям, пониманию сущности и назначения и т. д. Вместе с тем не отрицается важная роль таковых в правовом регулировании. Весьма емко и точно, на наш взгляд, выразился по этому поводу С. Г. Дробязко: «Если нормы образуют правовое «тело», то принципы — его

---

[1] *Сенин И. Н.* Правовое регулирование в современной России: проблемы совершенствования // Инновационная экономика и общество. 2023. № 1 (39). С. 94.

[2] *Тихомиров Ю. А.* Оптимизация правового регулирования в контексте социально-экономического развития // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1 (33). С. 109.

«душу»[1]. Действительно, принципы права есть ничто иное, как его общий дух. Современная реальность подводит наше общество к необходимости по-новому взглянуть не просто на «тело права», но и «его душу».

Думается, что именно традиционные ценности имеют потенциал стать мощной мировоззренческой основой юридической науки и практики, что будет способствовать оптимизации отечественного правового регулирования. Надеемся, что построение обновленной системы права в России, стержневой основой которой будет идея сохранения и укрепления традиционных ценностей, станет трендом современной отечественной юриспруденции.

УДК 343.985.4

Шаров В. И.,
доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник Министерства внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Нижегородской академии МВД России

Об оптимизации процедуры изъятия компьютерной информации в оперативно-розыскной деятельности

Оптимизацию работы с компьютерной информацией нам представляется важным рассмотреть с точки зрения законодательства об оперативно-розыскной деятельности в целом и оптимизацию самой процедуры обращения с компьютерными данными. Нам представляется это оправданным, поскольку в теории права одним из направлений повышения эффективности правового регулирования как соот-

[1] *Дробязко С. Г.* Принципы в праве // Проблемы развития юридической науки и совершенствование правоприменительной практики: сборник научных трудов. Минск, 2005. С. 30.

© Шаров В. И., 2023

ношения между поставленной целью и полученным результатом является «совершенствование правотворчества, в процессе которого в нормах наиболее полно выражаются общественные интересы и те закономерности, в рамках которых они будут действовать[1].

Процедура изъятия компьютерной информации приведена в статье 15 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ «Об ОРД») — «Права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность». В данной статье определено право производить при проведении оперативно-розыскных мероприятий:

— изъятие документов, предметов, материалов и сообщений;

— прерывать предоставление услуг связи в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, а также угрозы государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации. Как видим, прямого указания на компьютерные данные нет, но дальше законодатель оперирует понятиями «электронные носители информации» и «информация на электронных носителях», поэтому вполне правильно будет отнести компьютерную информацию к документам, предметам или сообщениям. Хотя правильно было бы прямо указать на возможность изъятия именно компьютерной информации, чтобы в правоприменительной практике не размножать многочисленные пояснения, что же, собственно, следует понимать под компьютерной информацией и электронными носителями информации, к каким понятиям документов или предметов они относятся и т. д.

В данном контексте представляется, что одним из инструментов оптимизации правового регулирования является унификация понятий, которой в данном случае пренебрегли.

Представляется, что весьма неоднозначно место расположения процедуры изъятия компьютерной информации, она сформулирована как права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность — как право проводить гласно или негласно оперативно-розыскные мероприятия и производить при их проведении изъятие предметов и документов, материалов и сообщений. Подчеркнем, такое изъятие дозволено при проведении любого оперативно-розыскного мероприятия.

[1] URL: https://lektsii.org/7-28592.html (дата обращения: 23.04.2023).

Конечно, необходимость изъятия предметов и документов, материалов сообщений наиболее характерна для такого ОРМ, как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, однако необходимость изъять представляющие значение для последующего доказывания объекты возникает и при проведении других мероприятий. Например, при опросе гражданина последний может продемонстрировать документ, представляющий ценность для оперативных подразделений или уголовного процесса. Может потребоваться изъятие объектов при проведении проверочной закупки, не трудно представить множественность ситуаций, в которых возникает необходимость этой операции в процессе оперативного внедрения и т. д.

Таким образом, наличие ряда ОРМ, в процессе которых возникает необходимость изъятия различных объектов, включая электронные носители информации, вынудила законодателя определить данную систему действий наряду с ОРМ в качестве прав органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Прав, в общем, не много из тех, что зафиксированы в части 1 статьи 15: проводить ОРМ, при их проведении изымать объекты и прерывать в особых случаях предоставление услуг связи, но тем не менее попытка их сформулировать сделана.

Нам представляется, что такая формулировка закона несколько ограничивает возможности рассматриваемого действия. А если возникла необходимость изъятия не в процессе проведения других ОРМ, а как самостоятельное действие? Искусственно создавать условия этого, например, проводить обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств было бы неправильно.

Особенно профильно недвусмысленность ситуации проявляется при анализе другого права — прерывать предоставление услуг связи. Также нужно вначале оформлять иное мероприятие, например, наблюдение, во время проведения которого и прерывать услуги связи?

Немало вопросов возникает, если сравнить изъятие объектов при проведении ОРМ и 15-е мероприятие «Получение компьютерной информации». Изъятие объектов как право предусматривает процедуру отторжения у собственника, в том числе и компьютерной информации. То же самое предусматривает и 15-е ОРМ.

При этом процедура изъятия в части 1 статьи 15 ФЗ «Об ОРД» прописана довольно тщательно, а содержание ОРМ «Получение компьютерной информации» до сих пор остается загадкой, и даже на уровне нормативно-правовых актов разъяснений нет.

По всей видимости, было бы более целесообразно определить изъятия предметов и документов, материалов сообщений в качестве самостоятельного оперативно-розыскного мероприятия.

Что касается получения компьютерной информации, то за этим ОРМ следует закрепить несколько иную систему действий. Можно согласиться с профессором А. Л. Осипенко, который указывает, что основу данного мероприятия будут составлять достаточно сложные в техническом плане и требующие специальной подготовки действия по добыванию хранящейся в компьютерных системах информации о лицах и событиях, вызывающих оперативный интерес с использованием оперативно-технических сил и средств[1]. Полагаем, что это будут действия в первую очередь дистанционного получения информации (что-то типа компьютерной разведки), операции, связанные с преодолением различных систем защиты данных, вскрытия запаролированных компьютерных средств и т. д.

Ранее мы высказали мнение, что к этому ОРМ следует отнести и такую форму получения компьютерной информации, как «осуществляемый гласно запрос к провайдерам, администрации сайтов и другим субъектам на предоставление нужной информации, в первую очередь, сохраненной переписке и разговорам абонентов мессенджеров, электронной почты, осуществляемой в порядке дополнений, внесенных Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 6 июля 2016 года № 374-ФЗ»[2].

При этом наличие двух сходных ОРМ, одно из которых подразумевает изъятие электронных носителей информации, а вто-

---

[1] См.: *Осипенко А. Л.* Новое оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 86–87.

[2] См.: *Шаров В. И.* Оперативно-разыскная деятельность и интернет: монография. Нижний Новгород, 2021. С. 66; Российская газета. 2016. 8 июля.

рое — получение компьютерной информации требует разъяснений законодателя. Конечно, и действующая конструкция, когда имеется право изымать электронные носители, и самостоятельное ОРМ «получение компьютерной информации» также неоднозначны и большая определенность здесь также необходима.

Качество законодательства — это только одна сторона оптимизации правового регулирования. Вторую сторону составляет реализация правовых предписаний. Как пишет Ю. А. Тихомиров: «Своего рода функцией в цепи действий по оптимизации правового регулирования служит механизм реализации законов и иных правовых актов. Надо решительно преодолевать плохую традицию бездействия после их принятия или выполнения лишь некоторых документально-дублирующих действий»[1].

В этом аспекте реализация вновь введенного ОРМ «получение компьютерной информации» представляется крайне низкой, поскольку не содержит разъяснений о содержании этого ОРМ и предусматриваемой при этом деятельности, что еще раз подчеркивает необходимость приведенных в какой-либо форме разъяснений законодателя.

Представляется, что нужна согласованность оперативно-розыскного законодательства с положениями УПК РФ, поскольку, исходя из его положений, изъятые в процессе ОРД материалы будут приобщены к уголовному делу.

Процедура приведена в статье 164^1 УПК РФ «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий». Как видим, идея, реализованная в ФЗ «Об ОРД» и в УПК РФ одна и та же: изъятие электронных носителей информации может быть осуществлено при проведении любого следственного действия. По существу, ее можно отнести к общим правилам проведения следственных действий, собственно дополнением к статье 164 она и является. Процедура полностью аналогична, предусмотренной ФЗ «Об ОРД», но с одним исключением. Электронные носители информации изымаются в ходе производства след-

[1] *Тихомиров Ю. А.* Оптимизация правового регулирования в контексте социально-экономического развития // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1. С. 111.

ственных действий с участием специалиста. Он же и отвечает за копирование электронной информации с изъятых носителей, если необходимость этого возникает «по ходатайству владельца изъятых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них информации»[1].

Нам представляется это абсолютно верным, также обязать работать с компьютерной информацией при ее изъятии или копировании специалиста нужно и в оперативно-розыскном законодательстве. Это обосновано как с технической, так и с правовой точек зрения.

Нам представляется, что закон описывает лишь самый простой случай. При всей кажущейся тривиальности операций изъятия носителей электронной информации могут возникнуть и сложности. В частности, необходимая информация может храниться на удаленных серверах, работа может проходить в виртуальной машине, использоваться облачные сервисы и программное обеспечение и т. д. Простое выключение компьютера сотрет все данные и все следы предыдущей работы, а в удаленные хранилища доступ может быть закрыт. Только специалист может разобраться, как поступить в том или ином случае, выключить компьютер и изъять его или носитель электронной информации, или предпринять меры сохранности информации на работающем компьютере и осуществить ее копирование. До сих пор специалисты-компьютерщики не выработали оптимального алгоритма действий по изъятию электронной информации, считая эти действия ситуативными.

Нередко, когда важно исходное состояние компьютерной системы, представляют интерес служебные данные операционной системы, файлы истории операций и т. д., а само копирование этих файлов будет достаточно сложно, поэтому ФЗ «Об ОРД» совершенно прав, когда предполагает изъятие оригиналов, а лицу, у которого были изъяты эти документы, то есть или законному владельцу изъятых электронных носителей информации, или обладателю содержащейся на них информации, передаются копии.

С точки зрения права изъятие электронных носителей согласно статье 15 ФЗ «Об ОРД» предполагается осуществлять гласно.

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.03.2023).

Именно при гласном проведении ОРМ присутствуют и законный владелец изъятых электронных носителей информации или обладатель содержащейся на них информации, фигурирующие в тексте статьи. Уточнение процедуры, описанной в данной статье, осуществлено в Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств», утвержденной приказом МВД России от 1 апреля 2014 года № 199[1]. Это подчеркивает, что именно при гласном проведении ОРМ применяется изъятие электронных носителей информации и именно по этому поводу и возникла необходимость уточнения, осуществленная в указанном приказе МВД России.

Очевидно, что гласный характер проводимого ОРМ с составлением протокола предполагает использование изъятой информации в доказывании по уголовным делам согласно требованиям уголовно-процессуального законодательства, а эти требования оказываются разными — согласно УПК РФ изъятие осуществляет специалист, а законодательство об ОРД это допускает, но не требует, поэтому изъятые в процессе ОРД электронные носители могут, и вполне обоснованно, считаться не отвечающими требованиям процессуального законодательства с точки зрения точности их получения и не могут быть приобщены в качестве доказательств. В этом аспекте нужно согласовать процедуры изъятия электронных носителей в ОРД и уголовном процессе. Поскольку требования УПК РФ преимущественны, то некоторым удобством проведения ОРМ следует пренебречь и считать участие специалиста при изъятии компьютерной информации в порядке статьи 15 ФЗ «Об ОРД» обязательным, поэтому необходимо включить в законодательство об ОРД требование об обязательном участии специалиста при изъятии электронных носителей и копировании информации с них.

Еще одно замечание, которое необходимо отметить. Представляется, что в законодательстве должны быть предусмотрены две процедуры изъятия компьютерной информации: изъятие носителей и копирование самой информации. Не как сейчас, просто изъятие носителей, а копирование без изъятия. Проблема актуаль-

[1] Российская газета. 2014. 28 мая.

на тогда, когда носители информации недоступны, например, при копировании с удаленных источников, облачных хранилищ и т. д. Как мы указывали выше, при перезагрузке компьютера указанная информация может быть недоступна, поэтому ее нужно скопировать, не выключая устройство, то есть на месте проведения оперативно-розыскного мероприятия. Представляется, что эти действия все же ближе части 1 статьи 15 ФЗ «Об ОРД», чем оперативно-розыскному мероприятию «Получение компьютерной информации», а это требует корректировки части 1 статьи 15 ФЗ «Об ОРД».

В заключении подчеркнем, что процедура оперативно-розыскного изъятия носителей электронной информации должна осуществляться специалистом, быть распространена и на случаи копирования компьютерной информации. Требуется обратить внимание на соотношение права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, на изъятие электронных носителей информации и содержания оперативно-розыскного мероприятия «Получение компьютерной информации».

УДК 81:34

Шаханов В. В.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Метатеоретические средства оптимизации юридической терминологии

Средством коммуникации в сфере юриспруденции является язык. Его рассматривают как историческое и культурное явление, служащее средством общения, обмена информацией. Он существует в форме диалектов, просторечий, интернационализмов, терминов. Из перечисленных форм в юриспруденции наибольшее

© Шаханов В. В., 2023

значение имеют термины[1]. Юридическая терминология необходима для адекватного отражения сферы юридической деятельности. Причиной формирования юридической терминологии называют отсутствие лексических средств, необходимых для номинирования нормативно-правовой терминологии. Обращается внимание на тот факт, что по сравнению с основной массой слов термин более четок, однозначен, «обозначает понятие строго определенного содержания и объема»[2]. В гуманитарной сфере, в том числе и в юриспруденции, четкость терминологии очень часто является тем идеалом, к которому нужно стремиться, но в силу различных обстоятельств он не всегда достижим.

Терминологический аппарат юриспруденции имеет устойчивую тенденцию к разрастанию, что обусловлено рядом факторов: трансформацией общественных отношений и связанной с этим процессом необходимостью установления или совершенствования их правового регулирования; сменой исторических эпох и связанной с этим изменениями в соционормативной коммуникации; объективной необходимостью замены устаревших терминов новыми; поиском новых научных идей и подходов к пониманию явлений правовой действительности, что не редко сопровождается введением новых юридических терминов и др. Разрастание терминологии увеличивает риски ее синонимии.

Система юридической терминологии нуждается в оптимизации. Проблема оптимизации терминологии имеет общенаучное значение[3]. Необходимо установить различие между систематизацией и оптимизацией. В юридической сфере чаще говорят о систематизации. Термин «система» в общелексическом значении определяется

---

[1] Обычно под термином понимают «слово или словосочетание, являющееся названием определенного понятия какой-нибудь специальной области науки, техники, искусства». См.: *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. Москва, 2009. С. 636.

[2] *Черданцев А. Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. Москва, 2012. С. 46.

[3] Так, инновационное развитие экономики также актуализирует задачу совершенствования понятийного аппарата и уточнения основных категорий. См., например: *Снегирев А. Ю.* Алгоритм интеграции определений научных понятий в области инноваций // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Экономика. 2011. № 2 (8). С. 145.

как «нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей»[1]. Оптимизация направлена на достижение лучшего состояния, «выбор наилучшего варианта из возможных для достижения наибольшей эффективности какого-либо процесса»[2]. Очевидно, что оптимизация в сфере юриспруденции является необходимым условием достижения эффективности правового регулирования. Оптимизация необходима и для преодоления терминологического противостояния, которое может обретать как эпические формы, так и существовать в виде «схваток» локального характера. Наиболее любопытны, конечно же, научные баталии по терминологическим вопросам широко известных специалистов, стоящих во главе научных школ[3].

Полагаем, что оптимизация имеет больший динамизм по сравнению с систематизацией. В оптимизации нуждается и взаимодействие[4]. Применительно к юридической терминологии логичнее говорить об оптимизации взаимосвязи. Взаимодействие осуществляется в рамках правовых форм, а между отдельными звеньями — внутри правовой формы — осуществляется взаимосвязь[5]. Тем не

---

[1] *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. Москва, 2009. С. 577.

[2] Там же. С. 375.

[3] Здесь можно упомянуть, например, отстаивание А. В. Малько жизнеспособности понятия «правовая жизнь». Его оппонентами выступали и выступают известные ученые-теоретики (Н. И. Матузов, В. М. Баранов и др.). См.: *Малько А. В.* Правовая жизнь общества, аномия и проблемы единства правового пространства в современной России // Государство и право. 2023. № 3. С. 7–18.

[4] Научный руководитель автора данной статьи доктор юридических наук, доктор философских наук Владимир Сергеевич Жеребин (1924–2006), формулируя план диссертационного исследования коллегам-адъюнктам, очень часто предлагал в качестве самостоятельного параграфа поразмышлять над оптимизацией взаимодействия как классических парных явлений (например «необходимое» и «случайное»), так и неклассических (например «парадигмальное» и «депарадигмальное»).

[5] Так, А. М. Васильев, аргументируя разработанность механизма правового регулирования, отмечает следующее: «…установлены его конструктивные элементы, показана система взаимосвязи его отдельных звеньев, раскрыто их взаимодействие в процессе функционирования правовой формы». См.: *Васильев А. М.* Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права: монография. Репр. изд. Москва, 2021. С. 213.

менее без использования эвристического потенциала соотношения понятий «форма» и «содержание» в исследовании вопроса оптимизации юридической терминологии не обойтись. Термин — это форма, содержанием которого является понятие. Соответственно термин должен отражать понятие, и наоборот — понятие должно точно раскрывать соответствующий термин. Хотя следует согласиться с М. Л. Давыдовой в том, что «понятия» и «термины», хоть и различаются между собой как «содержание» и «форма», но применительно к юридическому языку используются как равнозначные[1].

Каковы же известные средства оптимизации юридической терминологии? Прежде всего это выявление соотношения смежных понятий. Как правило, ни одно из диссертационных исследований теоретико-правовой направленности не обходится без использования такого методологического подхода. Его использование позволяет продемонстрировать отсутствие терминологических аналогов, разграничить смежные правовые явления. Здесь хотелось бы уточнить, что оптимизация не означает сокращения терминологии. Ее результатом может быть и введение недостающего элемента. Очевидно, что оптимизации может предшествовать систематизация. Если по итогам мер, направленных на систематизацию, не получается целостного образования, состоящего из множества закономерно связанных друг с другом элементов, то в качестве меры «повышения системности» может быть использована оптимизация.

В качестве одного из наиболее распространенных вспомогательных средств оптимизации юридической терминологии следует рассматривать классификацию[2]. Классификация позволяет узреть как недостающие, так и избыточные элементы системы. Это и создает предпосылки для оптимизации самой системы.

Существенный интерес представляют метатеоретические средства оптимизации юридической терминологии. Первым вопрос о существовании понятий метатеории юриспруденции по-

[1] См.: *Давыдова М. Л.* Юридическая техника: учебное пособие. Москва, 2018. С. 84–89.

[2] Так, например, В. А. Толстик выделяет 12 классификационных критериев юридической терминологии. См.: *Толстик В. А.* Проблемы классификации юридической терминологии // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2. С. 176–182.

ставил А. М. Васильев[1]. Он же раскрыл в рамках полноценной теории одно из понятий метатеории юриспруденции — «понятийный ряд правовых категорий». В дальнейшем метатеория права подвергалась научному осмыслению[2], но говорить о существовании общепризнанной теории метатеории права пока преждевременно. Определенную лепту в осмысление данного вопроса пытается внести и автор настоящей статьи[3].

В качестве метатеоретических средств оптимизации юридической терминологии могут выступать правовые метафеномены. Под ними мы предлагаем понимать явления теоретического и философского уровня, определяющие границы познания явлений правовой действительности и устанавливающие направление поиска в целях изучения и восприятия явления либо производных,

---

[1] См.: *Васильев А. М.* Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права: монография. Репр. изд. Москва, 2021. С. 133.

[2] См., например: *Протасов В. Н.* Некоторые вопросы правовой метатеории // Государство и право. 2009. № 11. С. 85–89; *Самигуллин В. К.* Метаправо: исходные начала: монография / Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ). Уфа, 2015; *Сырых В. М.* История и методология юридической науки: учебник. Москва, 2016. С. 423–442.

[3] Начало движению в данном направлении со стороны автора было положено публикацией научной статьи по итогам Всероссийской научно-практической конференции Девятые Бабаевские чтения «Критерии в праве: теория, практика, техника». См.: *Шаханов В. В.* Критерии метафеноменальности правовых явлений // Критерии в праве: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2018. С. 391–397. Результаты дальнейшего исследования были опубликованы в юридической периодике. См. например: *Шаханов В. В.* Метафеномены в праве: предназначение, критерии выделения, риски использования // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 30–37; *Его же*. Метафеномены в праве как понятийный аппарат границы, объединяющей теорию права и философию права // Государство и право. 2020. № 8. С. 23–30; *Его же*. Метафеномены в праве: структура, элементный состав, методологические аспекты, оптимизация взаимодействия теоретического и метатеоретического уровней // Lex Russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 1 (170). С. 57–66; *Его же*. Стиль юридического мышления как правовой метафеномен // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 7 (140). С. 24–37; и др.

либо взаимообусловленных. Они дают представление о звеньях и связях в логической структуре объектного (познаваемого) явления, отражают его первооснову и сущностные доминанты. Метафеноменальность правовых явлений проявляется в инструментальных возможностях регуляторного, эвристического, методологического и прогностического порядка по отношению к познаваемому (объектному) явлению.

Язык права имеет исторические и концептуальные границы, которые необходимо установить, прежде чем изучать реальное право[1]. В этом процессе безусловный приоритет принадлежит правовым метафеноменам философского уровня, среди них:

— стиль юридического мышления, который представляет собой способ видения реальности, определяемой эпохальными масштабами[2];

— правовая парадигма выступает логико-методологическим ядром господствующего стиля мышления, которое может изменяться при сохранении стиля[3];

---

[1] См.: *Веденеев Ю. А*. Юриспруденция: явление и понятие. Введение в генеалогию языка концептуальных парадигм: монография. Москва, 2022. С. 281.

[2] Под стилем юридического мышления в эпистемологическом контексте предлагается понимать комплекс социокультурных, логико-гносеологических, ценностных, технологических и юридикотехнических ориентиров, оказывающих существенное влияние на содержание и элементный состав правовых регуляторов, рассматриваемых как способ видения правовой реальности, позволяющих выделять эпохи в праве и констатировать их смену, сопровождать и изменять сложившийся правопорядок. См.: *Шаханов В. В.* Стиль юридического мышления как метатеоретическое основание юридической техники // Теория и метатеория юридической техники: от правосознания к правопорядку: монография / под ред. д-ра юрид. наук А. В. Аверина, д-ра юрид. наук, проф. М. Л. Давыдовой. Владимир, 2022. С. 204.

[3] Правовая парадигма — совокупность идеальных фрагментов правовой действительности (принципы познавательной деятельности, теоретические конструкции, ценностные установки, концептуальные воззрения и т. п.), используемых членами научного сообщества без сомнений и разногласий, составляющих основу его деятельности по приращению научных знаний. Правовые парадигмы создают определенное видение правовой реальности и в конечном счете детерминируют эволюционную фазу формирования юридической системы, являются отражением «духа времени». См.: *Шаханов В. В*. Правовые парадигмы: дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 35.

— юридическая картина мира — конкурирует с понятиями «правовая реальность», «правовая действительность» и «правовая жизнь», соотнести которые можно только с учетом их эпистемологического контекста сквозь призму отношения «объект–знание»[1].

Приведем некоторые примеры влияния метафеноменов философского уровня на правовую терминологию. Так, результатом влияния буржуазного *стиля юридического мышления* является появление термина «советское право» как критической оценки буржуазными кругами «антиправового характера советской власти и ее нормотворчества»[2]. Очевидно, что появление данного термина соответствовало требованиям эпохи, в рамках которой впервые появилось государство с социалистической идеологией.

Распад СССР привел к трансформации правопорядка, отказу от командно-административной системы управления народным хозяйством, прекращением социалистического пути развития. Для адекватного отражения сложившейся ситуации в правовой сфере переходного периода в научный оборот введено понятие «депрессия правопорядка»[3].

Одной из терминологических новелл советского периода была «единственно верная» формулировка права, озвученная А. Я. Вышинским на совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 года)[4]. Многие годы

---

[1] Соглашаясь с Ю. А. Веденеевым, предлагаем рассматривать юридическую картину мира как «своего рода коллективное бессознательное и сознательное, метапредставления о должном или недолжном порядке социальных отношений, ожидание права и переживание отсутствия права». См.: *Веденеев Ю. А*. Юридическая картина мира: между должным и сущим // Lex russica (Русский закон). 2014. № 6. С. 645.

[2] *Нерсесянц В. С*. Философия права: учебник. Москва, 1997. С. 164.

[3] См.: *Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н.* Будущее права. Наследие академика В. С. Степина и юридическая наука. Москва, 2020. С. 76–77.

[4] Право — совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу.

(до середины 1950-х годов) она определяла *юридическую картину мира* как метапредставления о должном или недолжном порядке правовых отношений в СССР. В данном примере обращается внимание, конечно же, на новое содержание давно известной формы, что также является элементом оптимизации.

В качестве современного примера хотелось бы упомянуть о введении в юридическую науку термина «циклические правовые массивы» («циклические нормативные массивы в праве»)[1], что обусловлено недостаточным объяснительным потенциалом существующих элементов системы права в некоторых случаях (по мнению авторов этого нововведения). Концепция, обосновывающая существование циклических правовых массивов, основана на постулатах постнеклассической науки. Хотя не все правоведы соглашаются с существованием в праве подобного типа научной рациональности, считая его чрезмерным, и предлагают ограничиться признанием неклассического типа, но в целях терминологической определенности допускают использование терминов «неклассический» и «постклассический» как синонимов (что также является терминологической оптимизацией)[2]. Способы видения рациональности в науке в контексте соответствующей исторической эпохи рассматривают в качестве элемента *стиля научного мышления*[3].

Парадигмальные аспекты оптимизации юридической терминологии могут быть проиллюстрированы либеральной, синергетической, герменевтической, феноменологической и другими используемыми юридической наукой теориями (преимущественно в методологических целях). Их эвристический потенциал обусловлен обслуживающей их юридической и общенаучной терминологией. Проблема оптимизации здесь заключается в обосновании юридизации общенаучной терминологии и

---

[1] См.: *Хабриева Т. Я.* Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 8.

[2] См.: *Тимошина Е. В.* Классическое и постклассическое правопонимание как стили философско-правового мышления // Постклассическая онтология права: монография / под ред. И. Л. Честнова. Санкт-Петербург, 2016. С. 219, 220.

[3] См. там же. С. 221.

связанной с этим высокой вероятности создания псевдоюридической терминологии[1].

К числу правовых метафеноменов теоретического уровня, которые могут быть использованы для оптимизации юридической терминологии, следует отнести понятийные ряды правовых категорий, изучение которых позволяет выявить конкретизацию одних понятий через другие и взаимосвязь с категориями различных порядков. Это дает возможность восстановить утраченные звенья в цепи взаимосвязей правовых категорий. Как отмечает А. М. Васильев, «сам по себе состав категорий понятийного ряда относителен, переменен, и его нельзя абсолютизировать, рассматривая как раз и навсегда данный.., предметно-категориальный состав устанавливается лишь в заданном отношении, применительно к изучаемому моменту или закономерности правовой действительности»[2]. Полагаем, что на выбор предметно-категориального состава будут оказывать существенное влияние обозначенные ранее правовые метафеномены философского уровня. Следовательно, справедлива постановка вопроса об оптимизации взаимодействия метафеноменов теоретического уровня и метафеноменов философского уровня.

Таким образом, метатеоретические средства оказывают существенное влияние на юридическую терминологию, придают изменениям в этой сфере системный характер, оптимизируют как саму систему, так и формально-содержательный баланс отдельных ее элементов.

---

[1] Об этом см.: *Баранов В. М.* Псевдоюридическая терминология как негативный фактор функционирования правовой науки // Юридическая терминология: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 20–21 мая 2021 г.) / под общ. ред. В. А. Толстика. Нижний Новгород, 2021. С. 57–94.

[2] *Васильев А. М.* Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права: монография. Репр. изд. Москва, 2021. С. 135.

УДК 34:004.8

Амочкина Е. П.,
кандидат юридических наук, преподаватель кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России;
Прынова В. И.,
командир отделения факультета подготовки специалистов по расследованию экономических преступлений Нижегородской академии МВД России

К вопросу об искусственном интеллекте как оптимизации правоотношений гражданско-правового характера

Активное развитие информационных технологий приводит к тому, что практически каждая сфера нашей жизнедеятельности не остается без их участия. Быстрая интеграция IT-технологий в повседневную жизнь влечет за собой формирование новых общественных отношений, еще не урегулированных нормами права. Одними из таких являются отношения, возникающие в связи с эксплуатацией искусственного интеллекта (далее — ИИ). Сегодня системы ИИ динамично внедряются в различные сферы: в медицину, промышленность, строительство, сельское хозяйство и даже в образование. Постепенно они проникают в те области, где от их функционирования зависит жизнь и здоровье людей. Все это обусловливает острую необходимость осмысления и регулирования данных отношений юристами, а также оптимизацию уже существующих норм права.

Как верно отмечает профессор В. А. Толстик, под оптимизацией принято понимать приведение системы в состояние, позволяющее максимально эффективно достигать цели, стоящей перед ней[1].

[1] См.: *Толстик В. А.* Некоторые проблемы оптимизации деятельности полиции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 306–309.

© Амочкина Е. П., Прынова В. И., 2023

Если рассматривать оптимизацию гражданского законодательства в сфере использования систем ИИ, то необходимо обозначить цель существования гражданского права, а именно — регулирование имущественных и личных неимущественных отношений. Ввиду появления новых правоотношений, связанных с эксплуатацией ИИ, оптимизация гражданско-правовых норм носит актуальный характер.

Тем не менее считаем целесообразным указать на мнение профессора В. М. Баранова, согласно которому дефиниция «оптимизация» в последние годы приобретает негативную окраску по причине того, что многие проводимые российские реформы не оправдывают ожиданий[1], поэтому прежде чем приступить к анализу отношений, складывающихся в результате использования систем ИИ, необходимо сделать оговорку в части, касающейся того, что нами не будет предложено кардинальное изменение гражданско-правовых отношений. Задачи нашего исследования ограничиваются модернизацией уже существующих правоотношений ввиду появления и распространения систем ИИ.

Применение систем ИИ содействует появлению вопросов среди ученых разных областей права, однако наше исследование будет проводиться в рамках гражданского законодательства, так как решение проблемы, затрагивающей правосубъектность искусственного интеллекта, является первостепенной задачей для дальнейшего развития данной сферы.

В первую очередь необходимо дать определение понятию «искусственный интеллект». Согласно Указу Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490, закрепившем Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, под ним понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека»[2]. Анализ

[1] *Баранов В. М.* Пути оптимизации деятельности диссертационных советов, созданных на базах образовательных и научных организаций системы МВД России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4 (48). С. 318–328.

[2] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41, ст. 5700.

научных трудов в данной сфере позволяет говорить о том, что среди правоведов существует ряд несогласованностей. Это возникает ввиду существования подмены между понятиями. В частности, существует замена понятий «искусственный интеллект» и «технологии искусственного интеллекта»[1]. Так, согласно вышесказанной Стратегии технологии искусственного интеллекта — это «технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта». Разграничение этих понятий крайне важно ввиду отличающегося друг от друга уровня развития данных информационных систем, что в дальнейшем будет являться одним из факторов при определении для них разного правового режима.

Самой популярной точкой зрения и поддерживаемой нами является идея приравнивания искусственного интеллекта к статусу юридического лица. При анализе перспектив подобного развития событий обращают внимание на то, что юридическое лицо есть не что иное, как искусственно созданный посредством фикции субъект права. Несмотря на то что в гражданском обороте оно выступает от своего имени, реальным субъектом правоотношения остаются физические лица. Юридическое лицо как субъект гражданских правоотношений представляет собой, по сути, имущество, которому предоставляется правосубъектность[2]. Это позволяет говорить о возможности использования данной фикции и для систем ИИ. Данный статус даст возможность искусственному интеллекту функционировать как субъекту права, однако сохранит контроль над его действиями. На наш взгляд, этому поспособствует механизм обязательной государственной регистрации. Если вести, аналогично единому государственному реестру юридических лиц, единый государственный реестр искусственного интеллекта, то он позволит за каждым ИИ закрепить лицо, уполномоченное выступать от его имени и нести за него ответственность, что

[1] *Василевская Л. Ю.* Искусственный интеллект и технологии «искусственного интеллекта»: общее и особенное в гражданско-правовой регламентации // Хозяйство и право. 2021. № 11.

[2] *Мельничук М. А.* Гражданско-правовая ответственность искусственного интеллекта // Закон и право. 2020. № 6. С. 66–68.

решит проблему, связанную с невозможностью признания за искусственным интеллектом самостоятельной деликтоспособности. Однако в данной теории также существуют коллизии.

Так, функционирование юридического лица всегда основывается на деяниях конкретного физического лица или же группы лиц, а действия ИИ не каждый раз будут базироваться на действиях индивида, поэтому признание за искусственным интеллектом полноценного статуса юридического лица невозможно, но использовать механизм фикции, на наш взгляд, вполне разумно при создании отдельного субъекта, например, тот же термин «электронная личность», так широко употребляющийся в научных трудах данной отрасли.

Вопрос о возможности признания за системами ИИ правосубъектности может постепенно превратиться в нормативное закрепление за ним статуса субъекта права. При этом нужно понимать, что выбор режима будет завесить от конкретной модели, а именно от степени сложности работы и возможной опасности. Кроме того, на данном этапе развития искусственного интеллекта говорить о наделении его правосубъектности пока рано, однако уже сейчас необходимо предусмотреть механизмы возмещения вреда в случае совершения деликта системами ИИ.

Среди ученых, занимающихся проблемой гражданско-правовой ответственности систем искусственного интеллекта, нет единой концепции. У исследователей к настоящему времени определилось пять подходов решения данной проблемы:

I подход — считать системы ИИ объектом гражданских отношений, аналогично животным. Согласно правоприменительной практике при причинении вреда домашними животными суды применяют статью 1064 ГК РФ.

II подход — относить искусственный интеллект к источнику повышенной опасности и, следовательно, привлекать по статье 1079 ГК РФ. Это обусловливается тем, что законодатель не дает определения понятия «источник повышенной опасности», что создает споры в научной среде.

III подход — концепция частичной ответственности. Речь идет о создании специальных страховых фондов, из которых будет возмещаться вред, причиненный искусственным интеллектом.

IV подход — действия систем ИИ необходимо квалифицировать как обстоятельства непреодолимой силы. И, следовательно,

ссылаясь на пункт 3 статьи 401 ГК РФ, полностью освобождать от юридической ответственности.

V подход — ущерб, причиненный искусственным интеллектом, должен возместить его производитель, если обнаружится, что причина его нанесения кроется в дефекте механизма, однако если будет установлено, что основанием нанесения ущерба является ошибка в программном обеспечении, то ответственность должен нести разработчик.

На наш взгляд, наиболее обоснованными являются II и III подходы, которые в совокупности могли бы образовать четкую систему функционирования института ответственности за деликты, совершенные искусственным интеллектом. Так, ответственность владельца, подкрепленная страхованием, аналогичным ОСАГО, позволит решить проблему, затрагивающую возмещение вреда за действия (бездействие), совершенные искусственным интеллектом, поэтому нами предлагается проработать статью 1079 ГК РФ, закрепив в ней искусственный интеллект как деятельность, создающую повышенную опасность для окружающих, а также принять федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев искусственного интеллекта».

УДК 343.14:004.087:002.1

Афанасьев Е. С.,
студент Липецкого государственного технического университета;
Пальчикова С. И.,
старший преподаватель кафедры уголовного и гражданского права Липецкого государственного технического университета

Анализ правомочности использования в отечественном гражданском праве доказательств в форме электронных документов

На сегодняшний день ни одну из сфер жизнедеятельности государства, общества и граждан невозможно представить без

© Афанасьев Е. С., Пальчикова С. И., 2023

влияния процесса внедрения механизмов электронной документации, в том числе отечественную юриспруденцию. Одновременно с этим происходит всеобщая информатизация всей общественной деятельности, в том числе внедрение электронной формы обмена информацией и различного рода цифрового общения. На основании этого представляется возможным сформировать следующую гипотезу для данного исследования, а именно правомочность использования в отечественном гражданском праве доказательств в форме электронных документов.

Помимо информатизации общества, под влиянием развития инновационных и научно-технических процессов, а в особенности искусственного интеллекта, большая часть жизни и бизнес-процессов перешла в сферу социальных сетей и «мессенджеров» (от англ. *message*, сообщение — специализированная форма программы для любых информационно-цифровых устройств, предназначенная для оперативного обмена информацией при помощи различных каналов: текстовых сообщений, писем, видеозвонков, голосовых сообщений, стикеров и смайлов, фото- и видеоконтента), что также оказывает весомое влияние на судебные нормы и всю правовую систему России в целом. Тем самым ставятся перед отечественным законодательством и судом вопросы о том, являются ли переписки в сети «Интернет» формой электронного документа и можно ли считать электронный документ доказательством в гражданско-правовом судебном процессе и как трактовать суду выстроенную на основе электронных документов и переписках в сети «Интернет» доказательную базу?

Рассматривая историческую конъюнктуру законодательной базы по электронно-информационной форме документов в Российской Федерации, представляется возможным заметить, что появляется понятие «информация в электронной форме» в юридической науке и нормативных правовых актах в конце 1990-х годов. Такие научные деятели в области юриспруденции, как В. Н. Лопатина и И. Л. Бачило, связывали это с развитием информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ), а также их повсеместным использованием, которое зародилось еще до появления сети «Интернет»[1]. Также в данный период элек-

[1] См.: *Журкина О. В.* Электронные доказательства: понятие и признаки // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 44–46.

тронные документы начали выделять как отдельный предмет научного рассмотрения.

Сам по себе электронный документ в привычной для нас электронной форме был обоснован для Российской Федерации лишь в начале 2006 года в Федеральном законе от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации»[1]. В данном законе указано, что под электронным документом следует понимать задокументированную информацию, представленную в электронном виде, то есть в приемлемом для восприятия человеком при использовании электронных вычислительных машин (ЭВМ), а также для передачи данной информации через информационно-телекоммуникационные сети или для использования в информационных системах.

Дальнейшее развитие юридический статус электронных документов получил в рамках развития Единого портала государственных услуг Российской Федерации (далее — Госуслуги). Так, в процессе подготовки к запуску данного портала был принят Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг"»[2]. И именно в этот период юридический термин «электронный документ» входит в оборот в отечественном законодательстве. Необходимо также упомянуть, что 10 января 2002 года был принят Федеральный закон № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи»[3], который, в свою очередь, формировал правовую коллизию о несоответствии нормам принятого Федерального закона от 27 июля 2010 года № 227-ФЗ, что вызвало необходимость разработки и принятия в кратчайшие сроки нового и актуального закона об электронной подписи. Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи»[4] привнес нормы правового регулирования в сферу как электронного документооборота (сертификат ключа, ключ проверки, информационная система

[1] Российская газета. 2006. 29 июля.

[2] Там же. 2010. 2 августа.

[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2, ст. 127. Документ утратил силу.

[4] Российская газета. 2011. 8 апреля.

электронного взаимодействия и т. д.), так и судебных решений в сфере доказательной базы в гражданских и уголовных прениях, что повлияло на оценку исследования и квалификацию всего массива электронных форм информации в отечественном законодательстве.

В юридическое правоприменение термин «электронный документ» был внесен через нормативный правовой акт Федерального агентства по техническому регулированию. В соответствии с приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) № 1185, опубликованном 17 октября 2013 года, электронный документ — фиксация информации в установленном виде, представленная в электронной форме. Помимо определения, в данном приказе электронный документ для признания его таковым должен обладать рядом нормативно определенных свойств:

— целостностью, отсутствием вносимых изменений после момента создания документа;

— правдоподобностью (содержание электронного документа является абсолютным и подтверждает факт осуществляемой деятельности или тех аспектов, которым можно доверять в последующей деятельности);

— приспособленностью к воспроизведению (возможность электронного документа быть воспроизведенным и локализированным в любой необходимый по востребованию правообладателя или органов власти момент).

Также электронному документу, как и традиционной его форме, дана обоснованная юридическая сила: подтвержденные полномочия с указанием на автора (создателя), которые в свою очередь находят подтверждение в иных правоустанавливающих документах; знаки подлинности, которые задаются через наличие электронной подписи, что также говорит об отсутствии акта подделки документа, одновременно с этим подтверждение подписи и указание уведомления уполномоченного лица об информации, которая в последующем была им подписана, что несет в себе форму изъявления его воли. В свою очередь вопрос защиты и хранения электронной цифровой подписи (далее — ЭЦП) является областью контроля и регулирования лица, которому данная электронная подпись принадлежит, то есть ответственность за ее безопасное и соответствующее нормам право хранения несет за-

конный обладатель и автор (создатель) данной электронной цифровой подписи.

Дальнейшее юридическое определение дефиниция «электронный документ» находит отражение во втором абзаце пункта 1.4 приказа Судебного департамента Российской Федерации при Верховном Суде № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»[1]. Электронный документ есть документ, который является созданным и существующим в электронном виде без наличия формы иного предварительного документирования в виде традиционного бумажного носителя и подписанный электронной подписью, что необходимо в соответствии с законодательством в Российской Федерации»[2]. В соответствии с данным нормативным правовым актом возникает правовая классификация электронных источников правовой информации в рамках законодательной базы на «электронный документ» и «электронный образ». Под электронным образом представляется возможным определять изготовленную и интерпретированную на бумажном носителе копию, сделанную с электронной формы документа, через печать, копирование и сканирование с наличием на нем удостоверяющего элемента, такого как электронная цифровая подпись или усиленная форма электронной цифровой подписи.

Начиная с января 2017 года нормативно-правовая судебная система Российской Федерации установила, что все поступающие в качестве доказательств электронные документы в ходе гражданских, арбитражных или уголовных разбирательств теперь необходимо будет подразделять на электронные сообщения и электронные документы. Основным отличием электронных сообщений от электронных документов являются наличие в электронных документах реквизитов, например, электронно-цифровой подписи, даты составления, фамилии, имени и адреса отправителя в представленном к рассмотрению в суде доказательстве.

---

[1] Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2.

[2] *Емалтынов А. Р.* Некоторые проблемы оценки электронных доказательств в системе электронного правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 5. С. 27–29.

Также при определении электронных сообщений (электронной переписки) представляется возможным провести рассмотрение судебной практики последних лет в области электронных сообщений и переписок как элемента, участвующего при формировании законодательной базы в суде[1].

Например, в соответствии с имеющимися в 2021 году судебными решениями — осуществление регистрации информации, содержащейся в электронной переписке (сообщениях и письмах), составляя протокол в процессе исследования сайта, являются также допустимыми доказательствами в суде, в случае присутствия при процессе сторон и заявленных в этом судебном процессе лиц (на основании статей 102–103 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате).

На сегодняшний день в ГПК РФ в статье 55 также указано, что доказательствами по делу, помимо всего прочего, также являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах или иная информация, на основе которой суд имеет возможность устанавливать наличие обстоятельств или их отсутствие, что обосновывает требования, а также возражения сторон при допустимых законом обстоятельствах, которые имеют значение в ходе правильного и справедливого рассмотрения разрешения итогов оценки правомочности судебного дела. Помимо этого, ГПК РФ определяет, что сведение о наличии и саму информацию, изложенную в качестве фактов, представляется возможным получить из объяснений сторон, а также третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов. Электронные документы в соответствии со статьей 71 ГПК РФ имеют равноценность с точки зрения правовой юрисдикции с классификационной группой письменных форм доказательств и в соответствии с этим имеют тождественное определение, а именно как документы и материалы, которые содержат исчерпывающую и целостную информацию, исполненные в форме цифровой или графической записи, также полученные через факсимильную, электронную или иную

[1] *Котлярова В. В.* О проблемах правового регулирования электронных доказательств в цивилистическом процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 6. С. 27–32.

форму связи, что в обязательном порядке должно предоставлять возможность установить достоверность документа законно определенным на территории Российской Федерации способом.

В процессе признания доказательством и удобоваримости в рамках судебного заседания электронного документа суд проводит его соответствие двум основным критериям:

— позволительность (соблюдены ли все законные нормы в процессе получения данного электронного документа и информации в нем содержащейся);

— актуальность (является ли данный документ подходящим с точки зрения периода действительности и общей ценности в контексте судебного процесса).

Так, в соответствии со статьей 67 частью 5 ГПК РФ суд при оценке письменных доказательств (электронного документа) на соответствие критерию его достоверности должен опираться на основание «что документ был распространен от имени лица органа или субъекта, что имеет права или был уполномочен представлять данный вид доказательств и является подписанным лицом, которое имеет право визировать его подписью, а также несет в себе наличие всех необходимых для признания его письменным доказательством реквизитов).

В соответствии с этим можно прийти к выводу, что юридическую силу, правовую значимость, а также правомочности использования в рамках гражданского права в Российской Федерации в виде элементов, формирующих базу доказательств письменных документов, имеющих вид электронных документов, представляется возможным определять на сегодняшний день лишь в случае наличия на данной форме доказательств всего необходимого перечня следующих условий, а именно: нашедшие свое правовое подтверждение полномочия и соответствующий юридический статус его создателя, наличие и возможность проверки и оценки правомочности всего комплекса необходимых для признания электронного документа таковым реквизитов.

Подводя итог исследованию, можно прийти к следующим выводам, что в гражданском праве Российской Федерации имеется законодательно сформированная правомочность использовать доказательства в форме электронных документов. Существует большое количество различных видов нормативно правовых ак-

тов, конкретизирующих и формирующих институт построения и оценки доказательной базы, вырабатываемой на основе электронной формы документов, а также утверждать о том, что в юридическом, общественном и нормативно-правовом поле созрел четко сформированный запрос на создание всеобъемлющей и актуальной базы законодательных актов, отвечающей за фиксирование нормативно-правовых гарантий использования в законодательно определенном порядке электронных документов как источников доказательств в электронной форме в современном отечественном гражданско-правовом поле.

УДК 34:341

Балалаева Ю. С.,
адъюнкт адъюнктуры Нижегородской академии МВД России

Цифровая оптимизация правотворчества: анализ зарубежного опыта

Постепенное усложнение развития различных процессов и явлений приводит к тому, что со временем их функционирование становится неэффективным. В качестве одного из способов повышения эффективности в данных условиях выступает оптимизация. Понятие оптимизации сегодня используется во многих сферах общественной жизнедеятельности и, как правило, означает улучшение какого-либо процесса до достижения его максимальной эффективности. Исключением не является и сфера правового регулирования, особая роль в котором принадлежит процессу правотворчества. Это детерминировано тем, что конструирование норм права запускает весь механизм правового регулирования. Таким образом, правотворчество представляет собой отправную точку последнего. В связи с этим оптимизация правотворчества имеет архиважное значение.

Тренд на цифровизацию общественных отношений не позволяет оставить без внимания вопросы использования современных

© Балалаева Ю. С., 2023

цифровых технологий для оптимизации правотворчества. Ключевыми в этой ситуации являются технологии искусственного интеллекта, вопросам развития и внедрения которых сегодня уделяется большое внимание. Полагаем, что внедрение новых цифровых решений существенным образом меняет деятельность по подготовке, принятию, изменению (совершенствованию) и отмене правовых актов. Это обусловлено тем, что цифровизация имеет потенциал для трансформации целого ряда процедур правотворческого процесса. В исследованиях зарубежных специалистов отмечается, что цифровые технологии могут быть использованы, в частности, для выявления общественного мнения посредством онлайн-форумов, разработки законопроектов, проведения консультаций с экспертами в режиме «онлайн», онлайн голосование за законопроекты, доступ к нормативным актам через электронные базы[1].

Это, в свою очередь, позволяет говорить о таком феномене, как *цифровая оптимизация правотворчества*, под которым мы понимаем *деятельность, сущность которой заключается в выборе наиболее оптимального варианта внедрения и использования современных цифровых технологий в процессе подготовки, принятия, изменения и отмены правовых актов с целью приведения данного процесса в лучшее состояние.* Последнее, с нашей точки зрения, связано с повышением качества принимаемых нормативных правовых актов, минимизацией их дефектов, а также снижением количества времени, затрачиваемого на осуществление всех процедур. Как определить (выявить) такие дефекты? Следует согласиться с М. А. Соколовой, которая в качестве одного из критериев дефектного нормативного правового акта называет его неспособность достигать целей и задач, поставленных перед ним субъектом правотворчества[2]. Полагаем, что о такой неспособности свидетельствует следующее: а) наличие коллизий,

[1] *Mark D. R., Gurchetan S. G.* Making Laws in a Digital Age. 2014. URL: https://www/parliament.uk/documents/speaker/digital-democracy/digi016_Mark_Ryan_Gurchetan_Grewal.pdf (Date of access: 23.05.2023).

[2] *Соколова М. А.* Выявление и устранение дефектов нормативных правовых актов в механизме правотворчества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018. С. 11.

внутренних противоречий между отдельными положениями нормативного правового акта; б) «избыточность» нормативного правового акта, то есть дублирование в нем уже действующих норм права; в) неточность, неясность, сложность языка нормативного правового акта; г) наличие в нормативном правовом акте норм, не соответствующих реальным потребностям, интересам и ценностным ориентирам большинства социальных общностей и граждан.

Как мы видим, практически все указанные выше негативные явления связаны с нарушением юридической техники. В связи с этим, цифровая оптимизация правотворчества, с нашей точки зрения, должна способствовать совершенствованию средств, приемов и правил, используемых для издания и оформления правовых актов. Значительный вклад в развитие отечественной правотворческой техники внесли профессор В. М. Баранов и профессор В. А. Толстик, подготовив соответствующий курс лекций[1] и тем самым преумножив творческое наследие, оставленное правовой науке В. К. Бабаевым[2].

Учитывая, что суть оптимизации заключается в выборе одного из нескольких возможных вариантов, следует обозначить данные варианты для цифровой оптимизации правотворческого процесса. Мы видим здесь два варианта: 1) внедрение и использование цифровых технологий на отдельных его стадиях (частичная цифровая трансформация); 2) перенесение всех его стадий в цифровое электронное пространство (полная цифровая трансформация).

Анализ осуществляемого в России правотворческого процесса позволяет утверждать, что его оптимизация уже началась и есть определенные результаты. В качестве наилучшего варианта был выбран первый — цифровая трансформация отдельных стадий. Данная трансформация выражается в функциони-

[1] Юридическая техника: курс лекций / под ред. В. М. Баранова, В. А. Толстика. Москва, 2012.

[2] *Толстик В. А.* Научное наследие В. К. Бабаева: весомый вклад в развитие логико-гносеологических и технико-юридических проблем юридической науки // Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения В. К. Бабаева. Нижний Новгород, 2020. С. 74–86.

ровании ряда интернет-ресурсов. Так, интернет-сайт Государственной Думы с помощью Системы обеспечения законодательной деятельности[1] позволяет ознакомиться с внесенными в нижнюю палату российского парламента законопроектами. Официальный интернет-портал правовой информации (http://pravo.gov.ru) обеспечивает официальное опубликование нормативных правовых актов[2]. Интернет-ресурс «Российская общественная инициатива»[3] предоставляет гражданам возможность разместить свои предложения по решению социально-экономических вопросов. Данные предложения при наличии определенного количества голосов могут быть положены в основу соответствующих законопроектов.

Является ли он наилучшим? Безусловно, внедрение и использование цифровых инструментов следует рассматривать как шаг вперед, но, с нашей точки зрения, данный вариант носит «переходный» характер, образует лишь прочную основу для будущих изменений. Так, А. П. Мазуренко в качестве условия дальнейшего совершенствования и модернизации правотворчества рассматривает использование ресурсов сети «Интернет», которые позволяют оживить коммуникацию правотворческих органов и населения[4].

Более же оптимальным вариантом видится цифровая трансформация *всего* правотворческого процесса. Нельзя не отметить, что первые шаги в этом направлении уже делаются. Так, новеллой современного правотворческого процесса следует считать возможность создания административных регламентов через такой инструмент, как конструктор цифровых регламен-

---

[1] Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/ (дата обращения: 20.05.2023).

[2] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.05.2023).

[3] О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»: указ Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 года № 183 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 22.05.2023).

[4] См.: *Мазуренко А. П.* Правотворческая политика как фактор модернизации правотворчества в России: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. С. 14.

тов[1], позволяющий осуществлять работу по созданию административных регламентов в электронном пространстве от первой до последней ее стадии. В конструкторе имеется шаблон, содержащий стандартизированные поля, обязательные для заполнения. Проверка внесенной информации осуществляется автоматически. Таким образом, конструктор цифровых регламентов призван минимизировать человеческие ошибки, а также уменьшить количество времени, затрачиваемого на экспертизу и согласование.

В ряде государств цифровая оптимизация правотворческого (законодательного) процесса посредством его полной цифровой трансформации уже имела место быть. Думаем, их опыт будет полезен для отечественной правовой системы. В связи с этим представляется целесообразным к нему обратиться и проанализировать.

Государством-пионером во внедрении цифровых технологий в правотворчество является Австрия. Здесь с 2001 года реализуется проект «E-Recht», начало которому было положено решением Федерального правительства Австрии от 6 июня 2001 года «Об электронном законотворчестве»[2]. «E-Recht» обеспечивает непрерывную электронную законотворческую деятельность, осуществляемую в несколько этапов. Среди несомненных преимуществ рассматриваемого проекта можно выделить следующие: 1) наличие специальных шаблонов, которые могут быть использованы при составлении текстов правовых актов; 2) наличие электронного взаимодействия между органами исполнительной и законодательной власти. Полагаем, что указанные возможности существенно облегчают правотворческую деятельность, сокращают временные затраты.

Результатом цифровой оптимизации правотворческого процесса в Литве стало создание информационной системы правовых актов, которая имеет много сходств с «E-Recht». В данной системе содержится информация: а) о правотворческих инициативах граждан; б) проектах правовых актов; в) мнениях общественности, их мониторинге.

---

[1] В России зарегистрирован первый цифровой НПА. URL: https://economy.gov.ru/material/news/v_rossii_zaregistrirovan_pervyy_cifrovoy_npa.html (дата обращения: 20.05.2023).

[2] *Barotanyi B.* E-Recht: Law Making in a Contemporary Way. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/230602024.pdf (Date of access: 20.05.2023).

Интересен и опыт Нидерландов. В этой стране была разработана и введена в действие с 1 января 2023 года интернет-платформа DSO[1]. Это функционирующая в режиме «онлайн» система, обеспечивающая цифровое представление систематизированных нормативных положений, регулирующих отношения в сфере окружающей среды, а также законопроектную деятельность в указанной сфере. Ранее законодательство в рассматриваемой сфере представляло собой дюжины законов, касающихся таких вопросов, как почва, строительство, добыча полезных ископаемых, охрана памятников, пространственное планирование, управление водными ресурсами.

DSO, помимо всего прочего, завершила процесс связывания более 400 местных властей с центральной властью. Теперь центральная и местные власти должны будут использовать определенные стандарты, когда они разрабатывают нормативные правовые акты, касающиеся окружающей среды.

В настоящий момент данная система обеспечивает лишь получение информации о нормативных положениях, которые применяются в определенном местоположении, однако в перспективе DSO, согласно рабочим документам нидерландского парламента[2], должна стать инструментом коммуникации, позволяющим гражданам и неправительственным организациям представлять в электронном виде свои мнения по вносимым законопроектам. Одной из особенностей рассматриваемой интернет-платформы, могущей в дальнейшем способствовать активизации участия граждан в законодательном процессе, является сервис автоматического оповещения по электронной почте. Если граждане желают узнавать о действующих или предлагаемых правовых нормах, оказывающих влияние на их среду обитания, то они могут подписаться на автоматическую рассылку сообщений от DSO.

Говоря о цифровой оптимизации правотворческого процесса, нельзя не отметить также и опыт стран СНГ. Так, в Республике Казахстан вся информация о правотворческой деятельности государства сконцентрирована на едином электронном портале, включающем в себя следующие блоки: «Открытые данные»,

[1] Law and Artificial Intelligence: Regulating AI and Applying AI in Legal Practice (Information Technology and Law Series, 35) 1st ed. 2022 Edition. P. 436.

[2] See: Parliamentary papers II. 2017/18, 34986. No. 3. P. 316.

«Открытые НПА», «Открытые бюджеты», «Открытый диалог» и «Оценка эффективности деятельности государственных органов»[1]. Это значительно облегчает доступ к ней граждан, что, в свою очередь, благоприятствует их активному участию в ней, а, значит, укреплению институтов демократии.

Бесценный опыт цифровой оптимизации правотворческого процесса имеется в Республике Беларусь. В настоящее время в данном государстве продолжаются работы по созданию автоматизированной информационной системы (далее — АИС) «Нормотворчество» — общегосударственной системы подготовки и принятия нормативных правовых актов[2], призванной «объединить на основе единой цифровой платформы все нормотворческие органы и все стадии нормотворческого процесса, включая подготовку текста проекта, его согласование, проведение экспертиз, публичное обсуждение, подписание акта и его официальное опубликование»[3]. Формирование указанной системы является завершающим этапом полной цифровой трансформации правотворчества и связано с указами Президента Республики Беларусь от 10 июля 2019 года № 265 «О совершенствовании нормотворческой деятельности»[4] и от 17 ноября 2020 года № 415 «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности»[5].

---

[1] Электронное правительство Республики Казахстан. URL: https://egov.kz/cms/ru/articles/communications/open_gov (дата обращения: 20.05.2023).

[2] АИС «Нормотворчество»: как происходит автоматизация нормотворческого процесса в стране. URL: https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2021/january/58377/ (дата обращения: 20.05.2023).

[3] *Шаршун В. А.* Автоматизированная информационная система «Нормотворчество» как средство цифровизации нормотворческого процесса // Развитие информатизации и государственной системы научно-технической информации (РИНТИ-2020): доклады XIX Международной конференции (Минск, 19 ноября 2020 г.). Минск, 2020. С. 188–193.

[4] О совершенствовании нормотворческой деятельности: указ Президента Республики Беларусь от 10 июля 2019 года № 265. URL: https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-265-ot-10-ijulja-2019-g-21554 (дата обращения: 20.05.2023).

[5] О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности: указ Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 года № 415. URL: https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-415-ot-17-noyabrya-2020-g (дата обращения: 20.05.2023).

Обобщая связанный с цифровой оптимизацией правотворчества опыт зарубежных стран, мы делаем вывод, что нашей стране необходимо стремиться к созданию единого интернет-ресурса, который бы позволял осуществлять все действия и операции в электронном пространстве, а также активизировал бы участие граждан в данном процессе на каждой его стадии. В результате такой оптимизации будет происходить более оперативное, прозрачное взаимодействие граждан и органов государственной власти. Указанное взаимодействие сегодня является архиважным и необходимым. Оно призвано обеспечить согласование интересов всех субъектов, достижение правового компромисса между ними. На значение последнего обращает свое внимание А. В. Парфенов. По его мнению, непринятие во внимание интересов субъектов, в затрагиваемых законопроектом общественных отношениях «ведет к понижению качества принимаемых нормативных правовых актов, ставит под сомнение их эффективность»[1]. В заключение нельзя не отметить, что ключевое значение в цифровой оптимизации правотворческого процесса будут иметь технологии искусственного интеллекта. В связи с этим следует тщательно проработать вопросы, связанные с пределами их внедрения и использования на каждой его стадии.

УДК 343.13

Кирасирова А. О.,
студент 2 курса юридического факультета РАНХиГС (г. Санкт-Петербург)

Проблема оптимизации уголовного процесса в Российской Федерации

На современном этапе развития правовой мысли, защита прав и свобод является важным элементом в структуре правового статуса

[1] *Парфёнов А. В.* Компромиссные начала в содержании проекта нормативного правового акта // Юридическая техника. 2022. № 16. С. 341.

© Кирасирова А. О., 2023

личности, однако следует обратить внимание, что в ряде научных статей говорится о недостатке механизмов, обеспечивающих работу данного правового института[1]. Несмотря на это, одним из наиболее ключевых его форм является право на судебную защиту, которым обладают не только граждане Российской Федерации, а также иностранные граждане, лица без гражданства, иностранные и международные организации[2]. Реализуя данное право, субъекты судебной защиты в зависимости от предмета возникшего спора могут участвовать в уголовном, гражданском, конституционном, административном или арбитражном процессе. В связи с недавними изменениями УПК РФ[3] следует обратить особое внимание на оптимизацию уголовного процесса, которую в общем смысле слова можно определить как процесс формирования эффективных правовых механизмов при рассмотрении уголовных дел в суде с целью совершенствования его деятельности. Актуальность данного правового процесса обоснована, так как вступивший в силу Федеральный закон от 29 декабря 2022 года № 608-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[4] закрепил новый порядок оглашения приговора, при котором описательно-мотивировочная часть не провозглашается, тем самым, с одной стороны, оптимизировав работу судов, а с другой — поставив под сомнение законность и гласность уголовного процесса, а также степень защиты прав и свобод человека и гражданина, что вызвало резонанс в Федеральной палате адвокатов Российской Федерации[5].

Несмотря на обнаружившиеся недостатки, можно утверждать, что постоянная загруженность судов замедляла и ухудша-

---

[1] См.: *Аброкова О. А., Гукепшоков М. Х.* Правовой статус личности // Научные известия. 2020. № 19. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-lichnosti-1 (дата обращения: 19.02.2023).

[2] ГК РФ от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (ред. от 05.12.2022). URL: https://base.garant.ru/12128809/ (дата обращения: 28.12.2023).

[3] УПК РФ от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023) // Российская газета. 2001. 22 декабря.

[4] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2022 года № 608-ФЗ // Российская газета. 2023. 9 января.

[5] См.: *Нагорная М.* Судебная оптимизация // Адвокатская газета. 2022. 11 ноября.

ла скорость рассмотрения дел в суде, поэтому принятый шаг был направлен на решение данной проблемы. Так, «Адвокатская газета» назвала данный процесс в рамках уголовного судопроизводства «оптимизацией в ущерб защите»[1]. Советник Федеральной службы адвокатов отмечал, что при провозглашении приговора в неполном объеме возникает риск пропуска срока апелляционного обжалования, а также иные проблемы, которые ставят под угрозу осуществление адвокатом своих прав и качественной защиты клиента[2]. Таким образом, проведенной оптимизацией была актуализирована проблема соблюдения прав участников уголовного процесса.

С учетом вышеизложенного цель настоящего исследования состоит в том, чтобы определить, насколько обоснованным является решение о проведении оптимизации уголовного процесса согласно Федеральному закону от 29 декабря 2022 года № 608-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

1. Обозначена проблематика проведения оптимизации уголовных процессов в Российской Федерации.

2. Дана общая правовая оценка положений Федерального закона от 29 декабря 2022 года № 608-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

3. Исследована специфика проведения уголовного процесса без оглашения описательно-мотивировочной части как необходимого этапа оптимизации.

4. Изучены дискуссионные вопросы, вызвавшие особое внимание со стороны адвокатов.

5. Предпринята попытка формирования новых правовых механизмов по оптимизации уголовного процесса в Российской Федерации.

Проблема оптимизации уголовного процесса имеет большое значение в связи с постоянно нарастающей загруженностью су-

---

[1] См.: *Нагорная М.* Судебная оптимизация // Адвокатская газета. 2022. 11 ноября.

[2] См. там же.

дов не только по уголовным делам, но и по остальным категориям дел. Так, Верховный Суд Российской Федерации предлагает статистику рассмотренных дел в судах с 2018 по 2022 год, где их количество за данный промежуток возросло на 9,2 млн[1]. Владимир Владимирович Путин также отметил на итоговом совещании судов 14 февраля 2023 года, что необходимо оптимизировать работу судов по причине постоянной нагрузки[2], а заместитель председателя Коллегии адвокатов «ARM IUST» Нарине Айрапетян обозначила, что «наибольшее количество жалоб, как и в предыдущие годы, рассмотрено Верховным Судом в порядке надзора именно по уголовным делам»[3]. Это подтверждается увеличением количества рассмотрения жалоб и представлений Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. Так, в 2022 году в кассационной инстанции было рассмотрено на 1431 дело больше, чем в 2021 году, при этом возросло количество материалов территориальной подсудности более чем в 11 раз в сравнении с 2020 годом[4]. По мнению адвоката Артема Чекоткова, такие резкие изменения не могут не настораживать[5]. Таким образом, решение проблемы оптимизации уголовного процесса с каждым годом становится все актуальнее.

В целях нормативного урегулирования данного вопроса 2 мая 2017 года был внесен законопроект в Государственную Думу № 163784-7 о внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс, который был опубликован 29 декабря 2022 года для

---

[1] Рост нагрузки и расширение «цифры»: итоги работы судов за 2022 год: обзор материалов СМИ. URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/32147 (дата обращения 19.02.2023).

[2] Совещание судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов. URL: https:// kremlin.ru/events/president/news/70510 (дата обращения: 19.02.2023).

[3] *Павлова З.* Уголовные дела вновь лидируют в статистике рассмотренных ВС дел в 2022 году // Адвокатская газета. 2023. 15 февраля.

[4] Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2022 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел. URL: https://vsrf.ru/documents/statistics/321151 (дата обращения: 19.02.2023).

[5] *Павлова З.* Уголовные дела вновь лидируют в статистике рассмотренных ВС дел в 2022 году // Адвокатская газета. 2023. 15 февраля.

оптимизации уголовного процесса. Наиболее важными изменениями являются:

1) закрепление нового срока по проверке судьей законности и обоснованности решений в части 3 статьи 125 УПК РФ;

2) в части 1 статьи 125^{1} УПК РФ закрепление права подачи жалобы заявителем, его защитником, законным представителем или представителем;

3) в части 7 статьи 241 УПК РФ изменение порядка оглашения приговора — не в полном объеме, а конкретно без описательно-мотивировочной части, что вызвало резкие дискуссии у стороны защиты по возможным проблемам обжалования приговора;

4) в части 2 статьи 303 УПК РФ закрепление требования составления приговора в полном объеме;

5) в части 1 статьи 323 и части 1 статьи 389^{4} УПК РФ изменение сроков обжалования с 10 до 15 суток;

6) в части 2 статьи 389^{33} УПК РФ изменение порядка составления мотивировочного решения апелляционного суда и срока, на который можно его отложить: районный суд — не более чем на 3 суток; Верховный Суд республики, краевой или областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области, суд автономного округа, окружной (флотский) военный суд — не более чем на 5 суток; апелляционный суд общей юрисдикции, апелляционный военный суд, Верховный Суд Российской Федерации — не более чем на 7 суток со дня окончания разбирательства уголовного дела.

Данные ключевые изменения вызвали резонанс со стороны защиты[1], так как при оглашении приговора не в полном объеме, при том что копии в окончательной форме будут вручены в течение 5 суток, а также откладывании сроков составления мотивировочного решения в апелляционных судах, возникает риск нарушения срока обжалования, помимо этого, стороне защиты не будет известно до момента получения приговора в окончательной форме, как было мотивировано решение суда. При этом важно обратить внимание, что при составлении мотивировочно-

[1] *Нагорная М.* Судебная оптимизация // Адвокатская газета. 2022. 11 ноября.

описательной части приговора могут быть устранены судебные ошибки, так как участники процесса не будут знать ее содержания. Несмотря на увеличение сроков обжалования, повышается риск нарушения законности уголовного процесса, а также принципа гласности правосудия, который обеспечивает справедливость вынесенного приговора, а также защиту и охрану прав участников уголовного процесса. Как отмечается в «Адвокатской газете»[1], отказ от провозглашения мотивировочной части приведет к непониманию причин вынесения решения, что породит еще большее недоверие к суду. Помимо этого, в соответствии со статьей 5 УПК РФ приговор — это решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции. Важно понимать, что постановление приговора является одной из важнейших заключительных стадий уголовного судопроизводства, что подтверждает итоговое значение данного решения, вынесенного судом. При этом описательно-мотивировочная часть приговора содержит доказательства, на которых основаны выводы суда, соответственно откладывание сроков ее составления ставит вопрос о том, насколько верно считать постановление приговора как стадию уголовного процесса заключительной частью судебного разбирательства. Также провозглашение решения не в полном объеме не разъясняет участникам уголовного процесса причины выбранной квалификации преступления и соответствующей меры пресечения, что ставит под сомнение правильный ход судебного разбирательства, а соответственно справедливость и законность вынесенного приговора.

Однако многие считают обоснованным решение об изменении порядка оглашения приговора, так как это сократит время на рассмотрение уголовных дел, тем самым оптимизировав и разгрузив их. Так, заместитель председателя Московской коллегии адвокатов «Центрюрсервис» Илья Прокофьев замечал[2], что много

[1] *Нагорная М.* Судебная оптимизация // Адвокатская газета. 2022. 11 ноября.

[2] Верховный Суд уточнил свои поправки в УПК об оптимизации судебного процесса // Адвокатская газета. 2022. 15 ноября.

дел, при рассмотрении которых подсудимый признает свою вину и отказывается обжаловать приговор, однако обоснованно не значит законно — есть подсудимые, которым несправедливо выносят приговор, и их защитникам ничего не остается, как его обжаловать. При этом решение сократить время на оглашение приговора с учетом возрастания количества судебных заседаний в судах различных инстанций может не иметь такой уж эффективный характер, тем самым ухудшив состояние судебной системы и вызвав негативную реакцию со стороны общества, не понимающего, насколько справедливо был вынесен приговор. Немаловажную роль, как замечает А. Р. Адамова[1], имеет уровень низкой правовой культуры, так как он влияет напрямую на восприятие решений, принятых государством. Приобщая это к нашей теме, можно говорить, что общество воспримет данные изменения в законодательстве скорее негативно, нежели позитивно.

Важно разобраться, какую занимают позицию адвокаты. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что неоднозначную. Сергей Насонов обращает внимание, что после оглашения приговора при подаче жалобы необходимо указать апелляционные основания, которые не могут быть составлены без доступа к описательно-мотивировочной части, что может привести к нарушению сроков и оставлению жалобы без рассмотрения[2]. Он также обращал внимание на ликвидацию гарантий составлений приговора, а именно удаление из законопроекта пункта по изменению статьи 312 УПК РФ, по которому после судебного заседания сразу же вручаются копии полного текста приговора. Изначально адвокатское сообщество положительно отреагировало на данный законопроект, так как отказ от оглашения описательно-мотивировочной части этим компенсировался, но после принятия законопроекта дискуссии возросли, и отношение Федеральной палаты адвокатов к данным изменениям стало неоднозначным. Сергей Насонов отмечал, что провозглашение не в полном объеме текста приговора без немедленного вручения копий не может быть расценено поло-

[1] *Адамова А. Р.* Правовая культура современной России // Молодой ученый. 2019. № 52 (290). С. 85–87.

[2] Верховный Суд уточнил свои поправки в УПК об оптимизации судебного процесса // Адвокатская газета. 2022. 15 ноября.

жительно[1]. В судебной практике очень часто нарушаются сроки вручения копий приговора, однако это не является грубым нарушением УПК РФ и не влечет отмену приговора[2]. Таким образом, в совокупности оглашение приговора в неполном объеме не дает полные сведения для подсудимого и его защитника о мотивах принятого решения, а также ожидание выдачи копий его полного текста ставит в крайне невыгодное положение сторону защиты, которой необходимо за отведенный срок обжаловать приговор.

Несмотря на различные дискуссии в связи с принятыми изменениями, работу судов данные нововведения оптимизировали, это подтверждается судебной практикой, согласно которой зачитывание приговора могло длиться около часа и полутора, соответственно принятие такого шага было понятным[3]. Двусторонность данной оптимизации ставит перед наукой новые задачи по разработке решения вызванной проблемы. В данном случае правовые механизмы являются главными инструментами для более эффективной работы судов при соблюдении принципов правосудия. Так, представляется нужным обозначить меры для более качественной оптимизации уголовного процесса:

— в первом случае — изменить статью 312 УПК РФ, по которой копии полного текста приговора будут выдаваться немедленно после его оглашения;

— во втором случае — ужесточить порядок предоставления копий, при котором срок будет реально соблюдаться.

При изменении статьи 312 УПК РФ, по которой копии будут выдаваться немедленно после оглашения приговора, можно будет избежать риска нарушения законности уголовного процесса, а также обеспечить справедливость принятого решения судом, при этом сторона защиты сможет в предназначенные сроки его обжаловать без возможного риска их пропуска. Этот вариант изначально поддержи-

[1] Верховный Суд уточнил свои поправки в УПК об оптимизации судебного процесса // Адвокатская газета. 2022. 15 ноября.

[2] Апелляционное постановление от 28 октября 2021 года № 22-2058/2021. URL: https://sudact.ru/regular/doc/312QXTEdoYNJ (дата обращения: 19.02.2023).

[3] Совещание судей судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов. URL: https://kremlin.ru/events/president/news/70510 (дата обращения: 19.02.2023).

вала Федеральная служба адвокатов, считая законным и обоснованным. Если же рассматривать вторую меру по оптимизации уголовного процесса, то, ужесточив порядок предоставления копий, можно будет рассчитывать на соблюдение сроков для обжалования приговора, однако здесь останется проблема с возможным риском изменения и исправления мотивировочной части приговора, что нарушит законность соблюдения требований составления приговора.

В качестве дополнительных мер для оптимизации уголовного процесса можно считать:

— изучив статистику самых частых категорий уголовных дел, рассматриваемых в судах[1], к которым относятся преступления против собственности — 39 %, против личности — 21 %; против общественной безопасности и общественного порядка — 27 %, проводить более тщательную профилактику данных преступлений, ужесточить порядок работы правоохранительных органов для более качественного решения их функций, обеспечения раскрываемости преступлений и защиты прав и свобод человека и гражданина;

— в процессе цифровизации появляются новые способы, с помощью которых можно хранить информацию[2], таким образом можно облегчить работу сотрудников судов: секретарей, помощников судей, работников канцелярий по уголовным делам и других. Например, аудиопротоколирование и видео-конференц-связь сейчас имеют колоссальное значение с учетом роста рассматриваемых дел.

Схожий вопрос с рассмотрением интенсивности и экстенсивности экономического роста, так как решение вопроса может быть преодолено либо качеством, либо количеством. Так, можно говорить о двух путях оптимизации уголовного процесса: интенсивный и экстенсивный. При этом интенсивный путь является наиболее желательным, и если рассматривать его, то в эпоху цифровизации

---

[1] Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2022 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел. URL: https://vsrf.ru/documents/statistics/321151 (дата обращения: 19.02.2023).

[2] *Скляр М. А., Кудрявцева К. В.* Цифровизация: основные направления, преимущества и риски // ЭВР. 2019. № 3 (61). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-osnovnye-napravleniya-preimuschestva-i-riski (дата обращения: 20.02.2023).

и с ростом значения информации он будет намного инновационнее, не затрачивая при этом дополнительных бюджетных средств на разрастание судебного аппарата. Это подтверждается активным использованием видео-конференц-связи Верховным Судом Российской Федерации, которая таким образом экономит на этапировании, процессуальных издержках, затратах родственников, на обучении, оперативно-розыскных мероприятиях; снижает количество несчастных случаев, сокращает длительность судебных процессов[1]. Таким образом, внедряя различные технические разработки в рамках уголовного процесса, можно не только оптимизировать уголовный процесс, но и сделать более комфортными условия рассмотрения уголовных дел в судах.

Исходя из вышесказанного, решение об оптимизации уголовного процесса является обоснованным, однако изменения, принятые в Федеральном законе от 29 декабря 2022 года № 608-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[2], — недоработанными, что создает ряд проблем стороне защиты, главной функцией которой является отстаивание законных интересов субъектов уголовного права. Так, является целесообразным внести изменения в УПК РФ и вручать копии участникам уголовного процесса сразу после оглашения либо ужесточить соблюдение сроков предоставлений копий полного текста приговора, а также принять новые меры по цифровой трансформации уголовного правосудия. Помимо этого, будет уместным при дальнейших исследованиях данного вопроса произвести сравнительно-правовой анализ и изучить опыт других государств по правильной оптимизации уголовного процесса с целью облегчения работы судов[3].

---

[1] 20-летнее применение видео-конференц-связи в Верховном Суде Российской Федерации. Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: vsrf.ru/press_center/new/28850/ (дата обращения: 19.02.2023).

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 2022 года № 608-ФЗ // Российская газета. 2023. 9 января.

[3] *Goodman S.* The Effectiveness of the International Criminal Court: Challenges and Pathways for Prosecuting Human Rights Violations (April 15, 2020) // Inquiries Journal. 2020. Vol. 12. No. 09. URL: https://ssrn.com/abstract=4228603 (Date of access: 20.02.2023).

УДК 34:33

Манохин В. С.,
ассистент кафедры финансового права и таможенной деятельности Юридического института Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, адвокат

Комплаенс оптимизации законодательства

Комплаенс (от англ. *compliance* — соответствие) — это относительно новый механизм в российской экономике, который предполагает соблюдение правил, законов, стандартов и политик. Он включает разработку политик, процедур, мер контроля, обнаружения и предотвращения нарушений законодательства, нормативных актов и стандартов. Концепция комплаенс возникла в фармацевтической промышленности США в начале XX века, но долгое время оставалась неизвестной до тех пор, пока корпоративные скандалы не стали повсеместным явлением.

Развитие корпоративного управления привело к созданию новых антикоррупционных законов и увеличению требований по раскрытию информации. Возникла потребность в обеспечении защиты прав акционеров, предотвращении преступных действий, борьбе с коррупцией и формировании положительного имиджа компаний. В связи с этим возросло количество контролирующих органов как внешних, так и внутренних.

Комплаенс играет важную роль в обеспечении законности, этичности и социальной ответственности организаций. Путем создания и соблюдения политик и процедур комплаенс помогает предотвращать правонарушения, минимизировать риски, укреплять доверие со стороны заинтересованных сторон и улучшать деловую репутацию компаний.

Юридический комплаенс — это концепция и практика обеспечения соответствия организации всем применимым законам, правилам, регуляторным требованиям и этическим стандартам. Он охватывает разработку политик и процедур, систем контроля

© Манохин В. С., 2023

и мер по обнаружению и предотвращению нарушений законодательства. Целью юридического комплаенса является минимизация рисков для организации и ее заинтересованных сторон, обеспечение законности и этичности деятельности, а также создание доверия и укрепление репутации компании.

Юридический комплаенс не является прямым инструментом для создания законов в Российской Федерации или любой другой стране. Он скорее представляет собой набор инструментов, применяемых организациями для обеспечения соответствия законам и нормам.

Процесс создания законов в Российской Федерации осуществляется законодателями, такими как Федеральное Собрание (Государственная Дума и Совет Федерации), Правительство Российской Федерации и другими государственными органами. Законопроекты рассматриваются и принимаются в соответствии с законодательными процедурами, определенными Конституцией Российской Федерации и правилами законодательства.

Однако концепции и принципы юридического комплаенса могут быть учтены при оптимизации законодательства. В процессе создания новых законов или внесения изменений в существующие законы законодатели могут принимать во внимание мнения и рекомендации заинтересованных сторон, включая представителей бизнес-сообщества и юридических экспертов.

Прежде всего, необходимо раскрыть термин «оптимизация» для определения задач, поставленных данной работой.

Понятие «оптимизация» применяется в различных науках. Так, в информатике оно понимается как самое эффективное соотношение между затрачиваемыми ресурсами памяти и времени[1].

Оптимизация в контексте правоведения представляет собой модификацию системы с целью улучшения ее эффективности. В данном подходе применяются инструменты теории систем для исследования и анализа. Анализ ранее приведенного определения позволяет сделать вывод, что оптимизация непосредственно связана с процессом трансформаций, но акцент делается на средствах достижения цели, важности выбора подходящих средств для ее достижения.

[1] *Bentley J. L.* Writing efficient programs. Prentice-Hall, Inc., USA. 1982.

Кроме того, следует отметить, что состояние оптимума требует постоянной поддержки и предполагает «предвосхищающий» характер изменений. То, что на данный момент не является лучшим решением, может стать оптимальным в измененных условиях через определенное время. Такая ситуация часто встречается в правотворческой сфере, особенно в законодательной деятельности, которая сопровождает процесс цифровизации.

Таким образом, оптимизация в правоведении означает постоянное совершенствование системы и выбор наиболее эффективных средств для достижения поставленных целей. Это требует анализа и адаптации в соответствии с меняющимися условиями и потребностями, чтобы обеспечить наилучшие результаты в рамках правовой среды.

В настоящий момент рост законодательного массива, увеличение числа объектов и субъектов правоотношений, а также всеобщая цифровизация поднимают новые вопросы о возможности оптимизации традиционных этапов законотворчества и увеличения мониторинга дальнейшего правоприменения.

Одним из путей оптимизации выступает создание машиночитаемого права,[1] что позволит автоматизировать процесс применения созданных норм и решит сразу несколько проблем: упростит порядок сбора статистики об эффективности принятого закона, а также снизит количество возникающих ошибок.

В цифровой среде нормативная информация рассматривается как информационный ресурс и для ее эффективного использования требуются существенные изменения в структуре нормативных правовых актов[2]. Вместе с изменением формы организации информации в виде документов правовая политика должна учитывать необходимость адаптации нормативной информации, и это становится задачей оптимизации.

С начала 2000-х годов в научных кругах обсуждается необходимость изменения структуры нормативной информации с учетом

---

[1] *Пашенцев Д. А., Алимова Д. Р.* Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. 2019. № 6. С. 103.

[2] *Липень С. В.* Сетевая парадигма и современное государство в юридических исследованиях начала XXI в. // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 10 (119). С. 16.

удобства ее автоматической обработки и возможности частичного автоматического создания «технических» норм права. Концепция «сетевого права»,[1] предложенная Л. В. Голоскоковым[2], рассматривается как шаг к требуемому состоянию пространства нормативной информации. Основными принципами «сетевого права» являются: автоматическое формирование некоторых элементов юридических норм; стандартизация структуры нормативных актов с учетом потребностей автоматизации обработки; автоматическое регулирование некоторых правовых отношений в сетевом пространстве; устранение внутренних противоречий в законодательстве; генерация правовых норм только в электронном виде без использования письменной формы; организация реального времени диалога между субъектами законотворческой деятельности и другие.

Однако, создание машиночитаемого права сталкивается как с теоретическими, так и практическими противоречиями. С одной стороны, стоит проблема применения искусственного интеллекта (двойственный статус которого до сих пор не был определен существующим законодательством)[3], с другой стороны уже существующий законодательный массив требует больших усилий для унификации и устранения коллизий.

Хотя комплаенс не используется непосредственно при создании законов в Российской Федерации, его принципы и методы могут быть учтены в процессе разработки законодательства с целью достижения более сбалансированного, эффективного и соответствующего потребностям бизнеса и общества результата, а также помочь в формировании машиночитаемого права.

Принципы юридического комплаенса, которые могут быть учтены при законотворчестве, включают[4]:

---

[1] *Соколов А. Ю., Солдаткина О. Л.* Приоритеты правовой политики в сфере цифровизации законотворческой деятельности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2022. Т. 26. № 3. С. 712.

[2] *Голоскоков Л. В.* Теория сетевого права. Санкт-Петербург, 2006.

[3] *Архипов В. В., Наумов В. Б.* О некоторых вопросах теоретических оснований развития Законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170.

[4] *Кеворкова Ж. А., Сапожникова Н. Г.* Концептуальные положения комплаенс как формы внутреннего контроля в экономических субъектах // Учет. Анализ. 2020. Т. 7. № 2. С. 10.

1. Соблюдение законности и правопорядка: законы должны быть согласованы с конституцией и другими вышестоящими нормативными актами, а также соответствовать общим принципам права.

2. Прозрачность и доступность: законы должны быть написаны ясно, понятно и доступно для всех граждан и заинтересованных сторон. Они не должны содержать непонятные или двусмысленные формулировки.

3. Справедливость и равноправие: законы должны основываться на принципах справедливости, защищать права и интересы всех граждан и заинтересованных сторон и не допускать произвола или дискриминации.

4. Пропорциональность и баланс: законы должны быть пропорциональными по отношению к целям, которые они преследуют, и обеспечивать сбалансированное соотношение между правами и обязанностями.

5. Предсказуемость и стабильность: законы должны быть стабильными и предсказуемыми, чтобы обеспечить уверенность и надежность для бизнеса и граждан.

6. Эффективность и эффективное применение: законы должны быть эффективными и реализуемыми в практическом плане. Они должны обладать механизмами контроля и наказания за нарушения, а также обеспечивать эффективное применение и выполнение.

7. Гармонизация и согласованность: законы должны быть согласованы и гармонизированы с другими законами и нормативными актами, чтобы избежать противоречий и конфликтов.

Создание законотворческой комплаенс-системы требует всестороннего реформирование как процесса создания нормативных правовых актов, так и внесения изменения. Применение цифровых технологий в процессе подготовки законопроектов поможет существенно ускорить процесс, а также переключить внимание экспертов с внешней формы (то есть наличие технических, орфографических и грамматических ошибок) на содержание и применимость правовых норм.

Представляется, что в рамках оптимизации законодательства требуется принять федеральный закон «О нормативных правовых актах», в котором отдельно прописать необходимость формирования профиля риска при принятии нормативных правовых актов.

На его основании можно заключить заранее о последствиях и эффекте от предлагаемых изменений. Это увеличит предсказуемость правоприменения и отсеет на первоначальной стадии законопроекты, которые нарушают целостность системы законодательства.

УДК 342

Сидорук А. Ю.,
адъюнкт Академии управления МВД России (г. Москва)

Правовые средства ограничения публичной власти: вопросы оптимизации

С появлением государства власть отчуждается от общества и направляется на обеспечение интересов своего носителя. Вместе с тем власть может выражать интересы общества, принимать во внимание мнения и потребности граждан. При этом она остается относительно автономной и выделяется из общества как самостоятельный орган, который принимает решения, управляет и координирует деятельность других сфер жизни. Современное общество не может существовать без публичной власти, однако она может стать причиной нарушения прав и свобод граждан. В этом случае возникает необходимость в ограничении действий государственных органов и должностных лиц.

Ограничение публичной власти является необходимым элементом любой демократической системы. Это позволяет гарантировать защиту прав и свобод граждан, а также предотвращает злоупотребления со стороны государственных органов и должностных лиц, однако в настоящее время существующие правовые средства ограничения публичной власти могут быть оптимизированы для повышения их эффективности и достижения более высокого уровня защиты прав граждан.

Ограничение публичной власти с помощью правовых средств — это неотъемлемая часть защиты прав и свобод человека, но сложности возникают в определении некоторых аспектов этой про-

© Сидорук А. Ю., 2023

блемы. Два разных подхода к юридическим средствам определяют их как институциональные образования, используемые для достижения социально-экономических, политических, нравственных и других целей. В соответствии с различными характеристиками В. А. Сапун определяет, что правовые средства имеют двойственную природу и необходима специальная правовая деятельность для решения задач и проблем, направленных на общественное благо[1].

Приверженцы второго подхода рассматривают юридические средства как средства для реализации права в различных сферах деятельности. Например, Борис Иванович Пугинский считает, что «правовые средства — это совокупность правовых действий, совершаемых субъектами с учетом законодательных норм и общественных интересов, чтобы достичь определенных целей»[2]. Таким образом, эти подходы позволяют рассмотреть юридические средства как конструкции, способные эффективно реализовывать правовые ценности и задачи в жизни общества.

Оптимизация правовых средств ограничения публичной власти — это актуальная тема для обсуждения, которая требует серьезного подхода со стороны государственных органов и юридического сообщества. В данной статье мы рассмотрим основные проблемы, связанные с использованием таких инструментов, а также предложим ряд мер по оптимизации правовых средств для более эффективной защиты гражданских прав и свобод.

Одним из главных принципов правового государства является ограничение публичной власти. Этот принцип закладывает основы для того, чтобы государственные органы не злоупотребляли властью и не нарушали прав и свобод граждан. Пересмотр ограничений может осуществляться по-разному: путем анализа требований конкретных отношений в обществе и соответствующих средств права, предназначенных для их регулирования. В своем определении И. М. Приходько считает правовые ограничения средством права, регулирующим поведение субъекта в определенных преде-

---

[1] См.: *Сапун В. А.* Деятельность по использованию правовых средств в реализации советского права // Проблемы реализации права: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1990. С. 10.

[2] *Пугинский Б. И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. Москва, 1984. С. 87.

лах и способствующим упорядочиванию социальных отношений путем защиты прав и интересов других субъектов[1].

Правовые средства ограничения публичной власти могут быть различными[2]. Например, это могут быть конституционные нормы, законы, решения судов или акты других государственных органов. Все эти средства направлены на то, чтобы контролировать действия государственных органов и свести к минимуму возможность злоупотребления властью.

Однако оптимизация правовых средств ограничения публичной власти — это сложная задача. Важно учитывать как теоретические аспекты этой проблемы, так и практические аспекты ее решения. В частности, при оптимизации правовых средств нужно учитывать следующие факторы:

— соответствие правовых норм международным стандартам;

— надлежащая формулировка и структурирование правовых норм;

— установление эффективных механизмов контроля за соблюдением этих норм.

Таким образом, оптимизация правовых средств ограничения публичной власти — это задача, которая требует комплексного подхода. Важно учитывать теоретические аспекты этой проблемы и практические факторы ее решения. Только так можно создать систему, которая будет эффективно контролировать действия государственных органов и защищать права и свободы граждан.

Государственная власть через правовое регулирование призвана обеспечить структурную и функциональную эффективность. С одной стороны, это достигается определенной организацией и развитием институтов власти, а также их компетенций. С другой стороны, принципы правового регулирования ограничивают власть определенными рамками и правилами[3]. Вне этих рамок властные институты не могут действовать.

---

[1] См.: *Приходько И. М.* Ограничения в российском праве (проблемы теории и практики): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 8–9.

[2] См.: *Макогон Б. В.* Процессуально-правовые ограничения как атрибут деятельности властных субъектов: монография. Москва, 2013. С. 23.

[3] См.: Правовое обеспечение государственного и муниципального управления: практическое пособие / Д. В. Пожарский [и др.]. Москва, 2022. С. 46.

Вопросы оптимизации правовых средств ограничения публичной власти требуют анализа существующих механизмов контроля и баланса полномочий государственных органов. Одним из таких механизмов является конституционный контроль, который осуществляется КС РФ. Также важную роль играет парламентский контроль, который осуществляют фракции, комитеты и депутаты Государственной Думы и Совета Федерации, но необходимо отметить, что эффективность данного механизма зависит от политической составляющей парламента.

Другими формами контроля являются независимые органы: прокуратура, аудиторские палаты, комиссии по рассмотрению жалоб граждан и т. д., однако, несмотря на значительные усилия, данные организации все еще сталкиваются с серьезными трудностями. Например, недостаточный уровень финансирования со стороны государства затрудняет выполнение возложенных на них обязанностей. Кроме того, представители других ветвей власти могут оказывать давление на эти органы, что вместе с недостаточной финансовой поддержкой может существенно затруднить их работу.

Кроме того, следует обратить внимание на роль гражданского общества в контроле за действиями государственных органов. Организации и активисты могут использовать различные инструменты для привлечения внимания к проблемам коррупции, нарушению прав и свобод граждан[1]. Таким образом, анализ существующих правовых средств ограничения публичной власти показывает, что необходимо оптимизировать механизмы контроля и баланса полномочий государственных органов.

Наконец, возникает вопрос о действенности международных правовых средств, которые предназначены для ограничения публичной власти. Хотя такие инструменты, как Всемирная декларация прав человека[2] и Международный пакт о гражданских и по-

[1] См.: *Воробьева Н. А.* Правовое регулирование организации и функционирования государственной власти в Российской Федерации: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Сочи, 2008. С. 143.

[2] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.05.2023).

литических правах[1] обладают высоким авторитетом и значением, их выполнение может быть необязательным или игнорируемым некоторыми государствами.

Таким образом, оптимизация правовых средств ограничения публичной власти требует решения многих сложных проблем. Для оптимизации правовых средств ограничения публичной власти необходимо учитывать некоторые рекомендации и выводы.

Во-первых, необходимо разработать более точные критерии для определения пределов, когда публичная власть может быть ограничена. Это поможет избежать произвола и усилить защиту гражданских прав и свобод.

Во-вторых, необходимо улучшить механизмы контроля за действиями публичной власти. Это может быть достигнуто через совершенствование системы жалоб и обращений граждан, а также усиление роли независимых органов контроля (например аудиторских комиссий).

В-третьих, необходимо продолжать работу по повышению правовой культуры населения. Чем выше осведомленность граждан о своих правах и возможностях защиты этих прав, тем менее вероятны случаи злоупотребления публичной властью.

Наконец, столь же важно сохранение баланса между потенциальными преимуществами и недостатками ограничения публичной власти. Необходимо учитывать, что слишком жесткие правовые ограничения могут привести к неэффективности государственного управления и нарушению законности.

Ограничение государственной власти является двойственным и противоречивым процессом. С одной стороны, это необходимый инструмент для обеспечения реализации и защиты прав человека. С другой стороны, власть должна быть достаточно сильной, чтобы гарантировать защиту прав и законных интересов личности с помощью государственного принуждения. Оптимизация правовых средств для ограничения власти является сложным и многомерным процессом, который требует комплексного подхода и постоянного совершенствования.

---

[1] Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 года резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.05.2023).

УДК 343.37

Смирнова Г. А.,
аспирант кафедры публичного и уголовного права Гуманитарного института Российского нового университета (г. Москва)

Взаимодействие следователя и оперативно-розыскных подразделений при расследовании хищений, совершенных в сфере энергоресурсов

Эффективность расследования преступлений, в том числе хищений, совершенных в сфере энергетических ресурсов, зависит от того, насколько хорошо налажено взаимодействие между участниками расследования. К участникам расследования относятся не только непосредственный субъект расследования, но и сотрудники, осуществляющие оперативное сопровождение уголовного дела.

При расследовании хищений в сфере энергетических ресурсов выделяют несколько ситуаций, при которых возникает потребность в организации взаимодействия. Первой ситуацией является совершение неочевидного преступления, в данном случае взаимодействие исходит не от субъекта расследования, а от дежурной части органов внутренних дел. Второй ситуацией является изучение следователем предоставленных ему оперативным сотрудником или органом дознания материалов и последующее принятие решения о возбуждении уголовного дела. В таком случае инициирует взаимодействие следователь. Он же определяет круг субъектов взаимодействия, планирует следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, которые необходимо провести для того, чтобы собрать как можно больше доказательств, а также сведений, которые будут использованы в дальнейшем для возмещения материального ущерба. Третьей ситуацией является расследование уголовных дел, состоящих из большого количества эпизодов преступлений, совершенных преступной группой. В данной ситуации взаимодействие необходимо для планирования комплекса следственных действий и оперативно-

© Смирнова Г. А., 2023

розыскных мероприятий, которые необходимо провести, а также корректировки уже составленного плана. При организации подобной работы особое значение приобретает своевременный, полноценный и непрерывный обмен информацией, происходящий между субъектом расследования и сотрудниками оперативно-розыскных подразделений[1].

Оперативно-розыскные мероприятия проводятся при расследовании уголовных дел наряду с важнейшими первоначальными следственными действиями. Проводимые оперативно-розыскные мероприятия нацелены на то, чтобы установить данные о преступнике, совершившем преступление. Также они направлены на то, чтобы установить, какие именно материальные ценности были украдены.

Если похищенные ценности имеют признаки, отличающие эти вещи от иных подобных им вещей, нужно поставить эти предметы на учет. Постановка похищенных предметов на учет осуществляется в розыскных целях. Розыск похищенного имущества начинается сразу же по получении сведений о похищенном и производится сотрудниками полиции. Для того чтобы продать похищенное имущество, преступник может выехать в иной населенный пункт. В таком случае сведения о приметах похищенного предмета и приметах преступника передаются в территориальные правоохранительные органы, чья зона оперативного обслуживания охватывает место предполагаемого прибытия преступника.

При расследовании совершенного хищения нужно максимально использовать сведения, хранящиеся в базах данных экспертно-криминалистических учетов подразделений органов внутренних дел. Так, в случае задержания подозреваемого применение оперативно-справочного учета дает возможность установить личность данного человека. Получить эту информацию можно быстро и качественно, используя для дактилоскопирования «Живой Сканер Папилон»[2].

---

[1] См.: *Пельке Д. Б.* Методика расследования хищений в нефтяной и газовой отраслях промышленности: по материалам Западной Сибири: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2010. С. 121–123.

[2] См.: *Данилова С. И., Муженская Н. Е.* Особенности применения криминалистических средств, приемов и методов при раскрытии и расследовании квартирных краж: методические рекомендации. Москва, 2009. С. 14.

Взаимодействие следователя с оперативными сотрудниками и охранными службами организовывается главным образом посредством направления в адрес последних письменных поручений в порядке статьи 38 УПК РФ. Поручение об установлении виновного в преступлении лица нужно составлять, учитывая конкретные версии произошедшего, а также ту соответствующую действительности информацию, которая имеется в материалах уголовного дела на определенном этапе расследования. Поручение может быть направлено с целью оперативной проверки определенных маршрутов, по которым, как предполагается, перемещается похититель, или ранее совершавшие аналогичные преступления лица[1]. Направленное следователем поручение обязательно для исполнения органом дознания, однако в выборе способа его выполнения орган дознания свободен. Направить поручение о необходимости провести конкретные оперативно-розыскные мероприятия в отношении конкретного лица достаточно трудно, поскольку следователи могут не знать должным образом подучетный элемент, не владеть в полной мере информацией о находящихся в распоряжении органов дознания учетов и баз данных. На практике ход и ознакомление с результатами оперативной работы выстраивается исходя из личных контактов сотрудников уголовного розыска и следователя. Разумеется, молодым специалистам, как правило, не составляет труда узнать такие контакты у своих старших коллег, однако лучше ход и результаты оперативной работы обсуждать на совещаниях, с участием оперативных сотрудников, в ходе которых можно проговорить все сложности в раскрытии или расследовании уголовного дела, которые возникли или же которые могут возникнуть, возможность выполнения тех или иных мероприятий и реальные сроки, в которые данные мероприятия можно провести.

Следует помнить о том, что следователь является руководителем расследования, от которого зависит принятие окончательных процессуальных решений. Перед принятием решения о возбуждении уголовного дела следователю необходимо внимательно

---

[1] См.: Оперативно-розыскная деятельность: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова, А. Ю. Шумилова. Москва, 2004. С. 370.

ознакомиться с поступившей к нему оперативной информацией, дать ей надлежащую оценку, выслушать и принять к сведению позицию оперативных сотрудников.

Одной из задач оперативных сотрудников является поиск свидетелей произошедшего. Часты ситуации, при которых на первоначальном этапе расследования свидетелей нет, однако впоследствии выясняется, что свидетелей очень много. В связи с этим нельзя заранее быть уверенным в том, что свидетелей нет, а их поиск бессмысленен. Сохраняется вероятность, что свидетели не будут найдены, однако если не вести поиск свидетелей, даже малая возможность их установления может быть утрачена[1]. Либо же свидетели будут установлены, но их допрос будет существенно затруднен (ввиду их болезни, смены ими места жительства, например, переезда в другой, весьма удаленный от места производства предварительного расследования, субъект Российской Федерации); либо же невозможен (например ввиду их тяжелой болезни или смерти).

Обнаружение мест, где находятся похищенные предметы, также являются задачей органов дознания. Установить такое место проще, если похищенным предметом интересуются граждане определенной категории, представители из определенной среды. Сложность заключается в большом количестве похищенного, связанного с высоким числом преступлений, а также в реализации такого похищенного через неофициальные каналы сбыта, однако вероятность обнаружения местонахождения предмета посредством наблюдения за потенциальными каналами его сбыта существует, поэтому к установлению местонахождения похищенного имущества должны быть приняты соответствующие меры.

Проведению следственных действий, направленных на расследование хищения (особенно в том случае, если украденное имущество установлено), должна предшествовать серия оперативно-розыскных мероприятий. Выстроив работу таким образом, следователь сможет понять, где находятся в настоящий момент времени похищенные предметы, у кого и каким образом

[1] См.: *Протопопов А. Л.* Расследование карманных краж: монография. Санкт-Петербург, 2011. С. 65, 68.

они были получены, с кем ему будет нужно общаться в рамках настоящего уголовного дела. Отталкиваясь от указанных обстоятельств, следователь сможет правильно определить круг подлежащих установлению обстоятельств и тактику проведения следственных действий, которой ему необходимо придерживаться. Лица, промышляющие скупкой краденных вещей, могут быть неплохо знакомы с уголовным процессом и со спецификой оперативной работы, ввиду частого столкновения с указанными сферами, но если допрашиваемый видит осведомленность следователя о его личности (а многое о злоумышленнике следователь может узнать, в том числе от оперуполномоченных сотрудников органов внутренних дел), он может склониться к даче правдивых показаний[1].

На оперативные службы (как правило, в случае направления следователем соответствующего поручения) ложится задача установления имущественного положения подозреваемого или обвиняемого лица. В дальнейшем на это имущество может быть наложен арест, для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий[2].

Наконец, одной из форм взаимодействия субъекта расследования и сотрудников оперативно-розыскных подразделений является допрос указанных сотрудников в качестве свидетелей по указанным уголовным делам. Как правило, свидетелями выступают сотрудники оперативных подразделений, которые выявили хищение и проводили оперативно-розыскные мероприятия по оперативным материалам и по уголовному делу. Допрос сотрудников оперативно-розыскных подразделений возможен после того, как они выполнят все запланированные в рамках данного уголовного дела оперативно-розыскные мероприятия. Это связано с тем, что конкретный сотрудник оперативно-розыскного подразделения после его допроса в качестве свидетеля уже не сможет

---

[1] *Протопопов А. Л.* Расследование карманных краж: монография. Санкт-Петербург, 2011. С. 66.

[2] УПК РФ от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 22.05.2023).

осуществлять оперативное сопровождение данного уголовного дела, в противном случае сведения, полученные им при проведении оперативно-розыскных мероприятий после допроса в качестве свидетеля, нельзя будет использовать. Лучше всего допрашивать таких сотрудников непосредственно перед тем, как об окончании следственных действий будут уведомлены сторона защиты и потерпевшие.

Допрос сотрудников оперативно-розыскных подразделений не так сложен с тактической точки зрения, как, например, допрос иных свидетелей (очевидцев, родственников подозреваемых и т. д.). Это связано с тем, что круг выясняемых у оперативных сотрудников обстоятельств более узок, сотрудники оперативно-розыскных подразделений, как правило, знакомы с положением уголовно-процессуального законодательства и процедурой допроса. Следует отметить, что сотрудники оперативно-розыскных подразделений также заинтересованы в сообщении следователю достоверной информации, поскольку заинтересованы в скорейшем расследовании данного уголовного дела.

Допрос сотрудников оперативно-розыскных подразделений в большинстве случаев ограничен сведениями о порядке проведения конкретного оперативно-розыскного мероприятия. Дополнительно отмечается, нарушали ли участвующие в оперативно-розыскном мероприятии лица права иных лиц, а также положения действующего законодательства, этические нормы и высказывали ли участвующие в оперативно-розыскном мероприятии лица какие-либо жалобы, делали ли какие-либо заявления. В случае положительного ответа на последний вопрос уточняется, каково было содержание данных жалоб и заявлений, а также как на данные жалобы и заявления отреагировали лица, проводящие оперативно-розыскные мероприятия. Следует принять во внимание, что сотрудниками оперативно-розыскных подразделений могут быть сообщены не все сведения, что связано с повышенной секретностью источников их осведомленности о том, что некоторое лицо совершает преступные действия. Ввиду этого, допрос свидетелей такой категории необходимо направлять на установление гласных сведений, уточняя обстоятельства проведения лишь конкретного гласного оперативно-розыскного мероприятия (например проверочная закупка).

УДК 342.8

Сошников В. В.,
аспирант кафедры конституционного и административного права Тольяттинского государственного университета, консультант (помощник) секретариата фракции в Самарской Губернской думе

Оптимизация избирательного процесса

Вопрос оптимизации избирательного процесса очень активно обсуждается в современном конституционном праве, а его актуальности способствует то, что российское избирательное законодательство претерпевает систематические изменения. В действующую сегодня редакцию Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»[1] изменения и дополнения вносились более 100 раз.

Несмотря на постоянные изменения избирательного законодательства, реформа российского избирательного права представляется неизбежной, поскольку доверие граждан к результатам выборов с каждым годом становится все меньше, данный факт в значительной степени подтверждается явкой избирателей в дни голосования.

Вопрос о принятии парламентом страны одного кодифицированного нормативного правового акта, регламентирующего общественные отношения, возникающие в сфере избирательного и референдумного процессов в России, поднимается общественностью уже достаточно давно, разработкой этого документа занимались разные субъекты российского общества. На протяжении нескольких лет в Государственную Думу Федерального Со-

[1] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24, ст. 2253.

© Сошников В. В., 2023

брания Российской Федерации вносились несколько проектов Избирательного кодекса, ни один из которых по разным причинам до настоящего времени так и не был принят.

Стоит отметить, что и сегодня на рассмотрении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации находится проект Избирательного кодекса Российской Федерации, внесенный группой депутатов, из пояснительной записки которого следует, что: «основная цель предлагаемого проекта — демократизация российского избирательного законодательства, обеспечение избирательных прав граждан при сохранении основных принципов федерализма. Проект направлен на систематизацию действующего законодательства о выборах и референдуме, устранение в нем противоречий, пробелов и дублирования норм. Он призван сделать процесс правоприменения в данной области более понятным и удобным»[1].

Однако ряд положений законопроекта полностью или частично воспроизводит положения проектов федеральных законов, которые ранее уже рассматривались Государственной Думой и были отклонены.

Анализируя существующее в настоящее время законодательство о выборах, важно отметить, что необходимость кодификации правового регулирования общественных отношений, возникающих в сфере избирательного и референдумного процессов, обосновывается следующим:

— наличием действующих нескольких федеральных законов в сфере выборов при необходимости их одновременного применения ведет к правовым коллизиям (причем противоречия имеют место не только между законами, но и внутри одного закона), неоднозначному толкованию правовых норм, избирательным спорам;

— дублированием правовых норм действующих федеральных законов в сфере выборов и ведет к тому, что при правоприменении аналогичные (идентичные) нормы толкуются различным образом;

[1] Проект Избирательного кодекса Российской Федерации: законопроект № 301714-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/301714-8 (дата обращения: 24.05.2023).

— необходимостью системного пересмотра законодательства о выборах с учетом современных тенденций его развития;

— необходимостью повышения информированности всех субъектов избирательного процесса, обеспечения эффективной защиты избирательных прав, свобод и законных интересов его участников[1].

Действующий же в настоящее время закон о выборах, с одной стороны, характеризуется интеграцией и систематизацией наиболее важных норм избирательного процесса, а во-вторых, тем, что он декларирует свое верховенство над другими избирательными законами России.

Однако, с другой стороны, важнейшие нормы избирательного процесса в настоящее время регулируются также указами Президента России, постановлениями Правительства России и единогласными решениями Верховного Суда Российской Федерации.

Аргумент В. А. Полева о том, что избирательное право отстает от других отраслей российского права по критерию кодификации, также представляется важным в том смысле, что «у нас практически все сферы кодифицированы, кроме выборов». Действительно, кодификация отражает объективный процесс организации российской правовой системы[2].

Сейчас катастрофически необходимо кодифицировать и рационализировать все нормы избирательного процесса. Принятие Избирательного кодекса не только устранит многие пробелы и противоречия в этой области права, но и закроет лазейки в законодательстве.

Место кодекса в системе законодательства обеспечивается его безусловным приоритетом над иными федеральными и региональными законами, а также нормативными правовыми актами органов местного самоуправления. Установление приоритета кодифицированного нормативного правового акта уровня

---

[1] См.: *Старостина И. А.* Конституционная направленность обновления власти на основе выборов в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 11. С. 53.

[2] См.: *Гришин Н. В., Мармилова Е. П.* Избирательный кодекс как проект оптимизации избирательной системы России // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 4. С. 54.

федерального закона по отношению к другим актам как права федерального законодателя обосновано правовыми позициями КС РФ[1].

Избирательный кодекс должен не только систематизировать существующие институты, понятия и отдельные процедуры избирательного права, но и прописать новые институты и нормы с учетом анализа федерального, регионального и муниципального электорального опыта.

Экспертное сообщество конституционалистов, рассматривая в качестве базовых такие принципы в сфере выборов, как всеобщность избирательных прав граждан; непосредственное и адекватное выражение воли народа в ходе выборов; равенство прав участников избирательных правоотношений с недопустимостью предоставления односторонних преимуществ, формулирует связанные с ними проблемы и предлагает пути их разрешения[2].

В частности, в целях исключения коллизий и неоднозначного толкования положений законодательства законодательно необходимо: определить обязанности членов избирательных комиссий; детально указать права, обязанности кандидатов, их доверенных лиц, а также уполномоченных представителей избирательных объединений и самих кандидатов; ужесточить или целиком упразднить институт повторных протоколов об итогах голосования; расширить инструменты контроля за проведением выборов (вернуть институт членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса); систематизировать и ужесточить наказание за все возможные фальсификации результатов выборов и нарушения требований законодательства о выборах и другие аспекты избирательного процесса.

К сожалению, здесь и сейчас невозможно с точностью и наверняка определить исчерпывающий перечень норм, подлежащих к обязательному включению в Избирательный кодекс Рос-

---

[1] См.: *Шустов Д. Г.* Живое конституционное право России в решениях Конституционного Суда РФ: Конституция РФ и другие источники российского права. Москва, 2017. С. 283–292.

[2] Всеобщее избирательное право: за и против: материалы научного методологического семинара по проблемам теории и практики избирательного процесса. Вып. 1 / отв. ред. В. А. Черепанов. Ставрополь, 2019.

сии, поскольку данные нормы должны быть разработаны не только законодателем, но и экспертным сообществом, общественностью, субъектами избирательного процесса.

Подводя итог, можно сказать, что принятие Избирательного кодекса Российской Федерации сыграет прогрессивную роль в развитии избирательного процесса и избирательного права и будет способствовать совершенствованию избирательной системы и избирательного процесса в России.

Научное издание

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ:
ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА

Сборник статей по материалам
международной научно-практической конференции
(Нижний Новгород, 26–27 мая 2023 года)

Редактор *Т. Ю. Булганина*
Компьютерная верстка *Г. А. Федуловой*
Дизайн обложки *К. А. Быкова*

Подписано в печать 24.11.2023. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 35,32.
Тираж 70 экз. Заказ 393

Редакционно-издательский отдел
Нижегородской академии МВД России

Отделение полиграфической и оперативной печати
Нижегородской академии МВД России

603144, Н. Новгород, Анкудиновское шоссе, 3

ISBN 978-5-88840-194-1

